

Всеру
Емюарм

Хрустабхыи
рром

Всеру
Емюарм

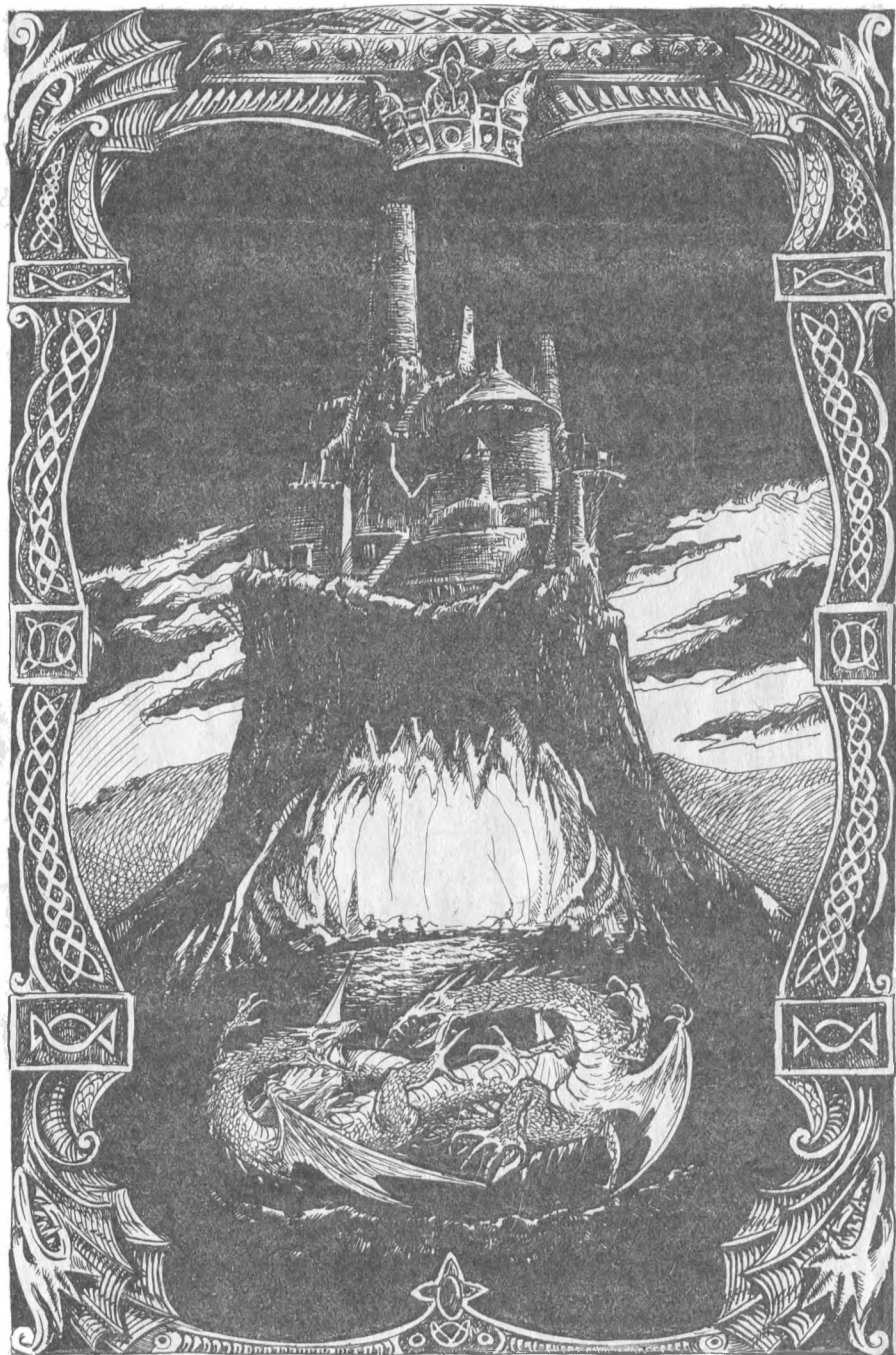
Хрустабхыи
рром

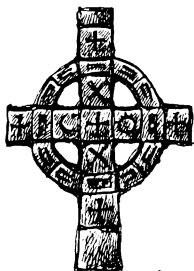

ХРУСТАЛЬНИЙ ГРОТ

МЭРИ СТЮАРТ

Хрустальный спот

ГОРДОН ДИКСОН

ДИКИЙ ВОЛК

Москва
«Змей Горыныч»
1993

ББК 84.7 США
С 58

Все права на перевод и оформление принадлежат фирме
«Змей Горыныч». Перепечатка допускается только с письменного
разрешения фирмы «Змей Горыныч».

МЭРИ СТЮАРТ
ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОТ
ГОРДОН ДИКСОН
ДИКИЙ ВОЛК

Это первая книга знаменитой трилогии о короле Артуре и маге Мерлине. Вторая («Полые холмы») и третья («Последнее колдовство») многократно издавались в СССР и затем в СНГ государственными и прочими издательствами. Разумеется, без упоминания, что это лишь продолжение.

Восполняем их промахи. Разумеется, только в интересах читателей, так как произведения Мэри Стюарт лежат вне интересов фирмы «Змей Горыныч».

М.: «Змей Горыныч», 1993.—415 с.

ISBN 5-85912-031-1

А—4703040100—031 Без объявл.
М796(03)—93

ББК 84.7 США

ISBN 5-85912-031-1

«Змей Горыныч», 1993

Перевод с английского *Анатолия Гаражи*

Редактор *Анатолий Яковлев*

*О, Мерлин, грезящий в хрустальном гроте
среди алмазного сиянья дня.
Найдется ли еще певец, чье пение сравняет
Адамова перста деяния?
Найдется ли бегун, кто, тень свою опережая,
ворвется во врата истории, злосчастный плод
на место возвращая?
Увидим ли еще, как волшебство твое
откроет взору нашему невесту в будуаре,
иль день, увенчанный снегами,
иль время узникам своим.*

Эдвин Мур «Мерлин»

Пролог. Принц Мрака.

Сейчас я старик. Молодость была уже давно позади, когда Артур стал королем. Прошедшие с тех пор годы тускнеют и гаснут в памяти по сравнению с воспоминаниями юности. Моя жизнь напоминает мне дерево, которое отцвело и отшумело и теперь стоит желтое в ожидании смерти.

В воспоминаниях всех людей преклонного возраста недавнее прошлое словно покрыто дымкой, а впечатления детства и юности отличаются четкостью и красочностью. Передо мной проходят сцены из моего далекого детства, яркие и живые, как яблоня у белой стены или колышущиеся в солнечном свете знамена на фоне грозового неба.

Цвета представляются ярче, чем на самом деле было, я в этом уверен. Посещающие меня здесь в темноте воспоминания проходят перед глазами ребенка. Они далеки и лишены боли, будто я наблюдаю со стороны, что происходит, но не со мной, не с этим мешком костей, в котором теплится память, а с другим Мерлином, молодым, свободным как весенний ветер, как птица, в чью честь она меня назвала.

Что касается недавнего прошлого, то здесь дело обстоит иначе. Оно предстает передо мной в игре пламени и теней. Наверное, потому, что я вспоминаю его, глядя на огонь. Это то немногое, чего не назвать волшебством и на что я остался способен, превратившись в старика и простого смертного. Я по-прежнему могу видеть. Не так ясно, как прежде, и без трубных раскатов, но как ребенок, мечтающий, глядя на пламя. Я могу заставить огонь разгореться и угаснуть — нет проще волшебства. Ему просто научиться, и забывается оно в последнюю очередь. То, что не вспоминается мне в

мечтаниях, я вижу в огне, в красной сердцевине костра или в бесчисленных зеркальных отражениях хрустального грота.

Самое первое воспоминание мгновенно и покрыто мраком. Оно не принадлежит мне, но позже вы поймете, откуда мне известно о нем. Это не столько воспоминания, сколько сон из прошлого, нечто, передавшееся с кровью. Воспоминание, принадлежавшее Ему, пока я был с Ним. Я верю в возможность подобного. Поэтому будет правильнее, если я начну с Него, с того, кто предшествовал мне и последует за мной, когда я уйду.

Вот что произошло той ночью. Я видел все, и мой рассказ правдив.

Было холодно и темно. Он разжег небольшой костер, но от него шло больше дыма, чем тепла. Весь день лил дождь. С веток, нависавших над входом в пещеру, продолжала капать вода. Колодец переполнился, и тонкий ручеек стекал через край, впитываясь в землю. Несколько раз он в беспокойстве выходил из пещеры, и сейчас он снова подошел к роще, где стоял на привязи его конь.

С наступлением сумерек дождь прекратился и начал медленно подниматься туман, скрывая все на высоте полметра от земли. Как привидение стояли деревья, беззвучно пасущийся серый конь походил на плывущего лебедя, на самый настоящий призрак. Его уздечку, чтобы не звенела, он обернул разорванной перевязью. На уздечке блестела позолота, а перевязь оказалась из шелка. Он был королевским сыном. Поймай они его, его ждала бы смерть. Ему только исполнилось восемнадцать лет.

В долине глухо застучали копыта. Он повернул голову, дыхание участилось. На свету блеснул его меч. Конь прекратил есть и поднял голову из тумана, пригнувшись, но не издал ни звука. Юноша улыбнулся. Топот приблизился, и из темноты показался гнедой пони, скрытый по грудь в тумане. Седок был небольшого роста, хрупкий, закутавшийся от ночного холода в темную накидку. Пони остановился, забросив голову, и раздалось пронзительное ржанье. Наездница недовольно прикрикнула на него, соскользнула на землю и притянула его морду за уздечку к накидке, заставляя пони замолчать. Она была совсем юной и тревожно огляделась кругом, ища взглядом юношу, стоявшего за деревьями с мечом в руке.

— От тебя шума как от конного отряда, — сказал он.

— Я совсем не узнала место. В тумане все меняется.

— Тебя никто не видел? Добралась без приключений?

— Почти. Последние два дня без них не обойтись. Их можно встретить на любой дороге, днем или ночью.

— Можно догадаться, — он улыбнулся. — Ну, ладно, главное, ты на месте, давай поводья. — Он отвел пони к деревьям и привязал его. Затем поцеловал ее.

Немного спустя она оттолкнула его.

— Мне не следует оставаться. Я все привезла, и если не смогу приехать завтра... — Ее взгляд остановился на оседланной лошади, обмотанных перевязью удилах, упакованной седельной сумке. Она замолчала, прижав руки к груди. Сверху легли его руки. — Я так и знала. Мне даже сегодня сон приснился. Ты уезжаешь.

— Я должен уехать сегодня ночью.

Минуту она не говорила ни слова.

— Сколько? — всего лишь спросила затем.

Он не стал разыгрывать непонимающего.

— В нашем распоряжении час-два, не больше.

— Ты еще вернешься, — твердо сказала она и перебила, когда он начал говорить. — Нет, не сейчас, потом. Все сказано. У нас мало времени. Я лишь имела в виду, что с тобой все будет в порядке и ты благополучно вернешься сюда. Можешь поверить мне, я разбираюсь в таких вещах. Я обладаю Провидением. Ты вернешься.

— Я это знаю, не обладая им. Я должен вернуться. Послушай меня.

— Нет, — она снова, почти сердито, оборвала его. — Это не имеет значения. Какое это имеет значение? У нас остался час, и мы тратим его зря. Давай войдем.

Обняв ее одной рукой и на ходу расстегивая ей застёжку с самоцветом, державшую накидку, он повел ее к пещере.

— Да, пойдём.

Книга I.

Голубь

1

Мне было всего шесть лет, когда к нам приехал дядя Камлак. Он запомнился мне с первого взгляда: такой же горячий и вспыльчивый, как мой дедушка. У него были голубые глаза и рыжеватые волосы, которыми я так восхищался у своей матери. Стоял сентябрьский вечер. Камлак прибыл в Маридунум на закате с небольшим отрядом. Как еще маленького, меня держали в длинной, построенной в старом стиле комнате вместе с женщинами, где они занимались ткачеством. Моя мама работала за ткацким станком. Я до сих пор помню материю, она была пурпурного цвета, с зеленой вышивкой по кромке. Я сидел рядом на полу, играя в бабки за двонх. Через окно проникали косые солнечные лучи, образуя на потрескавшейся мозаике пола продолговатые лужицы света, отливавшие чистым золотом. За окном в траве жужжали пчелы, стук и шум станка действовали усыпляюще. Склонившись над верстенами, голова

к голове, женщины негромко переговаривались между собой. Пригревшись в одной из таких солнечных лужиц, моя няня Моравик заснула прямо на табурете.

Из внутреннего двора замка слышались лязганье и звон, перекрывшие стук станка и женскую болтовню. Фыркнув, Моравик проснулась и огляделась. Уронив челнок, мать села прямо и прислушалась, подняв голову. Я заметил, как они с Моравик встретились взглядом.

Я хотел подбежать к окну, но Моравик резко окликнула меня. Что-то в ее голосе заставило меня остановиться и послушно вернуться на место. Она засуетилась, поправляя на мне одежду, одергивая тунику и приглаживая мои волосы. Стало ясно, что к нам пожаловал важный гость. Я понял, что мне предстоит предстать перед ним, и почувствовал волнение, немного смешанное с удивлением. В ту пору меня держали обычно подальше от посторонних глаз. Я терпеливо ждал, пока Моравик расческой восстановит на моей голове порядок. За моей спиной они с матерью обменялись быстрыми беззвучными фразами, которые, как я ни старался, мне не суждено было понять. Я переключился на звуки, доносившиеся со двора, — лошадиный топот, окрики. Говорили не на уэльсском или латинском, а на кельтском, с малобританским акцентом, хорошо мне понятным: няня Моравик была бретанкой, и я говорил на ее наречии как на своем родном.

Я услышал громкий смех деда и чей-то в ответ. Затем дед, должно быть, провел гостей в помещение, голоса затихли, во дворе раздавалось лишь бряцанье и топот лошадей, разводимых по стойлам.

Я вырвался из рук Моравик и кинулся к матери.

— Кто это?

— Мой брат Камлак, королевский сын. — Не глядя на меня, она указала на упавший челнок. Я поднял его и подал ей. Мама медленно и рассеянно принялась за работу.

— Выходит, война кончилась?

— Война давно кончилась. Твой дядя с его величеством вернулись с юга.

— Они вернулись, потому что умер мой дядя Дайвид? — Дайвид был старшим сыном короля и являлся наследником. Он неожиданно скончался в сильных мучениях от желудочных колик. Его бездетная вдова Илен уехала к своему отцу. Естественно, распространились обычные в подобных случаях слухи об отравлении, но никто не воспринимал их всерьез. Дайвида любили, он был храбрым бойцом и осторожным человеком, умел вовремя проявить великодушие.

— Говорят, ему надо жениться? Да, мама? — Я был взволнован, ощущая собственную важность от причастности к таким сведениям и представляя свадебные торжества. — Теперь, после смерти дяди Дайвида, он женится на Кирдуэн?

— Что?! — Челнок остановился, и мать, пораженная, повернулась ко мне. Однако смягчилась при виде выражения на моем лице и, судя по голосу, больше не сердилась, хотя и продолжала хмуриться. Сзади кудахтала и суежилась Моравик. — Откуда это пришло тебе в голову? Забудь о таких вещах и не открывай больше рта.

Челнок снова медленно пришел в движение.

— Послушай, Мерлин, будь хорошим мальчиком. Когда они придут посмотреть на тебя, води себя тише воды. Понял?

— Да, мама. — Я понимал все очень хорошо. Обычно меня прятали от короля. — Они придут посмотреть на меня? Но зачем?

— Спрашиваешь зачем? — с некоторой горечью, отчего сразу постарела и стала похожа на Моравик, спросила мама.

Станок с новой силой яростно застучал. Мать заправляла зеленую нить, и я увидел, что она допустила ошибку. Но рисунок выглядел красиво, и я промолчал, наблюдая вблизи за ее работой. Наконец занавес на входе откинулся, и в комнату вошли двое.

Они будто заполнили собой всю комнату — рыжий и седой. От солнечных лужиц их отделял какой-то фут. Мой дед был одет в голубую, цвета барвинка одежду, окаймленную золотым шитьем. Камлак был в черном. Потом я узнал, что он всегда носил черное. На плече и руках сверкали драгоценные камни. Рядом со своим отцом он выглядел проворным и молодым, его движения были упруги и резки, как у лисы.

Мать встала. На ней было домашнее темно-коричневое одеяние. Шелк переливался на фоне ее волос. Но вошедшие даже не взглянули на нее. Будто в комнате никого, кроме меня, малыша, стоявшего у ткацкого станка, не было.

Дед показал головой на дверь: «Выйдите». Шурша одеж- дами, женщины молча поспешили на выход. Моравик приготовилась заупрямиться и надулась как куропатка. Жестокий взгляд голубых глаз хлестнул ее, и, не осмелившись на большее, она, фыркнув, вышла. Взгляд остановился на мне.

— Незаконнорожденный сын твоей сестры, — сказал король. — Изволь. В этом месяце исполняется шесть лет. Рос как сорная трава. Другого такого чертова отродья не сыскать. Только погляди. Черные волосы, черные глаза и боится холодного оружия, будто его подменили в Пустых горах. Скажи мне, что его зачал сам черт, и окажешься прав.

Вопрос дяди, обращенный к матери, состоял лишь из одного слова:

— Чей?

— Думаешь, мы не спрашивали ее, дурень? — ответил дед. — Ее пороли, пока женщины не сказали, что может случиться выкидыш, но не добились ни слова. Наверное, уж лучше бы так и случилось. Женщины несли какую-то чушь

о нечистой силе, являющейся к девушкам по ночам. Они слышали это еще от прабабушек. Глядя на него, думаешь, что они оказались правы.

Камлак, золотоволосый и ростом за метр восемьдесят, поглядел на меня сверху вниз. У него были такие же, как и у моей матери, голубые глаза, даже еще ярче. На его мягких замшевых сапогах желтела засохшая грязь. От него пахло потом и лошадьми. Он пришел посмотреть на меня как был — прямо с дороги. Я хорошо помню его взгляд. Мать стояла молча, а дед метал молнии из-под насупленных бровей. Всякий раз, когда он сердился, он дышал резко и прерывисто.

— Поди сюда, — сказал дядя.

Я сделал шагов шесть вперед. Не осмелев подойти ближе, остановился. В трех шагах он казался еще выше.

— Как тебя зовут?

— Мирдин Эмрис.

— Эмрис? Дитя света, принадлежащее богам? Не слишком подходящее имя для чертова отродья.

Снисходительность его тона придала мне храбрости.

— Меня называют еще Мерлинус, — отважился я. — Римское название сокола, Коруолча.

— Сокол! — рявкнул дед, презрительно хмыкнув. Его кольчуга зазвенела.

— Пока маленький, — защищаясь, сказал я и умолк под задумчивым взглядом дяди.

Он погладил свой подбородок и вопросительно посмотрел на мать.

— Необычный набор имен для христианского семейства. Выходит, черт был римлянином?

Мать вздернула голову.

— Может быть. Откуда я знаю? Было темно.

Мне показалось, что у дяди на лице отразилось мимолетное удивление. Король со злости махнул рукой.

— Видишь, что приходится выслушивать. Сказки и ложь о колдовстве. Какое хамство! Принимайся за работу, девчонка, и избавь меня от вида твоего побочного сынка. Теперь твой брат вернулся домой, и мы найдем человека, который заберет вас обоих, чтобы не путались здесь под ногами! Камлак, я надеюсь, ты понимаешь, что пора жениться и заводить сыновей. Иначе это все, чем я располагаю.

— О, я — за! — с легкостью согласился дядя. Обо мне забыли. Им надо было идти, и я больше не волновал их. Я разжал руки и отступил полшага назад, потом еще.

— Но ведь вы завели себе новую королеву, и мне говорили, что она уже беременна?

— Не имеет значения. Ты должен жениться, и быстро. Я уже старик, а мы живем в беспокойное время. Что же до этого парня, — я застыл, — забудь о нем. Кто бы ни

приходился ему отцом, если он не проявил себя за шесть лет, ему не суждено сделать этого сейчас. Пускай даже его отцом окажется сам Его величество Вортигерн. Из него ничего не выйдет. Замкнутое отродье, скрывающееся по углам. Не играет даже с ровесниками. Боится, наверное. Шарахается от собственной тени.

Дед отвернулся. Камлак и мать обменялись взглядами, глазами сообщая что-то друг другу. Затем дядя снова посмотрел на меня и улыбнулся.

Я до сих пор помню, что комната будто озарилась, хотя солнце уже село и унесло с собою свое тепло. Скоро должны разносить свечи.

— Ладно, — сказал Камлак, — в конце концов он всего лишь соколенок. Не требуйте от него многого, сэр. В свое время вы наводили страх на более достойных людей.

— Тебя? Ха!

— Смею заверить вас.

Король бросил на меня быстрый взгляд из-под своих густых бровей. Нетерпеливо вздохнув, он расправил на руке мантию.

— Ладно, пускай себе. О, боже милостивый, как я голоден. Время ужина давно прошло, но ты, наверное, останешься верен своей чертовой римской моде — захочешь сначала помыться. Предупреждаю: после твоего отъезда мы ни разу не топили печей.

Дед развернулся, взмахнул мантией и вышел, не переставая говорить. Я услышал, как мать с облегчением вздохнула. Она села. Дядя протянул ко мне руку.

— Иди сюда, Мерлин, поговорим, пока я моюсь в вашей холодной уэльсской воде. Мы, принцы, должны знать друг друга.

Я стоял как вкопанный, памятуя о находившейся рядом и молчавшей матери и о том, как тихо она села.

— Иди, — мягко позвал меня дядя и снова улыбнулся.

Я бросился к нему.

Этой ночью я лазил по ходам отопления. Они стали моими личными покоями, потайным убежищем, где я прятался от старших мальчишек и играл в свои одинокие игры. Дед был прав, сказав, что я «скрывался по углам». Но делал я это не из страха, хотя сыновья придворных следовали его примеру, что свойственно детям, и превращали меня в мишень для нападок и насмешек всякий раз, когда я попадал им в руки.

Поначалу ходы неиспользуемой отопительной системы и в самом деле служили для меня убежищем, секретным местом, где я мог скрыться и найти уединение. Но вскоре мне начало доставлять необычайное удовольствие изучать гранди-

озную систему Мрака, пропахшие землей пространства под дворцовыми полами.

В былые времена дворец деда являлся большим сельским помещением, принадлежавшим какому-то римскому аристократу, который владел землями, растянувшимися вдоль реки на несколько миль. Сохранилась основная часть замка, сильно потрепанная временем и войной. Один разрушительный пожар уничтожил часть главного здания. Старые жилища рабов, расположенные вокруг внутреннего двора, остались нетронутыми. Там жили повара и прислуга. Стояли и бани, перелатанные и оштукатуренные. Крышу в провалившихся местах наскоро заделали соломой. Я не помню, чтобы топили печи. Воду грели во дворе над костром.

Вход в мой секретный лабиринт лежал через топку в котельной. Он представлял собой отверстие в стене под потрескавшимся и заржавевшим паровым котлом на уровне колена взрослого человека. Вход скрывали заросли щавеля и крапивы, а прикрыт он был загнутым куском металла, отвалившимся от котла.

Внутри можно было пробраться под банные помещения, давно не использовавшиеся. Заваленный ход вызывал отвращение даже у меня. Я направлялся в другую сторону, под главное здание дворца. Систему отопления с горячим воздухом строили и содержали здесь на совесть. Полуметровое пространство под полом даже сейчас оставалось сухим и проветренным. Штукатурка по-прежнему лежала на кирпичных колоннах, державших полы. Конечно, некоторые колонны местами развалились, но отверстия, которые вели от комнаты к комнате, по-прежнему имели крепкие и безопасные своды. Я, неслышный и невидимый, мог свободно ползти до королевских покоев.

Если бы меня обнаружили, то, думаю, мне досталось бы наказание похлеще порки. Довольно невинным образом я становился свидетелем десятков секретных разговоров и совершенно частных сцен. Но я даже не подозревал об этом. Естественно, что в те времена никто не задумывался о том, что их могут подслушать. Дымоходы чистили дети-рабы, так как никому из взрослых не удавалось пробраться через них. Были места, где даже мне, чтобы пролезть, приходилось буквально извиваться. Лишь один раз мне угрожало разоблачение. Однажды днем, когда Моравик думала, что я играю с ребятами, а они, в свою очередь, решили, что я прячусь у нее в юбках, рыжий Диниас, мой главный мучитель, отвесил какому-то малышу такого пинка, что тот упал с крыши, где они играли, и сломал ногу, всполошив всех своим ревом. Моравик, прибежавшая на крики, обнаружила мое отсутствие и не замедлила поднять на ноги весь дворец. Я услышал шум и поспешил наружу, возникнув из-под котла весь в грязи и запыхавшись. Как раз в это время Моравик

возглавила поиски в том крыле, где находилась баня. Мне удалось отговориться и отделаться надранными ушами и нахлобучкой. Но урок был извлечен. Больше я никогда не спускался в ход днем. Только по ночам, перед тем как Моравик ложилась спать или же когда она уже храпела. Большинство людей во дворце обычно уже спали. Иногда я поползал прямо под спальню матери, слушая ее разговоры с женщинами. Однажды ночью я услышал, как она, оставшись в одиночестве, громко молилась вслух. Произнеся мое имя, «Эмрис», она заплакала. Я пополз дальше, к покоям королевы. Почти каждый вечер Олуэн, молодая королева, в окружении своих леди пела под аккомпанемент лиры. Потом в коридоре раздавалась тяжелая поступь короля и музыка смолкала.

Но я путешествовал совсем не ради того, чтобы слушать. Что для меня имело значение на самом деле — сегодня я хорошо понимаю это — остаться одному в неведомой темноте, где человек сам себе хозяин, не считая смерти.

Обычно мой путь лежал в «пещеру», как я называл свое убежище. Это была часть основного дымохода, верхушка которого обвалилась и через него виднелось небо. Место это околдовало меня с того дня, как однажды в полдень я выглянул вверх и увидел слабо мерцавшую звезду. По ночам я устраивался там на постели из наворованной соломы и наблюдал за звездами, медленно прокладывая своим путь по небосводу. Заклучая с небом спор, я каждый раз загадывал, появится ли в отверстии над дымоходом луна. Увижу луну — на следующий день исполнится мое желание.

Сегодня ночью луна пришла. Полная и сияющая, она светила мне прямо в лицо, и казалось, что я пью ее свет, как воду. Я не двигался, пока луна не исчезла вместе со звездой, следовавшей за ней по пятам.

На обратном пути я проползал под комнатой, которая прежде пустовала, но теперь там слышались голоса. Это была комната Камлака, который разговаривал с другим человеком, чьего имени я не знал. По акценту он напоминал одного из приехавших сегодня. Они прибыли из Корнуола. У него был сочный, грохочущий голос, и разбирал я лишь отдельные слова. Я старался проползти быстро и извивался между столбами как червяк, думая лишь о том, чтобы меня не услышали.

Я уже добрался до конца стены и на ощупь приближался к перекрытию под следующей комнатой, когда плечом задел обломок трубы, и на пол с шуршанием посыпалась глина.

Корниец резко прервал разговор.

— Что это?

Совсем рядом, будто над ухом, раздался голос дяди:

— Ничего. Крыса под полом. Дворец разваливается на глазах.

Послышался скрип отодвигаемого стула и удаляющиеся шаги. Голос стал глуше. Мне показалось, что раздался звон посуды и бульканье. Я как уж медленно скользил вдоль стены к проходу. Шаги вернулись.

— И даже если она откажет ему, это практически не имеет значения. В любом случае она не останется здесь. В конце концов отец уступит епископу и перестанет удерживать ее. Уверяю, она только и думает о суде всевышнего, поэтому мне нечего бояться, даже если он явится сюда собственной персоной.

— Ты пока веришь ей!

— О да, я верю ей. Я узнавал в разных местах, и все говорят одно и то же, — он рассмеялся. — Кто знает, может, нам еще придется благодарить небо за то, что будет кому заступиться за нас на том свете, пока игра не дошла до развязки. Мне говорили, что она достаточно набожна, чтобы спасти наши души, если только она будет постоянно молиться за нас.

— Она может еще пригодиться тебе, — сказал корниец.

— Может.

— А мальчишка?

— Мальчишка? — переспросил дядя, остановившись. Снова раздались мягкие шаги. Я напряг слух. Почему мне хотелось услышать ответ, я не отдавал себе отчета. Я привык, что меня называют убудком, трусом или дьявольским отродьем. Но сегодня ночью я видел полную луну.

Слова прозвучали отчетливо, беззаботно и даже снисходительно.

— Ах да, мальчишка. Смышленный ребенок. Достоин большего. Честно говоря, приятный малыш. Он будет со мной. Запомни, Алан, мне нравится мальчишка.

Он позвал слугу наполнить кувшин водой. Используя момент, я уполз.

Вот так все начиналось. Днями напролет я бродил за ним как привязанный, и он терпел, даже поощрял меня. Мне никогда не приходило в голову, что в двадцать один год человеку не всегда удобно иметь рядом шестилетнего несмышленика, неотвязно следовавшего по пятам. Моравик бранилась всякий раз, отлавливая меня, но мама, судя по всему, была довольна и приказывала отпускать меня.

Стояло жаркое лето. В этом году установился мир. Поэтому по возвращении домой первые несколько дней Камлак провел

в безделье, отдыхая или выезжая с отцом в поля, на природу. С яблонь начинали уже падать спелые плоды.

Южный Уэльс — чудесная страна с зеленеющими горами и глубокими долинами. На ровных заливных лугах, желтых от цветов, пасется откормленный скот. Скрывающиеся в синеве нагорья дубовые рощи полны оленей. По весне там кричит кукушка, а зимой бродят волки. Там же я видел зимой грозу со снегом.

Маридунум лежит в устье реки, впадающей в море. На военных картах река именуется Тобиус, но уэльсцы называют ее Тайви. Долина в этом месте расширяется, и река течет по топям и заливным лугам, окруженным невысокими холмами. Город расположен на возвышенном северном берегу. Земля здесь сухая и имеет сток. С внутренними областями Маридунум соединяет военная дорога на Карлеон, а с юга через реку перекинут мост в три пролета, от которого на холм к королевскому дворцу и на площадь ведет мощеная дорога. Помимо дома моего деда и убогих крепостных построек, возведенных еще римлянами, где сейчас размещались королевские воины, самым красивым зданием в Маридунуме был христианский монастырь, стоявший на берегу рядом с дворцом. Там жили несколько монашек, именовавших свой монастырь общиной Святого Петра. Большинство же горожан называли место Тир-Мирдин, по имени божества, чье святилище с незапамятных времен находилось под дубом, что недалеко от ворот общины. Еще будучи ребенком, я помню, как весь город называли Кар-Мирддин.* Неправда, что город называли в мою честь, как это утверждают сейчас. Дело в том, что и город, и холм за городом, на котором находится святой источник, называли в честь бога, почитаемого в королевском окружении. После событий, о которых я вам попозже расскажу, название города принародно изменили в мою честь. Но первенство принадлежит богу, и если холм и стал моим, то только потому, что он поделил его со мной.

Дворец деда стоял прямо у реки, утопая во фруктовых садах. Если взобраться по наклонившейся яблоне на стену, то можно усесться высоко над бечевником и наблюдать за движением на мосту, людьми, прибывающими с юга, и кораблями, пристающими во время прилива.

Мне не разрешали лазить за яблоками на деревья, поэтому я довольствовался паданцами. Но Моравик никогда не мешала мне забираться на стену. Выставив меня в качестве дозорного, она первая во всем дворце узнавала о пожаловавших к нам гостях. В конце сада ступеньками поднималась небольшая терраса, закрытая от ветра с одной стороны кривой кирпичной

*«дд» произносится как межузбное д. На месте Кар-Мирддина находится современный Кармартен.

стеной. Моравик сидела там часами, подремывая над веретеном, пока в ее уголок не проникало солнце и не начинало припекать. Тогда ящерицы осторожно выползали из своих щелей и устраивались на камнях. Или я будил Моравик своими донесениями.

В одно такое жаркое утро, дней через восемь после приезда Камлака, я находился, как обычно, на своем посту. Ни на мосту, ни на дороге, ведущей из долины, не наблюдалось никакого движения. На пристани грузили зерном баржу. Картину дополняли празднующиеся и человек в накидке с капюшоном, неторопливо собиравший под стенкой паданцы.

Я оглянулся на Моравик. Она спала, уронив веретено на колени. С мотком пушистой шерсти она была похожа на белый одуванчик. Я выбросил побитый и уже надкушенный паданец и склонил голову, изучая ветки на верхушке дерева, с которых свисали крупные желтые плоды. Я наметил себе один, находившийся в пределах досягаемости. Круглое яблоко аппетитно переливалось в лучах солнца. Я облизал губы и, поставив ногу на дерево, полез наверх.

До заветной цели оставались две ветки, когда меня остановили доносившиеся с моста крики, топот и звон металла. Болтаясь как обезьяна, я нащупал ногами опору и раздвинул рукой листву. В направлении города двигался отряд. Впереди, далеко оторвавшись от остальных, скакал всадник с непокрытой головой. Под ним была крупная гнедая лошадь.

Не Камлак, не дед и не человек из их окружения. Одежды людей были незнакомаго мне цвета. Когда они достигли берега, я убедился, что возглавлявший кавалькаду человек был мне незнаком. Черноволосый и чернобородый, одет в иностранное платье. На груди и на руках золото. Отряд насчитывал человек пятьдесят.

Король Ланасколя, Горлан. До сих пор не знаю, откуда ко мне пришло это имя. Может быть, я слышал его в лабиринте? Может, имя неосторожно обронили в моем присутствии? Видел во сне? Солнце отражалось от наконечников копий и щитов и било мне в глаза. Горлан из Ланасколя. Король. Приехал жениться на моей матери и забрать меня к себе, за море. Она станет королевой, а я....

Всадник начал подниматься в гору. Скользя и срываясь, я поспешил спуститься.

«А если она откажет ему», — вспомнил я слова корнийца. Ему ответил голос дяди: «Даже если она откажет, это не имеет почти никакого значения.... Мне нечего опасаться, даже если он явится собственной персоной».

Отряд легко передвигался по мосту. Слышался звон оружия и стук копыт.

Он явился собственной персоной. Он здесь.

Мне оставалось около фута до стены, когда я оступился и чуть не упал. Успев, к счастью, уцепиться за ветку, я

благополучно приземлился на парашют, осыпанный листьями и мхом. В этот момент раздался пронзительный крик няни:

— Мерлин! Мерлин! О боже, где же мальчик?

— Здесь, здесь, Моравик! Сейчас спускаюсь!

Я прыгнул в высокую траву. Она бросила веретено и, подбрав юбки, бросилась ко мне.

— Что там за суматоха на дороге? Я слышу конский топот целого отряда! Святые угодники! Посмотри, детка, на свою одежду! Будто на этой неделе я своими руками не чинила тебе тунику, только погляди! Сплошные дыры, и сам в грязи с головы до ног, как нищий ребенок!

Пришлось выскользнуть из ее рук.

— Я упал. Извини. Спустился, чтобы сказать тебе. Конный отряд — иностранцы! Моравик, это король Горлан из Ланасколя! У него красная накидка и черная борода!

— Горлан из Ланасколя? Ведь это же в двадцати милях от места, где я родилась! Интересно, зачем он приехал?

Я удивленно поглядел на нее.

— Как? Разве ты не знаешь? Он приехал жениться на моей матери.

— Чушь.

— Правда!

— Какая там правда! Думаешь, я бы не знала? С чего ты взял? Такие вещи нельзя говорить, Мерлин. Тут пахнет неприятностями.

— Не помню. Мне кто-то сказал. По-моему, мама.

— Неправда, сам знаешь.

— Значит, я где-то слышал.

— Где-то слышал, где-то слышал. Говорят, что у маленьких поросят большие уши. Твои должны свисать до земли — столько ты слышишь. Чего улыбаешься?

— Ничего.

Она уперла руки в бока.

— Ты слушаешь вещи, которые тебе нельзя слышать. Я тебе уже говорила. Ничего удивительного, что люди говорят о чем думают.

Обычно я уступал, но, разволновавшись, я забыл об осторожности.

— Это правда. Узнаешь сама, это правда! Какая разница, где я слышал? Я в самом деле не помню где, но это правда, Моравик...

— Что?

— Король Горлан — мой отец, настоящий отец.

— Что?

Вопрос полоснул по ушам как пила.

— Неужели ты не знала? Даже ты?

— Нет, не знала. И ты больше не заикайся об этом никому. Откуда тебе вообще известно его имя? — Она встряхнула меня за плечи. — Откуда ты знаешь, что

это король Горлан? О его приезде ничего не говорили даже мне!

— Я же сказал. Не помню, где услышал и как. Мне просто запомнилось его имя, и я знал, что он придет к королю говорить о моей матери. Мы отправимся в Малую Британию, Моравик, и ты поедешь с нами. Тебе понравится, правда. Там твой дом. Может быть, мы будем жить близко.

Она сжала мои плечи, и я умолк. Я с облегчением заметил, как между яблонями к нам спешил один из стражников короля. Он подошел к нам, тяжело дыша.

— Его к королю. Мальчика. В большой зал. Быстро.

— Кто это? — допытывалась Моравик.

— Король приказал поспешить. Я обыскался его.

— Кто?

— Король Горлан из Британии.

Моравик зашипела, как испуганная гусыня, и всплеснула руками.

— Какое ему дело до мальчика?

— Почему я знаю? — Стоял жаркий день, стражник был тучноват и запыхался. С Моравик, имевшей по отношению к слугам статус немногим выше моего, хотя она была моей няней, он говорил кратко. — Мне известно лишь, что послали за леди Нинианой и мальчиком, и кому-то, по-моему, сильно достанется, если его не найдут, когда он потребуется королю. Могу сказать тебе, что король необычайно взволнован.

— Ладно, ладно. Иди обратно и скажи, что мы подойдем через несколько минут.

Стражник быстро ушел. Моравик набросилась на меня и схватила мою руку.

— Все святы! — У Моравик про запас имелся самый большой в Маридунуме набор заклинаний и талисманов. Я не помню такого случая, чтобы она прошла мимо святилища, не засвидетельствовав почтения какому-нибудь обитающему там божеству. Но официально она оставалась христианкой, и к тому же ревностной, особенно если попадала в беду.

— О херувимы! Угроздило же ребенка оказаться в это утро в лохмотьях! Давай быстрее, или нам обоим придется туго.

Моравик потащила меня по тропинке к дому, озабоченно призывая всех своих святых и подгоняя меня. И уж никак она не собиралась вспоминать о том, что я оказался прав в отношении гостя.

— Дорогой святой Петр! И зачем я наелась в обед угрей и так хорошо заснула?! Ну и денек! Сюда. — Она подтолкнула меня в комнату.

— Скидывай лохмотья и надевай новую тунику. Скоро мы узнаем, что уготовил тебе господь. Быстрее, детка!

Я жил вместе с Моравик в маленькой темноватой комнате, рядом с помещением для слуг. В ней постоянно пахло кухней,

но мне это нравилось. Мне также нравилась старая, замшелая груша, росшая прямо под окном. Летом, по утрам, на ней раздавалось пение птиц. Моя постель — простые доски, настеленные на деревянные валки, никакой резьбы или даже подставки под ноги или под голову, — находилась тут же у окна. Я помню, как Моравик, думая, что я не слышу, жаловалась другим слугам, что королевскому внуку найдено не больно-то подходящее место. Мне же она говорила, что ей удобно находиться рядом с другими слугами. Я же, конечно, был доволен. Она всегда заботилась, чтобы у меня была чистая соломенная подстилка и шерстяное покрывало. Сама Моравик спала на полу, на соломенной подстилке, на которую иногда претендовал огромный волкодав. Он ворочался у ее ног и чесался, терзаемый блохами. Иногда его место занимал Сердик, один из конюхов, сакс. Давным-давно, во время набега, его захватили в плен, и он остался здесь, женившись на местной девушке. Через год во время родов она умерла вместе с ребенком, а Сердик решил остаться, смирившись со своей судьбой. Однажды я спросил у Моравик, почему она постоянно сетует на собачий запах и блох и все же пускает собаку спать в комнату. Не помню, что она мне ответила, и без того мне было понятно, что волкодав ночью охраняет комнату, чтобы никто не заходил.

Сердик являлся, конечно, исключением. При его появлении собака начинала стучать хвостом по полу и уступала ему место. Я думал, что и Сердик, помимо прочего, исполнял обязанности сторожевого пса. Моравик никогда не говорила о нем, не говорила и я. Маленьким детям положено крепко спать. Но временами я просыпался по ночам и тихо лежал, разглядывая в окно звезды, похожие на блестящих серебряных рыбок, попавших в сети ветвистой груши. Происходившее между Сердиком и Моравик я толковал по-своему: Моравик охраняла меня днем, Сердик — ночью.

Мою одежду держали в деревянном сундуке, стоявшем у стены. Он был очень древним, с изображенными на стенках богами и богинями. Возможно, он попал сюда из самого Рима. Краски на нем загрязнились, стерлись, но на крышке еще можно было рассмотреть сценку, происходившую вроде бы в пещере: бык, человек с ножом, кто-то с пучком пшеницы в руках и в уголке смутная фигура с исходящими от головы лучами и посохом в руках. Изнутри сундук был отделан кедровым деревом. Моравик лично стирала мою одежду и убирала ее в сундук, перекладывая душистой травой.

Она резко откинула хлопнувшую при этом крышку и выбрала лучшую из моих двух туник — зеленую с пурпурной полосой. Крикнула, чтобы принесли воды, и тут же обругала служанку, которая по пути расплескала немного.

Тяжело дыша, вновь появился толстый стражник, чтобы в очередной раз поторопить нас. Не успел я опомниться,

как мы уже прошли между колонными и вступили под своды главного здания.

Зал, в котором король принимал гостей, представлял собой длинную комнату с высоким потолком. Пол украшала мозаика с изображением божества и леопарда с отделкой из черного и белого камня по краям. Мозаика сильно пострадала от того, что по ней таскали тяжелую мебель и ходили в грубой обуви. С одной стороны комнату закрывала колоннада. Зимой там прямо на полу разводили костер, обложив его булыжником. Пол и колонны в этом месте почернели от дыма. В конце комнаты стоял балдахин с большим креслом для деда, а позади него небольшое кресло для королевы.

Сейчас он восседал на своем месте. Справа стоял Камлак, а слева сидела третья жена деда, Олуэн. Она была моложе моей матери, темноволосая, молчаливая и глупенькая девочка, с кожей цвета парного молока. Олуэн умела петь как соловей и прекрасно вышивать, не проявляя больше никаких способностей к чему-либо. Она нравилась моей матери, которая, похоже, относилась к ней одновременно и с определенным презрением. Но несмотря ни на что, они хорошо ладили между собой. Я помню слова Моравик о том, что моей матери стало гораздо легче жить с тех пор, как год назад умерла Гвинет, вторая жена короля, и через месяц ее на королевском ложе сменила Олуэн. Даже если бы Олуэн колотила меня, как это делала Гвинет, все равно она нравилась бы мне: так красиво она пела. Но Олуэн всегда по-доброму относилась ко мне. В отсутствие короля она учила меня нотам и разрешала играть на своей арфе. «У тебя есть слух», — говорила она, но мы оба знали, что сказал бы король, узнав о подобных занятиях. Поэтому она скрывала свое доброе ко мне отношение даже от моей матери.

Сейчас она меня совсем не замечала. Никто не замечал. Разве что мой кузен Диниас, стоявший под балдахином за креслом Олуэн. Он был сыном короля от рабыни, крупный малец семи лет, унаследовавший от отца седую шевелюру и крутой нрав. Он не по годам отличался силой и смелостью. Диниас начал пользоваться расположением короля с того дня, когда в пятилетнем возрасте он решил тайком покататься на отцовской лошади, диком гнедом жеребце, пронесшем его через весь город и освободившемся от наездника лишь на высоком берегу. Король собственноручно учинил ему трепку, после чего подарил Диниасу кинжал с позолоченной рукояткой. С той поры Диниас среди остальных детей начал претендовать по меньшей мере на титул принца, и поэтому относился ко мне, своему внебрачному собрату, с крайним презрением. Сейчас он глядел на меня как на неодушевленный предмет, ничего не выражающим взглядом. Лишь незаметно показал кулак.

Я задержался в проходе, пока няня поправляла на мне тунику, затем подтолкнула рукой.

— Иди. Выпрями спину. Он тебя не съест.

Последнее напутствие сопровождалось стуком амулетов и приглушенной молитвой.

Комната была заполнена людьми. Большинство из них я знал, но были и незнакомые лица, сопровождавшие, наверное, приезжего короля. Он сидел рядом с дедом в окружении своих людей. Это был крупный темноволосый человек, которого я видел на мосту, — с большой бородой и хищным носом, мощное тело скрывал пурпурный плащ. По другую руку от деда, рядом с балдахинном, стояла моя мать с двумя дамами. Мне всегда нравилось ее длинное шерстяное одеяние кремового цвета, спускавшееся до пола, платье, в котором она выглядела как принцесса. Его узоры походили на резьбу по свежему дереву. Волосы были распущены и дождем ниспадали по спине. Сверху она набросила голубую накидку с медной пряжкой. Ее спокойное лицо покрывала бледность.

Меня настолько одолели собственные страхи — угрожающий жест Диниаса, отведенный взгляд матери, всеобщее молчание и пустое пространство, которое мне предстояло еще преодолеть, — что я совсем забыл о деде. Все еще незамеченный, я сделал шаг вперед, и тут раздался страшный треск, будто лошадь громко ударила копытом. Дед резко хлопнул по деревянным подлокотникам обеими руками и встал, с силой отбросив назад тяжелое кресло. Оно отлетело на пару шагов, оставив след на деревянном помосте. — Клянусь светом! — Его лицо пошло красными пятнами, и на мясистых надбровьях задвигались рыжие брови, под которыми яростно сверкнули маленькие голубые глазки. Он метнул взгляд на мать и шумно втянул воздух, чтобы что-то сказать. Его вдох докатился до самых дверей, где стоял перепуганный я. Бородатый человек, поднявшийся вместе с дедом, что-то сказал на непонятном мне наречии. В это же время Камлак, что-то прошептав, дотронулся до его руки. Король помедлил и затем быстро сказал: «Как хотите. Потом. Пусть уйдут,» — и добавил, обращаясь к матери: «Это еще не все, Нинниана. Обещаю тебе. Шесть лет. Этого достаточно, клянусь богом. Пошли».

Он перебросил плащ на руку, кивнул головой сыну, вышел из-под балдахина и, взяв бородатого за руку, направился к двери. За ними потянулась кроткая Олуэн со своими женщинами и улыбающийся Диниас. Моя мать не двинулась с места. Король прошел мимо, не проронив ни слова. Толпа расступилась, освобождая путь.

Я один остался стоять как вкопанный в трех шагах от двери. При виде приближающегося короля я пришел в себя и попытался ускользнуть в прихожую, но не успел.

Король резко остановился, отпустив руку Горлана, и двинулся ко мне. Взвился голубой плащ, уголком зацепил мне

глаз, отчего у меня навернулись слезы. Моргая, я смотрел на него. Горлан остановился рядом. Он был моложе покойного дяди Дайвида. Горлан выглядел рассерженным, хотя пытался не показывать этого. Я понял, что дело было не во мне. Он удивился, когда король остановился рядом со мной.

— Кто это?

— Ее сын, которому ваша светлость дала бы свое имя.

Сверкнул золотой наручник, и я оказался на полу. Его большая рука отбросила меня с легкостью, с какой дети сбивают мух. Мимо мелькнули плащ и королевская обувь. Слегка задержавшись, прошел Горлан. Олуэн что-то произнесла своим милым голоском и склонилась надо мной. Король сердито окликнул ее, она отдернула руку и последовала за остальными.

Я поднялся с пола и поискал взглядом Моравик. Ее не было. Она направилась прямо к матери и ничего не видела. Я попытался пробраться в их сторону, но прежде, чем я добрался до них, мать в окружении плотной группы женщин вышла через другую дверь. Никто из них не оглянулся.

Кто-то заговорил со мной, но я не ответил. Я выбежал через колоннаду во двор и оттуда в тихий и солнечный фруктовый сад.

3

Дядя нашел меня на террасе у Моравик. Я лежал на животе на горячих каменных плитах, наблюдая за ящерицей. За весь день она осталась у меня самым ярким воспоминанием. Ящерица распласталась на раскаленном камне на расстоянии фута от моего лица. Неподвижное тело цвета позеленевшей бронзы и пульсирующее горлышко. У нее были маленькие темные глазки. Внутренняя поверхность рта имела желтый, как дыня, цвет. Она орудовала длинным, остреньким язычком как плеткой, а крохотные лапки издавали едва слышный хруст от движения по плите. Она перебралась через мой палец и исчезла в камнях.

Я обернулся. По саду шел дядя Камлак. Он преодолел три невысоких ступеньки, ступал в своих ладных шнурованных сандалиях и, глядя вниз, поднялся на террасу. Я отвернулся. На мху, проросшем между камней, росли крошечные, как глаза ящерицы, белые цветки. Каждый из них представлял собой маленькую искусную чашечку. Я по сей день помню их рисунок, будто собственными руками вырезал этот узор.

— Покажи мне, — попросил он.

Я не шевельнулся. Он подошел к каменной скамье напротив и, расставив ноги, сел, глядя на меня.

— Посмотри-ка на меня, Мерлин.

Я поглядел. Он смотрел на меня молча и изучающе.

— Мне все время говорят, что ты не участвуешь в грубых ребячьих забавах, убегаешь от Диниаса и что из тебя никогда не получится воина и даже мужчины. Ты не издал ни звука и даже не заплакал, когда король отвесил тебе оплеуху, от которой его гончая с визгом полетела бы в конуру.

Я промолчал.

— Мне кажется, что ты представляешь собой не то, что о тебе думают, Мерлин.

Я опять ничего не ответил.

— Ты знаешь, почему приехал Горлан?

Мне показалось, что легче будет солгать.

— Нет.

— Он приехал просить руки твоей матери. Если бы она дала согласие, ты отправился бы с ним в Британию.

Я дотронулся указательным пальцем до цветка на мху. Он сник, как гриб-дождевик, и развалился. Из любопытства я коснулся другого. Камлак обратился ко мне снова. Голос его прозвучал резко.

— Ты слушаешь?

— Да. Даже если она отказала ему, это не будет иметь никакого значения, — я посмотрел на него. — Верно?

— Ты имеешь в виду, что тебе не хочется ехать?

Я думал. Он нахмурил брови, совсем как мой дед.

— К тебе бы относились с уважением, ты стал бы принцем.

— Я и так принц. Самый настоящий принц.

— Что ты имеешь в виду?

— Если она отказала ему, значит, он не мой отец, — сказал я. — Я думал, что он мой отец и поэтому приехал.

— Почему ты так считаешь?

— Я не знаю. Мне показалось.... — Я остановился, потому что не мог объяснить Камлаку, что имя Горлана явилось мне в проблеске света.

— Я просто был уверен, что это он.

— Лишь потому, что ты его ждал все это время, — его голос звучал спокойно. — Ждать вот так глупо, Мерлин. Тебе пора знать правду. Твой отец мертв.

Я положил руку на пучок мха, смяв его. Мои пальцы побелели от напряжения.

— Это она тебе сказала?

— Нет, — он пожал плечами. — Но если бы он был жив, он бы давно приехал. Тебе это известно.

Я промолчал.

— А если он жив, — продолжал дядя, наблюдая за мной, — и не возвращается, то об этом никому жалеть не стоит. Правда?

— Нет. Каким бы подлым он ни был, матери было бы легче. И мне.

Я убрал руку, и мох медленно распушился, как бы разрастаясь. Но крошечные цветки исчезли.

Дядя кивнул.

— Было бы разумнее с ее стороны дать согласие Горлану или какому-нибудь другому принцу.

— Что будет с нами? — спросил я.

— Твоя мать хочет уйти в монастырь Святого Петра. А ты, ты быстр и сообразителен, мне говорили, ты можешь немного читать. Ты мог бы стать священнослужителем.

— Нет!

Его брови снова сошлись над узкой переносицей.

— У тебя будет достаточно хорошая доля. Ты явно не родился воином. Почему бы не брать образ жизни, подходящий тебе, где ты будешь в безопасности.

— Не нужно быть воином, чтобы оставаться свободным. Не хочу сидеть в монастыре взаперти, это не для меня. — Я разгорячился и говорил, с трудом подыскивая слова. Не мог я объяснить то, чего не знал. Я с готовностью поглядел на Камлака.

— Останусь с тобой! Если я тебе не нужен, убегу и буду служить другому принцу. Но лучше бы мне остаться с тобой.

— Пока рано говорить о подобных вещах. Ты очень молод. — Он поднялся на ноги. — У тебя не болит лицо?

— Нет.

Он протянул руку, и мы пошли. Камлак провел меня через фруктовый сад, и через арку мы вошли в личный сад деда. Я потянул его за руку назад.

— Мне сюда нельзя.

— Уверен? Даже со мной? Твой дед занят с гостями и не увидит тебя. Пошли. Я заметил для тебя кое-что получше, чем твои паданцы. Сейчас собирают абрикосы, и я отложил самые лучшие.

Он прошествовал вперед своей грациозной кошачьей походкой. За бергамотом и лавандой росли персики и абрикосы. От запахов трав и плодов хотелось спать. На голубятне ворковали голуби. У моих ног лежал спелый абрикос, отливая на солнце бархатом. Я пнул его ногой. На перевернутой стороне обнаружилась большая гнилая дыра, в которой ползали осы. Сверху легла тень. Надо мной высился дядя, держа в руках абрикосы.

— Я говорил тебе, что у меня есть кое-что получше паданцев. — Он дал мне один.

— А если им вздумается побить тебя за то, что ты украл, то придется побить и меня.

Он улыбнулся и откусил от своего абрикоса.

Я стоял, не двигаясь, держа в ладони большой спелый абрикос. В саду было очень жарко и тихо. Гудели только насекомые. Плод отливал золотом, от него пахло солнечным светом и сладким соком. Кожура напоминала мне на ощупь пушок золотого шмеля. Мой рот наполнился слюной.

— В чем дело? — спросил дядя с нетерпением и раздражением в голосе. По подбородку стекал абрикосовый сок. — Не заглядывайся, дружище! Ешь! Он же хороший, верно?

Я поднял голову и встретился с его голубыми глазами, жестокими, как у лисы. Я протянул абрикос обратно.

— Не хочу. Он внутри черный. Посмотри, там видно.

Он резко вздохнул, и как раз в это время с другой стороны сада послышались голоса. Садовники, наверное, принесли обратно пустые корзины, приготовив их на утро. Дядя нахмурился, вырвал у меня фрукт и метнул его с силой в стену. Абрикос золотой массой растекся по кирпичной кладке. Между нами, жужжа, пролетела обеспокоенная оса. Камлак сделал странный резкий жест, как бы прихлопнув ее, в его голосе неожиданно прозвучала нескрываемая злоба.

— Больше ко мне не подходи, ты, дьявольское отродье. Слышишь? Не подходи.

Он вытер рот тыльной стороной руки и большими шагами пошел в направлении дома. Я остался стоять на месте, глядя, как абрикосовый сок стекает по раскаленной стене. На струйку села оса и начала ползать, увязая в соку. Потом внезапно упала на землю, вращаясь на спине и продолжая жужжать. Постепенно ее жужжание перешло в жалобный плач, затем она затихла.

Но я уже этого не видел. К горлу подступил комок, и мне показалось, что я задыхаюсь. Золотистый вечер поплыл, искрясь слезами в моих глазах. Эти слезы остались у меня в памяти как первые в жизни. Приближались садовники с корзинами на головах.

Я повернулся и выбежал из сада.

В комнате не было даже волкодава. Я взобрался на кровать и облокотился на подоконник. В ветвях груши пел дрозд. Застыв, я долго слушал его. Из-за закрытой двери со двора доносилось монотонное постукивание по металлу — работал кузнец, скрипел колодезный ворот, неторопливо вращаемый мулом.

В этом месте некоторые детали стерлись из моей памяти. Я не помню, сколько просидел, пока гул голосов не возвестил о начинающемся ужине. Не помню и боли. Но когда конюх Сердик распахнул дверь и я обернулся, то он остановился как вкопанный и его первыми словами были:

— О боже, где ты был? Играл в конском затоне?

— Я упал.

— Упал? Интересно, почему земля под тобой всегда оказывается в два раза тверже, чем под остальными? Кто тебя отделал? Этот грубый кабан Диниас?

Не получив ответа, он подошел к моей постели. Сердик был небольшого роста, с кривыми ногами, загорелым морщинистым лицом и копной волос соломенного цвета. Я стоял на постели, и мои глаза были на одном уровне с его.

— Что я тебе скажу, — изрек он. — Когда подрастешь, я научу тебя некоторым вещам. Чтобы побеждать, не надо быть большим. У меня имеется парочка дельных трюков. Их надо знать, если не вышел ростом. Скажу тебе, что я могу сбить парня в два раза больше меня. И женщину, если надо. — Здесь он рассмеялся и отвернулся, чтобы сплюнуть, но вовремя вспомнил, где находится, и ограничился тем, что откашлялся. — Но когда ты вырастешь и станешь здоровым парнем, мои трюки тебе не понадобятся, в том числе и в обращении с женщинами. Однако давай лучше займемся твоим лицом, чтоб ты потом никого не пугал. От такой раны может и шрам остаться.

Он кивнул на пустую подстилку Моравик.

— Где она?

— Ушла с матерью.

— Тогда пошли со мной. Я все устрою.

Сердик наложил мне на ссадину на скуле повязку с лошадиной мазью. Мы сели ужинать прямо у него в конюшне, расположившись на соломе. Гнедая тыкалась мне мордой в спину в поисках корма. Мой толстый и ленивый пони, натянув привязь до упора, жадно следил за каждым куском, отправляемым в рот. Сердик, несомненно, понимал толк в кулинарии: на каждую половинку куриной ножки — дрожжевая выпечка, соленая копченая грудинка, охлажденное и ароматное пиво.

Еще когда Сердик принес еду, я понял по его виду, что он уже все знает. Весь дворец, должно быть, только об этом и говорил. Но он ничего не сказал, лишь передал мне еду и присел сзади на солому.

— Тебе сказали? — спросил я.

Он кивнул, пережевывая хлеб с мясом, и затем добавил с полным ртом: «У него тяжелая рука».

— Он рассердился, потому что она отказалась выходить замуж за Горлана. Он хочет, чтобы она вышла замуж из-за меня, но и до сих пор она отказывала всем подряд. А сейчас, после того как умер дядя Дайвид и остался только Камлак, они позвали Горлана из Малой Британии. Я думаю, что это Камлак убедил деда обратиться к Горлану. Он боится, что мать выйдет замуж за какого-нибудь принца в Уэльсе.

Здесь Сердик меня прервал. У него был испуганный и потрясенный вид.

— Замолчи, малыш! Откуда тебе это все известно? Я уверен, что взрослые не болтают о таких важных вещах в твоём присутствии. Разве что Моравик болтает что не следует.

— Нет, не Моравик. Но я знаю, это правда!

— Но откуда, клянусь Громовержцем, ты знаешь? Сплетни дворовых?

Свой последний кусок хлеба я отдал кобыле.

— Если ты будешь клясться языческими богами, Сердик, то именно ты, вместе с Моравик, попадешь в беду.

— О, ладно. Подобных неприятностей можно избежать. Давай говори, кто тебе сказал?

— Никто. Я просто знаю. Я... я не могу объяснить откуда. Когда она отказала Горлану, дядя Камлак рассердился не меньше деда. Он боится, что вернется мой отец и женится на ней, прогнав его, Камлака. Конечно, он не говорил об этом деду.

— Конечно. — Сердик уставился, забыв про пищу. Из уголка его приоткрытого рта капнула слюна. Он торопливо проглотил.

— Боги знают, точнее, бог его знает, где ты набрался таких вещей, но, судя по всему, это правда. Продолжай.

Гнедая подталкивала меня сзади, дыша теплом в шею. Я отстранил ее рукой.

— Вот и все. Горлан рассержен, но его чем-нибудь задобрят. А моя мать в конце концов уйдет в монастырь Святого Петра. Увидишь.

Наступила непродолжительная тишина. Сердик прожевал мясо и швырнул кость за дверь, где на нее накинута две дворняжки, жившие у конюшни. Ворча и цапаясь, они умчались прочь.

— Мерлин.

— Да.

— Будь умница и больше никому об этом не говори. Никому. Понял?

Я промолчал.

— Дети не разбираются в таких вещах. В чем-то это, конечно, основано на сплетнях, уж точно, но что касается принца Камлака... — Он положил руку мне на колено, сжал пальцами и покачал его. — Я говорю тебе, он опасный человек. Забудь обо всем и старайся не попадаться ему на глаза. Можешь мне верить, я никому не скажу. Но и ты не говори об этом больше никому. Даже если бы ты был законнорожденным принцем или пользовался расположением короля, как это рыжее отродье Диниас, то и тогда нечему было бы радоваться. — Он снова потряс меня за колено. — Ты слышишь меня, Мерлин? Не говори ничего ради своей собственной жизни. Не попадайся им, чтобы не видели. И скажи мне, кто тебе это сказал?

Я подумал о темной пещере в подвале, о далеком кусочке неба высоко в дымоходе.

— Мне никто не говорил. Клянусь.

Он нетерпеливо шевельнулся, проявляя волнение. И тогда я выложил все, на что осмелился.

— Признаю, что слышал это. Иногда люди говорят прямо над головой, не замечая меня. А иногда, — я помедлил, — будто кто-то обращается ко мне, я будто вижу наяву. Иногда

мне говорят звезды, и я слышу в темноте музыку и голоса. Как во сне.

Сердик поднял руку, словно защищаясь. Мне показалось, что он крестится, но он вычерчивал в воздухе знак против дурного глаза. Сердик пристыженно взглянул на меня и опустил руку.

— Правильно, все это сны. Ты, наверное, заснул где-то в уголке, а они завели при тебе разговор, хотя им не следовало этого делать. Там ты и услышал вещи, которых тебе не положено знать. Я забыл, что ты еще ребенок. Когда ты согласишься своими глазами... — Он остановился и пожал плечами. — Но все равно, обещай мне, что ты больше не будешь рассказывать об услышанном.

— Ладно, Сердик, обещаю тебе. Если ты пообещаешь взамен сказать мне одну вещь.

— Какую?

— Кто мой отец?

Он поперхнулся пивом. Нарочито медленно он вытер с лица пену и поставил рог, глядя на меня с неудовольствием.

— Какого лешего ты взял, что я могу об этом знать?

— Я думал, что Моравик тебе сказала.

— А она знает? — в его голосе прозвучало неподдельное удивление, и я понял, что он не обманывает.

— Когда я спрашивал ее, она сказала, что о некоторых вещах лучше не говорить.

— Моравик права. Но, по-моему, она хотела таким образом показать, что знает не больше других. И я бы сказал, маленький Мерлин, что тебе тоже лучше об этом не знать. Если бы твоя мама-принцесса захотела, она бы тебе сказала. Боюсь, ты скоро это поймешь.

Я увидел, как он снова делает знак против дурного глаза, но на этот раз спрятав руку. Я открыл рот, чтобы спросить, верит ли он рассказам, но он взял рог и поднялся.

— Ты пообещал. Не забудь.

— Хорошо.

— Я наблюдаю за тобой. Ты идешь собственной дорогой в жизни, и иногда мне кажется, что ты ближе к природе, чем к людям. Она дала тебе имя «сокола»?

Я кивнул.

— Тебе есть над чем подумать. На время лучше забыть о соколах. По правде говоря, их слишком много развелось вокруг. Ты видел голубого вяхиря?

— Которые вместе с белыми голубями пьют из фонтана и потом улетают на свободу? Конечно. Я их кормлю зимой вместе с другими голубями.

— У меня на родине говорили, что у вяхиря много врагов, так как у него мягкое мясо и вкусные яйца. Он живет и наслаждается лишь потому, что вовремя скрывается. Может быть, леди Ниниана и называет тебя своим соколенком, но

ты еще не стал соколом, маленький Мерлин. Ты всего лишь голубь. Запомни это. Веди незаметную жизнь и вовремя скрывайся. Такие мои слова. — Он положил мне руку на плечо. — Рана еще болит?

— Щиплет.

— Значит, дело пошло на поправку. Ссадина не будет долго щипать. Боль скоро утихнет.

Прошло немного времени, и все зажило без следа. Но мне запомнилось, как саднила скула в ту ночь и я не мог заснуть. В другом углу Сердик и Моравик не издали за все время ни звука, боясь, что я наслушался именно их бормотанья.

Когда они заснули, я тихо выполз, перебрался через скалящегося волкодава и поспешил в подвалы.

Но сегодня ночью я не услышал ничего интересного, кроме пения Олуэн. Мягким и сочным, как у невиданной птицы, голосом она пела песню, которую я раньше не слышал. Песня была про дикого гуся и охотника с золотыми силками.

4

После этого жизнь пошла своим чередом. Мне кажется, что в конце концов дед смирился с отказом матери выходить замуж. Отношения между ними оставались натянутыми еще неделю-две, но вскоре королевский гнев остыл. Вернувшись, Камлак осел во дворце, будто никуда и не уезжал. Приблизилось обещающее хорошую добычу время охоты. Все вернулось на круги своя.

Но не у меня. После происшествия во фруктовом саду Камлак перестал покровительствовать мне. Да и я больше не ходил за ним. Нельзя, правда, сказать, что он не проявлял ко мне доброты. Раз или два он защищал меня в небольших драчках с мальчишками, принимая мою сторону даже против Диниаса, который пользовался теперь его расположением вместо меня.

Однако я больше не нуждался в подобном покровительстве. В тот сентябрьский день я усвоил еще один урок, не считая преподнесенной мне Сердиком притчи о вяхире. Я самостоятельно занялся Диниасом. Однажды ночью по пути в пещеру я заполз под его спальню и случайно услышал, как Диниас со своим приятелем Брисом смеялись над совершенной ими днем проделкой. Они проследили за Аланом, другом Камлака, отправившимся на свидание к одной из служанок, и спрятались недалеко, откуда могли беспрепятственно наблюдать за ходом встречи вплоть до ее счастливой развязки.

Когда же Диниас на следующее утро вновь устроил мне засаду, я не отступил. Сказав пару слов, я спросил его между прочим, не видел ли он сегодня Алана. Он запнулся, покраснел, потом побледнел (у Алана была тяжелая рука, а

вместе с ней и нрав) и бочком прокрался мимо, сделав за спиной знак от нечистой силы. Если ему так хочется, пусть считает меня колдуном, а не обычным шантажистом. После этого случая мои сверстники не поверили бы даже верховному королю, если бы тот приехал и назвал меня своим сыном. Меня оставили в покое.

Все оказалось к лучшему. Зимой часть пола в бане обвалилась, и мой дед посчитал положение опасным. Подвал засыпали и разложили в оставшемся пространстве яд против крыс. Подобно лисенку, выкуренному из норы, мне приходилось теперь защищать себя на поверхности земли.

Через полгода после приезда Горлана, когда холодный февраль сдался распускающемуся зеленым марту, Камлак начал уговаривать, сначала мать, потом деда, отдать меня в ученье. Думается, что моя мама была благодарна ему за проявленную заботу. Я тоже старался показать своим видом, что мне приятно, поскольку после инцидента в саду я не питал никаких иллюзий в отношении его намерений. С моей стороны не составляло никаких усилий убедить Камлака в том, что мое отношение к священству претерпело изменения. Заявление матери, что она никогда не выйдет замуж, уход ее придворных дам, частые визиты в монастырь Святого Петра, где она беседовала с аббатисой и приезжавшими священниками, развеяли наихудшие опасения Камлака. Он боялся, что она выйдет замуж за какого-нибудь уэльсского принца, который от ее имени правил бы королевством. Или что объявится мой неизвестный отец и узаконит меня в качестве наследного принца. Занимая высокое положение и располагая властью, он мог бы силой убрать Камлака. Для дяди не имело значения то, что в любом случае я не мог представлять для него реальную опасность, особенно сейчас, так как перед Рождеством он женился, и уже в марте было заметно, что его жена ждет ребенка. Даже будущий ребенок Олуэн, которому осталось совсем немного до появления на свет, не мог ему угрожать. Камлак пользовался безграничным доверием деда, и казалось маловероятным, чтобы брат при такой разнице в возрасте представлял опасность. Камлак был хорошим бойцом, знал, как вызвать людские симпатии, был безжалостен и рассудителен. Безжалостность проявилась во фруктовом саду. Рассудительность — в равнодушной доброте, выражаемой после решения матери уйти в монастырь. Я заметил, что честолюбивые люди и люди, облеченные властью, бояться малейших и самых неправдоподобных угроз. Камлак не успокоился бы, пока не сделал из меня священника, благополучно выжив из дворца.

Чем бы Камлак ни руководствовался, видеть своего учителя мне доставляло удовольствие. Грек — переписчик из Массилии, пропивший состояние и обращенный в итоге в рабство. Теперь его приставили ко мне. Будучи обязанным мне за изменение

своего статуса и освобождение от черной работы, он вкладывал душу в мое обучение, не ограничиваясь религиозными пред-
рассудками, так характерными для маминых бесед со свя-
щенником. Деметриус представлял из себя приятного человека
и безнадежно умного неудачника. Гений в иностранных языках.
Его любимым развлечением были кости и выпивка (в случае
выигрыша). Время от времени, когда он оказывался в при-
личном выигрыше, я заставлял его сладко спать на неудобных
для этой цели книгах. Я никому не рассказывал и радовался
случаю отправиться по своим делам. Он был благодарен мне
за молчание и, в свою очередь, не поднимал шума и не
допытывался, когда я иной раз прогуливал. Я хорошо справ-
лялся с учебой и добился значительных успехов, что в
определенном смысле порадовало бы и мать, и дядю Камлака.
Я и Деметриус уважали тайны друг друга и достаточно
хорошо ладили.

Однажды августовским днем, почти через год после приезда
короля Горлана, я оставил Деметриуса безмятежно спать и
один поехал верхом за город.

Мне прежде приходилось ездить этой дорогой. Быстрее бы
вышло, если проехать по военной дороге мимо барачных стен
к холмам в направлении Карлеона. Но для этого потребовалось
бы проехать через весь город, а это означало, что тебя
заметят и станут задавать вопросы. Мой же путь пролегал
по берегу реки. Рядом с конюшней находились ворота, ко-
торыми редко пользовались, выведившие на широкую и ровную
дорогу, по которой лошади таскали баржи. Она вводила
далеко за монастырь Святого Петра. Следуя за плавными
изгибами Тайви, дорога вела к мельнице, куда и направлялись
баржи. Дальше я не ездил. Но за мельницей и дорогой
висала тропинка в долину одного из притоков Тайви.

Был жаркий дремотный день. Кругом пахло папоротником.
Голубые стрекозы пронеслись над рекой, сверкая на солнце.
Густую траву на лугу осаждали гудящие полчища насекомых.

Точеные копытца моего пони стучали по спекшейся глине
бечевника. Крупная лошадь серой масти в яблоках неторопливо
тащила по течению от мельницы пустую баржу. Мальчишка,
сидевший на загривке, что-то крикнул, и человек на барже
приветственно поднял руку.

На мельнице, когда я доехал до нее, никого не было
видно. На узком причале лежали только что разгруженные
мешки с зерном. Рядом с ними растянулась на солнце собака
мельника. Пес не потрудился даже открыть глаза при моем
появлении. Я натянул поводья. Из трубы потоком лилась
вода, и в водовороте пены мелькала форель.

Пройдет несколько часов, прежде чем меня хватятся. Я
направил пони вверх по берегу, к дороге. Он заупрямился,
желая повернуть домой, но я заставил его повернуть, и тогда
он легким галопом поскакал наверх, к холмам. Я преодолевал

поворот за поворотом, взбираясь по дороге, петлявшей вдоль крутого берега. Спустя немного времени я выехал из колючек и редкой дубовой рощи, заполнявших лощину, поскакал на север и спустился на стлавшееся внизу открытое поле.

Горожане пасли здесь свой скот, и трава была ровной и короткой. Я прошел мимо бедного мальчика-пастуха, дремавшего под кустом боярышника. Рядом паслись его овцы. Он лишь мельком взглянул на меня, когда я проезжал мимо, и поворошил кучку камней, которыми сгонял овец. Я подумал, что он собирается бросить в меня камень, но он, достав гладкий зеленый голыш, запустил его в откормленных овец, отошедших слишком далеко. После этого он снова погрузился в дрему. Поближе к реке, где росла высокая трава, расположилось стадо черных коров. Пастуха с ними я не увидел. У подножия горы маленькая девочка пасла гусей.

Дорога снова пошла в гору, и мой пони замедлил шаг, выбирая путь между беспорядочно растущими деревьями. Сквозь завалы замшелых камней пробивался молодой орешник, полный орехов, рябина и шиповник. Папоротник доставал мне до груди. Кругом сновали кролики, а две сойки, раскачиваясь в полной безопасности на ветке граба, ругали на своем птичьем языке лису. Земля была слишком твердая, чтобы на ней могли остаться какие-либо следы. Отсутствие примятой травы или сломанных веток говорило о том, что до меня здесь давно никто не проезжал.

Солнце стояло уже высоко. Дул легкий ветерок, отчего в кустах боярышника постукивали друг о друга плотные зеленые ягоды. Я все погонял своего пони. Среди дуба и остролиста теперь появились сосны. В солнечном свете их стволы отливали красным цветом. По мере подъема земля грубела, сквозь тонкий слой дерна на поверхность выступали голые серые камни. То здесь, то там виднелись кроличьи норы. Я не знал, куда ведет эта тропинка, только чувствовал, что я один и на воле. Ничто не говорило мне о том, чем обернется для меня сегодняшний день, какая путеводная звезда укажет мне дорогу на холм. Будущее еще не открылось мне тогда.

Пони в нерешительности остановился, и я вернулся с небес на землю. Дорога раздваивалась, и было неясно, в какую сторону лучше ехать: налево или направо — все равно приходилось объезжать чащу.

Недолго колеблясь, пони выбрал путь налево, под гору, и я был склонен последовать его выбору, но в это время передо мной, слева направо, мелькнула птица и исчезла в деревьях. Острые крылья, голубовато-коричневая окраска, хищные темные глаза и изогнутый соколиный клюв. И совершенно беспричинно, если не считать неожиданного появления птицы, я натянул уздечку и повернул пони вслед, постучав пятками по бокам.

Плавню поворачивая, тропинка вела наверх. Лес оставался слева. Он полностью состоял из густого и темного сосняка. Деревья росли настолько плотно, что проложить себе дорогу сквозь эту чащу можно было только с помощью топора. Я услышал хлопанье крыльев. Из своего убежища вылетел голубь-вяхирь и исчез на другой стороне рощи. Я поехал за соколом.

Город и речная долина исчезли из вида. Пони брел по склону неглубокой балки, на дне которой бежал узкий и быстрый поток. На противоположной стороне балки, на длинном склоне, покрытом дерном, выступала каменистая осыпь, увенчанная скальными обломками. В солнечных лучах они отливали синим и серым. Моя сторона склона была усеяна кустами боярышника, от которого по земле шли косые тени. Вверху виднелась скала, увитая плющом. Над ней в синем небе кружили клушицы, нарушавшие своим криком тишину в долине.

Копыта пони громко стучали по запекшейся земле. Стояла жара, и хотелось пить. Тропинка вела под низко нависавшую скалу высотой футов двадцати. У подножия по обеим сторонам тропинки рос боярышник, образуя тенистую аллею. Где-то наверху слышалось журчанье воды.

Я остановил коня и соскользнул на землю, отвел его в тень и, привязав к кусту боярышника, осмотрелся в поисках источника.

Скала у тропинки была суха. Снизу тоже не видно было следов воды. Тем не менее журчанье слышалось ясно. Я сошел с тропинки и взобрался на другую сторону скалы, очутившись на небольшой ровной поляне, покрытой дерном и усеянной кроличьим пометом.

На поверхности склона я увидел вход в пещеру. Закругленное отверстие в камне было небольшим, но правильной формы, почти как у арки. Справа, если стоять, как я, лицом ко входу, лежала россыпь поросших травой камней. В камнях росли деревья рябины и дуба. Их ветви скрывали своей тенью вход в пещеру; с другой стороны, всего в нескольких футах от арки, был источник.

Приблизившись, я увидел маленький блестящий ручеек, ниспадавший в круглое углубление в камне и не имевший стока. Скорее всего, вода уходила через камень или через какую-то трещину в земле, попадая в основной лоток. В чистой воде я различал каждый камешек и каждую песчинку на дне каменного углубления. Над ручейком возвышался папоротник-листок. По краям рос мох, а под ним свисала зеленая мокрая трава.

Я встал на колени, наклонив голову, чтобы отхлебнуть воды, как вдруг заметил чашку. Она стояла в небольшой нише, скрытой ветвями папоротника. Чашка была высотой с ладонь и сделана из коричневого рога. Взяв ее, я увидел,

что в нише стоит маленькая деревянная резная статуэтка бога. Я узнал его: подобное изображение я встречал раньше под дубом у Тир Мирдина. Здесь же он стоял на собственной вершине, под открытым небом.

Наполнив чашку, я выпил и пару капель выплеснул на землю — богу.

После этого я вошел в пещеру.

5

Она оказалась больше, чем виделась снаружи. Несколько шагов внутрь, а шаги я делал очень маленькие, и открылась просторная обитель, потолок которой терялся в высоте. Было темно, но откуда-то мягко пробивался бледный свет, освещавший ровный и чистый пол. Напрягая зрение, я медленно сделал шаг вперед и почувствовал, как медленно во мне нарастает волнение, которое я всегда испытывал, находясь в пещерах. Одни люди так волнуются, оказавшись в воде, другие — в горах, третьи — при разжигании огня. Я же испытывал волнение в земных и лесных глубинах. Сегодня мне понятно — почему. Но тогда я просто испытывал чувство любого мальчика, нашедшего нечто новое. И это новое могло стать моим в мире, где мне ничего не принадлежало.

В следующее мгновение я остановился как вкопанный. От неожиданности по внутренностям разлился холод и меня захлестнуло сдерживаемое волнение. Что-то шевельнулось справа во мраке, совсем рядом со мной.

Я застыл, всматриваясь и прислушиваясь. Никаких звуков. У меня «заработали» ноздри, и я осторожно принюхался. Никакого запаха, ни людского, ни звериного. В пещере пахло, как мне показалось, дымом, сырым камнем и самой землей. Но ощущался какой-то затхлый привкус, какой — сразу не определишь. Но я знал, что, находясь рядом со мной какая-нибудь тварь, воздух был бы другим, менее пустым. А пещера была пуста.

Я попробовал тихо сказать по-уэльски: «Привет». Шепот немедленно вернулся обратно тихим эхом, свидетельствуя, что стена находилась где-то близко. Затем легким свистом эхо ушло в высоту.

Послышалось какое-то движение. Поначалу я подумал, что эхо усилило мой шепот. Нарастающий шелест походил на шуршание женского платья или занавесок на ветру. Что-то пронеслось мимо моей щеки с пронзительным бесплотным криком, переходящим за пределы слышимого. За ним еще и еще. С высоты потолка падали легкие, остро очерченные комки, сливавшиеся в единый поток, вихрь, похожий на косяк рыбы

водопаде. Летучие мыши, потревоженные мной в своих вершинных покоях, устремились в дневную долину. Они миновали водчатый проход, образовав клуб дыма.

Я стоял совершенно спокойно, размышляя о том, что, наверное, именно мыши являлись источником необычного затхлого запаха. Но это был другой запах. Я не боялся, что мыши коснутся меня. В темноте или на свету при любой скорости летучие мыши ничего не задевают. Они — воздушные течения. Подобно тому, как частицы воздуха обтекают препятствия, так и мыши похожи на лепестки, уносимые вниз по течению. Они пронеслись между мной и стеной пронзительным потоком. Движимый детским любопытством посмотреть, что будет, я сделал шаг к стене. Поток разделился, и меня обдало свежим воздухом. Как будто меня не существовало. Но только я шевельнулся, вместе со мной шевельнулась и тварь. Протянутая рука натолкнулась на металл. Я понял, что там шевелилось, — мое собственное отражение.

На стене висел кусок металла, отполированный до матового блеска. Он и являлся источником бледного света. Блестящая поверхность зеркала отражала проходивший через вход свет и распространяла его по всей пещере. Я видел себя, похожего на привидение. Отражение в зеркале попятилось, и моя рука бессильно упала с висевшего на поясе кинжала.

Мышиный поток иссяк, и в пещере стало тихо. Успокоившись, я стал с интересом изучать свое отражение в зеркале. Когда-то у моей матери было античное зеркало, привезенное из Египта. Но потом, посчитав это за роскошь, она убрала его. Конечно, я часто видел отражение своего лица в воде, но ни разу до сих пор мне не доводилось видеть себя полностью. Передо мной стоял темноволосый мальчик, настороженный, с любопытным взглядом. Само напряжение и переживание. В отраженном свете глаза и волосы казались черными. Волосы были густыми и чистыми, но неухоженными. В этом плане гораздо хуже, чем у пони. Туника и сандалии — настоящий срам. Я улыбнулся, и в зеркале появилось выражение, полностью изменившее мой вид. Угрюмое молодое животное, готовое сразиться или обратиться в бегство, превратилось в нечто быстрое и нежное. Уже тогда я понял, что это редкое зрелище.

Затем все исчезло, и настороженное животное вернулось на свое место. Я наклонился вперед, протянул к зеркалу руку. Гладкая, отполированная поверхность холодила. Кто бы ни являлся его хозяином, это наверняка был тот же человек, который использовал стоявшую у источника чашку из рога. Он или совсем недавно покинул пещеру, или же жил здесь и должен был вот-вот прийти и тогда застал бы меня.

Я не испугался, а лишь насторожился, когда увидел чашку. С самого раннего детства приходится учиться постоять за

себя. Хотя обстановка в нашей долине достаточно спокойная, однако всегда найдутся злые люди, бродяги или преступники, о которых надо помнить. Мальчишке моего склада, любящему одиночество, надо уметь защищаться. Для своего возраста у меня хватало выносливости и силы, а кроме того, у меня был кинжал. Мне и в голову не приходило, что тогда мне шел всего лишь седьмой год. Я — Мерлин, побочный или какой там, но внук короля. Путешествие продолжалось.

Сделав шаг вдоль стены, я наткнулся на коробку. Сверху виднелись очертания каких-то вещей. Я безошибочно на ощупь определил, что это были кремьень, огниво, трут и большая, грубо отлитая свеча, пахнувшая овечьим салом. Рядом лежал — я даже не поверил, ощупывая предмет сантиметр за сантиметром, — овечий череп с рожками. В крышку были забиты гвозди, закреплявшие кожу. Под сохранившейся кожей я обнаружил тонкие кости летучих мышей, растянутых и припиленных к дереву.

Поистине пещера являлась кладом. Найди я золото или оружие, я не интересовался бы больше. Переполняемый любопытством, я потянулся к трутнице.

И тут я услышал, что он возвращается.

Первым делом мне пришло в голову, что он увидел пони, но потом понял, что он спускается сверху. Было слышно, как у него из-под ног, шурша, вылетает галька. Он вышел на траву. Последние камушки плюхнулись в ручей. Он прыгнул в густую траву у воды.

Снова пришел черед стать голубем-вахирем. О соколе забыто. Я метнулся в глубину пещеры. Он отодвинул ветви над входом в пещеру, и на мгновение стало светло. Я увидел, куда бежать. В конце пещеры виднелся скат и торчащие камни, а за ними широкий уступ высотой в два моих роста. Вспышка света, отраженного от зеркала, указала, что пространство в скале над уступом осталось во мраке. Я бесшумно вскарабкался в своих изношенных сандалиях наверх и втиснулся между скалой и потолком. В действительности это была расщелина, которая вела в другую, маленькую пещеру. Я юркнул в нее, как выдра в свою речную нору.

Похоже, что он ничего не услышал. Ветви опустились, и снова стало темно. Он вошел в пещеру. Послышалась твердая и размеренная мужская поступь.

Если бы я поразмыслил над всем этим, я бы пришел к выводу, что пещера должна пустовать по меньшей мере до заката солнца, поскольку у небогатого хозяина охота и другие дела отнимают весь день. Тем более нет смысла тратить свечи, когда на улице светлым-светло. Возможно, он пришел только для того, чтобы оставить свою добычу, когда он уйдет, я смогу выбраться. Дай бог, чтобы он не заметил привязанного в боярышнике пони.

Уверенной походкой человека, который вслепую знает свою дорогу, он прошел к ящику со свечой и трутницей.

Даже сейчас у меня не было времени обдумать все толком. Я только чувствовал, что небольшая пещера, куда я заполз, чрезвычайно неудобна, по размерам не больше, чем крупный круглый бочонок, используемый красильщиками. Пол, стены и потолок обжимали меня со всех сторон. Все равно, что сидеть внутри большого шара, утыканного к тому же изнутри гвоздями, поскольку кругом торчали зазубренные камни. Каждый сантиметр поверхности покрывали осколки кремня. Я осторожно выбрал место где прилечь. От порезов меня спасал лишь легкий вес. Найдя, наконец, относительно гладкий участок, я облокотился на него, наблюдая за слабо освещенным входом, и тихо вытащил из ножен кинжал.

Послышался звон кремня об огниво, быстрое шипенье, и в темноте ярко вспыхнул трут. Он зажег свечу, и по пещере распространился плавный свет.

Может, он был таким только вначале, превратившись тут же во вспышку, отблеск пожара, будто загорелась разом вся свеча. Кругом заплясали блики, малиновые, золотые, белые, красные. Нестерпимо яркие, они проникли в мое убежище. И я испуганно отшатнулся назад. Забыв о боли и порезах, я распластался на колкой стене. Мой шар залило пламенем.

А шар был таковым на самом деле. Круглое углубление, пол, потолок — повсюду растущие кристаллы. Гладкие и тонкие как стекло, но прозрачнее его во много раз, сверкающие как бриллианты. Такими они предстали в моем детском воображении. Я находился внутри шара, полного бриллиантов, миллиона пылающих бриллиантов. Каждый самоцвет своими гранями отражал в разных направлениях свет, повторяемый другими камнями. Радуги и реки из света, сверкающие звезды и малиновый дракон, ползущий по стене. Свет будто проникал сквозь меня.

Я закрыл глаза. Открыв их вновь, я увидел, что золотое сияние сократилось и сконцентрировалось на участке стены, не превышающем по размеру мою голову. Лишенное видений и картин, пятно продолжало излучать преломляющиеся золотые лучи.

Снизу из пещеры не доносилось ни звука. Он не шевельнулся за это время. До меня не долетало даже шуршание его одежды.

Затем пятно света начало двигаться. Сияющий диск медленно скользил по хрустальной стене. Я задрожал и съежился, пытаясь спрятаться от него в острых камнях. Прятались было негде. Пятно продолжало постепенно приближаться. Оно коснулось моего плеча, потом головы. Я весь сжался в комок. Тень, отбрасываемая мною, метнулась по пещере.

Поток света остановился и вернулся обратно, высвечивая мое убежище, затем исчез. Но пламя свечи, как ни странно,

осталось. Обычное желтое пламя рядом с расщелиной, ведущей в мое убежище.

— Выходи, — негромкий мужской голос, не похожий на приказывающий тон деда, прозвучал ясно и коротко, непонятным образом побуждая к подчинению. Мне даже в голову не пришло ослушаться. Я выполз через острые кристаллы к расщелине и медленно выглянул из-за уступа, нависавшего над стеной. В правой руке я наготове держал нож.

6

Он стоял между моим убежищем и свечой. Передо мной возвышалась его исполинская, как мне показалось, фигура в домотканом коричневом хитоне. Пламя свечи образовало нимб вокруг его головы. Снизу лицо обрамляла борода. Выражения самого лица я не видел. Правую руку скрывали складки одежды.

Я выжидал, осторожно балансируя.

— Вынимай свой кинжал и спускайся, — добавил он тем же ровным голосом.

— После того, как покажешь свою правую руку.

Он показал мне пустую ладонь.

— Я безоружен, — серьезно сказал он.

— Тогда уйди с дороги, — приказал я и прыгнул. Пещера была широкой. Он стоял в стороне. Я сделал по инерции еще несколько шагов и оказался у входа в пещеру, прежде чем он успел шевельнуться. Но он и не пытался тронуться с места. Шмыгнув в сводчатый проход и отодвинув нависавшие ветви, я услышал его смех.

Я остановился и обернулся.

Теперь на свету я мог четко разглядеть его. Это был старый человек с ниспадающими на уши и редющими сверху седыми волосами. Аккуратно подстриженная седая борода. Мозолистые грязные руки с красивыми длинными пальцами. Кисти рук были покрыты старческими узловатыми венами. Мой взгляд задержался на его лице. Тонкое, со впалыми щеками. Кожа почти обтягивала череп. Высокий лоб и нависающие над глазами густые брови. По его глазам нельзя было определить, сколько ему лет. Ясные, большие и серые, они были близко поставлены. Нос походил на узкий клюв. Тонкие губы, растянувшиеся в улыбке, обнажили поразительно белые зубы.

— Вернись. Не стоит бояться.

— Я и не боюсь. — Опустив на место ветви, я не без бравады подошел к нему, остановился в нескольких шагах. — Почему я должен тебя бояться? Ты знаешь, кто я такой?

Он посмотрел на меня, потом сказал, будто бы размышляя вслух:

— Погоди, погоди. Черные волосы и глаза, тело танцора, повадки волчонка или, может быть, соколенка?

Рука с кинжалом повисла у меня вдоль ноги.

— Выходит, знаешь?

— Скажем, я знал, что ты когда-нибудь придешь. А сегодня узнал, что здесь кто-то есть. Иначе почему я так рано вернулся?

— А как ты узнал, что в пещере кто-то есть? Ах, да! Ты видел летучих мышей.

— Возможно.

— Они все время вот так вылетают?

— Только при незнакомых. Ваш кинжал, сэр.

Я убрал его за пояс.

— Ко мне никто не обращается «сэр». Я внебрачный сын. Я ничей и принадлежу себе самому. Меня зовут Мерлин, да ты знаешь.

— А меня Галапас. Ты голоден?

— Да. — В моем голосе прозвучало сомнение, когда я подумал об овечьем черепе и мертвых летучих мышах.

К моему удивлению, он понял. Серые глаза мигнули.

— Будешь фрукты и пирог с медом? А также сладкую воду из источника? Разве во дворце бывает еда лучше?

— В это время дня я не получил бы подобных кушаний в королевском доме, — признался я. — Спасибо, сэр. Я буду рад откусать с вами.

Он улыбнулся.

— Меня не называют сэром. Я тоже принадлежу самому себе. Выходи и садись на солнце. Я принесу еду.

Фрукты оказались яблоками, очень похожими на те, что росли в саду деда. Я тайком бросил взгляд на хозяина. Интересно, может быть, я видел его у реки или в городе?

— У тебя есть жена? — спросил я. — Кто испек пироги с медом? Они очень вкусные.

— У меня нет жены. Я же сказал, что у меня никого нет, я не вожу знакомства ни с мужчинами, ни с женщинами. На протяжении всей своей жизни ты еще увидишь, Мерлин, как мужчины и женщины будут пытаться пленить тебя. Ты избежишь их пут, разомкнешь и разрушишь их, как только пожелаешь. И по своему желанию позволишь потом снова пленить себя, чтобы уснуть в тени этих пут. Пироги с медом печет жена пастуха.

— Ты отшельник? Святой?

— Разве я похож на святого?

— Нет. — Единственно, кого я боялся в то время, были одинокие святые отшельники, бродившие, молясь и попрошайничая, по городу. Они шумели, вели себя вызывающе и странно. В их глазах блуждало безумие. От них исходил запах, похожий на тот, что исходит от свалки потрохов у городской мясобойни. Иногда я затруднялся сказать, какому

богу они служили. Ходили разговоры, что некоторые из них оставались друидами, объявленными официально вне закона. Но в Уэльсе друиды могли беспрепятственно служить своим богам. Многие уэльсцы являлись последователями старых местных божеств. Поскольку их популярность год от года менялась, то их служители имели тенденцию время от времени сменять божественные лона, руководствуясь размером поживы. Даже христиане иногда грешили этим. Их всегда можно было отличить от других отшельников: они были самые грязные из всех. Римские боги и их жрецы прочно обосновались в полуразрушенных храмах, сносно существуя на подаяния. Церковники выражали им свое недовольство, но ничего не могли поделать.

— У источника стоял бог, — напомнил я.

— Да. Мирдин. Я пользуюсь его источником, святым холмом и средоточием неземного света, а взамен служу ему. Никогда не следует пренебрегать местными богами, кем бы они ни являлись. В конце концов существует-то один.

— Если ты не отшельник, то кто?

— В настоящее время — учитель.

— У меня есть учитель. Он из Массилии, но на самом деле был в Риме. Кого ты учишь?

— Пока никого. Я стар и устал. Пришел сюда искать одиночества и изучать.

— Зачем тебе мертвые мыши там, на коробке?

— Я их изучаю.

Я с удивлением взглянул на него.

— Ты изучаешь мышей? Как можно изучать мышей?

— Я изучаю их строение, как они летают, питаются и размножаются. Их жизнь. И не только мышей, но и зверей, и рыб, и растений, и птиц — все, что попадаете мне на глаза.

— Но это не изучение! — я с изумлением поглядел на него. — Мой учитель Деметриус сказал мне, что наблюдать за ящерицами и птицами — пустая трата времени. Хотя Сердик, мой друг, посоветовал мне посмотреть на вяхирей.

— Зачем?

— Потому что они быстрые и тихие, держатся далеко от постороннего глаза. Они кладут только два яйца. За ними охотятся все: люди, звери, коршуны — но все равно их полно вокруг.

— А также их не держат в клетках, — он отпил воды, рассматривая меня. — Итак, у тебя есть учитель. Ты умеешь читать?

— Конечно.

— А на греческом?

— Немного.

— Тогда пойдем со мной.

Галапас поднялся и вошел в пещеру. Я последовал за ним. Он снова зажег свечу, потушенную прежде, и при ее

свете поднял крышку сундука. Внутри я увидел книжные свитки — больше, чем я видел за всю мою жизнь. Выбрав один из них, он осторожно опустил крышку и раскатал свиток.

— Вот.

Я с восхищением разглядел тонкий, но четкий рисунок мышиноного скелета. Рядом аккуратным, но неразборчивым греческим письмом были даны пояснения, которые я тут же, забыв о присутствии Галапаса, начал медленно читать вслух.

Выждав минуту-две, Галапас положил мне на плечо руку.

— Вынеси ее из пещеры, — он вытащил гвозди, прищипливавшие одну из засушенных летучих мышей к крышке, и бережно положил мышь на ладонь. — Затуши свечу. Сейчас разглядим ее вместе.

Вот так, без лишних вопросов и торжественных церемоний, начался мой первый урок у Галапаса.

Лишь на заходе солнца, когда по склонам долины поползли длинные тени, я вспомнил, что меня ждет другая жизнь и долгий обратный путь.

— Мне пора идти! Деметриус ничего не скажет, но, если я опоздаю на ужин, меня обязательно начнут расспрашивать, где я был.

— И ты, конечно, ничего им не скажешь?

— Разумеется, иначе мне запретят ездить сюда.

Галапас промолчал и улыбнулся. Наверное, я и не заметил тогда, что мы поняли друг друга без лишних слов. Он не спросил меня, как и почему я очутился у него в пещере. Будучи ребенком, я воспринял это как должное, хотя вежливости ради уточнил:

— Мне можно будет приехать снова, правда?

— Конечно.

— Я... мне.... Сейчас трудно сказать, когда я приеду. Не знаю, когда сбегу, то есть освобожусь в очередной раз.

— Ничего. Когда ты приедешь, мне станет об этом известно, и я приду.

— А как ты узнаешь?

— Точно так же, как и сегодня. — Ловкими движениями длинных пальцев он свернул книжный свиток.

— О да, я и забыл. Я войду в пещеру, и из нее вылетят мыши?

— Именно так, если тебе угодно.

Я радостно рассмеялся.

— Я еще никогда не видел такого человека, как ты. Подавать дымовые сигналы, используя мышей! Если кому-нибудь рассказать, никто не поверит, даже Сердик!

— Но ты ведь не скажешь даже Сердику?

Я кивнул.

— Нет. Никому-никому. А теперь я должен идти. До свидания, Галапас.

— До свидания.

Последовавшие за этой встречей дни и месяцы наполнились новым содержанием. Каждый раз, когда у меня получалось, иногда дважды в неделю, я приезжал из долины в пещеру. Похоже, он всегда знал о том, когда меня ждать, и каждый раз встречал с разложенными книгами. Если же Галапас отсутствовал, я, как мы договорились, выгонял из пещеры летучих мышей, взмывавших в небо столбом дыма. С течением времени мыши привыкли ко мне, и иногда приходилось метко запускать под свод пещеры два-три камня. Но потом, когда люди во дворце привыкли к моим отлучкам и перестали меня расспрашивать, я получил возможность точно договариваться с Галапасом о нашей следующей встрече.

После того, как в конце мая у Олуэн появился ребенок, Моравик начала уделять мне гораздо меньше внимания. Когда же у Камлака в сентябре родился сын, она окончательно перешла к королевским детям в качестве главной воспитательницы, неожиданно бросив меня, подобно птице, оставившей гнездо. Мы все меньше и меньше виделись с матерью, которой нравилось проводить время со своими женщинами. Я был покинут на Деметриуса и Сердика. У Деметриуса все чаще находились аргументы в пользу выходных дней, а Сердик был мне другом. Каждый раз, не задавая вопросов, лишь мигнув иной раз или отпустив сальную шутку, он расседлывал и мыл грязную, потную лошадь. Комната теперь принадлежала только мне, не считая волкодава. Он по привычке приходил ко мне ночевать. Но был ли он моим телохранителем, я затрудняюсь ответить. Подозреваю, что нет. К тому же я в общем-то находился в безопасности. В стране установился мир, если не считать вечно живых слухов о вторжении из Малой Британии. Камлак отлично ладил с отцом. Если посмотреть со стороны, то я, по всей видимости, очень быстро продвигался к путам священнослужителя. Поэтому после уроков с Деметриусом я был волен идти на все четыре стороны.

В долине мне никто никогда не встречался. Пастух жил там только летом, обитая в нищенской лачуге у леса. По тропинке, шедшей мимо пещеры Галапаса, бродили только овцы и олени. Она никуда не вела.

Галапас оказался хорошим учителем, а я — сообразительным учеником. Но, по правде говоря, мне и в голову не приходило считать наши встречи уроками. Мы оставили геометрию и языки Деметриусу, а религию — священникам моей матери. Поначалу Галапас выступал в роли рассказчика. В молодости он побывал чуть ли не на краю света, объездив Эфиопию, Грецию, Германию и обогнув Срединное море. Он

научил меня необходимым в жизни вещам: как собирать и сушить травы, делать из них лекарства, готовить таинственные настойки и даже яды. Мы вместе занимались изучением птиц и зверей. Я узнал о расположении костей и органов тела. Галапас показал мне, как останавливать кровотечение, лечить переломы, вырезать злокачественную плоть и очищать раны, чтобы они быстрее заживали. Позже он посвятил меня в другие, более тонкие и сложные таинства природы. Я до сих пор помню, что самым первым заклинанием, которому он научил меня, было заговаривание бородавок. Это настолько легкое дело, что по силам даже женщине.

В один прекрасный день он вытащил из сундука свиток и развернул его.

— Ты знаешь, что это такое?

К тому времени я уже привык к схемам и рисункам, но такое я видел впервые. Надписи были сделаны на латыни, и я разобрал слова «Эфиопия», «Острова удачи» и вверху, в правом углу — «Британия». Повсюду тянулись кривые линии и нарисованные холмики, точно на поле, где хорошо поработали кроты.

— Это горы?

— Да.

— Это картина мира?

— Карта.

Никогда прежде я не видел карты. Вначале я ничего не понимал, но по ходу объяснений Галапаса мне стало ясно, что мир изображен с высоты птичьего полета, отчего реки и дороги походили на нити паутины или невидимые указатели, направляющие пчелу на цветок. Подобно тому, как человек находит ручей и следует за ним сквозь непроходимые чащи и болота, так и карта помогает добраться из Рима в Массилию, Лондон или Карлеон, не спрашивая ни у кого дороги и не тратя времени на поиски вех. Это открытие принадлежало греку Анаксимандру, хотя некоторые утверждают, что первопроходцами в этой области были египтяне. Карта, которую показал мне Галапас, оказалась срисованной из книги Птолемея Александрийского. После пояснений Галапаса мы внимательно изучили ее. Галапас попросил меня достать вошеную дощечку и самому нарисовать карту моей страны.

Когда я завершил, он посмотрел на мое творение.

— Что это, в центре?

— Маридунум, — ответил я, не скрывая удивления от его вопроса. — Вот мост, река и дорога на базар. А это ворота у казарм.

— Понятно. Но я же не просил начертить карту города, Мерлин. Я сказал — страны.

— Всего Уэльса? Но откуда я знаю, что находится на севере за холмами? Мне не приходилось там бывать.

— Тогда я покажу тебе.

Он отложил мою вощеную дощечку, взял острый прут и начал чертить им по пыли, попутно объясняя. Рисунок напоминал большой треугольник, охватывавший не только Уэльс, но и всю остальную Британию, включая таинственные земли за Стеной, населенные дикарями. Галапас показал мне горы, реки, города Лондон и Калеву, многочисленные селения на юге и окраинные крепости, соединенные с центром многими дорогами, — Сегонтиум, Карлеон, Эборанум и другие, находящиеся у Стены. Он вел свой рассказ, а я мог перечислить дюжину королей, правивших в упомянутых городах. Позже мне не раз приходил на память преподнесенный им урок географии.

Скоро наступила зима, и на небе стали рано появляться звезды. Галапас рассказал мне, как они называются, в чем их сила и как наносить их на карту, подобно дорогам и городам. Он сказал, что движение звезд по небу сопровождается звездной музыкой. Сам он в музыке не понимал, но когда я рассказал ему, что Олуэн учила меня играть, он помог мне смастерить небольшую лиру. Вышло, конечно, грубовато. Основание мы сделали из граба, изогнутые части — из красной ивы, растущей на реке Тайви, а струны надергали из хвоста моего пони. По этому поводу Галапас заметил, что лира принца должна иметь золотые и серебряные струны. Наконечники струн я отдал расщепленными медными монетами, а ключи — отполированными кусочками кости. Сзади, на деке, я выгравировал фигурку сокола, после чего инструмент мне показался гораздо лучше, чем у Олуэн. Во всяком случае, моя лира не уступала по звучанию ее. Нежное, бархатное звучание, казалось, струится прямо из воздуха. Я спрятал лиру в своей пещере. Несмотря на то, что Диниас меня уже не трогал, считая ниже своего «воинского» достоинства иметь дело с несчастным церковником, я не хранил во дворце ценных для меня вещей, если не мог запретить их в свой сундук. Лира же туда не входила. Тем более что музыки во дворце хватало — под окном на грушевом дереве пели птицы, а иногда бралась за лиру Олуэн. Когда же птицы умолкали и по небу разливался свет звезд, я напряженно вслушивался в звездную музыку. Но никак не мог ее услышать.

Однажды, когда мне шел уже тринадцатый год, Галапас заговорил о хрустальной пещере.

7

Общеизвестно, что важные для себя вещи дети усваивают как бы само собой. Ребенок по наитию узнает их и запоминает, дополняя непонятное своей фантазией. Что-то преувеличивается или искажается, приобретая оттенок волшебства или кошмара.

Так произошло с хрустальной пещерой.

Я ни разу не рассказывал Галапасу о своем первом впечатлении. Даже для самого себя я затруднялся понять, что вызывали во мне свет и огонь. Мечты, туманные воспоминания, фантастические картинки или просто нечто необъяснимое, подобно голосу, сказавшему о приезде Горлана. Заметив, что Галапас не заводит разговора о маленькой пещере и зеркале, прикрываемом каждый раз, я тоже ничего не спрашивал.

Однажды зимним днем, когда земля, скованная морозом, звенела и искрилась, я поехал навестить его. Закусив удила, пони резво скакал по дороге, ведущей в долину. Перейдя на легкий галоп, он вскинул голову. Из ноздрей шел пар, делая его похожим на сказочного дракона. В конце концов я перерос своего нежного гнедого, на котором катался в детстве, и сейчас гордился небольшим уэльским конем серой масти по имени Астер. Он относился к горной уэльсской породе — быстрый, выносливый и красивый, с длинной узкой головой, небольшими ушами и упругой шеей. Лошади водятся на воле в горах и во времена римлян скрещивались с другими, привезенными с востока. Астера поймали и приручили для моего кузена Диниаса, который за два года заездил его и списал со счетов как боевого коня. Поначалу мне было трудно управляться с ним: он грубо вел себя и у него был поранен рот. Но после объездки Астер изменился, шаг стал ровным, он перестал бояться и привязался ко мне.

В начале зимы я соорудил для Астера у пещеры укрытие. В густом боярышнике у скалы мы с Галапасом наносили камни и построили загон. Задней стеной служила сама скала. Сверху мы наложили сухих веток и коряг — жилище Астера стало не только теплым, но и незаметным для постороннего глаза. Тайный характер наших встреч стал предметом молчаливого соглашения. Я понимал, что Галапас помогал мне избежать участи, уготованной для меня Камлаком. Но даже и тогда, когда стал почти полностью предоставлен самому себе, я продолжал хранить в тайне мои встречи, изобретал десятки предлогов для своих отлучек и находил все новые подъездные пути к пещере. Я завел Астера в загон, расседлал его, снял уздечку, повесил упряжь и положил ему корма из сумки, притороченной к седлу. Перегородив вход толстой корягой, я направился быстрым шагом в пещеру.

Галапаса не было. Видно, он ушел недавно, так как сгребенные в кучу угли слабо мерцали у входа. Я поворошил их, пока не разгорелось пламя, и устроился с книгой. Сегодня мы не договаривались о встрече. У меня была уйма времени, я не стал выгонять мышей, решив спокойно почитать.

Не знаю, что побудило меня сегодня в обычный день, проведенный в одиночестве, отложить книгу и, минуя занавешенное зеркало, подойти к расщелине, в которой я прятался пять лет назад. Для себя я объяснял это тем, что мне просто

стало любопытно, изменилось ли там чего, не оказались ли кристаллы плодом моего воображения. Но что бы там ни было, я взобрался на уступ и встал на четвереньки, всматриваясь внутрь.

Из небольшой пещеры веяло темнотой и одиночеством. Огонь костра не достигал сюда. Я осторожно пополз вперед, пока руки не нащупали острые кристаллы. Они существовали на самом деле. Даже сейчас, не отдавая себе отчет, зачем я спешил, не спуская глаз со входа и прислушиваясь, не идет ли Галапас, я соскочил с уступа, взял старенькую ездовую куртку, кинул ее на дно пещеры.

С подстилкой из куртки внутренняя поверхность шара показалась гораздо удобнее. Я тихо лег. Стояла полная тишина. Мои глаза привыкли к темноте, и я заметил слабое серое мерцание, исходящее от кристаллов. Однако волшебного светлого сияния не было и в помине.

В воздухе что-то шевельнулось, в моем темном убежище повеяло свежим воздухом, затем я услышал долгожданные шаги.

Когда спустя несколько минут Галапас зашел в пещеру, я сидел у огня, читая книгу. Рядом лежала куртка.

За полчаса до наступления сумерек мы отложили книги в сторону. Но я не торопился уходить. Костер пылал, наполняя пещеру теплом и неровным светом. Мы посидели в тишине.

— Галапас, я хотел бы спросить у тебя одну вещь.

— Да?

— Ты помнишь тот день, когда я впервые пришел сюда?

— Очень ясно.

— Ты знал, что я приду, и ждал меня.

— Разве я так говорил?

— Сам знаешь. Откуда же тогда тебе стало известно, что я буду здесь?

— Я увидел тебя в хрустальной пещере.

— Это само собой. Ты направил зеркалом зайчик от света свечи и увидел мою тень. Но я спрашиваю не об этом. Откуда ты узнал, что в этот день я приду из долины?

— Я же ответил, Мерлин. Я понял, что ты придешь в тот день из долины, потому что перед твоим приходом увидел тебя в хрустальной пещере.

Мы молча посмотрели друг на друга. Раскаленные докрасна угли затрещали и рассыпались под порывом ветра, вынесшего дым из пещеры. По-моему, я лишь кивнул в ответ. Я догадывался, что есть что-то важное. Подождав немного, я прямо спросил:

— Покажешь мне?

Он смерил меня взглядом и поднялся.

— Пожалуй, пора. Зажги свечу.

Я повиновался. Небольшое золотистое пламя высветило неровные тени, отбрасываемые мерцающими углями.

— Сними с зеркала покрывало.

Я дернул его, и оно упало мне в руки шерстяным комком.

— Теперь поднимайся на уступ и ложись.

— На уступ?

— Да. Ложись на живот головой к расщелине.

— А ты не хочешь, чтобы я забрался туда полностью?

— Подложив под себя куртку?

Находясь на полпути к расщелине, я резко обернулся.

Галапас улыбался.

— Сдаюсь. Тебе все известно.

— В один из дней ты проникнешь туда, куда я не смогу последовать за тобой со своим провидением. Давай ложись и смотри.

Уступ был широкий и плоский. Я лег, удобно устроился на животе, подперев голову руками, и стал смотреть в темноту расщелины.

До меня донесся голос Галапаса:

— Не думай ни о чем. Управлять буду я. Тебе еще рано. Лишь наблюдай.

Я услышал, как он сделал несколько шагов к зеркалу.

Пещера оказалась больше, чем мне представлялось. Ее потолок терялся наверху. Пол был отполирован множеством ног. Я ошибся даже в отношении кристаллов. Свет факелов отражался от луж на полу и влаги на стене.

Факелы, вставленные в щели в стенах пещеры, были сделаны из тряпья, набитого в потрескавшиеся рога. Тряпки тускло горели в спертom воздухе. Несмотря на холод; люди работали обнаженными, оставив лишь набедренные повязки. По их спинам стекал пот. Они врубались в поверхность скалы, ритмично нанося удар за ударом. Я не слышал шума. В свете факелов было видно, как напрягаются и дрожат от напряжения их мускулы. Под нависавшим выступом у основания стены распростерлись в луже сочившейся сверху воды два человека. Они изнутри долбили молотками стену. Молотки проходили на расстоянии нескольких дюймов от их лиц. На запястье одного из них я заметил светлую складку старого клейма.

Один из забойщиков низко склонился, закашлялся. Подавив кашель, он снова принялся за работу. В пещере стало светлее. Свет шел из квадратного проема, за которым открывался туннель. Там показался еще один факел.

Появились четыре мальчика в набедренных повязках. Они несли высокие корзины. За ними шел человек, одетый в коричневую влажную тунику. В одной руке он держал факел, в другой — табличку для записей. Пока ребята сгребали в корзину породу, он, нахмурясь, изучал табличку. Мастер подошел к стене и, высоко подняв факел, принялся ес

рассматривать. Рабочие, воспользовавшись передышкой, отошли. Один из них заговорил с мастером, указывая на выработку и выступающую на дальней стене пещеры влагу.

Мальчишки наполнили корзины, подбирая все до последней крошки, и оттащили их от стены. Мастер пожал плечами и улыбнулся. Достав из сумки серебряную монету, привычным движением заправского игрока он подбросил ее. Рабочие вытянули шеи, стараясь разглядеть, что выпало. Человек, разговаривавший с мастером, вернулся к стене и вогнал в породу кайло. Трещина разошлась, взвилось облако пыли, затмившее свет, за пылью хлынула вода.

— Выпей, — сказал Галапас.

— Что это?

— Один из моих, но пока не твоих отваров. Он безопасный. Выпей.

— Спасибо. Галапас, пещера все-таки хрустальная. Но мне приснилось совсем другое.

— Ничего, не обращай внимания. Как ты себя чувствуешь?

— Необычно. Трудно объяснить. Хорошо, но немного болит голова. Внутри пустота, как в ракушке, из которой вытащили улитку. Даже нет, как камыш без мякоти.

— Свистулька для ветра. Ладно. Спускайся к жаровне.

Я уселся на своем прежнем месте у костра и взял в руки чашу с глинтвейном.

— Где ты был? — спросил он.

Я рассказал ему об увиденном. На расспросы, что это значило и что ему известно, Галапас покачал головой.

— Мне кажется, что это уже недостижимо для меня. Мне лишь известно, что ты должен быстро допить вино и отправляться домой. Уже взошла луна.

Я вскочил на ноги.

— Уже? Ужин давно закончился... Если меня начнут искать...

— Тебя не будут искать. Происходят совсем другие вещи. Иди и обдумай для себя все.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал. Чего бы тебе ни стоило, оставайся с королем. Вот, не забудь. — Он сунул мне в руки куртку.

Я вслепую взял ее.

— Он покидает Маридунум?

— Да. На короткий срок, но не знаю на какой.

— Он ни за что не возьмет меня с собой.

— Боги не оставят тебя, Мирдин Эмрис, если ты пойдешь по их стезе. Для этого требуется храбрость. Надень куртку, снаружи холодно.

Я засунул руку в рукав, сердито взглянув на него исподлобья.

— Ты видел, что происходит на самом деле, я насмотрелся кристаллов под огнем — и все впустую, лишь получил чертовскую головную боль. Какой-то глупый сон про рабов в забое. Когда ты научишь меня видеть как ты?

— Для начала я вижу волков, поедающих тебя и Астера, если ты не поспешишь домой.

Он хохотнул, будто отколол замечательную шутку. Я убежал из пещеры и ринулся седлать коня.

8

На небе стояла четверть луны, в свете которой дорога была хорошо видна. Конь играл, разгоняя кровь, и скакал домой живее, чем обычно, весь в предвкушении ужина. Мне пришлось придерживать его, так как было скользко и я боялся упасть. Но надо признать, что от последнего замечания Галапаса мне стало не по себе, и я на всем скаку прогнал Астера сквозь рощу, забыв о скользкой дороге, замедлив шаг лишь у мельницы. Видимость установилась, и я пустил коня галопом.

Подъехав к городу, я заметил, что там что-то происходило. Бечевник опустел, так как городские ворота давно заперли, но за стенами виднелось множество факельных огней. Раздавались крики и топот ног. У конюшенных ворот я соскользнул с седла, приготовившись к тому, что они будут заперты. Едва я потянулся проверить, как двери открылись и появился Сердик с прикрытым фонарем в руке. Он поманил меня внутрь.

— Я прислушивался весь вечер и услышал, как ты едешь. Где тебя носило, юный любовник? Она была хороша сегодня?

— О да. Обо мне спрашивали? Меня не хватились?

— Думаю, что нет. Сегодня вечером у них есть заботы поважнее, чем ты. Дай мне уздечку, заведем его пока в сарай. На дворе слишком много народа.

— Что происходит? Я услышал шум за версту. Война?

— Нет, похуже. Хотя может закончиться именно этим. Сегодня днем пришло послание, что Верховный король направляется в Сегонтиум. Он пробудет там неделю или две. Твой дед отправляется завтра с утра. Все суетятся по поводу его отъезда.

— Ага. — Я пошел следом за ним в сарай и посмотрел, как он снимает седло. Машинально выдернул из стога соломину, скомкал ее в пучок и передал Сердику через шейный ремень.

— Король Вортигерн в Сегонтиуме? Зачем?

— Считает людей, говорят, — со смехом ответил Сердик.

— То есть собирает союзников. Получается, речь идет о войне?

— О войне постоянно будут говорить, пока в Малой Британии царствует Амброзиус, которого поддерживает король Будек. Люди понимают, что о таких вещах лучше не говорить.

Я кивнул головой. Не помню точно, говорил ли мне кто-нибудь об этом. Однако всем известно, как Верховный король добился трона. Он был регентом малолетнего короля Констанция, когда тот неожиданно скончался. Младшие братья Констанция не стали дожидаться подтверждения слухов об убийстве и бежали к своему кузену Будеку в Малую Британию, оставив королевство Волку и его сыновьям. Каждый год слухи рождались заново. Говорили, что король Будек начал вооружать двух принцев; Амброзиус уехал в Рим, а Ютер не то поступил наемником к Восточному императору, не то женился на дочери персидского царя; оба брата собрали армию в четыреста тысяч и собираются пройти как Божье воинство и без потерь выгонят саксов с восточного побережья. Прошло, однако, 20 лет, и ни один из слухов не подтвердился. О приходе Амброзиуса отзывались как о свершившемся факте, который успел стать легендой, подобно появлению Брута и троянцев спустя четыре поколения после падения Трои или путешествию Иосифа на Тернистый холм у Авалона. Или же говорили как о втором явлении Христа, хотя, когда я передал это матери, она очень рассердилась, а я больше так не шутил.

Сердик, зачем Верховный король собрался в Северный Уэльс?

— Я же сказал. Совершает обход и ищет поддержки, прежде чем наступит весна. Он и его саксонская королева, — Сердик сплюнул на землю.

— Почему ты плюешься? Ты сам сакс.

— Был им. Теперь я живу здесь. Эта соломенная шлюха первым делом заставила короля начать распродажу страны. Ты и сам знаешь, что, как только она очутилась в королевской постели, от северян не стало спасу. Вортигерн не может ни сразиться с ними, ни откупиться от них. А если она представляет собой то, что о ней говорят люди, то бьюсь об заклад, что никому из королевских детей не удастся поносить корону.

Сердик говорил негромко, но при этих словах обернулся, сплюнул и сотворил знамение против нечистой силы.

— Сам знаешь или узнаешь, если будешь побольше слушать старших и поменьше тратить времени на книги и тому подобное, общаться с людьми, живущими на полых холмах.

— Ты думаешь, я туда езжу?

— Люди так говорят. Я ничего не спрашиваю и не хочу ничего знать. Давай поднимайся. — Последние слова были обращены к пони, Сердик развернул его и принялся чистить другой бок.

— Поговаривают, что саксы вновь высадились к северу от Рутупеи и заломили на этот раз такую цену, что даже

Вортигерн воспротивился. Весной ему придется давать сражение.

— Мой дед присоединится к нему.

— Он надеется на него, уж точно. Но тебе лучше пойти поужинать, если хочешь успеть. Тебя никто не заметит. Час назад, когда я пытался ухватить себе кусок, на кухне стояла ужасная неразбериха.

— Где мой дед?

— Откуда я знаю? — Он поднял голову, поглядев на меня через конскую спину. — К чему это?

— Я хочу отправиться с ним.

— Хо! — Он бросил пони рубленого корма. Его реплика не вдохновила.

— У меня есть мечта посмотреть Сегонтиум, — упрямо повторил я.

— У кого ее нет? Я сам хочу. Но если ты намерен обратиться к королю... — он не закончил. — Да, конечно, тебе пора посмотреть свет и встряхнуться. Но не пойдешь же ты к королю?

— Почему бы и нет? В худшем случае он откажет мне.

— В худшем случае! Клянусь Юпитером, посмотрите на него! Послушай моего совета — ужинай и ложись спать. Не обращай даже к Камлаку. Он поссорился с женой и стал похож на горностаю, у которого болит зуб.

— Шутишь, что ли?

— Боги не оставят тебя, если ты пойдешь по их стезе.

— Да-да, но некоторые боги могут задавить тебя своими слишком большими копытами. Ты предпочитаешь, чтобы тебя похоронили по-христиански?

— Не против. Полагаю, что скоро меня ожидает крещение, как только к нам приедет епископ. Но пока я не отношусь ни к кому.

Он рассмеялся.

— Надеюсь, меня предадут огню, когда настанет мой черед. Это выглядит несколько чище. Ладно, не хочешь слушать — не слушай. Но не отправляйся к королю на пустой желудок.

— Обещаю, — ответил я и отправился на поиски ужина. Поев, я надел приличную тунуку и пошел к деду.

К моему облегчению, Камлака с ним не было. Король находился в своей спальне, расслабленно развалившись в кресле перед пылающим камином. У его ног спали два волкодава. Поначалу мне показалось, что рядом с ним в кресле с высокой спинкой сидела королева Олуэн, но это была моя мать. Рядом лежало вышивание, усталые руки придерживали на коленях белое полотно. Она обернулась и приветствовала меня удивленной улыбкой. Один из волкодавов застучал по полу хвостом. Другой приоткрыл глаз и, поведив

им, закрыл снова. Дед сердито посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей, но довольно добро сказал:

— Ну что, мальчик? Не стой там. Проходи же сюда. Там чертовски сквозит. Закрой дверь.

Я повиновался и подошел к огню.

— Могу ли я видеть вас, сэр?

— Ты видишь меня. Что ты хочешь? Садись.

Я взял стул и поставил между ними, чтобы не оказаться в тени.

— Ну что? Давно не видел тебя. Засиделся за книгами?

— Да, сэр. — Исходя из принципа, что лучшая защита — это нападение, я перешел к главному.

— Я уезжал сегодня днем покататься верхом и...

— Куда?

— Вдоль реки. Ничего особенного, потренироваться в верховой езде и...

— Уже хорошо.

— Да, сэр. Поэтому я пропустил посланца. Мне сказали, сэр, вы уезжаете завтра утром.

— А какое это имеет отношение к тебе?

— Мне только хотелось бы отправиться вместе с вами.

— Тебе хотелось бы? Тебе хотелось бы? С чего бы это вдруг?

В моей голове закружились десятки ответов. Показалось, что мать с сожалением следит за мной. Дед ждал с безразличным нетерпением, смешанным с легким удивлением. Я ответил чистую правду.

— Мне уже тринадцатый год, а я не ездил дальше Маридунума. Если дядя настаит, то меня заточат в этой или какой-нибудь другой долине, стану писарем и нигде не побываю.

— Ты намекаешь, что тебе неохота учиться?

— Нет. Я хочу учиться больше всего на свете. Но учеба что-то дает, если ты успел повидать мир. Если бы вы позволили мне отправиться с вами.

— Я еду в Сегонтиум, разве тебе не говорили? Это тебе не праздничная охота. Поездка ожидается долгая и трудная. Ни к кому не будет снисхождения.

Мне стоило больших усилий выдержать жесткий взгляд его голубых глаз.

— Я тренировался, сэр, и у меня сейчас хороший конь.

— То, что осталось от коня Диниаса? Ну что ж, выбор по тебе. Нет, Мерлин, я не беру детей.

— Значит, Диниас остается.

Мать тяжело вздохнула. Дед, уже было отвернувшийся, снова обернулся ко мне. Я увидел, как его кулаки сжали подлокотники, но он не ударил меня.

— Диниас — мужчина.

— Тогда Маэль и Дуан тоже едут с тобой? — Эти два пажа, моложе меня возрастом, неотступно следовали за королем.

Мать тихо заговорила, но дед прервал ее движением руки. Его взгляд из-под сердито нахмуренных бровей остановился на мне.

— От Маэля и Дуана есть прок. Какой прок будет от тебя?

Я спокойно выдержал его взгляд.

— Сейчас от меня небольшой прок. Но разве вам не говорили, что я говорю по-саксонски и по-уэльски, читаю по-гречески, а моя латынь лучше вашей?

— Мерлин, — прервала меня мать, но я не обратил на нее внимания.

— Я бы добавил к этому бретонский и корнийский, но вряд ли они потребуются в Сегонтиуме.

— А можешь ли ты объяснить мне, — сухо спросил дед, — зачем мне говорить с королем Вортигерном на другом языке, кроме уэльского, учитывая, что он из Гвента?

По его тону я понял, что победил. Отвести взгляд от его глаз было равносильно долгожданному отходу с поля боя. Я набрал в легкие побольше воздуха и нерешительно ответил:

— Нет, сэр.

Он громко рассмеялся и перевернул ногой одного волкодава.

— Да, несмотря на твою внешность, в тебе все-таки чувствуется семейная кровь. По меньшей мере у тебя хватило мужества осадить старого пса в его берлоге, когда приспичило. Ладно, поедешь. Кто будет сопровождать тебя?

— Сердик.

— Сакс? Прикажи ему приготовить снаряжение. Мы выезжаем с первым лучом солнца. Ну что, чего еще ждешь?

— Пожелать матери спокойной ночи. — Я встал, подошел к матери и поцеловал ее. Она несколько удивилась, поскольку мне нечасто приходилось проделывать это.

Сзади донеслись резкие слова деда:

— Не на войну собираешься. Вернешься через три недели. Уходи.

— Да, сэр. Спасибо. Спокойной ночи.

Я простоял за дверью добрых полминуты, прислонившись к стене и успокаивая дыхание. От горла отступил комок. «Боги не оставят тебя, если ты пойдешь по их стезе. Для этого требуется храбрость.»

Я проглотил комок, вытер потные ладони и побежал к Сердику.

Итак, я впервые покинул Маридунум. Для меня поездка стала самым чудесным приключением в мире. Прохлада

утренней зари, когда на небе еще стоят звезды. Люди были мрачные и полусонные, поэтому мы ехали в молчании. В морозный воздух поднимался пар. Копыта лошадей высекали искры из сланцевой дороги. Даже звон доспехов холодил душу. Я закоченел и едва удерживал поводья. Меня занимало лишь одно. Как удержаться на своем пони и чтобы не отослали с позором домой, прежде чем мы отъедем милоу.

Наш поход в Сегонтиум продолжался 18 дней. Я впервые увидел короля Вортигерна, правившего Британией к тому времени уже 20 лет. Я слышал о нем всякого — и правды и вымыслов. Он был сильным и жестоким, каким и должен быть человек, захвативший трон с помощью убийства и удерживающий его на крови. Эпоха требовала сильных личностей. Не его вина, что придуманная им хитрость призвать в качестве наемников саксов выскользнула из рук и разрубила одну из них до кости. Он платил и сражался, сражался и платил. Добрую часть последних лет он провел как дерущийся волк, пытаясь сдержать натиск орд с Саксонского берега. Люди отзывались о нем как о кровожадном и жестоком тиране, а о его жене, саксонской королеве Ровене, говорили с ненавистью как о ведьме. И хотя с детства воспитывался на кухонных рассказах рабов, я с нетерпением мечтал увидеть их обоих, испытывая в большей степени любопытство, нежели страх.

В любом случае я мог не бояться. Верховного короля я видел только издалека. Снисходительности моего деда хватило лишь на разрешение сопровождать его. Когда мы приехали, обо мне забыли. В толпе мальчиков и пажей я был предоставлен самому себе. С моим пониманием жизни трудно найти друзей среди сверстников. Позже мне пришлось благодарить судьбу, что несколько раз в толпе, окружавшей двух королей, Вортигерн так и не заметил меня, а дед и Камлак не вспоминали о моем существовании.

Мы провели в Сегонтиуме неделю. В Уэльсе Сегонтиум называют Кэр-ин-ар-Воном, так как он лежит на берегу, противоположном острову Мона, острову друидов. Подобно Маридунуму, город поставили в устье реки Сейнт, впадающей в море. В городе имеется чудесная гавань и стоящая на возвышенности крепость. Римляне построили ее для защиты гавани города. В течение ста лет она оставалась заброшенной, пока Вортигерн частично не восстановил ее. Внизу у холма находилось новое укрепление, построенное, насколько я помню, Максеном, дедом убитого Констанция, в целях сдержать набеги ирландцев.

Местность выглядела здесь богаче, чем в Южном Уэльсе, но меня эта красота больше отталкивала, чем притягивала. Возможно, летом земля у устья зеленела и преображалась, но зимой холмы нависали над городом мрачными тучами, их склоны были покрыты лесами, в которых яростно свистел

ветер. Сверху лежал синеватый снег. Над холмами высилась величественная вершина Моэль-и-Видфа, которую саксы окрестили Снежным холмом, Сноудоном. Это самая высокая гора в Британии. На ней живут боги.

Не обращая внимания на рассказы о привидениях, Вортигерн остановился в замке Максена. Его армия, в те дни насчитывавшая не менее тысячи воинов, разместилась в Форте. Знать, сопровождавшая деда, остановилась с королем в башне. Остальные, в том числе и я, поселились у западных ворот Форта. К нам относились с почетом. Вортигерн приходился деду дальним родственником, и, кроме того, было похоже, что Верховный король на самом деле искал поддержки. Он был крупным смуглым человеком с широким полным лицом. Его черные волосы напоминали густую свиную щетину, начавшую, правда, седеть. На тыльной стороне ладоней и в ноздрях у него росли черные волосы. Он не взял с собой королеву. Сердик шепнул мне, что он просто не осмелился привезти ее сюда, где саксов особо не жаловали. В ответ на мое замечание, что его самого терпели, поскольку он стал порядочным уэльсцем, Сердик рассмеялся и ущипнул меня за ухо. Не моя вина, что я никогда не вел себя по-королевски.

Дни проходили один на другой. Большая часть времени уходила на охоту. Охотились до начала сумерек. У костров ждало угощение, выпивка и всякие яства. После чего король и их люди принимались за беседы, а слуги — за кости, распутство и другие виды развлечений.

Прежде мне не приходилось охотиться. Данный вид спорта был чужд моей натуре. Здесь же все выезжали на охоту одной шумной и суетливой толпой, что также не вызывало у меня симпатии. Охота явилась к тому же опасным занятием. На холмах водилось много дичи, за которой устраивались головокружительные гонки. Но мне ничего не оставалось. Мне нужно было посмотреть страну и выяснить, зачем Галапас настоял на моем путешествии в Сегонтиум. Мне приходилось охотиться каждый день. Падал я мало, потому и обходилась лишь синяками и ушибами. Внимания к собственной персоне я не привлекал, как положительного, так и отрицательного. Выяснить что-нибудь мне не удалось. Единственным достижением стали, во-первых, опыт верховой езды и, во-вторых, смягчившиеся повадки Астера.

На восьмой день нашего пребывания мы отправились домой. Взяв с собой отряд в 100 человек, Верховный король собственной персоной вызвался проводить нас до главной дороги.

Начало пути пролегало по поросшему лесом ущелью вдоль глубокой и быстрой речки. Всадники скакали по одному-два в ряд, зажатые между скалами и потоком. Передвигаться в таком многочисленном составе было безопасно, поэтому отряд шел легкой рысцей. В ущелье эхом отдавался звон доспехов, стук копыт и шум голосов. Время от времени над головами

раздавалось карканье ворон. Эти птицы, как утверждают некоторые, не дожидаются шума битвы. Они сопровождают вооруженные отряды на протяжении миль, предвкушая сражения и добычу.

В тот день обошлось без сражений, и к обеду мы добрались до места прощания с Верховным королем. Ущелье находилось у слияния двух рек и здесь переходило в широкую долину. Мрачные утесы по обеим сторонам сковывал лед. На юг вместо двух речушек направлялся единый поток, бурливый и грязный от талого снега. У слияния находился брод, за которым открывалась широкая и сухая дорога на юг, ведущая к Тошен-и-Муру.

Мы остановились к северу от брода. Короли свернули в плотно закрытую с трех сторон лесом низину. Заросли ольхи и камыша указывали на то, что летом низина превращается в болото. В тот декабрьский день землю прочно сковал мороз. Ветра не было, мягко светило солнце. Отряд остановился на привал перекусить и отдохнуть. Короли сели напротив друг друга, рядом их свиты. В свите деда находился Диниас. Я не стал оставаться ни со свитой, ни с воинами и слугами, а отдал коня Сердику и направился в лесистую лошину, где можно было бы дальше от посторонних глаз скоротать время. Я оперся на согретый солнцем валун. Со стороны доносился приглушенный шум разговора, звон сбруи пасущихся лошадей и редкие взрывы грубого хохота. Спустя немного стало тише, разговоры начали умолкать. Я понял, что люди принялись за кости в ожидании, пока короли распрощаются. Надо мной в холодном воздухе реял сокол. Солнце отражалось в его бронзовых крыльях. Я подумал о Галапасе и бронзовом зеркале. Зачем я здесь?

Неожиданно за мной раздался голос короля Вортигерна.

— Сюда. Можешь сказать мне, что ты думаешь.

Пораженный, я резко обернулся, прежде чем успел понять, что король и его собеседник находились с другой стороны камня.

— Мне говорили, пять миль в любую сторону. — Голос Верховного короля стал тише. До меня донесся звук шагов по мерзлой земле, хруст жухлых листьев и скрип кованых ботинок по камню. Они шли мимо. Я тихо поднялся и осторожно выглянул из-за камня. Увлечшись разговором, Вортигерн и мой дед начали углубляться в лес.

Помню, я засомневался. Все, что можно было сказать, уже было сказано в уединенной башне Максена. Не думаю, что Галапас послал меня шпионить за их переговорами. Тогда зачем? Возможно, бог, на чьем пути я сегодня оказался, послал меня сюда именно за этим. Полный сомнений, я тронулся за ними.

Не успел я сделать и шага, как чья-то рука крепко поймала меня за плечо.

— И куда ты собрался? — спросил запыхавшийся Сердик. Я со злостью стряхнул его руку.

— Черт тебя побери, Сердик. У меня чуть сердце не остановилось. Какое твое дело?

— Меня послали посмотреть за тобой.

— Лишь потому, что я взял тебя с собой. Последнее время тебя никто не обязывал присматривать за мной. Или обязывали? — Я пристально посмотрел на него. — Ты ходил за мной до этого?

Он улыбнулся.

— По правде говоря, никогда. С чего бы?

Я продолжал настаивать.

— Тебя просил кто-нибудь следить за мной сегодня?

— Нет. Но разве ты не видел, кто это был, Вортигерн и твой дед. Представляю себя на твоём месте, если бы пошел за ними следом.

— Я не собирался этого делать, — солгал я, — просто осматривал окрестности.

— На твоём месте я бы занялся этим подальше отсюда. Они специально приказали охране ждать внизу. Я пришел проверить, где ты. Приказ исполнялся.

Я снова сел.

— Ладно, считай, что проверил. Теперь уходи. Потом можешь вернуться и сказать, когда мы будем уезжать.

— Чтобы ты в ту же минуту смылся отсюда?

Я почувствовал, что краснею.

— Сердик, я же тебе сказал.

— Подожди, — настаивал он. — Я хорошо знаю тебя. Что бы ни было у тебя на уме, когда ты так смотришь, обязательно случается что-то нехорошее. И всегда с тобой. Надо что-то делать.

Я рассердился.

— На этот раз случится с тобой, если не сделаешь, как я сказал.

— Только без королевских ноток, — ответил он. — Я же хочу спасти тебя от порки.

— Знаю. Забудь обо мне. У меня есть свои соображения.

— Скажи мне. Я же вижу, в последнее время тебя что-то мучает. В чем дело?

— Ни в чем, — ответил я искренне, — нет ничего, чем бы ты мог мне помочь. Забудь об этом. Короли сказали, куда пойдут? У них хватало времени в Сегонтиуме или по пути сюда, чтобы обговорить все.

— Они пошли на вершину скалы. За хребтом есть место, откуда просматривается вся долина. Там стояла старая башня — Динас Бренин.

— Королевский форт?

— От него ничего не осталось, кроме груды камней. Зачем тебе знать?

— Просто интересно, когда мы поедем домой.

— Через час, они сказали. Послушай, почему бы тебе не спуститься? Я бы обыграл тебя там в кости.

Я улыбнулся.

— Благодарю покорно. Оторвал тебя от игры? Извини.

— Ничего. Я все равно проигрывал. Ладно. Оставайся один, но и не думай высовывать отсюда голову. Попомни, что я рассказывал тебе о голубе-вахире.

В это же мгновение, легок на помине, стрелой промчался голубь. Раздалось хлопанье крыльев, свист рассекаемого морозного воздуха. Сверху над ним, готовясь нанести удар, пролетел сокол.

Голубь поднялся вдоль склона, огибая препятствия, подобно чайке, скользящей над волной. Птица стремилась скрыться в чаще. Она летела на расстоянии фута от земли. Соколу было опасно нападать на нее. Но сокол, видно, изголодался и рискнул кинуться на голубя, как только тот достиг опушки леса.

Послышался писк, пронзительное «квик-ик-ик» сокола, треск веток и... тишина. Сверху плавно опускались, качаясь в воздухе, белые перья.

Я выбежал на пригорок.

— Он догнал его!

Происшедшее было яснее ясного. Сокол, вцепившись в голубя, влетел в заросли, и они вместе упали на землю. Судя по установившейся тишине, оба, оглушенные, лежали там.

Чащу у основания ложбины образовывали густые заросли. Я раздвинул ветви и зашел в лес. Перья указывали мне направление, и наконец-то я нашел их. Мертвый голубь лежал на камнях с распростертыми крыльями. Его белоснежная шея была в крови. Сверху покоился сокол, глубоко погрузив свои когти в голубиную спину и наполовину вогнав в нее клюв. Он был еще жив. Когда я наклонился над ними, сокол пошевелил крыльями и, приоткрыв голубоватое веко, посмотрел на меня пронзительным взглядом.

Тяжело дыша, подоспел Сердик. Он взглянул из-за моего плеча.

— Не трогай его. Он поранит тебя.

Я выпрямился.

— Вот так-то с твоими голубями, Сердик. Пора их забыть, не так ли? Оставь их. Они дождутся нашего возвращения.

— Возвращения? Откуда?

Я молча указал в направлении полета птиц. За зарослями, в возвышении, чернело квадратное отверстие, похожее на дверной проем. Сразу и не заметишь.

— Ну и что? — спросил Сердик. — Судя по всему, вход в заброшенную шахту.

— Да. Именно ее-то я и хочу осмотреть. Зажги свет и пойдем.

Он начал отказываться, но я резко оборвал:

— Хочешь — иди, не хочешь — не ходи, но сделай мне свет. Поторопись, осталось мало времени.

Немного погодя я услышал, как он, недовольно ворча, начал набирать сушняк, чтобы сделать факел.

В штольне кругом были навалены битые камни. Деревянные опоры местами подгнили. Однако за ними открывался довольно ровный проход, шедший в самое основание холма. Я мог шагать почти не сгибаясь, как и Сердик: он был небольшого роста. В свете самодельного факела наши тела отбрасывали причудливые тени. На полу виднелись углубления от тяжелых корзин, которые волоком вытаскивали на поверхность. Стены и потолок пестрели следами кайл и зубил, которые использовали при прокладке туннеля.

— Куда ты, к чертям, собрался? — нервно спросил Сердик, шагнувший сзади. — Пойдем обратно. Здесь небезопасно, может случиться обвал.

— Не случится. Смотри, чтобы не погас факел, — коротко ответил я.

Туннель повернул направо и начал полого спускаться вниз. Ориентация под землей затруднялась, даже легкого дуновения ветерка не ощущалось, благодаря которому в кромешной тьме угадывалось направление. Я догадывался, что наш путь лежит в глубину основания холма, на котором находилась старая королевская башня. Но нам не грозила опасность заблудиться. Мы держались главной галереи. Начали попадаться завалы. Один раз мне пришлось остановиться, когда мы наткнулись на груды камней, полностью закрывавших проход. Я перебрался через них — дальше путь был свободен.

У камней Сердик остановился. Он поднял факел и вгляделся в темноту.

— Погляди, Мерлин! Пойдем обратно, ради всех святых. Это хуже всякого безумства! Послушай же меня. Здесь по-настоящему опасно! Мы забрались под самую скалу. Лишь богам известно, кто здесь живет. Пошли обратно, малыш.

— Не трусь, Сердик. Тебе места хватит. Пошли быстрее.

— Нет, не пойду. Если ты сейчас же не вернешься, клянусь, я пойду обратно и все расскажу королю.

— погоди, — сказал я, — это важно для меня. Не спрашивай почему. Клянусь тебе, что там не опасно. Если ты боишься, давай мне факел и возвращайся.

— Ты же знаешь, я не могу тебя оставить.

— Да, знаю. А если ты оставишь меня и со мной что-нибудь случится, что будет с тобой?

— Правильно о тебе говорят, что ты дьявольское отродье. Я рассмеялся.

— Когда вернемся, называй меня как тебе вздумается, а сейчас поторопись, Сердик. Пожалуйста. Уверю, тебе ничего не грозит. По всем приметам сегодня безопасный день. Ты сам видел, что на подземелье нас навел сокол.

Конечно же, он пошел. Бедный Сердик, ему ничего не оставалось. Левой рукой он сделал знак против нечистой силы.

— Не задерживайся, — сказал он.

Шагов через двадцать за сводом туннеля открывалась пещера. Знаком я приказал ему поднять факел. У меня перехватило дыхание. Большое углубление, расположенное прямо в сердцевине горы; темнота, едва потревоженная светом факела, мертвенная спертость воздуха — конечно же, это была та самая пещера. Я узнавал каждый след, различал путь водного потока. Вот он, куполообразный свод, терявшийся в вышине; вот ржавые металлические обломки насоса в углу; те же самые лужи и вода под каменным навесом у основания стены. Приблизительно треть поверхности пола была скрыта под водой.

Воздух имел необычный запах — дыхание воды и живого камня. Где-то сверху капала вода. Каждая капля отдавалась ударом небольшого молоточка по металлу. Я взял у Сердика тлеющий пучок хвороста и подошел к воде. Свет металлическим отблеском отражался от водной поверхности. Я подождал. Свет искрился и терялся в темноте. В воде не виднелось ничего, кроме моего отражения, похожего на привидение в зеркале Галапаса.

Я передал факел Сердику. Он не проронил ни слова, искоса наблюдая за мной туманным от страха взглядом.

Я потрогал его за руку.

— Можно возвращаться. Факел догорает. Пошли.

Обратный путь был пройден в молчании. Мы обогнули спиральную галерею, прошли каменный завал и через старый вход вышли наружу. Стоял зимний морозный день. Небо было нежного бледно-голубого цвета. На его фоне зимние деревья казались тонкими и хрупкими. Внизу раздался звук рога.

— Они отъезжают, — Сердик погасил факел о замерзшую землю.

Я быстренько пробрался сквозь чащу. Голубь лежал на месте, уже замерзший и одеревеневший. Наохлившись, сокол сидел на камне рядом с жертвой. Я поднял вяхиря и бросил его Сердику.

— Запихни его в сумку. Тебе не надо говорить о том, что следует молчать о виденном?

— Не надо. Что ты делаешь?

— Он оглушен. Если мы его оставим здесь, то он через час замерзнет. Я возьму его с собой.

— Осторожно! Это уже взрослый сокол и...

— Он не ударит меня. — Я взял сокола. От холода он взъерошил перья и был похож на молодую сову. Я раскатал левый рукав своей кожаной куртки и подставил ему. Он крепко уцепился за нее. Теперь он полностью открыл свои черные

дикие глаза и внимательно следил за мной. Сидел он, однако, тихо, крыльями не хлопал. Было слышно, как Сердик что-то бормотал, переноса вещи. Тут он обратился ко мне:

— Пошли, молодой хозяин.

Такого я прежде не слышал.

Сокол послушно сидел у меня на кисти. Я незаметно присоединился к королевскому отряду, направлявшемуся домой, в Маридунум.

10

По приезде домой сокол не стал улетать от меня. Осматривая его, я обнаружил, что у него были повреждены перья крыла. Он сломал их, когда ринулся сквозь ветки за голубем. Я залечил их, как учил Галапас, после чего сокол облюбовал себе грушу за окном. Он спокойно принимал пищу у меня из рук. Когда в следующий раз я отправился к Галапасу, то взял его с собой.

Было первое февраля. Накануне ночью мороз спал и пошел дождь. Небо приобрело серо-свинцовый оттенок. Низко плыли облака. С дождем дул пронизывающий ветер. Повсюду во дворце гуляли сквозняки. Люди плотно занавешивали шторы, кутаясь в шерстяные одеяния и греясь у каминов. Мне казалось, что весь дворец погрузился в мрачную тишину. С тех пор как мы вернулись в Маридунум, я совсем не видел своего деда. Он часами совещался с придворными. Когда он оставался с Камлаком, они спорили и даже ссорились. Однажды, придя к своей матери, я через приоткрытую дверь увидел и могу поклясться, что, склонившись перед святыми образами, она рыдала. Мне же сказали, что мать занята молитвой и не может меня принять.

В долине ничего не изменилось. Галапас осмотрел сокола и похвалил меня за работу. Он посадил его на выступ скалы у входа в пещеру, а меня позвал к костру погреться, достал из кипящего котла немного тушеного мяса и заставил отведать, прежде чем я начну рассказ. Я выложил ему все, вплоть до ссор во дворце и слез моей матери.

— Клянусь, Галапас, это была та самая пещера! Но почему? Там ничего не оказалось и ничего не произошло. Совсем ничего! Я расспрашивал всех подряд. Сердик говорил с рабами, но никто не знает, о чем беседовали короли или почему разошлись дед и Камлак. Но от Сердика я узнал одно: за мной следят люди Камлака. Если бы не они, я приехал бы раньше. Сегодня Камлак с Аланом и своими людьми уехал. Я сказал, что собираюсь на заливной луг дрессировать сокола. И вот я здесь.

Пока он молчал, я настойчиво повторил важный для меня вопрос:

— Что происходит, Галапас? Что все это значит?

— Что касается твоего сна и найденной пещеры, то мне ничего неизвестно. Что же до дворцовых тревог, то я могу лишь догадываться. Ты знаешь, что у Верховного короля остались от первой жены сыновья — Вортимер, Катигерн и Пасентиус?

Я кивнул.

— Они не присутствовали в Сегонтиуме?

— Нет.

— Мне сказали, что они порвали со своим отцом, — сказал Галапас. — Вортимер собирает собственную армию. Поговаривают, что он хочет стать Верховным королем, и похоже, что Вортигерна ожидает мятеж, а это крайне нежелательно для него при нынешних обстоятельствах. Королеву кругом ненавидят, ты знаешь. Мать Вортимера была славной британкой, да и молодежь хочет молодого короля.

— Выходит, Камлак за Вортимера? — быстро спросил я, на что Галапас улыбнулся.

— Видно, так.

Я немного поразмыслил.

— Говорят, что когда волки дерутся, вороны летят своей дорогой? Не так ли? Я родился в сентябре, моя звезда — Меркурий, а птица — ворон.

— Возможно, — ответил Галапас. — Более вероятно, что тебя запрут в клетку гораздо быстрее, чем ты думаешь. — Его слова прозвучали как бы отвлеченно, будто бы он думал о другом.

Я вернулся к волновавшей меня теме.

— Галапас, ты сказал, что ничего не знаешь о сне и пещере, но ведь это должно быть божьим провидением?

Я взглянул на выступ, где терпеливо сидел сокол. Он прикрыл глаза, оставив щелки, в которых отражался огонь.

— Может быть.

Я поколебался.

— Нельзя ли нам выяснить, что он... что имелось в виду?

— Ты снова хочешь побывать в хрустальном гроте?

— Н-нет, не хочу. Но кажется, что все-таки нужно. Что бы ты мне посоветовал?

Спустя несколько секунд он сказал, тяжело роняя слова:

— Думаю, тебе надо сходить. Но сначала мне следует научить тебя кое-чему. На этот раз ты должен сам создать огонь. Нет, не так, — улыбнулся он, когда я разворошил веткой угли. — До отъезда ты просил меня показать тебе кое-что настоящее. Это последняя вещь которой я тебя научу. Я не, осознавал... Ладно. Пора. Нет, сиди на месте. Книжки больше не понадобятся, малыш. Только наблюдай.

То, что случилось вслед за этим, я не стану описывать. В этом и заключалось все искусство, переданное мне Галапасом, не считая некоторых приемов врачевания.

Но, как я уже сказал, оно стало для меня первым волшебством и уйдет от меня последним. Мне было легко создавать холодный как лед огонь и разжигать неистовый огонь, огонь, который тонкой струей уходит в темноту. По молодости все эти чудеса получались быстро, однако если быть к ним неподготовленным и неспособным, то можно запросто ослепнуть.

Когда мы завершили, уже стемнело. Галапас поднялся.

— Я вернусь через час и разбуду тебя.

Он сдернул с зеркала закрывавшую его накидку, надел ее и вышел из пещеры.

Длинные языки пламени напоминали лошадь, скачущую галопом. Один длинный и яркий язычок извивался как плеть. Со свистящим пеньем прогорало полено. И тут разом заговорили тысячи веток, зашептались тысячи людей.

В бриллиантовом сиянии тишины костер погас. Вспыхнуло зеркало. Я взял свою накидку, сухую и уютную, и забрался в хрустальный грот. Я расстелил ее и лег сверху, не спуская глаз с хрустального свода надо мной. Пламя заполняло все пространство. Я лежал в шаре, полном света, будто находился внутри звезды. Становилось все ярче и ярче. Неожиданно наступила тишина.

Копыта скачущих лошадей высекали искры из камней римской дороги. В воздухе свистела плеть, но конь уже мчался во весь опор. Широко раздувались розовые ноздри. Дыхание густым паром вырывалось на холодный воздух. На коне сидел Камлак. Далеко сзади, на расстоянии в полмили, держались его люди. За ними, прилично отстав, скакал посланец, привезший вести королевскому сыну.

Город горел факелами. Из ворот выбегали люди, встречая ездока. Камлак не обращал на них никакого внимания. Вонзив в бока коню острые шпоры, он промчался через весь город и буквально влетел во дворец. Он соскочил с коня и бросил поводья стоявшему рядом рабу. Беззвучными шагами в мягкой еzdовой обуви он стремительно взбежал по ступеням и направился по колоннаде в комнату отца. На мгновение юркая черная фигура исчезла из виду в тени арочных сводов и появилась вновь. Широко распахнув дверь, он вошел.

Посланец оказался прав. Смерть наступила мгновенно. На резной римской кровати лежал старик, накрытый покрывалом из пурпурного шелка. Подбородок чем-то подперли. Жесткая седая борода торчала вверх. Под шею положили кусок обожженной глины, чтобы голова лежала ровно. Тело неподвижно застыло. Как ни смотри, не заметишь, что шея была сломана. Покойник начал спадать с лица, кожа сморщилась,

смерть обострила нос, сделав лицо похожим на восковую маску. Рот и глазницы закрывали золотые монеты, блестевшие в свете факелов, которые с четырех углов освещали кровать.

В ногах стояла, одетая в белое, Ниниана. Стояла прямо, не двигаясь, сложив перед собой руки и наклонив голову. Между покойным и ею находилось распятие. Взгляд Нинианы замер на пурпурном покрывале, но не в горести, а будто она находилась в мыслях далеко-далеко. Даже открывшаяся дверь не вывела ее из оцепенения.

Мягкими шагами брат подошел к ней и встал рядом, глядя на отца. Он положил свою руку на мертвые руки, сложенные поверх покрывала. Камлак взглянул на Ниниану. В тени, в нескольких шагах от нее, находилась небольшая группа шушукующихся и шепчущихся мужчин, женщин и слуг. Среди них, молчаливые, с сухими глазами, стояли Маэль и Дуак. Все внимание Диниаса было приковано к Камлаку.

Камлак спокойно обратился прямо к Ниниане:

— Мне сказали, что это был несчастный случай. Это правда?

Ниниана не шевельнулась и не нарушила молчания. Он подождал, затем раздраженно взмахнул рукой и повысил голос.

— Ответьте мне, кто-нибудь. Это был несчастный случай?

Вперед выступил один из слуг короля по имени Мабон.

— Это правда, повелитель. — Он в нерешительности облизал губы. Камлак оскалился.

— Что же, черт возьми, со всеми вами происходит? — И здесь он увидел, что всеобщее внимание приковано к его правому бедру, на котором за поясом висел окровавленный кинжал. Выражая нетерпение и недовольство, он вытащил его и швырнул на пол. Кинжал пролетел по комнате и резко стукнулся о стену.

— Вы думали, чья это кровь? — спросил он, не переставая скалиться. — Это кровь оленя. Когда пришло известие, мы как раз убили его. Я со своими людьми находился в 20 милях от дворца.

Он оглядел присутствующих, призывая высказаться. Никто не тронулся с места.

— Продолжай, Мабон. Мне сказали, что он поскользнулся и упал. Как это произошло?

Мабон прочистил горло.

— Произошло глупо. Чистая случайность. С ним никого не было. Все случилось на малом дворе. Там старые стертые ступени. Один из слуг заливал маслом светильники и пролил немного на ступени. Пока он ходил за тряпкой, чтобы вытереть, появился король. Он спешил. Его не ждали там в это время. О боже, он оступился на масле и упал прямо на спину, ударившись головой о камень. Все произошло именно так. Есть люди, готовые поклясться в увиденном.

— А виновный человек?

— Раб, повелитель.

— С ним разобрались?

— Он мертв.

Пока они говорили, за колоннадой послышался шум. Это подъехали люди Камлака. Они набились в комнату. Когда Мабон кончил говорить, вперед вышел Алан и дотронулся до руки Камлака.

— Новость распространилась по всему городу, Камлак. Снаружи собралась толпа. Ходит миллион слухов. Могут быть неприятности, и очень скоро. Покажись людям и поговори с ними.

Камлак бросил на него острый взгляд и кивнул.

— Подите посмотрите пока, ладно? Бран и Руан, идите с ним. Закройте ворота. Скажите народу, что я скоро выйду. А теперь убирайтесь все.

Комната опустела. Диниас задержался, но не удостоился даже взгляда. Дверь захлопнулась.

— Ну, Ниниана?

Все это время она не поднимала на него глаз. Теперь они встретились взглядом.

— Что ты от меня хочешь? Мабон сказал правду. Он не сказал лишь, что король был пьян и заигрывал со служанкой. Это был на самом деле несчастный случай, и вот он мертв. А ты со своими друзьями был за 20 миль отсюда. Итак, ты теперь король, Камлак, и никто, ни один человек не станет указывать на тебя пальцем и говорить: «Он желал смерти своего отца».

— Этого не может сказать мне и ни одна женщина, Ниниана.

— Я этого и не говорила. Хватит ссор. Королевство твое, а сейчас, как заметил Алан, тебе лучше выйти и поговорить с народом.

— Сначала я поговорю с тобой. Почему ты ведешь себя так, будто тебя ничто не волнует? Будто тебя с нами не было.

— Потому что это, наверное, соответствует истине. Ты мне брат, и твои желания меня не волнуют. Я хочу просить тебя только об одной вещи.

— Что же?

— Разреши мне уйти сейчас. Он никогда бы не позволил, но ты, надеюсь, разрешишь.

— В монастырь Святого Петра?

Она наклонила голову.

— Я же сказала тебе, что меня здесь больше ничто не заботит. И меньше всего меня волнуют разговоры о вторжении, о войне, слухи о переворотах и смерти королей. Не смотри на меня так. Я не дура. Отец говорил со мной. Но тебе не надо меня бояться. То, что я знаю или могу совершить,

ником образом не отразится на твоих планах. Я ничего не жду от жизни, хочу только покоя, жить в покое вместе с сыном.

— Ты сказала «одну вещь», а выходит — две.

Впервые что-то мелькнуло в ее глазах. Может быть, даже страх.

— В отношении моего сына всегда имелся план, — быстро сказала она, — твой план. Даже прежде, чем он стал планом моего отца. В день, когда уехал Горлан, ты твердо знал, что если даже придет отец Мерлина с мечом в руках и тремя тысячами воинов, то я не пойду с ними. Мерлин не причинит тебе вреда, Камлак. Он останется безымянным сыном. Ты же знаешь, он не воин. Видят боги, он не опасен для тебя.

— Тем более если станет священнослужителем, — голос Камлака прозвучал вкрадчиво.

— Тем более если станет священнослужителем. Камлак, ты разыгрываешь меня. Что ты задумал?

— Раб, проливший масло, — тихо произнес Камлак, — кто он?

Что-то снова мелькнуло в ее глазах. Веки Нинианы опустились.

— Сакс. Сердик.

Камлак не шевельнулся, но на черном фоне его груди неожиданно блеснул изумруд, будто о него ударилось сердце.

Она жестко продолжала:

— Не притворяйся, что ты об этом догадывался! Откуда ты мог знать?!

— Без догадок. Об этом шумел весь город!

С внезапным раздражением он добавил:

— Что ты стоишь тут как бесплотное привидение? Сложила руки на животе, будто защищаешь еще одного побочного ребенка.

К его удивлению, она улыбнулась.

— Да, защищаю. — Взглянув на блеснувший изумруд, Ниниана продолжала. — Не будь дураком. Откуда уж мне сейчас дети? Я имею в виду, что мне нельзя уходить, пока он не будет в безопасности. Пока мы оба не будем в безопасности, не будем зависеть от твоих предложений.

— Моих предложений? Клянусь, в них нет...

— Я говорю о королевстве отца. Ладно, не будем об этом. Сейчас моя единственная забота, чтобы монастырь Святого Петра был оставлен в покое... Правда, думаю, его и не тронут.

— Ты видела это в кристалле?

— Христианке не пристало заниматься прорицанием, — ее голос звучал несколько натынуто. Камлак внимательно поглядел на нее, и им овладела тревога. Он внезапно быстрыми шагами отошел в тень, но тут же вернулся на свет.

— Скажи мне, — резко спросил он, — что станет с Вортимером?

— Он умрет, — ответила она безразлично.

— Мы все умрем когда-то. Ты знаешь, я связан с ним сейчас. Не можешь ли ты сказать мне, что произойдет этой весной?

— Я не вижу ничего и не скажу тебе ничего. Но что бы ты ни задумал в отношении королевства, слухи об убийстве могут оказаться пагубными. Послушай меня, будет последней глупостью с твоей стороны считать смерть короля чем-то иным, кроме несчастного случая. Это произошло на глазах двух конюхов и девчонки.

— Сказал ли он что-нибудь, прежде чем они убили его?

— Сердик? Нет. Лишь то, что это было случайностью. Похоже, его больше волновала судьба моего сына, нежели его собственная.

— Про это я и слышал, — сказал Камлак.

Вновь установилась тишина. Они посмотрели друг на друга.

— Тебе не следовало бы...

Он промолчал. Брат и сестра стояли, глядя друг другу в глаза. По комнате потянуло сквозняком, пламя факелов заколебалось.

Камлак улыбнулся и вышел. Хлопнула дверь. До Пиннаны донесся порыв воздуха. Огни заметались, отбрасывая тени. Свет задрожал, огонь угасал. Кристаллы потускнели. Выбираясь из пещеры, я зацепился накидкой и порвал ее. Тлеющие головешки под жаровней приобрели темно-красный цвет. Снаружи стемнело. Я слез с уступа и подбежал к выходу.

— Галапас! — закричал я. — Галапас!

Он стоял рядом. Его высокая, сутулая фигура вышла из темноты. Его полуголые ноги в истрепанных сандалиях посинели от холода.

Я остановился в ярде от него, но у меня было такое чувство, будто я влетел к нему в объятия и прижался к его руке.

— Галапас, они убили Сердика.

Он промолчал, но его молчание действовало утешающе. Болело горло. Я откашлялся.

— Если бы я не пришел сегодня сюда... Он поскользнулся из-за меня. Ему можно было доверять и сказать даже о тебе. Галапас, если бы я остался, если бы был с ним... Я смог бы наверняка что-то сделать.

— Нет. Ты пустое место и прекрасно это знаешь.

— Теперь я меньше, чем пустое место. — Я приложил руку к голове. Голова раскалывалась, перед глазами плыли круги. Я с трудом различал предметы. Он нежно взял меня за руку и усадил у костра.

— К чему ты это говоришь? Подожди, Мерлин, расскажи мне, что случилось.

— Разве ты не знаешь? — спросил я удивленно. — Он наполнял маслом светильники у колонн и пролил немного масла на ступени. Король поскользнулся и сломал шею. Сердик не был виноват, Галапас. Он только пролил масло. Он как раз возвращался, чтобы вытереть, и тут случилось это. Они схватили его и убили.

— Камлак теперь стал королем.

Я уставился на него невидящими глазами. Мой мозг был неспособен целиком постигнуть происшедшее.

Он мягко продолжал:

— А твоя мать? Что с ней?

— Что, что ты сказал?

У меня в руках оказался теплый кубок. По запаху я определил напиток, отведенный в пещере после первого сна.

— Выпей. Тебе следовало поспать. Тогда было бы лучше. Выпей до конца.

По мере того как я пил, острая боль в висках притупилась, слабо пульсируя. Расплывающиеся вокруг контуры приобрели четкие очертания. Одновременно проявились мысли.

— Извини. Теперь все в порядке. Могу думать снова. Я вернулся. Она попыталась взять с Камлака обещание, что он оставит меня в покое, но он ушел от ответа. Я думаю...

— Да?

Я тщательно обдумывал слова.

— Не все мне до конца понятно. Я думал о Сердики. Кажется, Камлак собирается убить меня. И, по-моему, использует для этого смерть деда. Он скажет, что его убил мой раб. Никто не поверит, что я здесь ни при чем. Он заточит меня у церковников, а у них я умру тихой смертью. К этому времени слухи возымеют действие, и никто не пикнет. Став монахиней, мать уже не будет иметь при дворе права голоса. — Я взял кубок. — Как можно меня бояться, Галапас?

Он не ответил, лишь кивком указал на чашу.

— Заканчивай. А затем ты должен идти, дорогой мой.

— Идти? Но если я вернусь, меня или убьют, или посадят... Разве не так?

— Да, если они тебя найдут, то попытаются...

— Но если я останусь с тобой, — с нетерпением возразил я, — то никто не узнает. Ты и я увидим их в долине за милю. Они никогда не найдут меня. Даже если меня найдут и придут сюда, тебе ничего не грозит.

Он покачал головой.

— Для этого еще не настало время. Когда-нибудь, но не сейчас. Тебе больше не спрятаться. Твоему соколу не забраться обратно в яйцо.

Я оглянулся на выступ скалы, где перед уходом оставил терпеливо сидящего сокола, похожего на сову, которую держала при себе Афина. Там никого не было. Я протер глаза тыльной

стороной ладони и моргнул, все еще не веря. Скала стояла пустая.

— Галапас, он улетел?

— Да.

— Ты видел, как он улетел?

— Он улетел, когда ты позвал меня в пещеру.

— Я... куда?

— На юг.

Я допил зелье до конца и выплеснул остатки на землю, оставив их богу. Кубок поставил на землю и потянулся за накидкой.

— Мы увидимся еще?

— Да. Обещаю тебе это.

— Тогда я приду еще раз?

— Я уже пообещал. Однажды эта пещера и все, что в ней находится, перейдут к тебе.

Холодный ветер, проникший снаружи, пошевелил мою накидку и волосы на затылке. По коже побежали мурашки. Я поднялся, запахнул накидку и застегнул закатку.

— Едешь? — Галапас улыбался. — Ты настолько мне доверяешь? Куда ты поедешь?

— Не знаю. Сначала, наверное, домой. У меня есть время подумать. Но пока я еще нахожусь на божьей стезе. Ощущаю дуящий ветер. Почему ты улыбаешься, Галапас?

Он не ответил. Он поднялся, притянул меня к себе, наклонился и поцеловал сухим и легким старческим поцелуем. Тело будто пощекотали. Затем Галапас подтолкнул меня к выходу.

— Езжай. Я приготовил твоего коня.

В долине шел дождь, холодный, мелкий и пронизывающий. Вода скапливалась в складках накидки, стекала по плечам и лицу, смешиваясь с льющимися слезами.

Я плакал второй раз в своей жизни.

11

Ворота конного двора были заперты. Этого я и ожидал. Сегодня с утра я, не таясь, проехал через главный двор. У меня на плече сидел сокол. Я мог вернуться тем же путем когда угодно, хоть ночью, придумав историю о потерявшейся птице и поисках, затянувшихся до темноты. Но не сегодня.

Сегодня меня никто не будет ждать и выслушивать.

Хотя налицо и была настоятельная необходимость поспешить, я придерживал нетерпеливого коня и медленно и тихо проехал под дворцовой стеной в направлении моста. Всю дорогу заполняла шумная толпа с факелами. Дважды, пока я ехал к мосту, из города галопом выезжали всадники и направлялись за реку, на юг.

Голые и мокрые ветви деревьев из фруктового сада нависали над бечевником. Под высокой стеной была ниша, скрытая ветвями. Я соскочил с коня, завел его под знакомую яблоню и привязал. Встав на седло и какое-то мгновение удерживая равновесие, я подпрыгнул и ухватился за висевшую надо мной ветку.

Рука соскочила со скользкой ветки, и я остался болтаться на одной руке. Найдя ногами опору, я забрался наверх. В считанные секунды я был на стене и прыгнул на мягкую землю сада.

Слева находилась высокая стена, скрывавшая сад моего деда, справа — голубятня и высокая терраса, на которой любила посидеть со своей пряжей Моравик. Впереди располагались лачуги прислуги. К моему облегчению, я был скрыт тьмой. Шум и свет сконцентрировались слева за стеной, в главном здании дворца. Издалека доносились звуки приглушаемой дождем уличной суматохи.

В моем окошке не светилось ни огонька. Я побежал. Мне и в голову не могло прийти, что они принесут его сюда, домой. Его подстилка лежала теперь не у двери, а в углу, рядом с моей кроватью. Все обошлось без пурпура и факелов. Он лежал, как его бросили. В полусумраке я мог различить неуклюже растянувшееся тело с откинутой рукой. Пальцы касались холодного пола. В темноте трудно было определить, какой смертью он умер. Я склонился над ним и поднял его руку. Она уже остыла и начала коченеть. Я нежно опустил ее на подстилку рядом с телом. Метнувшись к кровати, я стащил с нее мягкое шерстяное покрывало и накрыл им Сердика. Раздался мужской голос, кого-то позвали, и за колоннадой послышались шаги. В ответ прокричали:

— Нет. Он здесь не появлялся. Я смотрю за дверью. Пони еще не в конюшне.

— Нет. Никаких признаков. — И немного спустя в ответ на другой вопрос: — Ладно. Он не мог далеко уехать. Он часто задерживается допоздна. Что? Хорошо!

Шаги быстро затихли. Наступила тишина.

Где-то между колоннами находилась лампа. Ее света, проникавшего через приоткрытую дверь, было достаточно, чтобы осмотреться. Я бесшумно поднял крышку сундука и вытащил одежду: свою лучшую накидку и пару запасных сандалий. Затолкал все это в сумку вместе с остальными вещами: гребнем из слоновой кости, парой застёжек и коринийской брошью. Это я мог продать. Взобравшись на кровать, я выкинул сумку за окно. Затем вернулся к Сердику, откинул покрывало и, стоя на коленях, ощупал его тело. У него остался кинжал. Неловким движением пальцев я потянул застёжку, и она развязалась. Я взял ремень с мужским кинжалом. Он был вдвое длиннее моего и остро заточен — можно убить человека. Свой кинжал положил рядом на

подстилку. Он мог бы пригодиться ему там, куда он собрался. Хотя вряд ли. Он всегда обходился руками.

Я завершил приготовления. Глядя на него, какое-то мгновение, словно в хрустальном отражении, мне представилось, как при свете факелов, при общем молчании на пурпур кладут моего деда. Здесь — лишь темнота. Собачья смерть. Рабская смерть.

— Сердик, — позвал я вполголоса. Я не плакал. Все закончилось. — Сердик, спи спокойно. Я устрою тебе похороны, какие ты хотел. Как королю.

Я подбежал к двери и послушал. Проскользнув к опустевшей колоннаде, я снял сверху лампу. Она была тяжелая, и пролилось масло. Ну да, он наполнял ее как раз сегодня вечером.

Вернувшись в комнату, я поднес лампу к телу. Теперь — этого я не видел в пещере — мне было видно, как он умер. Ему перерезали горло.

Даже если бы я не хотел этого, оно бы случилось. Лампа дрогнула в моей руке, и нагретое масло расплескалось по покрывалу. На него упал горящий кусочек фитиля. Масло, зашипев, вспыхнуло. Я бросил лампу и несколько секунд наблюдал, как занималось пламя, вспыхнувшее тут же костром.

— Отправляйся к своим богам, Сердик, — сказал я и прыгнул на окно.

Я приземлился на свою котомку и, схватив сумку, побежал к стене со стороны реки.

Чтобы не испугать коня, я перебрался через стену в нескольких ярдах от него и кинул сумку прямо в канаву.

Стоя на парапете, я оглянулся. Пламя занялось. В моем окне полыхал красный свет. Тревогу еще не подняли. Оставались считанные секунды, прежде чем заметят пламя или почуют дым. Я перебрался через парапет. Только я поднялся на ноги, как рядом появилась высокая тень и кинулась на меня.

Тяжелое тело придавило меня к земле, к грязной и мокрой траве. Широкая ладонь зажала мне рот. Рядом послышались быстрые шаги, звук вынимаемого металла и мужской голос, говоривший по-бретонски:

— Погоди. Пускай сначала расскажет.

Я лежал не шелохнувшись. Несложная задача, если учесть, что у меня перехватило дыхание, а к горлу был приставлен нож. После этих слов нападавший недовольно хрюкнул, приподнялся и отвел нож на пару дюймов.

— Это всего лишь мальчишка, — сказал он с удивлением, почти с отвращением. Ко мне он обратился по-уэльски: — Чтоб ни звука, иначе перережу горло. Ясно?

Я кивнул. Он отвел руку, встал, поднял меня. Я оказался вмятым в стену. К моей ключице приставили нож.

— Что это ты вытворяешь, высасываешь из дворца как крыса, которую преследуют собаки, воришка? Давай говори, крысенок, пока не придушил.

Он встряхнул меня, как самую настоящую крысу.

— Я не сделал ничего плохого! Отпустите меня! — выдал я.

Из темноты донесся тихий голос второго человека:

— Вот. Он что-то перебросил через стену. Сумка, полная барахла.

— Что там? — спросил державший меня. — Тихо, ты! — Это уже обращаясь ко мне.

Угрожать мне не было никакой необходимости. Я чувствовал в воздухе дым и заметил, как огонь перебрался уже на крышу. Я прижался плотнее к стене, скрываясь в ее черной тени.

Второй копался в моей котомке.

— Одежда, сандалии, какие-то украшения, вроде...

Он вышел на бечевник. Мои глаза привыкли к темноте, и я определил его. Это был пронырливый человек с покатыми плечами, с узким заостренным лицом и редкими волосами. Прежде оба мне не встречались.

Я с облегчением вздохнул.

— Вы не люди короля! Кто вы? Что вам здесь надо?

Проныра перестал рыться и уставился на меня.

— Не твое дело, — сказал громил, державший меня. — Спрашивать будем мы. Почему ты боишься людей короля? Ты их всех знаешь?

— Конечно. Я живу во дворце. Я раб.

— Маррик, — резко дернулся проныра, — смотри, там начался пожар. Не дворец, а осиное гнездо. Не будем тратить время на это рабское отродье. Режь ему горло и бежим, пока есть время.

— Подожди, — сказал громил. — Он может кое-что знать. Слушай, ты...

— Если вы собираетесь резать мне горло, то какой смысл мне вам что-нибудь говорить? Кто вы?

Он всмотрелся в меня, пригнув голову.

— С чего бы ты так закукарекал? Бежавший раб, говоришь?

— Да.

— Украл?

— Нет.

— Нет? Украшения в сумке? А это — это не накладка раба. — Он сжал в кулак ворот одежды. Мне пришлось поизвиваться. — А пони? Ну, давай, выкладывай правду.

— Ладно, — проскулил я, как настоящий раб, трусливо и прибито. — Прихватил немного вещей. Это пони принца Мирдина. Конь убежал. Честное слово, сэр. Принц уехал сегодня и еще не вернулся. Он упал с коня, он дрянной наездник. Мне повезло, пока его не хватятся, я буду уже далеко. — Я умоляюще схватился за его одежду. — Пожалуйста, сэр, отпустите меня. Пожалуйста! Я не опасен!

— Маррик, ради всех святых, у нас нет времени. — Огонь занимался вовсю. Из дворца неслись крики. Проныра потянул

громила за руку. — Прилив заканчивается. Лишь богам известно, на месте ли корабль в такую погоду. Прислушайся к шуму. Они могут появиться здесь в любую минуту.

— Не появятся, — сказал я. — Им хватит забот с тушением пожара. Когда я убежал, он прилично разгорался.

— Когда ты убежал? — Маррик даже не шевельнулся. Он внимательно поглядел на меня сверху вниз и ослабил руку. — Это ты устроил пожар?

— Да.

Их внимание полностью переключилось на меня.

— Зачем?

— Они ненавистны мне. Они убили моего друга.

— Кто?

— Камлак и его люди. Новый король.

Установилась тишина. Сейчас я мог разглядеть Маррика получше.

Это был крупный, плотный мужчина с копной черных волос. В его темных глазах отсвечивало пламя.

— А если бы остался, они бы убили меня тоже. Я поджег дворец и убежал. Пожалуйста, отпустите меня.

— Зачем им было тебя убивать? Теперь-то понятно — весь дворец превратился в костер. Но до этого?

— Не за чем. Просто я давно служил королю и много слышал. Рабы слышат все. Камлак думает, что я опасен. У него есть различные планы. Я знаю о них. Поверьте мне, сэр! — вполне искренне сказал я. — Я служил ему так же, как и королю, верой и правдой. Но он убил моего друга.

— Какого друга? Почему?

— Другого раба. Сакса по имени Сердик. Он разлил на ступенях масло, а старый король поскользнулся. Это произошло случайно, но они перерезали ему горло.

Маррик повернулся ко второму человеку.

— Слышал, Ханно?

— Это верно. Я слышал то же самое в городе, — и снова обратился ко мне. — Ладно, расскажи нам еще. Ты знаешь планы Камлака?

Здесь Ханно опять вмешался, не скрывая волнения.

— Ради бога, Маррик. Если тебе кажется, что он может быть нам полезен, давай возьмем его с собой. Поговорить можно и в лодке. Еще немного — и прилив закончится, лодка уйдет. Скорее всего, погода испортится, и я боюсь, что они не станут ждать.

По-бретонски же он добавил: «Мы всегда сможем избавиться от него».

— Лодка? — спросил я. — Вы уйдете по реке?

— А как же еще? Думаешь, мы пройдем по дороге? Посмотри на мост, — он мотнул головой. — Ладно, Ханно, спускайся, мы подойдем.

Он потащил меня через бечевник. Я повис у него на руках.

— Куда ты меня тащишь?

— Не твое дело. Умеешь плавать?

— Нет.

Маррик рассмеялся не вселяющим надежды смехом.

— Тогда для тебя это не имеет значения, верно? Пошли, пошли.

Он снова зажал мне рукой рот и оторвал меня от земли, будто я весил не больше котомки. Мы спустились к реке, маслянисто блестящей в темноте.

Это была обычная рыбацкая лодка, сплетенная из ивняка и обтянутая кожей; ее спрятали под кустами у самой воды. Ханно уже поднимал якорь. Спотыкаясь и скользя, Маррик спустился вниз, скинул меня в лодку и забрался сам. Лодка отошла от берега, и я снова почувствовал у шеи холодное лезвие ножа.

— Ясно? Пока мост не скроется из виду, рта не открывать.

Ханно оттолкнулся веслом, и нас подхватило течение. Ханно заработал веслом и направил лодку к южному пролету моста. Меня под охраной Маррика посадили на корме. Когда мы были уже далеко от берега, я услышал громкое испуганное ржанье Астера, почуявшего дым. В отблесках неистового пожара я увидел, как он отделился от стены и, волоча оборванную привязь, помчался подобно привидению вдоль по бечевнику. Случись хоть потоп, он вернется к воротам конюшни, и его обязательно найдут. Интересно, что подумают обо мне, когда хватятся? Сердика больше нет, как и моей комнаты. Догадаются ли они, что я обнаружил тело Сердика и в страхе уронил лампу, при этом сгорел сам? Что бы они ни думали, теперь это для меня не имеет значения. Сердик отправился к своим богам, а я похоже, направляюсь к своим.

12

Черневший свод моста со стремительной быстротой приближался к нам. Мы плыли вниз по течению. Начался отлив. Последняя волна подхватила лодку и понесла в море.

Маррик убрал нож от моей шеи.

— Хорошо отделались. Этот чертенок оказал нам отличную услугу со своим пожаром. Никто не обратил внимания на реку и лодку, проплывшую под мостом. Ну что, приятель, теперь послушаем тебя. Как зовут?

— Мирдин Эмрис.

— Но ты же сказал... Ну-ка стой! Мирдин, говоришь? Не побочный ли ты сын?

— Он.

Маррик присвистнул. Ханно задержал весло в воздухе и сделал мощный гребок. Лодку качнуло.

— Слышал, Ханно? Он побочный сын! Но скажи, почему ты назвался рабом?

— Я не знал, кто вы, а вы не узнали меня. Поэтому я подумал, что если вы воры или люди Вортигерна, то отпустите меня.

— Сумка, пони и все прочее... Получается, что ты в самом деле ударился в бега? М-да... — задумчиво проговорил он. — Если верить рассказам, то тебя особо не за что винить. Но зачем устраивать пожар?

— Я сказал вам правду. Камлак убил ни за что моего друга, сакса Сердика. Я думаю, он сделал это только потому, что тот принадлежал мне. Камлак хотел использовать его смерть против меня. Они подкинули тело ко мне в комнату, чтобы я увидел. По обычаю саксов люди попадают к своим богам через огонь. Потому я и поджег комнату.

— А остальные во дворце отправляются к дьяволу?

— В крыле прислуги никого не было, — с безразличием ответил я. — Народ или ужинал, или меня искали, или обслуживали Камлака. Удивительно, а может быть, и нет, но как быстро люди привыкают к новым хозяевам. Наверняка пожар потушат прежде, чем огонь успеет добраться до королевских апартаментов.

Он долго молча глядел на меня. Нас все еще несло на волнах отлива прямо в устье. Ханно не делал попыток пристать к какому-нибудь берегу. Я запахнул поплотнее накидку и поежился.

— К кому ты бежал? — спросил Маррик.

— Ни к кому.

— Погоди, приятель, мне нужно знать правду, иначе сейчас же полетишь за борт, будь ты хоть королем. Слышишь меня? Ты бы не протянул и недели, если бы тебе не к кому было бежать. О ком ты думал? О Вортигерне?

— А что, идея, правда? Камлак за Вортимера.

— Что? — воскликнул он. — Ты уверен?

— Никакого сомнения. Он давно носился с этой идеей, потому и ссорился с королем-отцом. В любом случае он со своими людьми ушел бы к нему. А сейчас, имея королевство в своем распоряжении, он просто не пустит к себе Вортигерна.

— А кого же он пустит?

— Этого я не знаю. Кого, в самом деле? Насколько вы можете себе представить, он не очень-то откровенничал об этом до последнего времени, пока не умер мой дед.

— Хм. — Маррик поразмыслил с минуту. — У старого короля остался еще один сын. Если знати не понравится этот союз...

— Вы имеете в виду ребенка? Не слишком ли просто получается? У Камлака есть хороший пример. Вортимер оказался бы совсем в другом месте, если бы его отец не проделал то, что собирается проделать Камлак.

— А что он собирается проделать?

— Вам известно об этом столько же, сколько мне. А потом, зачем я буду все рассказывать, не зная, кто вы? Не пора ли открыть себя?

Он пропустил мимо ушей мой вопрос.

— Похоже, ты прилично знаешь всю кухню. — Его голос звучал задумчиво. — Сколько тебе лет?

— Двенадцать. В сентябре исполнится тринадцать. Для того, чтобы понять Камлака и Вортимера, не надо быть семи пядей во лбу. К тому же я слышал это собственными ушами.

— В самом деле? Клянусь Тельцом! А что ты еще слышал?

— Очень много. Я все время путался под ногами. На меня никто не обращал внимания. Моя мать сейчас уходит в монастырь Святого Петра, и я не отдал бы ломаного гроша за мое будущее. Поэтому решил смыться.

— К Вортигерну?

— Понятия не имею, — искренне ответил я. — У меня не было конкретного плана. Может быть, и к Вортигерну. Кроме него, никого не остается. Саксы волками вцепились в горло британцам и будут рвать Британию на клочки, пока ничего не останется. К кому же еще?

— Ну, — сказал Маррик, — к Амброзиусу.

Я рассмеялся.

— Ну, конечно, к Амброзиусу. Я думал, вы серьезно. Я по акценту понял, вы из Малой Британии, но...

— Ты же спрашивал, кто мы. Мы люди Амброзиуса.

Установилась тишина. Устье исчезло из виду. Далеко на севере мерцал огонек — маяк. Дождь уменьшился, а скоро перестал совсем. Стало холодно, с берега дул ветер. По воде пошла зыбь. Лодку кидало и качало. Я почувствовал первые признаки морской болезни. От холода и дурноты я крепко сцепил руки на животе.

— Люди Амброзиуса? — резко спросил я. — Выходит, вы лазутчики? Его шпионы?

— Называй нас верными людьми.

— Выходит, верно, что он ждет своего часа в Малой Британии?

— Да, верно.

— Вы направляетесь, в Малую Британию? — спросил я, пораженный своей догадкой. — Вы надеетесь доплыть туда в этой утлой посудине?

Маррик рассмеялся.

— И пришлось бы плыть, если бы ушел корабль, — кисло сказал Ханно.

— Какой корабль зимой? — допытывался я. — В такую погоду не плавают.

— Плавают, если хорошо заплатить, — заметил Маррик сухо.

— Амброзиус платит. Корабль будет ждать на месте.

Уже участливо он положил руку мне на плечо.

— Оставим этот разговор. Мне хотелось бы узнать еще кое-что.

Я свернулся калачиком, сжав живот и делая большие глотки свежего воздуха.

— Могу порассказать вам многое. Однако мне все равно нечего терять, если вы собираетесь отправить меня за борт. Поэтому я предпочел бы или не говорить ничего, или подождать, пока Амброзиус назначит за мои сведения свою цену. Вон ваш корабль, слепые, что ли? Больше я не буду говорить. Мне плохо.

— Да ты, я гляжу, уж точно не из пугливых. Ага, вот и корабль. Хорошо виден. Учитывая твоё положение, возьмем тебя на борт. Скажу одну вещь. Мне понравилось, как ты рассказывал о своем друге. Это звучало правдиво. Значит, ты умеешь быть верным, да? Быть верным Камлаку или Вортигерну у тебя нет оснований. Мог бы ты засвидетельствовать свою верность Амброзиусу?

— Сначала погляжу на него, потом скажу.

От удара кулаком я растянулся на дне лодки.

— Принц ты или еще кто — соблюдай приличия, говоря о нем. Немало людей почитают его за своего короля.

Я встал, меня тошнило. Откуда-то рядом донесся тихий окрик, через секунду мы уже качались в тени корабля.

— Мне достаточно, что он человек, — сказал я.

Корабль был небольшой, но вместительный, с низкой осадкой. Он стоял в ночном море без огней. Его мачта покачивалась на фоне бегущих по черному небу облаков. Судно было оснащено как одно из многих торговых, заходивших в Маридунум в мореходный сезон, однако выглядело оно покрепче, да и ходовые качества, наверное, были получше.

Маррик откликнулся на голос. Сверху бросили канат, Ханно поймал его и закрепил.

— Давай пошевеливайся. Можешь лазить или нет?

Кое-как в шатающейся лодке я поднялся на ноги. Канат намок и скользил в руках. Сверху настойчиво торопили:

— Побystрее же. Хорошо, если вообще сможем отплыть при такой погоде.

— Наверх, наверх. Черт бы тебя побрал. — Маррик снизу подтолкнул меня. Этого-то и не хватило. Руки разжались, и я упал обратно в лодку, ударившись о борт. Я беспомощно растянулся поперек лодки, и меня опять начало тошнить. Мне было совершенно наплевать на божью стезю и ожидавшие меня королевства. Ударьте ножом или киньте за борт — только бы стало легче. Я перевесился через борт как груда мокрых тряпок. Меня рвало.

Последующие события запомнились плохо. Стояла несусветная ругань. Ханно настойчиво советовал Маррику смириться с потерей и кинуть меня за борт. Тем не менее я был в целости поднят на борт. Меня проволокли вниз и бросили на тряпки. Рядом поставили ведро и пустили струю свежего воздуха.

Путешествие заняло, по-моему, четыре дня. Погода была, конечно, скверная, но вскоре мы оставили ее позади. Корабль быстро устремился вперед. Весь путь я провел в трюме на тряпках у открытого проема, не в силах поднять головы. Самые сильные приступы морской болезни прошли, но я по-прежнему не мог шевельнуться. Слава богу, что меня никто не тревожил.

Один раз ко мне спускался Маррик. Встреча запомнилась плохо, как во сне. Он перелез через сваленную в кучу старую якорную цепь и встал рядом, наклонился, рассматривая меня.

— Подумать только, — сказал он, покачав головой. — А мы-то думали, что нам с тобой повезло. Надо было с самого начала бросить тебя за борт. Меньше беспокойства. По-моему, тебе нечего нам больше сказать.

Я не ответил.

Он издал тихое странное хрюканье, походившее на смех, и вышел. Измученный, я заснул. Когда проснулся, обнаружил, что с меня сняли мокрую одежду и завернули в сухие одеяла. У изголовья стоял кувшин с водой и лежал ломоть ячменного хлеба.

Есть я совершенно не мог. На закате в один из дней вдали показался Дикий берег. Мы бросили якорь в спокойных водах Морбихана, который люди еще называют Малым морем.

Книга II.

Сокол

1

Первое, что я помню после тяжелого изнуряющего сна, — это пробуждение от раздававшихся прямо над моей головой голосов.

— Ладно, пусть так, если ты веришь ему. Но ты действительно думаешь, что даже внебрачный принц может быть в таких одеждах? Все промокшее, нет даже позолоченной пряжки на поясе, а взгляни на его туфли. Я согласен с тобой, что плащ хороший, но он изношен. Более вероятна первая история: он просто раб, сбежавший от своего хозяина и прихвативший его вещи.

Это был голос Ханно, разговаривали на британском. К счастью я лежал спиной к ним, свернувшись под грудой одеял. Поэтому мне было нетрудно делать вид, что сплю. Я не шевелился и даже старался не дышать.

— Нет, это в самом деле внебрачный принц; я видел его в городе. И узнал бы его раньше, если бы была возможность его рассмотреть.

А это говорил Маррик.

— В любом случае вряд ли имеет значение, кем он был, раб или побочный принц, но он посвящен в дела дворца, и Амброзиус захочет его послушать. А он сообразительный парень. Да, да, он именно тот, за кого он себя выдаст. Судя по его разговору, не скажешь, что он воспитывался на кухонных задворках.

— Да, но... — От изменившегося голоса Ханно у меня натянулась кожа на костях. Я замер.

— Да, но что?

Пронизал еще больше понизил свой голос:

— Может быть, заставить его сначала нам все выложить... Я хочу сказать, что давай-ка прикинем, как это сделать. Все, что он нам сообщил о намерениях короля Камлака... Если мы сами заполучим все эти сведения и сообщим о них, то нас ждут туго набитые кошельки, согласен?

В ответ Маррик проворчал:

— А когда он попадет на берег и проболтается кому-нибудь? Дойдет до Амброзиуса. Мимо него никогда ничего не проходит.

— Ты что, простачком прикидываешься? — последовал язвительный вопрос.

Мне оставалось одно — не шевелиться. Лопатки впились в натянутую на спине кожу.

— Да не такой уж я простак. Соображаю, куда ты клонишь. Но не представляю, что это возможно.

— Никто в Марибунуме не знает, куда он ушел, — говорил Ханно быстрым и нетерпеливым шепотом. — Что касается тех, кто видел его при посадке на судно, то они подумают, что мы увезли его с собой. На самом же деле мы сейчас заберем его с собой, а по дороге в город...

Я услышал, как Ханно судорожно проглотил слюну.

— Еще до выхода в море я говорил тебе: бессмысленно тратить на его проезд, — продолжал Ханно. Затем раздался резкий голос Маррика:

— Если мы собирались от него избавиться, то, конечно, было бы лучше вообще не тратить деньги на его провоз. Но пораскинь немножко мозгами: мы получим деньги в любом случае и, может быть, приличный куш сверх того.

— Как это ты себе представляешь?

— Ну, если у парнишки есть что сказать, то Амброзиус оплатит его провоз, можешь не сомневаться. Затем, если окажется, что мальчик побочный принц, а я в этом не

сомневаюсь, то и тут мы получим сверху. Сыновья или внуки королей — из них всегда можно извлечь пользу, и кому, как не Амброзиусу, об этом знать.

— Амброзиус должен знать, что невыгодно держать парня в качестве заложника, — пробурчал угрюмо Ханно.

— А если он все-таки не пригодится Амброзиусу, то мы оставим его у себя, продадим и поделим выручку. Вот давай так и сделаем. Живой он еще чего-то стоит, мертвый — ничего, и тогда плакали бы наши денежки, потраченные на его провоз.

Я почувствовал довольно-таки жесткие тычки Ханно ногой.

— На данный момент он вообще ничего не стоит. Таких дохлых я еще ни разу не видел. У него, должно быть, девчачий желудок. Вы думаете, что он способен передвигаться?

— Сейчас посмотрим, — сказал Маррик и потряс мнил. — Послушай, парень, подымайся.

Я застонал и медленно перевернулся, показав им, как и предполагал, свое несчастное бледное лицо.

— Что это? Мы на месте? — спросил я на уэльском.

— Да, мы на месте. Давай-ка вставай, мы собираемся на берег.

Я застонал опять, но на сей раз сильнее и схватился за живот.

— О боже. Нет, оставьте меня.

— Черпак морской воды, — предложил Ханно.

Маррик выпрямился.

— Время прижимает. — Он опять заговорил на британском. — Судя по всему, нам придется его нести.

— Нет, нам придется оставить его: мы должны идти прямо к графу. Не забывай, что вечером встреча. Он уже знает, что судно пришвартовалось, и рассчитывает увидеть нас перед своим отъездом. Нам лучше прямо сообщить ему, иначе могут быть неприятности. Парнишку мы оставим пока здесь. Закроем его и скажем, кто останется охранять, чтоб не спускал с него глаз. А назад мы сможем вернуться еще до полуночи.

— Сможем, думаешь? — угрюмо спросил Ханно.

— У меня есть то, что не будет ждать.

— Амброзиус тоже не будет ждать. Поэтому, если хочешь получить деньги, тебе лучше пойти. Разгрузка судна наполовину уже закончена. Кто останется охранять?

Ханно сказал что-то, но скрип тяжелой двери, захрипевшей за ними, и глухой стук задвигаемых засовов заглушили ответ. Слышно было, как в засовы вставляют клинья. Затем звук их голосов и шагов затерялся в шуме разгрузки. Работа шла полным ходом; скрип воротов, крики людей, скрежет разматывающихся тросов, глухой звук от перетаскиваемых на пристань тяжелых грузов.

Я откинул одеяла и сел. После того, как прекратилась эта ужасная качка, я опять почувствовал себя нормально —

даже хорошо. Ощущения какой-то легкости и очищения вызывали во мне необычное состояние: я почувствовал себя здоровым и полным сил. Я встал на колени и оглядел себя.

На пристани горели фонари, свет их проникал через маленький квадратный бортовой иллюминатор. Я увидел кувшин с широким горлом и большой кусок ячменного хлеба. Откупорив кувшин, осторожно попробовал воду. Отдавало плесенью, известняком, но пить можно было, от воды у меня пропал металлический привкус во рту. Хлеб был как камень, но я держал его в воде до тех пор, пока он не стал разламываться на кусочки. Затем я поднялся и подтянулся к окошку.

Для этого мне пришлось добраться до подоконника, подтянуться на руках, опереться ногой на выступ одной из распорок перегородки. Я и ранее предполагал, что моя тюрьма находится на носу судна, а сейчас убедился в этом. Судно было пришвартовано к каменной пристани, где на столбах висела пара фонарей, при свете которых около двадцати воинов сгружали тюки и полные упаковочные клетки. Дальше за пристанью выстроился ряд капитальных сооружений — вероятно склады.

Создавалось впечатление, будто товары отправляли еще куда-то. У фонарных столбов ожидали повозки с привязанными мулами. Воины были в форме и вооружены. За разгрузкой наблюдал офицер. Судно стояло среди других кораблей и близко к пристани, где находились сходни. Носовой канат располагался от перил до пристани прямо над моей головой. Между мною и берегом было примерно пятнадцать футов. Канат убежал вниз в спокойную темень ночи, дальше шла густая темнота складских сооружений. Но я решил, что мне придется подождать, пока не закончится разгрузка, а повозки и с ними, вероятно, воины не уйдут. У меня еще оставалась надежда на побег, учитывая, что на борту будет всего лишь один часовой и, возможно, на пристани уберут фонари.

Конечно, я должен бежать. Если останусь здесь, то моя безопасность будет зависеть единственно от доброй воли Маррика, а это в свою очередь — от исхода его разговора с Амброзиусом. А если по каким-то причинам Маррик не вернется сюда, а вместо него придет Ханно...

Кроме того, я хотел есть. Вода и та отвратительная каша из размоченного хлеба привели соки в моем ужасно пустом желудке в кипение. Сама мысль, что придется еще ждать два или три часа, пока кто-то вернется, казалась мне невыносимой, даже если исключить страх перед тем, что могло принести их возвращение. И даже если бы произошло самое благоприятное и Амброзиус послал за мной, я, находясь в его руках и выдав ему все сведения, которыми располагал, тем не менее не испытывал уверенности в своей безопасности. Хотя обман спас мне жизнь, Ханно был прав, предполагая,

что я со своими скудными сведениями бесполезен в качестве заложника. Да и Амброзиус это поймет. Мой полукоролевский статус мог произвести впечатление только на Маррика и Ханно. Амброзиус же не принял бы во внимание ни то, что я внук союзника Вортигерны, ни то, что я племянник Вортимера. Дела обстояли так, что в лучшем случае быть мне в рабстве, в худшем — невоспетая смерть.

А ждать этого совсем не входило в мои планы. Тем более, что бортовой иллюминатор оставался открытым, а буксирный канат проходил прямо надо мной к швартовой тумбе на причале. Оба охранника, как я полагал, никогда не имели дело с малолетними узниками, и потому не придали значения открытому иллюминатору. Никто, даже такой шустряк, как Ханно, и не подумал бы бежать таким образом. А если и подумали, то не знали, что я даже плавать не умею. Канат же они в расчет не принимали, а я его внимательно разглядывал. Если уж крысы могли пробираться по нему, а в тот момент я как раз наблюдал одну из них — крупную, откормленную, лоснящуюся, сползающую на берег, то, значит, и я справлюсь.

Но мне нужно было ждать. Между тем похолодало, а я был раздет.

Свет с берега шел слабый, но я рассмотрел свою маленькую тюремную клетку с грудой одеял, наваленных на кучу старых мешков; у перегородки увидел покоробившийся и потрескавшийся матросский сундучок, тяжелую — мне не под силу — ржавую цепь, кувшин для воды, а в дальнем углу — «дальнем» значило два шага от меня — стояла мерзкая бадья, наполовину заполненная блевотиной. Возможно, из добрых побуждений Маррик снял с меня промокшую одежду, а может быть, просто забыл вернуть ее или же сознательно не отдал, чтобы предотвратить попытку побега.

Пять секунд осмотра сундучка показали, что в нем, кроме дощечек для письма, бронзового кубка и каких-то кожаных ремешков от сандалий, ничего нет. Закрывая крышку сундучка с этой не подающей надежды коллекцией, я подумал, что хоть туфли они мне оставили. Не потому, что я не привык ходить босиком, но не зимой же и не по здешним дорогам... Однако, голым или нет, я должен был бежать. Именно меры предосторожности, предпринятые Марриком, вынуждали меня больше, чем когда-либо, стремиться выбраться отсюда.

Я не знал, что буду делать, куда пойду. Всевышний выпустил меня из рук Камлака и помог перебраться через море, и я поверил в свою судьбу. По плану я намеревался войти в приближение Амброзиуса, чтобы узнать, что он за человек. Потом, если там можно будет найти покровительство или хотя бы милосердие, я бы рассказал о себе и предложил свои услуги. Мне никогда не приходило в голову, что просьба воспользоваться услугами двенадцатилетнего — это какой-то

абсурд. Полагаю, что в силу своего возраста я тогда рассуждал по-королевски.

Мешки, на которых я лежал, были старыми и кое-где даже прогнившими. Так что не составляло труда разорвать один из них по швам, чтобы через образовавшиеся дырки просунуть голову и руки. Одежные были ужасным, но зато модным. Таким же образом я «разделался» и со вторым мешком. Стало теплее. Одежда была добротными и слишком толстыми, чтобы их разорвать, к тому же помешали бы мне отсюда выбираться. Связав пару кожаных ремней, я сделал себе пояс. Оставшийся кусок ячменного хлеба я засунул в переднюю пройму мешка, остатками воды вымыл лицо, руки и волосы, снова подошел к иллюминатору, поднялся и выглянул.

Пока занимался своей экипировкой, я слышал выкрики и громкий топот шагов, как будто шло построение к маршу. Так оно и было. Воины и повозки покидали пристань. Последняя из повозок, тяжело груженная, со скрипом, сопровождаемая щелканьем кнута, удалялась вдоль сооружений. Меня разбирало любопытство: что за груз?

В эту пору года зерно — вряд ли; более вероятно — металл или руда. Это подтверждало и то, что разгрузку вели воины, и повозки отправляли в город под охраной. Звуки стихли. Я осторожно огляделся вокруг. Фонари все еще горели, но, насколько я мог видеть, на пристани не было никого. Пора двигаться, пока часовому не вздумалось проверить, на месте ли узник.

Вскоре я уже сидел на подоконнике иллюминатора и пытался дотянуться до каната, наполовину высунувшись и опираясь ногами на перегородку. Мне стало немножко не по себе, когда увидел, что не могу сразу за него ухватиться, что придется встать в рост и как-то удержаться, находясь над черной бездной между судном и пристанью, куда маслянистые волны катили груды мусора. Но мне удалось справиться. Цепляясь ногтями за борт, как это делала крыса, которую до этого наблюдал, я смог выпрямиться и ухватиться за канат. Он был туго натянут. Я вцепился в него обеими руками и ногами.

Я полагал, что, перебирая руками по канату, без шума приземлюсь в тени на пристани. Но не имея никакого «морского» опыта, я не учел одну вещь — легкий вес малого судна. Когда я повис на канате, оно резко наклонилось и, раскачиваясь, неожиданно накренилось в сторону пристани. Канат под моим весом опустился к воде и начал сворачиваться в петлю. В том месте, где я прилип к канату, как обезьяна, он внезапно встал вертикально. Ноги потеряли опору, руки не могли удерживать мой вес. Я заскользил по канату, как бусинка по нитке.

Если бы судно качнулось более плавно, оно придавило бы меня к пристани или я бы пошел на дно, достигнув нижнего

изгиба петли. Но оно повело себя, как пугливая лошадь. Когда судно стукнулось о кромку пристани, я как раз был на ее уровне. Оно резким толчком как бы сбросило меня с себя. В нескольких дюймах от тумбы я приземлился, растянувшись на твердой мерзлой земле.

2

Времени на раздумья не было. Я слышал шлепанье босых ног по палубе. Видно, часовой побежал посмотреть, что случилось. Я сгруппировался, перекатился, вскочил на ноги и уже бежал, прежде чем он с раскачивающимся фонарем оказался на том месте, где я только что был. Он что-то кричал, но я уже скрылся за углом строений и был уверен, что он не видит меня. Даже если бы и видел, я все равно считал себя более-менее уже в безопасности. Сначала мой страж проверит каюту, где меня заперли, но даже в этом случае я сомневался, что он осмелится оставить судно. На пару секунд я прислонился к стенке, крепко прижимая к себе расцарапанные руки и стараясь привыкнуть к темноте. Я быстренько огляделся, чтобы выбрать направление движения.

Сарай, за которым я укрылся, стоял в дальнем конце пристани. Прямая лента гравиевой дороги тянулась в направлении видневшихся вдали огней, скорее всего — город. Там, где дорога уходила в темноту, мерцали тусклые огоньки, принадлежавшие направляющемуся в город каравану. Все будто замерло.

Нетрудно было догадаться, что столь тщательно охраняемый груз ждали именно в штабе Амброзиуса. Я не представлял себе, как мне добраться до него или вообще до какой-нибудь деревушки, или города. А пока мне нужно было разыскать себе еду и теплый кров, под крышей которого я мог бы найти убежище и дожидаться наступления дня. Бог, видимо, покровительствовал мне.

Было бы неплохо, если бы он помог мне еще и с едой. Изначально я планировал обменять на еду какую-нибудь из драгоценностей, но теперь, труся следом за повозками, подумал, что мне все-таки придется что-то украсть. На худой конец у меня оставалась коврига ячменного хлеба. Потом дождусь рассвета, и... Если Амброзиус проводил «встречу», как выразился Маррик, то будет совершенно бесполезно отправляться в его штаб и добиваться аудиенции. Сколько бы важной ни представлялась мне собственная персона, охрана Амброзиуса будет руководствоваться другими соображениями, узрев меня в подобном виде. Дождемся наступления дня.

Стояла стужа. На фоне черного морозного воздуха пар моего дыхания казался серым. Луна не светила, зато, как волчьи глаза, сверкали звезды. Блестели схваченные морозцем

камни на дороге. До меня доносился звонкий цокот копыт и звучный скрип колес. На мое счастье ветра не было. От бега я согревался, но близко подходить к конвою опасался. Повозки и люди еле тащились, поэтому время от времени я замедлял свой бег. Мороз проникал под рваную мешковину, и я колотил себя руками, пытаясь разогнать кровь.

Мне везло: на дороге было где спрятаться. Кругом росли кусты. Группами или поодиночке, они застыли, припав к земле и протянув свои ветви в направлении господствующего здесь ветра. Резко выделяясь на фоне звездного неба, в кустах стояли огромные камни. Сначала я принял их за большие вехи. Они будто росли прямо из земли, их нестройные ряды напоминали деревья, погнутые ветром. Или аллею неведомых мне богов. Звездное сияние высветило поверхность одного из камней. Что-то привлекло мое внимание, когда я остановился. Грубо вырубленные в граните формы, оттененные, как сажей, холодным светом, — двуглавый топор. Стоящие, как на параде гигантов, камни терялись в темноте. Сухой поломанный чертополох колот мои босые ноги. Повернувшись, чтобы еще раз взглянуть на топор, я не увидел его. Он исчез.

Я выбежал на дорогу, сжимая стучавшие от холода зубы.

Именно от холода, отчего же еще? Повозки ушли значительно вперед, и я двинулся следом, стараясь бежать по землистой обочине, хотя она была такой же твердой, как и сама дорога. Под сандалиями хрустел иней. Позади меня в темноте оставалось молчаливое каменное воинство. Впереди светился огнями городок, и меня уже касалось тепло его домов. По-моему, я, Мерлин, впервые бежал к свету и людям, спасаясь от одиночества.

Город был обнесен стеной, как оно и полагалось, если город стоял у моря. Его окружал высокий земляной вал с изгородью наверху. С внешней стороны вала выкопали широкий ров, сейчас весь покрытый льдом. На расстоянии друг от друга во льду были сделаны пробоины, чтобы он не выдерживал тяжести тела. Я различал черные проемы и извилистые трещины. Их уже затянуло свежим льдом, похожим на матовое стекло. Через ров к воротам вел деревянный мост. При выезде повозки остановились, и навстречу страже от конвоя выехал офицер. Охрана неподвижно ожидала конца разговора. Мулы же нетерпеливо переминались, сопели и звенели упряжью, чувствуя близость теплой конюшни.

Если я и лелеял надежду залезть в повозку и таким образом проникнуть в город, то сейчас был вынужден распрощаться с ней. На протяжении всего пути солдаты, растянувшись цепочкой, с обеих сторон сопровождали караван. Офицер непрерывно контролировал все повозки. Поговорив со стражниками, он отдал приказ заезжать. Сам же развернул лошадь и отъехал в хвост колонны, к последней телеге. Мне

удалось быстро рассмотреть его лицо. Мужчина средних лет, с крутым нравом и к тому же сильно замерзший. Не из тех, кто терпеливо выслушает или вообще станет слушать. Мне будет безопаснее остаться наедине со звездами и марширующим каменным воинством.

С глухим стуком ворота закрылись за конвоем. Я услышал скрип задвигаемых засовов.

Вдоль рва, на восток, вела едва заметная тропинка. Проследив ее направление, я заметил вдалеке огни. Они несомненно принадлежали какой-то усадьбе, расположенной за пределами города.

И рысцой выбежал на тропинку, дожидаясь на ходу ковригу хлеба.

Оказалось, что огнями светился приличных размеров дом, постройки которого образовывали закрытый двор: сам дом состоял в два этажа, баня, жилища для прислуги, конюшня и пекарня. Они были достаточно высокими с узкими окошками, добраться до которых мне не представлялось никакой возможности. Сводчатые ворота венчало железное крепление, где на высоте человеческого роста неярко горел факел, влажная смола шипела и трещала. Двор был освещен получше, но оттуда не доносилось ни шума, ни голосов. Ворота, конечно, были наглухо заперты.

Доверять свою судьбу привратнику? Я обогнул стену в надежде найти лаз. Из третьего окна — пекарни — несло холодом и плесенью. Но я все равно предпринял попытку забраться вверх. Окно представляло собой узкую щель, в которую даже я не пролез бы.

Дальше конюшня, загон... На меня пахло запахом скота и сухого сена. Рядом стояли дом вообще без окон и баня. Я снова вернулся к воротам.

Неожиданно совсем рядом звякнула цепь и раздался громкий лай собаки. Помнится, что я отпрыгнул назад на целый шаг и плотно прижался к стене. Кто-то открыл дверь. В тишине было слышно рычание пса. Человек постоял, что-то отрывисто сказал и закрыл дверь. Собака немного поворчала и успокоилась. Посопев, она с цепью потащилась в конуру. Я услышал, как она устраивалась там на сене.

Судя по всему, внутрь не пробраться и убежища там не найти. Я постоял, обдумывая положение, спиной по-прежнему прижимаясь к холодной стене, которая казалась теплее, чем воздух. Меня трясло от холода, мороз пробирал до самых костей. Я был уверен, что поступил правильно, убежав с корабля и не доверившись конвою. Может, постучать в дом и попроситься переночевать? Меня примут за нищего, и тогда расправа будет короткой. А если остаться здесь, к утру я окаменею насмерть. Буквально в двадцати шагах от меня,

куда не попадал свет от факела, я заметил невысокие темные очертания каких-то построек, похоже на загон для скота. Было слышно, как внутри топчется живность. С ними, пожалуй, можно согреться: а если к тому времени у меня перестанут стучать зубы, то доем и корку хлеба.

Я отошел от стены, сделал шаг, клянусь, не издав никакого шума, но собака тут же вылетела из конуры, со звоном протащила цепь и подняла адский лай. На этот раз дверь моментально открылась, во двор вышел человек и направился к воротам. Послышался скрежет, будто вынимал он оружие. Я уже приготовился бежать, но тут услышал то, что привлекло внимание собаки. В морозном воздухе раздался звонкий и громкий топот копыт. Кто-то скакал сюда во весь опор.

Метнувшись тенью, я пересек площадку в направлении загона. В насыпи увидел проход, прикрытый сухим кустом боярышника. Тихо, как только мог, я пролез под ним и забрался в загон, стараясь не потревожить скот. Прочь от ворот.

Загон оказался небольшим, грубо сложенным строением, в высоту не выше человеческого роста, покрытый сверху соломой. Скота было много, большей частью молодые бычки. В тесноте они не могли лечь и стояли, согревая друг друга своим теплом и жуя сухой корм. Выход из загона преграждала доска. Снаружи простиралось пустое поле, освещенное звездным светом. На морозе оно казалось серым. Его окаймляла невысокая насыпь, по которой стелились приземистые, помятые ветром кусты. В центре поля стоял каменный истукан.

За воротами человек успокаивал собаку. Топот копыт приближался, выбивая звонкую дробь по металлической дороге. Неожиданно всадник оказался совсем рядом. Он вынырнул из темноты и придержал лошадь у самых ворот. Раздался скрежет металла по камню. Человек что-то прокричал. Приезжий ответил, спрыгивая с седла.

— Да, конечно. Давай, открывай.

Ворота, заскрипев, открылись. До меня донеслись обрывки разговора. Кроме отдельных слов, я ничего не мог разобрать. Судя по отбрасываемой тени, привратник или кто-то, кто вышел встречать, вынул факел из пегли, чтобы обозначить путь. Оба с лошастью на поводу направились к загону.

Я услышал, как всадник нетерпеливо сказал:

— О, да. Подойдет. Если до этого дойдет дело, то место сгодится, чтобы быстро смыться. Корм есть?

— Да, сэр. Я поместил сюда часть молодняка, чтобы освободить место для коней.

— Там что, встать негде? — голос принадлежал молодому человеку и звучал отчетливо и резко. Возможно, он просто замерз и был зол. Знатность и беспечность проявлялись в его поведении.

— Все по чести, — ответил привратник. — Осторожно, здесь канава. Если позволите, я пройду вперед осветить дорогу.

— Мне видно, — раздраженно сказал молодой. — Если при этом ты еще не будешь тыкать факелом мне в лицо. Да стой, ты! — Последние слова относились к споткнувшейся о камень лошади.

Я отполз от входа в загон и забился в угол. Стена высилась здесь прямо из насыпи. Под ней был сложен дерн и охапка сушняка с папоротником сверху — нечто вроде утепленной подстилки. Я спрятался за кучей.

Боярышник подняли и отодвинули в сторону.

— Вот, сэр. Заводите коня. Места немного, но смотрите сами.

— Я же сказал, что подойдет. Подними доску и заведи его. Быстрее. Я тороплюсь.

— Если позволите мне остаться, я расседлаю его, сэр.

— Нет надобности. Час-другой и так постоит. Ослабь лишь подпругу. Даже накидку здесь оставлю. О, боги, как холодно. Сними уздечку. Пойду в дом.

Я услышал его удаляющиеся шаги и звон шпор. Доску положили на место.

Когда привратник догнал его, он, по-моему, сказал:

— Введи меня с другой стороны, чтобы отец не увидел меня.

Ворота захлопнулись. Зазвенела цепь, но собака промолчала. Их шаги прозвучали во дворе, затем стукнула дверь.

3

В том, чтобы перебраться через насыпь и подбежать к воротам, невзирая на свет факела и собачий лай, не было никакой необходимости. Бог сделал свое дело. Он ниспослал мне тепло и, как я позже обнаружил, пищу.

Не успела захлопнуться дверь, как я был уже у лошади и, шепотом успокаивая ее, стаскивал накидку. Животное совсем не вспотело. Он проскакал галопом не больше мили. Здесь, в загоне, холод ему будет нипочем. Я замерз больше, и мне просто надо было взять эту офицерскую накидку, плотную, мягкую и добротную. Едва сняв ее с лошади, я обнаружил, что хозяин оставил мне не только накидку, но и полную седельную сумку. Я приподнялся на носки и пошарил внутри.

Почти полная кожаная фляга, наверное, с вином. Молодые люди не возят с собой воду. Печенье, завернутое в салфетку, изюм, полоски из вяленого мяса.

Животные, дыша паром, тыкались в меня своими слюнявыми мордами. Накидка сползла и зацепила углом грязь

под их копытами. Я подхватил ее, прижал флягу и провиант и проскользнул под доской. Лежанка из сушняка не отличалась чистотой, но теперь я был готов ночевать в навозной куче. Я зарылся в сушняк и обернулся теплой и мягкой шерстью накидки, после чего приступил к трапезе, ниспосланной мне богом.

Мне нельзя спать, что бы ни случилось. К сожалению, все говорило о том, что молодой человек вернется через час-другой. Но, учитывая наличие еды и тепла, мне бы с лихвой хватило этого времени. Со всеми удобствами дождался бы рассвета. Когда из дома будут выходить, я услышу, брошу накидку на место и спрячусь. Мой хозяин вряд ли заметит, что у него в сумке поубавилось еды.

Я пригубил вина. Удивительно, даже черствая горбушка показалась с ним вкуснее. Напиток отдавал изюмом и был сладкий. По телу разлилось тепло, сведенные суставы размягчились и перестали дрожать. Я уютно свернулся в теплом гнезде, прикрывшись от холода сухим папоротником.

Возможно, я немного поспал и даже не понял, отчего проснулся. Кругом ни звука. Животные, и те стояли тихо.

Стало, вроде, темнее, и я подумал, что звезды погасли и наступает рассвет. Я раздвинул ветки папоротника и выглянул. Звезды были на месте, источая на черном небе белое сияние.

Странно, но я почувствовал тепло. Поднялся небольшой ветер, принесший с собой облака. Они пробежали над головой и исчезали в ночи. По мере их движения тень и свет сменяли друг друга, волнами набегая на покрытое инеем поле и окружающее пространство. По этим волнам проплывали кусты чертополоха и лужайки с замерзшей травой. Ветер дул совершенно беззвучно.

Над проплывавшей пеленой облаков сияли звезды, расположенные под высоким и черным куполом неба. Тепло и удобная поза навеяли на меня воспоминания о прежних спокойных временах, Галапасе, хрустальном шаре, в котором я наблюдал за игрой света. Бриллиантовый звездный свод напомнил мне потолок пещеры, под которым переливались кристаллы и сменялись тени, отбрасываемые пламенем костра. В небе мигали красные цвета сапфира, синие звезды. Одна звезда светила, не мерцая. Она была золотал. В это время тихий ветер принес еще одно облако, на секунду закрывшее свет. Колючий кустарник зашевелился, каменное изваяние отбросило тень.

Наверное, я очень глубоко зарылся в свое убежище и поэтому не слышал, как молодой человек отодвинул положенное привратником дерево. Он неожиданно возник передо мной.

Его высокая фигура шагала по полю, такому же тихому и призрачному, как сам ветер.

Я съежился, как улитка в своей ракушке. Времени ускользнуть и положить на место накидку не было. Мне оставалось только надеяться, что он не станет искать ее, подумав, что вор скрылся. Однако он не пошел к загону, а направился в открытое поле. Там, в тени каменного изваяния, паслось белое животное. Наверное, убежала лошадь. Одним богам известно, что оно там нашло, в зимнем поле, но я отчетливо видел его очертания, скрытые наполовину в тени. Подпруга с седлом, должно быть, свалились.

Пока он будет ловить его, я убегу, а лучше брошу накидку рядом с загонем (пусть думает, что свалилась с лошади) и вернусь в свою теплую постель. Пускай себе ругает привратника, что плохо привязал лошадь. И поделом. Я не трогал доски у входа. Осторожно приподнявшись, я осмотрелся.

При приближении человека животное приподняло голову. Пробегавшее облако бросило на поле черную тень. В это время камень озарился светом, и я увидел, что это не лошадь и не животное из числа молодняка, находившегося в загоне. Это был бык, самый настоящий здоровый белый бык. Рога по-королевски загнуты, не грудь, а грозовая туча. Он пригнул голову, коснувшись земли подгрудком, и стукнул копытом раз, потом другой.

Молодой человек остановился. Теперь я видел его совершенно отчетливо. Он отличался высоким ростом и крепким телосложением. В звездном свете его волосы выглядели бесцветными. Он был одет в заморскую одежду — штаны, перехваченные ремнями, туника, низко сидевшая на бедрах, и высокий свободный головной убор. В руке он держал сложенную кольцами веревку, волочившуюся по снегу. Его короткая темного цвета накидка развевалась на ветру.

Накидка? Тогда это не мой хозяин! И потом, с какой это стати тот надменный молодой человек ночью будет ловить убежавшего быка?

Неожиданно и беззвучно белый бык бросился вперед. Свет и тени смешались, перепутавшись на небольшой площадке. Просвистела веревка, сложенная петлей. Человек отпрыгнул в сторону, затягивая веревку. Из-под копыт быка поднималась снежная пыль.

Бык крутнулся и бросился снова. Человек, не двигаясь и расставив ноги, ожидал его. Он принял небрежную, почти презрительную позу. Когда бык приблизился к нему, он легким движением танцора отклонился в сторону. Бык пронесся мимо него настолько близко, что задел рогом его распахнутую накидку. Человек взмахнул руками. Веревка свилась в кольцо и обхватила королевские рога. Он наклонился вслед, удерживая ее. При очередном приближении быка человек прыгнул, подняв клуб снежной пыли.

Но не прочь, а на него. Он прочно уселся на толстой шее быка, крепко обхватив ее ногами. Веревка превратилась в поводья. Бык остановился как вкопанный, широко расставив ноги. Опустив голову, он отчаянно попытался порвать веревку. До меня по-прежнему не доносилось ни звука. Ни стука копыт, ни свиста веревки, ни сопения. Я наполовину высунулся из своего убежища и, замерев, забыв обо всем на свете, наблюдал за поединком человека и быка.

Облако снова своей тенью закрыло поле. Я встал, хотел снять доску, закрывавшую загон, и помчаться через все поле ему на выручку, какой бы тщетной моя помощь ни оказалась. Но вдруг облако ушло, и я увидел, что бык стоит на старом месте, а человек сидит сверху. Но вот голова быка начала подниматься. Человек отпустил веревку и взялся руками за рога, медленно оттягивая голову назад и вверх. Медленно, будто в ритуале капитуляции, бычья морда задралась, и обнажилась мощная шея.

В правой руке человека блеснул металл. Он наклонился и вонзил нож в шею животного, рассекая ее поперек.

По-прежнему в тишине медленно бык рухнул на колени. На белую шкуру, белую землю и белый камень изваяния хлынул черный поток.

Я вырвался из своего убежища и помчался к ним, крича что-то в беспамятстве.

Человек заметил меня и повернулся. Он улыбался. В звездном свете его лицо казалось неестественно гладким и каким-то нечеловеческим: отсутствовали признаки усталости и переживания. Его темные, холодные, не улыбочивые глаза также ничего не выражали.

Я споткнулся, попробовал остановиться, запутался в волочившейся накидке и упал у его ног. Сверху, медленно нависая, рухнул белый бык. Что-то ударило меня по голове. Я услышал пронзительный детский крик — свой собственный, и стало темно.

4

Кто-то сильно ударил меня по ребрам, потом еще раз. Я застонал, попытался уклониться от ударов, но мешала накидка. К моему лицу приставили чадивший черным дымом факел. Знакомый молодой голос сердито воскликнул:

— Моя накидка! О боже, держите его, быстро. Будь я проклят, если коснусь его. Он грязный!

Все столпились вокруг меня, шаркая ногами по мерзлой земле. Кругом пылали факелы, раздавались любопытствующие, сердитые и безразличные реплики. Несколько человек приехали верхом. Их кони раздраженно топтались сзади.

Я пригнулся, глядя снизу вверх. Голова раскалывалась, лица людей перемешались, происходящее поплыло перед глазами. Из небытия возникали образы и накладывались на реальные события. Огонь, голоса, корабельная качка, рухнувший белый бык.

Чья-то рука сорвала с меня накидку. Вместе с ней слетела часть гнилых мешков. Я сидел голым по пояс. Кто-то схватил меня за руку и рывком поставил на ноги, за волосы повернул к стоящему напротив человеку. Он был молод, светлорусый, в свете факелов казался рыжим, элегантная бородка окаймляла подбородок. Голубые глаза пылали гневом. Он стоял на морозе без накидки, в левой руке держал плеть.

Он оглядел меня с отвращением.

— Нищенское отродье. Ну и воняет. Придется сжечь накидку. За это ты заплатишь мне своей шкурой, гаденыш. К тому же ты собирался украсть мою лошадь?

— Нет, сэр. Клянусь, я воспользовался только накидкой и хотел положить ее на место.

— Вместе с застежкой?

— Какой застежкой?

— Ваша застежка пока на месте, господин, — сказал державший меня человек.

— Я взял ее только на время, — быстро вставил я, — чтобы согреться. Было очень холодно.

— Поэтому ты стащил накидку с коня, чтобы он простудился?

— Я не думаю, чтобы он из-за этого пострадал, сэр. В загоне тепло. Потом я положил бы ее на место, уверяю вас.

— Носить ее после тебя, вонючий крысеныш? Тебе горло перерезать мало!

— Ладно, оставь его, — сказал кто-то из конных. — Ничего особенного. Придется отнести твою накидку к сукновалу. Несчастный совсем голый, а стужа способна заморозить саламандру. Отпусти его.

— По меньшей мере, — сказал молодой сквозь зубы, — у меня есть шанс согреться, выпоров его. Эй, поддержи-ка его, Кадал.

Надо мной со свистом занеслась плеть. Держали меня крепко. Но прежде чем плеть опустилась, в свете факела мелькнула тень, и чья-то рука легко коснулась молодого человека.

— Что происходит? — спросил кто-то.

Будто по приказу, наступила тишина. Молодой опустил плеть и обернулся.

Державший несколько ослабил руки. Конечно, почувствовав относительную свободу, я мог бы проскользнуть между конями и людьми и дать стрекача. Однако не стал даже пытаться и глядел во все глаза.

Пришелец был высок, выше молодого на полголовы. Пламя колебалось, мигало, вспыхивало. На этом фоне я не мог различить черты его лица. Голова моя раскалывалась. Холод вновь, как зубастый зверь, набросился на меня. Я видел лишь высокую призрачную фигуру и его глаза, рассматривавшие меня без всякого выражения.

Я чуть не задохнулся от удивления.

— Это были вы? Вы видели меня, правда? Я бежал к вам на помощь, но запутался в накидке и упал. Я не убежал, скажите им, мой господин! Я хотел положить накидку на место до его прихода. Скажите им, пожалуйста, что произошло!

— О чем ты говоришь? Что им сказать?

Свет факелов слепил меня.

— О том, что произошло. Как вы убили быка.

— Что я сделал?

До сих пор было тихо, но сейчас установилась просто звенящая тишина, нарушаемая лишь шумом дыхания и топтанием замерзших лошадей.

— Какого быка? — резко спросил молодой.

— Белого быка, — ответил я. — Он перерезал ему горло, кровь хлынула, как из ручья. Поэтому я перемазал вашу накидку. Я пытался...

— Откуда ты знаешь о быке? Где ты был? Кто тебе говорил?

— Никто, — удивленно сказал я. — Я видел это собственными глазами. Разве это секрет? Вначале мне показалось, что это сон.

— Клянусь светом! — прервал меня молодой офицер. Вместе с ним зашумели остальные, выражая свое недовольство.

— Убить его, и кончено... Он лжет!.. Он лжет, чтобы выкрутиться!.. Он шпионил...

Высокий промолчал. Он стоял, не отводя от меня взор. Во мне закипела злость, и я с жаром заговорил.

— Я не шпион и не вор! Мне надоело это все! Что мне оставалось делать? Замерзнуть живьем, лишь бы не простудилась лошадь?

Стоявший сзади человек схватил меня за руку, но я страхнул его сильным движением, которому мог бы позавидовать мой дед.

— Я не нищий, мой господин. Я свободный человек, приехавший предложить свои услуги Амброзиусу, если он согласится. Для этого и прибыл сюда, покинув родную страну... Я... случайно потерял свою одежду. Конечно, я молод, но у меня есть знания. Я говорю на пяти языках...

Я запнулся. Кто-то сдавленно рассмеялся. Я сжал стучавшие от холода зубы и добавил совсем по-королевски:

— Я лишь прошу Вас помочь найти мне убежище от холода, мой господин, и сказать, где я могу с утра встретить его.

Тишина просто давила на уши. Молодой набрал воздуха, чтобы высказаться, но высокий поднял руку. Судя по вниманию всех окружающих к нему, он был их начальником.

— Погодите. Он не наглец. Посмотрите на него. Подними факел, Люций. Как тебя зовут?

— Мирдин, сэр.

— Мы выслушаем тебя, Мирдин, но рассказывай ясно и коротко. Я хочу узнать про быка. Начни с самого начала. Итак, ты увидел, как брат привязал коня в загоне. Взял себе накидку, чтобы согреться. Продолжай теперь.

— Да, мой господин. Я также взял из седельной сумки немного еды и вина.

— Ты взял мою еду и вино? — переспросил молодой.

— Да, сэр. Сожалею, но я не ел четыре дня.

— Ничего, — резко оборвал начальник. — Продолжай.

— Я укрылся в углу в куче сушняка и вроде бы заснул. Когда проснулся, ты увидел у камня быка. Он там тихо пассив. Потом с веревкой в руках появились вы. Бык кинулся на вас, вы набросили на него веревку и прыгнули ему на спину. Затем, подняв ему голову, перерезали ножом шею. Все кругом было залито кровью, я побежал вам на помощь. Не знаю, чем мог бы вам помочь, но все равно побежал. Потом запутался в плаще и упал. Все.

Я остановился. Человек прочистил горло. Все молчали. Мне показалось, что Кадал — слуга, державший меня, отошел подальше.

— У стоячего камня? — очень тихо спросил предводитель.

— Да, сэр.

Он обернулся. Люди и кони находились совсем близко к камню. Его очертания виднелись на фоне озаряемого факелами ночного неба.

— Отойдите, пусть взглянет, — сказал высокий. Несколько человек расступились.

До камня было футов тридцать. Замерзшая трава у его основания была истоптана сапогами и копытами. Место, где упал белый бык и ручьем пролилась кровь, пустовало. В тени камня выделялся лишь притоптанный снег.

Человек, державший факел, приподнял его, освещая землю. Свет упал на человека, который расспрашивал меня, и я впервые четко разглядел его. Он оказался не так молод, как я предполагал. Лицо избородили морщины, брови нахмурены. Глаза, в отличие от брата, не голубые, а темные. Он был более крепкого сложения, чем показалось с первого взгляда. На запястьях и на шее виднелись золотые украшения. С плеч до самой земли ниспадала тяжелая накидка.

— Это были не вы, — заикаясь проговорил я. — Извините, теперь я вижу, что мне все приснилось. Никто не пойдет на быка с веревкой и коротким кинжалом. Никакой человек не отогнет быку голову и не перережет ему горло. Мне это

лишь приснилось. Это были не вы. Теперь я это ясно вижу. Я думал, что человек в колпаке — это вы. Извините.

Люди начали переговариваться. Но угрозы уже не слышалось. Молодой обратился ко мне совсем иным тоном.

— На кого он был похож, тот человек в колпаке?

— Не имеет значения. Потом, — быстро прервал брат. Он протянул руку и поднял за подбородок мое лицо.

— Ты сказал, что тебя зовут Мирдин. Откуда ты явился?

— Из Уэльса, сэр.

— А, так это тебя привезли из Маридунума?

— Да. Вы знаете обо мне?! — поглупев от холода и удивления, сделал я вдруг запоздалое открытие. Меня, как беспокойного коня, охватила дрожь. Я сгорал от волнения, любопытства и страха.

— Вы Граф! Должно быть, вы сам Амброзиус!

Он даже не ответил.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать, сэр.

— А кто ты такой? Единственное, что ты можешь мне предложить, так это оставить тебя сейчас в живых и позволить этим джентльменам поскорее вернуться в дом.

— Кто я такой, не имеет значения, сэр. Я внук короля Южного Уэльса. Но он умер. Королем теперь стал мой дядя Камлак, но мне от этого не легче. Он хочет убить меня. Поэтому я не могу быть вам полезен даже в качестве заложника. Значение имеет не мое происхождение, а моя личность. У меня есть вам кое-что предложить. Вы сможете сами в этом убедиться, если позволите мне прожить до утра.

— Ах, да! Ценная информация и пять языков. И конечно же, свидения, — он явно насмехался, но лицо его было серьезно. — Говоришь, внук короля? Ни Камлак, ни Дайвид не были твоими отцами? Никогда не знал, что у старика был внук, не считая ребенка Камлака. Из донесений своих лазутчиков я понял, что ты его побочный сын.

— Иногда он выдавал меня за такового, чтобы спасти от позора мою мать. Но она никогда не считала это позором. Моей матерью была Ниниана, старшая дочь короля.

— А... была?

— Она еще жива, но сейчас ушла в монастырь Святого Петра. Мать наверняка бы ушла раньше, но ей разрешили покинуть дворец только после смерти деда.

— А твой отец?

— Она никогда не упоминала о нем. Говорят, он был Принцем Мрака.

Я ожидал обычной в таких случаях реакции — сцепленные пальцы, быстрый взгляд через плечо. Но он лишь рассмеялся.

— Неудивительно, что ты помышляешь помогать королям в управлении королевствами и под звездами гредишь о богах.

Он отвернулся, взмахнув большим плащом.

— Возьмите его с собой. Ютер, тебе придется пожертвовать ему плащ, чтобы он на наших глазах не умер.

— Я этого плаща потом и пальцем не коснусь, — ответил Ютер.

Амброзиус снова рассмеялся.

— Ничего, скоро согреешься, если будешь, как обычно, гнать коня. Если на твоей накидке кровь Тельца, то тебе ее не носить.

— Святотатствуешь?

— Я? — холодно и рассеянно переспросил Амброзиус.

Брат открыл рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, передумал. Он пожал плечами и прыгнул в седло серого коня. Кто-то кинул мне его накидку.

Пока я пытался завернуться в нее дрожащими руками, меня подхватили, запахнули накидку и, как кулек, бросили кому-то на седло. Амброзиус вскочил на своего большого черного коня.

— Поехали, господа.

Черный жеребец сделал скачок, и плащ Амброзиуса исчез из виду. За ним последовал серый конь. Легким галопом кавалькада устремилась в направлении города.

5

В городе располагался штаб Амброзиуса. Позже я узнал, что раньше это был военный лагерь. Здесь Амброзиус с братом собрали и тренировали армию, которая уже представляла реальную угрозу Вортигерну. С помощью короля Будека и подкреплений из государств Галлии армия стала оправдывать свое название. Будек был королем Малой Британии и приходился кузеном Амброзиусу и Ютеру. Двадцать лет назад, когда Амброзиусу едва исполнилось десять лет, а Ютера еще кормили грудью, он приютил их у себя; Вортигерн погубил их старшего брата — короля, и малышей переправили в безопасное место за море. Замок Будека находился недалеко от лагеря Амброзиуса. Вокруг двух укреплений и вырос город, представлявший собой смешение домов, лавок и лачуг. Для защиты от неприятеля вокруг вырыли ров и насыпали земляной вал. Будек стал уже стар и назначил Амброзиуса своим наследником и командующим армией. В прошлом они договорились, что братья останутся в Малой Британии и будут править ею после смерти Будека. Теперь же, когда власть Вортигерна в Большой Британии пошатнулась, а к новому командующему стали стекаться люди и деньги, не было секретом, что Амброзиус заглядывался на Южную и Западную части Британии. Он их планировал подчинить себе, а Малую Британию оставить Ютеру — блестящему воину в свои двадцать лет. Таким образом два королевства должны

были образовать романо-кельтский оплот, противостоящий на- тиску северных варваров.

Вскоре выяснилось, что в одном отношении Амброзиус являлся настоящим римлянином. Первое, что со мной про- делали, так это раздели, разули (протестовать и задавать вопросы я был не в силах) и поместили в баню. Система нагрева воды у них работала. От горячей воды шел пар, и за три мучительных и упоительных минуты я полностью согрелся. Мыл меня тот же человек, что и привез — Кадал, личный слуга Графа.

— По приказу Амброзиуса, — коротко обронил он, драя и вытирая. Пока я надевал чистую белую шерстяную тунику, к тому же на два размера больше, он стоял рядом.

— В доме будешь ходить без сандалий. Чтобы не убежал. Он хочет с тобой поговорить, не знаю, почему. Сама Дея не знает, где тебя носило в этой обуви. В коровнике, наверное. Можешь, не боясь, ходить босиком. Здесь теплые полы. Ну, теперь-то ты хоть чистый. Голоден?

— Шутить изволите?

— Тогда пошли. Будь ты хоть главным побочным сыном короля, наверное, не побрезгуешь поест на кухне?

— Только здесь и сейчас, — ответил я. — Придется сми- риться.

Он бросил на меня быстрый взгляд, недовольно нахмурился, но потом улыбнулся.

— А ты парень с характером, надо признать. Ты достойно держался перед ними. До сих пор удивляюсь, как ты быстро все придумал. На них это произвело впечатление. Если бы Ютер взялся за тебя, то я не дал бы и ломаной булавки за твою жизнь.

— Я сказал правду.

— Да, да, конечно. Попробуй пересказать это снова и увидишь... Амброзиус не любит, когда время тратят впустую.

— Сегодня вечером?

— Да. Убедишься сам, если доживешь до утра. Принц Ютер тоже не любит таких вещей. Но он и работает поменьше. Не засиживается над бумагами. Говорят, он прикладывает усилия в другом направлении. Пошли.

Еще в прихожей нас встретил запах горячей пищи и потрескивание жаркого.

Кухня занимала большую комнату и напоминала гостиную во дворце. Пол покрывала гладкая красная плитка, а по двум сторонам кухни на возвышении стояли печи. Вдоль стен тянулись ряды столов для разделки и обработки туш. Под столами на полках стояли кувшины с маслом и вином. Сверху чистая посуда. У печи возился заспанный малый, разогревая масло в кастрюле с длинной ручкой. Он ворошил угли. Из горшка с супом шел ароматный пар. На жаровнях потрескивали и брызгали жиром сосиски. Рядом жарился

цыпленок. Я заметил, что, хотя Кадал и не поверил моему рассказу, он выдал мне блюдо, сделанное самийскими гончарами. Из таких же, наверное, ели у самого Графа. Из покрытого красной глазурью кувшина с надписью «запас» мне в стеклянный кубок налили вина и дали чудесную белую салфетку.

Поваренок, которого ради меня вытащили из теплой постели, даже не взглянул на меня. Разложив еду по блюдам, он поспешно вычистил очаг, еще быстрее выскреб сковородки и, бросив вопросительный взгляд на Кадала, зевая, пошел досыпать. Кадал лично обслуживал меня. Он даже достал из пекарни хлеб последней выпечки. Суп был приготовлен из каких-то моллюсков — самой распространенной пищи в Малой Британии. Он источал изумительный аромат. Никогда не ел ничего подобного, думал я, пока не принялся за хрустящего цыпленка, зажаренного в масле, и приготовленные над огнем сосиски с совершенно непередаваемым вкусом приправ и лука. Я насухо вытер тарелку куском свежего хлеба и с аппетитом доел его. От блюда с сушеными финиками, сыром и пирогами с медом пришлось просто отказаться.

— Нет, благодарю.

— Достаточно?

— Да. — Я отодвинул тарелку. — Не ел в своей жизни ничего вкуснее. Спасибо.

— Да, уж. Говорят, что голод — лучшая приправа. Надо сказать, что и пища здесь хорошая. — Он принес холодной воды и полотенце. Пока я споласкивал и вытирал руки, он ждал.

— Теперь я, пожалуй, поверю твоему рассказу.

— Что ты имеешь в виду?

— Таким манерам на кухне не научишься. Готов? Пошли. Велено прийти в любое время.

Когда мы зашли, граф сидел в большом кресле, слегка отодвинувшись. Он глядел на огонь в камине, наполнявшем комнату теплом и слабым ароматом яблони. Его стол — здоровенная мраморная плита из Италии — был завален свитками, картами и рукописями. Амброзиус даже не поднял головы при появлении Кадала. Охранник звоном оружия показал, что можно войти.

— Мальчик, сэр, — со мной Кадал разговаривал совсем другим голосом.

— Спасибо, можешь идти спать, Кадал.

— Да, сэр.

Он ушел. Кожаные занавески сомкнулись за ним. Амброзиус повернулся ко мне. В течение нескольких минут он молча осматривал меня. Затем указал на стул.

— Садись.

Я повиновался.

— Вижу, тебе нашли одежду. Накормили?

— Да. Спасибо, сэр.

— Теперь согрелся? Поставь стул поближе к огню, если хочешь.

Он сидел, слегка откинувшись назад. Его руки лежали на подлокотниках, вырезанных в форме львиных голов. На столе между нами стояла лампа, и в ее свете полностью растаяло сходство между Графом Амброзиусом и приснившимся мне странным человеком. Теперь, когда прошло столько времени, трудно вспомнить мое первое впечатление от Амброзиуса. Тогда ему было не больше тридцати, но с позиции моих двенадцати лет он выглядел человеком почтенного возраста. Выглядел он старше своих лет. Видимо, это явилось результатом образа жизни и тяжелого бремени ответственности, которое он нес с ранних лет. Вокруг глаз лучились морщинки, а между бровями пролегли две глубокие вертикальные морщины, свидетельствовавшие о его крутом нраве. Выражение лица было твердое, даже суровое. Брови, как и волосы, были темного цвета, они бросали на глаза большую тень. От левого уха до скулы тянулся едва заметный белый шрам. Нос выступающий, римский, с высокой горбинкой. Кожа, однако, отличалась скорее смуглостью, нежели матовым оттенком, а в черных глазах проскальзывало что-то кельтское, а не римское. На его лице отражалось смещение мрачности, отчаяния и злости. Это было лицо человека, которому можно доверять. Но с первого взгляда такие люди редко нравятся. Их либо ненавидят, либо боготворят. За ними идут, но с ними и сражаются. Одно, как говорится, из двух. Рядом с ним нельзя было ждать спокойной жизни.

Все это я узнал позже. От первой встречи у меня остались самые слабые воспоминания. Но я хорошо запомнил каждое сказанное им слово.

Амброзиус оглядел меня с головы до ног.

— Мирдин, сын Нинианы, дочери короля Южного Уэльса, посвященный, как мне сказали, в секреты маридунумского дворца.

— Я... разве я так говорил? Я только сказал им, что живу там и слушал иногда кое-что.

— Мои люди переправили тебя через Узкое море, потому что ты сказал им, что знаешь тайны, которые могли бы мне пригодиться. Разве не так?

— Сэр, — сказал я, уже слегка отчаявшись, — не знаю, что вам могло бы пригодиться. Спасая свою жизнь, я старался говорить на понятном им языке. Они хотели убить меня.

— Понятно. Здесь ты в безопасности. Почему ты убежал из дома?

— После того как умер мой дед, мне стало небезопасно там находиться. Моя мать собиралась уйти в монастырь, а мой дядя Камлак попытался убить меня. Его слуги убили моего друга.

— Твоего друга?
— Моего слугу. Его звали Сердик. Он был рабом.
— Ах да. Мне рассказывали об этом. В отместку ты поджег дворец. Не чересчур ли?
— По-моему, да. Но ему надо было оказать последние почести. Он принадлежал мне.

Его брови поползли вверх.

— Это что, причина или обязательство?

— Что, сэр? — озадачился я, но потом медленно сказал: — Я думаю, и то, и другое.

Он поглядел на свои руки. С подлокотников они, сцепленные, переместились на стол.

— Твоя мать — принцесса, — проговорил он медленно и задумчиво. — Они тоже причиняли ей зло?

— Конечно, нет!

Он вопросительно поднял на меня глаза.

— Извините, мой господин, — быстро объяснил я, — если бы они собирались причинить ей зло, то как я мог покинуть ее? Нет, Камлак никогда не отважился бы на это. Она годами вела разговоры о том, чтобы уйти в монастырь Святого Петра. Я не помню, чтобы она пропустила визит в Маридулум какого-нибудь христианского священника или епископа. Когда он приезжал из Карлеона, останавливался во дворце. Дед никогда не позволил бы ей уйти. Они с епископом частенько ругались из-за нее и... из-за меня. Епископ желал, чтобы меня крестили, но дед даже не желал об этом и слышать. Он хотел, чтобы она сказала ему, кто был мой отец, или согласилась выйти замуж за выбранного им человека. Поэтому разрешение на мои крестины держал в качестве уступки, как бы в обмен. Но она и не думала ни признаваться, ни соглашаться.

Я поглядел на него, думая про себя, не много ли наговорил, но он внимательно и спокойно следил за моим рассказом.

— Мой дед поклялся, что он никогда не отпустит ее в монастырь. Но после его смерти она обратилась к Камлаку, и он разрешил ей уйти. Он заточил бы меня вместе с ней. Но я бежал.

Амброзиус кивнул.

— Куда ты думал направиться?

— Не знаю. Маррик верно сказал, когда мы плыли в лодке, что я должен был к кому-нибудь обратиться. Мне лишь двенадцать лет, и я не могу быть себе хозяином, поэтому должен найти его себе. Я не хотел выбирать Вортигерна или Вортимера, но не знаю, к кому еще податься.

— Поэтому ты убедил Ханно и Маррика сохранить тебе жизнь и переправить ко мне?

— Не совсем, — честно признался я. — Вначале я не знал, куда они держат путь, говорил что угодно, лишь бы спасти себе жизнь. Я отдал себя в руки бога, и он направил

меня к ним на корабль, потом уж я вынудил их переправить меня...

— Ко мне?

Я кивнул. В камине мерцал огонь, и по комнате играли тени. Одна тень шевельнулась на его щеке, и мне показалось, что он улыбается.

— Тогда почему ты не дождался, пока они приведут тебя ко мне? Зачем ты убежал с корабля?

— Я испугался, что они не доведут меня к вам. К тому же мне показалось, что они не поверили моему рассказу.

— И ты в одиночку глубокой зимней ночью спустился на берег незнакомой страны, где бог привел тебя прямо к моим ногам. Вместе со своим богом ты обладаешь большим могуществом, Мерлин. По-моему, у меня нет выбора.

— Что, мой господин?

— Возможно, ты прав и сможешь оказаться мне полезным. — Он снова поглядел на стол, взял карандаш и изучающе повертел его в руках. — Скажи мне для начала, почему тебя называли Мирдином? Ты утверждаешь, что мать никогда не говорила тебе, кто твой отец? Даже не намекала? Может быть, она назвала тебя в его честь?

— Если бы назвала, то не Мирдином. Мирдин — это один из древних богов. Его святилище находится недалеко от ворот монастыря. Он — бог холма, расположенного неподалеку, и говорят, покровительствовал некоторым областям Южного Уэльса. Но у меня и другое имя есть. Я никогда и никому не говорил об этом, но уверен, что это имя моего отца.

— Какое?

— Эмрис. Однажды ночью мать обращалась к нему. Это было очень давно, я был еще маленький, но не могу об этом забыть. Ее голос звучал тогда по-особенному.

Карандаш замер у Амброзиуса в руках. Он поглядел на меня из-под нависших бровей.

— Обращалась к нему? Во дворец кто-то приезжал?

— Нет, не так. Это происходило не на самом деле.

— Опять сон, видение? Как и сегодня с быком?

— Нет, сэр. Не сон. Это было в действительности, но как-то иначе. Иногда и я испытываю подобное. Но когда услышал мою мать... Под нашим дворцом находилась давно не используемая система отопительных ходов, которую потом засыпали. Тогда я, маленький, прячась от людей, заползал туда, хранил там вещи. Дети всегда собирают вещи, которые взрослые, если находят у них, отнимают и выбрасывают.

— Да, я знаю. Продолжай.

— Вы знаете? Однажды ночью я заполз под комнату матери и услышал, как она разговаривала вслух сама с собой, иногда так люди молятся. Она произнесла имя «Эмрис».

Не помню, о чем она говорила. — Я поглядел на него. — Подумал, она молится за меня, но голос звучал совсем иначе... К тому же она никогда меня так не называла. Поэтому, когда повзрослел, понял, что «Эмрис» могло быть именем моего отца. Меня же мама звала Мерлин.

— Почему?

— В честь сокола. Так называется коруолч.

— Тогда я тоже буду тебя называть Мерлином. Ты достаточно храбр и имеешь острый глаз. В один прекрасный день мне могут понадобиться твои глаза. Но сегодня вечером давай начнем с вещей попроще. Расскажи о своем доме. Опиши его.

— Если я буду служить вам... да, конечно, расскажу все, что мне известно... Но... — я заколебался, и он договорил за меня.

— Но я должен обещать, что, когда вторгнусь в Британию, не трону твою мать? Обещаю. Ей не будет ничего грозить. Как и любому человеку, за которого ты попросишь.

Я глядел на него во все глаза.

— Вы... вы очень великодушны.

— Если захвачу Британию, то смогу позволить себе быть великодушным. Хотя... — он улыбнулся, — возможно, я сочту трудным исполнить твою просьбу о помиловании Камлака.

— В том не будет необходимости, — ответил я. — К тому времени, когда вы завоеуете Британию, он будет мертв.

Установилась тишина. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, передумал.

— Я сказал, что однажды мне могут пригодиться твои глаза. Обещаю тебе это. Давай теперь поговорим. Не обращай внимания, что я буду расспрашивать о разных пустяках. Позволь мне судить, что важно, а что — нет.

Итак, я начал свой рассказ. Тогда меня не удивило, что он разговаривал со мною на равных и был готов потратить на это всю ночь, тем более, что на многие вопросы могли ответить его лазутчики. По меньшей мере дважды за время нашего разговора заходил раб и разжигал заново огонь. Один раз я услышал звон оружия и шум смены караула за дверью. Амброзиус спрашивал, уточнял, слушал и иногда кое-что записывал на табличку для письма. Временами он подпирал рукой подбородок и смотрел на меня неотрывным задумчивым взором. Когда язык мой заплетался от усталости и я начинал сбиваться, он осторожно наводящими вопросами подводил меня к своей цели.

— Та крепость на реке Сэинт, где твой дед встречался с Вортигерном, как далеко она находится от Карлеона? По какой дороге к ней добираться? Расскажи мне о дороге туда. Как попасть в крепость с моря?

Или:

— Башня, в которой остановился Верховный король, башня Максимуса, или Максена, как вы ее называете... Расскажи

о ней. Сколько людей в ней помещается? Какая дорога от нее ведет в гавань?

И:

— Ты говорил, что свита короля задержалась в долине к югу, недалеко от Снежного холма. Там короли уединились. Твой слуга Сердик сказал, что они направились в старую крепость на скале. Опиши то место. Как высока та скала? Насколько далеко с нее видно на север, на юг, на восток?

— Представь себе окружение своего деда. Сколько людей останутся верными Камлаку? Как их зовут? А из союзников? Сколько у них сил и людей?

И потом такой неожиданный вопрос:

— А теперь скажи мне, откуда ты узнал, что Камлак собирается примкнуть к Вортимеру?

— Он так сказал моей матери, — ответил я, — находясь у гроба деда. Я слышал его слова. Об этом ходили слухи, лично я знаю, что он ссорился по этому поводу с дедом, но никто ничего точно не знал. Даже мать могла лишь подозревать. Но после смерти короля он открылся ей.

— Прямо так и сказал? Но почему об этом ничего неизвестно Маррику и Ханно, до которых дошли лишь слухи о разладе?

Усталость и бесконечные вопросы притупили мою осторожность.

— Он не объявлял об этом. Он сказал только ей, находясь с ней наедине, — не подумав, заявил я.

— Не считая тебя? — его тон изменился, и я, как пронзенный стрелой, подпрыгнул на своем стуле. Он поглядел на меня, нахмурившись. — По-моему, ты сказал, что к тому времени подвалы засыпали?

Я сидел и молча глядел на него. Мне нечего было сказать.

— Не странно ли, — размеренно спросил он, — что он при тебе говорит об этом, зная, что ты его враг? Когда его люди убили твоего слугу? А каким образом, после того как он сообщил тебе о своих секретных планах, тебе удалось выбраться из дворца и попасть прямо в руки моих людей, «заставив» их взять тебя с собой ко мне?

— Я... — я запнулся, — мой господин, неужели вы думаете... я же сказал, что я не шпион... Мне... я сказал вам правду. Он говорил именно так, клянусь...

— Осторожно. Мне надо знать, правда ли это на самом деле. Тебе говорила мать?

— Нет.

— Рабские пересуды, и все?

— Я слышал его собственными ушами! — в отчаянии закричал я.

— Так где же ты был в это время?

Я встретился с ним взглядом. Не сознавая почему, я выложил ему всю правду.

— Мой повелитель, я спал в горах, в шести милях от того места.

Установилась самая длинная за время нашего разговора пауза. Было слышно, как в камине трещали угли. Где-то вдалеке лаяла собака. Я ждал, что он разразится гневом.

— Мерлин.

Я поднял голову.

— От кого ты получил дар Провидения? От матери?

Он поверил мне вопреки всем ожиданиям!

— Да, — торопливо ответил я. — Но я вижу по-другому. Она видела лишь то, что связано с женщинами и любовью. Она боялась власти и всего того, что связано с ней.

— А ты боишься власти?

— Я буду женщиной.

— Мужчина берет власть там, где она ему попадается. Да. Понял ли ты то, что увидел сегодня ночью?

— Быка? Нет, господин. Понял лишь, что это связано с тайной.

— Когда-то тебе придется узнать. Но не сейчас. Слушай. — Где-то вдалеке пропел петух. Донесся его пронзительный с серебряными переливами крик, похожий на звучание трубы. — В любом случае, твои видения оправдаются. А теперь тебе самое время поспать. Ты еле на ногах стоишь.

Амброзиус поднялся. Я мягко соскользнул со стула. Он поглядел на меня сверху вниз.

— Когда я отплыл в Малую Британию, мне исполнилось только десять лет. Меня мучило всю дорогу.

— И меня тоже.

Он рассмеялся.

— Выходит, ты утомился не меньше моего. Когда выспишься, решим, что с тобой делать.

Он дотронулся до колокольчика. Вошел раб и в ожидании встал у входа.

— Будешь спать сегодня в моей комнате. Сюда.

Спальня была обставлена тоже в римском стиле. Позже я обнаружу, что по сравнению, например, со спальней Ютера она выглядела довольно по-спартански, но для взора ребенка, привыкшего к скромной и часто кустарной обстановке в своей заброшенной стране, казалась роскошной. Большую кровать устилали пунцовые шерстяные одеяла и меховое покрывало. На полу расстелены овечьи шкуры. В углу в высоту человеческого роста стояла бронзовая тренога с тремя светильниками в форме маленьких драконов, изрыгающих огонь. Плотные коричневые покрывала не пропускали ночной холод. Было очень тихо.

Вслед за Амброзиусом и рабом я прошел мимо охраны. У двери застыли двое. Не выражающим ничего взглядом они проводили сначала Амброзиуса, затем меня.

Он показал на невысокий сводчатый проход, закрытый такими же коричневыми покрывалами. За ним находилась небольшая комната с кроватью. Наверное, там иногда ночевал джурный.

Слуга распахнул занавес и показал на одеяла, сложенные на матраце. Там же лежали мягкие подушки, набитые овечьей шерстью. Оставив меня, он отправился к Амброзиусу.

Я снял выданную мне тунiku и аккуратно сложил ее. Плотные одеяла, сотканые из свежей шерсти, пахли кедром. Амброзиус тихо говорил со слугой. Их голоса доносились эхом из дальнего угла глубокой и тихой пещеры. Какое блаженство снова оказаться сытым в обычной постели и в тепле. И в безопасности.

По-моему, он пожелал мне спокойной ночи. Но мною уже завладел сон. Последним запомнился раб, тушивший в тишине огни.

6

На следующее утро я проснулся поздно. Занавес раздвинули. Стоял серый зимний день. Постель Амброзиуса пустовала. За окном виднелся небольшой дворик и сад, окруженный колоннадой и с фонтаном в центре. Позже я рассмотрел, что струя полностью замерзла и превратилась в кусок льда.

Плитка пола согревала мои босые ноги. Я потянулся за белой туникой, оставленной вечером у кровати, но вместо нее обнаружил новую, темно-зеленую и моего размера. Рядом лежал хороший кожаный ремень и пара новых сандалий. Была даже новая накидка светло-зеленого, как бук, цвета и с медной застежкой. На застежке был выгравирован покрытый эмалью дракон на пурпурном фоне. Такого же дракона вечером я заметил у него на печатке.

Впервые я почувствовал себя принцем. Странно, что это произошло в тот момент, когда судьба, казалось, полностью отвернулась от тебя. Здесь, в Малой Британии, я не имел ничего: ни титула побочного сына, ни родственников, ни куска собственности. Я ни с кем, кроме Амброзиуса, не успел толком поговорить. Для него же я был слугой, иждивенцем, которым можно вертеть как угодно, сохранив своей милостью ему жизнь.

Кадал принес мне завтрак, состоявший из ржаного хлеба, медовых сота и сушеного инжира. Я спросил, где Амброзиус.

— На учениях, с людьми. Каждый день смотрит, как проходят учения.

— Что, ты думаешь, он хочет от меня?

— Все, что он передал тебе, так это быть здесь, пока не отдохнешь. Мне надо послать человека на корабль, чтобы он забрал твои вещи.

— Не так уж их и много. Пара туник, сандалии, завернутые в голубую накидку, и брошь-застежка, подаренная мне матерью, и разные мелочи.

Я коснулся складок дорогой туники.

— С этим не сравнить. Я надеюсь, Кадал, что смогу отплатить ему. Он не сказал, что от меня требуется?

— Ни слова. Уж не думаешь ли ты, что он станет верить меня в свои тайные замыслы. Делай сейчас то, что он сказал. Устраивайся, как дома, не болтай лишнего и не попадай в неприятности. Не думаю, что тебе удастся часто его видеть.

— Я тоже так считаю, — ответил я. — Где буду жить?

— Здесь.

— В этой комнате?

— Вряд ли. Я имею в виду — в доме.

Я отодвинул блюдо в сторону.

— Кадал, а Ютер живет в собственном доме?

В его глазах что-то мелькнуло. Кадал был коренастый плотный человек с квадратным красноватым лицом, с большой копной черных жестких волос. Мелкие черные, как оливки, глаза дали мне понять, что все во дворце знали, что произошло прошлой ночью между мной и принцем.

— Нет. Он живет здесь же. Бок о бок со всеми.

— А...

— Не беспокойся. Тебе не придется часто с ним видаться. Он через неделю-другую уезжает на север. Наверное, он уже совсем забыл о тебе.

Кадал улыбнулся и вышел.

Он оказался прав. В течение двух недель я совсем не видел его, потом Ютер уехал с воинами на север. Посадка планировалась в качестве учебного похода, а также с целью сбора провианта. Особо я не жалел о разлуке с Ютером. Мне почему-то казалось, что ему не по душе мое присутствие в доме его брата. Доброта же Амброзиуса ко мне немало раздражала его.

Я ожидал, что после той ночи мы совсем перестанем видаться с Графом. Однако он часто по вечерам присылал за мной. Во время встреч расспрашивал меня, слушал мои рассказы о доме. Устав, он просил сыграть ему на лире. Иногда мы играли партию-другую в шахматы. К моему удивлению, мы сражались на равных, и я не чувствовал, чтобы он мне поддавался. Здесь широко распространены кости, но он не рисковал противостоять несовершеннолетнему предсказателю. Шахматы имели большее отношение к математике, нежели к волшебству, и менее подчинялись законам черной магии.

Он сдержал свое обещание и растолковал мне значение виденного в ту ночь сна. Время шло, воспоминания затуманивались. Я уже начал считать, что увидел его под влиянием

холода, голода и... старого рисунка на моем римском сундуке в Маридунуме, на котором были изображены стоящий на коленях бык, человек с ножом и усеянный звездами небесный свод. После рассказа Амброзиуса я понял смысл той картины. Я увидел бога, покровительствовавшего воинам, бога Слова, Света, Доброго Пастыря, посредника между единым богом и человеком. Мне привиделся Митра, пришедший тысячу лет назад из Азии. Амброзиус рассказал мне, что он родился в середине зимы в пещере, пока пастухи смотрели за сиявшей звездой. Он был создан из земли и света, отделившись от скалы. В левой руке держал факел, а в правой — нож. Он убил быка, чтобы, окропив почву, дать земле жизнь и плодородие. После последней трапезы из хлеба и вина его отозвали на небо. Он являлся богом-символом силы и доброты, храбрости и воздержания.

— Бог воинов, — повторил Амброзиус. — Поэтому мы установили здесь его культ. Подобно тому, как это делалось в римских армиях, мы нашли точку соприкосновения, общую для всех командиров, начальников и мелких королей всех мастей и убеждений. Я не могу рассказать тебе о богослужении, это запрещено, но представление ты уже имеешь. В ту ночь я со своими офицерами как раз собрался на проведение этой церемонии. Но твой рассказ о вине и хлебе, убийстве быка произвел сильное впечатление. Ты узнал об этой церемонии больше, чем нам вообще разрешено. Когда-нибудь узнаешь о ней подробно. А до тех пор будь осторожен, и если тебя спросят о видении, то помни, что это лишь сон. Понял?

Я кивнул, но в голове у меня вертелась лишь одна мысль. Вспомнилась мать, христианские священники, Галапас, источник Мерлина, все виденное в воде и слышанное на ветру.

— Ты хочешь посвятить меня богу Митре?

— Мужчина берет власть, как бы она ему ни досталась, — проговорил он. — Ты сказал, что не знаешь, под покровительством какого бога находишься. Возможно, ты идешь по стезе, освященной Митрой. Она и привела тебя ко мне. Посмотрим. Пока же он останется покровителем воинов, и нам еще потребуется его помощь. А теперь, если хочешь, неси лиру и спой мне...

Он обращался со мной лучше, чем с принцем, так, как не обращались со мной даже в доме деда.

Кадала приставили ко мне в качестве личного слуги. Вначале мне показалось, что ему это может не понравиться и он расценит это как понижение по службе.

Но потом понял, что он доволен. Вскоре у нас установились приятельские отношения. Поскольку во дворце не было детей моего возраста, он стал моим постоянным спутником. Сначала мне дали собственную лошадь Амброзиуса, но потом я стыдливо попросил заменить ее на лошадь поменьше, подходящую

моему росту. Так у меня появился небольшой крепкий серый конек. В порыве тоски я назвал его Астером.

Так прошли первые дни. Вместе с Кадалом я изучал округу. Мороз не сдавал позиций, но вскоре пришли дожди. Поля заболотились грязью. Дороги стали скользкими и ненадежными. Во все углы проникал холодный ветер, дувший день и ночь. Малое море приобрело металлический серый цвет и покрылось барашками. Каменные истуканы покрылись с северной стороны темными пятнами влаги. Однажды я попытался найти изваяние с обоюдоострым топором и не смог. Зато мне попалось другое. При особом освещении можно было заметить вырезанный на камне кинжал. Мой пони не любил эту дорогу.

Конечно же, я изъездил город вдоль и поперек. В центре стоял замок короля Будека, возвышавшийся на каменной гряде и обнесенный высокой стеной. К воротам вела мощеная дорога. Я часто видел, как по ней во дворец въезжал Амброзиус или его начальники. Сам же я не заезжал дальше охранного поста, расположенного у основания горы. Несколько раз видел и короля Будека, выезжавшего вместе со своими людьми. Его волосы и борода совсем побелели, но на крупном гнедом мерине он смотрелся лет на тридцать моложе. Ходило бесчисленное множество историй о его искусстве владения оружием и о данной им клятве отомстить Вортигерну за убийство своего кузена Констанция.

Месть грозила затянуться на всю жизнь. Для столь бедной страны не представлялось возможным собрать армию, способную победить Вортигерна и саксов. Но теперь уже скоро, как говорили люди...

Ежедневно, при любой погоде проводились учения. Сейчас Амброзиус располагал армией в четыре тысячи человек. Что касается расходов короля, то они окупали себя. В тридцати милях от города проходила граница с владениями одного молодого короля, алчного до чужого добра. Его сдерживали лишь сведения о растущей мощи Амброзиуса и репутация его воинов. Будек и Амброзиус распространяли слухи об оборонительных целях, боясь, чтобы Вортигерн ничего не узнал. Известия о подготовке Амброзиуса к войне доходили до него лишь в форме слухов, не содержащих ничего конкретного. Вортигерн считал (как того и хотел Будек), что Амброзиус и Ютер смирились со своей участью изгнанников и поселились в Малой Британии как наследники Будека и сейчас их заботила лишь охрана границ королевства.

Такое впечатление поддерживалось и тем, что армия использовалась для заготовки продукции для города и других гражданских работ. Закаленные воины Амброзиуса выполняли любые обязанности. Они обеспечивали дровами целый город, копали торф и обжигали уголь, строили и работали кузнецами. Воины делали не только оружие для себя, но и инструменты

для обработки земли и строительства — лопаты, плуги, топоры и косы. Они объезжали лошадей, пасли и забивали скот, строили повозки. Они могли вырыть ров и огородить лагерь за два часа и убрать все за час. В армии имелся инженерный корпус. Их мастера занимали половину квадратной мили. В них можно было изготовить что угодно, начиная от всякого замка и кончая кораблем. Короче говоря, они готовились высадиться в неизвестной стране и быть способными полностью обеспечивать себя, жить и быстро передвигаться в любых природных условиях. Однажды в моем присутствии Амброзиус сказал одному из офицеров, что только для воинов, привыкших к хорошей погоде, война является приятной прогулкой. «Я же воюю, чтобы побеждать, а победив — держаться, — подчеркнул он. — Британия — большая страна. По сравнению с ней наш уголок Галлии — заливной луг. Поэтому, господа, — сказал он, — мы сражаемся и весной, и летом, а первого октября мы не пойдем на отдых топить мечи до весны. Мы продолжим сражение, если понадобится, и в снег, и в бурю, и в мороз. И при этом в любую погоду мы должны будем есть и кормить пятнадцать тысяч человек, и хорошо кормить».

Вскоре, спустя месяц после моего прибытия в Малую Британию, свободные деньки для меня закончились. Амброзиус нашел мне учителя.

Белазиус в корне отличался от Галапаса и доброго пьяницы Деметрия, бывшего моим официальным наставником в Маридунуме. Это был человек в расцвете сил, служивший у Графа «по деловой части» и занимавшийся разными расчетами и подсчетами. Он получил математическое и астрономическое образование. По происхождению был наполовину галло-римлянин, наполовину сицилиец, рослый, с оливковым лицом, черными глазами, прикрытыми длинными ресницами, меланхоличным выражением лица и злым ртом. Острый на язык и ядовитый по характеру. Вскоре я понял, что единственный способ избежать его саркастических замечаний и тяжелой руки — это быстро и хорошо выполнять данную им работу. У меня же все легко получалось, так как мне нравилось трудиться, и поэтому вскоре между нами установилось взаимопонимание и мы хорошо поладили.

Однажды днем в конце марта мы работали в моей комнате во дворце Амброзиуса. Сам Белазиус жил в городе, но где — никогда не говорил. Я решил, что он сожительствовал с какой-нибудь легкой дамочкой и не мог допустить, чтобы ее увидели. Большую часть рабочего времени он проводил в штабе. В Казначействе всегда было много народу — писарей и счетчиков, поэтому ежедневно занятия мы проводили в моей комнате. Она была невелика, но, на мой взгляд, очень удобна. Пол устилала сделанная здесь же красная плитка,

стояла резная мебель, комнату украшали бронзовое зеркало, камин и светильник, привезенный из Рима.

Белазиус был доволен мною. Сегодня мы занимались математикой. В этот день я не мог позволить себе чего-нибудь забыть. Я решил поставленные передо мной задачи, будто область знаний представляла собой открытый луг с протоптанной и доступной всем тропинкой.

Он стер ладонью мой чертеж, отложил в сторону табличку для письма и встал.

— Ты хорошо поработал. Мне сегодня надо пораньше уйти.

Белазиус потянулся и позвонил в колокольчик. Дверь тут же открылась, видимо, слуга ждал. Вошел мальчик с накидкой хозяина, расправил ее на ходу. Он даже не взглянул на меня, его взгляд был прикован к Белазиусу: видно, он его боялся. Мы были почти ровесники. Коротко подстриженные каштановые волосы, крупные серые глаза.

Белазиус не стал с ним разговаривать, даже не взглянул. Развернувшись вполборота, он поставил плечи под накидку. Мальчик приподнялся на носки, набросил накидку и застегнул ее. Белазиус обратился ко мне:

— Доложу Графу о твоих успехах. Он будет доволен. Осмелев, я развернулся на стуле.

— Белазиус...

Он остановился на полпути к двери.

— Да?..

— Ты наверняка знаешь... Пожалуйста, скажи мне, что он готовит для меня?

— Занятия математикой, астрономией и языками.

Он ответил без запинки, но в его глазах я заметил удивление.

— Кем он хочет, чтобы я стал? — настаивал я.

— А кем ты хочешь стать?

Я не ответил. Он кивнул, будто знал мой ответ.

— Если бы он хотел чтобы ты носил за ним меч, то ты был бы сейчас в поле на учениях.

— Но жизнь, которую я веду... ты учишь меня, у меня есть слуга Кадал... Не понимаю. Я должен как-то служить ему, а не только учиться и как принц жить. Я хорошо понимаю, что остался жив только благодаря его милости.

Он смерил меня взглядом из-под длинных ресниц и улыбнулся.

— Такие вещи нельзя забывать. Я помню, как ты сказал ему, что имеет значение не твое происхождение, а личность. Поверь мне, он найдет тебе применение, как и всему остальному, с чем имеет дело. Так что перестань любопытствовать. А теперь мне пора идти.

Мальчик открыл перед ним дверь. За ней стоял Кадал, намереваясь постучать.

— Извините, сэр, я пришел узнать, когда закончится учеба. Я приготовил лошадей, хозяин Мерлин.

— Мы уже завершили, — сказал Белазиус, задержавшись в дверях. Он поглядел на меня. — Куда вы собираетесь ехать?

— На север, наверное. По дороге через лес. Путь по насыпи уже сухой, так что прогулка обещает быть хорошей.

Белазиус поколебался и обратился скорее к Кадалу, нежели ко мне:

— Держитесь дороги и возвращайтесь до наступления темноты.

Он кивнул и вышел в сопровождении мальчика, следующего за ним по пятам.

— До темноты? — повторил Кадал. — Сегодня целый день темно, да еще дождь идет. Слушай, Мерлин (когда мы оставались наедине, то обходились без официальной вежливости), а почему бы нам не пойти посмотреть на работу инженеров. Сегодня Треморинус должен достроить свой таран. Что если остаться в городе?

Я покачал головой.

— Извини, Кадал, я должен ехать, будь там дождь или что угодно. Меня что-то тяготит, я хочу выбраться отсюда.

— Тогда проедем милю-две до гавани. Вот твоя накидка. В лесу она вся вымажется, подумай сам.

— В лес, — упрямо повторил я. — И не спорь со мной, Кадал. Погляди, слуга Белазиуса даже не осмеливается сказать слово, не то что спорить. Мне следовало бы обращаться с тобой так же. Чего ты улыбаешься?

— Ничего. Все в порядке. Я знаю, когда уступить. Лес так лес. Пусть мы заблудимся и сгинем там, но мне не придется предстать перед Графом.

— Не думаю, чтобы его это очень озадачило.

— И не надо, — сказал Кадал, открывая передо мной дверь. — Думаю, он даже не заметит.

7

Снаружи оказалось не так темно, как виделось из окна. Было относительно тепло. Стоял один из тех мрачных и облачных дней, когда по земле стелется туман, изредка идет небольшой дождичек.

В миле на север ровная долина, пропитанная морской солью, начинает уступать место лесам. Сначала тянутся одиночные деревья. Их нижние ветви окутаны белой дымкой и лежат на земле темными пятнами. То там, то здесь их покой нарушали олени, изредка пробежавшие по подлеску.

Дорогу на север построили и мостили очень давно. Строители вырубали и корчевали деревья по обеим сторонам на расстоянии

ста шагов. Но со временем все запустело, и просека основательно заросла утесником, вереском и молодняком. Казалось, над дорогой кругом нависают деревья, и от этого было темно.

Около города мы встретили двух крестьян. Они везли на ослах домой дрова. Раз нас стрелой обогнал один из гонцов Амброзиуса. Мне привиделось, будто он на скаку отсалютовал мне.

В лесу нам никто не попался. Наступило затишье. Певчие птицы отпели звонкие мартовские песни, а совы еще не приступили к охоте.

Когда мы вступили в старый лес, дождь прекратился и туман начал спадать. Мы подъехали к перепутью, — под прямым углом наш путь пересекала грунтовая, немощенная дорога. По ней когда-то таскали волоком лес и ходили повозки с обожженным углем. Ее глубоко избороздили. Но тем не менее она была просторной и прямой. Если держаться края, то можно пускать лошадь даже галопом.

— Давай свернем здесь, Кадал.

— Ты же помнишь, он велел держаться дороги.

— Да, помню. Но зачем, в лесу совершенно спокойно.

И верно. Это относилось к числу достижений Амброзиуса. Люди в Малой Британии больше не боялись выезжать из городов. Местность постоянно патрулировали его отряды, готовые предотвратить любую беду. Из-за этого, по признанию самого Амброзиуса, существовала опасность, что его войска будут испытывать лишние перегрузки и измотаются раньше времени. А пока с дорог исчезли преступники и изгои. Простой люд стал безбоязненно путешествовать по своим делам. Даже женщины могли передвигаться без особой охраны.

— К тому же, — добавил я, — какое это имеет значение, что он сказал? Он мне не хозяин. Он лишь отвечает за мое обучение. Мы не заблудимся, держась дороги. Конечно, если мы не перейдем на легкий галоп, то нам придется возвращаться по полю в темноте. Ты все время жалуешься, что я плохо езжу верхом. А как мне научиться, если постоянно плетемся по дороге? Пожалуйста, Кадал.

— Смотри. Я тебе тоже не хозяин. Ладно, поехали, но только недалеко. Следи за своим конем. Лучше я поеду первым.

— Нет. Я хотел бы ехать вперед. Будь добр, отстань, пожалуйста, немного. Мне не хватает уединения, к которому я так привык. Именно поэтому я выбрал этот путь.

И осторожно добавил:

— Не то чтобы мне не нравится твоя компания, но иногда просто охота подумать наедине. Не отъедешь шагов на пятьдесят?

Он немедленно сдал назад. Прочистив горло, Кадал сказал:

— Я говорил уже, что я тебе не хозяин. Езжай вперед, но будь осторожен.

Я тронул Астера и перешел на легкий галоп. Коня не выводили из конюшни целых три дня. Он резво бежал, прижав уши, набрал скорость, скача по зеленой обочине. К нашему счастью, туман почти рассеялся, но то здесь, то там он еще струился, поднимаясь на высоту седла. Лошади рассекали его, словно воду при переходе вброд.

Кадал прилично поотстал. Копыта его кобылы глухо стучали сзади, отдаваясь легким эхом. Мелкий дождь прекратился. Холодный свежий воздух был напоен запахом сосновой смолы. Вверху пролетел вальдшнеп, издав приятный свистящий крик. Я задел лицом кисточку ели, и мне в рот попала вода, закатившись даже за отворот туники. Я поднял голову и засмеялся. Пони ускорил шаг. Дорога сузилась, и я прижался к его шее, прячась от нещадно хлеставших веток. Потемнело. Сквозь ветви было видно, как сгустились краски неба. Лес проносился мимо темной тучей. Пахло травой. Стояла тишина, нарушаемая лишь стуком копыт Астера и легкой дробью кобылы.

Кадал крикнул, чтобы я остановился. Но я сразу не откликнулся и услышал, как участилась сзади дробь лошадиных копыт. Астер передернул ушами и перешел на галоп. Я прищепил его, и он замедлил ход. Добиться этого при его весе было совсем не трудно. Мы остановились и подождали Кадала. Подскакала гнедая. Единственный шум в лесу создавало конское дыхание.

— Ну, — сказал он наконец. — Получил, что хотел?

— Да, — ответил я. — Только ты слишком быстро позвал меня.

— Нам надо поворачивать обратно, чтобы успеть к ужину. А пони скачет ничего. Хочешь скакать обратно первым?

— Если позволишь.

— Я же сказал уже, поступай, как желаешь. Не станешь же ты убегать. Но ты молод, и я должен смотреть, чтобы с тобой ничего плохого не приключилось. Вот и все.

— Что со мной может приключиться? Дома я ездил везде один.

— Это не дом. Страна пока тебе незнакомая. Ты можешь потеряться, свалиться с коня, остаться в лесу со сломанной ногой.

— Не очень правдоподобно. А? Тебе сказали следить за мной, почему бы не признать этого.

— Присматривать за тобой, — уточнил Кадал.

— Это одно и то же. Я слышал, как тебя называют, — сторожевой пес.

Он хмыкнул.

— Чего уж тут скрывать. Меня называют «черный пес Мерлина». Да я и не против. Просто действую, как прикажут, и не задаю лишних вопросов. Жаль, если это тебе досаждают.

— Не досаждают, нет. Я не это имел в виду. Все в порядке, Кадал.

— Да?

— Являюсь ли я заложником, в конце концов?

— Этого не могу сказать, — ответил Кадал деревянным голосом. — Ладно, поехали, держись рядом.

Наши лошади стояли в узком проходе. Середину дороги покрывала глубокая грязь. Звезды слабо отсвечивали от воды.

Кадал направил кобылу в заросли, окаймлявшие дорогу. Астер, которого не заставишь лишний раз замочить ноги, пошел следом. Под крупными копытами кобылы затрещали орешник и зеленая поросль вокруг дуба. И тут неожиданно раздался треск ветвей, и на дорогу перед моим носом выскочило какое-то животное.

Обе лошади среагировали самым неистовым образом. Кобыла, пугливо захрипев, рванулась вперед, натягивая поводья. В тот же момент Астер совершил дикий скачок. Кобыла ударила его, он взвился и сбросил меня на землю.

Я тяжело приземлился на мягкую обочину рядом со старым сосновым пнем, попади на который, получил бы тяжелые увечья. Я отделался царапинами, небольшими ушибами и поврежденной лодыжкой. Попытавшись встать, я моментально почувствовал в ноге острую боль. Черные деревья поплыли у меня перед глазами.

Кадал на ходу спрыгнул с лошади, бросил поводья на ветви и склонился надо мной.

— Мерлин, хозяин, что с тобой? Ты ранен?

Я отпустил прикушенную губу и начал осторожно выпрямлять руками ногу.

— Нет. Только слегка повредил лодыжку.

— Покажи-ка... Сиди спокойно. Клянусь собакой, Амброзиус спустит с меня шкуру.

— Что это было?

— Кабан, наверное. Для оленя мал, но больше лисицы.

— Я так и думал. А где мой конь?

— Уже на полпути домой, по моим расчетам. И как ты додумался отпустить поводья?

— Извини. Она сломана?

Он ощупал мою лодыжку, мягко касаясь ее.

— Не думаю. Нет... точно, нет. Вообще, сам-то цел? Давай, попытайся встать. Кобыла возьмет нас двоих. Я хотел бы вернуться до того, как прибежит твой пони с пустым седлом. Увидь его Амброзиус, меня разделают под миногу.

— Ты же не виноват. Разве он так несправедлив?

— Он посчитает, что я виноват, и будет недалеко от истины.

— погоди, дай отдохнуть. Не беспокойся. Пони не побежал домой. Он остановился недалеко, на дороге. Лучше пойди и приведи его.

Кадал стоял рядом на коленях, и его силуэт слабо вырисовывался на фоне неба. Он повернул голову и всмотрелся в темноту. Его кобыла спокойно стояла сзади и лишь изредка беспокойно поводила ушами. Кругом установилась тишина. Рядом пролетела сова, где-то, как эхо, — другая.

— В двадцати футах темно, как в яме. Не видно ни зги, — сказал Кадал. — Ты слышал, как он остановился?

— Да. — С моей стороны это было чистойшей ложью, но для правды не оставалось ни времени, ни места. — Иди, приведи его. Пешком. Он недалеко ушел.

Он быстро поглядел на меня, потом безмолвно поднялся и вышел на дорогу. Будто днем, я видел озадаченный его взгляд. Он напомнил мне Сердика в тот день у королевского форта. Я оперся на пень. Мои ушибы и разбитая лодыжка ныли, но вместе с тем меня, как от глотка вина, охватил прилив силы, волнения и облегчения. Я должен был оказаться здесь. Наступил час, когда ни темнота, ни расстояние, ни время ничего не значили. Надо мной вдоль дороги тихо и плавно пролетела сова. Лошадь повела ушами, но не испугалась. Где-то вверху раздался звук, издаваемый летучими мышами. Мне вспомнился хрустальный грот и глаза Галапаса, когда я рассказал ему о своем видении. Он не удивился и не смеялся. Интересно, неожиданно подумал я, как бы выглядел Белазиус. Наверное, тоже бы не удивился.

Донесся мягкий стук копыт. Сначала я увидел Астера, похожего на серое привидение, за ним тенью показался Кадал.

— Спокойно стоял там, — сказал он. — И неудивительно. Видимо, что-то растянул.

— Ну что же, теперь уж точно не вернется домой первым.

— Когда бы мы ни вернулись, нас точно ожидают неприятности. Давай, вставай. Я посажу тебя на Руфу.

Опираясь на его руку, я осторожно поднялся. Перенеся вес на левую ногу, ощутил сильную боль, но, судя по ее характеру, это был только скоропроходящий вывих. Кадал подбросил меня в седло, снял с ветви поводья и дал их мне. Щелкнув языком Астеру, он медленно повел его вперед.

— Что ты делаешь? Она же может вывезти нас двоих.

— Не имеет смысла. Ты же видишь, как он хромает. Его надо вести на поводу. Если я поведу его впереди, то он будет задавать шаг. Кобыла пойдет следом. Тебе там нормально?

— Абсолютно.

Серый пони безнадежно хронал. Понурился, он медленно заковылял за Кадалом. Кобыла тихо пошла следом. По моим подсчетам нам потребовалось бы целых два часа, чтобы добраться домой, и это не считая таившихся впереди неожиданностей.

Я снова нашел уединение. Ни звука. Лишь глухое чавканье копыт, скрип кожи, да редкие звуки из леса. Кадал исчез

из виду. Восседая на крупной кобыле, шедшей размеренным шагом, я оставался наедине с темнотой и деревьями.

Мы проехали примерно с полмили, когда я увидел в ветвях громадного дуба яркую белую звезду.

— Кадал, а нет покороचे пути назад? Я помню, что от этого дуба отходит дорога на юг. Туман спал, и видно звезды. Смотри, вон Медведица.

Из темноты раздался его голос.

— Нам лучше ехать к дороге.

Однако через пару шагов он остановил пони у поворота дороги, идущей на юг, и подождал меня с кобылой.

— Вроде ничего дорога? — спросил я. — Прямая и гораздо суше, чем та, по которой мы едем. Надо лишь следить, чтобы Медведица оставалась сзади, и тогда через милю-другую мы почувствуем запах моря. Разве ты не знаешь лесных дорог?

— Достаточно хорошо. Она и в самом деле короче, если здесь вообще можно что-нибудь разглядеть. Ладно... — Я услышал, как он вытаскивает из ножен короткий боевой меч. — Неприятности здесь маловероятны, но лучше быть готовым. Говори тише и достань нож. И послушай одну вещь, юный Мерлин, если что-нибудь случится, оставляй меня и скачи домой, усвоил?

— Снова приказы Амбрознуса?

— Можно сказать, да.

— Ладно, если тебе от этого станет спокойнее, обещаю, что ускачу от тебя во весь опор. Однако ничего не случится.

Он хмыкнул.

— Ну ты знаешь!

— А как же! — рассмеялся я.

В то же мгновение в звездном свете мелькнули белки его глаз, и я заметил быстрый жест его руки. Не сказав ни слова, он отвернулся и повел Астера по дороге, ведущей на юг.

8

Дорога была достаточно широка, но мы поехали цепочкой. Гнедой пришлось приспособливать свой длинный, размашистый шаг к мелкой поступи хромого пони.

Похолодало. Я плотнее укутался в накидку. Температура воздуха понизилась, и туман полностью рассеялся. На прояснившемся небе показались звезды. Дорога стала виднее. Пошли крупные деревья, главным образом широкие и массивные дубы. Между ними пробивался смешанный молодняк: плющ, голые побеги жимолости и заросли боярышника. То там, то здесь на фоне ночного неба проглядывали острые силуэты сосен. С лесной листвы падала капель. Где-то раздался

писк мелкой твари, погибшей в когтях совы. Воздух наполняли запахи сырости, плесени, мертвой листвы и гниения.

Кадал тащился в тишине, его глаза были прикованы к дороге, на которой местами высились завалы из сушняка. Покачиваясь в большом седле на кобыле, я по-прежнему ощущал ту же легкость и волнительную силу. Впереди нас что-то ждало. Мой путь лежал именно туда. Я точно теперь знал об этом, как в тот день, когда вслед за соколом я попал в подземелье под королевским фортом.

Руфа прынула ушами, ее ноздри затрепетали. Она подняла морду. Кадал ничего не слышал. Серый хромавший пони также не учуял других лошадей. Но вперед Руфы я уже понял, что они там.

Дорога свернула и начала плавно спускаться. Деревья по сторонам отступили, и ветви больше не нависали над головами. Посветлело. По бокам появились валуны и насыпи, на которых летом рос папоротник и наперстянка, а сейчас виднелись лишь спутанные побеги куманики. Царапая камень, лошади спускались под уклон.

Неожиданно Руфа, не замедляя ход, вскинула голову и издала громкое ржанье. Кадал безмолвно остановился как вкопанный. Кобыла повернула голову направо. Кадал схватил уздечку, пригнул ей голову и рукой закрыл ей ноздри.

Астер тоже вспрянул, но не издал ни звука.

— Лошади, — тихо сказал я. — Чувствуешь запах?

— У тебя нос, как у лисы, — послышалось в ответ. — Слишком поздно возвращаться. Они уже услышали чертову кобылу. Лучше заберемся в лес. — Он начал поспешно уводить лошадь с дороги.

Я остановил его.

— Нет необходимости. Нам нечего бояться. Я уверен в этом. Поехали.

— Звучит красиво, но откуда тебе знать?

— Знаю. В любом случае, если бы нам желали зла, мы уже поняли бы. Они давно слышали нас.

Кадал заколебался, по-прежнему держась за свой короткий меч. От волнения мурашки на коже начали покалывать, словно острые шипы. Уши кобылы были направлены на густой сосняк в пятидесяти шагах от нас. Своей чернотой он выделялся в и без того черном лесу. Больше ждать я не мог.

— Я еду, — нетерпеливо сказал я. — Ты можешь не ехать, если не хочешь.

Я поднял за уздечку голову Руфы и ударил кобылу по боку здоровой ногой. Она прошла мимо Астера и, перебравшись через возвышение, углубилась в сосняк.

Сквозь густые кроны просвечивали звезды, в их свете я и увидел неподвижно стоявших двух лошадей. Они прижали свои головы к небольшому человеку, плотно укутанному от

холода. Когда он обернулся, капюшон свалился с головы и во мраке выступило бледное пятно. Рядом никого не было.

На какое-то мгновение мне показалось, что ближний ко мне, крупный черный конь принадлежал Амброзиусу, но потом различил на лбу белое пятно и тут же в звездном озарении понял, что привело меня сюда.

Позади с треском и проклятиями Кадал ввел в рощу Астера. Я увидел серый отблеск поднятого меча.

— Кто это?

— Спокойно. Это Белазиус... — ответил я тихо, не оборачиваясь. — По меньшей мере его лошадь. С ней — другая и мальчишка. И все.

Кадал прошел вперед, убирая меч в ножны.

— Клянусь собакой, ты прав. Я узнал бы это белое пятно при любых обстоятельствах. Эй, Ульфин, удачная встреча! Где твой хозяин?

Ульфин с облегчением вздохнул.

— А, это ты, Кадал... Хозяин Мерлин... Я слышал, как заржала ваша лошадь, и удивился... Здесь никто не ездит. Я проехал вперед и посмотрел на него.

На меня бледным пятном с громадными глазами глядело его лицо. Он по-прежнему боялся.

— Похоже, кроме Белазиуса, — заметил я. — Почему?

— Он... он ничего мне не говорит, мой повелитель.

— Не надо, — строго сказал Кадал. — Тебе известно о нем почти все, ты все время находишься рядом с ним. Давай, выкладывай, где твой хозяин?

— Я... он скоро придет.

— Мы не можем долго ждать. Нам нужна лошадь. Пойди и скажи ему, что мы здесь, хозяин Мерлин ранен, а пони хромает. Нам надо быстрее попасть домой. Ладно? Почему ты не идешь? Бога ради, скажи, в чем дело?

— Не могу. Я ни в коем разе не должен этого делать. Он запретил мне отходить от этого места.

— Точно так же он запретил нам съезжать с дороги, чтобы мы не нашли его? — спросил я. — Понятно. Тебя зовут Ульфин? Ладно, Ульфин, забудь о лошади. Я хочу знать, где Белазиус?

— Я... я не знаю.

— Но ты же видел, в каком направлении он пошел?

— Н-нет, господин.

— Клянусь собакой, — воскликнул Кадал. — Какое нам до этого дело? Нам нужна лошадь. Гляди, парень, рассудим здраво. Не можем же мы ждать полночи, пока не явится твой хозяин. Не съест же он тебя живьем за то, что господину Мерлину понадобилась лошадь.

Мальчишка начал заикаться.

— Ладно, что же ты хочешь, чтобы мы нашли его и попросили у него особого разрешения?

Ульфин пошевелился и, как последний идиот, засунул себе в рот кулак.

— Нет... Вы не должны... Вам нельзя!

— Клянусь Митрой! — выдал я клятву, которой в то время очень увлекался, услышав ее от Амброзиуса. — Чем он занимается? Убивает?

Здесь меня прервал пронзительный крик.

Не крик боли, а даже хуже, крик смертельно напуганного человека, ужаса. Невыносимый вопль нарастал, грозя взорваться, и потом резко оборвался, словно кому-то перерезали горло. В жутковатой тишине слабым эхом послышался вздох Ульфина.

Кадал, обернувшись, замер. Одной рукой он схватился за меч, другой держал Астера. Я повернул кобыле голову, поводья бросил ей на шею. Она наклонилась вперед, чуть не скинув меня, и рванулась через сосны к дороге. Я распростерся у нее по шее, укрываясь от хлещущих сверху ветвей. Я обвил шею кобылы рукой и прилип к ней, как клещ. Ни Кадал, ни Ульфин не тронулись с места, не произнесли ни звука.

Перебирая ногами и скользя, кобыла спустилась с насыпи. Я совершенно не удивился, когда увидел на противоположной стороне дороги узкую и заросшую тропу.

Лошадь заупрячилась, и я натянул поводья. Она явно хотела домой. Я хлестнул ее. Прижав уши, она галопом понеслась по тропе.

Тропа петляла. Пришлось сразу же замедлить ход и перейти на кентер. Даже в свете звезд было видно, что недавно здесь кто-то проезжал. Тропой настолько редко пользовались, что она почти полностью заросла зимней травой и вереском. Мягкая земля поглощала шум скачущей лошади.

Я напряг слух, пытаюсь услышать, направился ли следом за мной Кадал, но было тихо. Тогда мне пришло в голову: они решили, что я, напуганный криком, направился домой, как мне прежде наказал Кадал.

Я пустил Руфу шагом. Она охотно подчинилась, подняв голову и уши. Лошадь мелко дрожала. Через три сотни шагов впереди замаячил просвет: лес, должно быть, кончался. Я внимательно всмотрелся, но там ничего не проглядывало.

И здесь послышалось тихое, настолько тихое, что мне пришлось напрячь весь слух, чтобы убедиться, что это не ветер и не море, — пение.

У меня по коже побежали мурашки. Теперь я понял, где находился Белазиус и почему Ульфин был так напуган. Стало ясно, почему Белазиус велел держаться дороги и возвращаться до темноты.

Я выпрямился в седле. По моему телу, подобно морской зыби, волнами начало распространяться тепло, дыхание участилось. Не страх ли это, подумал я. Нет, прежнее волнение.

Я остановил кобылу и соскользнул с седла. Проведя ее несколько шагов по лесу, я кинул поводья на ветку и закрепил их. Отходя, почувствовал в ноге боль, но ее можно было терпеть. Вскоре я забыл о ней и быстро зашагал на звуки пения.

9

Я оказался прав: море близко. Оно начиналось сразу за лесом. Я почувствовал соленый запах и увидел наносы водорослей. Лес неожиданно кончился. Вниз уходил крутой берег с обнаженными корнями деревьев. Год за годом их подмывали волны. Узкая прибрежная полоса состояла из галечника, перемешанного с песком и блестящего под накатывавшимися волнами. В заливе было тихо, будто бы его все еще покрывал лед. Вдалеке, за мысом, начиналось открытое море. Справа, к югу, поднимался горный кряж, заросший лесом. На севере, где земля была мягче, деревья росли гуще. Гавань — лучше не придумаешь, если бы не мель. Волна откатывала, обнажала камни и крупные валуны, скрывавшиеся под водой. В звездном свете на них блестели водоросли.

В середине залива, прямо в его центре, будто сооруженный человеческими руками, высился остров. Во время отлива он превращался в полуостров. Овальный клочок земли с берегом связывала каменная дорога, несомненно построенная человеком. Она протянулась к берегу, словно каменная пуповина. В ближайшей из заводей, образованных насыпью, лежали плетеные рыбацкие лодки, похожие на тюленей.

Внизу у моря снова появился туман, нависая между ветвями деревьев, подобно рыбацким сетям на просушке. Он рваными кусками стелился над поверхностью воды, растворяясь вдали. Остров утонул в тумане, словно паря на облаке. Звездный свет отражался в нем серым мерцанием.

Остров имел скорее форму яйца, нежели овала. С одной стороны поднимался холм, у основания которого были навалены камни, образовавшие круг. С ближней ко мне стороны один камень отсутствовал, создавая широкий проход. До насыпи, по обоим сторонам дороги также стояли камни.

Оттуда не доносилось ни звука, ни шума. Если бы не тусклые очертания лодок, то я бы подумал, что крик и пение мне приснились. Я стоял на краю леса, не выходя на опушку, обняв рукой молодой лось и опершись на правую ногу. Мои глаза настолько привыкли к темноте леса, что освещенный туманным сиянием остров был виден мне как днем.

У подножья холма, прямо у входа в колоннаду, неожиданно вспыхнул факел. Вспышки выхватили из темноты отверстия в горе и фигуру в белом одеянии, шедшую впереди факельщика.

Клубы тумана в тени каменных изваяний оказались группами неподвижных людей, одетых в белое. Факел подняли, и пение продолжалось. Такой неторопливый и то затухающий, то усиливающийся ритм пения я слышал впервые. Факельщик начал опускаться, до меня дошло, что под землей есть дверь. Он спускался в подземелье под холмом по лестнице. Остальные, толпясь, направились за ним, сходились в группы, скупивались около двери и втягивались внутрь, как дым.

Пение не смолкало, хотя и сделалось совсем приглушенным, напоминая гудение пчел в зимнем улье. Мелодия уже не различалась, остался лишь ритм. Он дрожал в воздухе, его пульс скорее можно было нащупать, нежели услышать. Дрожание учащалось и становилось все напряженнее, заставляя сильнее биться мое сердце.

Неожиданно все прекратилось, и установилась мертвая тишина, настолько гнетущая, что у меня к горлу подступил комок. Увлечшись, забыв о ране, я вышел из леса и стоял на возвышенности у берега. Я, подобно молодому побегу, будто врос в землю, черпая из нее жизненные силы. Волнение как бы исходило из глубин острова и передавалось ко мне, овладевая плотью и духом. Когда раздался крик, мне показалось, что он вырвался из моего собственного рта.

На этот раз он отличался от предыдущего. Тонкий и пронзительный, он мог означать что угодно. Триумф, поражение, боль. Крик смерти, изданный не жертвой, а убийцей.

Снова стало тихо. Кругом стояла неподвижная и непроглядная тьма. Остров высился в ней, подобно закрытому улью, скрывавшему происходящее внутри него.

Затем в проеме неожиданно, как привидение, появился, видимо, главный из них и поднялся по ступеням. Вслед за ним потянулись остальные. Двигались они медленно и плавно, образуя группы и расходясь, пока не встали в два ряда около изваяний.

Опять тишина. Предводитель вознес руки, и будто по сигналу из-за холма показалась белая и блестящая, как сталь клинка, луна.

Он издал третий крик, несомненно, крик победного приговора. Протянутые высоко над головой руки как бы символизировали приношение небу.

Толпа ответила ему разноголосыми криками. Когда луна полностью вышла из-за холма, жрец опустил руки и повернулся. То, что он предлагал божеству, он протягивал теперь его поклонникам. Толпа сомкнулась. Эта сцена настолько захватила меня, что я забыл о берегу и не заметил, что туман сгустился, закрыв каменную насыпь. Мои глаза различали в темноте белые фигуры людей, почти сливавшиеся с клубящимся и возносящимся туманом.

Теперь я осознал, что виденное происходило на самом деле. Собравшиеся расходились по двое, по трое, молчаливо

проходя по насыпи и направляясь к лодкам. Тени, отбрасываемые камнями в лунном свете, нехотя отпускали их.

Не имею представления, сколько все это продолжалось. Я был заморожен. В себя пришел оттого, что немного заоченел. Я встряхнулся по-собачьи и попятился под прикрытие деревьев. Волнение покинуло меня, не тревожа более душу и тело. Чувство опустошенности и стыда. Я смутно понимал происшедшее. Это была не та сила, которой мне выпадало обладать и пользоваться, и не ощущение, появившееся после ее исчезновения. Тогда я оставался легким, свободным и острым, как заточенный нож. Теперь же я ощущал пустоту, состояние вылизанного дочиста горшка, где задержался лишь запах.

Я наклонился, преодолевая сопротивление затекших сухожилий, и сорвал сырой травы, чтобы почиститься. Росой, выпавшей в тумане, умыл лицо. Мне вспомнился Галапас, святой источник и длинный рог для питья. Я вытер руки о подкладку накидки, набросил ее на себя и вернулся на свой наблюдательный пункт. Залив был усеян точками уплывающих лодок. Остров опустел. К насыпи приближалась одинокая высокая фигура в белом. Она то исчезала в тумане, то появлялась вновь. Приблизившись, человек задержался в тени последнего изваяния и исчез из виду.

Я подождал, испытывая лишь усталость и желая напиться чистой воды и оказаться в своей теплой и тихой комнате. В воздухе не пахло волшебством. Ночь была безвкусна, как старое кислое вино. Через какое-то время он снова появился в лунном свете на дороге. Теперь он был одет в темное. Белую одежду он нес в руке.

Последняя лодка превратилась в пятнышко и исчезла в ночи. Одиноким человеком быстро шел по дороге. Я выступил из леса встретить его.

10

Белазиус заметил меня, прежде чем я вышел из тени деревьев. Он ничем не показал этого, кроме того, что свернул ко мне. Он не спеша подошел ко мне и встал, глядя на меня сверху вниз.

— А... — без всякого удивления сказал он. — Я так и знал. Сколько времени ты здесь находишься?

— Не знаю. Оно так быстро прошло. Я увлекся.

Он промолчал. Яркий лунный свет отражался у него на щеке. Под длинными ресницами у него не было видно глаз. Его голос звучал спокойно, почти сонно. Точно так же я почувствовал себя, услышав в лесу крик. Стрела вылетела, и тетива ослабла.

Белазиус не обратил внимания на мое провокационное замечание и лишь спросил:

— Как ты здесь оказался?
— Я ехал мимо, когда услышал крик.
— А... — снова протянул он. — Откуда?
— Из сосновой рощи, где вы оставили свою лошадь.
— Зачем же ты сюда приехал? Я же приказал держаться дороги.

— Помню, но мне хотелось пустить лошадь галопом. Мы свернули с основной дороги, но потом с Астером приключилось несчастье. Он вывихнул ногу. Обратнo нам пришлось его вести. Это заняло бы много времени, и мы опоздали бы. Поэтому решили срезать путь.

— Ясно. А где Кадал?

— Мне кажется, что он подумал, что я поскакал домой, и направился следом. В любом случае он не пошел бы за мной сюда.

— Разумно с его стороны, — заметил Белазиус. Его голос по-прежнему был размеренным и безразличным. Однако эта сонливость походила на кошачью, на бархат, скрывавший под собою острое клинка.

— Но, несмотря на услышанное, тебе не пришла мысль броситься домой?

— Конечно, нет.

Его глаза блеснули под прикрытыми веками.

— Конечно, нет?

— Я должен был узнать, что происходит.

— Ага. А знал ли ты, что я буду здесь?

— Только после того, как встретил Ульфина с лошадьми. Я знал, что сегодня ночью в лесу будет происходить что-то, что мне надо знать.

Он смерил меня продолжительным спокойным взглядом и кивнул.

— Пойдем. Холодно. Надо надеть накидку.

Я направился следом по скрипящему гравию.

— Я так понимаю, — бросил он через плечо, — что Ульфин еще там?

— По-моему, да. Вы довольно умело его запугали.

— Ему нечего бояться, покуда он не лезет не в свои дела.

— Получается, он вправду ничего не знает?

— Знает он или не знает, — сказал Белазиус с безразличием, — у него хватает разума молчать. Я пообещал ему, что, если он будет меня слушать и не задавать лишних вопросов, освобожу его, чтобы он имел возможность спастись.

— Спасться? От чего?

— От смерти, когда я умру. Существует обычай посылать со жрецами после смерти их слуг.

Мы шли по тропинке рядом. Я взглянул на него. Темная одежда, элегантнее которой я не видел даже на Камлаке.

Пояс из чудесно обработанной кожи, наверное итальянской. На плече блестела большая круглая брошь. Луна высветила на ней исполненные золотом кружки из сплетенных змей. Несмотря даже на случившееся сегодня ночью, он выглядел довольно интеллигентно, по-городски и в то же время романтизировано.

— Извини, Белазиус, разве это носили не египтяне? Даже в Уэльсе она показалась бы старомодной.

— Возможно. Но тогда и сама богиня старомодна, поскольку желает, чтобы ей поклонялись только так, как ей угодно. Наше поклонение так же старо, как она сама, старше, чем людская память, отраженная в песнях и камнях. Задолго до того, как в Персии начали убивать быков, задолго до появления быков на Крите, еще раньше, чем здесь появились небесные боги из Африки и в их честь поставили эти изваяния, Богиня жила в священной роще. Теперь лес для нее закрыт, и мы поклоняемся ей, где можно это делать. Но где бы она ни обитала, будь то камень, дерево или пещера — везде найдется роща под названием Немет, где мы совершаем свои приношения. Ты, я вижу, понимаешь меня.

— Очень хорошо понимаю. Меня учили этому в Уэльсе. Но жертвы, подобные сделанной сегодня ночью, приносили много сотен лет назад.

Его голос сделался вкрадчивым.

— Его убили за святотатство. Разве тебя не учили..? — Он внезапно остановился и начал оглядываться, как охотничья собака. Его тон изменился.

— Это лошадь Кадала.

— Ее привел я. Моя лошадь захромала, и он дал мне свою, а сам пошел домой. Может быть, он взял одну из ваших лошадей.

Я отвязал кобылу и вывел на залитую лунным светом дорогу. Белазиус положил кинжал обратно в ножны. Мы продолжили свой путь. Кобыла пошла следом, тычась носом мне в плечо. Нога почти перестала болеть.

— Значит, Кадала тоже ожидает смерть? — спросил я. — Это не просто святотатство, получается? Ваши обряды настолько секретны? Это простая тайна или противозаконность?

— Это и тайна, и противозаконность. Мы встречаемся, где можем. Сегодня ночью это был остров. На нем достаточно безопасно. Ни единая душа не осмелится приблизиться к нему в ночь равноденствия. Но если слухи дойдут до Будека, то могут быть неприятности. Убитый сегодня — человек короля. Он находился здесь восемь дней, пока разведчики Будека повсюду искали его. Но он должен был умереть.

— Теперь его найдут?

— Да, далеко отсюда, в лесу. Они подумают, что его задрал вепрь. — Снова косой взгляд. — Можно сказать, что он легко отделался. В прежние времена ему вырезали бы

пупок, а кишки, как шерсть на веретено, намотали бы на ствол священного дерева.

— А Амброзиус знает?

— Амброзиус тоже является человеком короля.

Мы прошли несколько шагов в молчании.

— Ну, а что же со мной, Белазиус?

— Ничего.

— Разве это не святотатство, подглядывать за твоими тайнами?

— Тебе ничего не грозит, — сухо сказал он. — У Амброзиуса длинные руки. Почему ты так смотришь?

Я покачал головой. Даже для самого себя затруднялся выразить мысль.

— Ты не испугался? — спросил он.

— Нет.

— Клянусь богиней. По-моему, Амброзиус был прав, сказав, что ты смел.

— Если у меня и есть смелость, то не та, которой надо восхищаться. Как-то мне пришло в голову, что от остальных детей меня отличало то, что я не понимал их многих страхов. Но у меня имелись свои, которые я научился сдерживать, это стало предметом моей гордости. Но теперь-то я начинаю осознавать, что, даже если на пути меня будут ждать опасность и смерть, я твердо пойду им навстречу.

Он остановился. Мы почти дошли до рощи.

— Скажи мне, почему.

— Они мне не грозят. Я переживаю за других, но не за себя. Пока. Мне кажется, что люди боятся неизвестного. Они боятся боли и смерти, потому что последние могут поджидать за любым углом. Но иногда я чувствую, что сокрыто от моего взора, но тем не менее ожидает меня. А иногда ясно вижу боль и опасность прямо перед собой. Но смерть пока далеко. Поэтому не боюсь. Это не смелость.

— Да. Я знал, что ты обладаешь провидением, — медленно сказал он.

— Оно приходит ко мне лишь иногда, по воле бога, а не по моей воле, — увлекшись, я наговорил слишком много. А он не относился к людям, перед которыми можно раскрывать душу.

— Послушай, Белазиус, — быстро сказал я, чтобы сменить тему, — Ульфин не виноват. Он отказался что-либо говорить нам и остановил бы меня, если бы смог.

— Ты имеешь в виду, что если требуется понести наказание, то ты готов это сделать?

— Это будет честно с моей стороны, тем более, что могу себе это позволить. — Я посмеялся про себя над ним, чувствуя себя в полной безопасности за невидимым щитом.

— Что меня ждет? Ваша древняя религия, наверное, имеет в запасе несколько второстепенных наказаний. Суждено ли

мне умереть во сне от колик или в следующий раз меня задержит вепрь, когда я окажусь в лесу без моей «черной собаки»?

Он улыбнулся в первый раз.

— Не стоит думать, что ты легко отделаешься. Найду применение тебе и твоему провидению, будь спокоен. Амброзиус не единственный человек на свете, который использует людей по их назначению. Ты сказал, что сегодня ночью тебя сюда что-то вело. Так вот — тебя вела Богиня, и к Богине ты должен будешь пойти. — Он опустил мне на плечо руку. — За сегодняшнюю ночь, Мерлин Эмрис, тебе придется заплатить только той монетой, которая устроит Богиню. Она будет преследовать тебя, как и всех остальных, кто попытался проникнуть в ее тайны. Но она не погубит тебя. О, нет, не Актеон, мой маленький способный ученик, а Эндимион. Она примет тебя в свои объятия. Короче, тебе предстоит учеба, пока я не возьму тебя с собой в святилище и не представлю.

«И не наматывай мои кишки на каждом дереве в лесу», — хотел добавить я, но сдержался. Власть берут там, где она есть, — сказал он. Посмотрим. Я осторожно освободился от его руки и первым вошел в рощу.

Если до этого Ульфин перепугался, то сейчас он просто потерял дар речи от ужаса, увидев меня вместе с хозяином. Он понял, где я был.

— Хозяин... я думал, он поехал домой. Да, повелитель, так сказал Кадал.

— Поддай мне накидку, — сказал Белазиус, — и убери это в седельную сумку.

Он бросил белое одеяние. Оно повисло, свободно болтаясь, на дереве, к которому был привязан Астер. Пони испугался и фыркнул.

Сначала я подумал, что его испугала сама белая тряпка, но затем разглядел на ней заметные даже в лесной темноте черные пятна. До меня донесся исходящий от его одежды запах дыма и свежей крови.

Ульфин машинально поднял накидку.

— Хозяин, — от страха мальчик прерывисто дышал, — Кадал взял вычную лошадь. Мы думали, что хозяин Мерлин отправился в город, да и сам я был уверен, что он поехал туда. Я ничего ему не говорил, клянусь...

— На кобыле Кадала есть седельная сумка. Положи ее туда. — Белазиус натянул накидку. — Дай мне поводья.

Мальчишка повиновался, пытаясь не столько оправдаться, сколько узнать размеры недовольства хозяина.

— Господин, поверьте мне. Я ничего не сказал. Клянусь всеми богами, которые есть.

Белазиус не обращал на него никакого внимания. А он может проявлять жестокость. По сути дела за все время

нашего знакомства он ни разу не подумал о чувствах других людей. Ему никогда не приходило в голову, что свободный человек может испытывать и волнение и боль. В настоящий момент Ульфин, казалось, для него не существовал, он был занят лошадью. Легко вскочив в седло, коротко обронил:

— Отойди, — и потом обратился ко мне. — Можешь управлять лошадью в галопе? Я хочу вернуться, прежде чем Кадал обнаружит, что тебя нет, и поставит весь дворец на уши.

— Попытаюсь. А Ульфин?

— Ульфин? Конечно, отведет твоего пони домой.

Белазиус развернул лошадь и выехал из-под сосновых ветвей. Ульфин метнулся укладывать запятнанную кровью робу в седельную сумку, висевшую на спине гнедой кобылы. Потом он поспешил подставить мне плечо. Кое-как я взобрался на кобылу. Мальчишка отошел назад, я видел, как он дрожит. Похоже, подобный страх был естественен для рабов. До меня дошло, что он даже боится один вести моего пони через лес.

Я ослабил поводья и наклонился к нему.

— Ульфин, он не сердится на тебя. Ничего не будет. Клянусь. Поэтому не бойся.

— Вы... что-нибудь видели, господин?

— Совсем ничего. — В определенном смысле это была правда. — Непроглядная темень и невинная луна. Но что бы я ни видел, это не имеет значения. Я буду посвящен. Понял теперь, почему он не сердится? Все. Бери.

Я вытащил из ножен кинжал и кинул его в траву, покрытую сосновыми иголками.

— Если тебе от этого станет легче. Но он тебе не пригодится. Ты в безопасности. Возьми его себе. Веди Астера осторожно, ладно?

Я ударил кобылу по ребрам и направился вслед за Белазиусом.

Он подождал меня, перейдя на легкий галоп. Гнедая пристроилась сзади. Схватившись за упряжь, я прижался к ней, как шип.

Дорога была достаточно открытой, чтобы видеть путь при лунном свете. Она шла через лес на гребень холма, с которого сразу можно было увидеть мерцающие огни города. Мы вышли из леса на соляные дюны, лежащие на берегу моря.

Белазиус не сбавлял скорости и не разговаривал. Мне было интересно, встретим ли мы Кадала, возвращающегося с эскортом, или вернемся одни.

Мы пересекли ручей глубиной в копыто и оказались на тропинке, протоптанной по дерну. Она поворачивала направо, в направлении главной дороги. Теперь я понял, где мы находились. Эту тропинку я заметил еще раньше, когда был невольным свидетелем церемонии преклонения и жертвоприношения.

Белазиус приостановил лошадь и оглянулся. Моя гнедая поравнялась с ними. Он поднял руку, лошади перешли на шаг.

— Слушай...

Лошади. Несметное множество лошадей стремительно двигалось по мощеной дороге.

Короткий окрик. Над мостом понеслись факелы. Вблизи мы увидели, что это был отряд. В свете факелов развевался флаг с пурпурным драконом.

Рука Белазиуса легла на поводья моей кобылы, и наши лошади встали.

— Люди Амброзиуса, — сказал он наконец. Тут заржала моя кобыла, ее ржание разнеслось по окрестности, как пугливый крик. Ей ответила лошадь из отряда.

Послышалась команда. Отряд остановился. Еще приказ. Лошади галопом понеслись к нам. Белазиус выругался и отпустил мои поводья.

— Здесь и расстанемся. Теперь держись и держи язык за зубами. Даже Амброзиус не спасет тебя от проклятья.

Он хлестнул мою кобылу по ляжкам, и та выскочила на дорогу, чуть не сбросив меня. Сзади раздался треск и шум. Черная лошадь перепрыгнула через ручей и исчезла в лесу. Появились воины, встали по бокам и препроводили меня к командиру.

Под флагом в свете огней плясал серый жеребец. Один из сопровождавших подхватил мою лошадь под уздцы, вывел нас вперед и отсалютовал.

— Только один, сэр, не вооружен.

Командир поднял забрало. Голубые глаза расширились, и хорошо памятный мне голос Ютера произнес:

— Ну, конечно же, кого еще я мог встретить? Что же, Мерлин, внебрачный сын, чем ты здесь занимаешься один, где же ты был?

11

Я помедлил с ответом, раздумывая, что и как рассказать. Любому другому мог наговорить разного, но с Ютером шутки плохи. Для любого, кто возвращался с любой встречи, тайной или незаконной, Ютер представлял опасность. Не сказать, чтобы мне хотелось защитить Белазиуса, но я был совершенно не обязан давать объяснения кому-либо, кроме Амброзиуса. Во всяком случае, стремление уклониться от гнева Ютера выглядело естественно.

Я встретился с ним взглядом, при этом попытался придать своим глазам искреннее выражение.

— У меня захромал пони, сэр. Слуга взялся отвести его домой, а я пересел на его лошадь.

Он хотел что-то сказать, но я опередил его, прикрывшись щитом, так любезно вложенным в мои руки Белазиусом.

— Обычно ваш брат посылает за мной после ужина, и я не захотел его задерживать.

При упоминании имени Амброзиуса он нахмурился, но ограничился лишь вопросом:

— Почему же так поздно и не по дороге?

— Когда Астер повредил себе ногу, мы заехали в лес. На перекрестке мы повернули на восток, на просеку. Там к югу отходила тропинка. Нам показалось, что по ней мы быстрее вернемся.

— Какая тропинка?

— Я плохо знаю лес, сэр. Она ведет к гряде и спускается к броду.

Продолжая хмуриться, он оглядел меня.

— Где ты оставил своего слугу?

— На второй тропинке. Прежде чем отпускать меня одного, он хотел убедиться, что мы на верном пути. Он, должно быть, поднимается сейчас на гряду.

Сбивчиво, но откровенно, я молился про себя, чтобы не встретиться с Кадалом.

Ютер все глядел на меня, не обращая никакого внимания на галчующую под ним лошадь. Впервые я увидел, насколько он походил на брата. Тогда же впервые почувствовал в нем силу, несмотря на молодость, и понял, почему Амброзиус называл его блестящим командиром. Он видел людей насквозь. Я знал, что он, чувствуя ложь, пытается узнать, что у меня за душой. Ему неизвестно, в чем и почему я лгу, но он решительно настроен разобраться во всем.

Видимо, поэтому он изменил тон и довольно приятным голосом, почти нежно, спросил:

— Ты лжешь, не так ли? Почему?

— Сказанное мною правда, господин. Если вы взглянете на моего коня, когда его приведут...

— Ах, да... Это-то правда. Я и не сомневаюсь, что он захромал. Если я пошлю людей на тропу, то они несомненно встретят Кадала, ведущего лошадь. Я же хочу знать...

— Не Кадала — Ульфина, сэр, — быстро вставил я. — Кадал занят. Белазиус послал со мною Ульфина.

— Двоих в одном лице? — вопрос прозвучал презрительно.

— Как это, господин?

Он неожиданно вспыхнул.

— Не препирайся, наложник. Ты врешь. Я чую ложь за версту.

Он поглядел мимо меня, и его голос изменился.

— Что у тебя в седельной сумке? — он головой указал на нее стоявшему рядом воину. Из нее выглядывал кусок робы Белазиуса.

Тот засунул в сумку руку и вытащил одеяние. На замусоленной и помятой белой ткани отчетливо проступали темные пятна. Запах крови дошел до меня даже сквозь дым горящей факельной смолы.

Почувствовав кровь, зафыркали и заволновались лошади. Люди переглянулись. Факельщики с подозрением поглядели на меня. Стражник выдохнул и что-то пробормотал.

— Клянусь богами, вот в чем дело! — со злостью сказал Ютер. — Один из них, о Митра! Я так и знал! Даже здесь от тебя пахнет священным дымом! Ладно, побочный сын. Именем моего брата тебе дарована свобода и его расположение, но посмотрим, что он на это скажет. Теперь, по-моему, тебе нет смысла изворачиваться.

Я поднял голову. Наши глаза находились почти на одном уровне.

— Изворачиваться? Я отрицаю, что преступил закон или совершил деяние, которое не понравится Графу. Лишь эти две вещи могут иметь значение, господин Ютер. Я объяснюсь с ним.

— Уж не сомневаюсь. Итак, тебя туда отвел Ульфин?

— Ульфин не имеет к этому никакого отношения, — ответил я резко. — К тому времени мы с ним расстались. Как бы то ни было, он раб и делает, что ему приказывают.

Ютер внезапно пришпорил свою лошадь, и она заплесала рядом с моей. Он наклонился и ухватил меня за накидку. Сжав руку, он приподнял меня в седле. Его наколенник больно придавил мне ногу, зажатую между боками беспокойно переминающихся лошадей. Ютер приблизил ко мне свое лицо.

— А ты делаешь, как прикажу тебе я. Кем бы ты ни приходился моему брату, ты подчиняешься и мне.

Он сжал руку еще сильнее.

— Понял, Мерлин Эмрис?

Я кивнул. Он поцарапался о мою брошь-застежку, выругался и отпустил меня. У него на руке выступила кровь. Я заметил, как он смотрит на брошь. Ютер щелкнул пальцами факельщику. Тот приблизился, подняв факел.

— Это он дал тебе ее? Красного дракона? — Ютер не договорил. Его глаза остановились на моем лице и расширились. Их ярко-голубой цвет стал невыносимым. Серый жеребец пошел под ним в сторону, он резко одернул его, так, что брызнула пена.

— Мерлин Эмрис, — едва слышно проговорил он. Потом неожиданно рассмеялся, задорно и громко. Таким я его еще не видел.

— Что же, Мерлин Эмрис. Тебе все же придется рассказать, где ты сегодня ночью. — Он развернул лошадь и бросил через плечо воинам:

— Возьмите его с собой, да смотрите, чтобы не упал. Похоже, он дорог моему брату.

Серый жеребец взвился под ударом шпор, и отряд быстро тронулся вслед за Ютером. Мои охранники, не отпуская поводов гнедой, поехали сзади. В грязи осталась лежать жреческая роба, скомканная и истоптанная конскими копытами. Интересно, найдет ли ее Белазиус? Будет ли осторожен?

Вскоре я забыл о нем. Мне предстоял разговор с Амброзиусом.

Кадал находился в моей комнате.

— Спасибо богам, что ты не вернулся за мной, — проронил я с облегчением. — Меня подобрали люди Ютера, а он сошел с ума от злобы, узнав, где я был.

— Знаю, — угрюмо ответил Кадал. — Я видел.

— Что это значит?

— Я все-таки вернулся за тобой. Решил проверить, хватило ли у тебя ума отправиться домой, после того как раздался этот... шум, и поехал следом. Не увидев на дороге следов, подумал, что ты слишком лихо погнал кобылу... Я и сам припустил так, что подо мной задымилась земля. Потом...

— Ты догадался, что происходит и где был Белазиус?

— Да, — он повернул голову, собираясь плюнуть на пол, но вспомнил, где находится, и ограничился знаком против нечистой силы.

— Когда я приехал сюда и не нашел тебя, то понял, что ты — своевольный дурачок — отправился посмотреть, что там делается. Тебя могли убить, если бы ты попался этим друзьям.

— И тебя тоже. Но ты вернулся.

— Что мне оставалось делать? Ты мог бы и услышать, как я тебя зову. По меньшей мере ты поступил необдуманно. Я увидел отряд, когда до города оставалось меньше мили. Тогда съехал с дороги и дал им проехать. Знаешь тот старый разрушенный пост? Я спрятался там и видел, как они проезжали мимо. Тебя везли сзади под охраной. Я понял, что Ютер догадался, и поехал следом, держась по возможности близко. В городе боковыми улицами я пробрался сюда первым. Получается, он все знает?

Я кивнул и начал расстегивать накидку.

— Придется дорого заплатить, уж точно, — заметил Кадал. — Как он узнал?

— Белазиус засунул свою робу в мою седельную сумку, а они ее нашли. — Я улыбнулся. — Если бы они примерили ее на меня, то им бы пришлось заново ломать голову. Но они не додумались. Лишь бросили ее в грязь.

— Тоже хороши. — Он опустился на колено, чтобы помочь мне расстегнуть сандалии. Сняв один, он задержался. — Выходит, Белазиус видел тебя? Говорил с тобой?

— Да. Я дождался его, и мы вместе вернулись к лошадям. Кстати, Ульфин должен привести Астера.

Сильно побледнев, он уставился на меня.

— Ютер не видел Белазиуса, — сказал я. — Белазиус вовремя смылся. Он понял, что услышали ржание лишь одной лошади, и послал меня вперед. Иначе, они нашли бы нас вдвоем. Должно быть, он забыл свое одеяние или понадеялся, что его не найдут. Если бы не Ютер, то никто бы и не додумался.

— Тебе не следовало бы подходить к Белазиусу. Дела обстоят гораздо хуже. Подожди, дай сделаю я. У тебя холодные руки. — Он расстегнул застёжку с драконом и снял накидку.

— Хочешь в этом убедиться — убедишься. Он опасный человек, и все они такие, но он самый опасный.

— Ты знаешь о нем?

— Не скажу, что много. Но догадываюсь. Главное — с этим народом опасно связываться.

— Он главный жрец-друид, по меньшей мере, глава секты. Поэтому он не совершит необдуманных поступков. Перестань так беспокоиться, Кадал. Он вряд ли способен причинить мне зло или позволить сделать это другим.

— Он угрожал тебе?

— Да, проклятием, — я рассмеялся.

— Говорят, подобные вещи действуют. Рассказывают, что друиды способны послать за тобой летящий нож. Он будет преследовать цель на протяжении многих дней; перед тем как нож попадет в человека, тот услышит сзади в воздухе свистящий звук.

— Много чего рассказывают, Кадал. Дай мне, пожалуйста, другую тунуку, попримечнее. Вернул ли шерстянщик мою самую лучшую? Я хочу принять ванну, прежде чем отправиться к Графу.

Он искоса поглядел на меня, доставая из сундука новую тунуку.

— К нему с дороги отправился Ютер. Знаешь об этом?

— Конечно. И предупреждаю — я расскажу Амброзиусу правду, — рассмеялся я.

— Все без утайки?

— Все.

— Наверное, оно и к лучшему, — сказал он. — Если кто и может защитить тебя от них...

— Не в этом дело. Он просто должен знать. У него есть на это право. А кроме того, зачем мне от него скрывать?

— Я имею в виду проклятие, — медленно проговорил Кадал. — Даже Амброзиус не спасет.

— Катись оно... — я сопроводил свои слова жестом, редко встречающимся среди аристократов. — Забудь о нем. Мы поступили верно. Лгать Амброзиусу нельзя.

— Однажды тебе, Мерлин, придется побояться.

— Возможно.

— Разве ты не боялся Белазиуса?

— Почему я должен его бояться? — поинтересовался я. — Он не причинит мне зла. — Я снял пояс с туники и бросил его на кровать. — А ты бы испугался, Кадал, если бы узнал, как умрешь?

— Конечно, клянусь собакой! А ты?

— Иногда я вижу что-то, и это наполняет меня страхом.

Он, не двигаясь, глядел на меня. На его лице был написан испуг.

— Что тебя ждет?

— Пещера. Хрустальный грот. Иногда мне кажется, что это смерть, иногда — рождение, источник прозрения. Я не могу сказать точно. Но когда-нибудь узнаю. А пока мне не слишком страшно. В конце концов я приду в пещеру, равно как и ты... — Я запнулся.

— Что я? — быстро спросил он. — Куда приду я?

— Я хотел сказать «как и ты найдешь свою старость».

— Это ложь, — грубо парировал он. — Я видел твои глаза. Когда ты начинаешь предвидеть, твои глаза становятся необычными: зрачки расширяются и затуманиваются, будто ты мечтаешь. Но взгляд не смягчает. Твои глаза холодны, как металл, ты не замечаешь, или не хочешь заметить, что происходит вокруг. Тебя нет, будто ты перенесся куда-то. А остался один голос. Как рог, в который дуют и который издает звук. Конечно, я видел тебя таким всего пару раз, но зрелище сверхъестественное, пугающее.

— Это пугает и меня, Кадал. — Зеленая туника соскользнула с меня на пол. Он подал серое одеяние, которое я носил как пижаму.

— Я тоже боюсь, — задумчиво, как бы обращаясь к самому себе, сказал я. — Ты прав в отношении ощущения. Я чувствую себя пустой раковиной, которой что-то движет. Говорю, вижу и думаю о вещах до сей поры мне незнакомых. Но неправильно полагаю, что я ничего не чувствую. Мне больно. Возможно, потому, что не могу распоряжаться тем, что говорит во мне. Не могу пока руководить. Но буду. Научусь. В этом заключается настоящая сила. Буду различать в своих предсказаниях человеческое предчувствие и божье провидение.

— Ты заговорил о моей смерти. Какова она будет?

Я взглянул на него. Странно, но Кадалу было труднее солгать, нежели Ютеру.

— Но я не видел твоей смерти, Кадал. Не видел ничьей смерти, кроме своей собственной. Я собирался сказать «равно как и ты найдешь себе могилу в чужой земле» — мне известно, что для британца это хуже чем смерть. Но мне кажется, что тебя ждет именно это, если ты останешься моим слугой.

Его взгляд просветлел, и он улыбнулся. В этом и заключается сила, подумал я, если мое слово способно испугать таких людей, как он.

— Без проблем, — ответил Кадал. — Даже если меня не попросят, я останусь с тобой. Тебе легко и приятно служить.

— Неужели? Я думал, ты считаешь меня своевольным дурачком и занудой.

— В этом весь ты. Я не говорил подобных вещей никому из твоего сословия. Ты же, услышав их, рассмеялся. Ты ведешь себя вдвойне по-королевски.

— Вдвойне по-королевски? Не могут же мой дед и... — я остановился, увидев выражение его лица. Он сказал недуманные слова и теперь, раскрыв рот, пытался поймать их и проглотить обратно.

Кадал молчал, стоя, где стоял, с грязной туникой в руках. Я медленно поднялся. Забытая пижама сползла на пол. В его словах не было надобности. Как я не догадался об этом раньше, когда стоял перед Амброзиусом в зимнем поле, освещаемый светом факелов. Он узнал. Сотни людей догадывались. Мне вспомнились косые взгляды, бормотание командиров, почтение слуг, которое принял за уважение к приказам Амброзиуса. Теперь же я понял, что это являлось проявлением почтения к его сыну.

Комната по-прежнему напоминала пещеру. Пламя за решеткой мигало, его свет тонул в бронзовом зеркале. Я посмотрел в него. Освещенная огнем бронза отражала мое обнаженное тело, похожее на невесомую тень. Лицо, однако, в игре света и тени было различимо. Я увидел его лицо таким, какое оно было, когда он сидел у камина и ждал. Ждал, чтобы расспросить меня о Ниниане.

В этом месте Провидение вновь изменило мне. Я открыл для себя, что люди, обладающие божьим провидением, зачастую слепы как простые смертные.

— И все знают? — спросил я Кадала.

Он кивнул, даже не спросив, что я имел в виду.

— Просто ходят слухи. Иногда ты очень похож на него.

— Ютер, наверное, догадался. Разве он не знал?

— Нет. Он уехал, прежде чем распространилась молва. Но он взъелся на тебя не поэтому.

— Рад слышать. Почему же? Из-за происшедшего в загоне у стоячего камня?

— Из-за этого и многого другого.

— Из-за чего же?

— Он думал, что ты являешься наложником Графа, — прямо ответил он. — Амброзиус не увлекается женщинами, равно как и мальчиками. Но Ютер не может себе представить человека, который не побывал с кем-нибудь в постели семь раз на неделе. Когда его брат проявил к тебе такое внимание,

поместил тебя в своем доме и приставил слугу, Ютер сделал однозначный вывод.

— Понятно. Он сегодня сказал что-то об этом. Но я подумал, что он просто вспылил.

— Если бы он пригляделся к тебе или послушал, что говорит народ, то понял бы, в чем дело.

— Теперь он понял, — уверенно сказал я. — Он понял это на дороге, увидев подаренную мне Графом брошь с драконом. Конечно же, до него дошло, что Граф не подарит своему наложнику королевский вензель. Ютер попросил даже поднести факел и всмотрелся в меня. — Здесь меня осенила еще одна мысль. — И Белазиус, наверное, знает.

— А, да, — ответил Кадал, — знает. Но почему?

— Судя по его поведению. Будто он знал, что не может меня коснуться. Возможно, поэтому он и попытался запугать меня проклятием. Он очень хладнокровен, правда? Должно быть, ему пришлось крепко подумать. Белазиус не мог просто убрать меня с дороги за святотатство, но ему было надо, чтобы я молчал. Отсюда и взялось проклятие. И... — я остановился.

— И что еще?

— Не удивляйся. Еще один залог того, что я буду держать язык за зубами.

— Бога ради, скажи, что?

Я передернул плечами, вспомнив, что до сих пор стою голый, и потянулся за пижамой.

— Он сказал, что возьмет меня с собой в святилище. По-моему, он хочет сделать из меня жреца.

— Он так и сказал? — к уловкам Кадала против нечистой силы мне не привыкать. — Как же ты поступишь?

— Отправляюсь с ним. Схожу разок. И не смотри так, Кадал. Сто против одного, что мне не захочется появляться там во второй раз. — Я прямо взглянул на него. — В этом мире не существует ничего, к чему бы я не был готов, даже бога, к которому я не могу приблизиться. Если мне нужно прибегнуть к его помощи, я должен познать его. Понимаешь?

— Откуда? О каком боге ты говоришь?

— Думаю, существует только один бог. Конечно, есть разные боги, они живут везде: в полых холмах, с ветрами, в море, в траве, по которой мы ходим, в воздухе, которым мы дышим, в тени, где их ждут люди, подобные Белазиусу. Но я верю, что существует только один настоящий бог, подобный бескрайнему морю. В конце концов все мы — маленькие боги, и люди, подобно грекам, стекаются к нему. Ванна готова?

Через двадцать минут я закрепил голубую тунику на плече брошью с драконом и отправился к своему отцу.

В прихожей сидел секретарь, довольно искусно справлявшийся с бездельем. За занавесом слышался тихий голос Амброзиуса. Два стража на входе, похоже, одеревенели.

Занавес отлетел в сторону, и вышел Ютер. Увидев меня, он остановился и хотел что-то сказать, но перехватив любопытствующий взгляд секретаря, передумал и прошел мимо, взмахнув красным плащом и оставив конский запах. В любом месте можно определить, был ли здесь Ютер. Он источал запахи, как половая тряпка. Судя по всему он отправился к брату, не приведя себя в порядок после дороги.

Секретарь по имени Соллиус сказал мне:

— Вы можете зайти прямо сейчас. Он ждет вас, сэр.

Я даже не заметил обращения «сэр», давно к нему привыкнув.

Он стоял спиной к двери рядом со столом. На столе были разбросаны дощечки для письма, на одной из них лежало стило, будто Амброзиуса прервали во время письма. На секретарском столе у окна виднелся наполовину раскатанный кожный свиток.

Дверь за мной захлопнулась. Я остановился. Кожаный занавес с шуршанием опустился. Амброзиус повернулся.

Мы молча смотрели друг на друга. Секунды показались нескончаемыми. Наконец он откашлялся и произнес:

— А, Мерлин. Садись. — Он сделал неопределенный жест рукой.

Я повиновался и пошел к своему стулу у камина. Секунду он помолчал, глядя на стол, потом взял стило и добавил на дощечке слово. Я ждал. Амброзиус нахмурился, глядя на написанное, и стер его. Бросил стило на стол, резко обратился ко мне.

— Приходил Ютер.

— Да, сэр.

Он поглядел на меня из-под нахмуренных бровей.

— Он встретил тебя одного, катавшего за городом.

— Я катался не один, — быстро вставил я. — Со мной был Кадал.

— Кадал?

— Да, сэр.

— Но ты сказал Ютеру другое?

— Нет, сэр.

Взгляд Амброзиуса стал внимательным и неподвижным.

— Кадал постоянно со мной, господин. Он более чем предан. Мы поехали на север до просеки в лесу. Потом у меня захромал пони, Кадал дал мне свою кобылу, и мы отправились домой. — Я набрал воздуха. — На тропинке

встретили Белазиуса и его слугу. Белазиус сначала поехал со мной, но потом расстался, поскольку не хотел встречаться с принцем Ютером.

— Ясно. — Его голос ничего не выражал, но я понял, что ему в самом деле многое было ясно. Его следующий вопрос подтвердил мою догадку.

— Ты побывал на острове жрецов-друидов?

— Вы знаете об этом? — удивленно спросил я. Ответом мне была холодная тишина. Пришлось продолжить рассказ.

— Я уже сказал, что мы с Кадалом решили срезать путь. Если вы знаете, где расположен остров, то должны представлять себе тропинку. В месте, где она начинается спускаться к морю, растет сосновая роща. В ней мы нашли слугу Белазиуса — Ульфина с двумя лошадьми. Кадал хотел забрать одну, чтобы быстро отправить меня домой. Во время разговора с Ульфином мы слышали крик, точнее вопль, он раздавался восточнее рощи. Я пошел посмотреть, в чем дело. Клянусь, я не знал, что там находится остров и что на нем происходит. Не знал и Кадал. Будь он верхом, он задержал бы меня. Но к тому времени, когда он взял у Ульфина лошадь и пустился за мной, я уже исчез из виду. Он подумал, что я испугался и ускакал домой. Приехав сюда, Кадал не нашел меня и вернулся, но меня уже подобрал отряд. — Я засунул ладони между коленок и крепко сжал их. — Не знаю, что побудило меня подъехать к острову. Крик, может быть. Мне трудно объяснить. Пока. — Я глубоко вздохнул. — Господин...

— Да?

— Я должен вам сказать одну вещь. Сегодня ночью на острове убили человека. Не знаю, кто он такой, но слышал, что это человек короля. Какое-то время он считался пропавшим без вести. Его тело найдут где-то в лесу, оно будет выглядеть так, будто его задрал дикий зверь. — Я помолчал. Его лицо ничего не выражало. — Считаю, мне следовало сказать вам об этом.

— Ты ходил на остров?

— О, нет! Мне бы тогда не остаться в живых. Об убитом узнал позже. Его убили за святотатство. А я лишь спустился на берег и подождал в лесу, наблюдая за танцем и жертвоприношением. Слышал пение. Мне тогда было неизвестно, что это незаконно. У меня на родине это запрещено, хотя всем известно, что такое явление существует! Я думал, что здесь оно отличается. Однако, когда господин Ютер узнал, где я побывал, он очень рассердился. Похоже, он ненавидит друидов.

— Друидов? — спросил Амброзиус, думая о своем. Он по-прежнему играл стилем. — Да, конечно. Ютер не испытывает к ним особой симпатии. Он является одним из фанатичных поклонников Митры. Свет же с тьмою — враги. Ну так что? — последние слова были обращены к Соллиусу, вошедшему с извинениями и ждавшему у двери.

— Извините, сэр. Посланец от короля Будека. Я сказал ему, что вы заняты, но он просил передать, что у него важные сведения. Ему подождать?

— Пусть войдет.

Вошел человек со свитком. Он передал его Амброзиусу. Тот уселся в свое большое кресло, развернул свиток и, хмурясь, начал читать его. Я наблюдал за ним. За решеткой камина разрасталось пламя, освещающая черты лица, известного мне лучше своего собственного. От углей исходило сияние. Оно затмило мне глаза, и в них поплыл туман. Они расширились.

— Мерлин Эмрис? Мерлин!

Эхо превратилось в обыкновенный голос. Видение исчезло. Я сидел на стуле в комнате Амброзиуса, уставясь на свои руки, зажатые между коленями. Амброзиус встал между мной и камином. Секретарь ушел, мы остались одни.

При повторном упоминании имени я проснулся.

— Что ты видел в огне? — спросил он меня.

— Заросли боярышника на холме, — начал я перечислять, не поднимая головы, — девушку на коричневом пони, молодого человека с брошью-драконом на плече и туман, стелющийся по земле.

Я услышал, как он глубоко вздохнул, взял меня за подбородок. Его глаза были внимательны и жестки.

— Значит, правду говорят о твоих провидческих способностях. Теперь-то уж у меня не осталось никакого сомнения. Тогда, в первую ночь у изваяния, я подумал, что это мог быть сон, детский рассказ, удачная догадка, направленные на то, чтобы разбудить во мне интерес. Но это... Я не ошибся в тебе.

Он выпрямился.

— Ты видел лицо девушки?

Я кивнул.

— А мужчины?

— Да, сэр. — Я встретился с ним взглядом.

Он резко повернулся ко мне спиной, опустив голову. Снова взял со стола карандаш, начал вертеть его в руках.

— Давно ты об этом знаешь? — спросил он, подождав.

— С сегодняшнего вечера, когда приехал. Часть рассказал Кадал, потом я припомнил некоторые вещи и взгляд вашего брата, когда он увидел вот эту штуку. — Я показал на брошь с изображением дракона.

Амброзиус взглянул на нее и кивнул.

— У тебя впервые было подобное... видение?

— Да. До этого даже и подумать не мог. Теперь же мне кажется странным, что я и не подозревал. Но клянусь, что это так.

Он молча стоял, опершись рукой на стол. Не знаю, чего я ожидал, но никогда не думал увидеть великого Аурелия Амброзиуса лишенным дара речи. Он прошелся вдоль по комнате.

— Странная у нас с тобой получается встреча, Мерлин. Столько есть о чем поговорить и в то же время так мало. Теперь ты понимаешь, почему я задавал так много вопросов? Почему старался узнать, что привело тебя сюда?

— Боги, мой господин, привели меня сюда, — сказал я. — Почему вы оставили ее?

Я не хотел задавать этот вопрос столь неожиданно, но уж слишком давно он давил на меня. Он вырвался у меня как обвинение. Запинаясь, я попытался исправить впечатление, но он спокойно оборвал меня жестом.

— Мне было восемнадцать лет, Мерлин, и у меня была мечта побывать в своем собственном королевстве. Тебе известна история о том, как нас принял здесь кузен Будек после убийства моего брата — короля. Он ни на день не отказался от мысли отомстить за его смерть Вортигерну, хотя на протяжении многих лет это было невозможно. Но он продолжал засылать лазутчиков, он решил заслать меня самого к королю Корнуола Горлуа. Он был другом моего отца и никогда не любил Вортигерна. Горлуа дал мне двух надежных людей и отправил на север слушать и наблюдать, познавать местность. Когда-нибудь я расскажу тебе о нашем путешествии, но... не сейчас. Что же касается тебя... В конце октября мы направлялись на юг, к Корнуолу. Там нас ждал корабль, но мы попали в засаду. Нам пришлось сразиться с людьми Вортигерна. Не знаю, заподозрили они что-нибудь или просто вышли убивать, как делают саксы и лисы, чтобы испробовать сладостный вкус крови. Думаю, последнее. Иначе они постарались бы убедиться в моей смерти. Два моих спутника погибли, но я оказался счастливым, отделавшись открытой раной и ударом по голове, от которого потерял сознание. Все происходило в сумерках, и они подумали, что я мертв. Когда пришел в себя, уже наступило утро. Надо мной стоял гнедой пони, на нем сидела девушка и молча разглядывала побоище.

На его лице впервые мелькнуло подобие улыбки. Наверное, он вспомнил ее лицо.

— Я попытался заговорить. Прележав ночь на открытом воздухе, я потерял много крови, и у меня начался жар. Я опасался, что она испугается и поскачет в город. Это был бы конец. Но она не стала убегать. Она поймала моего коня, достала из сумки флягу и дала мне напиться. Затем промыла и перевязала рану, а потом, бог знает как, взгромоздила меня на седло и вывезла из долины. Она сказала, что знает поблизости тихое место, куда никто не заходит, — пещера с источником. В чем дело?

— Ничего, — ответил я. — Мне известно. Продолжайте. Там никто не жил?

— Никто. Пока мы добирались туда, я впал в беспамятство. Ничего не помню. Она спрятала меня в пещере и укрыла коня. В моей седельной сумке остались еда, вино, накидка и одеяло. Наступил полдень, и она поехала домой. Там ей сказали, что найдены два убитых человека и неподалеку паслись их лошади. Отряд ускакал на север. Вряд ли кто-нибудь в городе догадывался, что должно было остаться три трупа. Поэтому мне ничего не угрожало. На следующий день она приехала к пещере снова, прихватив с собой еду и лекарства. То же повторилось на третий день. — Он помолчал. — Конiec истории тебе известен.

— Когда вы сказали ей, кто вы такой?

— Когда она объяснила мне, почему не может уехать со мной из Маридунума. До этого я принимал ее за одну из дам в королевском доме. Возможно, то же самое она почувствовала во мне. Но это не имело никакого значения. Ничто не имело значения, кроме того, что я был мужчиной, а она — женщиной. С первого взгляда мы поняли друг друга.

Он снова улыбнулся, но на этот раз уже не скрывая радости воспоминания.

— Тебе придется подождать, Мерлин, прежде чем знание подобного рода станет подвластным тебе. Провидение в вопросах любви тебе не поможет.

— Вы просили ее отправиться с вами сюда?

Он кивнул.

— Я говорил ей об этом еще до того, как узнал, кто она такая. А узнав, испугался за нее, стал настаивать, но она не согласилась. Из разговора понял, что она боится и ненавидит саксов, ее страшит то, как Вортигерн расправляется с королевствами. И все же отказалась ехать со мной. Одно дело, сказала она, поступать, как она поступает, и другое — уехать за море с человеком, который, если вернется, станет врагом ее отцу. Мы должны прекратить наши встречи, говорила она мне, как прекращается в природе все, и потом забыть.

С минуту он молчал, глядя на свои руки.

— И вы никогда не знали, что у нее есть ребенок?

— Нет. Конечно, я интересовался. Следующей весной я послал письмо, но не получил ответа. И я оставил все попытки, решив, что, если я ей понадобится, она знает, где найти меня. Потом, по прошествии двух лет, до меня дошли сведения, что она обручилась. Теперь-то я знаю, что это не соответствовало действительности, но тогда это послужило поводом забыть о ней.

Он посмотрел на меня.

— Ты понимаешь?

Я снова кивнул.

— Возможно, это даже правда, хотя немного в другом смысле, мой лорд. Она завещала себя церкви, после того как я достигну определенного возраста и не буду нуждаться в ней. Христиане называют это обетом.

— Да? — он задумался. — Как бы там ни было, я больше не писал писем. Когда же появились слухи о внебрачном сыне, мне даже в голову не пришло, что он мог быть моим. Однажды сюда приехал человек, глазной доктор, который до этого побывал в Уэльсе. Я послал за ним, чтобы расспросить. Он подтвердил, что во дворце есть внебрачный сын, такого же возраста, рыжий, сын самого короля.

— Диниас, — подсказал я. — Врач, возможно, даже не видел меня. А меня держали подальше от посторонних глаз. Правда, иногда мой дед в разговоре с незнакомцами называл меня своим сыном. У него имелись во дворце побочные дети.

— Так я и подумал. Поэтому следующий слух о внебрачном сыне то ли короля, то ли принцессы я уже не воспринял. История ушла в прошлое, давили заботы. К тому же я всегда думал, что если она родила бы от меня ребенка, то обязательно дала бы мне знать.

Он умолк, погрузившись в свои собственные мысли. Понимал ли я тогда его — сейчас не помню. Позже разрозненные части мозаики сложились в цельную картину. Гордость, помешавшая ей последовать за любимым, помешала ей и послать за ним, когда у нее родился ребенок. Та же гордость помогала ей держаться в последующие годы. Более того, своим побегом она выдала бы своего возлюбленного, и тогда ничто не остановило бы ее братьев от убийства Амброзиуса прямо при дворе Будека. Зная деда, можно утверждать, что были принесены страшные клятвы отомстить человеку, ставшему моим отцом. Прошло время, воспоминания стерлись, почти исчезли. Он остался для нее мифом. Потом его место заняла другая сильная любовь — священники и религия. Остался ребенок, очень похожий на своего отца. Как только ее долг перед сыном был исполнен, она решила уединиться. Уединения и покоя искала она много лет в горной долине; подобно ей, и я выбрал позже ту же тропинку, ища того же.

Когда он снова заговорил, я вздрогнул.

— Очень тяжело тебе пришлось без отца?

— Достаточно.

— Ты веришь, что я не знал?

— Я поверю любому вашему слову, мой лорд.

— Как сильно ты меня ненавидишь за это?

Уставившись на свои руки, я медленно проговорил:

— Внебрачные сыновья и ничейные дети пользуются одной привилегией. Они свободны представлять своего отца кем угодно. Можно выбрать себе худшего из худших, лучшего из лучших. В любую минуту вы можете придумать себе нового отца. К тому времени мое положение более-менее

прояснилось, я видел отца в любом солдате, принце, священнослужителе. Он виделся мне и в любом мало-мальски привлекательном рабе королевства Южный Уэльс.

Амброзиус повторил свой вопрос, обращаясь ко мне очень нежно.

— Теперь ты видишь его в действительности, Мерлин Эмрис. Скажи же, ты ненавидишь меня за выпавшую тебе долю?

Я ответил, не поднимая головы и не отводя глаз от огня.

— В детстве я мог выбирать отца, имея в распоряжении весь мир. Из всех я выбрал бы вас, Аурелий Амброзиус.

Тишина. В камине пульсировало пламя.

— В конце концов, какой мальчишка не выбрал бы себе в отца короля всей Британии? — добавил я, пытаюсь свести все к шутке.

Он твердой рукой отвернул мою голову от камин.

— Что ты сказал? — спросил он резко.

— Что сказал? — заморгал я. — Я сказал, что выбрал бы вас.

Его пальцы впились мне в подбородок.

— Ты называл меня королем всей Британии.

— Разве?

— Но это... — Он запнулся. Его глаза прожигали меня насквозь. Амброзиус отпустил руку и выпрямился.

— Ладно, пускай. Если это на самом деле так, то бог напомнит об этом еще раз. — Он улыбнулся мне. — Сказанное имеет значение лишь постольку, поскольку исходит от тебя. Не всякому человеку доведется услышать подобное от взрослого сына. Кто знает, может, оно к лучшему, встретиться взрослыми, когда у каждого есть, что предложить другому. Человеку, чьи дети всегда рядом, невозможно увидеть себя в их лице, как довелось мне.

— Я так похож?

— Говорят. Я вижу в тебе Ютера и понимаю, почему говорят, что ты мой.

— Но он сам этого, похоже, не заметил. Он сильно рассердился или только испытал облегчение, узнав, что я не ваш наложник?

— Ты и об этом знаешь? — Он искренне удивился. — Если бы он думал иногда мозгами, он бы выиграл от этого. А так мы ладим довольно неплохо. Он занимается одним, я — другим. И говоря откровенно, быть ему королем после меня, если я...

Он запнулся на последнем слове. Возникла неловкая тишина.

— Извини меня. — Он разговаривал со мною на равных. — Не обдумал сказанное. Слишком привык к мысли, что у меня нет сына.

Я поднял глаза.

— То, что вы имеете в виду — правда. По-моему, так считает и сам Ютер.

— Если ты смотришь на это моими глазами, тогда мне придется легче.

— Не представляю себя королем. Даже на половину, на четверть. Возможно, мы вместе с Ютером заменим вас, когда вы уйдете. Он так здоров, что лучше некуда, так вы говорите?

Но Амброзиус не улыбнулся. Его глаза сузились, и взгляд стал неподвижным.

— Приблизительно так я и думал. Что-то вроде этого. Догадался?

— Нет, сэр. Откуда? — Я выпрямился. — Вы предполагали найти мне именно такое применение? Теперь-то понимаю, почему меня держали в этом доме и относились по-королевски. Хотелось верить, что вы на меня рассчитываете, что я могу быть вам полезен. Белазиус сказал, что вы используете каждого человека по его способностям. Если из меня не получится воина, я все равно вам пригожусь. Это правда?

— Совершенно верно. Я чувствовал это, хотя и не знал, что ты можешь оказаться моим сыном. Но когда ночью в поле увидел тебя и слышал разговор с Ютером... В твоих глазах блуждали видения, и от тебя исходила сила. Нет, Мерлин, из тебя не получится ни короля, ни даже принца в человеческом понимании. Но когда ты вырастешь и станешь человеком, любой король посчитает за счастье иметь тебя рядом, и тогда он уверенно будет править миром. Теперь понимаешь, почему я послал тебя учиться к Белазиусу?

— Он очень ученый человек, — осторожно оценил я.

— Он продажен и опасен, — прямо и четко охарактеризовал его Амброзиус. — Однако он мудр и умен, много путешествовал. Его опыт не постичь в Уэльсе. Учись у него. Но я не говорю — следуй за ним. Есть места, где ты не должен с ним появляться. Но учиться — учись.

Я посмотрел на него и кивнул.

— Вы знаете о нем. — Мои слова прозвучали не как вопрос, а уже как вывод.

— Он служитель старой религии. Да.

— И вы не против?

— Я не могу позволить себе разбрасываться ценными инструментами потому, что мне не нравится их форма. Он полезен, и я его использую. Ты будешь делать то же самое, если хватит мудрости.

— Он хочет взять меня на следующую встречу.

Амброзиус вопросительно поднял брови, но ничего не сказал.

— Вы запрещаете?

— Нет. Ты пойдешь?

— Да, — медленно ответил я, серьезно обдумывая каждое слово. — Мой лорд, если вы ищете... что ищу я, то приходится

бывать в необычных местах. Люди не могут смотреть на солнце, они лишь видят его отражение в предметах, расположенных на земле. Если солнце отражается в луже, то все равно видно, что это солнце. Что бы там ни было, я его найду.

Амброзиус улыбнулся.

— Вот видишь? Тебе и охрана не нужна, разве что Кадал. — Он расслабленно оперся на стол, сдвинувшись на краешек стула. — Она назвала тебя Эмрис. Дитя света. Бессмертный. Божественный. Ты знал, что это значит?

— Да.

— А знал ли ты, что это и мое имя?

— Мое имя? — вопрос прозвучал совсем глупо.

Он кивнул.

— Эмрис... Амброзиус. Одно и то же слово. Она назвала тебя в мою честь: Мерлинус Амброзиус.

Я уставился на него.

— Да... конечно. Мне и в голову не приходило. — Я рассмеялся.

— Почему ты смеешься?

— Из-за имени. Амброзиус — принц света. Она говорила всем, что мой отец был принцем тьмы. Люцифером. Слышал даже посвященную этому песню. У нас, в Уэльсе, складывают песни обо всем подряд.

— Когда-нибудь ты мне споешь ее. — Внезапно он охладел. — Мерлинус Амброзиус, дитя света, погляди на огонь и скажи, что ты видишь сейчас?

Когда я, пораженный, взглянул на него, он требовательно повторил:

— Именно сейчас, до того, как погаснет огонь, пока тобою владеет усталость. Смотри на огонь и говори. Что будет с Британией? Что случится со мной? Что случится с Ютером? Сослужи мне службу, сын мой. Говори.

Но бесполезно. Я уже оглянулся, пламя угасало. Сила покинула меня. Осталась комната, в которой разговаривали двое. Но я любил его и вернул взгляд на угли. Установилась полная тишина, нарушаемая лишь постукиванием охлаждающегося металла.

— Мне не видно ничего, кроме угасающего в камине огня и кучи тлеющих углей.

— Продолжай.

Я весь покрылся потом. Потекли капли с носа, под мышками, на животе. Я свел бедра, крепко до боли сжал руки.

В висках болезненно застучало. Я встряхнул головой и посмотрел на Амброзиуса.

— Бесполезно, мой лорд. Сожалею, но это бесполезно. Не я приказываю богу, а он мне. Возможно, что когда-нибудь я смогу действовать по своему желанию, но сейчас видение или приходит само собой, или вообще не появляется.

В мольбе я протянул руки, пытаюсь объяснить.

— Это подобно ожиданию солнца, которое должно вот-вот показаться. Неожиданно подует ветер, облака разойдутся и становится светло. Иногда полностью, иногда частично. Я вижу лишь отдельные лучи — колонны. Когда-нибудь мне будет принадлежать весь храм. Но не сейчас.

На меня навалилось изнеможение.

— Извините, мой лорд. Я бесполезен для вас. У вас пока нет пророка.

— Нет, — устало ответил Амброзиус. Он обнял меня, притянул к себе и поцеловал. — Всего лишь сын, который не ужинал и устал. Иди спать, Мерлин, и спи без снов. У тебя хватит времени для видений. Спокойной ночи.

Той ночью меня не посетили видения, но приснился сон, о котором я не стал рассказывать Амброзиусу. Мне приснилась пещера на склоне горы и идущая к ней в тумане девушка по имени Ниниана. У пещеры ее ждал человек. Однако лицо Нинианы не было похоже на лицо моей матери, а у пещеры стоял не Амброзиус. Это был старик, и у него было мое лицо.

Книга III.

Волк

1

Я провел в Британии с Амброзиусом целых пять лет. Оглядываясь сейчас на прожитые годы, надо сказать, что многое исказилось в моей памяти. Представьте себе человека, который взялся восстанавливать давно разрушенную мозаику. Кое-что я вспоминаю без труда, в красках и с подробностями; другое, как картина, покрытая пылью времен, но более важное, словно затянуто дымкой. Места мне вспоминаются всегда отчетливо, иногда настолько, что представляю себя ходящим по ним. Если бы у меня хватило сил собраться, привлечь свое былое могущество, я смог бы спокойно воссоздать их, подобно тому, как в те далекие годы я описал для Амброзиуса Танец исполинов.

Эти воспоминания так же ясны, как и мысли, посещавшие меня, чего я не могу сказать о людях. Я ворошу свою память, и мне становится интересно временами, не путаю ли я Белазуса с Галапасом, Кадала с Сердиком, одного из бретонских военных командиров с военачальником моего деда в Маридунуме, пытавшегося сделать из меня воина. Он

считал, что даже внебрачный принц должен желать искусно владеть холодным оружием.

Когда же я начинаю писать об Амброзиусе, он словно оказывается рядом. И сейчас он будто со мной. Его выхватывает из темноты свет. Моя первая морозная ночь в Малой Британии. Я вижу тяжелые очертания человека в шлеме, твердый взгляд его глаз, нахмуренные брови. На выражение лица наложилась отпечаток всепоглощающая непреклонная воля, на целых двадцать лет приковавшая его взор к закрытому для него королевству. Двадцать лет у него ушло, чтобы из ребенка вырастить в Идущего, создать, невзирая на бедность и слабость, ударные силы, ждущие своего часа.

Сложнее писать о Ютере. Точнее, сложно писать о Ютере, так как он остался в прошлом, стал частью истории, завершившейся много-много лет назад. Я представляю его ярче, чем Амброзиуса. Но не в темноте. Здесь, в темноте, находится часть меня, которая была Мирдином. Часть меня, бывшая Ютером, подвластна свету. Она охраняет берега Британии, следуя моему замыслу, замыслу, показанному мне Галапасом в один из солнечных дней в Уэльсе.

Но это, конечно, уже не Ютер. Я пишу не о нем, а о человеке, объединившем всех нас, вместе взятых, — Амброзиусе, давшем мне жизнь, Ютере, трудившемся со мной, о себе, который нашел Ютеру применение — дать Британии Артура.

Время от времени из Британии приходили известия, а вместе с ними и вести из дома, попадавшие к нам от Горлуа из Корнуола.

Похоже, что после смерти моего деда Камлак не стал спешить отталкиваться от своего родственника Вортигерна. Ему требовалось больше уверенности, прежде чем поддержать «партию молодых», как окрестили группировку Вортимера. Вортимер едва не пошел на открытый мятеж, и было ясно, последний рано или поздно начнется. Король Вортигерн оказался снова между оползнем и потопом. Для того чтобы остаться королем бриттов, он должен был обратиться за помощью к соотечественникам жены — саксонки. Год от года саксы-наемники выдвигали все новые требования. Страна находилась в расколе и истекала кровью под бременем того, что люди открыто называли «саксонским террором». На западе все это проявлялось особенно наглядно. Люди оставались там свободными, и для мятежа не хватило лишь настоящего лидера. Положение Вортигерна становилось столь отчаянным, что (вопреки своим расчетам) ему постоянно приходилось перебрасывать войска с запада под командование Вортимера и его братьев. Уж в них-то не было примеси саксонской крови.

Сообщений о матери не поступало, кроме известий, что она находится в монастыре в безопасности. Амброзиус не

передавал ей посланий. Если бы до нее дошло, что с Графом Британии находится некий Мерлину́с Амброзиус, то она все поняла бы. Но письмо или послание от противника короля могло лишний раз подвергнуть ее жизнь опасности. Она узнает, — говорил Амброзиус, — и достаточно скоро.

В действительности же до этого момента оставалось еще пять лет, но... время стремительно летело. Когда в Уэльсе и Корнуоле стали назрывать события, Амброзиус ускорил свои приготовления. Если уж народу на западе потребуются лидер, то у него были все намерения стать таковым. Он выждет и позволит Вортимеру стать тем клином, которым они с Ютером расширят образовавшуюся трещину. Тем временем обстановка в Малой Британии нагнеталась. К Амброзиусу обращались все с новыми и новыми предложениями дать войска, заключить союз. Округа сотрясалась от топота лошадей и марширующих людей. В кварталах инженеров и оружейников до поздней ночи не смолкал перезвон. Люди старались за одно и то же время сделать два оружия вместо одного. Приближался решающий момент. Когда он наступит, Амброзиус должен быть во всеоружии, без намеков на поражение.

Человеку нельзя потратить полжизни на создание смертоносного копья и потом потерять его, бросив наугад в ночную тьму. Не только люди и средства, но время, настрой и даже ветер должны помочь ему. Сами боги должны открыть перед ним ворота. Именно для этого они и послали меня к нему. Я вовремя предстал перед ним со словами победы и видением непобежденного бога, которое убедило его и, что еще важнее, находившихся с ним воинов, что приближается наконец тот час, когда они смогут нанести победный удар. К своему страху я обнаружил, что он меня ценит.

Будьте уверены — я больше никогда не спрашивал его, какое он собирается найти мне применение. Он сказал об этом без обиняков. Терзаемый гордостью, страхом и желанием, я старался познать все, чему мог вообще быть научен, сделать себя доступным силе, которая была единственным, что я мог дать ему. Если он ожидал иметь под рукой готового пророка, то ему, вероятно, пришлось разочароваться. В прошедшем периоде времени я не видел ничего особенного. Знание, по-моему, препятствует предвидению. Это же было временем познания. Я учился у Белазиуса, пока не превзошел его, научившись делать то, чего он никогда не умел, — применять расчеты. Для Белазиуса расчеты являлись видом искусства, для меня таковым было пение. Долгие часы я проводил в квартале инженеров, пока меня оттуда не вытаскивал ворчащий Кадал. Такие занятия, говорил он, позволяют водить компанию только с банной прислугой, не больше. Я записал на память всю медицинскую науку, которую преподавал мне Галапас, добавив кое-что из практического опыта, который приобрел, помогая военным медикам. Я обладал полной свободой перемещений по городу и

лагерю. Используя имя Амброзиуса, я, как молодой волк, наслаждался имеющейся свободой. Учился я и у каждого встречного. Вглядывался, как обещал, в свет и тьму, в солнечный свет и неподвижную воду. Побывал с Амброзиусом в святилище Митры у фермы и с Белазиусом на лесных сборищах. Мне даже позволили присутствовать на совещаниях, проводившихся Графом со своими командирами, хотя никто не питал иллюзий в отношении моих скудных военных способностей. Если только, сказал однажды насмешливо Ютер, он не вознесется над нами, подобно Джошуа, и не придержит солнце, дав поработать нам на полную катушку. Но шутки в сторону. Для людей он нечто среднее между посланцем Митры и осколком священного креста. Не при вас будь сказано, брат, но он принесет больше пользы, стоя на холме в качестве талисмана удачи, нежели на поле боя, где он не продержится и пяти минут. Он мог бы выразиться и похлеще, учитывая, что в шестнадцать лет я забросил ежедневные упражнения в фехтовании, дававшие человеку необходимый минимум навыков самозащиты. Узнав об этом, отец рассмеялся и ничего не сказал. Уже тогда он, в отличие от меня, знал, что я способен защитить себя по-своему.

Итак, я учился у всех. У старух, собиравших растения, паутину и водоросли на лекарства, у бродячих торговцев, у лекарей-шаманов, у ветеринаров, предсказателей, священнослужителей. Я слушал разговоры воинов у таверн, речи командиров в отцовском доме, мальчишескую болтовню на улицах. Но существовала одна вещь, о которой я не знал ничего. К тому времени, когда я в 17 лет покинул Малую Британию, для меня загадкой были женщины. Когда я задумывался о них, что происходило довольно часто, то говорил себе, что у меня мало времени, впереди жизнь, а сейчас предстоят дела поважнее. Сейчас мне кажется, правда заключалась в том, что я их боялся. Я ушел с головой в работу. Страх же, я думаю с высоты сегодняшнего дня, шел от бога.

Я ждал и занимался своим делом, заключавшимся, как я думал тогда, в том, чтобы служить моему отцу.

Однажды я, как обычно, посетил мастерскую Треморинуса, главного инженера, учившего меня всему, что знал сам. Он отвел мне в мастерской место и дал материал для экспериментов. Тот день я помню особенно хорошо. Треморинус вошел в мастерскую и увидел меня сидящим на угловой скамье. Я склонился над небольшой моделью. Он подошел посмотреть и, увидев, чем я занят, рассмеялся.

— Я-то думал, что в округе их достаточно и дальше ставить некуда.

— Мне просто интересно, как их установили. — Я опрокинул масштабную копию каменного изваяния.

Треморинус удивился, и я знал почему. Он прожил в Малой Британии всю свою жизнь и, как и все ее жители, уже не обращал внимания на стоящих повсюду каменных

истуканов. Большинству людей, проходивших сквозь их строй, они казались мертвыми. Но не мне. Для меня они что-то сообщали, и предстояло узнать что.

— Пытаюсь попробовать сделать это в малом масштабе, — лишь ответил я.

— Сразу могу сказать одно: уже пробовали — не получается. — Он поглядел на блок, который я приспособил для поднятия модели. — Блоки годятся для колонн, да и то легких.

— Нет. У меня была идея... Я собирался подойти к этому с другой стороны.

— Зря тратишь время. Займись лучше чем-нибудь, что нужно нам. Вот, например, стоило бы развить твою идею о создании небольшого передвижного крана.

Через несколько минут его позвали. Я разобрал модель и сел за новые расчеты, которых Треморинус даже не видал. У него есть заботы поважнее. В любом случае он рассмеялся бы, если бы услышал, что способ подъема стоячих камней я узнал от поэта.

А произошло это так.

Как-то за неделю до нашего разговора я гулял у водного рва, окружавшего стены города, и услышал поющего человека. Голос был старческий, дребезжащий, охрипший от многолетнего пения, голос профессионального певца. Однако мое внимание привлек не голос и не мелодия, которую невозможно было уловить, а упоминание моего собственного имени:

*«Мерлин, Мерлин, куда лежит твой путь?
Куда идешь ты в рань такую
Со своей черною собакой?»*

Он сидел у моста с чашей для подаваний. Было видно, что певец слеп, но голос его звучал четко. Услышав, что я остановился рядом, он не проявил признаков волнения или смущения, а продолжал сидеть, склонившись над лирой и перебирая пальцами струны, словно нащупывал ноты. Насколько я мог судить, ему приходилось петь перед королями.

*Мерлин, Мерлин, куда ты идешь
так рано днем со своей черной собакой?
Я ищу яйцо,
красное яйцо морского змея,
лежит оно у берега в камне пустом.
А я иду собирать кресс-салат на лугу,
зеленый кресс-салат и золотые травы,
золотистый мох усыпляющий
и омелу, что высоко на дубу, на жреческом суку,
у бегущей воды в дремучем лесу.
Мерлин, возвращайся из леса, от источника,*

*оставь дуб и золотистые травы,
оставь кресс-салат на затвном лугу
и красное яйцо морского змея
в морской пене у пустого камня!
Мерлин, Мерлин, оставь свои искания,
нет никого выше бога!
Мерлин, Мерлин, куда лежит твой путь
в такую рань, с тобой твоя черная собака.
Я ищу яйцо,
Морского змея красное яйцо.
Лежит оно у берега в камне пустом.
А я иду собирать кресс-салат на лугу,
зеленый кресс-салат и золотые травы,
золотистый мох усыпляющий
и омелу, что высоко на дубу, на жреческом суку,
у бегущей воды в дремучем лесу.*

Сегодня эта песня получила распространение под названием «Песня Девы Марии», или «Король и серая ива». Но тогда я впервые услышал ее. Узнав, кто остановился его послушать, певец выразил удовольствие. Я присел к нему и задал несколько вопросов. Мне помнится, что в то утро мы говорили большей частью о песне, а потом уж о нем самом. Он рассказал, что еще молодым побывал на Моне — острове друидов, знает Кэрнарвон, ездил в Сноудон. Зрение потерял на острове друидов, но не сказал как. Когда я поведал, что морские водоросли и кресс-салат, которые я собираю на берегу, являются лекарственными растениями, а не волшебными средствами, он улыбнулся и пропел стихотворение, услышанное мною от матери. По его словам, оно должно быть защитой. От чего, он не сказал, да и я не стал спрашивать. Я положил ему в чашу деньги, принятые им с достоинством, и пообещал найти ему новую лиру. Он замолчал, глядя в пространство пустыми глазницами. Я понял, что он не поверил мне. Лире я принес на следующий день. Мой отец был достаточно щедр, и мне не было необходимости говорить ему, на что я трачу деньги. Когда я вложил лиру в руки старого певца, он заплакал. Потом он взял мои руки и поцеловал их.

После этого случая, вплоть до отъезда из Малой Британии, я часто встречался с ним. Он исколесил весь свет, его дороги пролегали от Ирландии до Африки. Он научил меня песням всех стран — Италии, Галлии, снежного севера, древним песням Востока. Восточные напевы принесли на запад люди с островов, расположенных на востоке. Они и подняли каменные изваяния. В своих песнях они оставили давно забытые знания. Не думаю, что для старого певца они были чем-то иным, нежели старые волшебные песни, поэтические сказания. Но чем больше я вникал в их смысл, тем больше они говорили

мне о живших в действительности людях, о поставленных величественных памятниках, славивших их богов и королев-гигантов прошлого.

Один раз я сказал об этом Треморинусу, но он рассмеялся и свел все к шутке. Больше я не поднимал эту тему. Мастерам Амброзиуса приходилось в те дни ломать голову более чем достаточно. Не хватало им еще помогать мальчишке с расчетами, не имевшими для предстоящей высадки никакого практического значения. Так оно и осталось.

Весной того года, когда мне исполнилось восемнадцать лет, из Британии наконец пришли вести. В январе и феврале зима закрыла для людей море, и лишь в начале марта, воспользовавшись последним зимним затишьем перед началом штормов, в порт вошло небольшое торговое судно, принесшее извонившее всех известие.

Через несколько часов после прибытия судна на север и восток понеслись курьеры Графа собирать его союзников.

Вортимер в конце концов порвал со своим отцом и саксонской королевой. Устав упрашивать Верховного короля бриттов бросить союзников — саксов и защитить от них собственный народ, несколько британских лидеров, включая людей с запада, убедили Вортимера взять дело в свои руки. Они объявили его королем и призвали всех под его знамена сражаться с саксами. Саксов отпесили к юго-востоку и вынудили их в поисках убежища переплыть на своих длинных ладьях на остров Тенет. Вортимер продолжал преследовать их и там. Они запросили пощады и молили разрешить им с миром вернуться обратно в Германию. Разрешение было получено, и саксы отплыли, оставив в Британии своих жен и детей.

Но победоносное царствие Вортимера не продлилось долго. Прошел слух, что его предательски отравил приближенный королевы. Как бы там ни было, Вортимера нашли мертвым, и его отец Вортигерн снова вернулся на престол. Первым делом (что опять приписывают его жене) он послал за Хенгистом и его саксами, призывая их вернуться в Британию. Как он сказал, «с небольшими силами, небольшими, но боевитыми, необходимыми для поддержания мира и единства в его раздробленном королевстве». По слухам, саксы собрались выставить триста тысяч человек. Даже если слухи были неверными, не оставалось сомнений, что Хенгист намеревался взять с собой немало войск.

Были новости и из Маридунума. Дошедшие до нас известия скорее представляли преувеличенные слухи, к тому же достаточно худые. Согласно им, Камлак со своей знатью, людьми моего деда, принял сторону Вортимера. Они вместе с ним участвовали в четырех решающих битвах с саксами. Во второй из них, при Эписфорде, Камлака убили, погиб и Катигерн, брат Вортимера. Меня больше волновало то, что после смерти Вортимера начались гонения на его сторонников.

Вортигерн присоединил к собственным землям Гвента королевство Камлака. Как и двадцать пять лет назад, он взял заложниками детей Камлака, один из которых — еще грудной ребенок. Они были отданы на попечительство королеве Ровене. Мы никак не могли узнать теперь, что с ними. Не знали мы и о сыне Олуэн, который подвергся той же участи. Жив ли он? Вряд ли. О моей матери известий не было.

Через два дня после получения новостей начались весенние штормы. Снова море стало преградой. Но это почти не имело значения, так как в Британии тоже не располагали известиями о нас, об ускоренно завершающейся подготовке вторжения в Западную Британию. Сомнений не было — час настал. Задача состояла не только в том, чтобы пройти освободительным походом по Уэльсу и Корнуолу, но и собрать там оставшихся союзников Красного Дракона. В наступившем году Красному Дракону предстоит сражаться за свою корону.

— Вернешься с первым кораблем, — сказал мне Амброзиус, не отрывая взгляда от карты, расстеленной перед ним на столе.

Я стоял у окна. Несмотря на запертые ставни и задернутые шторы, я слышал шум ветра. Занавески колыхались, подхваченные сквозняком.

— Да, сэр, — ответил я и подошел к столу. — Поседу в Маридуном? — Я заметил, что его палец остановился в какой-то точке на карте.

— Сядешь на первый корабль, отходящий на запад, и, где бы он ни причалил, доберешься до дома. Первым делом отправишься к Галапасу и узнаешь новости. Сомневаюсь, чтобы тебя узнали в городе, но лучше не рискуй. У Галапаса тебе ничего не грозит. Можешь у него обосноваться.

— Из Корнуолла нет вестей?

— Никаких, не считая слуха, что Горлуа принял сторону Вортигерна.

— Вортигерна? — мне потребовалось время, чтобы осмыслить. — Он не поднялся вместе с Вортимером?

— Насколько мне известно, нет.

— Он лавирует?

— Возможно. Хотя мне трудно поверить. Понятное дело, у него молодая жена. Или он предвидел участь Вортимера и предпочел присоединиться потом ко мне, оставив видимость лояльности Верховному королю. Пока же не узнаю, мне нельзя открыто выходить на него. За ним могут следить. Поэтому езжай к Галапасу и собирай уэльские новости. Мне сказали, что Вортигерн окопался тоже где-то там, оставив Хенгисту незащищенной восточную часть Британии. Придется сначала выкуривать этого старого волка, а потом уж объединять силы Запада против саксов. Делать все придется быстро. Мне нужно звать Карлеон. — Амброзиус поднял голову. — Я пошлю с тобой твоего старого приятеля — Маррика. Известия

для меня можешь передавать с ним. Будем надеяться, что тебе удастся узнать максимум. Тебе, наверное, и самому интересно.

— Могу подождать, — ответил я.

Он промолчал и лишь приподнял бровь, затем вернулся к карте.

— Ладно, садись. Проинструктирую тебя. Надеюсь, в скором времени ты отплывешь.

Я показал на качающиеся занавески.

— Меня будет мутить всю дорогу.

Он рассмеялся.

— Клянусь Митрой, об этом я не подумал. Может, и меня тоже? Чертовски недостойное возвращение на родину.

— В свое королевство, — уточнил я.

2

Я пустился в плавание в начале апреля, и на том же самом судне. Однако на этот раз путешествие разительно отличалось от предыдущего. Путешествовал не Мирдин-беглец, а Мерлинус, хорошо одетый молодой римлянин, располагавший деньгами и слугами. На том же корабле, на котором голого Мирдина держали взаперти, у Мерлинуса была удобная каюта и почтительное обращение. Мне прислуживали Кадал и, к моему удивлению, Маррик (Ханно погиб, превзойдя себя самого в пустячном дельце, связанном с шантажом). Я, естественно, расстался с внешними признаками своей принадлежности к Амброзиусу, хотя ничто не могло заставить меня снять подаренную им брошь. Я носил ее у плеча, прикрепленной к тунике изнутри. Вряд ли кто-нибудь признает во мне того беглеца, виденного пять лет назад, даже капитан не подавал виду. Но я держался в стороне и говорил только на бретанском.

Если повезет, судно поднимется прямо к реке Тайви и бросит якорь в Маридунуме. Заранее было установлено, что я и Кадал высадимся на входе в устье.

В одном оба плавания совершенно не отличались. Всю дорогу меня преследовала морская болезнь. То, что теперь я занимал удобную каюту и мне прислуживал Кадал (я был избавлен от старых мешков и ведра), не имело для меня никакого значения. Как только корабль вышел в Малое море и начал бороться с ветреной апрельской погодой, я сменил свою бравую позу на носу на лежание в каюте.

Нам сопутствовал хороший ветер, и в начале апреля мы до рассвета вползли в устье и бросили якорь.

Занималась заря, стояли холод и туман. Было очень тихо. Начинаясь прилив, поднимавшийся до самого устья. Наша лодка отошла от корабля. Далеко раздавался звонкий переклик

петухов. Где-то в тумане блеяли ягнята, им отвечали овцы. Воздух был чист и солен, неуловимо пахло домом.

Мы держались середины реки, скрытые от берега туманом. Разговаривали шепотом. Один раз на берегу залаяла собака, и послышался голос человека. Его речь была так явственна, словно он находился с нами в лодке. Подобного предупреждения было достаточно. Мы прекратили разговоры.

Прилив оказался по-весеннему сильным и быстро донес нас к реке. Это оказалось кстати, поскольку мы запоздали с прибытием и бросили якорь, когда уже начало светать. Гребцы тревожно посматривали наверх и налегали на весла. Напрягая зрение, я вглядывался в знакомый берег.

— Рад вернуться? — спросил Кадал на ухо.

— Зависит от того, что нас ждет. О, Митра, как я голоден.

— Неудивительно. — Он кисло рассмеялся. — Что ты высматриваешь?

— Там должна быть заводь. Белый песок и ручей, выходящий из-под деревьев. За ним холм, поросший сосняком. Пристанем там.

Он кивнул. План состоял в том, что я и Кадал высадимся под Маридунумом в месте, которое я укажу, и незамеченными выйдем на дорогу, выдавая себя за корнийцев. Говорить буду только я, поскольку акцент Кадала мог сойти за какой угодно, но только не корнийский. У меня имелось с собой несколько горшочков с мазями и лекарствами, и в случае необходимости я мог представиться странствующим лекарем. С подобной легендой можно было пройти везде.

Маррик остался на борту. Он сойдет на берег в городе, найдет своих старых знакомых и получит от них новости. Кадал отправится со мной к пещере Галапаса и передаст Маррику полученные мной сведения. Корабль будет стоять в Маридунуме три дня, после чего заберет Маррика с новостями. Встретимся ли мы с ним, будет зависеть от того, что мы обнаружим. Ни я, ни мой отец не забыли, что, после того как Камлак присоединился к мятежу, Вортигерн, должно быть, рыщет по Маридунуму, как лиса, в поиске разбежавшихся кур. Моей первой задачей было узнать о Вортигерне и послать вести Амброзиусу. Второй — найти мать и убедиться, что ей ничего не грозит.

Хорошо снова ступить на сушу! Пускай и не на такую сухую, поскольку на возвышенности росла высокая трава, вся покрытая росой. Как только лодка исчезла в речном тумане, я почувствовал легкость и волнение. Неприметными тропами мы вышли на дорогу. Не помню, что я ждал увидеть в Маридунуме. И не думаю, что меня это очень заботило. Я испытывал возбуждение не от возвращения домой, а от сознания факта, что выполняю задание Амброзиуса. Если я не мог послужить ему как пророк, то смогу выполнить

мужскую работу и по-сыновьи. По молодости я постоянно ждал, что меня попросят умереть за него.

Мы добрались до моста без происшествий. Нам сопутствовала удача — мы столкнулись с торговцем лошадьми, продававшим пару кляч. Я купил у него одну, поторговавшись ради приличия, чтобы не вызвать подозрения. Цена подходила, и он дал в придачу довольно потрепанное седло. Сделку мы завершили, когда стало совсем светло. Появились редкие люди, но никто не обращал на нас особого внимания. Обычно ограничивались беглым взглядом. Кроме одного парня. Тот, по-видимому, узнал лошадей, улыбнулся и обратился скорее к Кадалу, нежели ко мне.

— Далеко собираетесь на ней уехать?

Я притворился, что не расслышал, и заметил углом глаза, как Кадал протер руки, пожал плечами и показал на меня глазами: «Мол, я лишь следую за ним, несмотря на все его причуды».

Бечевник пустовал. Кадал догнал меня и положил руку на упряжь.

— Он прав. Эта развалина тебя не вывезет. Далеко ехать?

— Неблизко, насколько я помню. Шесть миль от города.

— И все в гору?

— Почти все время я ходил пешком. — Погладив рукой тощую шею кобылы, я добавил: — Лошадь не настолько плоха, как это может показаться. Пара хороших кормежек все поправит.

— Тогда надеюсь, что ты не зря потратил деньги. Что ты там видишь за стеной?

— Это место, где я жил.

Мы проезжали дом деда. Он совсем не изменился. Со спины клячи я мог заглянуть за стену на террасу, где росла айва. Ее яркие пламенные цветки уже раскрывались навстречу утреннему солнцу. А вот и сад, где Камлак дал мне отравленный абрикос. А вот ворота, через которые я выбегал в слезах.

Появился фруктовый сад, наливавшийся яблоневым цветом. Небольшую терраску, где сидела и пряла Моравик, а я играл у ее ног, окружала молодая зеленая трава. Здесь я перебрался ночью через дворцовую стену. Вот кривая яблоня, к которой я привязывал Астера. Стену разрушили, и в проеме виднелась жесткая трава. Этим путем я бежал в ту ночь из своей комнаты, оставив за собой погребальный костер и Сердика. Я остановил кобылу и перегнулся, всматриваясь. Да, в ту ночь я чисто сработал. Пристройки исчезли вместе с моей комнатой и частью внешнего двора. Конюшня стояла на месте. Пожар ее не тронул. Обе части колоннады разрушились и были отстроены заново в современном стиле, не имевшем никакого отношения к прошлому. Крупные неотесанные камни, здание грубых форм, квадратные столбы, несущие деревянную

крышу, квадратные глубокие окна. Смотрелось безобразно и неудобно. Единственным достоинством было то, что здание являлось хорошим укрытием от непогоды. С таким же успехом, подумал я, усаживаясь в седло и трогая лошадь, можно жить в пещере.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Кадал.

— Каким я стал римлянином. Смешно, но мой дом теперь не здесь. И сказать честно, по-моему, не в Малой Британии.

— Где же тогда?

— Не знаю. Там, где Граф. Это точно. Когда-нибудь им станет это место.

Я кивнул на старые римские казармы за дворцом. Они лежали в развалинах и выглядели опустевшими. К лучшему, подумал я. По крайней мере Амброзиусу не придется за них сражаться. Дайте Ютеру двадцать четыре часа, и место это станет как новенькое. А вот и монастырь Святого Петра, его не тронули ни пожар, ни война.

— Знаешь что? — обратился я к Кадалу, когда мы миновали монастырскую стену и направились по тропинке к мельнице. — Если где у меня и есть дом, так это пещера Галапаса.

— Звучит отнюдь не по-римски, — заметил Кадал. — Дай мне хорошую таверну, открытую в любой день, приличную постель и немного баранины на пропитание и можешь оставить себе все пещеры на свете.

Даже верхом на этой жалкой кляче путь показался гораздо короче, чем я помнил. Скоро мы доехали до мельницы и свернули с дороги в долину. Время будто остановилось. Словно только вчера я проезжал по залитой солнечным светом долине, и ветер трепал серую гриву Астера. И не только Астера. Вон под тем же боярышником сидит мальчик-полуумок, пасущий тех же овец, как и в первую мою поездку. Доехав до развилки, я поймал себя на том, что ищу глазами вяхиря. На склоне холма была тишина. Лишь кролики сновали в зарослях молодого папоротника.

То ли кобыла почувствовала конец пути, то ли ей понравилась мягкая трава под ногами и легкость груза, она ускорила шаг. Впереди уже виднелся изгиб холма, за которым находилась пещера.

Я бросил поводья на куст боярышника.

— Вот мы и на месте. Она там, на утесе. — Я соскользнул с седла и бросил поводья Кадалу. — Останься здесь и подожди меня. Можешь подойти через час.

Подумав немного, добавил:

— Не беспокойся, если увидишь наверху подобие дыма. Это вылетают летучие мыши.

Я уже забыл, как Кадал делает знак против нечистой силы. Теперь он сделал его и тем рассмешил меня.

Еще прежде, чем обойти невысокий гребень и выйти на лужайку перед входом в пещеру, я уже почти все знал. Назовите это предвидением. Просто не было признака. Тишина. Но тишина стояла всякий раз, когда я подходил к пещере. Теперешняя тишина отличалась. Только спустя немного я понял, в чем дело. Не журчал источник.

Тропинка закончилась. Я прошел по траве и увидел. Можно было не заходить в пещеру, чтобы узнать, что его там нет и никогда не будет.

На мягкой траве перед входом в пещеру были разбросаны какие-то обломки. Я подошел поближе.

Все произошло не так давно. Здесь жгли костер, затушенный дождем до того, как все сгорело. На кострище высилась грудa мокрого хлама: полуобгорелое дерево, лохмотья, пергамент, превратившийся в бесформенную массу, почерневшую по краям. Я перевернул ногой ближний ко мне кусок обугленной древесины. По резьбе догадался, что раньше это был сундук, в котором хранились его книги, а пергамент — это все, что осталось от свитков.

Наверное, в обломках среди хлама валялись и другие его вещи. Я не стал смотреть. Если пропали книги, значит пропало все, и Галапас тоже.

Я медленно подошел ко входу в пещеру. Задержавшись у источника, понял, почему пропал звук. Кто-то забросал его камнями, землей и рухлядью из пещеры. Но все-таки вода медленно просачивалась из камня, размывая земляную грязь.

Странно, но высоко на уступе у входа в пещеру сохранился сухой факел. Хотя под руками не было ни кремня, ни огнива, я разжег огонь и, высоко держа факел, вошел.

По коже побежали мурашки. Из пещеры дул холодный ветер. Я знал, что меня ждет.

Из пещеры все вынесли. Все выбросили наружу, чтобы потом спалить на костре. За исключением бронзового зеркала. Оно не горело и было слишком тяжелым, чтобы унести с собой. Его сорвали со стены, и оно, накренясь, теперь стояло на земле. Больше ничего. Даже шума и шепота летучих мышей. Пещера пустовала.

Я высоко поднял факел и поискал глазами хрустальный грот. Его тоже не было.

Факел успел несколько раз мигнуть. Мне подумалось, что он замаскировал вход в него, а сам ушел в убежище. Потом я увидел. Проем, открывавший вход в хрустальный грот, остался на месте. Но случай, называйте это как хотите, сделал его невидимым для непосвященных. Упавшее зеркало, бросавшее на вход отраженный свет, отражало теперь темноту. Свет от входа в самую пещеру падал на стену, бросавшую на хрустальный грот тень.

Для занимавшихся внизу мародерством и разрушением он оставался незаметным.

— Галапас? — обратился я в пустоту. — Галапас?

Из хрустального грота донесся легкий свист, тихое неестественное жужжание, похожее на слышанную мной в ночи музыку. Человеком и не пахло. Этого я не ожидал. Но все же забрался на уступ, встал на колени и вгляделся в темноту.

В свете факела показались кристаллы и моя лира, стоявшая за освещенным шаром. Она была совершенно невредима. И ничего больше, не считая угасавшего в блестящих стенах шума. Во вспышках и бликах света там должны быть видения, но сейчас мне неподвластны они. Я оперся рукой о камень и спрыгнул на пол. Пламя факела заколебалось. Проходя мимо покосившегося зеркала, я поймал в нем отражение высокого юноши. Его лицо было бледно, черные глаза расширены. Я выбежал на траву, забыв про пылающий факел. Сложив ладони рупором, я приготовился позвать Кадала, но звук, донесшийся сзади, заставил меня резко обернуться и посмотреть наверх.

С холма поднялись два ворона и черная ворона и принялись сердито каркать на меня.

На этот раз не спеша я взобрался по тропинке мимо источника на холм над пещерой. Не прекращая каркать, вороны набрали высоту. Из кустов молодого папоротника взлетела еще пара ворон. Остальные продолжали возиться среди цветущего боярышника.

Я размахнулся и швырнул в них горящим факелом.

Трудно сказать, сколько времени он был мертв. Я узнал его по выцветшим коричневым лохмотьям, трепещущим под скелетом. В апрельских маргаритках валялся старый сломанный сандалий. Кисть отломилась от руки, и белые хрупкие кости лежали теперь рядом с моей ногой. Был виден сломанный мизинец, криво вправленный на место. Сквозь пустую грудную клетку начала прорастать апрельская трава. Воздух был чист и наполнен светом. Пахло цветущим утесником.

Факел уткнулся в свежую траву. Я наклонился и поднял его. Не следовало бросать им в птиц. Они устроили ему подходящие проводы.

Я обернулся, услышав шаги. Это был Кадал.

— Увидел, как взлетели птицы, — сказал он и поглядел на останки под боярышником. — Галапас?

Я кивнул.

— Беспорядок у пещеры говорит сам за себя. Я догадался.

— Не думал, что пробыл здесь так долго.

— Доверь это дело мне. — Он наклонился. — Похороню его. Иди и подожди меня там, где мы оставили лошадей. Я посмотрю какой-нибудь инструмент.

— Нет, пускай лежит с миром под боярышником. Мы соорудим над ним насыпь, которая и поглотит его. Займемся этим вместе, Кадал.

Кругом было достаточно камней, чтобы соорудить могильный курган. Кинжалами мы нарезали дерна и положили его сверху. В конце лета он прорастет папоротником, наперстянкой и молодой травой, которые послужат ему саваном. Здесь мы и оставили его.

Спускаясь с горы, я припомнил, когда последний раз проходил здесь. Тогда я горько оплакивал смерть Сердика, потерю матери и Галапаса. Кто знает, что готовит нам будущее? «Ты еще увидишь меня, — сказал он. — Обещаю тебе». Да я увидел его. Когда-то по-своему сбудется и его другое обещание.

Я вздрогнул и поймал на себе быстрый взгляд Кадала.

— Надеюсь, ты додумался взять с собой флягу, — отрывисто проговорил я. — Мне надо сделать глоток.

4

Кадал взял нечто больше, чем флягу. Он принес еды — соленую баранину, хлеб и оливки последнего урожая в собственном масле. Мы остановились у леса с его подветренной стороны и приступили к трапезе. Рядом паслась кобыла, далеко внизу безмятежно текла река, блестящая среди папорельски зеленеющих полей и поросших молодняком холмов. Туман развеялся, стоял прекрасный солнечный день.

— Ну, — сказал в конце концов Кадал, — что будем делать?

— Отправимся к моей матери. Если, конечно, она еще там. Клянусь Митрой, я бы дорого дал за то, чтобы узнать, кто это сделал! — добавил я с неожиданной для самого себя яростью.

— Кто же, кроме Вортигерна?

— Вортимер, Пасентиус, кто угодно. Когда человек мудр, добр и хорош, — добавил я с горечью, — кажется, что все подряд против него. Галапаса мог убить бандит из-за пищи, пастух из-за жилья, проходивший мимо воин ради глотка воды.

— Но это не убийство.

— Что же это?

— Я имею в виду, что это сотворил не один. Человеческая стая во много крат хуже человека-одиночки. Думаю, что это были люди Вортигерна, возвращавшиеся из города.

— Наверно, ты прав. Я узнаю.

— Думаешь, у тебя получится увидеть мать?

— Попытаюсь.

— Он... У тебя есть послание для нее? — подобный вопрос мог быть задан Кадалом лишь в силу существовавших между нами отношений.

— Если ты подразумеваешь, не просил ли Амброзиус передать ей что-нибудь, нет, — просто ответил я. — Он доверил это мне. Что я ей скажу, зависит целиком и полностью от того, что здесь произошло за время моего отсутствия. Сначала пого-

ворю с ней, а потом решу, что сказать. Со временем привязанности меняются. Посмотри на меня. Мы расстались, когда я был ребенком. У меня остались лишь детские воспоминания. Теперь мне кажется, что я совершенно не понимал ее, ее мысли и желания. Ее привязанности могут заключаться совершенно в разном, не только в церкви. Она может по-другому думать об Амброзиусе. Боги ведают, что она не виновата, если стала мыслить иначе. Она ничего не должна Амброзиусу и позаботилась об этом с самого начала.

— Монастырь не тронули, — задумчиво проговорил Кадал, глядя в зеленую даль, прорезанную блестящей ленточкой реки.

— Верно. Вортигерн пощадил монастырь. Мне предстоит узнать, кто в чьем лагере находится, прежде чем отправлять сообщение. Что бы матери ни было известно за все прошедшие годы, ей не повредит неведение в течение непродолжительного срока. Что бы ни происходило перед высадкой Амброзиуса, я не должен рисковать, раскрывая все карты.

Кадал начал собирать остатки еды, а я задумчиво глядел в светлую даль.

— Довольно просто выяснить, где сейчас находится Вортигерн, — произнес я медленно, как бы размышляя вслух. — Высадился ли уже Хенгист, сколько с ним людей. Маррик узнает это без особого труда. Но Граф поручил мне выведать еще кое-что, чего не узнать в монастыре, а Галапас мертв. Придется поискать. Подождем здесь до сумерек и спустимся к Святому Петру. Мать скажет мне, к кому можно безбоязненно обратиться. — Я поглядел на Кадала. — Какому бы королю она ни оставалась верна, она не выдаст меня.

— Да. Будем надеяться, ей разрешат повидаться с тобой.

— Если ей станет известно, кто хочет с ней встретиться. Представляю, как настоятельница будет ее отговаривать. Не забывай, что она остается королевской дочерью. — Я откинулся на траву, заложив руки за голову. — Даже если я пока не считаюсь королевским сыном...

Но кем бы я ни был, в монастырь мне так просто не пройти.

Я не ошибся, полагая, что монастырь не понес ущерба. Вдалеке виднелись его целые и нетронутые стены. Новые крепкие ворота были окованы железом и наглухо закрыты. Снаружи даже факел не горел. В ранних сумерках узкая неосвещенная улочка пустовала. В ответ на наш стук в воротах открылось небольшое квадратное окошко, и за решеткой показался глаз.

— Мы путешественники из Корнуолла, — тихо сказал я. — Мне надо обязательно переговорить с леди Нинианой.

— С кем? — спросил монотонный и вялый голос, принадлежащий, видно, глухому человеку. Раздраженно подумав, зачем ставить у ворот глухих привратниц, я повысил голос.

— С леди Нинианой. Я не знаю, какое у нее теперь имя. Она приходилась покойному королю сестрой. Она еще у вас?

— Да, но она никого не принимает. У вас письмо? Она прочтет.

— Нет, я должен с ней переговорить. Идите и скажите, что это один из ее родственников.

— Родственников? — в глазах привратницы мелькнул интерес. — Они почти все умерли от страха или сгинули. Разве в Корнуолле неизвестно? Ее брат погиб в прошлом году в битве, его дети у Вортигерна. Ее собственный сын мертв пять лет.

— Знаю. Я не из семьи ее брата и так же верен Верховному королю, как и она сама. Передайте ей это. И, подождите, вот вам за ваше старание.

Я передал через решетку кошелек, тут же схваченный по-обезьяньи ловко.

— Ладно, передам. Как вас зовут? Не ручаюсь, что она согласится, но я скажу ей ваше имя.

— Меня зовут Эмрис, — я поколебался. — Она меня знает. Передайте ей это, и быстро. Мы будем ждать здесь.

Минут через десять я услышал возвращающиеся шаги. Подумал, что мать, но это оказалась та же старуха. На решетку легла скрюченная рука.

— Она встретится с вами, но не сейчас, молодой господин. Вам нельзя входить. Не сможет выйти и она, пока идет молитва. Она сказала, что встретит вас на тропинке у реки. В стене есть еще одни ворота, но вас никто не должен видеть.

— Ладно. Мы будем осторожны.

В темноте виднелись белки глаз, пытавшихся рассмотреть меня.

— Она сразу вас узнала. Эмрис? Не волнуйтесь. Мы живем в беспокойные времена, и чем меньше сказано, тем лучше, о чем бы ни шла речь.

— Когда?

— Через час после восхода луны. Вы услышите колокол.

— Буду ждать, — сказал я, но решетку уже захлопнули.

Над рекой снова поднимался туман. Кстати, — подумал я. Мы тихо спустились по улочке, огибавшей монастырь. Она уводила прочь от остальных улиц и вела к бечевнику.

— Что теперь? — спросил Кадал. — До восхода луны еще два часа. Глядя же на небо, вообще ничего не увидеть. Не рискуешь появиться в городе?

— Нет. Но и ждать под этой изморосью нет смысла. Найдем местечко посуше, откуда можно будет услышать колокол. Пойдем.

Ворота конного двора были заперты. Я не стал тратить время и пошел к фруктовому саду. Во дворце — ни огонька. Мы перебрались через пролом и по мокрой траве прошли в сад моего деда. Воздух пропах сырой землей, молодой зеленью,

мятой, шиповником и мхом. Побегги сгибались под тяжестью росы. Наши ноги давили не собранные в прошлом году плоды. Сзади хлопали незакрытые ворота.

Колоннада пустовала. Двери и оконные ставни были плотно закрыты. Стояла темень, в которой слышалось лишь шуршание крыс. Следов разрушений не видно. Взяв город, Вортигерн, наверное, решил оставить дворец себе и убедил саксов не подвергать его разграблению. Из-за страха перед епископами он пощадил и монастырь. Тем лучше для нас. Мы должны устроиться в сухом и удобном месте. Моя учеба у Треморинуса прошла бы даром, если бы я не мог отпереть во дворце любой замок.

Я собирался сказать об этом Кадалу, когда из-за угла неожиданно пружинистой крадущейся походкой вышел молодой человек. Увидев нас, он остановился как вкопанный, его рука потянулась к поясу. Кадал не успел вытащить свой кинжал, как парень, внимательно всмотревшись в меня, воскликнул:

— Мирдин! Клянусь святым дубом!

Какое-то время я не мог узнать его, что и понятно, он был не старше меня и за пять лет имел возможность измениться не меньше моего. И здесь я узнал его. Широкие плечи, выдающаяся челюсть, рыжие волосы. Диниас. Он стал принцем и королевским отпрыском, когда все считали меня безымянным побочным сыном. Мой «кузен» Диниас, не признававший между нами родственных уз, претендовавший на титул принца и получивший его.

От принца в нем мало что было. В угасающем свете я различил его одежду — не лохмотья, но что-то похожее на купеческие обноски. Он носил лишь одно украшение — медное кольцо за запястье. На нем была накидка из хорошей материи, но грязная и с обтрепанными краями. Пояс — из обыкновенной кожи, рукоятка меча — самая незатейливая. Он производил несколько убогое впечатление. Видно, человек перебивался, экономя изо дня в день, от еды к еде.

Несмотря на происшедшие с ним изменения, он оставался моим кузеном Диниасом. Поскольку он узнал меня, не было никакого смысла убеждать его в обратном. Я улыбнулся и протянул ему руку.

— Здравствуй, Диниас. Ты сегодня первый знакомый, кого я вижу.

— Клянусь богами, что ты здесь делаешь? Все говорили, что ты мертв, но я не верил.

Он наклонил вперед свою крупную голову, всматриваясь в меня бегающими глазами.

— Где бы ты ни был все это время, но выглядишь ты ничего. Когда ты вернулся?

— Мы приехали сегодня.

— Тогда тебе известны новости?

— Знаю, что Камлак мертв. Жаль... тебе, наверное, тоже. Нас нельзя назвать друзьями, но дело не в политике. — Я остановился, давая ему возможность продолжить. Уголком глаза заметил, что Кадал настороже и не снимает руки с бедер. Я спокойно опустил свою руку, и тогда он тоже расслабился.

Диниас поднял плечо.

— Камлак? Он дурак. Я говорил ему, откуда прыгнет волк.

На протяжении всего разговора его глаза напряженно всматривались в темноту. Похоже, что в последнее время люди в Маридууме стали осторожнее. Наконец он перевел на меня свой настороженный и подозрительный взгляд.

— А чем ты здесь занимаешься? Что тебя привело сюда?

— Повидаться с матерью. В Корнуоле до нас доходили лишь слухи о сражениях. Прослышав, что Камлак и Вортимер погибли, мне захотелось узнать, что же происходит дома.

— Она жива. Верховный король, — Диниас повысил голос, — чтит церковь. Хотя сомневаюсь, что тебе позволят повидаться с ней.

— Наверное. Я ходил в монастырь, но меня не пустили. И все-таки останусь здесь на несколько дней, передам ей послание. Если мать захочет увидеть меня, она найдет способ. Но хорошо хоть, что она в безопасности. Мне действительно повезло, что мы встретились. Ты расскажешь мне об остальных событиях. Я совершенно не представлял себе, что меня здесь ждет. Сегодня утром незаметно приехал сюда со своим слугой.

— Уж точно, что незаметно. Подумал: вору. Вам повезло, что я вас сначала не прижучил.

Это говорил прежний Диниас. В его голосе зазвучала угроза — естественная реакция на мой мягкий, извиняющийся тон.

— Мне ничего не грозило, я лишь хотел узнать о своей семье. Дождавшись сумерек, я направился к Святому Петру, а на обратном пути заглянул сюда. Дворец пустует?

— Здесь живу я. Кому же еще здесь жить?

Его вызывающий ответ эхом пронесся по пустой колоннаде. Мне захотелось попросить разрешения остановиться у него и посмотреть на его реакцию. Но здесь его словно что-то осенило:

— Говоришь, из Корнуола? Какие оттуда новости? Говорят, посланцы Амброзиуса снуют по Малому морю.

Я рассмеялся.

— Не знаю. Я вел уединенную жизнь.

— Нашел место по себе. — Мне послышалось хорошо знакомое презрение. — Рассказывают, что старый Горлуа провел зиму, устроившись в постели с девицей, которой едва исполнилось двадцать лет, предоставив другим королям играть под снегом в свои зимние игры. Говорят, что по сравнению с ней Елена Троянская — рыночная торговка. Какова она из себя?

— Я не видел ее. У нее ревнивый муж.

— Ревновать к тебе? — Диниас рассмеялся и выдал комментарий, от которого у Кадала перехватило горло. Однако насмешка настроила Диниаса на шутливый лад, и он расслабился. Я оставался для него внебрачным родственником, не имеющим авторитета.

— Похоже на тебя, — добавил он, — провести мирненько зиму со старым козлиным герцогом в то время, когда остальные гоняли саксов по всей стране.

Итак, он сражался на стороне Камлака и Вортимера. Это мне и требовалось узнать.

— Я не несу ответственности за действия герцога, как тогда, так и сейчас, — сказал я мягко.

— Тоже знакомо. Тебе известно, что он был на севере у Вортигерна?

— Я слышал, что он уехал, чтобы присоединиться к нему у Кэрнарвона, правильно? Ты сам туда собираешься? — спросил я крадчиво. — У меня не было возможности получать все важные новости.

Между колоннами потянуло прохладным, сырым воздухом. Из какой-то разбитой трубы сверху на плиты закапала вода. Диниас запахнулся в накидку.

— Что здесь стоять? — радушие не уступало по количеству фальши высокомерию. — Пойдем, расскажем друг другу о новостях за бутылку вина, а?

Я колебался недолго. Ясно было, что у Диниаса имелись мотивы не попадаться Верховному королю на глаза. С одной стороны, если бы он смог отмыться от своего союза с Камлаком, то сейчас он находился бы у Вортигерна в армии, а не околичивался полуборванный в пустом дворце. С другой стороны, он теперь знал о моем приезде в Маридунум, и мне было бы лучше держать его под присмотром, нежели отпустить, чтобы он рассказывал обо мне кому угодно.

С польщенным видом я принял приглашение, настаивая лишь на том, что угощать буду я, если он покажет, где вкусно готовят и хорошо топят.

Не дав мне закончить, он взял меня за руку и быстрыми шагами вывел через портик на улицу.

— Чудесно, чудесно! В западной части за мостом есть одно местечко. Там хорошо готовят и посетители не суют нос в чужие дела. — Он подмигнул. — С девчонками ты не связываешься, а? Ладно, хватит. Ты вроде не горишь желанием рассказывать о тех денечках. У нас же ты или за уэльсцев, или за Вортигерна. Город последнее время просто кишит его шпионами. Не знаю, кого они ищут, но рассказывают... Нет, убери свою тарелку. — Последние слова относились к нищему, протянувшему поднос с грубо обработанными камнями и кожаными шнурками. Человек безмолвно отодвинулся. Он

был слеп на один глаз. Скулу, глазницу и переносицу рассекал ужасный шрам, оставшийся, похоже, от удара мечом.

Проходя мимо, я положил на поднос монету. Диниас кинул на меня далеко не дружелюбный взгляд.

— Времена поменялись. Должно быть, ты разбогател в Корнуоле. Расскажи мне, что случилось в ту ночь? Ты хотел поджечь весь дворец?

— Расскажу за ужином. — До дверей таверны я не проронил больше ни слова. Войдя, мы нашли место в углу и сели спинами к стене.

5

Я не ошибся, отметив бедность Диниаса. Даже в задымленном помещении были заметны его изношенная одежда и взгляд, в котором боролись обида и желание, когда я заказал еду и кувшин лучшего здесь вина. Пока их несли, я извинился и переговорил быстро с Кадалом.

— Возможно, я получу от него нужные нам сведения. В любом случае мне лучше остаться с ним, чтобы он был под моим присмотром. До восхода луны он неопасен. Или я устрою его в постель с девочкой, или же, если он окажется не в состоянии, провожу домой по пути в монастырь. Если же к этому времени не в состоянии окажусь я, то отправляюсь к воротам у бечевника и переговори с моей матерью сам. Ты знаешь нашу историю. Скажи ей, что я столкнулся с кузеном Диниасом и мне надо сначала от него избавиться. Она поймет. А пока закажи себе поесть.

— Смотри, осторожно, Мерлин. Кузен, говоришь? Еще тот фрукт. Ты ему не нравишься.

— Подумаешь, открытие! — рассмеялся я. — Это у нас взаимно.

— А... Ну, тогда смотри.

— Постараюсь.

У Диниаса хватило воспитанности подождать. Я отпустил Кадала и, вернувшись, разлил вино. Он оказался прав в отношении еды. Принесенный нам пирог был нафарширован говядиной и устрицами, залитыми густым горячим соусом. Хлеб, хотя и был ячменный, отличался свежестью. Бесподобен был и сыр. И в остальном таверна не уступала другим. Время от времени из-за занавески выглядывали хихикающие девушки, кто-нибудь из посетителей оставлял свою чашу и спешил к ним. Судя по взглядам, которые Диниас бросал за занавеску, не переставая жевать, я подумал, что без труда спроважу его, получив нужные сведения.

Не узнав расклада, я не подготовился бы вступить на дорогу, которая могла оказаться скользкой. Но, используя свою семейную принадлежность, смог бы достаточно отсеять

нужной Амброзиусу информации, расспрашивая лишь о родственниках. Диниас с готовностью отвечал на вопросы.

Сначала выяснилось, что меня, начиная со времени ночного пожара, считали погибшим. Тело Сердика исчезло вместе с целым флигелем. Когда неподалеку от дворца нашли моего коня без седока, то подумали, что я разделил участь Сердика. Мать и Камлак послали людей на поиски, которые, естественно, не дали результата. Никто и не предполагал, что я исчезну морским путем. Торговое судно не заходило в Маридунум, а лодчонку никто не заметил.

Мое исчезновение не вызвало переполоха, что и неудивительно. О мыслях матери никто не знал. Вскоре она затворилась в монастыре Святого Петра. Камлак, не теряя времени, объявил себя королем и проформы ради предложил Олуэн свое покровительство. У него уже родился сын, и жена ждала второго ребенка. А королеву Олуэн ждал брак с каким-нибудь безобидным аристократом. И так далее, и тому подобное.

Мы так и проговорили о новостях вчерашних, не являвшихся ни для меня, ни для Амброзиуса секретом. Закончив есть, Диниас откинулся к стене и расслабил пояс, разомлев от еды, вина и тепла. Я подумал, что настало время обратиться к более существенным вопросам. В таверне набралось народу, и стоял шум, заглушавший наш разговор. Из внутренних комнат вышли несколько девушек, раздался смех, и поднялась грубая возня. На улице стало темнее. Входящие встряхивались по-собачьи и громко требовали глинтвейна. Воздух наполнился дымом, запахами печей и пищи, вонью ламп. Я не опасался быть узнанным. Чтобы хорошенько рассмотреть меня в лицо, требовались определенные усилия.

— Послать еще за мясом? — спросил я.

Диниас покачал головой, рыгнул и улыбнулся.

— Нет, спасибо. Мы хорошо поели. Я твой должник. Теперь выкладывай свои новости. Мои ты уже слышал. Где ты был все это время? — Он вновь потянулся за кувшином с вином. — Чертов кувшин пуст. Еще?

Я засомневался. Его не отличала крепкая голова. Не хотелось, чтобы сразу напился.

— Давай, давай, не станешь же ты жалеть для меня кувшин вина? — Он неправильно расценил мои сомнения. — Не каждый день из Корнуола приезжают богатые родственники. Что тебя туда занесло? Чем ты занимался все это время? Давай, Мирдин, послушаем твой рассказ, а? Но сначала закажи вина.

— Да, конечно. — Я вызвал мальчика-слугу. — Но не называй меня здесь по имени, если нетрудно. Пока я не выясню, куда дует ветер, зови меня Эмрис.

Он согласился с удивительной готовностью, и я подумал, что дела в Маридунуме обстоят несколько сложнее, чем предполагалось. Похоже, было опасно вообще говорить, кто

ты такой. Большинство людей в таверне походили на уэльсцев, но я никого не узнавал. Неудивительно, учитывая компанию, которую я водил пять лет назад. У дверей сидела группа русоволосых и бородатых людей, могущих оказаться саксами. Люди Вортигерна, наверное. Мы продолжали молчать, пока слуга не принес новый кувшин. Мой кузен налил себе, отодвинул тарелку, откинулся назад и вопросительно поглядел на меня.

— Ну, давай рассказывай о себе. Что случилось в ночь, когда ты исчез? С кем ты ушел? Тебе тогда было не больше двенадцати или тринадцати лет?

— Я встретил двух торговцев, отправлявшихся на юг. Дорогу я оплатил одной из брошей, которую мне подарил де., старый король. Они отвезли меня в Гластонбери. Там мне повезло — встретил купца, ехавшего на запад, в Корнуол. Он вез стекло из Исландии и взял меня с собой. — Я нарочно поглядел мимо него. — Он хотел осесть там и повести жизнь джентльмена. Ему было бы престижно иметь мальчика, умеющего петь, играть на лире, читать и писать.

— Хм. Очень похоже. — Я угадал его мысли. В его голосе прозвучало удовлетворение, презрительное отношение ко мне получило подтверждение. Тем лучше. Мне все равно, что он подумает. — А потом?

— Я оставался с ним несколько месяцев. Он и его друзья оказались достаточно великодушны. Мне удалось даже подзаработать на стороне.

— Играя на лире? — спросил он.

— Играя на лире, — ответил я вежливо. — А также читая и ведя записи. Я вел его бухгалтерские дела. Когда он вновь отправился на север и решил взять меня с собой, я не хотел возвращаться. Не осмелился, — уточнил я с обезоруживающей откровенностью. — Я без особого труда устроился в церковном учреждении. Но за молодостью лет не принял сана. Честно говоря, мне там понравилось. Очень спокойная жизнь. Я помогал им переписывать историю падения Трои.

Выражение его лица рассмешило меня. Хороший товар, самыйское изделие, блестящее от глянца с инициалами гончара. А.М. — меня сделал Амброзиус, — неожиданно подумал я и погладил буквы большим пальцем. Так завершился отчет безродного кузена Диниасу о тех пяти годах.

— Я работал там до тех пор, пока до нас не начали доходить слухи из дому. Сначала я не обращал на них внимания: слухи есть слухи. Узнав о том, что погиб Камлак, а потом и Вортимер, я заинтересовался, что же происходит в Маридукуме. Понял, что надо увидаться с матерью.

— Ты собираешься здесь остаться?

— Вряд ли. Мне понравился Корнуол, у меня там дом.

— А потом ты станешь священником?

Я пожал плечами.

— Пока даже не знаю. Из меня всегда хотели сделать священника. Чтобы мне ни готовило будущее, у меня теперь здесь ничего не осталось, даже если что-то и было. Конечно же, я не воин.

При этих словах Диниас улыбнулся.

— Ты им и не был, не так ли? Война еще не закончилась, а точнее, она еще даже не начиналась. — Он доверительно оперся на стол, но неосторожным движением опрокинул свою чашу, вино разлилось по столу. Диниас поспешно схватил ее и поставил на место.

— Почти все пролилось. Вина снова нет. Неплохое вино, а? Как насчет добавить?

— Как хочешь. Но ты хотел что-то сказать?

— Корнуол. Мне всегда хотелось там побывать. Что там говорят об Амброзиусе?

Вино начало действовать. Он забыл о секретности. Он повысил голос, в нашу сторону повернулись головы. Я не стал обращать внимания.

— Думаю, ты слышал там, если до вас вообще доходят новости. Он собирается высадиться именно там, да?

— Аа! — с легкостью ответил я. — Об этом говорят постоянно, на протяжении многих лет, сам знаешь. Пока же его нет, и нам остается только гадать.

— Пospорим? — он потянулся к поясу за кошельком и достал пару игральных костей, бездумно перебрасывая их из руки в руку. — Вперед, сыграем игру!

— Нет, благодарю. Во всяком случае, не здесь. Погоди, Диниас, знаешь что, давай возьмем кувшин, два, если хочешь, и пойдем прикончим их дома?

— Дома? — он презрительно ухмыльнулся, надув губы. — Это где? В пустом дворце?

Он не понижал голоса, и я заметил, что кто-то в помещении наблюдает за нами. Никого из знакомых. Двое людей в темной одежде. Один с небольшой черной бородкой, другой — узколицый и рыжеволосый с длинным, как у лисы, носом. Судя по виду, уэльсцы. Перед ними стояла бутылка. Но ее содержимое за последние полчаса не уменьшалось. Я поглядел на Диниаса. По-моему, он дошел до той степени, когда начинают выбалтывать секреты и затевать драки. Настаивать уйти — значит, спровоцировать громкую ссору. Если за нами следят и люди у двери — люди Вортигерна, то лучше остаться здесь и попытаться спокойно уговорить кузена уйти, пусть даже потом и продолжат слежку. Что в конце концов значит имя Амброзиуса? Оно сейчас у всех на языке. С распространением слухов заговорили о нем все: и друзья, и враги Вортигерна.

Диниас уронил кости на стол и начал толкать их перед собой твердым указательным пальцем. По меньшей мере у нас найдется предлог для посиделок нос к носу. А кости могут отвлечь Диниаса от вина.

Я достал пригоршню мелких монет.

— Ладно, если ты так хочешь. Что ты ставишь?

Пока мы играли, я постоянно ощущал, что Черная борода и лис наблюдают за нами. Саксы у двери показались достаточно безобидными. Большинство из них уже прилично накачались вином и громко переговаривались, не обращая ни на кого внимания. Однако чернобородый не на шутку проявлял интерес.

Я бросил кости. Пять, четыре. Слишком хорошо. Хотелось, чтобы Диниас выиграл. Я не мог спровадить его с девочкой за занавеску, дав денег просто так. Тем временем я собою чернобородого со следа...

Негромко, но достаточно четко я сказал:

— Амброзиус, говоришь? Слухи тебе известны. Не слышал о нем ничего определенного, лишь истории, ходящие в народе последние десять лет. Люди говорят, что он появится или в Корнуоле, или Маридунуме, или Лондоне, или Эйвон-Мауте. Забирай, твой бросок.

Внимание чернобородого ослабло. Я наклонился, чтобы посмотреть ход Диниаса, и понизил голос.

— А если он придет сейчас, что тогда? Ты знаешь лучше моего — от Запада ничего не осталось. Кто поднимется с ним или встанет на сторону Вортигерна?

— Запад погибнет в огне, что, собственно говоря, уже произошло. Дубль или квиты? В огне, как в ночь твоего побега. Боже, как я смеялся! Мелкий негодяй поджигает дворец и убегает. Зачем? Мой ход, дубль пять. Бросай снова.

— Хорошо. Зачем бежал, спрашиваешь? Говорил же: боялся Камлака.

— Я не об этом. Зачем поджигать дворец? Только не говори, что вышло случайно, — все равно не поверю.

— Я устроил погребальный костер. Они убили моего слугу.

Диниас уставился на меня, зажав кости в руке.

— Ты поджег королевский дворец из-за раба?

— Почему бы и нет? Мой слуга нравился мне больше, нежели Камлак.

Он посмотрел на меня слегка опьяневшими глазами и бросил кости. Два, четыре. Я забрал себе несколько монет.

— Черт бы тебя побрал, — сказал Диниас. — Ты не имеешь права выигрывать. С тебя хватит. Так, снова. Твой слуга, подумаешь? Уж слишком ты заносишься для внебрачного сына, заделавшегося церковным писарем.

Я улыбнулся.

— Ты тоже внебрачный сын, дорогой кузен, не забывай.

— Может быть, но я по крайней мере знаю, кто был моим отцом.

— Потише, люди слышат. Ладно, бросай.

Пока стучали кости, образовалась пауза. Я с волнением наблюдал за исходом. В мою пользу. Было бы кстати, если бы свою силу можно применять в таких мелочах. Это не

потребовало бы особых усилий, но облегчило бы многие вещи. Однако мне уже пришлось узнать, что могущество ничего не облегчает. Получив его, заимел вцепившегося в горло волка. Иногда я напоминал себе мальчика из старой сказки, который запряг лошадей солнца и помчался на них вокруг света, подобно богу. Став могущественным, он сгорел. Интересно, увижу ли я пламя вновь?

Два, один. Зачем сила, если есть удача? Диниас удовлетворенно хрюкнул и забрал кости. Я передал ему несколько монет. Игра продолжалась, я проиграл еще три броска. Кучка монет под его рукой значительно увеличилась. Диниас расслабился. Никто не обращал на нас внимания. Так казалось. Пора было еще кое-что узнать.

— Где сейчас король? — спросил я.

— Что? А, да, король. Он уехал отсюда почти месяц назад. Направился на север, как только потеплело и открылись дороги.

— В Кэрнарвон, ты сказал, то есть в Сегонтиум?

— Разве я говорил? Ах, в самом деле. Он называет это своей базой, но кто хочет, чтобы его поймали зажатым между И-Видфой и морем? Нет, он строит себе новую крепость. Ты вроде собирался взять еще бутыль?

— Вот, несут. Наливай себе. С меня хватит. Крепость? Где?

— Что? Да, хорошее вино. Не знаю точно, где-то в Сноудоне. Называется Динас Бренин или будет так называться.

— Что же ему мешает? Там еще сопротивляются? Сторонники Вортимера или кто-то новенький? В Корнуоле говорили, что у него под рукой тридцать тысяч саксов.

— Под одной рукой, под другой рукой, у нашего короля всюду саксы. У него, да не у него. У Хенгиста. А у них на уме разные вещи. Короля обложили со всех сторон!

К счастью, он говорил тихо, и слова тонули в шуме голосов и стуке костей. Диниас почти забыл обо мне. Бросая кости, он ворчал на стол:

— Только погляди! Чертовы кости заговорены, как королевский форт.

Слова Диниаса попали на одну из струн моей памяти, которая слабо зазвучала, подобно жужжанию пчелы в липовом дереве.

— Заговорен? Как это? — спросил я мимоходом, бросая кости.

— Ага, вот так лучше. Это можно побить. Ты же знаешь этих северян. Если утром подул холодный ветер, значит, мимо пролетает дух мертвых. Всю работу за землемеров в их армии делают предсказатели. Я слышал, что они четырежды возводили стены на высоту человеческого роста и каждый раз на следующее утро находили их расколотыми пополам. С чего бы это?

— Неплохо. Они ставили стражу?

— Конечно. Охрана ничего не видела.

— Откуда им видеть? — похоже, что счастье отвернулось от нас обоих. Диниасу не везло с камнем, как Вортигерну со стенами. Превзойдя себя, я выкинул пару дублей. С недовольным ворчаньем Диниас отделил мне полгорки монет.

— Похоже, что он выбрал мягкое место. Чего бы не сменить его?

— Он выбрал вершину скалы. Лучшего места для обороны в Уэльсе не сыскать. С нее просматривается долина на север и на юг, а там, где ведущая к ней дорога зажимается утесами, она нависает прямо сверху. Ведь там же стояла башня прежде, черт возьми! С незапамятных времен местные называли ее королевским фортом.

Королевский форт, Динас Бренин... Шум в памяти нарастал. Молочно-белые березы на фоне молочно-белого неба. Крик сокола, два короля, идущие рука об руку, голос Сердика: «Спускайся, я выиграю у тебя партийку в кости».

Ловким движением пальца я подтолкнул кубик. Диниас, опорожнивший бутылку до конца, ничего не заметил. Кости остановились. Два, один.

— Тебе не составит большого труда побить этот камень, — уныло сказал я.

Он побил, но не больше того. Издав победный крик, он загреб себе деньги и растянулся на столе, заехав локтем в лужу вина. Мне все равно повезет, если даже и проиграю этому пьяному идиоту достаточно денег, если смогу протащить его дальше дверей борделя. Мой бросок. Тряся кубышку, я увидел в дверях Кадала, ждавшего перехватить мой взгляд. Пора идти. Пока Диниас высматривал, с кем я переглядывался, я подтолкнул рукавом намечавшуюся шестерку. Один, три. Диниас с удовлетворением хмыкнул и потянулся за кубышкой.

— Вот что, — сказал я, — еще бросок и пошли. Выиграл или проиграл, я покупаю еще вина, и мы забираем его с собой, допьем у меня. Там поуютнее, чем здесь.

На улице мы с Кадалом с ним справимся, подумал я.

— Временное жилье? Я сам могу тебе его предоставить. Предостаточно места. Можешь не посылать своего слугу в поисках жилья. Сегодня надо быть поосторожнее. Ага, дубль пять. Попробуй побей, Мерлин — побочный сын!

Он вылил в рот остатки вина, проглотил и откинулся, победно улыбаясь.

— Еще сыграем. — Я подвинул к нему все монеты и поднялся, ища взглядом слугу, чтобы заказать еще вина. Диниас громко треснул рукой по столу. Кости подскочили и покатались. Чаша перевернулась и, упав на пол, разбилась. Люди перестали говорить и смотрели на нас.

— Нет, не пойдем. Мы доиграем здесь. Только начало везти, как уходить. Не потерплю такого, ни от тебя, ни от кого другого. Садись и доиграем, мой внебрачный кузен.

— Ради бога, Диниас...

— Ладно, я тоже внебрачный. Но скажу, что лучше быть побочным сыном короля, чем ничейным сыном, вообще не имевшим отца!

Икнув, он остановился. Кто-то рассмеялся. Я тоже рассмеялся и потянулся за костями.

— Ладно, возьмем все с собой. Я уже сказал, выиграв или проиграв, берем вино с собой. Закончим игру там. Мы уже наклюкались до чертиков.

На мое плечо опустилась тяжелая рука. Пока я оборачивался посмотреть, кто это такой, подошедший с другой стороны человек взял меня за руку. Диниас удивленно уставился на них. Посетители неожиданно смолкли.

Чернобородый сжал плечо.

— Спокойно, молодой господин. Обойдемся без скандала? Можно переговорить с тобой на улице?

6

Я встал. Лица окружающих ничего не выражали. Все молчали.

— В чем дело?

— Выйдем, если не возражаешь, — повторил чернобородый. — Не хотелось бы...

— Я совсем не против скандала, — ответил я твердо. — Прежде чем тронуть с места, хочу знать, кто вы такие. А для начала уберите свои руки. Хозяин, кто они?

— Люди короля, сэр. Делайте лучше, как они говорят. Если вам нечего скрывать...

— И вам нечего бояться, — завершил я. — Знакомо, так не бывает. — Я скинул руку чернобородого с плеча и повернулся к нему. У Диниаса от удивления открылся рот. Он не узнавал своего мягкотелого кузена. Что ж, время прошло.

— Я не против, чтобы люди услышали вас. Поговорим здесь. Что вы хотите от меня?

— Нас заинтересовали слова твоего друга.

— Тогда почему не поговорить с ним?

— Всему свое время, — бесстрастно ответил чернобородый. — Не скажешь ли ты, кто такой и откуда?

— Меня зовут Эмрис. Я родился здесь, в Маридунуме. Ребенком уехал в Корнуол, а теперь захотел вернуться домой, узнать новости. Вот и все.

— А этот юноша? Он называл тебя «кузеном»...

— Это лишь обращение. Мы родственники, но не близкие. Вы, наверное, слышали, что он назвал меня побочным сыном.

— Минуту! — из толпы раздался голос. Незнакомый пожилой человек с тонкими седыми волосами проталкивался вперед.

— Я знаю его. Он говорит правду. Это Мирдин Эмрис, точно. Он внук старого короля.

— Вы не можете помнить меня, — обратился он ко мне. — Я был одним из слуг вашего деда. Вот что я вам скажу. — Глядя на чернобородого, он вытянул по-куриному шею. — Люди короля или кто, вы не имеете права трогать этого молодого джентльмена. Он сказал правду. Он уехал из Маридунума лет пять назад, да, правильно, пять лет назад. Он исчез в ночь, когда умер старый король. Могу вам поклясться, что он никогда не выступил бы против короля Вортигерна. Он готовился стать священником и в руки не брал оружия. Подумаешь, он хочет выпить с принцем Диниасом, — они родственники, с кем ему еще пить, от кого еще узнать вести из дома?

На меня смотрели добрые глаза.

— Да, конечно, это Мирдин Эмрис. Уже не мальчишка, а взрослый человек. Но я узнал бы его где угодно. Позвольте мне вам сказать, сэр, я чрезвычайно рад видеть вас живым. Боялись, что вы погибли во время пожара.

Чернобородый даже не взглянул на него. Он не спускал с меня глаз.

— Мирдин Эмрис. Внук старого короля, — медленно проговорил он. — Незаконнорожденный? Чей же ты тогда сын?

Отрицать было бессмысленно. Я узнал слугу. Довольный собой, он кивнул мне.

— Моя мать была Ниниана, дочь короля, — ответил я.

Черные глаза сузились.

— Это правда?

— Сушая правда, сушая правда, — встрял слуга. В его бесцветных глупых глазах светилась доброжелательность.

Чернобородый снова повернулся ко мне. На его лице я мог прочесть следующий вопрос. Сердце забилося, и я почувствовал сильный прилив крови. Спокойно.

— А твой отец?

— Не знаю. — Возможно, он подумал, что я покраснел от стыда.

— Будь теперь внимательным, — предостерег чернобородый, — кто зачал тебя?

— Не знаю.

Он смерил меня взглядом.

— Твоя мать — королевская дочь. Ты помнишь ее?

— Очень хорошо.

— Разве она тебе не говорила? Думаешь, мы поверим этому?

— Мне все равно, поверите вы или не поверите, — с раздражением ответил я. — Всю жизнь люди спрашивают меня об этом и все время не верят. Мать в самом деле не говорила мне. Вряд ли она говорила и

кому-нибудь другому. Насколько я знаю, она может быть близка к истине, говоря, что я родился от дьявола. — Я сделал нетерпеливое движение. — Зачем вам это?

— Мы слышали, что сказал другой молодой джентльмен, — не отступал чернобородый. — Лучше быть незаконнорожденным и иметь отцом короля, чем ничейным сыном, у которого вообще нет отца!

— Если я не обиделся, то какое вам дело. Вы же видите, он пьяный.

— Мы хотели подтверждения, и все. Теперь мы удостоверились. Король хочет, чтобы ты явился к нему.

— Король? — отсутствующим голосом спросил я.

Он кивнул.

— Вортигерн. Мы ищем тебя уже три недели. Ты должен поспешать к нему.

— Не понимаю. — Наверное, я выглядел больше изумленным, чем испуганным. Моя миссия разваливалась, не успев начаться. Одновременно я почувствовал и облегчение. Раз меня ищут три недели, значит, Амброзиус здесь ни при чем.

Все это время Диниас тихо сидел в углу. Мне показалось, что разговор большей частью прошел мимо него. Он наклонился вперед, держась руками за залитый вином стол.

— Зачем он ему понадобился, скажите мне!

— Не стоит беспокоиться, — бросил он ему почти что презрительно. — Ты ему не нужен. Хотя скажу тебе, что, поскольку именно ты навел нас на него, тебе положено вознаграждение.

— Вознаграждение? — переспросил я. — О чем вы?

Диниас неожиданно протрезвел.

— Я ничего не говорил. Что вы имеете в виду?

Чернобородый кивнул.

— Мы нашли его по твоим словам.

— Он лишь расспрашивал о семье. Он находился в отъезде, — мямлил мой кузен. — А вы слушали. Все могли слышать. Мы не понижали голоса. Клянусь богом, если бы мы замыслили измену, разве стали бы говорить об этом здесь?

— Никто не говорил об измене. Я лишь исполняю свой долг. Король хочет видеть его, и он пойдет со мной.

Старый слуга забеспокоился.

— Вы не можете причинить ему зла. Он в самом деле сын Иннианы. Можете спросить ее сами.

Чернобородый быстро отреагировал.

— Она еще жива?

— О, она в полном здравии. До нее рукой подать, она в монастыре Святого Петра, что на перекрестке за старым дубом.

— Оставьте ее в покое, — сказал я, не на шутку испугавшись. Бог знает, чего она может им наговорить. — Не забывайте, кто она такая. Даже Вортигерн не посмел тронуть ее. Кроме того, у вас нет права трогать меня или ее.

— Думаешь, нет?

— Какое же?

— А вот. — В его руке сверкнул короткий меч, заточенный до блеска.

— Право Вортигерна, что ли? — спросил я. — Неслабый аргумент. Ладно, я поеду с вами. Но вы не выиграете, тронув мою мать. Оставьте ее в покое, говорю вам. Она расскажет вам не больше моего.

— Но по крайней мере нам не придется проверять, если она заявит, что не знает твоего отца.

— Но это так, — «затрещал» старый слуга. — Послушайте меня, я прослужил во дворце всю жизнь и хорошо это помню. Всегда говорили, что она родила ребенка от дьявола, от принца тьмы.

Замелькали руки, изображавшие знаки против нечистой силы.

— Отправляйся с ними, сынок, они не тронут ни Ниниану, ни ее сына, — обратился ко мне старик. — Наступит время, когда королю потребуются люди Запада. Кому лучше знать, как не ему?

— Похоже, мне придется все-таки поехать, имея под горлом такую острую королевскую гарантию, — ответил я. — Все в порядке, Диниас. Это не твоя вина. Скажи моему слуге, где я. Ладно, вы, забирайте меня к Вортигерну, но только уберите руки.

Я пошел к двери. Завсегдатаи расступились. Диниас поднялся и, спотыкаясь, поспешил вслед. Выйдя на улицу, чернобородый обернулся.

— Я и забыл. Вот тебе.

Кошелек с монетами, зазвенев, упал на землю к ногам моего кузена.

Я не остановился. И без того было видно, с каким выражением Диниас огляделся по сторонам и, подняв кошелек, поспешно засунул его за пояс.

7

Вортигерн изменился. Впечатление, что он как-то уменьшился, стал менее внушительным, появилось у меня не потому, что я сам вырос. Он как бы ушел в себя. И без кустарно сработанного зала, и без двора, состоявшего из командиров с их женщинами, можно было заметить, что человек находится в бегах. Или, вернее, в углу. Но загнанный волк опаснее свободного. А Вортигерн по-прежнему оставался волком.

Угол же он подобрал себе хороший. Королевский форт представлял собой, насколько я помню, скалу, господствовавшую над речной долиной. К ее гребню можно было подобраться

лишь по узкой седловине, похожей на подвесной мост. Этот ансамбль выделялся на фоне скалистых гор, между которыми, как в естественном убежище, выпасали лошадей, куда загоняли и сторожили их. Серые каменные горы окружали долину. Весна еще не пришла сюда. Апрельский дождь вызвал лишь поток воды, устремившийся с высоты тысячи футов вниз. Дикое, мрачное и впечатляющее место. Если волку суждено окопаться на вершине, то даже Амброзиусу будет нелегко его выкурить оттуда.

Путешествие заняло шесть дней. С первым лучом солнца мы выехали из Маридунума по дороге, ведущей прямо на север. Она хуже, чем дорога на восток, но короче. Нас не задержала даже плохая погода и темп, установленный женскими носилками. У Пеннала размыло мост, и мы потеряли полдня в поисках брода на Афон-Дифи. В конце концов отряд выехал к Тошен-и-Муру, где начиналась хорошая дорога. В полдень шестого дня мы свернули на дорогу вдоль реки, которая вела к Динас Бренину. Там обосновался король.

Чернобородому не составляло никакого труда убедить монастырь отпустить мою мать с ним к королю. Если он применил ту же тактику, что и со мной, то понятно, но у меня не было никакой возможности узнать у нее, зачем мы понадобились Вортигерну. Матери предоставили закрытый паланкин и двух монахинь для сопровождения. Поскольку они не отходили от нее ни на минуту, я никак не мог выбрать время для частной беседы. В действительности она ничем не показывала, что хочет остаться наедине со мной. Иногда я перехватывал ее взволнованный, непонимающий взгляд, но когда она начинала говорить, то говорила спокойно и отрешенно, даже не намекая, что ей известно, чего не знает сам Вортигерн. Поскольку мне не разрешали видаться с ней наедине, пришлось рассказать ей ту же историю, что слышали от меня чернобородый и Диниас (которого, насколько мне известно, допросили). Придется ей гадать, отчего я не приехал к ней раньше. Конечно же, я не мог ссылаться на Малую Британию или даже друзей оттуда, не рискуя, что она догадается об Амброзиусе. На это я пойти не мог.

Мать сильно изменилась. Она выглядела бледной и тихой. Она прибавила в весе. Только через день или два меня вдруг осенило: мать потеряла прежнюю власть. Забрало ли ее время или болезнь, а может, отеклась от нее ради христианского символа, который носила теперь на груди. Власть пропала, и оставалось лишь гадать почсму.

С одной стороны, я сразу успокоился. К матери относились вежливо и даже с почтением, достойным королевской дочери. Чего не скажешь обо мне, хотя я и получил хорошего коня, приличный ночлег и достаточно учтивую охрану. Я не требовал от них лишних усилий — они просто не отвечали на мои вопросы. Мне казалось, что они прекрасно знали, зачем я

потребовался королю. На меня тайком бросали любопытные взгляды. Один или два раза я заметил в них сочувствие.

Нас привезли прямо к королю. Он поставил свой штаб на ровной поляне между скалой и рекой, откуда можно спокойно наблюдать за строительством крепости. Его лагерь значительно отлучался от временных лагерей Амброзиуса и Ютера. Большинство людей расположились в палатках. Они, по-видимому, полностью доверились естественным природным укреплениям.

С двух сторон их защищали река и скалы, с другой — скала Динас Бренин и непроходимые пустынные горы.

Сам Вортигерн устроился достаточно по-королевски. Он принял нас в зале, деревянные колонны которого были обтянуты ярко вышитыми занавесками. Пол, выложенный местным зеленоватым сланцем, плотно устилал тростник. Высокий трон на возвышении покрывала поистине королевская резьба и позолота. Позади на таком же украшенном троне, но который несколько уступал по размерам королевскому, восседала Ровена, его саксонская королева. Кругом толпились люди: придворные и воины. Среди них достаточно было и саксов. За тронном Вортигерна на возвышении стояла группа жрецов и святых.

Как только мы вошли, установилась тишина. Все взоры устремились к нам. Король поднялся и сошел с помоста навстречу моей матери. Он шел, улыбаясь и протянув руки.

— Приветствую тебя, принцесса.

С церемониальной вежливостью он развернулся представить ее королеве.

По залу пронесся шепот, люди начали переглядываться. Своим приемом король показал, что не считает мать ответственной за роль Камлака в недавнем мятеже. Быстро, но с острым интересом, как мне показалось, он взглянул на меня и приветственно кивнул. Взяв мать за руку, он повел ее к трону. По его сигналу кто-то поспешил принести стул, его поставили на ступеньку ниже трона. Пригласив мать сесть, он сел сам со своей королевой. В сопровождении стражи я прошел вперед и остановился внизу у трона.

Вортигерн положил руки на подлокотники. Улыбался нам с матерью, излучал гостеприимство и даже удовлетворение. Шепот прекратился, и вновь установилась тишина. Люди ждали.

Король начал издали.

— Извините, мадам, что заставил вас проделать путешествие в это время года. Надеюсь, вы добрались с удобствами?

За этим последовал обмен вежливыми фразами. Мать, наклонив голову, бормотала слова благодарности, столь же безразличные, как и его собственные. Одну руку мать держала на груди, теребя крестик, который носила как талисман. Другая рука покоилась в складках коричневого платья. Даже в своем простом одеянии она выглядела королевой.

— Не представите ли вы теперь своего сына? — улыбаясь, попросил Вортигерн.

— Моего сына зовут Мерлин. Он уехал из Маридунума пять лет назад, когда умер мой отец, ваш родственник. С того времени он находился в Корнуоле, в церковном учреждении. Рекомендую его вашему вниманию.

Король повернулся ко мне.

— Пять лет? Ты был тогда совсем ребенком, Мерлин? Сколько тебе сейчас?

— Семнадцать, сэр. — Я встретил его взгляд, не отводя глаз. — Зачем вы послали за нами? Не успел приехать в Маридунум, как ваши люди силой захватили меня.

— Я сожалею об этом. Прости им их усердие. Они лишь знали, что дело неотложное, и предприняли самые быстрые действия, чтобы его решить, как я того желал. — Он повернулся к матери. — Надо ли уверять вас, леди Ниниана, что вам не причинят зла? Клянусь в этом. Мне известно, что на протяжении пяти лет вы находились в обители Святого Петра и не имеете никакого отношения к союзу вашего брата с моими сыновьями.

— Как и мой сын, мой лорд, — спокойно заметила она. — Мерлин покинул Маридунум в ночь смерти моего отца, с тех пор и по сей день о нем не поступало никаких известий. Ясно одно, он не участвовал в мятеже. Он уехал из дома ребенком, и теперь я знаю, что в ту ночь он бежал в Корнуол. Насколько мне известно, он спасался от Камлака, который не питал к нему дружеских чувств. Уверяю вас, мой повелитель, что мой сын ничего не знал о враждебных намерениях моего брата против вас. Я теряюсь в догадках, зачем он вам понадобился.

Однако Вортигерна совершенно не заинтересовало мое пребывание в Корнуоле. Он даже не взглянул на меня. Положив подбородок на руку, он исподлобья наблюдал за матерью. Его вид и голос были серьезны и учтивы. Но что-то вокруг не нравилось мне. Внезапно я понял. Пока мать с королем разговаривали, жрецы из-за трона наблюдали за мной. Поглядев украдкой, краешком глаза, на окружавших нас людей, я заметил, что все взгляды были устремлены на меня. В комнате стало тихо. Неожиданно я подумал: «Сейчас он выскажется».

— Вы никогда не выходили замуж, — тихо, почти задумчиво проговорил король.

— Нет. — Мать опустила веки. Я понял, что она настоялась.

— То есть отец вашего сына умер прежде, чем вы поженились? Погиб в бою, наверное?

— Нет, мой лорд. — Она говорила тихо, но отчетливо. Мать вся была в напряжении.

— Он еще жив?

Мать промолчала и лишь наклонила голову. Капюшон свалился ей на лицо и заслонил его от глаз людей в зале. Но с помоста могли видеть ее лицо. Королева смотрела с любопытством и презрением. У нее были светло-голубые глаза и крупные

молочно-белые груди, выпиравшие из-под голубого корсажа, маленький рот и белые, как грудь, руки с некрасивыми толстыми пальцами. Их унизывали золотые, эмалированные и медные кольца.

Король нахмурился в ответ на молчание, но его голос остался прежним:

— Скажите мне, леди Ниниана, вы говорили когда-нибудь сыну имя его отца?

— Нет. — Энергичный и чеканный голос странным образом контрастировал с ее смиренным видом. Она была в позе женщины, испытавшей стыд. Интересно, она намеренно приняла ее? Я не видел лица матери и обратил внимание лишь на руку, придерживавшую складку длинного платья. Я вдруг вспомнил Ниниану, бросившую вызов своему отцу, отказав Горлану, королю Ланасколя. Одновременно мне вспомнилось лицо отца. Я отогнал воспоминание. Он так явственно предстал передо мной, что я удивился, как его не увидели стоящие в зале. И тут же с ужасом осознал, что его увидел Вортигерн. Вортигерн все знал. Потому мы здесь. До него дошли слухи о моем приезде, и он решил удостовериться. Оставалось гадать, как со мной поступят — как со шпионом или как с заложником?

Должно быть, я сделал произвольное движение. Мать взглянула на меня, и я увидел ее глаза. Она больше не выглядела принцессой. Это была женщина, которой овладел страх. Я улыбнулся, и что-то изменилось в ее лице. Наконец понял: она боялась только за меня.

Я успокоился и стал ждать. Пускай делает следующий ход. У меня найдется ответ, после того как он показал, где его искать.

Вортигерн покрутил кольцо на руке.

— Ваш сын ответил именно так моим людям. Я слышал, никто в королевстве не знает имени его отца. Судя по рассказам людей и по тому, что я знаю о вас, леди Ниниана, его отцом не мог быть негодяй. Почему бы не сказать? Человек должен знать такие вещи.

— Какое вам дело? — сердито, забыв об осторожности, спросил я.

Мать бросила на меня взгляд, от которого я тут же умолк.

— Почему вы спрашиваете меня об этом? — обратилась она к Вортигерну.

— Леди, — сказал король, — я послал за вами обоими, чтобы задать вам лишь один вопрос: как зовут его отца?

— Повторяю, зачем вам?

Он улыбнулся. Улыбка напоминала оскал. Я сделал шаг вперед.

— Мать, он не имеет права спрашивать вас об этом. Он не смеет...

— Утихомирьте его, — приказал Вортигерн.

Стоявший сзади человек крепко зажал мне ладонью рот. С металлическим звоном другой вытащил меч и приставил к моему боку.

— Отпустите его, — закричала мать. — Если вы раните его, Вортигерн, король вы или нет, я никогда не скажу вам, хоть убейте меня. Вы думаете, что я скрывала правду все эти годы от собственного отца и брата, чтобы сейчас сказать ее вам?

— Вы скажете ее мне ради собственного сына, — ответил Вортигерн. По его сигналу стражник отпустил меня, но продолжал придерживать за руку, и сквозь тунику я чувствовал острие меча.

Мать отбросила капюшон на спину и выпрямилась в своем кресле.

Бледная и взволнованная, в своем скромном одеянии, она выглядела королевой по сравнению с Ровеной, которая казалась служанкой. В зале установилась гробовая тишина. Жрецы глядели во все глаза. Я думал о своем. Если эти люди — жрецы и колдуны, тогда даже имя Амброзиуса здесь ни при чем. От напряжения я даже вспотел. Отчаянно попытался передать матери ответ, стараясь, чтобы образ отца не увидели другие. Однако сила ушла, и помощи от бога ждать не приходилось. Я даже не был уверен, сумею ли удержать себя в руках, если она начнет говорить. Я больше не решался открыть рот. Боялся, что, если против меня применят силу, она заговорит. А узнав, начнут допрашивать и меня.

Какая-то из моих мыслей достигла матери. Она обернулась и поглядела на меня, сделав движение плечом, будто ее кто-то коснулся. Мы встретились глазами, и я понял, что дело здесь не в силе. Она пыталась по-женски, глазами, что-то сказать. Они несли любовь и заверения, но это оставалось мне непонятным.

Она повернулась к Вортигерну.

— Для подобных вопросов, король, вы нашли странное место. Неужели в самом деле думаете, что я публично расскажу обо всем?

С минуту, нахмутив брови, он предавался размышлениям. На его лице выступил пот, и он ухватился за подлокотники. Напряжение почти ощутимо передалось залу. Мурашки побежали по коже, и я почувствовал на себе холодную волчью лапу страха. Один из жрецов нагнулся и что-то сказал королю. Тот кивнул.

— Оставьте нас. Жрецы и волшебники пусть останутся.

Не спеша люди начали выходить из зала. Остались жрецы — около двенадцати человек в длинных робах, стоявшие за королевским тронem. Один, говоривший с королем, теребил свою седую бороду грязной рукой в кольцах. Он улыбался. Судя по одежде, этот был главным. Я попытался найти на его лице признаки могущества. Однако, несмотря на жреческие одеяния,

на их лицах была написана смерть. Она читалась в их глазах. Больше я ничего не видел. Холод снова коснулся моих костей. Я покорно стоял, удерживаемый воином.

— Освободите его, — сказал Вортигерн. — У меня нет намерения причинить зло сыну леди Нинианы. Но если снова ты двинешься или заговоришь без разрешения, Мерлин, тебя выведут из зала.

Меч убрали, но держали наготове. Стража на полшага отошла назад. Я не двигался и молчал. Никогда прежде я не ощущал такой беспомощности, отсутствия мыслей, силы, такого разъединения с богом. С горечью подумал тогда, что, будь я в хрустальном гроте, где зажжен костер и на меня смотрит учитель, не увидел бы ничего. Неожиданно вспомнил, что Галапас мертв. Возможно, силы я получал от него. С ним они и ушли.

Король обратил взгляд своих запавших глаз на мать. Он наклонился вперед, его взор стал вдруг жестоким.

— Ответите ли вы теперь на мой вопрос, мадам?

— Охотно. Отчего же нет?

8

Ее слова прозвучали настолько спокойно, что король очень удивился. Она снова откинула капюшон и прямо встретила его взгляд.

— Отчего же нет? Я не вижу в нем злого умысла. Я ответила бы вам раньше, если бы вы спрашивали по-другому и в другом месте. Теперь я не боюсь, что узнают люди. Я больше не принадлежу миру. Мой сын тоже ушел от мирских дел. Уверена, ему все равно, что скажут люди. Поэтому я расскажу вам. Потом, позже, вы поймете, почему я никогда не говорила об этом ни отцу, ни собственному сыну.

Ее лицо больше не выражало страха. Она даже улыбалась и больше не смотрела на меня. Я тоже постарался отвести глаза и придать себе отрешенный вид. Я не представлял, что она собирается сказать, но знал, что это отведет от меня любую опасность. Она наверняка ничего не скажет об Амбросиусе. Снаружи пошел дождь. День плавно переходил в сумерки. В зал вошел слуга, неся факелы, но Вортигерн махнул ему рукой, чтобы тот ушел. Надо отдать ему должное: он позаботился о матери. Но про себя я подумал: даже оттуда нельзя ждать помощи. Не видно ни света, ни огня.

— Говори теперь, — сказал Вортигерн. — Кто стал отцом твоего сына?

— Я никогда не видела его, — просто ответила мать. — Это был незнакомец.

Она промолчала, не отводя глаз от короля.

— Да простит меня сын за сказанное, но вы заставили. Он поймет.

Вортигерн бросил на меня взгляд. Я оставался непроницаем. Теперь я был уверен в матери.

— В молодости, когда мне только исполнилось шестнадцать лет, как и все девушки, часто думала о любви. Это случилось накануне Мартынова дня, когда я и мои дамы легли спать. Девушка, жившая в моей комнате, заснула. Остальные разошлись по своим покоям, но я не могла заснуть. Встала и подошла к окну. Стояла ясная ночь с яркой луной. Вернувшись к постели, я увидела, что прямо посередине спальни стоит молодой человек, приятной внешности, совсем юный. Он был одет в тунику и длинную накидку. На поясе он носил короткий меч. На нем были богатые драгоценности. Первым делом я подумала, что он проник сюда через внешние покои, где спали мои дамы. Потом я вспомнила, что стою босая и в одной сорочке, с распущенными волосами. Мне показалось, что он замыслил дурное, и я решила позвать на помощь женщин. Юноша улыбнулся и жестом показал мне, чтобы я молчала. Он не желал мне зла. Потом он отошел в тень, и, когда я двинулась следом, там никого не было.

Мать остановилась. Все молчали. Я вспомнил, как в детстве она рассказывала мне сказки. В зале установилась тишина. Алые губы королевы приоткрылись от удивления, а может быть, и от зависти.

Мать поглядела куда-то поверх головы.

— Я посчитала виденное за сон или девичью фантазию, родившуюся при лунном свете. Я легла спать и никому потом не рассказывала. Но он являлся снова. Не всегда ночью и не всегда, когда я была одна.

Я поняла, что это не сон, а знакомый дух, который чего-то желал. Я молилась, но он не переставал являться. Я ощущала его прикосновения к руке, слышала его голос, и все это сидя со своими девушками за прядением или гуляя в солнечные дни по фруктовому саду. Но в таких случаях я не видела его, а только слышала, остальные же не чувствовали ничего.

Мать взяла крестик, висевший у нее на груди, и сжала его.

Крестик служил ей не для защиты, а помогал получить прощение. Ей, должно быть, боязно лгать о вещах, связанных с могуществом. При этом мать должна бояться не христианского бога, — подумал я про себя. В глазах короля горели злоба и ликование. Жрецы пожирали ее глазами.

— Он являлся мне на протяжении всей зимы. Он приходил ночью. Я никогда не оставалась в палатах одна, но он проникал через двери, окна и стены и ложился со мной. Больше я не видела его, но слышала его голос и ощущала его тело. Позже, летом, когда я уже забеременела, он оставил меня.

Мать помолчала.

— Вам расскажут, как меня бил и сажал под ключ мой отец. Когда родился ребенок, он не стал давать ему имя, достойное христианского принца, а назвал по имени небесного бога-скитальца, не имеющего дома. Я же назвала его Мерлином, потому в день его рождения в окно моей комнаты влетел дикий сокол и уселся на кровати, глядя на меня глазами моего возлюбленного.

Наши взгляды встретились. Она говорила правду. И Эмрисом она окрестила меня наперекор им. В конце концов мне досталось от него многое.

Мать поглядела в сторону.

— Я полагаю, мой лорд, что мой рассказ не удивит вас. Наверное, вам известны слухи, что мой сын не похож на других детей. Это невозможно скрыть. Сейчас же я сказала вам правду. Умоляю вас, король, отпустите нас с сыном с миром обратно в наши монастыри.

Когда она закончила, стало тихо. Мать наклонила голову и снова накинула капюшон на лицо. Я посмотрел на короля и людей, стоявших за ним. Ожидал, что он рассердится, испытывая нетерпение, но удивился, увидев, как он перестал хмуриться и улыбнулся. Он хотел обратиться к моей матери, но королева опередила его. Наклонившись вперед и облизывая свои алые губы, она заговорила в первый раз.

— Такое возможно, Моган? — спросила она жреца, длинного бородатого человека. Верховный жрец, не задерживаясь, вежливо и на удивление выразительно ответил ей.

— Да, возможно, мадам. Кто не слышал об этих созданиях воздуха и мрака, которые живут за счет смертных женщин и мужчин. В моих исследованиях, во множестве прочитанных книг приводятся примеры рождения детей таким образом.

Он поглядел на меня и, теребя свою бороду, обратился к королю.

— Именно так, король. Об этом писали еще древние. Им было известно, что некоторые духи, обитавшие в ночном воздухе между луной и землей, принимают облик мужчин и выбирают себе земных женщин. Вполне возможно, что эта королевская особа, эта добродетельная королевская особа, стала жертвой подобного создания. Мы знаем, да она и сама сказала, что слухи об этом ходят много лет. Я переговорил с ее служанкой, и та сказала, что ее ребенок от самого дьявола, а сама же она не имела близости с мужчиной. О сыне же я слышал много странных историй, начиная с младенческого возраста. Рассказ леди правдив, король Вортигерн.

Никто больше не смотрел на Ниниану. Все взоры устремились ко мне. На лице короля отражалась жестокость и что-то вроде радостного удовлетворения, которое испытывает ребенок или хищник при виде заветной цели. Теряясь в догадках, я придержал язык и решил выждать. Если жрецы поверят моей матери, а Вортигерн поверит жрецам, то непонятно, откуда мне

грозит опасность. Присутствующие не получили ни малейшего намека на отцовство Амброзиуса. Моган и король с радостью приняли рассказ, предложенный матерью.

Король метнул взгляд на моих стражников. Они отошли назад, несомненно, испытывая страх от близости демонического отродья. По его знаку они приблизились вновь. Воин справа по-прежнему наготове держал меч, не показывая его матери. Его рука слегка дрожала. Другой воин тоже тайком освободил меч. Их страх доходил до меня.

Жрецы кивали с мудрым видом, некоторые сделали перед собой знак против колдовских чар. Похоже, они поверили Могану и моей матери и считали меня теперь сыном дьявола. Главное заключалось в том, что ее рассказ подтвердил давно ходившие слухи. По сути дела с этой целью ее сюда и привезли. Теперь же они с удовольствием и осторожностью наблюдали за мной.

Постепенно страх покинул меня. Я начал понимать, что им надо. Суеверие Вортигерна стало притчей во языцех. Вспомнилась рассказанная Диниасом история о развалившейся крепости. Возможно, они думали, что я смогу помочь им, учитывая слухи о моем происхождении и способностях, на которые ссылался Моган. Если дело обстояло именно так и меня привезли сюда, чтобы использовать мое могущество, то смогу помогать Амброзиусу прямо из лагеря противника. Возможно, именно бог послал меня сюда. Может быть, бог еще направил меня. «Выйди на божью стезю...» Что же, придется действовать по обстоятельствам. Если нет могущества, то остается знание. Я вспомнил день, проведенный у королевского форта, в затопленной шахте у основания скалы. Я наверняка смогу объяснить им, почему у них не держится фундамент. Это ответ инженера, а не волшебника. Однако, подумал я, перехватив устричный взгляд Могана, простершего перед собой руки, если им нужен ответ волшебника, они получают его. И Вортигерн тоже.

Я поднял голову. По-моему, я улыбался.

— Король Вортигерн!

Мои слова прозвучали камнем, нарушив тишину, сосредоточенную на мне.

— Мать сказала вам, что вы хотели услышать, — произнес я твердо. — Я не сомневаюсь, что вы скажете теперь мне, чем я могу вам служить. Но прежде прошу вас сдержать свое королевское слово и отпустить ее.

— Леди Ниниана — наш почетный гость, — прозвучал отработанный ответ. Король поглядел на реку за окном. С мрачного серого неба сыпал косой блестящий дождь. — Вы оба вольны вернуться в Маридунум, когда пожелаете, но сейчас явно неуместно отправляться в такое длинное путешествие. Мадам, вы захотите провести здесь ночь, ожидая завтра сухой погоды?

Он поднялся вместе с королевой.

— Комнаты готовы. Королева проводит вас. Вы сможете отдохнуть и подготовиться к ужину с нами. Здесь находится наш двор, и комнаты, каким бы плохим временным жильем они ни были, — в вашем распоряжении. Завтра вас проводят домой.

— А сын? Вы все еще не сказали, зачем нас привезли сюда?

— Ваш сын сослужит мне службу. Он обладает силами, для которых у меня имеется применение. А теперь, мадам, когда вы уйдете с королевой, я поговорю с вашим сыном и скажу ему, что от него требуется. Поверьте мне, он свободен, как и вы. Я удерживал его, пока вы не рассказали правду, которую я хотел услышать. Я должен вас поблагодарить за то, что вы подтвердили мои догадки.

Он простер руку.

— Клянусь вам, леди Ниниана, любим богом, каким вам угодно, что его происхождение не будет использовано против него ни сейчас, ни когда-нибудь.

Мать поглядела на него, потом склонила голову и, не обращая внимания на его жест, подошла ко мне с протянутыми руками. Я сделал шаг навстречу и взял ее ладони в свои. Они были маленькие и холодные. Я казался выше ее. Мать бросила на меня запомнившийся мне взгляд, в котором смешались волнение, гнев и потайные ее мысли.

— Я не хотела бы, Мерлин, чтобы ты узнал это вот так. И не стала бы этого рассказывать, — ее глаза говорили другое.

Я улыбнулся ей и, осторожно выговаривая слова, сказал:

— Мама, вы не сказали мне ничего, что могло бы поразить меня. Вы не можете рассказать мне о моем происхождении такого, чего я теперь не знаю. Не волнуйтесь.

Она задыхнулась, глаза ее расширились.

— Кем бы ни был мой отец, это не будет повернуто против меня, — продолжал я медленно. — Вы слышали обещание короля. Это нам и требуется.

Поняла ли она мою последнюю мысль — не знаю. Мать пыталась осмыслить сказанное мной вначале.

— Ты знаешь? Ты знаешь?

— Да, знаю. Разве ты не представляешь, что за все годы разлуки я мог узнать, кто был моим отцом? Он известен мне уже несколько лет. Клянусь, я разговаривал с ним неоднократно. Я не вижу в своем происхождении ничего постыдного.

Мать поглядела на меня еще и кивнула. Ее щеки зардели — все поняла.

Она отвернулась, накинула капюшон, скрыв свое лицо, и протянула руку королю. В сопровождении короля, королевы и двух служанок мать вышла из залы. Жрецы, переговариваясь, шепчась и бросая косые взгляды, остались. Забыв про них, я наблюдал, как уходит мать.

В дверях король задержался и попрощался с матерью. У входа в зал ждала толпа. Она расступилась перед королевой, матерью и сопровождающими их несколькими дамами. Вортигерн постоял в дверях, провожая их взглядом. Дождь шумел, как бегущая река. Быстро темнело.

Король развернулся на каблуках и, окруженный воинами, вернулся к трону.

9

Все остановились вокруг меня и громко переговаривались. Они были похожи на гончих, готовых броситься на добычу. В зале запахло смертью. Я чувствовал ее, но не мог поверить и понять. Хотел последовать за матерью, но стражники угрожающе подняли мечи.

Я остановился.

— В чем дело? — резко обратился я к королю. — Вы дали слово. Вы так быстро отрекаетесь от него?

— Не отрекаюсь. Я дал слово, что ты послужишь мне и что не использую против тебя твое происхождение. Это верно. Тебя сегодня привели сюда, потому что стало известно, что у тебя нет отца. Твое происхождение послужит мне.

— Ну?

Он поднялся к трону и сел. Двигался медленно и расчетливо. Вокруг скопились придворные и факельщики. Зал наполнился дымным светом, скрипом кожи и звоном кольчуг. Снаружи шумел дождь.

Вортигерн наклонился вперед, опершись подбородком на кулак.

— Мерлин, сегодня мы узнали то, что раньше только подозревали: твой отец — не человек, а дьявол. Поэтому ты заслуживаешь человеческого снисхождения. Однако ввиду того, что твоя мать — королевская дочь и в твоих жилах течет королевская кровь, я объясню тебе, зачем ты здесь. Наверное, ты знаешь, что я строю крепость на скале, именуемой королевским фортом?

— Все знают, — ответил я. — Всем известно, что она обваливается всякий раз, едва достигнув высоты человеческого роста.

Он кивнул.

— Мои волшебники, мудрецы и советники сказали мне почему. Неправильно кладется фундамент.

— Что же, звучит довольно разумно.

Справа от короля и жрецов стоял высокий старик. Под нависшими седыми бровями горели ярко-голубые глаза. Он пристально посмотрел на меня, и мне показалось, что я увидел жалость в его взгляде. При моих словах он взялся за бороду, словно желая скрыть улыбку.

Король, похоже, не услышал моих слов.

— Они говорят, что королевскую крепость следует возводить на крови.

— Они, конечно, образно выражаются? — вежливо уточнил я.

Внезапно Моган обрушил свой посох на помост.

— Нет! Они выражаются буквально! — заорал он. — Известковый раствор должен быть погашен кровью. В древние времена никакой король не строил крепости, не соблюдая этот ритуал. Стены держатся на крови сильного человека, воина.

Образовалась неожиданная пауза. Мое сердце забилося тяжело и медленно, разгоняя по жилам горящую кровь.

— А какое это имеет отношение ко мне? — холодно спросил я. — Я не воин.

— Ты и не человек, — грубо сказал король. — Дело в колдовстве, Мерлин. Они поведали мне, что я должен найти парня, у которого никогда не было отца, и окропить фундамент его кровью.

Я посмотрел на него, затем перевел взгляд на окружающих. На лицах была написана смерть. Ею повеяло, только я вошел в зал. Я повернулся к королю.

— Что за чушь? Когда я уезжал из Уэльса, это была страна цивилизованных людей, поэтов, художников, ученых. Воины и короли убивали на благо своей страны и при свете дня. Теперь же речь идет о крови и человеческих жертвоприношениях. Вы хотите отбросить современный Уэльс во времена древнего Вавилона и Крита?

— Я не говорил о человеческих жертвоприношениях, — ответил Вортигерн. — Ты не сын человека. Запомни это.

За окном дождь барабанил по пузырящимся лужам. Кто-то откашлялся. Я перехватил твердый взгляд старого воина — в нем мелькнула жалость. Сочувствующие не поддержат такую глупость.

В конце концов все прояснилось, как при вспышке молнии. Происшедшее не имело никакого отношения к Амброзиусу или моей матери. Ей ничего не грозило. Она лишь подтвердила то, что им требовалось. Ей могли даже оказать теперь почести, поскольку она помогала им получить желаемое. Об Амброзиусе они и не мыслили. Я был для них не его сыном, не шпионом, не посланцем. Они хотели убить «дьявольское отродье», чтобы исполнить жестокое и грязное колдовство.

По иронии судьбы они получили не «сына дьявола» и даже не мальчика, обладавшего раньше особыми силами. В их распоряжении оказался юноша, не располагающий иным могуществом, кроме своего человеческого разума. Клянусь богом, подумал я, я знаю достаточно, есть у меня силы или нет, чтобы сразаться с ними их собственным оружием.

Я через силу улыбнулся, глядя на остальных жрецов, стоявших за Моганом. Они творили знаки, защищаясь от

меня. Сам Моган прижал свой посох к груди, будто тот мог защитить его.

— А почему вы так уверены, что мой отец-дьявол не придет мне на помощь?

— Пустые слова, король. У нас нет времени слушать.

Моган говорил быстро и громко. Остальные жрецы обступили кресло короля. Все заговорили разом.

— Да. Убей его сейчас. У нас нет лишнего времени. Веди его на скалу и там убей. Ты увидишь, что боги останутся довольны и стены будут стоять, как им полагается. Его мать не узнает, а если узнает, что ей останется делать?

Поднялась суета, как на охоте, когда собаки набрасываются на дичь. Я попытался сосредоточиться, но не смог. Начало смеркаться. Запахло кровью. Рядом заблестели обнаженные клинки. Глядя на отражение огня в металле, я попытался отогнать посторонние мысли. Но в глазах неизменно появлялся скелет Галапаса, лежавший в лучах солнца на холме. Над ним хлопали крыльями птицы.

Я спросил, обращаясь к мечам:

— Скажите мне одно, кто убил Галапаса?

— Что он говорит? Что говорит это дьявольское отродье? — разнеслось по залу.

— Пускай говорит, — раздался грубый голос старого седобородого воина.

— Кто убил Галапаса, волшебника, жившего у источника Брин Мирдин под Маридунумом?

Я почти прокричал свой вопрос и даже не узнал собственного голоса.

Люди умолкли, недоуменно переглядываясь.

— Старика? — спросил Вортигерн. — Говорят, он был шпионом.

— Он был волшебником и моим учителем.

— Чему он тебя учил?

Я улыбнулся.

— Достаточно, чтобы видеть, что эти люди — глупцы и шарлатаны. Отлично, Вортигерн. Ведите меня на скалу, берите с собой ножи, предсказателей. Покажите мне крепость и эти рассыпающиеся стены. Посмотрим, кто лучше укажет причину их разрушения, они или я, ничейный сын, — сказал я с презрением. — Все это игра воображения глупых стариков, они не могут больше ничего придумать. Не приходило ли вам в голову, король, что сын духа тьмы обладает чарами, превосходящими заклинания этих старых дураков? Если их утверждения верны и стены скрепит моя кровь, то почему они нашли выход не сразу, а ждали, пока стены рушились целых четыре раза? Позволь мне взглянуть на место лишь один раз, и я скажу, в чем дело. Клянусь богом всех богов, Вортигерн, если уж моя кровь сможет заставить стоять твою крепость, то живой я пригожусь тебе больше!

— Колдовство! Колдовство! Не слушайте его! Чего парень понимает в таких делах? — Моган сорвался на крик.

— Пусть говорит, — раздался хриплый голос старого воина. — Ничего не станется. Не отказывайся от помощи, Вортигерн, будь она от бога или от черта. Пусть попробует.

По залу разнеслись возгласы воинов, не испытывавших особых симпатий к колдунам.

— Пускай попробует!

Вортигерн в нерешительности нахмурился, переводя взгляд с Могана на воинов, затем на серые своды, за которыми лил дождь.

— Сейчас?

— Лучше сейчас, — отвечали они. — Осталось мало времени.

— Да! — громко произнес я. — Осталось мало времени.

Вновь установилась тишина, все взоры устремились ко мне.

— Сильный дождь, Вортигерн. Какой же король допустит, чтобы его крепость разваливалась под напором дождя? На этот раз тебе придется снова лицезреть упавшие стены. Все из-за того, что строишь в темноте и слушаешь советы слепых. Веди меня сейчас на вершину скалы, и я скажу тебе, почему рухнули стены. Если же ты послушаешь меня, а не этих жрецов мрака, я скажу, как отстроить крепость.

При моих словах дождь внезапно прекратился, словно где-то закрыли кран. В неожиданно наступившей тишине у людей от удивления пораскрывались рты. Онемел даже Моган. Вышло солнце, будто откинули темный занавес.

— Видите? — я рассмеялся. — Веди меня на вершину скалы, король, и при солнечном свете я укажу, почему падали стены. Но пусть захватят факелы. Они еще пригодятся.

10

Не доходя до подножия скалы, я уже видел, что был прав. На краю скалы в ожидании короля толпились строители, некоторые из них спустились навстречу. Запыхавшись, подошел мастер, крупный человек с наброшенной на плечи мокрой мешковиной. Он был бледен, с покрасневшими, словно от постоянного недосыпания, глазами. Мастер остановился в трех шагах от короля, нервно поглядывая на него. Мокрой тыльной стороной ладони он вытер лицо.

— Снова? — коротко спросил Вортигерн.

— Да, мой лорд. Но любой может сказать, что нашей вины здесь нет, как в первый раз, так и теперь. Вы видели вчера нашу кладку. На ваших глазах мы очистили место полностью и добрались до твердого камня. Клянусь, камень тверд, но стена все равно дает трещину.

Он облизал губы и, взглянув на меня, отвел глаза. Ему было известно о планах короля.

— Вы подниметесь наверх, мой лорд?

— Да. Уберите оттуда людей.

Человек проглотил комок в горле, повернулся и побежал наверх. Послышался его крик. Привели мула, король сел на него, меня за кисть крепко привязали к упряжи. Волшебник или нет — жертва не должна исчезнуть, не принеся желаемого эффекта. По бокам встали стражники. Военачальники и придворные столпились вокруг нас, тихо переговариваясь. Жрецы отчужденно и настороженно встали поодаль. Они особенно не беспокоились за исход. Они, как и я, понимали связь между их волшебством, могуществом богов и человеческими иллюзиями, основанными на вере. Они абсолютно уверены, что я смогу не больше, чем они. Даже если бы я принадлежал к их братии, они нашли бы способ победить меня. По мнению жрецов, я мог противопоставить их отработанным образам лишь знакомый им блеф и счастливый случай, остановивший дождь и вызвавший солнце.

Солнечные лучи отражались в мокрой траве. Мы очутились высоко над долиной. Внизу серебряной змейкой между зелеными берегами петляла река. Над королевским лагерем поднимался пар. Вокруг деревянной резиденции и зданий, как поганки, сгруппировались палатки. Между ними, как мокрицы, ползали люди. Великолепное место, самое настоящее орлиное гнездо. Король остановил мула в шумящей от ветра дубовой роще. Указывая вперед, на голые ветви, произнес:

— Вчера ты мог заметить оттуда западную стену.

За рощей тянулся узкий хребет, естественная насыпь, по которой строители протоптали широкую дорогу. Королевский форт представлял собой скалистый утес. С одной стороны к нему вел упомянутый хребет. Тремя другими сторонами с головокружительной высоты он круто обрывался вниз. На вершине находилась небольшая площадка, шагов на сто. Раньше ее покрывали жесткая трава, низкорослые деревья и кусты, пробивавшиеся между камней. Теперь же вся она превратилась в трясины из черной грязи, а посередине высились развалины злосчастной башни. С трех сторон стены возвели почти на высоту плеча, четвертая стена недавно раскололась, превратившись в груды камней. Некоторые из них попадали в грязь, остальные еле держались на скальном грунте. В землю загнали сосновые шесты, натянув сверху холст, чтобы укрыть постройку от дождя. Одни шесты упали, другие сломала упавшая стена, на оставшихся развевалась порванная и сырая парусина. Повсюду стояли лужи.

Рабочие отошли и молча столпились у дороги. На их лицах был написан страх. Боялись они не королевского гнева, а

неведомой силы, в которую продолжали верить. На выходе с площадки стояла стража. Без нее на скале не осталось бы ни единого человека.

Охранники сомкнули копья, но, узнав короля, развели их обратно.

— Вортигерн, мне не убежать отсюда, если, конечно, не спрыгну со скалы. Тогда моя кровь прольется именно там, где хочет Моган. Но я не смогу ничего определить, пока остаюсь привязанным.

Король кивнул головой, и один из стражников освободил меня. Я пошел вперед. Мул направился следом, осторожно ступая по густой грязи. За нами двинулись остальные. Моган догнал короля и стал что-то страстно говорить ему. До меня донеслись его слова: «Обман... побег... сейчас или никогда... кровь...»

Король остановился, и вместе с ним толпа.

— Здесь, парень, — сказал кто-то.

Я оглянулся и увидел седобородого, протягивавшего посох. Покачав головой, я отвернулся и зашагал вперед один.

Повсюду стояла вода, блестевшая в лужицах между кочками и на завитушках молодого папоротника, пробивавшегося сквозь блеклую зимнюю траву. Влага проступала на серых камнях. От водяного блеска я сощурил глаза.

Рухнула западная стена. Ее возводили прямо над обрывом. И хотя большей частью она обвалилась вовнутрь, часть обломков лежала на краю скалы. Под ними обнажилась вязкая глина. В северной стене оставили проход, чтобы позже построить ворота. Сквозь горы мусора и строительных приспособлений я пробрался в центр башни.

Земля здесь представляла густую массу спекшейся грязи. Лужи отсвечивали красной медью. Солнце садилось, посылая в наступающие сумерки последние лучи и слепя мне глаза. Я исследовал рухнувшую стену, трещины, угол падения и предательские выступы скального грунта.

В стороне не умолкал гомон толпы. Временами на обнаженном оружии играли блики. Король молчал, зато раздавался высокий и резкий голос Могана. Поскольку я молчал и бездействовал, внимание людей обратилось к нему.

Король видел меня через проем в стене. Остальные нет. Я взобрался, точнее, взошел (с достоинством все-таки) на развалины западной стены. Поднялся на самый верх оставшейся постройки, откуда меня видели все. Я поступил так не только, чтобы произвести впечатление на короля. Отсюда я хотел осмотреть заросшие лесом склоны, по которым мы только что взбирались. Освободившись от толпы, я хотел узнать, где пролегалла дорога в шахту, использовавшаяся мною много лет назад.

Меня отвлек нетерпеливый гул толпы. Я медленно в ритуальном жесте протянул руки к солнцу. Если я выступлю

перед ними в качестве мага, это может их сдержать на время. Пока жрецы сомневаются, а король надеется, у меня останется время вспомнить. Я не мог позволить себе петлять по лесу, как собака-ищейка. Их надо вести быстро и уверенно, как вел меня когда-то сокол.

Удача мне сопутствовала. Только я поднял руки, солнце зашло и не показывалось. Сумерки начали сгущаться.

Глаза перестало слепить. Я посмотрел в направлении гребня, где лежал изгиб холма, по которому я поднимался давным-давно. Склоны густо поросли лесом, гораздо гуще, чем было в те годы. Внизу, во впадине, деревья успели потерять первые листья. Лес темнел боярышником и остролистом. Я не узнавал пути, которым шел по зимнему лесу. Вглядываясь в спускавшуюся темноту, я представил себя ребенком.

Мы приехали из долины, держась реки. Над нами росли густые деревья, вот на том хребте и в той впадине. Король, Камлак, Диниас и остальные остановились у южного склона, не доезжая дубовой рощи. Там зажгли костры, там привязали лошадей. Был полдень, я шел за собственной тенью. Присел перекусить под скалой...

Ага, вспомнил. Серая скала за тропинкой, расколота молодым дубом. По другому склону шли короли, поднимаясь к королевскому форту. Тут же, рядом, через крутой склон, поросший лесом, пролетел сокол.

Я опустил руки и обернулся. Под пепельными облаками быстро угасали сумерки. На лесистых склонах сгущалась темнота. Над Вортигерном нависло облако, окаймленное желтым сиянием. Последние лучи света падали на далекие черные горы. Виднелись темные силуэты людей. Их накидки колыхались на ветерке. Струилось пламя факелов.

Я медленно сошел с возвышения. Дойдя до середины башни, остановился на виду у короля и простер вперед руки, повернув ладони вниз, словно прорицатель, осязающий подземное пространство. Толпа заворчала. Моган издал презрительный звук. Я уронил руки и подошел к ним.

— Ну? — твердо и сухо спросил король. Он нетерпеливо ерзал в седле.

Не обращая на него внимания, я прошел мимо и направился в толпу, словно ее не существовало. Руки мои продолжали висеть по бокам, взгляд направлен в землю. Люди затоптались и расступились, пропуская меня. Я перешел хребет, стараясь ступать по скользкой земле прямо и с достоинством. Поравнявшись с факельщиком, я поднял руку, и он безмолвно последовал за мной.

Протоптанная дорога была новая, но, к моей радости, она походила на прежнюю звериную тропу, по которой шагали короли. Пройдя по ней вниз, я безошибочно угадал скалу. В расщелине у корней дуба пробивался молодой папоротник. На

ветвях уже показались почки. Не колеблясь ни секунды, я свернул с дороги и направился в лесную чащу.

Заросли оказались гораздо гуще, чем мне помнилось. Никакого сомнения, что здесь давно никто не проходил. Возможно, мы с Сердиком стали последними, кто здесь побывал. Однако путь я помнил, будто стоял тот же зимний день. Я быстро шагал, не обращая внимания даже на кусты, поднимавшиеся выше моего роста, рассекая их, словно воду. На следующий день мое чародейское величие обернулось для меня царапинами, порезами и порванной туникой, но впечатление я все-таки произвел. Помню, что, когда на ходу путался накидкой в ветвях, факельщик выпрыгивал вперед, освобождая мою одежду.

Вот и заросли, прямо на склоне лощины. Камни грудями лежали между стволами деревьев, походя на пену в тихой камышовой заводи. Поверх росли еще голые кусты самбука и жимолости, тонкий, как волос, острая и гибкая куманика, плющ. Я остановился.

— Что такое? В чем дело? Куда ты нас привел? — спросил король. — Послушай, Мерлин, у тебя осталось мало времени. Если тебе нечего нам показать...

— Готов показать вам очень многое, — повысил я голос, чтобы меня услышали сзади. — Покажу тебе, король Вортигерн, или любому другому, у кого хватит смелости, волшебного зверя, сидящего под твоей крепостью и подтачивающего ее основы. Дайте мне факел.

Не оборачиваясь, я углубился в темные заросли и раздвинул кусты у входа в штольню.

Он был по-прежнему открыт. Замаскированный квадратный проем открывал сухой ход, ведущий прямо в сердце горы.

Мне пришлось наклонить голову, проходя под перемычкой. Я нагнулся и вошел, держа впереди факел.

Штольня запомнилась мне большой пещерой, и я приготовился к тому, что это детское воспоминание, как и остальное, окажется неверным. Огромное водяное зеркало увеличивало темную пустоту, залив весь пол, за исключением сухого каменистого полумесяца в шести шагах от входа. В это величавое озеро колоннами уходили своды пещеры, встречаясь в воде со своим отражением. За ними была темнота. Где-то в глубине слышался шум падающей воды. Здесь же ничего не нарушало покоя зеркальной поверхности. Где прежде по стенам струились ручейки, теперь выступила тончайшая пелена блестящей влаги, незаметно наполнявшей озеро.

Высоко держа факел, я приблизился к краю. Темень стояла крошечная и густая, хоть трогай руками. Походило на ночной мрак, подобный шкуре дикого зверя, покрывающей тебя плотным одеялом. Свет заискрился и замигал, отразившись

в воде. Воздух был спокойный и холодный, его, как в дремучем лесу пение птиц, наполняли звуки.

Люди, пробирались следом за мной. Я быстро думал. Теперь мог спокойно сказать им правду. Я поднялся бы в темную шахту и указал бы места, дававшие осадку под тяжестью постройки. Но я сомневался, что меня послушают. Кроме того, по их словам, оставалось мало времени. Враг стоял у ворот, и Вортигерну была нужна не логика и инженерный расчет, а волшебство — нечто обещавшее надежное решение и способное поддержать лояльность подданных. Лично он мог довериться голосу разума, но не мог позволить прислушаться к нему. Я догадывался, что сначала ему выгоднее убить меня и попытаться возвести стены вновь, замуровав меня в них. Иначе он потеряет своих строителей.

Люди набивались в пещеру, как пчелы в улей. Зажгли еще факелы, и темнота отступила. Прибавилось цветных накидок, блеска оружия и драгоценностей. Люди с благоговением осматривались. От дыхания шел пар. Слышались бормотания, как во время паломничества к святыне. Никто не повышал голоса.

Я поманил к себе короля. Вортигерн подошел и встал у края озера. Я показал вниз. Под водой что-то виднелось, наверное, камень. Он слегка отсвечивал, напоминал по форме дракона. Словно пробуя на вкус воздух, я начал медленно произносить слова, отчетливые и тяжелые, как свинец, как капли воды, падающие на камень.

— Под твоей башней, король Вортигерн, таится волшебство. Именно поэтому твои стены разъезжаются. Какой из твоих предсказателей покажет тебе то, что показываю тебе сейчас я?

Вместе с королем подошли два факельщика. Остальные держались поодаль. Свет бросал на стены колеблющиеся тени. Сочащаяся вода подхватывала свет и уносила вместе с их отражением. Водоем искрился светом, как шипящее игристое вино. Блики играли, сливались и соединялись на поверхности, превращаясь в жидкое пламя. Светопад превратил каменные стены в хрустальные, словно ожил, и начал вращаться вокруг меня хрустальный грот. Полночный звездный небосвод пришел в движение.

Я с трудом вобрал в легкие воздух и продолжил:

— Если ты осушишь это озеро, Вортигерн, и узнаешь, что скрывается под ним...

Я остановился. Свет изменился. Никто не шевелился, и воздух не колебался, но свет факелов дрожал вместе с руками, держащими их. Я перестал видеть короля, между нами заплесало пламя. Сверху побежали тени, пещеру наполнили глаза, крылья, стучащие копыта и рубиновый порыв огромного дракона, нависшего над своей жертвой.

Кто-то, захлебываясь, закричал высоким голосом. Меня пронизала боль, исходящая из живота. Я перестал видеть.

Мои руки, скрестившись, простерлись. Голова заболела. Щека ощутила твердую и влажную поверхность скалы. Я потерял сознание и упал. Меня начали убивать. Кровь закапала в воду, скрепляя камень и основания их проклятой башни. Я подавился воздухом, как желчью, вцепился руками в скалу и широко раскрыл глаза. Видел лишь пляску стягов, крыльев, волчьих глаза и больные пасти. В потоках крови падали звезды.

Я снова испытал приступ боли. Раскаленный нож вошел в мои внутренности. Я закричал, внезапно руки мои освободились. Загородившись ими от сверкающих видений, я услышал свой собственный голос. Передо мной кружились видения, распадаясь и сливаясь в невыносимо ярком свете и вновь исчезая во мраке и безмолвии.

11

Проснулся я в комнате, занавешенной роскошными узорчатыми тканями. Через окно шел яркий солнечный свет, заливший дощатый пол.

Я осторожно пошевелился, проверяя, все ли цело. От головной боли — ни следа. Я лежал обнаженный, тепло укутанный в мягкие меха. Никаких признаков онемения. Я недоумевающе поглядел в окно, затем повернул голову и увидел стоящего за кроватью Кадала. На его лице появилось выражение облегчения.

— Давно пора, — произнес он.

— Кадал! Клянусь Митрой! Как я рад тебя видеть! Что случилось? Где мы?

— Мы в лучших гостевых покоях Вортигерна, вот где мы. Ну, ты и задал ему, юный Мерлин, прямо по первое число.

— В самом деле? Не припомню. Похоже, что собирались расправиться именно со мной. Ты хочешь сказать, что меня больше не собираются убивать?

— Убивать? Тебя, скорее, посадят в священную пещеру и будут девственниц приносить в жертву. Жаль, напрасная трата. Уж я бы распорядился.

— Я буду передавать их тебе. О, Кадал, как я рад тебя видеть! Как ты сюда попал?

— Я только вернулся к воротам монастыря, как явились они за твоей матерью. Услышал, как спрашивали ее и сказали, что ты находишься у них, а завтра при первых петухах они повезут вас обоих к Вортигерну. Полночи я искал Маррика, другую половину ночи — приличную лошадь, но напрасно. Пришлось довольствоваться купленной тобой развалиной. Даже при ваших темпах я отставал от вас на день. Ну да ладно. В конце концов я здесь, приехал вчера

вечером. Дворец гудел, как разворошенный улей. — Кадал хохотнул. — Мерлин то, Мерлин се, тебя называют уже королевским пророком! Когда сказал, что я твой слуга, меня никак не могли сюда довести. Похоже, что чародеев твоего класса еще не научились обслуживать. Что-нибудь поешь?

— Нет, да. Да, пожалуй. Я голоден. Подожди, ты сказал, что приехал сюда вчера? Сколько же я проспал?

— Ночь и день. Уже заходит солнце.

— Ночь и день? Тогда... Что случилось с моей матерью, Кадал? Тебе известно?

— Она уехала домой в целости и сохранности. Не беспокойся о ней. Принимайся за еду, пока я рассказываю. Вот.

Он принес поднос с горячим бульоном и мясным блюдом с хлебом, сыром и сушеными абрикосами. К мясу я не мог прикоснуться, но остальное, слушая Кадала, съел с удовольствием.

— Ей ничего не известно об их намерениях и о прошедшем. Когда прошлой ночью она спросила о тебе, ей сказали, что ты здесь, окружен «королевской заботой» и снискал «королевское расположение». Ей также передали, что ты, образно говоря, переплюнул всех жрецов, столько напропорочив. Сегодня утром твоя мать пришла удостовериться. Увидев тебя спящим как ребенок, она ушла. У меня не было случая с ней переговорить, я лишь видел, когда она отбыла в сопровождении королевского кортежа. Мать сопровождал целый конный отряд, а женщинам выдали носилки.

— Ты говоришь, «напропорочил», «переплюнул всех жрецов»? — Я приложил к голове руку. — Чего-то не припомню. Мы находились в пещере под королевским фортом. Об этом тебе сказали, наверное? — Я поглядел на него. — Что там произошло, Кадал?

— То есть ты не помнишь?

— Мне известно лишь, что они собирались убить меня ради того, чтобы их чертова башня перестала падать. И тогда подsunул им какую-то ерунду. Оporочив жрецов, я спас бы собственную шкуру. В конечном счете просто надеялся выиграть время и ускользнуть от них.

— Да, я слышал, что они собирались проделать. Интересно, какими невежественными бывают люди. — Он внимательно посмотрел на меня. — Забавная, однако, ложь. Откуда тебе стало известно о туннеле?

— О, очень просто. Мальчишкой я бывал в здешних местах. Сюда же попал со своим прежним слугой Сердиком. Этот заброшенный туннель я обнаружил, следя за полетом сокола в лесу.

— Понятно. Некоторые называли бы это удачей, если бы не знали тебя. Ты заходил прямо в него?

— Да. Впервые услышав о развалившейся западной стене, я уловил связь с находившейся внизу заброшенной шахтой.

Я быстро пересказал Кадалу историю, случившуюся в пещере.

— Огни, искрящаяся вода, крик — все это не походило на «виденное» мною прежде — белого быка и тому подобное. Последнее видение отличалось и оказалось гораздо более болезненным. Должно быть, оно в чем-то напоминало смерть. В конце я, наверное, потерял сознание. И совсем не помню, как меня сюда несли.

— Не знаю об этом. Я застал тебя крепко спящим. Вполне обычный сон. Без особых церемоний я осмотрел тебя всего, чтобы удостовериться в твоей целостности. Они тебя не тронули, не считая царапин и порезов, которые ты насобирав, продираясь по лесу. Судя по предоставленному жилью и обращению с тобой, не думаю, чтобы на тебя подняли руку, по меньшей мере сейчас. Что бы с тобой ни приключилось — обморок, экзотический припадок, ты нагнал на них достаточно страху.

— Да, но как именно? Тебе рассказывали?

— Да, рассказывали, у кого сохранился дар речи. Беррик, человек, давший тебе факел, сказал, что жрецы приготовились перерезать тебе глотку, и, если бы король не стал в тупик, озадаченный вашим поведением, они не замешкались бы. Мне известно все. Беррик говорит, он не поставил бы двух пенсов за твою жизнь, услышав историю, рассказанную матерью, чушь о нечистой силе, явившейся в темноте. Тебя отдали на заклятие! Что ею овладело?

— Она думала помочь мне этим. Ей показалось, король узнал, кто мой отец, и поэтому притащил нас сюда проверить, не знаем ли мы о его планах, — проговорил я задумчиво. — И еще. Сразу ощущаешь засилье суеверий. У меня у самого мурашки по коже побежали. Наверное, она тоже это почувствовала и решила волшебству противопоставить волшебство. Поэтому она и рассказала старую сказку о моем происхождении от злого духа, немного приукрасив ее. — Я улыбнулся. — Хорошо получилось, и сам бы поверил, если бы не знал, как оно на самом деле. Ладно, продолжай. Мне интересно, что произошло в пещере. Я говорил что-то разумное?

— Нет, не это, если быть точным. Я так и не разобрался, где начало, а где конец в рассказе Беррика. Он клянется, что передал все почти дословно. Похоже, он претендует на то, чтобы стать певцом или кем-то в этом роде. Беррик говорит, ты стоял, глядя на бегущую под стенами воду, а потом начал говорить, вполне обычно, объясняя королю, как пролегает ход в горе и как от него расходятся трещины. Но тут главный жрец, Моган, что ли, начал кричать: «Детский лепет!» Но ты перебил его воплем, от которого у присутствующих замерзли яйца. Это слова Беррика, он не привык вращаться среди джентльменов. У тебя закатились белки, ты вытянул руки, будто собираясь снимать с неба все звезды (опять выражение Беррика, стать ему непременно поэтом), и начал пророчить.

— Да?

— Так они в один голос утверждают. Все было завуалировано: орлы, волки, львы, вепри и прочие твари, которых выпускают на арену, даже больше того — драконы! Ты забежал на сотни лет вперед, бог с ним, но Беррик утверждает, что твои слова звучали как последняя истина, будто ты ставил последний пенни, что твои пророчества сбудутся.

— Возможно, — сухо ответил я, — если сказанное относилось к Вортигерну или моему отцу.

— Именно так, — подтвердил Кадал.

— Что же, мне лучше узнать об этом, чтобы потом ничего снова не придумывать.

— Все завуалировано, как поэтическая чушь. Красные и белые драконы схватываются, опустошают страну, льются потоки крови и так далее. Говоря о будущем, ты сослался на непререкаемые авторитеты. Белый дракон саксов вступает в битву с красным драконом Амброзиуса. Поначалу у красного дракона не все ладится, но в итоге он побеждает. Да. Затем из Корнуола приходит медведь и сметает всех.

— Медведь? Ты имеешь в виду вепря, конечно же. Это символ Корнуола. Гм. Возможно, что в конце концов он примет сторону отца.

— Беррик сказал: медведь. Он произнес слово «артос», хотя сам и не понял его до конца. Однако ты ясно сказал «артос», утверждает он. Артур или какое-то имя. Ты не помнишь ни слова?

— Ни слова.

— Ну, что ж, я сам больше не припоминаю. Но если они будут тебя расспрашивать, думаю, ты найдешь способ выведать у них все, что ты сказал в пещере. Вполне естественно для пророков не помнить своих собственных слов? Оракулы и тому подобное?

— Думаю, так.

— Если закончил с едой и чувствуешь себя хорошо, то лучше встать и одеться. Вот тебя там ждут.

— Зачем? Клянусь богом, им еще требуются советы? Они выбирают новое место для башни?

— Нет. Они делают, что ты им сказал.

— Что?

— Осушают водоем при помощи трубопровода. Они проработали всю ночь и день, подключая насосы для вывода воды из штольни.

— Но зачем? Башня не станет крепче. Наоборот, может провалиться вершина скалы. Все, закончил. Забери. — Я отодвинул поднос и сбросил покрывала.

— Ты хочешь сказать, что я наговорил все это в своем бреду?

— Да. Ты сказал им осушить озеро, на дне которого они найдут диких зверей, сотрясающих королевский форт. Драконов, белого и красного, ты сказал.

Я сел на кровати, зажав руками голову.

— Что-то припоминаю. Да, увидел под водой камень, напоминавший по форме дракона. Я начал говорить что-то королю об осушении этой лужи, но не имел в виду непременно осушать ее. Я сказал: «Даже если ты осушишь озеро, тебе это не поможет». Именно так.

Я поглядел на Кадала.

— Ты хочешь сказать, что они на самом деле выкачивают воду, веря, что какая-то водная тварь расшатывает фундамент?

— Ты им так сказал, утверждает Беррик.

— Беррик — поэт, он приукрашает.

— Возможно. Но так или иначе, они все собрались там, насосы работают не переставая. Король тоже там. Он ждет тебя.

Я замолчал. Кадал с сомнением поглядел на меня, забрал поднос, потом вернулся с полотенцами и серебряным сосудом, наполненным горячей водой. Пока я совершал омовение, он копался в сундуке, вынимая и расправляя одежду.

— Ты не выглядишь обеспокоенным, — продолжал он через плечо. — Если они осушат эту лужу до дна и ничего не обнаружат...

— Обнаружат. Не спрашивай, что я не знаю, но если сказал... то верно. Вещи, которые я предвижу подобным образом, сбываются. Я обладаю предвидением.

Брови у Кадала поползли вверх.

— А я об этом не знал! Сколько раз ты меня пугал, предвидя то, чего не могли видеть другие!

— Тебе не впервой меня бояться, Кадал?

— В каком-то смысле. Но сейчас я не боюсь и не собираюсь пугаться. Ведь кому-то надо присматривать за дьяволом. Он тоже одевается, ест и пьет. Если ты закончил, хозяин, то давай посмотрим, подойдут ли тебе вещи, присланные королем.

— Присланные королем?

— Похоже на одежду, которую, по их мнению, положено носить волшебнику.

— Часом не длинные белые робы со звездами, полумесяцами и свившимися змеями? Ого, Кадал...

— Твоя одежда изорвана, надо было подыскать что-то взамен. Однако ты забавно смотришься в этом одеянии. Надо тебе не мешкая еще разок попробовать произвести на них впечатление.

Я рассмеялся.

— Возможно, ты прав. Надо взглянуть на них. Рано соревноваться с компанией Могана. Гм. Не белая. Что-то темное и черная накидка. Пожалуй, пойдет. Приколю брошь с драконом.

— Надеюсь, ты не зря столь уверен в себе. — Кадал поколебался. — Может, нам, несмотря на то, что все увлечены, удариться все-таки в бега? Не дожидаться, какой нам выпадет камень? Я могу увести пару лошадей.

— Удариться в бега? Я по-прежнему пленник?

— Кругом стража. За тобой смотрят, но не охраняют, хотя, клянусь собакой, это одно и то же. — Кадал посмотрел в окно. — Скоро стемнеет. Я мог бы напеть им чего-нибудь, чтобы успокоить, а ты якобы уснул.

— Нет, я должен остаться. Если я смогу заставить Вортигерна слушать меня... Дай подумать, Кадал. В ночь, когда нас взяли, ты виделся с Марриком. Значит, известия находятся в пути. Насколько могу судить, отец двинется немедленно. И чем скорее, тем лучше. Он сможет поймать Вортигерна здесь, на западе, не дав ему возможности соединиться с Хенгистом... — Я размышлял. — Корабль должен был отчалить три, нет, четыре дня тому назад.

— Он уже отчалил до твоего отъезда из Маридунума.

— Что?

Кадал улыбнулся.

— А что ты хочешь? У Графа непонятно по какой причине захватили жену и сына! Кругом начали распространяться небылицы, и даже Маррик счел нужным немедленно вернуться к Амброзиусу с этим известием. Корабль отплыл в тот же день и вышел из устья до твоего отъезда.

Я стоял не шевелясь. Помню, что Кадал суеился, одевая меня в черную тогу и пытаясь тайком спрятать в складках брошь с драконом. Я глубоко вздохнул.

— Это мне и требовалось узнать. Теперь я знаю, что делать. «Пророк короля», говоришь? Их слова ближе к истине, чем они подозревают. Королевскому пророку надлежит лишить этих подлых обожателей саксов боевого духа и вогнать Вортигерна в такое место, где Амброзиус сможет легко с ним расправиться.

— Ты думаешь, сможешь проделать это?

— Уверен.

— Надеюсь, тебе также известно, как нам ускользнуть отсюда, прежде чем они догадаются, на чьей ты стороне.

— Почему бы и нет? Узнав, куда направляется Вортигерн, мы отбудем с этими новостями к моему отцу. — Я улыбнулся. — Так что уводи лошадей, Кадал, и жди у реки. Поток перегородило упавшее дерево — у него, ты не спутаешь. Спрячься и жди поблизости. Но прежде я должен помочь Вортигерну выявить драконов.

Я двинулся к двери, но Кадал опередил меня и положил руку на засов. В его глазах светился испуг.

— Ты в самом деле намерен в одиночку отправиться в самую гущу этой волчьей стаи?

— Я не один. Запомни это. Если ты не доверяешь мне, доверь тому, что находится внутри меня. Я познал, что бог приходит по своему усмотрению и когда захочет. Он расщепляет плоть и делает, что ему надо. Потом он вырывается прочь, не менее яростно, чем проникая внутрь. Затем чувствуешь

легкость и пустоту — ощущения парящего ангела. Нет, они ничего мне не сделают, Кадал. Я обладаю силой.

— Они убили Галапаса.

— Когда-нибудь они убьют и меня, — ответил я. — Но не сегодня. Открой дверь.

12

Все собрались у подножия скалы, где протоптанная рабочими дорога спускалась в болотистую ложбину. Меня по-прежнему охраняли, правда, на этот раз оставалась лишь видимость охраны. Это был скорее почетный караул. Четыре воина при полном снаряжении проводили меня к королю.

На вязкую почву положили дощатый настил, соорудив подобие платформы. На нем стояло кресло короля. С трех сторон поставили укрытые от ветра, набросав хворост и сделав навес из крашенных шкур. Вортигерн сидел молча, положив подбородок на кулак. Королева и придворные дамы отсутствовали. Неподалеку замкнуто и торжественно стояли жрецы, по бокам расположились командиры.

За импровизированной беседкой багровым пятном светило заходящее солнце. Должно быть, сегодня снова прошел дождь. Трава намочка, каждый листочек прогибался под тяжестью капель. Знакомые серо-сланцевые облака медленно проплывали на фоне заката. Зажигали факелы. Тусклые и совсем незаметные, в лучах заходящего солнца они больше дымили, чем светили.

Я подошел к помосту. Король смерил меня взглядом и промолчал. Он не торопился с окончательным суждением. Почему бы и нет, подумал я себе. Сотворенное мною ему в принципе знакомо. Теперь же он ожидал получить доказательства хотя бы части моего пророчества. Если их не будет, то еще есть время прямо здесь пролить мою кровь. Интересно, сильный ли дует сейчас ветер из Малой Британии? В трехстах шагах под дубами и ивами темнела река.

Вортигерн подал мне знак занять место на помосте. Я поднялся и встал по правую руку от него, напротив жрецов. Некоторые командиры отодвинулись от меня. Их лица одеревенели, они старались не глядеть на меня. Увидев скрещенные пальцы, я подумал: справлюсь, найдут они дракона или нет. Почувствовав на себе чей-то взгляд, я обернулся. Седобородый. Он пристально смотрел на мою брошь. Наши взгляды скрестились. Глаза его расширились, рука потянулась к бедру освободить из ножен меч. Я отвернулся. Никто не говорил.

Ожидание было тягостным. По мере захода солнца свежел весенний ветер, развевавший на помосте полотнища. В камышовых зарослях плескалась и шла рябью вода. Под досками помоста гудел ветер. Где-то в темнеющем небе засвистел крон-

шнеп и умолк в стремительном, как водопад, полете. С нашего места мы могли лишь различать какое-то движение в деревьях — единственный признак работы. Последние багряные лучи солнца ярко освещали западный склон королевского форта и верхушку скалы с треснувшей стеной. Строителей не было видно, вероятно, они находились в пещере и штольне. Периодически с донесениями о ходе работ прибегали мальчишки. Насосы действовали исправно, и за последние полчаса уровень озера понизился на две пяди. Терпение короля подверглось серьезному испытанию, когда насосы вышли из строя и мастера принялись их налаживать. Тем временем люди поставили лебедку и начали вычерпывать воду ведрами. Но вот насосы наладили, и уровень снова начал падать. Скоро дойдем до дна, думали, наверное, они...

Прошло два часа. Мы околели от холода. Почти стемнело, когда на дороге показались огни и толпа рабочих. Они шагали быстро и твердо, ничем не походя на испуганных людей. Еще до их приближения я понял, что они нашли. Мастера остановились в ярде от помоста, вокруг столпились строители. Мои стражники подошли ближе.

Среди рабочих были воины. Их командир вышел вперед и отсалютовал.

— Озеро пусто? — спросил Вортигерн.

— Да, сэр.

— Что находится внизу?

Командир помолчал. Ему следовало быть бардом. Но для того чтобы приковать к себе внимание присутствующих, ему можно было и не молчать. Все взоры были устремлены к нему.

Внезапный и сильный порыв ветра с хлопком отбросил в сторону его накидку. Помост зашатался. Сверху пролетела птица, несомая ветром. Не сокол. Сегодня вечером не его время. Это пронесся запоздалый грач, спешащий домой.

— На дне ничего нет, сэр, — его голос прозвучал безразлично и нарочито официально. Пронесся ропот. Моган наклонился вперед, его глаза заблестели, как у стервятника. Можно было заметить, что он выжидает. Вортигерн потянулся вперед.

— Вы уверены в этом? Осушили до дна?

— Разумеется, сэр. — Он подал знак стоявшим сзади людям, и трое или четверо из них выступили вперед, вывалив перед помостом кучу предметов. Сломанная мотыга, изъеденная ржавчиной, кремневые топоры доримской эпохи, пряжка от ремня, нож с изржавленным лезвием, обрывок цепи, металлическое кнутовище и обломки кухонных котлов.

Воин поднял руку ладонью вверх.

— Сказав «ничего», я имел в виду лишь то, что вы подразумевали, сэр. Мы добрались почти до самого дна, но это не имеет значения. Дно просматривалось через воду и грязь. Чтобы удостовериться, мы зачерпнули последнее ведро. Старший мастер подтвердит.

Вперед вышел мастер, в руке он держал переполненное ведро.
— Это правда, сэр. Там ничего нет. Можете взглянуть сами. Там видно дно. Но лучше не надо, туннель весь в грязи, по нему не пройдешь. Но мы принесли последнее ведро, чтобы вы могли убедиться.

С этими словами он выплеснул бадью на и без того мокрую землю. С грязью на землю выпали обломки камней и серебряная монета.

Король повернулся ко мне. После вчерашнего представления в пещере жрецы хранили молчание. Король явно ждал, но не оправданий, а объяснений.

Видит бог, у меня было время подумать, но я знал, что размышления мне не помогут. Если бы он был со мной, он пришел бы сейчас. Я взглянул на лужи, словно залитые кровью в лучах заходящего солнца. За скалой, на востоке, зажигались звезды. Ветер шумел в верхушках дубов, под которыми меня ожидал Кадал.

— Ну? — спросил Вортигерн.

Ощущая внутри пустоту, я сделал шаг к краю помоста. Надо было что-то сказать. Пока я шел, резкий удар ветра сотряс навес. Раздался треск, словно стая борзых загоняла оленя. Кто-то вскрикнул. Вверху стяг запутался в веревках и парусом подставился ветру, принимая на себя его порыв. Древко зашаталось. Стяг закачался вперед-назад и, вырвавшись из рук, рухнул на мокрую траву к ногам короля.

Ветер утих, наступило затишье. Знамя лежало на земле, пропитываясь влагой, — белый дракон на зеленом поле. На глазах у всех он опустился в лужу, и его залило водой. Последний угасающий луч окрасил воду в кровавый цвет.

— Плохая примета, — сказал кто-то со страхом.

— Великий Тор, Дракон пал! — громко произнес другой.

Раздались крики. Знаменосец с посеревшим лицом уже наклонился за стягом, но я опередил его.

— Сомневается ли кто-нибудь в том, что бог сказал свое слово? Оторвите свои глаза от земли и посмотрите, как он будет говорить вновь.

В восточной части потемневшего неба показался метеор, падающая звезда, которую астрологи называют огнедышащим драконом. За ней тянулся ярко-белый хвост раскаленного огня.

— Вот он мчится! — закричал я. — Вот он Красный Дракон с запада. Говорю тебе, король Вортигерн, не трать даром время на этих невежественных глупцов, болтающих о жертвенной крови. Зачем тебе возводить стену по футу в день? Какая стена сдержит дракона? Я, Мерлин, говорю тебе, гони прочь жрецов и призови к себе своих командиров. Покиньте горы Уэльса и уходите к себе на родину. Королевский форт не для тебя. Вы видели сегодня приближающегося Красного Дракона, подмывшего под себя Белого Дракона. Клянусь богом, вы видели правду! Остерегайтесь! Снимайте свои палатки и возвращайтесь

домой, охраняйте свои рубежи от Дракона, который хочет вас спалить. Вы позвали меня сюда, чтобы я сказал. Дракон здесь, говорю я!

Король вскочил на ноги. Люди закричали. Я запахнулся в черный плащ и не спеша пошел мимо рабочих и воинов, заполнявших пространство у подножия помоста. Меня не оставляли. Они скорее дотронулись бы до ядовитой змеи. Сзади сквозь ропот толпы послышался голос Могана, и мне показалось, что меня собираются задержать. Однако люди отхлынули от помоста и начали пробиваться к дороге в лагерь. Заметались огни факелов. Кто-то поднял намокшее знамя. Военачальники расчищали путь для короля. Я поглубже укутался в накидку и скользнул в темноту. Никем не видимый, я обошел помост.

В трехстах шагах от меня в поле темнела дубовая роща. Под дубами по шлифованным камням журчал поток.

— Сюда, — раздался тихий и тревожный голос Кадала. Лошадь высекала копытом искру из камня. — Я достал для тебя лошадь поспокойнее, — он поставил мне под ногу руку и помог сесть в седло.

Я рассмеялся.

— Сегодня ночью я могу оседлать самого огнедышащего дракона. Ты видел?

— Да, хозяин. Видел и даже слышал тебя.

— Ты же поклялся, Кадал, что никогда не будешь меня бояться. Это была просто падающая звезда.

— Однако она появилась именно в нужное время.

— Да. Но сейчас нам надо уезжать, пока есть возможность. Самое главное — своевременность, Кадал.

— Такими вещами не шутят, хозяин Мерлин.

— Клянусь богом, я не шучу.

Лошади вырвались из мокрой рощи и легким галопом понеслись по гребню горы. Справа высилась заросшая лесом гора, скрывавшая от нас закат. Впереди лежала узкая горловина долины, отделявшая гору от реки.

— Они будут преследовать тебя?

— Вряд ли.

Вскоре мы заметили у реки всадника. Наши лошади испугались и отшатнулись в сторону.

Лошадь Кадала взвилась. Раздался звон железа. Чей-то знакомый голос произнес:

— Убери меч, друг.

Лошади затоптались. Кадал взял другую лошадь за поводья.

— Чей друг?

— Амброзиуса.

— Подожди, Кадал, это седобородый, — сказал я. — Как вас зовут, сэр? Что вам от меня нужно?

Он хрипло прокашлялся.

— Я Горлуа из Корнуола.

Кадал крайне удивился. Он по-прежнему держал поводья лошади Горлуа и не убирал кинжала. Старый воин сидел, не двигаясь. Погони не было слышно.

— Тогда, сэр, я хотел бы спросить вас, что вы делаете у Вортигерна? — медленно произнес я.

— То же, что и ты, Мерлин Амброзиус, — его зубы над бородой обнажились в улыбке. — Я приехал на север разузнать и передать известия Амброзиусу. Время запада придет весной. Но ты явился рано. Я мог бы сберечь тебе усилия.

— Вы приехали один?

Он коротко рассмеялся смехом, напомнившим мне собачий лай.

— К Вортигерну? Нет уж. Мои люди последуют за мной. Но мне нужен ты, нужны новости, — и с горечью добавил: — Клянусь божьей печалью, ты еще сомневаешься во мне? Я явился к тебе один.

— Нет, сэр. Отпусти его, Кадал. Если вы хотите поговорить со мной, мой лорд, то придется делать это на ходу. Нам надо быстрее ехать.

— Охотно. — Мы тронулись.

Немного отъехав, я спросил:

— Вы догадались, увидев мою брошь?

— До этого. Ты похож на него, Мерлин Амброзиус. — Он снова рассмеялся грудным смехом. — Клянусь богом, ты иногда похож и на дьявольское отродье. Осторожнее, мы у брода, а он глубок. Говорят, что колдуны не преодолевают воду?

Я рассмеялся.

— Мне всегда плохо в море, но сейчас я управлюсь.

Лошади без помех преодолели брод и галопом взобрались на следующий склон. Мы выехали на мощеную дорогу, хорошо видную в звездном свете. Она вела через холмы на юг.

Мы проскакали всю ночь, не обнаружив за собой погони.

На третий день рано утром в Уэльсе высадился Амброзиус.

Книга IV.

Красный Дракон

1

Читая летописи, можно подумать, что покорение Британии и воцарение на ее троне заняло у Амброзиуса два месяца. На самом деле у него ушло на это больше двух лет.

Воцарение не отняло много времени. Он и Ютер недаром провели долгие годы в Малой Британии, создавая ударную регулярную армию, подобной которой не видела Европа со

времен роспуска войска Князя Саксонского берега около ста лет тому назад. По существу, Амброзиус построил свои силы по образцу войска Князя. Они стали совершенным средством боя, будучи способными прокормить и обеспечить самих себя, а также перемещаться вдвое быстрее, чем любая другая армия; с цезарской скоростью, говорили еще во времена моей юности.

Он высадился у Тотиз, в Девоне. Ветер благоприятствовал, погода на море стояла тихая. Еще не подняли стяг с Красным Драконом, как сторону Амброзиуса принял весь Запад. Прямо здесь же, у моря, он стал королем Корнуола и Девона. По мере продвижения на север в его армию вливались со своими силами местные лидеры и короли. К Амброзиусу явился Эльдоль из Глостера — жестокий старик, сражавшийся с Константином против Вортигерна, с Вортигерном против Хенгиста, с Вортимером против обоих сразу и готовый сражаться против кого угодно. Встреча произошла у Гластонбери, и там же Эльдоль присягнул на верность Амброзиусу. Его сопровождала группа менее значительных военачальников, не последнее место среди которых занимал брат Эльдоля — Эльдад, епископ, чья христианская добродетель заставляла языческих хищников выглядеть кроткими агнцами по сравнению с ним. Интересно, где он проводил темные ночи, когда приходило время зимнего солнцестояния? Несмотря на это, он пользовался влиянием. Моя собственная мать отзывалась о нем с почтением. Выступив за Амброзиуса, он увлекал за собой всю христианскую Британию, которой не терпелось отбросить обратно орды неверных, продвигавшихся в глубь материка от мест их высадки на юге и востоке. Последним приехал Горлуа из Тинтагеля в Корнуоле, явившись с новостями прямо из лагеря Вортигерна, который поспешно покидал уэльские горы. Горлуа был готов принести клятву верности Амброзиусу, и если тому не изменит счастье, то корнуольское королевство впервые вошло бы в состав Верховного королевства Британского.

Основную проблему для Амброзиуса представлял не недостаток в силах, а их характер. Урожденные бритты устали от владычества Вортигерна, и им не терпелось вышвырнуть саксов из своей страны, получив обратно дома и земли. Однако большинство из них были знакомы только с партизанской войной, или тактикой «налетел-ускакал», способными причинить врагу беспокойство, но не сдержат неприятеля надолго, если тот замыслил серьезное. Более того, каждый отряд возглавлял свой командир, и оставалось лишь гадать, как они будут перегруппировываться и строиться под командованием чужаков. С тех пор, как сто лет назад Британию покинул последний римский легион, мы (как и в доримскую эпоху) сражались по племенам. Невозможно было себе представить, к примеру, как люди из Девета могли сражаться плечом к плечу с северными уэльсцами, пусть даже и во главе со своими командирами. Они перегрызли бы друг другу глотки до начала битвы.

В этом деле Амброзиус показал себя, как и во всем, хозяином. Как всегда, он нашел каждому применение по его силам. Для координации, не более того, он разослал по отрядам своих людей. С их помощью он ненавязчиво отвел каждому войску роль в соответствии со своим главным планом. Его собственные отборные войска принимали на себя всю тяжесть наступления.

Все это стало известно мне позже, да я и сам мог догадаться, зная Амброзиуса. Можно было догадаться также, что произойдет после сбора всех сил и объявления его королем. Его британские союзники призвали к походу против Хенгиста и саксов, к освобождению своей страны. Вортигерн их особо не волновал. И в самом деле, Вортигерн уже растерял большей частью свое могущество, и Амброзиус мог не брать его в расчет и сосредоточиться на саксах.

Однако он не уступил давлению. Сначала необходимо подготовить поле для генеральной битвы и выкурить старого волка, сказал он. Помимо этого, указывал Амброзиус, Хенгист и его саксы являлись северянами и легко поддавались страху и слухам. Как только Амброзиус объединит бриттов и разгромит Вортигерна, саксы начнут опасаться их как реальной силы. Он рассчитывал, что с течением времени саксы соберутся в единую большую армию, которую можно будет разбить одним ударом.

Для обсуждения тактики они собрались на совет к крепости у Глостера, стоящей у первого моста через Северн. Могу представить себе Амброзиуса на совете — слушающего, взвешивающего, высказывающегося, говорящего с присущей ему серьезной легкостью, позволяющего высказаться каждому для утешения собственной гордости. Вот в конце он принимает решение, заготовленное с самого начала, уступая по мелочам, и каждый думает, что он добился желаемого от своего командира.

В итоге они выступили через неделю на север и настигли Вортигерна у Доварда.

Довард расположен в долине Гая, которую саксы называют Уэй или Уай. Гай — это большая глубокая река, безмятежно катящая свои воды меж узких ущелий и склонов, поросших лесами. То там, то здесь долину покрывают зеленые пастбища, однако морской прилив поднимается вверх по реке до нескольких миль, и часто эти низинные луга заливаются зимой шумящим желтым потоком. Великий Уай бывает не так уж безмятежен, и даже летом там остаются глубокие озера с крупной рыбой. Течение же может порой перевернуть плетеную лодку или унести человека.

Дальше к северу, вне пределов досягаемости морских приливов, в широко изгибающейся долине находятся два холма, которые и называют Довард. Тот, который к северу, крупнее, на нем больше леса. Его испещряют пещеры, населенные диким зверем и преступниками. Холм, называемый Малым Довардом,

также зарос лесом, но в меньшей степени. Его скалистая и крутая вершина возвышается над деревьями, образуя естественную цитадель. Не удивительно, что с незапамятных времен там строили крепости. Задолго до римлян на Малом Доварде построил себе крепость один король бриттов. Она стояла на самой вершине, откуда просматривалась вся округа, ее защищали скала и река, превратив в неприступную крепость. На вершине имелась широкая площадка с крутыми обрывистыми краями, и, хотя с одной стороны существовала возможность установить вне досягаемости осадные машины, от них все равно не было бы толку, поскольку там шли сплошные скалы.

Со всех сторон, кроме этой, крепость окружал двойной вал и ров, мешавшие добраться до основной стены. Даже римляне штурмовали ее однажды. Им удалось взять крепость лишь благодаря предательству. Это случилось во времена Каратакуса. Довард представлял собой крепость, которую, как и Трою, надо было брать изнутри.

На этот раз ее также взяли приступом изнутри. Но не предательством, а огнем.

Всем известно, что там произошло. Люди Вортигерна едва оправились после стремительного перехода из Сноудона, когда в долине Уая появилась армия Амброзиуса и встала лагерем к западу от Довардского холма в местечке под названием Ганарью. Мне неизвестно, сколько провианта имелось у Вортигерна, но говорили, что крепость была хорошо подготовлена к осаде, а внутри имелось два неиссякаемых источника. У Амброзиуса ушло бы немало времени на осаду. Осады же он не мог себе позволить. Хенгист собирал войска, а апрельские воды вот-вот откроются для навигации. Союзники-бритты также не привыкли сидеть долго на одном месте и не остались бы для продолжительной осады. Требовалась быстрота.

Осада была быстрой и жестокой. Говорили, что Амброзиус действовал так из чувства мести за давно погибшего брата. Не думаю, что так. Долгое озлобление было не в его натуре. Здесь проявились его качества прирожденного военачальника. Им двигала необходимость, а также жестокость самого Вортигерна.

Амброзиус осаждал крепость по всем военным канонам в течение трех дней. Там, где позволяла местность, он установил осадные машины и попытался пробить оборонительные укрепления. В двух местах ему удалось проломить внешний крепостной вал над ущельем, которое до сих пор называли «римской дорогой». Но когда его войска остановились перед внутренним валом, подставившись защитникам, он был вынужден отойти. Увидев, что осада займет немало времени, а некоторые британские союзники уже тихо откололись и направились в одиночку по следу «саксонского зайца», Амброзиус решил ускорить развязку. К Вортигерну был послан человек с условиями капитуляции. Вортигерн, наблюдавший, судя по всему, уход части войск и понимавший положение, в которое попал Амброзиус,

посмеялся и вернул посланца без ответа, отрубив ему кисти рук. В пропитанной кровью тряпке они болтались у человека на поясе.

Он ввалился в палатку Амброзиуса на закате третьего дня и, с трудом держась на ногах, передал единственно сказанные ему слова.

— Они сказали, мой лорд, что можете оставаться здесь, покуда не растает вся ваша армия и вы не останетесь без рук, как и я. У них полно еды и воды, я видел собственными глазами...

— Так распорядился он лично?

— Королева, — ответил человек. — Это была королева.

При последних словах он упал к ногам Амброзиуса, и из промокшей кровью тряпки на пол выкатились кисти его рук.

— Придется тогда спалить осиное гнездо, королеву и прочее, — сказал Амброзиус. — Позаботьтесь о нем.

В эту ночь, к вящей радости осажденного гарнизона, от «римской дороги» забрали тараны, освободив бреши в крепостном валу. Вместо них в проемы положили хворост и нарубленные ветки. Армия плотно окружила гору. Наготове встали лучники и воины, чтобы добивать тех, кто попытается вырваться. В тихий предрассветный час прозвучал приказ. Со всех сторон в крепость дождем полетели стрелы, на концах которых были закреплены пылающие, пропитанные маслом тряпки. Агония продолжалась недолго. Крепость большей частью состояла из деревянных построек, внутри повсюду стояли телеги с провизией, толпился скот, был навален корм для него. Крепость горела вовсю. На рассвете запалили сушняк у внешнего рва. Спасавшиеся от огня изнутри, наталкивались на другую огненную стену: снаружи железным кольцом горящую крепость окружала армия.

Рассказывают, что во время приступа Амброзиус сидел на своем большом белом коне, пока тот в свете пламени не приобрел такой же красный цвет, как и дракон на знамени, развевавшемся у него над головой. А высоко над крепостной башней в клубах дыма виднелся Белый Дракон. Также покраснев в огне, он обуглился дочерна и упал.

2

Пока Амброзиус брал Довард, я по-прежнему находился в Маридунуме, после того, как расстался с Горлуа по дороге на юг, откуда он отправился к моему отцу.

А случилось это так. Всю первую ночь мы скакали во весь опор. Поскольку погони не было, на рассвете мы съехали с дороги и встали на отдых, поджидая догоняющих нас людей Горлуа. Ускользнув незамеченными в суматохе у Динас Бренина, они подъехали утром. Они подтвердили слова Горлуа

о том, что Вортигерн направился не в собственную крепость Кэр-Гвент, а в Довард. По их словам, он выбрал восточную дорогу через Кэр-Гай на Бравониум. Проехав Томен-и-Мур, мы могли не бояться, что нас догонят.

Наш отряд в двадцать человек неторопливо продолжал путь. Моя мать с эскортом из воинов опережала нас на день, но с носилками они должны были двигаться гораздо медленнее нас. Мы не хотели догонять их и начинать схватку, в которой женщинам грозила опасность. Горлуа уверил меня, что их в сохранности доставят в Маридунум, но, добавил он в своей отрывистой манере, мы встретим эскорт на обратном пути. Они же поедут назад, не зная, что король направился на восток. Одним человеком меньше у Вортигерна, — другим больше для твоего отца. Узнаем новости в Бремии и расположимся там подождать их.

Бремия представляла собой скопление каменных лачуг, пропахших торфом и навозом. Черные дверные проемы закрывали шкуры и мешковина. Из-за них выглядывали испуганные глаза женщин и детей. Ни одного мужчины. Мы выехали на середину поселка и спешили, звеня шпорами, немало озадаченные. Зная местный диалект, я обратился к глазам за ближайшей дверью, чтобы успокоить людей и узнать новости.

Люди вышли, окружив нас толпой, — женщины, дети и пара стариков.

Первая новость заключалась в том, что мать с сопровождающими оставалась в Бремии на протяжении вчерашнего дня и ночи, выехав только сегодня утром по настоянию самой принцессы. Она почувствовала себя плохо и оставалась день и ночь в доме старосты, где о ней проявили заботу. Ее дамы пытались убедить ее переехать в монашеское поселение неподалеку, но она отказалась. К утру ей стало лучше, и процессия продолжила свой путь. Жена старосты сказала, что она простудилась. У леди поднялся жар, она кашляла, но к утру ей стало лучше. До Маридунума оставался день пути, и подумали, что разумнее будет выполнить ее желание.

Я обзрел убогие лачуги и подумал, что несколько часов в носилках представляют меньше опасности для здоровья, нежели пребывание в подобной нищей хижине в Бремии. Я поблагодарил женщину за доброту и спросил, где все мужчины. Она ответила, что все они ушли к Амброзиусу.

— Разве вы не знали? — она неправильно истолковала мое удивление. — В Динас Бренине объявился пророк, сказавший приход Красного Дракона. Об этом мне сказала сама принцесса. Мы заметили, как испуганы были воины. Теперь же он высадился, он здесь.

— Откуда ты знаешь? Мы не встречали посланцев.

Она поглядела на меня, как на дурака. Разве я не видел звезду огнедышащего дракона? После слов пророка вся деревня

приняла ее за предзнаменование. Люди собрали оружие и отправились в путь в тот же день. Если воины вернутся, женщины и дети спрячутся в горах. Но все знают, что Амброзиус перемещается быстрее ветра, поэтому они не боятся.

Она продолжала говорить, а я переводил сказанное Горлуа. Встретившись глазами, мы подумали об одном и том же. Снова поблагодарив женщину, мы оплатили ей расходы по заботе о матери и отправились догонять людей из Бремии.

К югу от деревни дорога разветвляется. Главная дорога поворачивает к юго-востоку, проходя мимо золотого прииска, между холмов. Она выводит в долину Уая, откуда легко добраться к переправе через Северн и на юго-запад. Вторая, небольшая дорога идет строго на юг. По ней за день езды можно доехать до Маридунума. Я решил, что в любом случае последую за моей матерью на юг и переговорю с ней, прежде чем присоединиться к Амброзиусу. Вести о болезни подтвердили необходимость моего решения. Горлуа отправится прямо к Амброзиусу и передаст ему сведения о передвижениях Вортигерна.

На развилке мы встретились с деревенскими. Услышав нас, они попрятались, благо что кругом были кусты да камни. Но это вышло у них не совсем удачно. Порывистый ветер скрыл звуки нашего приближения, и мы почти что выскочили на них. Люди скрылись, но их несчастные вьючные ослы остались у дороги. По земле еще катились камни.

Снова повторилась сцена, как в Бремии. Мы остановились и окликнули их. На этот раз я сказал им, кто я такой, и через минуту дорогу запрудили люди, размахивая необычным набором оружия, среди которого имелся и погнутый римский меч, и грабли с каменным наконечником. Они повторили рассказ женщин. Они слышали пророчество и видели предзнаменование. Теперь они собирались присоединиться к Амброзиусу, на сторону которого скоро встанет весь Запад до последнего человека. Их дух был высок, но вид и экипировка достойны сожаления. Хорошо, что мы могли им помочь.

— Скажи им, — обратился ко мне Горлуа, — если они задержатся здесь вместе с нами на один день, у них будут лошади и оружие. Они могут выбрать место для засады: кому, как не им, знать эти места.

Я сообщил им, что перед ними герцог Корнуола, великий военачальник. Если они останутся с нами на день, то получат оружие и лошадей.

— Этой дорогой будут возвращаться люди Вортигерна, — сказал я. — Они не знают, что верховный король бежал на восток. Они проедут здесь, и мы их будем ждать. С вашей стороны было бы разумно подождать с нами.

И мы все остались ждать. Эскорт задержался в Маридунуме дольше обычного: кто станет их винить после сделанного ими холодного и сырого пути? Они появились на закате

второго дня, легко передвигаясь кавалькадой, представляя себе привал в Бремии.

Мы застигли их врасплох, и произошла быстротечная, кровавая и довольно неприятная схватка. Все такие дорожные бои очень похожи один на другой. Этот бой отличался хорошим командованием и необычностью использованного оружия. Однако мы располагали численным и ситуационным преимуществом и добились того, что задумали: лишили Вортигерна двадцати воинов, потеряв лишь троих и отделавшись несколькими царапинами. Я вышел из боя с честью, чего сам от себя не ожидал. Я убил выбранного противника, прежде чем вокруг разгорелась схватка. Другой сбил меня с коня и, наверное, прикончил бы, если бы Кадал не отбил удар и не убил его сам. Все закончилось быстро. Мы похоронили своих, а чужих оставили коршунам, забрав у них оружие. Лошади нашими стараниями остались целы. Когда на следующее утро Горлуа распрощался с нами, у каждого человека, отправившегося с ним на юго-восток, имелась лошадь и приличное оружие. Мы с Кадалом повернули на юг к Маридунуму и достигли его рано вечером.

Первым, кого я встретил на пути к монастырю Святого Петра, был Диниас. Мы столкнулись с ним неожиданно за углом. Он подпрыгнул и побледнел. Наверное, слухи после приезда матери без меня распространились по Маридунуму, как лесной пожар.

— Мерлин, я думал... думал...

— Удачная встреча, кузен. Как раз собирался найти тебя.

— Подожди, клянусь, что не знал, кто эти люди, — быстро перебил он.

— Я знаю. Ты не виноват в случившемся. Я ищу тебя не поэтому.

— ... И я был пьян, ты сам видел. И даже, если бы я знал, кто они такие, откуда мне догадаться, что они тебя возьмут? До меня доходили слухи, что их интересует, признаю, но клянусь, мне и в голову не приходило...

— Я же говорю, здесь нет твоей вины. Вот я, целый и невредимый. Хорошо то, что хорошо кончается. Оставим это, Диниас. Но я хотел поговорить с тобой не об этом.

Однако он не слушал.

— Я взял деньги, ты видел?

— Ну даже если взял. Ты же не продал меня, ты взял их потом. По-моему, это совсем другое. Если Вортигерн изволит сорить деньгами, отберем их у него. Забудь об этом. Тебе известно что-нибудь о моей матери?

— Я только появился здесь. Она больна, ты знаешь?

— Я слышал об этом по дороге на юг. Что с ней? В каком она состоянии?

— Мне сказали, простуда, но говорят, она поправляется. Мне показалось, она в неважном состоянии, утомлена дорогой.

волнуется о тебе. Зачем ты понадобился Вортигерну в конце концов?

— Чтобы убить меня, — коротко ответил я.

Диниас оцепенел, когда же заговорил, начал заикаться.

— Я... клянусь богом, Мерлин... Ты и я... Да мы никогда... Были времена... — он остановился и проглотил комок. — Я не предаю родственников.

— Говорю же, я верю тебе. Забудь обо всем. Это не имеет к тебе отношения. Его предсказатели наговорили чепухи. Вот я — целый и невредимый.

— Твоя мать ничего не говорила об этом.

— Она не знала. Ты думаешь, она безропотно позволила бы отправить себя домой, если бы знала о его намерениях? А вот люди, сопровождавшие ее, знали, будь уверен. Получается, они ей не сказали?

— Похоже, нет, — ответил Диниас. — Но...

— И хорошо. Надеюсь, я скоро ее увижу. Постараюсь до заката.

— Вортигерн больше не представляет для тебя опасности?

— Вроде бы нет. Но если бы здесь остались его люди... У ворот мне сказали, что они выехали к нему на воссоединение.

— Да, это так. Кто-то отправился на север, кто-то на восток, в Кэр-Гвент. Ты знаешь новости?

— Какие?

Хотя на улице никого не было, он оглянулся, скрытно осматриваясь. Я спрыгнул с коня и передал поводья Кадалу.

— Какие новости? — повторил я.

— Амброзиус, — тихо произнес он. — Он высадился на юго-западе, и рассказывают, что он идет на север. Известие пришло вчера с кораблем. Люди Вортигерна, услышав о нем, тут же выехали. Но, если вы едете с севера, то вы должны были их наверняка встретить?

— Да, мы видели сегодня утром два отряда. Вовремя заметив их, мы съехали с дороги. За день до этого мы повстречали на развилке эскорт, сопровождавший мою мать.

— Повстречали? — он поразился. — Но если они знали, что Вортигерн хочет убить тебя...

— То поняли, что мне нечего делать на юге, и прикончили бы меня? Совершенно верно. Поэтому нам пришлось их убить. Не смотри на меня так. Это вовсе не волшебство, а обычное солдатское дело: нам попались на пути уэльсцы, собиравшиеся присоединиться к Амброзиусу. Мы устроили на дороге засаду и перебили отряд Вортигерна.

— Уэльсцы уже знали? Они слышали о пророчестве? — я заметил, как в сумерках блеснули белки его глаз. — Я слышал о нем тоже. Все только и говорят об этом. Рассказывают, ты показал им большое озеро под скалой, где мы давным-давно останавливались на привал однажды. Могу поклясться, что там

и не пахло озером. Но в озере были и драконы под основанием башни. Это правда?

— Правда, что я показал им озеро.

— А драконы? Откуда они?

— Драконы, — медленно произнес я. — Они предстали перед ними из ничего. Не увидев их, люди не стали бы слушать, не говорю даже, верить.

Мы помолчали. Со страхом в голосе он спросил:

— Ты узнал о приходе Амброзиуса благодаря волшебству?

— И да, и нет. — Я улыбнулся. — Я знал, что он придет, но не знал когда. Волшебство показало мне, что он уже в пути.

Диниас снова уставился на меня.

— Ты знал, что он придет? У тебя имелись сведения еще в Корнуоле? Мог бы мне сказать!

— Зачем?

— Я бы присоединился к нему.

Я поглядел на него, прикидывая.

— У тебя еще есть время. У тебя и твоих друзей, сражавшихся вместе с Вортимером. А как там брат Вортимера, Пасентиус? Тебе известно, где он? Он по-прежнему непримирим к Вортигерну?

— Да, но говорят, он отправился заключать мир с Хенгистом. Он никогда не примкнет к Амброзиусу. Британия нужна ему самому.

— А ты? — спросил я. — Чего хочешь ты?

Диниас ответил просто и на этот раз безо всякой бравады.

— Места, которое я смогу назвать своим собственным. Вот это, например. В конце концов оно мое. Ты знаешь, что он убил королевских детей?

— Нет. Но это не удивительно. Это вошло у него в привычку.

Я помолчал.

— Ладно, Диниас. Нам есть о чем поговорить, и я хочу о многом рассказать тебе. Но сначала хочу просить тебя об одном одолжении.

— Каком?

— Оказать мне гостеприимство. Мне некуда податься, пока я не обзавелся собственным жильем. Мне хотелось бы остановиться в доме моего деда.

— Он теперь не тот, что был, — ответил Диниас без притворства и экивоков.

Я рассмеялся.

— Сохраняется ли что-нибудь неизменным? Была бы крыша от проливного дождя и огонь, просушить одежду, да поесть чего-нибудь, не имеет значения чего. Что, если мы пошлем Кадала за едой и поужинаем дома? За кувшином вина и пирогом я расскажу тебе обо всем. Но предупреждаю, если ты только потянешься за игральными костями, я сам позову людей Вортигерна.

Диниас вдруг расслабленно улыбнулся.

— Не беспокойся. Пойдем. В нескольких комнатах еще можно жить. Мы подыщем тебе кровать.

Мне досталась комната Камлака, пыльная, в ней тянуло сквозняком. Кадал не разрешил мне лечь на постель, пока не просушил ее у камина в течение часа. У Диниаса не было слуг, не считая неопрятной девчонки, которая приставляла за ним, очевидно, в обмен на право разделять с ним ложе. Кадал отправил ее собирать хворост и греть воду, а сам пошел в монастырь отнести записку моей матери и в таверну за вином и ужином.

Мы поужинали у камина. Нам прислуживал Кадал, и мы засиделись за разговорами допоздна. Здесь достаточно упомянуть, что я рассказал Диниасу о своих приключениях, опустив непонятные для него части. Я мог бы испытать подобие удовлетворения, раскрыв ему свое происхождение, но решил подождать, пока не смогу быть полностью уверенным в этом человеке и пока в округе еще рыщут люди Вортигерна. Поэтому я рассказал ему, как попал в Британию и стал человеком Амброзиуса. Диниас был наслышан о моем прочете у королевского форта и уже верил в грядущую победу Амброзиуса. Наш разговор закончился тем, что он дал обещание направиться с новостями на запад собирать силы на окраинах Уэльса. Он побоялся бы, я уверен, поступить вопреки своему обещанию. Что бы солдаты ни говорили о происшедшем в Динас Бренине, этого было достаточно, чтобы поразить небогатое воображение моего кузена Диниаса, навеять на него страх перед моим могуществом. Но и без страха я мог доверять ему в этом поручении. Мы проговорили до рассвета, я дал ему денег и пожелал спокойной ночи.

Он уехал утром, до того, как я проснулся. Он сдержал свое слово и позже присоединился к Амброзиусу у Йорка с несколькими сотнями людей. Его приняли с почестями, и он зарекомендовал себя доблестным воином. Но вскоре в одной мелкой стычке он получил тяжелые ранения, от которых и скончался. Я же больше его не встречал).

Кадал закрыл за ним дверь.

— По крайней мере здесь есть хороший замок и прочный запор.

— Ты опасаешься Диниаса? — спросил я.

— В этом чертовом городе я боюсь всех. Я не успокоюсь, пока мы не уедем отсюда и не присоединимся к Амброзиусу.

— Сейчас ты можешь уже не беспокоиться. Люди Вортигерна уехали. Ты же слышал, что сказал Диниас.

— Да. Я также слышал, что сказал ты. — Он остановился забрать одеяла от камина и встал с занятыми постельными принадлежностями руками, глядя на меня.

— Что ты имел в виду, говоря о собственном жилье? Не собираешься же ты заводить здесь себе дом?

— Не дом.

— Пещеру?

Я улыбнулся, увидев выражение его лица.

— Когда я больше не нужен буду Амброзиусу и в стране станет спокойно, именно туда я и отправлюсь. Я же говорил тебе, что если ты останешься со мной, то тебе придется жить далеко от дома.

— Насколько я помню, мы говорили о смерти. Ты имеешь в виду — жить там?

— Не знаю. Может быть, нет. Но думаю, мне потребуется место, где я смогу уединиться, отстраниться от происходящего. Размышлять и планировать в жизни — одно дело, действовать — другое. Человек не может постоянно «действовать».

— Скажи об этом Ютеру.

— Я не Ютер.

— Приходится поступать по-всякому, как говорят. — Кадал свалил одеяла на постель. — Почему ты улыбаешься?

— Разве? Ничего. Давай ложиться спать, чтобы явиться в монастырь пораньше. Тебе снова пришлось давать взятку старухе?

— Старуха — это еще ничего. — Он выпрямился. — На этот раз меня встретила девушка. Тоже привратница, судя по дерюжной накидке и капюшону. Тот, кто посылает такую девчонку в монастырь, заслуживает, чтобы его...

Кадал начал объяснять, чего заслуживает тот человек, но я прервал его.

— Ты узнал, как чувствует себя моя мать?

— Говорят, лучше. Жар прошел, но спокойствие не вернется к ней, пока она не увидит тебя. Ты расскажешь ей обо всем?

— Да.

— А потом?

— Мы поедem к Амброзиусу.

— А... — сказал он и расстелил себе на полу матрац. Потушив лампу, он без лишних слов улегся и заснул.

Доставшаяся мне кровать оказалась достаточно удобной. Комната, несмотря на запущенность, казалась роскошью после долгого путешествия. Но спалось мне плохо. Я представлял себя уже в пути, вместе с Амброзиусом, по дороге в Довард. Судя по тому, что мне было известно о Доварде, его покорение станет нелегкой задачей. Я начал беспокоиться, не оказал ли отцу медвежью услугу, выгнав Вортигерна из крепости в Сноудоне. Было бы лучше, если бы он там остался, думал я. Пускай торчал бы себе там со своей вонючей башней, пока Амброзиус не скинул бы его в море.

Удивительно, какие мне понадобились усилия, чтобы вспомнить свое собственное пророчество. Сотворенное мною в Динас

Бренине не принадлежало мне. Но я решил послать Вортигерна прочь из Уэльса. Ко мне обращались из темноты, из глуши, от сверкающих звезд. Красный Дракон победит, Белый падет. Голос, сказавший так, снова звучал в заплесневелой комнате Камлака. Он не был моим. Он принадлежал богу. Кое-кто не стал искать доводов, а выслушал и заснул.

4

Ворота нам открыла девушка, о которой рассказывал Кадал. Должно быть, она ждала нас. Как только Кадал поднял руку к колокольчику, ворота открылись, и она пригласила нас пройти. Передо мной быстро промелькнули широко раскрытые глаза под коричневым капюшоном и очертания гибкого молодого тела, прикрытого грубым монашеским одеянием. Она заперла тяжелые ворота и быстро повела нас по двору. Ее голые ноги в полотняных сандалиях замерзли и были заляпаны грязью из луж, покрывавших двор. Они выглядели стройными и ладными. Ее руки также были хороши. Не говоря ни слова, она провела нас через двор по узкому проходу между двумя строениями, и мы оказались на квадратной площадке. Под стенами росли фруктовые деревья и были разбиты цветочные клумбы, на которых большей частью росли сорняки и полевые цветы. Двери келий, выходящих во двор, были некрашены. Некоторые были открыты и обнажали комнаты, обезображенные скудостью и запустением.

Чего нельзя было сказать о комнате моей матери. Она жила с соответствующими, если не с королевскими удобствами. Ей позволили привезти собственную мебель, комнату выбелили известкой до слепящей белизны. С наступлением апреля в окно пробивалось солнце, бросая лучи сквозь узенькое окошко прямо на постель. Я помню обстановку: ее собственная кровать, взятая из дома, занавеска на окне, вытканная ею самой. Та самая красная ткань с зеленым узором, которую она ткала в день приезда дяди Камлака. На полу лежала волчья шкура. Мой дед убил зверя голыми руками и рукояткой сломанного кинжала. В детстве я пугался глаз-бусин и злого оскала. На стене, в ногах кровати, висело распятие из тусклого серебра, украшенное изящным узором сплетенных линий и вкраплениями аметиста, отражавшего свет.

Девушка молча показала мне на дверь и ушла. Кадал присел на скамейке во дворе подождать.

Мать полулежала на подушках, освещаемая солнцем. Она выглядела бледной и усталой и говорила почти шепотом. Но, по ее словам, ей было уже лучше. Когда я спросил мать о болезни и прикоснулся рукой к ее вискам, она, улыбаясь, отвела мою руку, сказав, что за ней и так хорошо

присматривают. Я не стал настаивать. Лечение всегда наполовину заключается в вере больного в выздоровление, а для любой женщины ее сын навсегда остается лишь ребенком. Кроме того, я видел, что жар спал, а так как беспокойство обо мне покинуло ее, она уснет спокойным сном, сном, который лечит.

Поэтому я придвинул к кровати единственный в келье стул, сел на него и стал рассказывать ей о том, что она хотела знать, не дожидаясь ее вопросов. Я рассказал о бегстве из Маридунума и путешествии, стремительном, как полет стрелы, пущенной богом, в Малую Британию, где я предстал перед Амброзиусом, а также о всем том, что произошло потом. Мать откинулась на подушки и наблюдала за мной с удивлением и каким-то чувством, которое я бы определил как чувство комнатной птицы, высидевшей яйцо сокола.

Когда я завершил рассказ, мать выглядела уставшей, у нее под глазами легли серые тени. Я поднялся, чтобы уйти. Она выглядела довольной и сказала, словно подводя для себя черту под всей этой историей (да так оно, наверное, и было для нее):

— Он признал тебя.

— Да. Меня называют Мерлин Амброзиус.

Мать помолчала, улыбаясь. Я подошел к окну и оперся локтями на подоконник, глядя во двор. Пригревало солнце. Кадал кемарил на скамейке. Мой взор привлекло движение в противоположном конце двора. У затемненного входа в келью стояла девушка, наблюдая за дверью моей матери, как бы ожидая, когда я выйду. Она откинула капюшон, и даже в тени мне было видно ее красивое молодое лицо, обрамленное золотистыми волосами. Она заметила меня, и на несколько секунд наши глаза встретились. Я понял, почему древние вооружили своего самого жестокого бога стрелами. Эти стрелы пронзили меня. Накинув капюшон, она растворилась в темноте.

— А теперь, что теперь? — настойчиво спрашивала сзади мать.

Я повернулся спиной к свету.

— Я отправлюсь к нему. Но сначала дождусь, когда ты поправишься. Я хочу взять в дорогу хорошие вести о тебе.

— Тебе нельзя оставаться здесь, — заволновалась мать. — В Маридунуме небезопасно для тебя.

— Думаю, наоборот. Как только пошли слухи о высадке, люди Вортигерна исчезли из округи. Когда мы продвигались на юг, нам пришлось ехать холмами: дороги заполнили люди, желающие присоединиться к Амброзиусу.

— Верно, но...

— И я не буду бродить по городу, обещаю тебе. Вчера вечером мне повезло, прямо на въезде в город я встретил Диниаса. Он дал мне комнату во дворце.

— Диниас?

Меня рассмешило ее удивление.

— Диниас чувствует себя в долгу передо мной, неважно почему, но вчера вечером мы быстро договорились.

Я рассказал ей, с каким поручением я его отправил, и она кивнула.

— Ему, — было ясно, что она имеет в виду не Диниаса, — потребуется каждый человек, способный держать в руках меч. — Мать нахмурила брови. — Говорят, у Хенгиста триста тысяч человек. Сможет ли он, — она опять говорила не о Хенгисте, — противостоять Вортигерну, а затем Хенгисту с саксами?

Наверное, я продолжал еще предаваться воспоминаниям о ночном бдении. Не задумываясь, я произнес:

— Я же сказал так, значит, это должно быть верно.

Мой взгляд привлекло движение на кровати. Мать крепстилась. Сквозь строгость и удивление в ее глазах сквозил страх.

— Мерлин, — она закашлялась и продолжала хриплым шепотом, — не будь самонадеян. Если даже бог и дал тебе силы...

Я положил ей на запястье свою руку, останавливая ее.

— Вы не поняли меня, госпожа. Я плохо выразил свою мысль. Я хотел сказать, что лишь выражал божью волю. Сказанное богом должно сбыться, Амброзиус должен победить — это написано на звездах.

Мать с облегчением кивнула, расслабляясь и став похожей в расслаблении на усталого ребенка.

— Не бойся за меня, мама, — нежно обратился я к ней. — Зачем бы ни потребовался я богу, я согласен стать для него голосом и орудием. Я пойду туда, куда он меня пошлет. Когда же все завершится, он сможет забрать меня к себе.

— Бог один, — прошептала она.

Я улыбнулся ей.

— Мне тоже начинает так казаться. А сейчас спи. Я приду снова утром.

Я отправился проводить мою мать вновь на следующее утро. На этот раз я пришел один, послав Кадала на рынок за продуктами. Девчонка Диниаса исчезла после отъезда последнего, предоставив нам самим заботиться о себе в пустом дворце. Меня ждало вознаграждение: у ворот меня встретила вчерашняя девушка и в очередной раз проводила меня в келью матери. Когда я обратился к ней с чем-то, она, не отвечая, накинула поглубже капюшон, оставив моему взору тонкие руки и стройные ноги. Булыжники высохли, и лужи исчезли. Она помыла свои ноги, которые в грубых сандалиях были похожи на хрупкие цветки с голубыми прожилками,

хранившиеся в крестьянской корзине. Где-то так думалось мне, и я настроился на поэтический лад, не имея на то совершенно никакого права. Стрела еще дрожала, попав в цель, и при виде ее я волновался и трепетал.

Она снова показала мне дверь, словно я мог позабыть, и ушла.

Похоже, матери стало лучше. Как она сказала, она хорошо отдохнула. Мы немного поговорили. Отвечая на ее вопросы, я дополнил деталями свой рассказ. Поднявшись в конце беседы, я спросил, стараясь казаться совершенно безразличным:

— Девушка у ворот, такая молодая, почему она здесь? Кто она?

— Ее мать работала во дворце. Керидуэн. Помнишь ее?

— Откуда? — покачал я головой.

— В самом деле.

На вопрос, почему она улыбается, мать ничего не ответила, и, видя, что ее это забавляет, я не решился задавать другие вопросы.

На третий день меня встретила старая глухая привратница. Во время разговора с матерью я все думал, рассмотрела ли она (как и все женщины), что крылось за небрежностью моего вопроса. Может быть, это она сказала, чтобы убрали девушку с моих глаз? На четвертый день девушка вернулась на свое место. Едва сделав шаг за ворота, я понял, что она уже слышана о Динас Бренине. Желая рассмотреть знаменитого волшебника, она позволила себе откинуть капюшон, и я увидел большие серо-голубые глаза, полные любопытства и удивления. Когда я улыбнулся ей и произнес что-то в приветствие, она снова набросила капюшон, но все же ответила. У нее был тонкий и нежный, как у ребенка, голос. Она назвала меня «мой повелитель», будто бы в самом деле считая меня таковым.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Кери, мой лорд.

Я остановился, чтобы задержать ее.

— Как сегодня чувствует себя моя мать?

Она не ответила и, проведя меня во двор, оставила там.

В ту ночь мне не спалось, но я не слышал бога, никто не сказал мне, что она не про меня. Боги не являются к человеку, чтобы сообщить ему то, что он уже знает.

В конце апреля матери стало настолько лучше, что, когда я пришел проводить ее в очередной раз, она сидела в кресле у окна в шерстяном одеянии, наброшенном прямо на сорочку, подставив себя солнцу. Во дворе росла айва, благоухающая розовым цветом, кругом гудели пчелы. Прямо рядом на подоконнике ворковали голуби.

— Есть новости? — спросила она, увидев мое лицо.

— Сегодня приехал посланец. Вортигерн и королева погибли. Говорят, что на юг с большим войском идет Хенгист и с ним брат Вортимера Пасентиус с остатками своей армии. Амброзиус уже направляется навстречу.

Мать выпрямилась, глядя мимо меня в стену. Сегодня с ней находилась женщина, которая сидела на стуле с другой стороны кровати. Она сопровождала мать в поездке в Динас Бренин. Она перекрестилась на свой крест. Ниниана продолжала глядеть вдаль, думая о своем.

— Рассказывай.

Я рассказал все, что слышал о бое у Доварда. Женщина снова перекрестилась, но мать не шевельнулась. Когда я закончил, она поглядела на меня.

— Ты уезжаешь сейчас?

— Да. Что-нибудь передать ему?

— Когда мы встретимся, у нас будет достаточно времени.

Когда я уходил, мать смотрела на мерцающие аметисты, вглядываясь в далекое будущее.

Кери не было. Я помешкал немного и затем медленно пересек двор, направляясь к воротам. Заметив ее в тени арки, я ускорил шаг. Я готовился наговорить уйму вещей, совершенно бесполезных для того, чтобы сохранить, что не подлежало сохранению. Но в этом не было необходимости. Она протянула свои хорошенькие ручки и дотронулась до моих рук.

— Мой лорд...

Ее капюшон был откинут, в глазах стояли слезы.

— В чем дело? — резко спросил я. На какое-то безумное мгновение мне показалось, что она оплакивает мой отъезд. — Что такое, Кери?

— У меня болит зуб.

Я раскрыл от удивления рот. Наверное, у меня был такой глупый вид, словно я получил пощечину.

— Здесь, — сказала она, приложив руку к щеке. Капюшон откинулся. — Он болит уже много дней. Пожалуйста, мой лорд.

— Я не вырываю зубов, — ответил я хрипло.

— Но если вы лишь прикоснетесь ...

— И не волшебник... — начал я, но она приблизилась, и слова застряли у меня в горле. Она пахла жимолостью. Ее волосы были пшеничного цвета, а глаза синие, как нераспустившиеся колокольчики. Не успел я и слова сказать, как она взяла мою кисть своими руками и прижала к щеке.

Я напрягся, будто пытаюсь вырваться, но затем совладал с собой и нежно взял ее щеку в свою ладонь. Ее васильковые глаза были невинны, как само небо. Она наклонилась, и ее одеяние откинулось вперед вместе с ней, приоткрыв грудь. У нее была гладкая, как вода, кожа и сладкое дыхание.

Я мягко высвободил руку и отошел.

— Я ничего не могу поделать, — по-моему, мой голос звучал грубо. Она опустила глаза и застенчиво выпрямилась, сложив руки перед собой. У нее были короткие и густые ресницы, как и волосы, отливавшие золотом. В уголке рта примостилась крошечная родинка.

— Если к утру не пройдет, лучше вырви его.

— Уже прошло. Боль прекратилась, как только вы до-
тронулись до щеки, — в ее голосе слышалось удивление, и она прикоснулась к тому же месту ласкающим движением. Я почувствовал, как в венах с нарастающим давлением, словно боль, запульсировала кровь. Внезапно она снова схватила мою руку и быстро, воровато приложила к ней ртом.

Рядом со мной распахнулась дверь, и я оказался на пустынной улице.

4

Согласно рассказу посланца, выходило, что Амброзиус принял верное решение сначала добить Вортигерна, а затем заняться саксами. Взятие Доварда и проявленная при этом жестокость сделали свое дело. Те из вторгшихся саксов, которые отважились углубиться внутрь страны, начали отходить на спорные территории, откуда начиналось вторжение. Они остановились к северу от Хамбера укрепиться и дожидаться там Амброзиуса. Сначала Хенгист считал, что Амброзиус имеет под своим началом лишь бретанскую армию, не более того. Он не знал, насколько смертоносно это оружие. Он полагал (как доносили), что к Амброзиусу примкнуло мало бриттов. В любом случае саксы столь часто разбивали племенные дружины бриттов, что перестали считать их за воинов. Когда же до саксонского вождя дошли слухи о тысячах англичан, присоединившихся к Красному Дракону, и о поражении у Доварда, он решил не задерживаться у Хамбера, а быстро двинуться на юг и встретить бриттов в месте по своему выбору, где он смог бы застать Амброзиуса врасплох и разгромить его армию.

В который уж раз Амброзиус проявил цезарскую скорость. Это было крайней необходимостью: саксы оставляли за собой разрушенную страну.

Развязка наступила во вторую неделю мая. Уже стояла июньская жара, с дождичками, оставленными в наследство апрелем. Погода неделю была в долгу перед двумя месяцами, что же касается Хенгиста, то ему пришлось время отдавать долги. Едва успев довести приготовления до половины, он был застигнут Амброзиусом у Мазсбели, неподалеку от форта Конан или Кэрконана, который иногда в народе называют Конисбургом. Это холмистая местность с крепостью на одной из скал, неподалеку пролегает овраг. Здесь саксы хотели

устроить засаду для войск Амброзиуса, но тот узнал об этом от своих лазутчиков. Его люди встретили в одной из пещер скрывавшегося там бритта. Он прятал там свою семью и двух маленьких детей от топоров северян. Получив сведения, Амброзиус ускорил темп марша и вышел на Хенгиста прежде, чем была завершена подготовка к засаде. Им предстояло теперь встретиться в открытой битве.

Затея с засадой обернулась против Хенгиста. Занятые Амброзиусом на местности позиции имели свои преимущества. Его основные силы — бретанцы, галлы и бритты с юга и юго-востока — расположились на пологом холме. Впереди лежало ровное поле, которое им ничего не стоило атаковать. Среди этой разномастной армии находились и другие британцы со своими вождями. Позади плавно начиналась возвышенность, поросшая колючками и желтым утесником. На западе она заканчивалась холмистым плато, а на востоке ее окаймляла дубовая роща. Люди из Уэльса, горы, встали по флангам. Северный Уэльс занял дубовую рощу, а отделенные от них главными силами южные уэльсцы расположились на холмах к западу. Это воинство, легко вооруженное, высокоподвижное и имевшее между собой несведенные счета, держалось наготове для того, чтобы быть использованным в качестве подкрепления. Во время битвы они должны были обрушить стремительные молотоподобные удары на слабые места в обороне противника. На них можно было положиться, чтобы добить бегущих с поля боя саксов.

Саксы попали в расставленную ими самими ловушку. Перед ними стояла громадная армия, сзади находилась скала Кэрконан и теснина, в которой они планировали засаду. Они сражались, как дьяволы, но находились в неблагоприятном положении. Саксы начали битву в страхе перед грозной репутацией Амброзиуса, рожденной у Доварда, а также, как рассказывали мне люди, боясь моего пророчества, которое я сделал перед Вортигерном. Оно передавалось из уст в уста, как пожар, охвативший довардскую башню. Естественно, что оборотная сторона предзнаменований играла на руку Амброзиусу. Сражение началось незадолго до наступления полудня, и к заходу солнца все было кончено.

Я видел битву от начала до конца. Для меня она оказалась первой, и не стыжусь сказать, почти последней крупной битвой. Я участвовал в сражениях не мечом или копьем. Если уж на то пошло, то я внес свою лепту в победу при Кэрконане задолго до начала самого сражения. Когда же оно началось, мне пришлось играть роль, символически отведенную мне однажды Ютером.

Мы доехали с Кадалом до Карлеона, где встретились с небольшим отрядом Амброзиуса, занявшим крепость. Второй отряд направлялся к Маридунуму занять и восстановить местные укрепления. А также, как рассказал мне их командир

в конфиденциальном порядке, «проследить, чтобы христианская община, вся христианская община — так уж набожен наш король — оставалась бы в безопасности». Ему даже поручили выделить мне людей для эскорта, который сопровождал бы меня к Амброзиусу. Отец не забыл при этом передать мне мою одежду. Поэтому я послал Кадала, к его великому неудовольствию, обратно, привести в порядок пещеру Галапаса и ждать меня там, а сам направился в сопровождении воинов на северо-восток.

Мы подъехали как раз, когда армия расположилась за Кэрконаном. Войска построились уже в боевые порядки и хотели видеть командующего. Согласно указанию, мы отъехали в сторонку и встали у западного холма. Там стояли ополчения южноуэльских племен. Люди с недоверием переглядывались, держа наготове мечи для саксов. Охранявшие меня воины относились ко мне приблизительно одинаково. Во время пути они не нарушали моего молчания, и было видно, что они относятся ко мне с благоговением. Для них я являлся не столько признанным сыном Амброзиуса, сколько «пророком Вортигерна», — титул уже пристал ко мне, и потребовались годы, чтобы отделаться от него. Когда я доложил о своем прибытии одному из командиров и попросил отвести мне место в боевых порядках, тот пришел в ужас и стал всерьез просить меня не участвовать в сражении, а найти себе место, откуда я был бы виден всему войску и войско знало бы, что «пророк находится с ними». Я поступил по его совету и удалился на вершину небольшой скалистой горы, где, запахнувшись в накидку, я приготовился созерцать поле боя, лежащее внизу, как на карте.

Амброзиус находился в центре. Я видел его крупного белого жеребца, рядом развевался стяг с Красным Драконом. Справа от него мелькал голубой плащ Ютера, галопом скакавшего перед рядами. Командира на левом фланге я узнал не сразу: серая лошадь с крупным, мощным человеком на ней и белое знамя с чем-то неразборчивым. Потом я разглядел вепря, Корнуольского вепря. Командующим на левом фланге у Амброзиуса был никто иной, как седобородый Горлуа, повелитель Тинтагеля.

В боевых порядках саксов невозможно было ничего разоб-
брать. Всю свою жизнь я слышал о жестокости этих свет-
ловолосых гигантов, все британские дети воспитывались на
страшных рассказах о них. Они обезумевали в сражении и
могли сражаться, истекая кровью из двенадцати ран, с
неубывающей силой и жестокостью. Их силу и ярость урав-
новешивал недостаток дисциплины. Так оно вышло и на
этот раз. В волнах блестящего металла и пляшущих конских
грив нельзя было разглядеть никакого подобия порядка. Все
находилось в постоянном движении, напоминая поток, готовый
прорвать плотину.

Даже со своего места я мог выделить Хенгиста и его брата — гигантов с длинными усами, свисающими до самой груди, и длинными волосами, развевающимися сзади. Они объезжали свое войско на маленьких, но крепких лошадках. Стоял крик, отчетливо слышимый в воздухе: молитвы богам, клятвы, призывы, команды. Они нарастали в неистовом крещендо, пока не раздался последний дикий вопль: «Убей, убей, убей!» Взметнулись топоры, блеснув в майском солнце, и вся свора ринулась на стройные ряды войска Амброзиуса.

Два воинства столкнулись с таким ударом, от которого в Кэрконане загалдели галки. Казалось, раскололся воздух. С моего места нельзя было увидеть, как разворачивалось сражение, а точнее, несколько разных сражений. Какое-то время было похоже, что саксы со своими топорами и крылатыми шлемами пробурили проход в британском войске. Рядом виднелась группа саксов, окруженная и поглощаемая морем британцев. Главный удар саксов пришелся по центру Амброзиуса, затем с востока по саксам ударила конница Ютера, совершившая гибкий обходной маневр. Корнуольцы под предводительством Горлуа сначала подались назад, но когда саксонские ряды заколебались, их войска мощными ударами пошли дробить саксов. После этого на поле установился хаос. Повсюду небольшими группами сражались люди. Схватки шли даже врукопашную. Шум, скрежет и крики доносились до моего утеса вместе с запахом пота и крови. Я сидел, запахнувшись в плащ, и наблюдал. Снизу под моей скалой раздавались голоса уэльсцев, переросшие в боевые крики, как только в нашем направлении устремился отряд саксов. В одно мгновение холм опустел, а звуки битвы приблизились к холму морским прибоем. Рядом в боярышнике мелькнула малиновка и начала петь. Ее беззаботное и радостное пение перекрывало шум сражения. И по сегодняшний день, когда бы я ни вспомнил битву при Кэрконане, мне каждый раз слышится пение малиновки, накладывающееся на карканье воронья. Вороны уже кружили вверх. Люди рассказывают, что они могут слышать звон клинков за десять миль.

К закату все было кончено. Эльдоль, герцог Глостерский, стащил Хенгиста с коня под самыми стенами Кэрконана, где тот попытался спастись бегством. Остальные саксы бросили поле боя и бежали. Большинство из них настигли в горах и в теснине у подножия Кэрконана. С наступлением сумерек у ворот крепости зажгли факелы, и в нее на белом скакуне через мост въехал Амброзиус, оставив поле боя воронью, священникам и похоронным командам.

Я не сразу отправился к нему, дав время на похороны павших и очищение крепости. Кроме того, для меня наверняка найдется работа среди раненых, а с передачей послания от моей матери спешить не было необходимости. Пока я сидел на майском солнце между пением малиновки и шумом битвы,

я почувствовал, что матери вновь стало плохо и ее уже нет на свете.

5

Я спустился между кустами утесника и колючками. Уэльсцы давно ушли. Издалека доносились отдельные крики и звуки битвы, небольшие группы занимались поиском и вылавливанием беглецов.

Внизу, на равнине, сражение завершилось. Раненых уносили в Кэрконан. Повсюду мелькали факелы, долину заполнило светом и дымом. Люди перекрикивались, неслись крики и стоны раненых, лошадиное ржанье, резкие команды, топот носильщиков. То там, то здесь в неосвещенных местах появлялись люди по одиночке или по двое, рыская между павших. Они нагибались и спешно переходили от тела к телу. Иногда, где они останавливались, раздавался крик, неожиданный стон, блеск металла и звук удара. Мародеры делали свое дело среди мертвых и умирающих, опережая войсковых спасателей. Кружили вороны, едва не задевая крыльями факелы. Парочка птиц уселась неподалеку от меня на камне. С наступлением ночи появятся и крысы, набежав из сырых подвалов замка поживиться мертвечиной.

Работа по спасению раненых выполнялась быстро и действительно, как и все, что делалось в армии Князя. Когда все вернутся, ворота запрут. Я решил, что найду отца, выполнив основные задачи. Наверное, ему сказали, что я уже благополучно вернулся, и он догадается, что я помогаю докторам. У нас еще будет время поужинать и поговорить.

На поле носильщики по-прежнему разбирали своих и чужих. Мертвых саксов сваливали в кучу на середине поля. Я понял, что их сожгут по их погребальному обычаю. Рядом с растущей грудой тел стоял в карауле взвод воинов, охранявших нагромождение из сверкавшего оружия и украшений, снятых с мертвых. Погибших бриттов складывали рядами у стены для опознания. Небольшие группы людей во главе с командирами наклонялись над каждым из них. Пробираясь по взбитой многими ногами грязи, смешанной с пропахшей кровью маслянистой слизи, я прошел мимо тел нескольких оборванцев, судя по виду, бродяг или крестьян. Один из них, припиленный к земле, как насекомое, сломанным саксонским копьем, продолжал извиваться под оружием, оставшимся в его теле. Я поколебался, затем подошел и наклонился над ним. Лишенный способности говорить, он следил за мной глазами. Видно было, что он продолжает надеяться. Если бы его закололи более чисто, я бы вытащил лезвие и он умер бы от потери крови, но сейчас для него имелся более быстрый выход. Я достал свой кинжал, откинул

плащ, отошел так, чтобы на меня не попала струя крови, и вонзил кинжал ему в шею. Вытерев кинжал о лохмотья мертвеца, я выпрямился и встретился с холодным взглядом человека, наблюдавшего за мной. В руках он держал наготове меч.

К счастью, я знал его. Он тоже узнал меня, рассмеялся и опустил меч.

— Ты везуч. Я чуть было не проткнул тебя со спины.

— А я и не подумал. — Я убрал кинжал обратно в ножны. — Досадно умереть, попытавшись обокрасть такого. Что у него, по-твоему, можно забрать?

— Ты не представляешь себе, что они только не забирают: все, начиная от мозольного пластыря и кончая ремешком от порванного сандаля. — Он кивнул головой на высокие стены крепости. — Он ищет тебя.

— Я иду.

— Говорят, ты предсказал все это, Мерлин? И Довард тоже?

— Я сказал, что Красный Дракон одолеет Белого. Но думаю, что это еще не все. Что с Хенгистом?

— Там. — Он снова показал на крепость. — Он бежал к крепости, когда саксонские ряды дрогнули, и был захвачен прямо у ворот.

— Я видел. Он внутри и жив?

— Да.

— А Окта, его сын?

— Бежал. Он и его кузен, как его, Эоза? Ускакали на север.

— Значит, еще не все. За ними организовали погоню?

— Пока нет. Он сказал, что времени хватит. — Он посмотрел на меня. — Хватит?

— Откуда я знаю. — Я не хотел ничего говорить. — Сколько времени они собираются здесь оставаться? Несколько дней?

— Говорят, что три. Чтобы похоронить мертвых.

— Как поступят с Хенгистом?

— А как ты думаешь? — Он сделал рубящее движение ладонью. — Давно пора, если спросишь. Они как раз совещаются там по этому поводу, хотя судом это не назвать. Князь пока не высказался, но Ютер призывает его убить, да и жрецам надо немного крови, чтобы закончить достойно день. Ладно, мне пора выискивать мародеров. — Поворачиваясь, он добавил: — Мы видели тебя на холме во время сражения. Люди говорят, что это было предзнаменование.

Он ушел. Сзади с карканьем взлетел ворон и уселся на грудь убитого мною человека. Я позвал факельщика осветить мне путь и направился к главным воротам крепости.

Я был уже у моста, когда в воротах показалось факельное шествие и из крепости вывели под конвоем связанного свет-

доволосого гиганта, в котором я узнал Хенгиста. Воины Амброзиуса образовали каре, внутрь которого завели саксонского вождя. Там его, наверное, толкнули на колени, и светлая голова исчезла за рядами британцев. На мосту показался Амброзиус. Слева его сопровождал Ютер, а справа незнакомый мне человек в одеянии христианского епископа, заляпанном кровью и грязью. За ними следовали остальные. Епископ что-то горячо шептал Амброзиусу на ухо. Лицо Амброзиуса застыло, превратившись в непроницаемую маску — холодное, ничего не выражающее лицо, так знакомое мне. Он сказал что-то вроде: «Увидишь, они будут довольны» и что-то еще, после чего епископ наконец умолк.

Амброзиус занял свое место и кивнул командиру. Прозвучала команда, свист и звук удара. Из толпы слышался шум, похожий на рычание. Епископ произнес победным хриплым голосом:

— Так сгинут все неверные, враги единого бога. Бросить его тело на съедение волкам и коршунам!

Тут раздался голос Амброзиуса, холодный и спокойный:

— Он отправится вместе со своими воинами к своим богам, как велит обычай их народа.

— Скажешь мне, когда будет все готово, я подойду, — добавил он, обращаясь к командиру.

Епископ вновь начал кричать, но Амброзиус, Ютер и остальные уже отвернулись, не слушая его, и зашагали в крепость. Я пошел следом. Копья, сомкнувшиеся было передо мной, разомкнулись. Крепость охранялась британцами Амброзиуса, и меня узнали.

Внутри находился большой квадратный двор, заполненный людьми и лошадьми. Раздавались топот, шум, крики. На дальнем конце двора невысокая лестница вела в главную залу и башню. Группа во главе с Амброзиусом начала подниматься по ступеням, а я свернул в сторону. Можно не спрашивать, где разместили раненых. На восточной стороне стояло длинное двухъярусное здание, отданное под перевязочный пункт. Я сориентировался по звукам, несшимся оттуда. Меня с благодарностью принял главный доктор, у которого я обучался в Бретани, человек по имени Гандар. У него явно не было работы для жрецов или волшебников, но очень кстати пришлось пара умелых рук. Он дал помощников, нашел кое-какие инструменты, коробку с мазями и лекарствами и толкнул меня — в буквальном смысле этого слова — в длинную комнату. Комната была немногим лучше, чем крытый сарай, но она вмещала тем не менее около пятидесяти раненых. Я разделся до пояса и принялся за работу.

Где-то к полуночи самое худшее осталось позади, и работа пошла спокойнее. Я находился в дальнем конце, когда легкий шум у входа заставил меня обернуться. Амброзиус, Гандар и пара военачальников обходили раненых. Они останавливались

около каждого человека, около тяжелораненых вполголоса консультировались с доктором.

Я зашивал рану на бедре, она была чистая и скоро зажила бы, если бы не глубина и разрывы по краям. К всеобщему облегчению, человек потерял сознание. Я работал, ни на кого не глядя. Зашив, я потянулся за повязками, приготовленными помощником, и забинтовал рану. Закончив, поднялся. Помощник принес таз с водой. Окуная руки в воду, я заметил, что Амброзиус улыбается. Он еще не снял свою изрубленную и помятую броню, но выглядел свежим и бодрым, готовым снова участвовать в битве. Глядя на него, раненые словно набирались сил.

— Милорд, — приветствовал его я.

Он наклонился над потерявшим сознание человеком.

— Как он?

— Ранение мягких тканей. Он поправится и пускай всю жизнь благодарит бога за то, что рана не пришлась на несколько дюймов левее.

— Ты неплохо поработал, я гляжу.

Я вытер руки и, поблагодарив, отпустил помощника. Амброзиус протянул мне руку.

— Приветствую тебя, Мерлин. Мы в долгу перед тобой. Я имею в виду не эту работу, а Довард и сегодняшнюю битву. Как бы то ни было, так считают люди, а если уж воины решили, что это к удаче, значит, так тому и быть. Я рад видеть тебя в добром здравии. У тебя, наверное, есть для меня новости.

— Да, — ответил я невыразительно, поскольку вокруг нас были люди. Улыбка потухла в его глазах. Амброзиус поколебался и тихо обратился к сопровождающим:

— Оставьте нас.

Они ушли. Мы поглядели друг на друга над телом бессознательного человека. Поблизости ворочался и стонал воин, другой отвечал ему стенаниями. Стоял отвратительный запах — пахло кровью, потом, больной плотью.

— Так какие новости?

— Они касаются моей матери.

По-моему, он уже знал, что я скажу. Амброзиус медленно заговорил, взвешивая слова, будто каждое из них имело для него особое значение.

— Люди, сопровождавшие тебя сюда, привезли известие о ней. Они сказали, что она болела, но поправилась, вернувшись благополучно в Маридунум. Разве это не правда?

— Это было правдой, когда я уехал из Маридунума. Если бы я знал, что болезнь смертельна, я бы не оставил ее.

— Смертельна?

— Да, милорд.

Амброзиус замолчал, глядя невидящим взором на раненого. Раненый заворочался, скоро он придет в себя, а вместе с сознанием вернется боль и страх смерти.

— Выйдем на воздух? — спросил я. — Я закончил здесь. К этому человеку я кого-нибудь пришлю.

— Хорошо. Только возьми свою одежду. Сегодня ночь холодная. Когда она умерла? — добавил он, не сходя с места. — Сегодня на закате.

Амброзиус быстро и внимательно взглянул на меня, сузив глаза, затем кивнул, приняв все, как оно есть. Он повернулся к выходу и жестом пригласил меня с собой. Когда мы вышли, он спросил:

— Ты думаешь, она знала?

— Думаю, да.

— Она ничего не передавала мне?

— Ничего непосредственно. Она сказала, что вы встретитесь, и встретитесь скоро. Не забудь, она христианка, а они верят...

— Я знаю, во что они верят.

Снаружи донесся шум, чей-то голос выкрикнул пару команд, раздался топот. Амброзиус помедлил, прислушиваясь. Кто-то быстро шел в нашу сторону.

— Поговорим позже, Мерлин. Тебе нужно многое мне рассказать. Но сначала мы должны отправить дух Хенгиста к его отцам. Пошли.

Мертвых саксов сложили на огромную поленницу, облили маслом и обложили торфом. Наверху пирамиды, на грубо сколоченных досках, лежал Хенгист. Как уж Амброзиус смог сделать так, чтобы его не обобрали, не знаю. Но его щит лежал у него на груди, а меч по правую руку. Перерезанное горло прикрыли кожаным щитком, который несут воины. Он был украшен золотом. От груди до ног его покрывал пурпурный плащ, складками спускавшийся на грубое деревянное ложе.

Внизу положили факелы, и пламя жадно охватило свои жертвы. Стояла тихая ночь, и дым черным столбом устремился в небо, перемежаемый языками пламени. Огонь захватил плащ Хенгиста, его края почернели и свернулись. Хенгист исчез из виду в облаке дыма и огня. Пламя щелкало, как множество плетей, дрова обугливались и разваливались. Подбегали чумазые и вспотевшие люди, подбрасывали еще. Даже нам на нашем отдаленном месте стало жарко. Запах горящего дерева, жира и мяса наполнил сырой ночной воздух. За освещенным кругом наблюдавших в поле виднелись факелы. Слышен был глухой стук лопат, вгрызавшихся в землю, — хоронили погибших бриттов. Над величественным погребальным костром за темными склонами далеких холмов висела полная майская луна, застилаяемая дымом.

— Что ты видишь?

Я вздрогнул от голоса Амброзиуса.

— Вижу? — удивленно взглянул я на него.

- Да, в огне, пророк Мерлин.
— Ничего, кроме поджаривающихся мертвецов.
— Тогда постарайся рассмотреть кое-что для меня, Мерлин.
Куда делся Окта?
Я рассмеялся.
— Откуда я знаю? Я же сказал тебе, что я вижу.
Но он даже не улыбнулся.
— Посмотри внимательнее. Скажи мне, куда скрылся Окта, а также Эоза? Где они окопаются и будут ждать меня? И когда?
— Я же говорил, я не ищу ничего сам по себе. Если я вижу, то по воле бога. Вещи являются мне в пламени, в ночи, приходят в тишине, неожиданно, как стрела из засады. Я не ищу лучника. Все, что от меня зависит — встать с открытой грудью и ждать, пока в нее ударит стрела.
— Так поступи же так сейчас, — упрямо настаивал Амброзиус. Я видел, что он не шутит. — Ты видел тогда, у Вортигерна.
— Ты называешь это «видеть» — предсказать его смерть? Когда я предсказывал, я даже отчета себе не отдавал, что я говорю. Горлуа, наверное, рассказал тебе, что случилось. Даже сейчас я не могу вспомнить. Мне неизвестно, когда я начну видеть и когда перестану.
— Прямо сегодня ты узнал о Ниниане, без всякого огня и темноты.
— Верно, но не понимаю как, равно как и в случае с Вортигерном.
— Люди прозвали тебя «пророком Вортигерна». Ты предсказал нашу победу у Доварда и здесь. Тебе верят и они, и я. Не лучше ли именоваться «пророком Амброзиуса»?
— Милорд, ты знаешь, что я приму любой титул, который ты соизволишь мне пожаловать. Но исполнение твоей просьбы зависит не от меня. Я не могу выполнить ее по заказу, но если она важна, она исполнится. Когда придет время, я скажу тебе. Ты же знаешь, что я служу тебе. Сейчас же я не знаю ничего об Окте и Эозе и могу лишь по-человечески догадываться. Они по-прежнему сражаются под знаменем Белого Дракона, так?
— Да, — его глаза сузились.
— Тогда предсказание «пророка Вортигерна» остается в силе.
— Я могу сказать об этом людям?
— Если так надо для них. Когда вы собираетесь выступить?
— Через три дня.
— Куда?
— На Йорк.
— Тогда твоя догадка командирская совпадает с моей колдовской. Ты возьмешь меня?
Он улыбнулся.

— Будет ли мне от этого польза?

— От «пророка», возможно, нет. Но разве тебе не нужен инженер, врач или пускай даже певец?

— Один, но стоит многих? Знаю, знаю, — он рассмеялся. Но только священника не изображай передо мной, Мерлин, у меня их хватает.

— Можешь не бояться.

Пламя угасло. Подошел ответственный командир и, отсалютовав, спросил, можно ли отпустить людей. Амброзиус дал разрешение и поглядел на меня.

— Ладно, поехали со мной в Йорк. У меня есть там для тебя работа. Настоящая работа. Мне сказали, что дворец наполовину разрушен, и мне потребуется руководитель для инженеров. Треморинус в Карлеоне. А сейчас найди Кая Валерия и скажи, чтобы он помогал тебе во всем, присмотрел за тобой. Пусть придет с тобой через час. А тем временем, если что-нибудь явится тебе в темноте, как стрела, дай мне знать, ладно? — И добавил он через плечо: — Если только это в самом деле не окажется стрелой.

Он рассмеялся и ушел. Рядом неожиданно оказался Ютер.

— Ну что, Мерлин — побочный сын? Рассказывают, что ты выиграл для нас сражение со своего холма?

Я с удивлением отметил, что в его голосе не было злобы. Он вел себя расслаблено, легко и игриво, как отпущенный на свободу невольник. Наверное, это было следствием долгих лет отчаяния, проведенных в Малой Британии. Сиротой Ютера забросило за Узкое море, прежде чем он успел возмужать, и развеялись многие его мечты. Сейчас же он чувствовал себя ястребом, впервые вылетевшем на охоту. Он ощущал в себе силы. Это было заметно и мне. Мощь окрыляла его. Я сказал что-то в ответ, но он прервал меня:

— Ты видел чего-нибудь сейчас в огне?

— И ты туда же? — беззлобно отозвался я. — Князь, похоже, считает, что стоит мне взглянуть на факел, и я готов предсказать будущее. Я пытался объяснить, что так не бывает.

— Ты разочаровываешь меня. Я собирался узнать о своей судьбе.

— Клянусь Эросом, нет ничего проще. Не позже, чем через час, когда ты разберешься со своими людьми, ты окажешься в постели с девчонкой.

— Не так уж просто. Какой дьявол тебе подсказал, что мне удалось найти девчонку, их здесь немного? Одна на полсотни человек. Мне повезло.

— Это я и имею в виду. Если на пятьдесят человек приходится одна женщина, то она достанется Ютеру. Я называю это закономерностью жизни. Где мне найти Кая Валерия?

— Я отправлю с тобой кого-нибудь, чтобы тебе показали. Я бы сам пошел, но не хочу попадаться ему на глаза.

— Отчего?

— Когда мы разыгрывали девчонку, он проиграл, — весело ответил Ютер. — Так что у него хватит для тебя времени, в его распоряжении вся ночь. Пошли.

6

Мы отправились в Йорк за три дня до конца мая. Лазутчики Амброзиуса подтвердили его догадку в отношении Йорка. От Кэрконана к Йорку вела хорошая дорога, которой и воспользовались Окта с Эзой. Они нашли убежище в укрепленном городе, названном римлянами Эборакумом, а саксами — Эфорвиком, или Йорком. Однако укрепления в Йорке находились в плохом состоянии, а иоркцы, прослышав о внушительной победе Амброзиуса под Кэрконаном, оказали саксам холодный прием. Несмотря на стремительность передвижения Окты, Амброзиус отставал от него только на два дня. При виде нашей огромной, отдохнувшей и усиленной свежими британскими подкреплениями армии саксы усомнились в своей способности удержать город и решили сдаться на милость победителя.

Я наблюдал за происходящим собственными глазами из фургона с осадными сооружениями. Процесс сдачи в плен произвел на меня более неприятное в своем роде впечатление, чем битва. Вождь саксов был крупным молодым светловолосым человеком, похожим на своего отца. Его привели к Амброзиусу раздетым до штанов, сшитых из грубого полотна, с тесемками. Руки в кистях сковывала цепь, голова и тело посыпаны пылью — излишний для него атрибут унижения. В его глазах горел гнев, было видно, что его вынудили на это из мудрости или трусости (как хотите называйте) саксонские и британские предводители. Они толпились сзади в городских воротах, прося у Амброзиуса пощады для себя и своих семей.

На этот раз он даровал ее и потребовал, чтобы остатки саксонской армии отошли на север за пределы старой стены Гадриана, которая будет считаться границей его владений.

Земли за пределами стены, по рассказам людей, дики и угрюмы, с малочисленным населением. Несмотря на это, Окта с радостью воспользовался предоставленной ему свободой. За ним явился его кузен, Эоза, также сдавшийся на милость Амброзиуса. Она была ему также дарована. А город Йорк открыл свои ворота новому королю.

При занятии города Амброзиус всегда действовал по одному образцу. Первым делом он устанавливал порядок, не допуская в город своих британских союзников. Порядок устанавливали и поддерживали его собственные войска из Малой Британии, не имевшие местных пристрастий. Они очищали улицы, восстанавливали укрепления, разрабатывали планы будущего

строительства, которые передавались опытным инженерам, использующим местные рабочие руки. Потом проводилась встреча с руководством города, определялась будущая политика, приносилась клятва верности Амброзиусу, обсуждались меры по охране города. В конце происходила религиозная церемония благодарения, сопровождавшаяся всеобщим празднеством.

Йорк явился первым крупным городом, взятым Амброзиусом, и церемония празднования проводилась в церкви. Стоял ослепительный июньский день, собралась вся армия и огромные массы народа.

А я уже побывал на одной закрытой церемонии в другом месте.

Трудно было ожидать, что в Йорке окажется храм Митры. В любом случае поклонение ему было запрещено со времен ухода последнего римского легиона около века назад. Но в римскую эпоху храм в Йорке являлся одним из самых красивых в стране. Поскольку поблизости не нашлось естественной пещеры, храм построили в просторном подвале дома, где жил римский командующий. По этой причине христиане не смогли осквернить его, подобно остальным святилищам. Однако время и сырость сделали свое дело, и храм пришел в негодность. Однажды при одном христианском правителе его попытались превратить в подземную часовню, но следующий правитель наотрез, если не сказать более категорично, воспротивился этому. Являясь истинным христианином, он не видел причины для того, чтобы не использовать добрый подвал в целях его предназначения, а именно для хранения вина. Винным подвалом он и оставался до того дня, пока Ютер не послал людей привести его в порядок и подготовить к встрече, приуроченной к празднику бога, ожидавшемуся шестнадцатого июня. Ее проводили тайно, но не из-за страха, а для соответствия с политикой: официальное благодарение осуществлялось по христианской традиции, и Амброзиус собирался на нем присутствовать вместе с епископами и народом. До праздника я святилища не видел, будучи занят на работах по восстановлению христианской церкви, в которой должна была состояться церемония. На празднике Митры в подземном храме я собирался участвовать вместе с другими посвященными моего ранга. Большинства из этих людей я не знал или не мог узнать по голосу из-за маски. Только Ютера невозможно было спутать ни с кем, и, конечно же, там должен был быть мой отец в качестве Посланца солнца.

Дверь храма закрыли. Мы, посвященные самого низкого ранга, ждали своей очереди в передней.

Передняя представляла собой небольшую квадратную комнату, освещенную двумя факелами, вставленными в руки статуй по обеим сторонам двери. Над дверью торчала львиная

маска, вырезанная прямо в стене. Потрепанные временем, без носов и частей тела древние факельщики с достоинством несли свою службу. В передней было прохладно и пахло дымом. Холод начинал пробираться меня, передаваясь от каменного пола босым ногам. Но не успела меня охватить дрожь, как дверь храма открылась, и через мгновение все было охвачено разноцветными бликами света и огня.

Даже сейчас, спустя все прожитые годы, познав отведенное мне жизнью, я не могу найти в себе сил преступить клятву молчания и тайны. Этого не сделал, насколько я знаю, никто. Люди говорят, что то, чему ты научился в молодом возрасте, никогда не выйдет у тебя из головы. Я, например, так и не смог избавиться от чар неведомого бога, забросившего меня в Британию к ногам моего отца. То ли потому, что дух мой был скован, то ли вмещался сам бог, но мои воспоминания о богослужениях оказались затуманены, словно сон. Хотя, возможно, что это сон, и не только это мне приснилось, а и ночное поле, и, наконец, эта ночная церемония.

Кое-что я помню. Опять, но в большем количестве каменные факельщики, длинные скамьи по сторонам от центрального прохода, на них люди в ярких одеяниях и масках, повернутых к нам, внимательные глаза. В конце помещения ступени, ведущие под полукруглый свод, открывающий пещеру со звездным потолком и знакомым изображением Митры, убивающим быка. Каким-то образом, оно избежало молотов богоборцев, передавая яркую и драматическую картину. Вот он, молодой человек в капюшоне, освещенный светом факелов и навек застывший в камне. Встав коленом на павшего быка, он вонзает ему в шею меч, отвернувшись в печали. У подножия лестницы стояли алтари огня, по одному с каждой стороны. За ними в одеянии и маске льва стоял человек с прутом в руке. Сзади — другой, Гелиодромос, Посланец солнца. В центре наверху под куполом возвышался Отец, ожидавший нас.

Маска ворона имела плохие прорези для глаз, и я мог смотреть только вперед. Мне не подобало вертеть клювом из стороны в сторону, и поэтому я стоял, прислушиваясь к голосам и прикидывая, сколько здесь находится знакомых мне людей. Я знал лишь высокого Посланца, спокойно стоявшего у алтарного огня и одного из «львов», стоявшего не то в проходе, не то у ступеней и смотревшего мимо самодельных скамей.

Вот таковой была общая картина церемонии, и это было почти все, что я запомнил, не считая конца. Лев, руководивший обрядом, оказался все-таки вовсе не Ютером. Это был невысокий, плотный человек, постарше Ютера. Нанесенный им удар оказался ритуальным похлопыванием, лишенным злости,

которую вложил бы Ютер. И Посланцем был не Амброзиус. Когда он передавал мне символические хлеб с вином, я заметил у него на мизинце левой руки золотое кольцо с камнем из красной яшмы, изображающим маленького дракона. Когда он протянул чашу к моему рту, у него сползла накидка и обнажился знакомый белый шрам на загорелой коже. Из-под маски на меня глядели голубые глаза, вначале насмешливые, потом в них промелькнула искра смеха при виде того, как я вздрогнул и пролил вино. Похоже, Ютер поднялся на две ступени с тех пор, как я последний раз присутствовал на торжествах. Поскольку больше Посланцев не было, для Амброзиуса оставалось лишь одно место...

Я отошел от Посланца и преклонил колени перед Отцом. Однако руки, взявшие мои ладони в свои для получения клятвы, принадлежали старику, а глаза под маской были глазами незнакомца.

Через восемь дней состоялся официальный праздник благодарения. На нем присутствовал Амброзиус со всеми своими военачальниками и даже Ютер. «Ибо, — сказал отец, когда мы остались наедине, — ты сам увидишь, что все боги, рожденные светом, — братья. И Митра, приносящий нам победу, олицетворяет Христа. Почему бы нам не молиться Христу».

Больше мы на эту тему не разговаривали.

Сдача Йорка ознаменовала завершение первой части кампании Амброзиуса. После Йорка мы направились к Лондону, легко передвигаясь по стране. Сражений больше не было, если не считать нескольких стычек по пути. Теперь королю предстояла огромная работа по восстановлению и укреплению своего королевства. В каждом городе и крепости он оставлял гарнизоны из испытанных воинов и доверенных начальников, назначал инженеров для починки укреплений и дорог. Везде можно было наблюдать одну и ту же картину: когда-то прекрасные здания безнадежно пришли в упадок; дороги заброшены и запущены; деревни разрушены, а жители скрываются по лесам и пещерам; святилища оставлены или осквернены. Вся земля была замутнена алчностью и глупостью саксонских орд. Все, что излучало свет, — искусства, песни, наука, религия, торжественные встречи праздников, Пасха, День всех святых, зимнее солнцестояние и даже культ земледелия — исчезло во мраке туч, напущенных воинственными северными богами грома и войны. Их позвал сюда британский король Вортигерн, что и осталось в людской памяти. Люди забыли, что Вортигерн правил десять с лишним лет, прежде чем обнаружил, что призванные им силы саксов вышли

из-под контроля. Запомнилось лишь, что он пришел к трону через кровь и предательство, а также убийство родственника, который был законным королем. Поэтому люди шли к Амброзиусу со всех сторон, призывая на него благословения всех своих богов, величая его королем, первым «Королем всей Британии», давшим стране шанс стать таковой.

Другие уже описывали историю коронации Амброзиуса и его первых деяний и даже поместили ее в летописи. Я добавляю лишь, что сопровождал его на протяжении первых двух лет, но на двадцатой моей весне мы расстались. С меня хватило военных советов, походов и длинных юридических диспутов, где Амброзиус пытался восстановить ослабевшие порядки. Мне надоели бесконечные встречи со старейшинами и епископами, которые жужжали изо дня в день, из месяца в месяц, как пчелы, старающиеся не упустить своей капли меда. Я устал даже от строительства и конструирования. Это была единственная работа, которую я делал для него, находясь с армией долгие месяцы. В конце концов я осознал, что должен покинуть его, вырваться из-под пресса окружающих его проблем. Боги не обращаются к тем, кто не слушает. Разум сам ищет себе пищу, и до меня дошло, что, какую бы работу я ни выполнял, я должен делать ее в тиши моих холмов. Поэтому весной, когда мы приехали в Винчестер, я послал Кадалу письмо, а сам отправился к Амброзиусу — сказать ему, что мне надо уходить.

Он рассеянно выслушал меня. Слишком много забот навалилось на него в те дни, и возраст, незаметный раньше, теперь придавил его. Я заметил, что такое случается с людьми, которые посвятили свою жизнь пути к одному далеко горящему маяку. Когда вершина покорена и стремиться больше некуда — осталось лишь поддерживать огонь в горящем рядом маяке, они присаживаются у него и начинают стареть. Если раньше таких людей согревала их горячая кровь, то теперь их поддерживает пламя маяка. Так произошло и с Амброзиусом. Сидевший предо мной в громадном кресле и слушавший меня король был уже теперь не тем молодым военачальником, склонившимся над застеленными картами столом в Малой Британии, и не Посланец Митры, явившийся мне в морозном поле.

— Я не могу тебя удерживать, — ответил он, — ты не мой подчиненный, ты мой сын. Можешь идти, куда хочешь.

— Ты знаешь, я служу тебе. На днях ты говорил, что пошлешь отряд в Карлеон. Кто с ним едет?

Он поглядел в свои записи. Год назад он ответил бы, не задумываясь, по памяти.

— Прискус, Валенс, может быть, Сидониус. Они отправляются через два дня.

— Тогда я поеду с ними.

Он взглянул на меня. Неожиданно передо мной был снова прежний Амброзиус.

— Стрела, вынырнувшая из тьмы?

— Можно сказать так. Я знаю, что должен ехать.
— Езжай с миром. Но когда-нибудь возвращайся ко мне.
Нас кто-то прервал. Когда я уходил, он уже тщательно, от слова к слову, прорабатывал новые законы для города.

От Винчестера к Карлеону вела хорошая дорога. Стояла солнечная сухая погода. Поэтому мы не стали задерживаться в Саруме, а сразу поехали на север, пересекая Большую равнину.

Недалеко от Сарума находилось место, где родился Амброзиус. Сейчас я даже не помню, как оно называлось, но уже при мне его переименовали в его честь — Амберсбург или Эймсбери. Я никогда не проезжал через него и хотел на него посмотреть. Мы поднажали и прибыли туда до заката. Мне вместе с командирами предоставили жилье у старейшины города. По размерам местечко было не больше деревни, но там хорошо помнили, что здесь родился король. Неподалеку находилось место, где много лет назад саксами были предательски убиты около сотни представителей британской знати. Их похоронили в одной могиле, которая находилась к западу от Эймсбери, у каменного круга, который в народе прозвали «Пляской гигантов» или «Пляской висячих камней».

Я давно слышал о «Пляске», и мне не терпелось увидеть ее. Когда отряд вошел в Эймсбери и мы стали располагаться на ночь, я извинился перед хозяином и выехал один в поле. На протяжении многих миль оно тянется без единого холма, лишь изредка здесь встречаются колючие кустарники и утесник или одинокий дуб, потрепанный ветром. Закат наступал поздно, и в тот вечер я неторопливо ехал верхом навстречу лучам заходящего солнца. Сзади, на востоке, уже начали собираться темно-синие вечерние облака, и показалась ранняя звезда.

Похоже, я ожидал, что «Пляска» произведет на меня гораздо меньшее впечатление, чем каменное воинство, к которому я привык в Малой Британии, и сравнивал ее с кругом на острове друидов. Однако эти огромные камни поразили мое воображение. Само одиночество, окружавшее их посреди бескрайней равнины, наполняло сердце благоговением.

Я медленно объехал кругом и спешил. Лошадь осталась пастись, а я прошел между двух камней внешнего круга. Моя фигура по сравнению с ними отбрасывала пигмейскую тень. Я невольно замедлил шаг, словно гиганты протянули руки, задерживая меня.

Амброзиус спросил меня о «стреле, вынырнувшей из темноты», и я ответил ему положительно. Теперь мне предстояло выяснить, что же привело меня сюда. Оказавшись здесь, я почувствовал, что мне хочется покинуть это место. Что-то

подобное я ощущал в Малой Британии, плутая между каменных исполинов, — словно кто-то древний, древнее, чем само время, дышал мне в спину. Подобное, но все же не похожее чувство возникло у меня и теперь. Здесь, мне казалось, теплая земля и камни, нагретые весенним солнцем, дыхнули глубоким подземным холодом.

С какой-то неохотой я пошел вперед. Быстро темнело, и чтобы добраться до середины, нужно было идти с осторожностью. Время и бури, а может быть, боги войны сделали свое дело. Большинство камней лежало в нагромождениях, но порядок их расположения, «рисунок», все-таки можно было различить. Передо мной открывался круг, но таких кругов я не видел в Малой Британии и не мог себе даже представить. Внешний круг состоял из огромных камней, половина которых еще стояла в виде полумесяца. Сверху их венчали смыкавшиеся между собой блоки, гигантским забором отгораживавшие круг от неба. Остальные глыбы, составлявшие внешний круг, стояли и валялись без всякого порядка, иные накренились, а лежавшие сверху камни упали на землю. Внутри большого круга находился маленький, и упавшие внутрь большие камни погребли под собой стоявшие внутри. В середине исполинские камни образовывали подкову, сложенную парными валунами. Три мегалита стояли нетронутыми, четвертый упал вместе со своим соседом. Одна подкова содержала в себе другую, поменьше, совсем целую. Самая середина, испещренная тенью, пустовала.

Солнце зашло, и небо на западе потускнело, приобретая зеленый цвет моря. Светила одинокая яркая звезда. Я застыл в неподвижности. Стояла тишина, в которой слышно было лишь, как пасся мой конь и позвякивала его уздечка. Наверху, на камнях, возились скворцы. У друидов они являлись священными птицами. Я слышал, что в прошлом друиды использовали «Пляску» для своих обрядов. Ходило много рассказов о том, что камни привезли из самой Африки, а установили их сказочные исполины, или о том, что это и были исполины, превращенные в камни заклятием во время исполнения своего танца. Но не из-за гигантов или проклятий веяло холодом от земли и самих камней. Их установили люди, деяния которых воспели в песнях певцы, подобные старому слепому барду из Малой Британии. Последний луч закатного света упал на стоявший рядом камень. Большой выступ на его стороне совпадал со впадиной на лежавшем на нем другом камне. Все это было сделано руками людей, мастеров, виденных мной ежедневно в Малой Британии, Йорке, Лондоне, Винчестере. Все эти массивные создания подняты руками людей под командованием мастеров и под музыку, слышанную мной от слепого музыканта в Керреке.

Я медленно прошел в центр круга, отбрасывая косую тень, превратившуюся в колеблющемся свете в отражение двуглавого

топора. Помедлив, я обернулся, но тень качнулась и исчезла: я наступил в неглубокую ямку и растянулся во всю длину.

Ямка была углублением, вмятиной в земле. Это мог быть след давно упавшего камня или могила...

Однако поблизости не лежало камней подходящего размера, не виднелось и следов копания или захоронения. Трава была ровной, выщипанной овцами и коровами, и когда я медленно поднимался с земли, то под моими руками оказались мятые душистые соцветия маргариток. Но еще лежа я почувствовал какой-то подземный толчок, подобный удару стрелы, и понял, что именно для этого я здесь и оказался.

Я поймал свою лошадь, сел на нее и вернулся к месту рождения моего отца, проехав две мили.

Мы прибыли в Карлеон через четыре дня, и нашим глазам предстал совершенно изменившийся город. Амброзиус собирался сделать его одним из своих опорных пунктов, наравне с Лондоном и Йорком. Поэтому работы вел сам Треморинус. В городе восстановили стены, построили мост, очистили реку, укрепили берега и перестроили восточные бараки. Раньше военное поселение в Карлеоне занимало огромную территорию, окруженную невысокими холмами и рекой, сейчас требовалась только половина, поэтому Треморинус снес западные бараки и использовал строительный материал для постройки новых жилищ, бань и кухонь. Старые оказались в жутком виде, несравнимом даже с состоянием бань в Маридунуме.

— Сейчас никто не отказался бы послужить здесь, — сказал я Треморинусу, которому это немало польстило.

— Мы завершим не так уж скоро, — ответил он. — Ходят слухи о новых неприятностях. Ты слышал чего-нибудь?

— Ничего. Если это свежие новости, то я не мог их слышать. Мы находимся в пути целую неделю. Что за неприятности? Окта?

— Нет, Пасентиус. Это брат Вортимера, сражавшийся на его стороне во время мятежа и бежавший на север после смерти Вортимера. Ты знаешь, что он ушел на корабле в Германию? Говорят, он возвращается.

— Дайте ему время, и он обязательно вернется. Ты сообщишь мне, если будут какие-нибудь новости?

— Сообщи? Разве ты не остаешься?

— Нет, я уезжаю в Маридунум. Ты же знаешь, что это мой родной город.

— Я и забыл. Но мы еще увидимся. Я здесь задержусь, мы начали строить церковь. — Он улыбнулся. — Епископ прицепился ко мне, как овод. Похоже, пришло время подумать о небе, натворив столько дел на земле. Они также хотят поставить памятник в честь побед короля, что-то вроде триумфальной арки в староримском стиле. А здесь, в Карлеоне, мы возведем

церковь во славу Божию и Амброзиуса, вместе взятых. Хотя, если кто из епископов и должен получать лавры по этому поводу, то это должен быть Глочестер — старый Эльдад, он немало постарался. Ты видел его?

— Нет, лишь слышал.

Он рассмеялся.

— Но хоть сегодня ты переночуешь здесь? Поужинаем вместе.

— Спасибо, с удовольствием.

Мы проговорили до самой ночи, и он рассказал мне о своих замыслах и задумках. Ему было приятно, что буду приезжать из Маридунума посмотреть, как идет строительство. Пообещав это, я уехал на следующий день из Карлеона, отклонив лестное для меня и настойчивое предложение командира гарнизона дать мне эскорт. Я отказался, а к полудню уже увидел вдалеке свои родные холмы. На западе собирались дождевые тучи, из-за которых светящимся занавесом падали солнечные лучи. В такой день становится понятным, почему зеленые холмы Уэльса окрестили Черными горами, а долины между ними — Золотыми долинами. Полоски света лежали на лесах, заполнявших долины, а холмы, подпиравшие своими вершинами небеса, приобрели темно-синий и даже черный цвет.

Путешествие заняло два дня. По пути я замечал, что земля уже привыкла к миру. Крестьянин, возводивший стену, даже не оглянулся на меня, молоденькая пастушка, пасшая овец, улыбнулась мне. Мельница на Тайви работала как обычно, во дворе были сложены мешки с зерном. Раздавался скрип жерновов.

Я проехал мимо тропинки, ведущей к пещере, и направился в город. Я говорил себе, что первым долгом обязан узнать о кончине матери, побывать на ее могиле. Но спешившись с коня и подняв руку к колокольчику, по стуку своего сердца я понял, что обманываю самого себя.

Как оказалось, я мог и не мучить себя самообманом: дверь мне открыла старая глухая привратница. Не спрашивая ни о чем, она повела меня на зеленый берег реки и показала могилу моей матери. Мать моя покоилась в красивом месте — зеленая лужайка недалеко от стены, где росли сливы, уже начавшие цвести. На них подставляли свои грудки солнцу любимые ею белые голуби. Под стеной слышался плеск речной воды, а за шумящими деревьями виднелась колокольня.

Настоятельница приняла меня очень любезно, но не смогла рассказать больше того, что мне было уже известно и о чем я сообщил отцу. Я оставил денег на поминальные молитвы и на надгробный камень и покинул монастырь, увозя с собой тот самый серебряный с аметистами материнский крест. Один вопрос я не решился задать, не спросив ни о чем даже девушку (не Кери), которая принесла мне вина. Так, ничего не узнав, я оказался на улице. Там мне показалось, что судьба вновь

улыбнулась мне. Отвязывая лошадь, я увидел в окошке ворот старую глухую привратницу. Она должна была, несомненно, помнить золото, данное ей во время предыдущего посещения. Но даже когда я достал деньги и трижды прокричал ей свой вопрос в ухо, она лишь пожала плечами и произнесла только одно слово, относившееся непонятно к чему: «Покинула». В конце концов я плюнул и сказал себе, что обо всем этом надо забыть. Я выехал из города и направился к себе в долину. А передо мной стояло ее лицо и золотые волосы, сливавшиеся с косыми лучами солнца.

Кадал обновил загон, построенный мной и Галапасом в кустах боярышника. У загона появилась крыша и надежная дверь. В нем можно было спокойно разместить двух лошадей. Одна, наверное, Кадала, уже находилась там.

Кадал, должно быть, услышал, как я еду в долине, и выбежал мне навстречу, когда я слезал с лошади. Он выхватил у меня уздечку и, взяв мои руки, расцеловал их.

— Что такое? В чем дело? — удивленно спросил я. За мою безопасность можно было не беспокоиться, я регулярно посылал ему письма. — Разве ты не получил известия о том, что я еду?

— Да, получил, и давно. Ты хорошо выглядишь.

— Ты тоже. Все в порядке?

— Думаю, да. Даже такое место можно привести в порядок, если ты собрался здесь жить. Пошли наверх, ужин готов. — Он наклонился расседлать лошадь, предоставив мне подняться в пещеру одному.

У него было достаточно времени, но даже с учетом этого пещера произвела впечатление чуда. Она снова превратилась в место, заросшее зеленой травой и залитое солнечным светом. Маргаритки проросли между завитками молодого папоротника. Под цветущим боярышником шныряли молодые кролики. Источник был кристально чист, в воде виднелись серебристые камешки. Сверху, в заросшей нише, стояла статуэтка бога. Наверное, Кадал отыскал ее в куче мусора, очищая колодец. Он даже нашел костяной рожок. Теперь он стоял на своем месте. Я выпил из него и выплеснул остатки воды для бога.

Из Малой Британии прислали мои книги. Огромный сундук поставили у стены пещеры, где раньше стоял сундук Галапаса. Стол был принесен новый, из дворца деда. Бронзовое зеркало вернулось на место. Кадал выложил из камней очаг и приготовил для растопки дрова. Мне почудилось, что у очага сидит Галапас, а на каменистом выступе у входа — сокол, находившийся там в тот день, когда из пещеры в слезах убежал маленький мальчик. Сзади глубоко в тени скрывался вход в хрустальный грот.

Лежа в ту ночь на постели из папоротника, укрытый одеялами, я прислушивался к потрескиванию угасающего ко-

стра, к шуршанию листвы у входа в пещеру, журчанию источника. Казалось, эти звуки заполнили весь мир. Я закрыл глаза и заснул, как не спал с самого детства.

8

Подобно пьянице, который считает, что излечился от своего недуга, если рядом нет вина, я считал, что моя жажда тишины и уединенности удовлетворена. Проснувшись в первое утро у Брин Мирддина, я понял, что пещера является для меня не просто убежищем, а единственным в мире жильем. Апрель перешел в май, кукушки начали перекрикиваться между холмами. По вечерам в долинах блеяли овцы. Я никогда не подходил к городу ближе, чем на две мили, у холма, где я собирал травы и кресс-салат. Кадал ездил в город за продуктами и новостями каждый день. Два раза в долину приезжали посланцы. Один раз с чертежами от Треморинуса, другой раз — с новостями и деньгами из Винчестера, его посылал отец. Письма он не привез, но подтвердил, что Пасентус собирает в Германии войска и в конце лета обязательно начнется война.

В остальное время я читал и гулял по холмам, собирал растения и готовил лекарства. Я также сочинял музыку и пел песни, слушая которые Кадал искоса поглядывал на меня и качал головой. Некоторые из них поют до сих пор, но большинство совершенно забыты. К последним относится и эта песня, созданная мною в одну из майских ночей. Город окутывал аромат цветения, а в кустах папоротника синели колокольчики.

*Земля сера и пуста, обнажены деревья,
у них отняли лето. Украли все,
у ивы волосы, у голубой воды красоту,
похитили золотые травы. Не раздастся
даже птичий щебет. Все это украла и
присвоила себе одна гибкая девушка.
Она беспечна, как майская птичка на ветке,
чудесна, как колокольчик.
Она танцует среди клонящегося камыша,
и ее шаги оставляют серебряные следы
на серой траве.
Я бы взял для нее подарок,
для королевы всех девушек,
но что осталось в моей голой долине?
Голос ветра в тростнике, жемчужины дождя
да моховый мех, растущий на холодном камне.
Что можно предложить ей еще, кроме мха?
Она закрывает свои глаза
и отворачивается от меня во сне.*

На следующий день я шел по лесистой долине, примерно в миле от пещеры, собирая мяту и битеруид. И вдруг, словно я позвал ее, она появилась передо мной на тропинке среди колокольчиков и папоротника. Может быть, я ее и звал. Стрела остается стрелой, какой бы бог ее ни запустил.

Я неподвижно остановился среди берез, боясь, что она исчезнет, что она является привидением, возникшим в моем воображении из снов и желаний. Я не мог двинуться с места, хотя мой дух и мое тело рвалось навстречу ей. Она увидела меня и рассмеялась. Подошла ко мне легким шагом. В бликах света и тени, в постоянном движении березовых ветвей она казалась сотканной из воздуха. Ее шаги словно не приминали травы. Когда она приблизилась, я понял, что это все же не видение, а сама Кери, такая, какой я ее помнил, в коричневом домотканом одеянии, пахнущая жимолостью. Однако на ней не было капюшона, волосы рассыпались по плечам, ноги босы. Сквозь ветви пробивалось солнце, ее волосы отсвечивали, как вода, переливающаяся на солнце. В руках она держала охапку колокольчиков.

— Милорд! — Тонкий и легкий голос наполнился радостью.

Я стоял, с виду спокойный и невозмутимый, а внутри у меня все дрожало, как у лошади, взнузданной и прищипоренной одновременно. Мелькнула мысль, а что я буду делать, если она снова захочет поцеловать мне руку.

— Кери! Что ты здесь делаешь?

— Как! Собираю колокольчики — она выглядела, как сама невинность, что сглаживало дерзость ее слов. Кери протянула их вперед, смеясь из-за них. Бог ее знает, что она разглядела на моем лице. Нет, она не собиралась целовать мне руку.

— Разве ты не знаешь, что я ушла из Святого Петра?

— Да, мне сказали. Я подумал, что ты переехала в другой монастырь.

— Нет, ни за что. Я возненавидела монастыри. Там как в клетке. Некоторым там нравится, — спокойно и безопасно. Но это не для меня, я не создана для такой жизни.

— Когда-то так же хотели поступить со мной.

— Ты тоже убежал?

— Да, конечно. Но прежде, чем меня успели там запереть. Где ты сейчас живешь, Кери?

Она, похоже, не слышала вопроса.

— Ты тоже не создан для такой жизни? Для оков?

— Не для таких оков.

Она не поняла, да я и сам не знал, что имел в виду. Поэтому я промолчал и продолжал наблюдать за ней, наслаждаясь радостью момента.

— Жалко твою мать.

— Спасибо, Кери.

— Она умерла сразу после твоего отъезда. Тебе, наверное, сказали?

— Да, я был в монастыре после приезда в Маридунум. Она помолчала, глядя в землю и ткнув пальчиком босой ноги в траву. От этого легкого танцевального движения на ее поясе зазвенели позолоченные яблочки.

— Я знала, что ты вернулся. Все говорили об этом.

— В самом деле?

Она кивнула.

— В городе мне сказали, что ты не только великий волшебник, но и принц. — Она взглянула на меня, в ее голосе послышалось сомнение. Я был одет в старую заляпанную отварами тунику (Кадал не мог ее отстирать), накидка обветшала, и ее облепили колючки и куманика. На ногах у меня были полотняные сандалии — какой смысл носить кожаные по высокой сырой траве? Даже по сравнению со скромно одетым молодым человеком, каким она видела меня прежде, теперь я выглядел нищим оборванцем.

— Ты еще считаешься принцем после смерти своей матери? — с невинной прямоотой спросила она.

— Да, ведь мой отец — Верховный король.

У нее приоткрылись губы.

— Твой отец? Король? Я и не знала, об этом никто не говорил.

— Немногие знают. Но теперь, после смерти матери, это ничего не значит. Да, я его сын.

— Сын Верховного короля... — выдохнула она с благоговением. — И волшебник. Я знаю, это правда.

— Да, это правда.

— Но когда-то ты говорил иначе.

Я улыбнулся.

— Я говорил, что не могу вылечить твою зубную боль.

— Но ты же вылечил.

— Это ты так говорила. Я не поверил тебе.

— Твое прикосновение вылечило бы любую болезнь, — произнесла она и подошла поближе.

Ворот ее одеяния откинулся. Ее горло светлело, как жимолость. Я чувствовал ее запах, запах колокольчиков и горьковато-сладкий сок цветов, сжатых между нами. Я протянул руку и потянул за ворот ее платья. Застежка растянулась. Ее груди были круглыми и полными, мягче, чем можно было себе представить. Они упали в мои руки, как голуби, виденные мною в монастыре. Мне показалось, что она закричит и вырвется, но она прильнула ко мне, пахнув своим теплом, и засмеялась. Ее пальцы оказались у меня в волосах, и наши губы встретились. Внезапно она повисла на мне, и я, связанный с ней поцелуем, рухнул на траву, подминая ее под себя. Цветы рассыпались.

Я долго не мог понять. Сначала мы смеялись и тяжело дышали. Происходившее превзошло ночное воображение. Она

была маленькой и тихо стонала, когда я причинял ей боль. Гибкая и мягкая, как тростник; по сравнению с ней я выглядел великаном. Неожиданно у нее вырвался из горла глубокий звук, словно она задыхалась, и она согнулась у меня в руках, будто умирая. Ее губы сомкнулись с моими.

Теперь задыхался я. Она обняла меня и еще сильнее прижалась ко мне губами. Меня втягивало в темноту, туда, где нет ни света, ни воздуха, ни дыхания. Могила в могиле. Раскаленным добела лезвием у меня в голове заворочался страх. Открыв глаза, я не видел ничего, кроме мелькающего света и тени дерева, нависавшего надо мной. Колючки выросли в огромные шипы. Мое лицо исказил ужас. Тень боярышника дрогнула, раскрылся вход в пещеру, и на меня надвинулись стены. Я вырвался и перевернулся на спину, истекая потом от страха и стыда.

— В чем дело? — спросила она слепо. Ее руки продолжали обнимать над собой воздух.

— Извини, Кери, извини.

— Что ты имеешь в виду? Что случилось? — она повернула ко мне голову, увитую рассыпавшимся золотом волос. Ее глаза сузились и были затуманены. Она потянулась ко мне.

— А, вот оно что. Иди ко мне. Все в порядке. Я покажу тебе.

— Нет. — Я попытался высвободиться, но весь дрожал. — Нет, Кери, оставь меня, нет.

— В чем дело? — ее глаза широко раскрылись, она приподнялась на локте. — Ты, наверное, никогда этого не делал. Правда? Правда?

Я не отвечал.

Она рассмеялась, но вместо игривости получилось взвизгивание. Она снова перевернулась и протянула руки.

— Ладно, ничего, научишься, — и неожиданно раздражено, — ну давай, быстрее, говорю же тебе, все будет нормально.

Я поймал ее запястья.

— Извини, Кери. Я не могу объяснить, но... Я не должен, точно знаю. Послушай минуту.

— Отпусти меня!

Я отпустил, и Кери, отодвинувшись, села. Глаза ее были рассержены, в волосах запутались цветки.

— Не подумай, что это из-за тебя, Кери. К тебе это не имеет отношения.

— Не пара тебе? Из-за того, что моя мать была шлюхой?

— В самом деле? Я не знал. — Я почувствовал внезапную усталость. — Говорю же тебе, к тебе это не имеет никакого отношения. Ты прекрасная, Кери, и, как только я тебя увидел, я почувствовал... ты знаешь, что я почувствовал. А это связано только со мной и моей... — я остановился. Дальше говорить было бесполезно. Она наблюдала за мной. Яркими и пустыми глазами. Потом она отвернулась и резкими движениями начала

отряхивать свое платье. Вместо слова «сила» я закончил так: «и моим колдовством».

— Колдовство. — Она выпятила нижнюю губу, как обиженный ребенок. Ловкой рукой застегнула пояс и начала собирать упавшие колокольчики, презрительно повторяя: «Колдовство».

— Думаешь, я поверила в твои чары? Думаешь, у меня действительно болел зуб?

— Не знаю, — устало ответил я и поднялся на ноги.

— Для того чтобы быть волшебником, не обязательно быть мужчиной. Лучше бы ты ушел в монастырь, все-таки это твое место.

— Возможно.

В ее волосах застрял колокольчик, и она выдернула его. Шелк платья блеснул на солнце, как осенняя паутинка. Мой взгляд упал на синяк на ее запястье.

— Тебе не больно? Я не ушиб тебя?

Она не ответила и даже не взглянула. Я отвернулся.

— Ну что же, прощай, Кери.

Я успел отойти на несколько шагов, когда вновь услышал ее голос.

— Принц...

Я обернулся.

— Значит, откликаешься на титул? — сказала она. — Странно. Сын верховного короля, и не оставил даже серебра за мое платье.

Я стоял, как лунатик. Она откинула волосы за плечи и рассмеялась. Я вслепую нащупал кошель и вытащил наугад монету. Она оказалась золотой. Я шагнул вперед и протянул ее ей. Кери наклонилась, смеясь, и сложила ладони ковшиком, словно попрошайка. Порванное платье очаровательно откинулось у нее на горле. Я бросил ей монету и побежал в лес. Смех ее преследовал меня до самого холма. Я спустился в следующую долину, сбежал к ручью и лег рядом с ним на живот, вдыхая запах талых вод, бегущих с гор, которые поглотили ее аромат.

9

В июне Амброзиус приехал в Карлеон и послал за мной. Я приехал один поздно вечером, когда время ужина уже давно прошло. Зажгли лампы, в лагере было тихо. Король еще работал, свет из его окна падал на стяг с Красным Драконом. Подходя к зданию, я услышал приветственный звон оружия и увидел высокую фигуру Ютера.

Он шел к двери, которая была напротив, но, поставив ногу на нижнюю ступеньку, он увидел меня и остановился.

— Мерлин. Наконец приехал. Ты не торопился, не так ли?

— Слишком мало времени оказалось на сборы. Если мне придется ехать за границу, то требовалось подготовиться.

Он застыл.

— Кто тебе сказал, что надо ехать за границу?

— Люди вокруг ни о чем другом не говорят. Ирландия, верно? Говорят, Пасентиус завел себе там опасных союзников, с которыми Амброзиус хочет быстро покончить. Но почему я?

— Он хочет разрушить их главную крепость. Ты слышал о Килларе?

— Кто же не слышал. Говорят, это неприступная крепость.

— Это правда. В центре Ирландии находится гора, с которой видно все побережье, а наверху этой горы стоит крепость, но не из земли и частокола, а из прочных камней. Вот почему позвали тебя, Мерлин.

— Понятно. Вам нужны осадные орудия.

— Да, орудия. Нам придется брать Киллар, после чего можно будет отдохнуть несколько лет. Поэтому я беру Треморинуса, а Треморинус берет тебя.

— Король, насколько я понял, не едет.

— Нет, а сейчас спокойной ночи. Я занят, а то пригласил бы тебя скоротать ожидание вместе. У него сейчас начальник гарнизона, но, наверное, ненадолго.

После этого он пожелал мне приятной ночи и взбежал к себе по ступенькам, позвав слугу.

Почти одновременно от дверей короля донесся звук другого салюта, и вышел комендант. Не видя меня, он остановился переговорить с одним из часовых. Я стоял и ждал.

Мой взгляд привлекло тихое скрытное движение в проходе у здания, в котором жил Ютер. Часовые, отвлеченные комендантом, ничего не видели. Фигура была в плаще с капюшоном, девушка. Она подкралась к освещенному углу и обернулась. Жестом скорее скрытным, нежели боязливым, она надвинула капюшон глубже. Я узнал жест, и запах жимолости, и золотую пряжку из-под капюшона, освещенную светом факела.

Я неподвижно стоял, раздумывая, зачем она последовала за мной, чего она надеялась добиться. Не думаю, чтобы я чувствовал стыд, но оставались боль и желание. Я поколебался, но сделал шаг вперед и позвал: «Кери?»

Но она не обратила внимания. Выскользнув из тени, она быстро и легко взбежала по ступеням к Ютеру. Я услышал, как ее окликнул часовой, раздалось бормотанье и негромкий мужской смех. Когда я поравнялся с дверью Ютера, она была заперта. А в свете факела я увидел улыбающегося часового.

Амброзиус сидел за столом. Над ним склонился слуга. Он отодвинул бумаги и приветствовал меня. Слуга принес вина, разлил его и удалился.

Мы немного поговорили. Он рассказал мне о новостях и событиях, происшедших после отъезда из Винчестера, о продвигавшемся строительстве и планах на будущее. Потом мы обсудили работу Треморинуса в Карлеоне и дошли до темы войны. Я спросил его о последних известиях насчет Пасентиуса.

— Мы, — сказал я, — ждем каждую неделю вестей о том, что он высадился на севере и разоряет страну.

— Пока нет. Если мой расчет чего-то стоит, то мы не услышим о нем до весны и у нас хватит времени подготовиться. Если бы он появился сейчас, то опаснее соперника нам было бы не найти.

— Я кое-что слышал об этом. Ты имеешь в виду ирландские вести?

— Да, из Ирландии идут худые известия. Ты знаешь их молодого короля Гилломана? Молодой огнедышащий дракон, которому не терпится начать войну. Ты, наверное, слышал, что Пасентиус обручен с сестрой Гилломана. Ты понимаешь, что это может значить. От их союза окажется в опасности и север, и запад Британии.

— Пасентиус в Ирландии? Мы слышали, что он в Германии, собирает силы.

— Так и есть. У нас нет точных сведений, сколько он имеет в своем распоряжении, но где-то около двадцати тысяч человек. Неизвестны мне и их совместные с Гилломаном планы. — Глядя на меня, он насмешливо приподнял бровь: — Расслабься, парень. Я позвал тебя сюда не для предсказаний. Ты ясно обрисовал все в Кэрконане. Я выжидаю, как и ты, что скажет твой бог.

Я рассмеялся:

— Знаю. Ты позвал меня для настоящей работы.

— Естественно. Я не собираюсь ждать, пока Ирландия объединится с Германией и они обрушатся на наши берега, как летняя гроза, чтобы встретиться в Британии и покорить север. Британия находится между ними и способна разделить их прежде, чем они соединятся перед нападением.

— Сначала ты пойдешь на Ирландию?

— На Гилломана, — кивнул он. — Он молод, неопытен и к тому же ближе. Ютер отправится в Ирландию в конце месяца. — Перед ним лежала карта, и он развернул ее ко мне. — Вот. Здесь крепость Гилломана. Ты, несомненно, слышал о ней. Эта горная крепость называется Киллар. Я не нашел человека, который видел бы ее, но рассказывают, что она надежно укреплена и может выдержать любую осаду. Мне говорили, что ее еще никому не удавалось взять. А мы не можем позволить, чтобы Ютер просидел под ней долгие месяцы, пока ему в тыл не ударит Пасентиус. Киллар надо брать быстро, а мне говорят, что ее нельзя взять огнем.

— В самом деле? — Я уже увидел у него на столе среди карт и планов свои чертежи.

— Треморинус высоко ценит тебя, — сказал он напрямую.

— Приятно слышать. — И тоже напрямик добавил: — Я встретил на улице Ютера. Он сказал мне, что тебе требуется.

— Ты отправишься с ним?

— Я в твоём распоряжении. Но, сэр... — я указал на чертежи. — Мои расчеты не новы. Все, что я начертил, здесь уже построили. А если время так дорого...

— Нет, от тебя не требуется ничего нового. Наши машины хороши и еще послужат нам. Построенное нами уже готово к погрузке. — Он помолчал. — Киллар, Мерлин, важнее чем просто крепость. Это святое место, святыня королей Ирландии. Рассказывают, на гребне горы находится каменный круг, подобный нашему, британскому. В Килларе находится, по преданию, сердце Ирландии и святое место ирландского королевства Гилломана. Я хочу, Мерлин, чтобы ты ниспроверг эту святыню и похитил сердце Ирландии.

Я молчал.

— Я говорил об этом с Треморинусом, и он сказал, что я должен послать за тобой. Так ты поедешь?

— Я уже ответил «да». Конечно.

Он улыбнулся и поблагодарил меня, словно разговаривали не король и его подданный, а равный с равным. Мы поговорили еще немного о Килларе, о приготовлениях, которые должны были быть, по его мнению, сделаны, и в конце концов, он откинулся назад с улыбкой и сказал:

— Жалею об одном. Я собираюсь в Маридунум и не отказался бы от твоей компании. Но, к сожалению, у нас нет времени. Можешь передать со мной, что ты хочешь.

— Спасибо, мне нечего передавать. Даже если бы я там находился вместе с тобой, я бы не осмелился предложить тебе свое гостеприимство в пещере.

— Я не прочь взглянуть на нее.

— Тебе любой покажет дорогу. Но эта пещера не для короля.

Тут я остановился. Его лицо вспыхнуло смехом, и он стал похож на двадцатилетнего. Я поставил чашу:

— Дурак я, забыл.

— Что ты был там зачат? Немудрено. Уж я найду туда путь, не бойся.

Он начал рассказывать о своих планах. Амброзиус решил остаться в Карлеоне, ибо, — сказал он, — если нападет Пасентиус, я думаю, он направится сюда. — Его палец показал на карту. — Я смогу поймать его у Карлейля. И еще один маленький вопрос, который я хотел бы обсудить с тобой. Ты разговаривал с Треморинусом, когда в последний раз ехал через Карлеон в Маридунум в апреле?

Я подождал.

— Об этом. — Он приподнял пачку чертежей, не моих, и передал их мне. Они изображали не лагерь и не виденные

мною строения. Там была изображена церковь, большой зал и башня. Я молча изучал их несколько минут в тишине. На меня почему-то навалилась усталость, и стало тяжело на сердце. Лампа коптила и дымила, бросая на бумаги тень. Я собрался с силами и взглянул на отца.

— Понятно, ты имеешь в виду памятник.

Он улыбнулся.

— Я в какой-то степени римлянин, чтобы желать себе достойного монумента.

Я хлопнул по чертежам.

— И в какой-то британец, так как монумент британский? Я слышал об этом.

— Что тебе сказал Треморинус?

— Он сказал, что в честь твоих побед надо воздвигнуть памятник, чтобы в нем запечатлелось объединение королевства. Я согласен с Треморинусом, что триумфальная арка в Британии будет выглядеть абсурдом. Он подчеркнул, что некоторые церковники, например епископ Карлеона, хотят построить здесь большую церковь. Но это тоже вряд ли подойдет. Если построить в Карлеоне такой собор, то Лондон, Винчестер, не говоря уже о Йорке, могут задать вопрос: а почему не в этих городах? Винчестер, между прочим, подошел бы лучше всего. Это ведь твоя столица.

— Нет, я сам об этом уже думал. Когда я ехал из Винчестера, я заезжал в Эймсбери... — он неожиданно наклонился вперед, — в чем дело, Мерлин? Тебе нехорошо?

— Нет. Просто жаркая ночь. Наверное, будет буря. Продолжай, ты заехал в Эймсбери...

— Ты знаешь, что это мой родной город? Мне показалось, что если поставить памятник в таком месте, это не вызовет нареканий. Есть и другая причина... — Он нахмурил брови. — Ты бледен как полотно. Ты говоришь правду, что чувствуешь себя нормально?

— Отлично. Возможно, слегка устал.

— Ты ужинал? Извини, я даже не спросил тебя об этом.

— Я поел в пути. Все нормально. Может быть, только немного вина.

Я привстал, но он опередил меня и, взяв кувшин, подошел ко мне и налил вина. Пока я пил, он ждал рядом, сидя у края стола. Я неожиданно вспомнил, как он стоял так же в ту ночь, когда я нашел его. Я помню, как в моей памяти возник он сам в ту ночь в Британии, я задержал эту картину перед своим внутренним взором и через некоторое время смог улыбнуться ему.

— Со мной все в порядке, сэр. Давайте продолжать. Вы собирались рассказать мне о второй причине, почему памятник следует поставить в Эймсбери.

— Ты, наверное, знаешь, что там неподалеку покоятся бритты, предательски убитые Хенгистом. Я думаю, что это

символично — тут даже не о чем спорить, — что памятник моей победе и объединению королевства под владычеством одного короля явится также памятником павшим воинам. — Он помолчал. — Есть еще и третья причина, более значительная, чем две первые.

— То, что Эймсбери уже является местом самого величественного памятника в Британии? — спросил я, глядя на чашу с вином. — И может быть, самого величественного на всем Западе?

— Ага, — в его подтверждении выразилось глубокое удовлетворение. — Ты тоже мыслишь в этом направлении? Ты видел «Пляску»?

— Я заезжал туда из Эймсбери, когда ехал из Винчестера домой.

Он поднялся и обошел стол, садясь на место. Сев, он наклонился вперед, опершись руками о стол.

— Тогда тебе понятен ход моих мыслей. Ты ведь жил в Британии и понимаешь, что являл собой когда-то этот памятник. И ты видел, во что он превратился сейчас — груда беспорядочно наваленных камней — воздействие солнца, ветра. — Он добавил медленно, глядя на меня: — Я разговаривал на эту тему с Треморинусом. Он говорит, что человек не в силах поднять эти камни.

Я улыбнулся.

— Ты послал за мной, чтобы я их поднял для тебя?

— Ты слышал о том, что камни поставлены не руками людей, а волшебством?

— Тогда можно не сомневаться, что опять все свалят на магию.

Его глаза сузились.

— Значит, ты говоришь, что можешь поднять их?

— Почему бы и нет.

Он молчал, ожидая, что я скажу. Амброзиус не улыбался, он верил в мои силы.

— Я слышал все предания, связанные с ними, — ответил я. — Такие же легенды я слышал и в Малой Британии о тамошних стоячих камнях. Но их ставили люди, а что люди совершили однажды, они вполне могут свершить еще раз.

— То есть если у меня нет волшебства, то, по крайней мере, у меня есть хороший инженер?

— Вот именно.

— И как ты это сделаешь?

— Пока я не совсем представляю себе, но это выполнимо.

— Ты сделаешь это для меня, Мерлин?

— Конечно. Разве я не сказал тебе, что я нахожусь здесь, чтобы служить тебе по мере своих сил? Я восстановлю для тебя «Пляску», Амброзиус.

— Это символ сильной Британии, — он говорил вдумчиво и, хмурясь, глядел на свои руки. — Когда придет время,

меня похоронят там, Мерлин. То, зачем Вортигерн хотел построить свою крепость во мраке, я построю для себя на свету. Под этими камнями будет лежать ее король, воин под входом в Британию.

Кто-то, должно быть, отдернул занавес у входа. Часовых не было видно, лагерь затих. Каменные дверные колонны и перекрытия окаймляли синее небо со звездами. Кругом нас лежали огромные тени: каменные гиганты сплелись, как деревья ветвями. Чьи-то руки давным-давно высекли на них символы воздуха, земли и воды. Слышался чей-то тихий голос. Это был голос короля, голос Амброзиуса. Речь лилась уже некоторое время, она слышалась мне едва разборчиво и угасала в темноте, как эхо.

— ... И пока король лежит там под камнями, королевство не падет. Освещаемые светом этого мира, гиганты будут стоять еще дольше, чем простояли. Я поставлю огромный камень на могилу, которая станет сердцем всей Британии. С этих пор среди всех королей останется один король, а среди всех богов — один бог. Ты снова будешь жить в Британии, и будешь жить вечно, потому что мы с тобой создадим короля, чье имя останется в веках вместе с гигантами. Он будет больше, чем символ, он будет для Британии щитом и живым мечом.

Голос этот, однако, принадлежал не королю, а мне. Король по-прежнему сидел с другой стороны своего застеленного картами стола, а его руки неподвижно лежали на бумагах. Под ровными бровями темнели глаза. Между нами угасала лампа, мигая под сквозняком, дувшим из-под прикрытой двери.

Я поглядел на него, мой затуманенный взор медленно становился более ясным.

— Что я сказал?

Он покачал головой, улыбаясь, и потянулся за кувшином с вином.

— Это находит на меня, как обмороки на беременных женщин, — раздраженно сказал я. — Извини. Скажи мне, что я сказал?

— Ты дал мне королевство и бессмертие. Что может быть больше? А теперь выпей, пророк Амброзиуса.

— Вина не надо. Есть вода?

— Вот, — он поднялся. — А теперь нам обоим пора идти спать. Мне рано выезжать в Маридунум. Ты уверен, что тебе не надо ничего передать?

— Скажи Кадалу, чтобы он отдал тебе серебряный крест с аметистами.

Мы молча смотрели друг на друга в наступившей тишине. Мы были почти одинакового роста.

— Ну тогда до свидания, — мягко сказал он.

— Кто прощается с королем, которому суждено бессмертие?

Он поглядел на меня со странным выражением.

— Значит, мы встретимся снова?

— Мы встретимся, Амброзиус.
Именно тогда я понял, что предсказал его смерть.

10

Киллар, как мне говорили, — гора в самом центре Ирландии. В других частях острова имеются горы, которые если не превышают наших размеров, то и не уступают Киллару. Однако Киллар не гора. Это пологий конический холм, чья вершина уходит в высоту не более чем на девять сотен футов. На ней даже не растет лес. Его покрывают жесткая трава, заросли боярышника то здесь, то там и одинокие дубы.

При всем этом он кажется горой для тех, кто подходит издалека, стоя одиноко среди широкой равнины. Кругом без всяких возвышенностей простираются ровные зеленые поля. Что на север, что на юг, запад или восток — все выглядит одинаково. Неправда, что с вершины Киллара можно увидеть побережье. Куда ни посмотри, всюду простирается эта нежно-зеленая долина, а сверху нависает мягкое облачное небо.

Воздух и тот нежен там. Нам в паруса дул попутный ветер, и мы высадились утром на длинной серой косе. С суши дул бриз, пропахший болотным запахом, миртом, утесником и просоленной почвой. В озерах плавали дикие лебеди, кричали чибисы, рядом находился их молодежь, гнездившийся в камыше и заливных лугах.

Это время и эта страна, казалось, не были созданы для войны. И в самом деле, война скоро закончилась. Король Гилломан был молод, говорили, не старше восемнадцати, и не стал слушать своих советников, чтобы выбрать подходящее время для нападения. Его боевой дух был настолько высок, что при первых известиях о высадке вражеских войск на святой земле Ирландии молодой король собрал свои войска и кинул их против закаленных воинов Ютера. Они встретили нас в ровном поле; у нас за спинами была гора, у них — река. Войска Ютера выдержали первый неистовый и отчаянный натиск ирландцев, не отступив ни на шаг. Начав ответное наступление, они настойчиво теснили воинов Гилломана, пока не сбросили тех в воду. К счастью последних, река, хоть и широкая, оказалась мелкой, и, несмотря на то, что в тот вечер она покраснела от крови, многим сотням ирландцев удалось спастись. Вместе с войском бежал и Гилломан. Мы получили сведения, что он направляется на запад с горсткой верных ему людей. Ютер, догадавшись, что он направляется в Киллар, послал за ним тысячу всадников, поручив им поймать Гилломана прежде, чем тот окажется за воротами крепости. Это у них и получилось. Они настигли короля в полумиле от Киллара и в виду городских стен. Вторая схватка была короче, но более кровавой, чем первая. Она происходила ночью, и в суматохе

рукопашной Гилломану вновь удалось ускользнуть со своими людьми. Но на этот раз никто не знал куда. Но дело было сделано: к подходу основных сил британские войска уже овладели крепостью и открыли ворота Киллара.

О происшедших вслед за этим событиях рассказывают много нелепостей. Я собственными ушами слышал несколько таких песен и читал записанный рассказ. Амброзиуса неправильно информировали. Киллар был построен не из огромных камней. Его укрепления состояли из обычных земляных валов и деревянных частоколов, расположенных за огромным рвом. Внутри их также выкопали ров, в котором установили пики. Главное, центральное укрепление, естественно, было каменным и из довольно крупных камней. Однако для наших возможностей это не было непосильной задачей. Внутри крепости находились дома, большей частью деревянные, и неплохие подземелья, наподобие наших, в Британии. Еще выше располагалось внутреннее кольцо стен, огибающее гребень, как корона чело короля. Внутри же его, посередине самой верхушки, лежало святое место. Здесь стояли камни, круг из отдельных камней, содержащий, по преданию, сердце Ирландии. Ему было далеко от великой «Пляски гигантов» в Эймсбери. Но, несмотря на это, одинарный круг из несвязанных между собой камней выглядел достаточно внушительно и прочно. Большинство камней было цело и стояло. Две колонны лежали около центра, где в высокой траве в беспорядке были навалены остальные камни.

Я поднялся туда один в тот же вечер. Холм крепости гудел от криков и шума, знакомых мне по Кэрконану. Но когда я прошел стену, огораживавшую святое место, и вышел на гребень холма, это было все равно что выйти из шумного зала и подняться в тихую комнату на башне. Звуки замерли внизу за стенами, и когда я поднялся туда по высокой летней траве, стояла полная тишина. Я был один.

Светила бледная круглая луна, низко висевшая над горизонтом. Одной стороной она была похожа на сточенную монету. Повсюду на небе были разбросаны маленькие звездочки, звезды покрупнее как бы охраняли их. Напротив луны сияла белым светом большая одинокая звезда. Земные тени удлинились, мягко ложась на прораставшие травы.

Слегка наклонившись на восток, неподалеку стоял в одиночестве большой камень. За ним лежала впадина и находился еще один круглый валун, казавшийся черным в лунном свете. Там что-то было. Я задержался. Вряд ли я мог подыскать этому определение, но сам старый черный камень мог быть каким-нибудь созданием тьмы, заброшенным на край впадины. По моей коже пробежала дрожь, я повернулся и пошел от него прочь, не отважившись тревожить его покой.

Луна поднималась вместе со мной. И когда я вошел в круг, ее белый диск висел над колоссами и освещал самую

середину круга. Под ногами у меня раздавался сухой хруст. Здесь еще недавно горел огонь. Я увидел белые очертания костей и камень наподобие алтаря. Луна осветила резьбу на одной из его сторон — не то веревки, не то змеи. Я наклонился ощупать. В траве юркнула и запищала мышь. Больше ни звука. Камень был чист и безжизнен, боги покинули его. Я отошел, двигаясь медленно в лунных тенях. Еще один камень с верхушкой, как у улья. А вот упавшая колонна, и ее полностью скрыла высокая трава. Пока я бродил в поисках, подул ветер, взволновавший травы и поколебавший тени. Лунный свет словно затянуло туманом. Я зацепился за что-то ногой и упал на колени, наткнувшись на длинный плоский камень, скрытый растительностью. Мои руки ощупали его. Массивный, продолговатый, не тронутый резьбой — естественный и обыкновенный камень, залитый теперь лунным светом. Можно было не вслушиваться в его холод под моими руками, в шелест травы, потревоженной ветром, и аромат маргариток — это был тот самый камень. Вокруг меня, на одинаковом расстоянии от центра также молчаливо темнели камни. С одной стороны белела луна, с другой — свет огромной звезды. Я медленно поднялся на ноги и встал у основания длинного монолита, так стоят у изголовья кровати в ожидании смерти лежащего на ней человека.

Я проснулся от тепла. От тепла и шума людских голосов рядом со мной. Я поднял голову. Верхняя часть моего тела и руки покоились на камне, а полусогнутые ноги были внизу. Утреннее солнце уже стояло высоко, освещая сверху гигантские камни. От влажной травы поднимался туман, его завитки окутывали склоны холма. Оказывается, к святилищу подошла группа людей, и теперь они стояли, наблюдая за мной. Пока я моргал, разминая онемевшее тело, люди раступились, и вперед вышел Ютер с несколькими начальниками, среди которых был Треморинус. Два воина вытолкнули перед собой ирландского пленника. Его руки были связаны, а на щеке запеклась кровь, но он держался хорошо, спокойнее, чем испуганные конвоиры.

Увидев меня, Ютер остановился. Подождав, пока я поднимусь на ноги, он подошел. Наверное, у меня на лице еще оставались ночные тени, так как на лицах командиров появилось выражение, к которому я уже привык, — выражение настороженности и удивления. Даже Ютер говорил несколько громче обычного.

— Значит, твои чары не уступают их волшебству.

Свет слишком сильно бил мне в глаза. Ютер выглядел каким-то ярким и ненастоящим, как отражение в воде. Я попытался ответить, прочищая горло.

— Я пока жив, если ты это имеешь в виду.

— Никто из всей армии не согласился бы провести здесь ночь, — хрипло сказал Треморинус.

— Из боязни к черному камню?

Рука Ютера произвольно шевельнулась, будто он хотел сделать какой-то знак. Увидев, что я заметил его жест, он рассердился.

— Кто сказал тебе о черном камне?

Но прежде чем я успел ответить, заговорил ирландец.

— Ты видел его? Кто ты?

— Меня зовут Мерлин.

Он медленно кивнул. На его лице по-прежнему не было видно страха и благоговения. Видимо, он прочел мои мысли и улыбнулся, как бы говоря: «Мы с тобой можем постоять за себя, не пропадем».

— Зачем тебя привели сюда? — спросил я его.

— Показать им священный камень.

— Он уже все рассказал нам, — промолвил Ютер. — Это вон тот резной алтарь.

— Отпустите его, — сказал я. — Он нам не нужен. И алтарь оставьте в покое. Вот этот камень.

Образовалась пауза. Ирландец рассмеялся.

— Во имя всего святого! На что может надеяться бедный поэт, если здесь находится сам королевский чародей? Это написано на звездах, что вы заберете его, значит, так и должно быть во имя справедливости. Этот камень был не сердцем, а проклятием Ирландии. Может быть, Ирландия выиграет, если его увезут.

— Как так? — спросил я и обратился к Ютеру: — Прикажи отпустить его.

Ютер кивнул, и узника освободили. Он потер кисти рук и улыбнулся мне. Можно было подумать, что мы остались одни.

— Рассказывают, что в незапамятные времена этот камень привезли из Британии, из западных гор, которые спускаются к Ирландскому морю. Человек, которого звали Фион Мак-Кумейл, пронес его на руках через море и поставил здесь, он был великим королем всей Ирландии.

— А теперь с несколько большими усилиями мы вернем его в Британию.

— Я думал, что такой великий волшебник, как ты, поднимет его одной рукой, — рассмеялся ирландец.

— Я не Фион. А теперь, если ты мудр, поэт, возвращайся домой, бери лиру и забудь о войнах. Напиши песню о камне, о том, как Мерлин-волшебник забрал камень из «Пляски Киллара» и легко перенес его к «Пляске висячих камней» в Эймсбери.

Он махнул мне рукой в знак приветствия и, все еще смеясь, ушел. Он, несомненно, в целости добрался домой, так как в последующие годы я слышал эту его песню.

Но сейчас его уход даже не заметили. Все молчали, пока Ютер хмурился, глядя на камень, словно взвешивая его мысленно.

— Ты сказал королю, что все в твоих силах. Это правда?

— Я сказал королю, что принесенное людьми однажды может быть и унесено ими.

Слегка раздраженно, он взглянул на меня.

— Он говорил мне это. И я согласен. Для этого не требуется волшебства и красивых слов. Лишь опытные мастера и подходящие машины. Треморинус!

— Да, сэр?

— Нам хватит одного этого королевского камня. Остальные просто опрокиньте, и все.

— Хорошо, сэр. Если бы Мерлин...

— Мерлин займется укреплениями. Мерлин, начинай. Даю тебе двадцать четыре часа.

У наших людей имелся опыт подобной работы. Они снесли стены и забросали их остатками рвы. Частоколы и деревянные постройки были сожжены. У всех было хорошее настроение, и работали люди бодро. Ютер всегда щедро одаривал войска. На этот раз было в изобилии награблено золота, колец из меди, бронзы и золота, украшений и тонко сработанного оружия, украшенного медью и ирландской эмалью. К наступлению темноты все работы были закончены. Мы покинули холм и вернулись в свой временный лагерь, разбитый на равнине у подножия.

После ужина ко мне зашел Треморинус. На верхушке холма до сих пор горели факелы и костры, рельефно выделяя то, что осталось от «Пляски». Его лицо было угрюмым и усталым.

— За целый день мы подняли его только на два фута, — с горечью произнес он, — а полчаса назад подпорки сломались, и он рухнул на место. Какого черта ты выбрал этот камень? Ирландский алтарь был бы легче.

— Ирландский алтарь — это не то.

— Клянусь богами, Мерлин, дело идет к тому, что ты и этот камень не получишь. И мне все равно, что он там говорит. Я отвечаю за эту работу и прошу тебя помочь. Пойдешь?

Случившееся потом послужило пищей для легенд. Мне скучно пересказывать, что мы там делали, но это не ставило для нас большого труда. В моем распоряжении имелся целый день, чтобы обдумать действия. Камень и местность я видел. Задумки новых приспособлений роились у меня в голове со времени отъезда из Британии. Мы старались везти его большую часть пути по воде. От Киллара до моря — по реке, оттуда морем до Уэльса, а там по двум великим рекам Эйвон, перетащив его из одной в другую две мили по суше. Я, конечно, не Фион-Сильная Рука, но я Мерлин. Огромный монолит прибыл на место

назначения, как легкая баржа по спокойной воде. Я же постоянно сопровождал его. По идее я должен был отдавать время сну во время пути, но не помню, чтобы я спал. Я проводил время в постоянном бдении, как у смертного одра. Это было моим единственным морским путешествием за всю жизнь, когда я не чувствовал качки, а сидел тихо и спокойно (как мне рассказывали), словно у себя дома в кресле. Однажды ко мне подошел Ютер, сердитый, должно быть, из-за того, что мне легко удалось сделать работу, над которой безрезультатно трудились его инженеры. Но он вынужден был сразу же уйти и больше не подходил. Я ничего не помню. Наверное, я там не присутствовал. Дни и ночи я мысленно находился в огромной спальне в Винчестере.

Мы узнали новости в Карлеоне. Пасентиус напал с севера вместе со своими немецкими и саксонскими союзниками. Король выступил к Карлейлю и нанес им поражение. Однако, вернувшись в Винчестер, он заболел. На этот счет ходят разные слухи. Одни говорят, что к Амброзиусу, когда тот слег от простуды в Винчестере, проникли переодетые люди Пасентиуса и дали ему яд. Другие утверждают, что человека прислал Эоза. Факт то, что король в Винчестере был тяжело болен.

В ту ночь, как рассказывают, вновь появилась королевская звезда, похожая на огнедышащего дракона. За ней дымовым шлейфом следовали звезды поменьше. Но мне не требовалось предзнаменований, чтобы понять то, что мне уже было известно в ту ночь, проведенную на гребне Киллара, когда я поклялся перенести огромный камень из Ирландии и возложить на его могилу.

Вот так все и было. Мы привезли тот камень в Эймсбери, и я поднял упавшие камни «Пляски гигантов», поставив Амброзиусу памятник. А на следующую Пасху в Лондоне состоялась коронация Ютера Пендрагона, он стал королем Британии.

Книга V.

Пришествие медведя

1

Впоследствии люди рассказывали, что огромная звезда в виде огнедышащего дракона, ознаменовавшая смерть Амброзиуса, и благодаря которой Ютер получил прозвище Пендрагон, явилась зловещим предзнаменованием для нового правителя. И действительно, поначалу, казалось, все было против Ютера. Словно закат

звезды Амброзиуса послужил сигналом его старым врагам, и те возникли из тьмы изгнания, чтобы отомстить его пресмнику. Сын Хенгиста Окта вместе со своим родственником Эозой посчитали, что смерть Амброзиуса освободила их от обязательства не пересходить северную границу. Они собрали силы, призвав всех недовольных, и приготовились к нападению. Из Германии к ним хлынуло воинство, жадное до земель и грабежа, к ним присоединились остатки саксонской армии Пасентиуса и беглецы из армии Гилломана, а также чувствовавшие себя обойденными британцы. Через несколько недель после смерти Амброзиуса Окта с большой армией уже рыскал по северу страны, подобно волку, и до того, как новый король смог выйти ему навстречу, он взял приступом и разрушил ряд городов и крепостей от стены Гадриана до Йорка. В Йорке, крепости Амброзиуса, стены оказались крепки, а ворота вовремя запертыми. Его защитники приготовились к обороне. Окта же подтянул имевшиеся у него осадные машины и приготовился ждать.

Должно быть Окта знал, что Ютер настигнет его под Йорком, но, располагая такими силами, он не боялся британцев. Позже подсчитали, что Окта располагал тридцатью тысячами воинов. Если так и было, то выходит, что на каждого британца в армии Ютера приходилось два сакса. Бой был кровопролитным и с бедственными последствиями. Смерть Амброзиуса явилась потерей для королевства. Несмотря на репутацию блестящего воина, Ютер был неопытен в роли верховного командующего, и не являлось секретом, что перед лицом испытаний ему не хватало спокойствия и рассудительности. Недостаток мудрости, конечно, компенсировался храбростью, но в тот день Йорку одной храбрости было явно маловато. Бритты дрогнули и побежали. Их спасла лишь ранняя в это время года темнота. Ютеру, вместе с Горлуа из Корнуола, его помощником, удалось собрать остатки войска на вершине небольшого холма, именовавшегося Дэймен. На этом крутом скалистом холме можно было укрыться, его покрывали пещеры и густой орешник. Но он представлял собой лишь временное убежище. Саксонская орда победно окружила подступы к холму и принялась ждать утра. Британцы попали в отчаянное положение, и требовалось предпринять отчаянные действия. Ютер, мрачно восседавший в пещере, созвал своих усталых командиров и, пока люди урывками отдыхали, разработал совместно с ними план, как обхитрить ждавших внизу несметных врагов. Сначала никто не думал ни о чем, кроме бегства, но потом кто-то — я слышал, это был Горлуа — указал, что бегство не предотвратит поражения и гибели нового королевства. Если возможно бегство, то возможно и нападение. Вполне реальным казалось напасть в темноте с холма, используя элемент неожиданности. Простая задумка, и этого вполне можно было ждать от людей, попавших в столь безвыходное положение, но саксы всегда были глупыми и недисциплинированными воинами. Представлялось почти несомненным, что саксы не станут ожидать ночного нападения и, уверенные в

своей победе, спокойно заснут до рассвета; треть из них, может быть, еще и перепьется из награбленных винных запасов.

Отдавая саксам должное, надо признать, что Окта все-таки расставил посты, большей частью бодрствовавшие. Но план Горлуа сработал, нам помог легкий туман, пеленой окутавший подножье холма. Возникнув из тумана в полной тишине, британцы бросились вниз, едва в брезжащем свете стало видно путь между камней. Создалось впечатление, что они превосходят саксов в два раза. Те посты, которые не были сразу уничтожены, подняли тревогу, но слишком поздно. Саксы, ругаясь, возились в поисках оружия, но британцы с криками набросились на них и раздробили все их воинство. К полудню все было закончено. Окту и Эозу взяли в плен. К зиме, когда север очистили от саксов, а на берегах тихо догорали их длинные ладьи, Ютер вернулся в Лондон, а с ним и его пленники за решеткой. Он готовился к своей коронации, которая должна была состояться весной.

Его битва с саксами, близкое поражение и последовавшая неожиданная блестящая победа стали тем, что требовалось для нового правления. Люди забыли о зловещих обстоятельствах смерти Амброзиуса и возносили короля, как новое солнце. Его имя было у всех на устах. О нем говорили аристократы и воины, ждавшие от него даров и почестей, включая строителей его дворцов. Придворные леди щеголяли в платьях красного цвета, колыхавшихся, как заросли мака. В моду вошел цвет под названием красный пендрагон.

В те первые недели я видел его только один раз. Я все еще находился в Эймсбери, присматривая за работами по поднятию каменных гигантов. Треморинус уехал на север, но у меня осталась хорошая команда, уже оправдавшая себя в поднятии королевского камня из Киллара. Теперь людям не терпелось взяться за колоссы «Пляски». После того, как мы выровняли камни, поднять их было несложно, имея в распоряжении канаты, треноги и отвесы. Трудность заключалась в установке огромных перемычек. Но мастера прошлого создали свое чудо несметное количество лет назад, подогнав, как заправские плотники, гигантские камни один к другому. Нам оставалось лишь найти средства для их подъема. Мысли о них не выходили у меня из головы все предыдущие годы, с тех пор, как я увидел перекрытия колонн в Малой Британии и тогда же начал расчеты. Не забывал я и о том, что почерпнул из песен. В итоге я спроектировал деревянный «сруб», который может показаться современному строителю примитивным, но который — беру себе в свидетели певца — отлично показал себя в деле и еще не раз пригодится для подобных целей. Дело продвигалось медленно, но верно. Я думаю, со стороны это было восхитительным зрелищем — наблюдать, как постепенно поднимались эти блоки и в конце концов мягко, как по маслу, опускались на свое место. На каждый камень потребовалось по

двести человек, команды обученных людей, работавших синхронно, поддерживая ритм работы под музыку, как гребцы. Ритм движений определялся, конечно, работой, а мелодии принадлежали прошлому, я помнил их с детства. Их пела мне еще моя няня, опускающая некоторые народные вставки. Песенки были веселые, неприличные и нередко в них упоминались высокооплаченные личности. В них не щадили ни меня, ни Ютера, хотя в моем присутствии их старались не петь. Более того, когда присутствовали посторонние, слова меняли или пели неразборчиво. Спустя много лет я слышал, как в них пелось, что я передвинул камни «Пляски» с помощью волшебства и музыки. Я бы сказал, что это так и есть. Возможно, аналогичным способом зародилось предание о том, как Феб Аполлон построил под музыку стены Трои. Но волшебством и музыкой, стронувшей с места гигантские камни, помог мне слепой певец из Керрека.

К середине ноября морозы начали крепчать, и мы закончили работу. Последний костер в лагере затушили, и последний караван повозок с людьми и материалами укатил обратно в Сарум. Кадал поехал вперед меня в Эймсбери. Я задержался, сдерживая пляшущую лошадь, пока повозки не скрылись из виду за пределами поля, и остался в одиночестве.

Солнце оловянным шаром висело над молчаливой равниной. Стояло раннее утро, и трава побелела от инея. В слабом свете зимнего солнца сомкнутые камни отбрасывали длинные тени. Я вспомнил каменную глыбу, снег, быка, кровь и молодого улыбающегося светловолосого бога. Я поглядел на камень. Его похоронили с мечом в руке.

— Мы оба вернемся в день зимнего солнцестояния, — сказал я ему.

Оставив его, я сел на лошадь и направился в Эймсбери.

2

Известия о Ютере пришли в декабре. Он покинул Лондон и поехал на рождество в Винчестер. Я направил ему послание, но, не получив ответа, снова выехал с Кадалом туда, где в центре равнины стояли одинокие, окутанные морозом гиганты. Было двадцатое декабря.

В небольшой впадине сразу за «Пляской» мы привязали наших лошадей и разожгли костер. Я опасался, что ночь будет облачной, но она выдалась ясной и морозной. На небе гроздьями висели звезды, подобно пылинкам в лучах солнечного света.

— Поспи немного, если сможешь на таком морозе, — сказал Кадал. — Я разбужу тебя на рассвете. И почему ты думаешь, что он придет?

Не получив ответа, он продолжил:

— Ты волшебник, тебе виднее. Но если волшебство не спасет тебя от мороза, возьми себе еще одну накидку. Я разбуджу тебя вовремя, так что не волнуйся.

Я послушался его и улегся у костра, завернувшись в двойную накидку и положив под голову седло. Я скорее дремал, нежели спал, слыша малейшие звуки ночи, нарушавшие незыблемую тишину равнины. Я слышал потрескивание огня в костре, стук свежих дров, подбрасываемых туда Кадалом, хруст пасущихся неподалеку лошадей, крик совы, вылетевшей на охоту. И уже к рассвету по земле разнесся ровный конский топот, приближавшийся к нам.

— В твоём распоряжении еще где-то час, — угрюмо сказал сонный Кадал.

— Ничего, я выспался. Приложи ухо к земле и скажи, что ты слышишь.

Он наклонился к земле, и не успело сердце ударить пять раз, он был уже на ногах и побежал к лошади. В те дни люди быстро реагировали на конский топот в ночи.

Я остановил его.

— Все в порядке, это Ютер. Сколько там лошадей, думаешь?

— Двадцать-тридцать. Ты уверен?

— Вполне. Седлай коней и оставайся с ними. Я пойду.

В наступивший предрассветный час воздух оставался недвижим. Они перешли на галоп. Казалось, вся долина сотрясалась от топота. Луна исчезла. Я стоял и ждал у камня.

Не доезжая немного, он отделился от отряда и в сопровождении человека поскакал вперед. Не думаю, чтобы они заметили меня, но они могли увидеть в ложбине мерцание костра, разведенного Кадалом. Звезды светили достаточно ярко, и отряд скакал без факелов, хорошо видя в ночи. Быстрым галопом двое приближались к внешнему кругу, и я подумал, что они заедут внутрь. Но захрустел снег под копытами остановившихся лошадей, и король прыгнул на землю. Послышался звон поводьев, которые он бросил своему спутнику.

— Не давай ему стоять, — сказал он и направился ко мне быстрыми шагами, пересекая гигантские тени.

— Мерлин?

— Милорд?

— Необычное ты выбрал время, однако. Обязательно среди ночи? — слова прозвучали вполне бодро и, как обычно, не отличались вежливостью. Но, тем не менее, он пришел.

— Ты хотел видеть, что я здесь сделал, — сказал я. — Сегодня ночью я могу показать тебе. Благодарю тебя, что ты явился.

— Что показать? Снова видение, или сон? Я предупреждаю тебя...

— Нет, ничего подобного. Но я хотел бы показать тебе нечто, что можно увидеть лишь сегодня ночью. Ради этого, я боюсь, нам придется немного подождать.

— Долго? А то холодно.

— Не очень долго, милорд. До рассвета.

Он стоял по другую сторону от королевского камня, напротив меня, голова склонена, рука тербит подбородок.

— Говорят, что в тот раз, когда ты впервые в ту ночь стоял у этого камня, у тебя было видение. Теперь же в Винчестере мне сказали, что когда он умирал, он разговаривал с тобой, словно ты находился рядом, у его постели. Это правда?

— Да.

Он резко поднял голову.

— Получается, что ты еще на Килларе знал, что мой брат умирает, и ничего мне не сказал?

— Это было бы бессмысленно. Узнав об этом, ты все равно не смог бы вернуться быстрее. А так ты возвращался со спокойной душой и узнал о его смерти лишь в Карлеоне, когда я тебе сказал.

— Клянусь богами, Мерлин, не тебе судить, что говорить мне, а что нет! Ты не король. Ты должен был мне сказать об этом.

— И ты тоже не являлся тогда королем, Ютер Пендрагон. Я поступил так, как велел мне он.

Он дернулся, но потом взял себя в руки.

— Легко сказать, — по голосу я понял, что Ютер мне поверил, к тому же он испытывал трепет передо мной и этим местом. — Пока мы здесь ждем рассвета и несмотря на то, что ты собираешься мне показать, я хотел все прояснить в отношениях между нами. Ты не сможешь служить мне, как ты служил моему брату. Ты должен это понимать. Мне не нужны твои пророчества. Мой брат, я думаю, заблуждался, сказав, что мы вместе будем трудиться на благо Британии. Пути наших звезд не совпадают. Я признаю, что был слишком резок с тобой там, в Британии и у Киллара, и сожалею об этом. Но теперь поздно думать о таких вещах, наши пути разошлись.

— Да, я знаю. — Я произнес это без всяких эмоций, просто соглашаясь с ним, и несколько удивился, когда он рассмеялся про себя. На мое плечо почти дружески опустилась его рука.

— Мы понимаем друг друга. Не думал, что это будет так легко. Если бы ты знал, как мне приятно это слышать после многочисленных просьб о помощи, пощаде, милостях. А теперь единственный в королевстве человек, имеющий все права обратиться ко мне, выбирает свой путь и ничего от меня не хочет!

— Конечно. Хотя наши дороги еще пересекутся, но не сейчас. И тогда нам придется работать вместе, хотим мы того или нет.

— Посмотрим. Ты обладаешь могуществом, я признаю это, но какая мне от него польза? Мне не нужны жрецы, — его голос был свеж и дружелюбен, словно он хотел избавиться от ночного отчуждения. Ютер был приземленный человек. Амбро-

зиус понял бы меня, но Ютер снова свел все к обыденному, словно пес, идущий по следу крови.

— Ты хорошо послужил мне у Киллара и здесь, у Висячих камней. Только за это ты заслуживаешь какой-нибудь милости от меня.

— Где бы я ни оказался, я всегда буду в твоём распоряжении. Если я тебе понадобится, ты знаешь, где найти меня.

— Не при моем дворе?

— Нет, в Маридунуме. Там мой дом.

— Ах, да. Знаменитая пещера. Я думаю, ты заслуживаешь большего.

— Мне ничего не надо, — ответил я.

Стало светлее. Я заметил, как он бросил на меня косой взгляд.

— Я разговаривал с тобой сегодня ночью, как не разговаривал ни с кем до сих пор. Не в обиду ли ты на меня за прошлое, Мерлин — побочный сын?

— Я не держу ничего против тебя, милорд.

— Ничего?

— Разве девчонку из Карлеона. Но ты можешь назвать ее ничем.

Он взглянул на меня, затем улыбнулся.

— Которая? Когда?

— Не имеет значения. Ты все равно забудешь.

— Надо же, я тебя недооценил. — В его голосе слышались почти теплые интонации, никогда не слышанные мною прежде. Если бы он знал, подумалось мне, он бы рассмеялся.

— Говорю тебе, это не имеет значения. Если тогда это не имело значения, то сейчас и подавно.

— Ты до сих пор не сказал мне, зачем вытащил сюда в неурочное время. Взгляни на небо, уже светает, сколько ждать, лошади мерзнут, — он повернул голову на восток. — Хороший будет день. Интересно, что же ты такого сделал. Говорю тебе, что вплоть до того, как я получил твоё послание, Треморинус все время твердил, что поднять их невозможно. Пророк ты или нет, Мерлин, тебе можно найти применение.

Становилось все светлее, тьма раступалась, пропуская свет. Теперь я видел Ютера более отчетливо. Он поднял голову и снова теребил рукой свой подбородок.

— Хорошо, что ты приехал ночью, и я узнал тебя по голосу. Днем бы вряд ли: ты отрастил такую бороду.

— Более подобающую королю? Во время сражений ни до чего не доходили руки. Пока мы добрались до Хамбера... — и он начал рассказывать мне о случившемся свободно и естественно. Я впервые видел его в таком свете. Возможно, тут сыграло свою роль то, что среди всех подданных я приходился ему единственным родственником. Голос крови не заглушить, говорят в народе. Он рассказал мне о кампании на севере, о сражениях, о выжженной земле, оставленной саксами. — Теперь

же мы проведем рождество в Винчестере. Весной у меня коронация в Лондоне, и...

— Подожди. — Я не хотел прерывать его столь безапелляционно, но на меня давили своей тяжестью небо и нараставший свет. Времени подыскивать слова, достойные короля, не было. — Вот, наступает, — быстро сказал я. — Встань со мной у основания камня.

Я отошел от него на шаг и встал у подножья длинного королевского камня лицом к ослепительному востоку. Не глядя на Ютера, я услышал, как он, будто сердясь, вздохнул, но сдержался и повернулся, блестя украшениями и броней, чтобы встать рядом. У наших ног простирался камень.

На востоке ночь отступила отдернутой пеленой, и показалось солнце. Прямой, как след брошенного факела, как огненная стрела, от горизонта через камень к нашим ногам протянулся луч света. Сердце успело ударить, возможно, двадцать раз, пока огромный мегалит стоял, застилая перед нами зимний спящий свет и возвышаясь черной машиной. Затем солнце поднялось над горизонтом так быстро, что можно было заметить, как сплошная круглая тень выросла в эллипс, пропавший немедленно в свете зимней зари.

Я взглянул на короля. Он не сводил расширенных и каких-то пустых глаз с камня у его ног. Я не мог прочесть его мысли. Затем он поднял голову и посмотрел на внешний круг, где сомкнувшиеся гиганты загораживали свет. Он сделал шаг в сторону от меня и развернулся на каблуках, обойдя полный круг внутри «Пляски». Его отросшая борода была рыжеватой и вилась. Он носил теперь длинные волосы, а его шлем украшала золотая полоска. Голубизна его глаз могла сравниться с древесным дымом на фоне света.

В конце концов мы встретились взглядом.

— Неудивительно, что ты улыбаешься. Впечатляет.

— Рад слышать, — ответил я. — Из-за расчетов я не спал неделями.

— Треморинус рассказывал мне, — он не спеша смерил меня взглядом. — Он также рассказал мне, что ты говорил.

— Что я говорил?

— Да. «Я покрою его могилу не чем иным, как светом».

Я промолчал.

— Я ничего не понимаю в пророках и жрецах, — медленно произнес он. — Я воин и думаю по-солдатски. Но сотворенное тобой здесь я могу осмыслить. Возможно, мы все-таки уживемся. Я уже говорил, что собираюсь провести рождество в Винчестере. Поедешь со мной?

Это уже была просьба, а не приказ. Мы разговаривали друг с другом, стоя по разные стороны от камня. Его слова послужили началом чего-то, чего я еще не знал.

— Возможно, весной, — покачал я головой. — Я хочу присутствовать на коронации. Будь уверен, когда я тебе понадобится, я приеду. Но сейчас я должен вернуться домой.

— В свою нору в земле? Ну, если ты так этого желаешь... У тебя скромные запросы, видит бог. Так тебе ничего не надо от меня? — он показал рукой на каменный круг. — В народе пойдет плохая молва о короле, не вознаградившем тебя за это.

— Я уже вознагражден.

— Может быть, в Маридунуме тебе было лучше в доме твоего деда? Возьмешь его?

Я покачал головой.

— Мне не нужен дом. Но я взял бы холм.

— Тогда он твой. Мне рассказывают, что его уже называют холмом Мерлина. А сейчас уже наступил день и лошади мерзнут. Если бы ты был воином, Мерлин, то знал бы, что существуют вещи важнее даже, чем королевские могилы: главное, чтобы лошади не застаивались.

Он снова похлопал меня по плечу и, взмахнув пурпурным плащом, пошел к лошади. Я отправился искать Кадала.

3

Когда же наступила Пасха, у меня не было желания покидать Брин Мирддин. (Верный своему слову, Ютер подарил мне холм вместе с пещерой, и люди уже начали связывать его с моим именем, а не с богом, называя его холмом Мерлина.) От короля пришло письмо, приглашавшее меня в Лондон. Но на этот раз это был приказ, а не просьба, и настолько срочный, что Ютер прислал за мной эскорт, дабы избежать задержки, которая могла бы случиться, если бы я стал ждать для себя попутчиков.

В те времена было еще небезопасно ездить по дорогам группами меньше десяти человек. Путешествовали с оружием и настороже. Люди, которые не могли обеспечить себе охрану, собирались в компании, а купцы даже платили за то, чтобы их охраняли. Укромные места еще кишели беглецами из армии Окты и ирландцами, которые не могли попасть к себе на родину. Встречались и саксы, отчаянно скрывавшие свою внешность: если их узнавали, то убивали беспощадно. Они обитали у деревень, в горах, болотах и диких местах. Временами они совершали дерзкие набеги в поисках еды и устраивали на дорогах засады против одиноких путников, не имевших с собой оружия. Любой человек в накидке и сандалиях считался богатым, которого стоило ограбить.

Но меня это не остановило бы, если бы мне надо было совершить путешествие в одиночку с Кадалом из Маридунума в Лондон. Никакой преступник или вор не выдержали бы моего взгляда, не говоря уже о риске получить проклятие от меня.

После событий в Динас Бренине, Килларе и Эймсбери моя слава неизмеримо возросла, воспетая в балладах и песнях. Я уже с трудом узнавал свои собственные деяния. Динас Бренин переименовали в Динас Эмрис, чтобы увековечить как мое деяние, так и высадку Амброзиуса, а также крепость, которую он там построил. А жил я так же, как и раньше, как в доме моего деда или во дворце Амброзиуса. Ежедневно у входа в пещеру люди оставляли мне еду и вино. Ничего не имевшие бедняки приносили дрова и сено для лошадей, сработанную ими простую утварь, или предлагали свою помощь, чтобы что-нибудь построить. Так прошла зима, в мире и спокойствии, пока не наступил ясный мартовский день, когда в долине появился посланец Ютера, оставивший эскорт в городе.

Выдался первый сухой день после двух недель дождей и сырого ветра. Я поднялся на холм над пещерой собрать первые появившиеся растения и задержался на опушке у нескольких сосен. На холм легким галопом скакал одинокий всадник. Кадал, наверное, услышал конский топот. Казавшийся сверху маленьким, он вышел из пещеры ему навстречу и приветствовал. После того, как он показал ему дорогу ко мне, всадник, не задерживаясь, пустился вверх, дав шпоры своему коню.

Остановившись в нескольких шагах, он с некоторым трудом — от долгой езды — выбрался из седла и, сделав знак, подошел ко мне.

Это был молодой человек с каштановыми волосами, примерно моего возраста. Его лицо показалось мне знакомым. Наверное, я встречал его при дворе Ютера. Он был заляпан грязью с головы до ног и смертельно устал. Должно быть, он сменил лошадь в Маридунуме. Конь выглядел бодрым и вместе с тем отдохнувшим; я увидел, как молодой человек поморщился, когда тот вскинул голову и натянул поводья.

— Милорд Мерлин, король шлет тебе приветствие из Лондона.

— Большая честь для меня, — ответил я официально.

— Он просит тебя присутствовать на церемонии его коронации. Он послал за тобой эскорт, милорд. Они в городе, их лошади отдыхают.

— Ты говоришь, просит?

— Мне следовало сказать «требуется», милорд. Он сказал, что я должен немедленно привезти тебя.

— Это все?

— Больше он ничего не передавал, милорд. Только то, что ты должен немедленно явиться к нему в Лондон.

— Конечно, я явлюсь. Поедем завтра, когда отдохнут лошади.

— Сегодня, милорд, сейчас.

Жаль, что вызывающее требование Ютера было передано в извиняющемся тоне. Я посмотрел на него.

— Ты сразу явился ко мне?

— Да, милорд.

— Не отдыхая?

— Нет.

— Сколько заняла дорога?

— Четыре дня, милорд. Это свежая лошадь. Я готов в путь сегодня же.

Посланец снова поморщился, когда его конь мотнул головой.

— Ты ранен?

— Пустяки. Вчера я упал с лошади и повредил кисть, но не той руки, в которой держу поводья.

— Зато правой, в которой должен держать кинжал. Спустись в пещеру и передай моему слуге то, что ты рассказал мне. Он тебя накормит и напоит. Когда я спущусь, я займусь твоей кистью.

Он заколебался.

— Милорд, король очень настаивал. Это нечто большее, чем приглашение присутствовать на коронации.

— Тебе придется подождать, пока слуга соберет мои вещи и оседлает коней, а также пока я сам поем. За это время ты расскажешь мне лондонские новости и объяснишь, что стоит за срочностью короля. Мы еще и быстро вправим тебе кисть. Спускаясь, я скоро подойду.

— Но, сэр...

— К тому времени, когда Кадал приготовит нам всем поесть, я подойду. Ты не можешь торопить меня больше. Теперь иди.

Он с сомнением поглядел на меня и пошел вниз, скользя по грязи и ведя за собой упирающуюся лошадь. Я запахнул в плащ и прошел по сосняку в сторону от входа в пещеру.

Я встал на краю скалистого отрога, где дующие из долины ветры трепали мою накидку. Сзади шумели сосны, а внизу, над могилой Галапаса, шелестел боярышник. В сером небе раздался крик ранней ржанки. Я посмотрел в сторону Маридунума.

С этой высоты весь город был как на ладони. Мартовский ветер гулял по блекло-зеленой равнине. По реке, под серым небом, бежали серые завитки. По мосту двигалась повозка. Над крепостью цветной точкой маячил флаг. Ветер наполнял коричневые паруса лодчонки, спускавшейся по реке. Холмы, еще в своей зимней мантии, зажали долину, как стеклянный шарик, который берут в ладони.

Мне в глаза попала с ветром вода, и вид затуманился. У меня в руках лежал холодный шарик из хрусталя. Взглянув в него, я увидел в самой середине город с мостом, движущуюся реку, и крошечный бегущий по ней кораблик. Вокруг города вились поля, искажая картинку в кристалле до такой степени, что начинало казаться, что поля, небо, река и облака обволакивают город с жителями, как лепестки и листочки бутона, который вот-вот раскроется. Казалось, весь Уэльс, всю Британию можно взять осторожно в ладони маленьким сверкающим

шаром, словно нечто застывшее в янтаре. Я взглянул на землю в шарообразном кристалле и понял, для чего я родился на свет. Время пришло, и я должен был воспользоваться им по своему усмотрению.

Хрустальный шарик растаял в моих руках, и там осталась лишь пригоршня растений, которые я насобирал, холодных и мокрых. Они выпали из моих рук, и я вытер ладонью воду в глазах. Вид внизу изменился. Повозка и лодка исчезли, в городе воцарился покой.

Я спустился в пещеру. Кадал возился с кухонными горшками, а молодой человек уже готовил седла для наших лошадей.

— Оставь их, — обратился я к нему. — Кадал, есть горячая вода?

— Уйма. Но для начала имеются приказы от короля из Лондона, не так ли? — Кадал был, кажется, доволен, и я его не винил. — Должно было что-то случиться, если уж на то пошло. Как ты думаешь, в чем дело? Он, — Кадал кивнул на молодого человека, — не знает или не говорит. Судя по всему, неприятности.

— Возможно. Скоро узнаем. Лучше высуши-ка это. — Я подал ему свой плащ, сел у костра и позвал парня. — Покажи мне твою руку.

Его кисть превратилась в сплошной синяк и распухла. Наверняка, ему было больно, но кость, похоже, осталась цела. Пока он умывался, я приготовил компресс и наложил его ему на руку. Он напряженно наблюдал за моими действиями и, казалось, вот-вот отдернет руку, но не от боли. Сейчас, когда он смыл грязь и я мог рассмотреть его получше, ощущение, что я его где-то видел, усилилось.

— Я знаю тебя, не так ли? — взглянул я на него поверх повязки.

— Вряд ли вы меня помните, милорд. Но я вас помню. Вы однажды были ко мне очень добры.

— Это такая редкость? — рассмеялся я. — Как тебя зовут?

— Ульфин.

— Ульфин? Что-то знакомое... Подожди-ка. Ага, вспомнил. Слуга Белазиуса?

— Да. Ты помнишь меня?

— Отлично. Тогда, ночью, когда мой пони захромал, тебе пришлось вести его домой. Ты все время по пути находился рядом, но был неприметен, как полевая мышь. Это единственная оказия, которую я помню. Белазиус будет присутствовать на коронации?

— Он мертв.

Что-то в его голосе заставило меня оторвать глаза от повязки.

— Ты его так сильно ненавидел? Не надо, не отвечай, я и так помню, несмотря на то, что прошло столько лет. Не буду

спрашивать, почему. Видят боги, он мне тоже не нравился, а ведь я не был его рабом. Что с ним случилось?

— Он умер от горячки, милорд.

— Как тебе удалось пережить его? Я помню старый варварский обычай...

— Принц Ютер взял меня к себе. Я сейчас у него — у короля.

Он говорил быстро, не глядя на меня. Я понял, что это все, чего я смогу от него добиться.

— Ты по-прежнему боишься всего на свете, Ульфин?

Он не ответил. Я закончил бинтовать ему руку.

— Что же, это суровый и неистовый мир, да и времена жестокие, но станет лучше. Я думаю, ты тоже сможешь сделать его добрее. Вот, все. А сейчас перекуси. Кадал, ты помнишь Ульфина? Мальчишка, который привел домой Астера в ту ночь, когда мы встретили у Немета отряд Ютера?

— Надо же, так оно и есть, — Кадал осмотрел его. — Ты выглядишь получше, чем тогда. Что случилось с друидом? Умер от проклятия? Ну, пойдем, поедим. Вот тебе, Мерлин. Поешь, наконец, по-человечески. А то клюешь, как твои любимые птички.

— Попробуюсь, — смиренно ответил я и рассмеялся, увидев выражение лица Ульфина, переводившего взгляд с меня на Кадала.

В ту ночь мы остановились на отдых на постоялом дворе у перекрестка, от которого дорога ведет на север к Пяти холмам и золотому прииску. Я ужинал один в своей комнате, мне прислуживал Кадал. Не успела закрыться дверь за слугой с подносом, Кадал повернулся ко мне, спеша поделиться новостями.

— Судя по рассказам, в Лондоне завязался нешуточный флирт.

— Можно было ожидать, — мягко заметил я. — Я слышал, там побывал Будек с королями всего побережья и со своими придворными. Они повезли дочерей, заглядываясь на пустующую половину трона. — Я засмеялся. — Это наверняка устраивает Ютера.

— Говорят, он уже перезнакомился с половиной лондонских девушек, — сказал Кадал, ставя передо мной блюдо с уэльской бараниной под луковым соусом. Горячая еда пахла вкусно и аппетитно.

— Наговорить могут, что угодно, — я приступил к еде. — Это даже может оказаться правдой.

— Если серьезно, то назревают большие неприятности по женской части.

— О боже, Кадал, пощади меня. Это судьба Ютера.

— Я не в этом смысле. Люди из нашего эскорта поговаривают — поэтому и Ульфин молчит, — что неприятности связаны с женой Горлуа.

Я взглянул на него, пораженный.

Герцогиня Корнуола? Не может быть!

— Это пока. Но поговаривают, что это только дело времени.

Я выпил вина.

— Можешь быть уверен, это лишь слухи. Она вдвое моложе своего мужа и очень недурна собой. Ютер, наверное, оказывает ей знаки внимания, так как герцог его помощник, а люди и рады посплетничать, зная натуру Ютера и учитывая его высокое положение.

Кадал положил кулаки на стол и поглядел на меня. Голос его звучал непривычно серьезно.

— Знаки внимания? Рассказывают, что он от нее не отходит. Каждый день угощает ее лучшими блюдами; следит, чтобы ей подавали первой, даже раньше его; поднимая кубок, он пьет только за ее здоровье. Никто больше ни о чем не говорит от Лондона до Винчестера. Говорят, даже на кухнях заключают пари.

— Несомненно. А что Горлуа?

— Сначала старался вести себя так, как ни в чем не бывало, но обстановка такая, что не мог он больше притворяться, будто ничего не замечает. Он пытался представить дело так, как будто Ютер оказывает почести им двоим, но когда дошло до того, что леди Игрейн, так ее зовут, посадили по правую руку от Ютера, а старика на шесть мест дальше... — Кадал замолчал.

— Должно быть, он сошел с ума, — смущенно заметил я. — В данный момент нельзя нарываться на неприятности, особенно такие, что связаны с Горлуа и его людьми. Клянусь всеми богами, Кадал, ведь именно Корнуол помог Амброзиусу завоевать страну, а Ютеру стать тем, кем он сейчас является. А кто выиграл для него битву у Дэймена?

— И люди говорят о том же.

— В самом деле? — я задумался, нахмурясь. — А сама леди? Что, кроме обычных вымыслов, говорят о ней?

— Что она с каждым днем становится все молчаливей. Я не сомневаюсь, Горлуа есть о чем потолковать с ней по вечерам, когда они остаются вдвоем. Рассказывают, что она теперь не поднимает глаз при народе, боится встретиться взглядом с королем, когда он пристально смотрит на нее из-за кубка, или наклоняется через весь стол, чтобы заглянуть за ее декольте.

— Это то, что я называю навозными сплетнями, Кадал. Я имею в виду, что она собой представляет?

— Об этом как раз умалчивается, говорят лишь, что она молчунья и невероятно хороша собой, — он выпрямился. — Видит бог, Ютеру нет необходимости вести себя подобно изголовавшемуся перед вкусным блюдом. Он может наполнить свою

тарелку доверху в любую ночь. В Лондоне не найдется девушки, которая не мечтала бы поймать его взгляд.

— Я тебе верю. Он не ссорился с Горлуа? Открыто, я имею в виду?

— Об этом я не слышал. Напротив, он был чрезвычайно сердечен, и попервоначально ему все сходило с рук, старик был польщен. Но сейчас, Мерлин, назревают неприятности. Она более чем вдвое моложе Горлуа и проводит свою жизнь взаперти в одном из холодных корнийских замков, вышивая ему боевые накидки, погрузившись в мечты, как ты понимаешь, отнюдь не о старике с седой бородой.

Я отодвинул тарелку. До сих пор мне было совершенно все равно, что делает Ютер. Но последнее замечание Кадала попало в цель. Когда-то жила другая девушка, которая сидела дома, вышивала и мечтала...

— Ладно, Кадал, — резко сказал я. — Хорошо, что я узнал. Надеюсь только, что мы сами не окажемся замешаны в этом деле. Бывало, Ютер и раньше сходил с ума из-за женщин, но все они были досягаемы. А это — самоубийство.

— Сумасшествие, ты сказал. Люди говорят о том же, — медленно проговорил Кадал. — Говорят, что его околдовали. — Он посмотрел на меня искоса. — Возможно, именно поэтому он послал за тобой молодого Ульфина в такой спешке, призывая в Лондон. Может быть, он хочет, чтобы ты снял чары?

— Я не снимаю чары, — кратко ответил я. — Я их налагаю.

Кадал поглядел на меня, хотел что-то сказать, но раздумал. Затем он отвернулся, чтобы взять кувшин с вином, ибо когда при полном молчании наполнял мой стакан, я заметил, что его рука творит знак против нечистой силы. Тем вечером мы больше не разговаривали.

4

Представ перед Ютером, я понял, что Кадал был прав. Назревали настоящие неприятности.

Мы прибыли в Лондон перед самой коронацией. Было позднее время, и ворота уже заперли. Однако относительно нас, наверное, предупредили, поэтому наш отряд пропустили без лишних вопросов и прямоком препроводили в королевский замок. Я едва успел сменить заляпанную грязью одежду, как меня тут же проводили к королю в спальню. Слуги немедленно вышли, оставив нас одних.

Ютер приготовился ко сну, облачившись в длинную ночную сорочку из темно-коричневого вельвета, отороченную мехом. Его кресло с высокой спинкой стояло у пылающего камина. На подставке рядом с креслом находился серебряный кувшин с крышкой, из носика вился полупрозрачный пар. Пахло аро-

матным вином, и у меня от нетерпения пересохло в горле. Однако король и не думал предложить мне чашку. Он беспокойно метался по комнате, как тигр по клетке. Следом за ним, шаг в шаг, следовал его волкодав.

Как только за слугами закрылась дверь, он резко обратился ко мне.

— Не торопишься.

— Четыре дня? Тебе следовало прислать лошадей получше. Это сбило его, поскольку он не ожидал подобного ответа.

— Это были лучшие лошади в моей конюшне, — сказал он, смягчаясь.

— Тогда не мешало бы приобрести лошадей с крыльями, если ты хочешь, чтобы мы передвигались быстрее, чем сейчас. И людей покрепче. По дороге от нас двое отстали.

Но Ютер уже не слушал. Углубившись в свои мысли, он снова начал мерять шагами комнату. Я наблюдал за ним. Он похудел и передвигался легко и быстро, как голодный волк. Глаза от недосыпания запали, в его манерах появилось нечто ему несвойственное. Руки его постоянно двигались. Он то сцеплял их сзади, хрустя суставами, то теребил сорочку или бороду.

— Мне требуется твоя помощь, — бросил он через плечо.

— Я так и понял.

— Тебе известно, какая? — обернулся он.

Я пожал плечами.

— Никто больше не говорит ни о чем, как о страсти короля к жене Горлуа. Понятно, ведь ты не скрываешь ее. Но прошло уже больше недели, с тех пор, как ты послал за мной Ульфаина. Что случилось за это время? Горлуа с женой еще здесь?

— Конечно. Они не могут покинуть Лондон без моего разрешения.

— Понятно. Вы уже говорили по этому поводу с Горлуа?

— Нет.

— Но он наверняка знает.

— Он понимает все так же хорошо, как и я: если дело дойдет до разговора с ним, то нас уже ничто не сможет остановить, а завтра коронация. Я не могу с ним объясняться.

— Или с ней?

— Нет, нет. О боже, Мерлин, я не могу даже приблизиться к ней. Ее охраняют, как Данаю.

Я нахмурился.

— Он ее охраняет? Это настолько выходит за рамки обычного, что равносильно публичному признанию, что что-то не так.

— Я имел в виду, что вокруг нее постоянно крутятся ее слуги и люди Горлуа. Среди них не только телохранители, но и воины, сражавшиеся с нами на севере. Я могу подойти к ней только в обществе. Тебе еще расскажут об этом, Мерлин.

— Так. Передавал ты ей тайное послание?

— Нет. Она очень осторожна и целыми днями находится со своими дамами, у дверей стоят ее слуги, а он... — Ютер запнулся, на лице его выступил пот. — Он находится с ней каждую ночь.

Шелестя одеянием, он отвернулся и мягкими шагами прошелся по комнате, спрятавшись в тени. Оказавшись ко мне лицом, он протянул ко мне руки и по-мальчишески спросил:

— Что мне делать, Мерлин?

Я подошел к камину, взял кувшин и наполнил ароматным вином два кубка, протянув ему один из них.

— Для начала сядь. Я не могу разговаривать с ураганом. Держи.

Он повиновался и откинулся в кресле, держа кубок между ладонями. Я попробовал, смакуя, вино и сел по другую сторону от камина.

Ютер не пил. По-моему, он даже не понимал, что держит в руках. Сквозь прозрачный пар он глядел на пламя в камине.

— Как только он привез ее и представил мне, я понял. Видит бог, поначалу я считал это преходящей горячкой, которой я болел тысячу раз. Но в этот раз она оказалась во много раз сильнее.

— Ты избавлялся от горячки за ночь, за неделю, ну за месяц. Не помню, чтобы женщина удерживала тебя месяц, от силы три, и ставила при этом под угрозу все королевство.

Он обжег меня голубым, как сталь меча, взглядом прежнего Ютера.

— Клянусь Гадесом! Иначе зачем я послал за тобой? Я мог развалить королевство сто раз за прошедшие недели, если бы решился. Почему бы, ты думаешь, я еще не перешел границ? В чем-то я уже наглупил, признаю, но это горячка, которой я еще не испытывал. Я весь в огне и не могу спать. Как мне править, сражаться и общаться с людьми, если я не могу спать?

— Ты проводил время с девушками?

Он поглядел на меня и пригубил вино.

— С ума сошел?

— Извини меня, глупый вопрос. Ты даже не спишь?

— Нет, — он отставил кубок и сплел руки. — Бесполезно. Все бесполезно. Ты должен достать ее для меня, Мерлин. Ты все можешь. Поэтому я и позвал тебя. Дostaнь ее для меня так, чтобы никто не знал. Заставь ее полюбить меня. Приведи ее ко мне, пока он спит. Ты можешь это сделать.

— Заставить ее полюбить тебя? Волшебством? Нет, Ютер, чары здесь бессильны. Ты должен знать об этом.

— Любая старуха поклянется, что может добиться этого. А у тебя могущества больше, чем у любого человека на земле. Ты поднял Висячие камни, ты поднял королевский камень, чего не смог Треморинус.

— У меня хорошие математические способности, и все. Клянусь богом, Ютер, уж ты-то знаешь, в чем дело, чего бы ни говорили люди. Волшебство здесь ни при чем.

— Ты разговаривал с моим братом на расстоянии, когда он был при смерти. Ты будешь это отрицать?

— Нет.

— Разве ты не клялся служить мне всегда?

— Да.

— Сейчас ты мне потребовался, ты и твое могущество, в чем бы оно ни заключалось. Может, ты мне скажешь, что ты не волшебник?

— Не из тех, кто проходит сквозь стены, — ответил я, — и выносит людей через запертые двери.

Он сделал резкое движение, и я поймал лихорадочный блеск его глаз, светившихся не злобой, а на этот раз болью.

— Но я не отказываюсь помочь тебе, — добавил я.

— Ты pomoжешь мне? — он оживился.

— Да, я помогу тебе. Во время нашей последней встречи я говорил тебе, что придет время, и мы будем действовать заодно. Время пришло. Я пока не знаю, что мне делать, но скоро увижу. В результатах положимся на бога. Сегодня ночью я могу оказать тебе лишь одну услугу — вернуть тебе сон. Нет, подожди и выслушай... Поскольку завтра предстоит коронация, и вся Британия будет вручена тебе, сегодня вечером делай так, как я скажу. Выпей снотворное, которое я приготовлю, и переспи с девушкой, как всегда. Будет лучше, если рядом окажется кто-нибудь, помимо слуги, чтобы засвидетельствовать, что ты был у себя.

— Зачем? Что ты собираешься предпринять? — Он напрягся.

— Я попытаюсь поговорить с Игрейн.

Он наклонился в кресле вперед, ухватившись руками за подлокотники.

— Да, поговори с ней. Ты можешь прийти к ней в отличие от меня. Скажи ей...

— Минутку. Перед этим ты просил «заставить ее полюбить тебя». Ты хочешь, чтобы я применил все свои силы, чтобы достать ее для тебя. Если ты никогда не признавался ей в любви и не говорил с ней наедине, откуда знать, что она пойдет тебе навстречу, если все получится? Знаешь ли ты, король, что у нее за душой?

— Нет, она ничего не говорит. Она лишь улыбается, глядя в землю, и ничего не говорит. Но я знаю, знаю. Раньше я как будто играл в любовь, это были отдельные ноты. В ней же они слились в песню.

Установилась тишина. Позади него на возвышении под балдахином стояла кровать с откинутым пологом. Сверху в прыжке на стену застыл огромный дракон из червонного золота. В свете пламени он двигался, вытягивая свои когти.

Неожиданно Ютер сказал:

— Последний раз, когда мы разговаривали, стоя посередине каменного круга, ты сказал, что тебе ничего от меня не надо. Клянусь богом, Мерлин, если ты мне сейчас поможешь и я получу ее, то можешь просить у меня, чего тебе угодно. Клянусь.

Я качал головой, и он замолчал. По-моему, он заметил, что я его не слушаю. Мной овладели особые силы, заполнившие освещенную огнем комнату. На темной стене пылал и мерцал дракон. С ним слилась другая тень. Глазам стало больно, словно в них вцепилась когтистая лапа. Я закрыл их и погрузился в тишину. Когда я снова взглянул на окружающий мир, огонь угас, и стена оказалась в темноте. Я бросил взгляд на неподвижно сидевшего и наблюдавшего за мной короля.

— Я сейчас хочу попросить тебя об одном, — медленно произнес я.

— Да?

— Когда я благополучно доставлю ее тебе, ты должен зачать ребенка.

Он ожидал чего угодно, но только не этого. Он пристально поглядел на меня, затем внезапно рассмеялся.

— Ну уж это как пожелают боги, не так ли?

— Да, все в руках бога.

Он расслабился в кресле, словно с его плеч свалился тяжелый груз.

— Если мы с ней окажемся вместе, то я обещаю тебе это, Мерлин. Это, и чего ты ни попросишь еще. Я даже засну сегодня.

Я поднялся.

— Я пойду готовить лекарство и пришлю его тебе.

— Ты встретишься с ней?

— Да. Спокойной ночи.

Наполовину сонный, Ульфин ждал за дверью. Когда я вышел, он заморгал.

— Мне войти?

— Через минуту. Сначала пойдем со мной, я дам тебе лекарство для него. Проследи, чтобы он его обязательно выпил. Оно поможет ему спокойно уснуть. Завтра будет трудный и долгий день.

В углу, на куче подушек, завернувшись в голубое одеяло, спала девушка. Проходя мимо, я заметил изгиб оголенного плеча и прядку прямых каштановых волос. Она казалась совсем юной.

Приподняв брови, я взглянул на Ульфина, и он кивнул, показав вопросительно на дверь.

— Да, — сказал я, — но позже. Сначала ты отнесешь ему питье. Пусть она пока спит. Судя по твоему виду, тебе и самому не мешало бы выспаться, Ульфин.

— Если он заснет, то посплю и я, — у него на губах промелькнула улыбка. — Завари покрепче, милорд, и повкуснее, хорошо?

— Не беспокойся, он выпьет.

— Я не о нем, — ответил Ульфин. — Я о себе.

— О себе? А, ну да, тебе придется попробовать его?

Он кивнул.

— Ты пробуешь все? Всю его еду? Даже любовную пищу?

— Его любовную пищу? — он уставился на меня, открыв рот, и затем рассмеялся. — Ты шутишь!

— Я хотел проверить, умеешь ли ты смеяться, — улыбнулся я. — Вот мы и на месте. Подожди, я мигом.

Кадал ждал меня у камина в комнате. Это были удобные покои, расположенные в башенной стене. Кадал поддерживал яркий огонь под большим котлом с кипящей водой. Он вытащил для меня шерстяной халат и бросил его на постель.

На сундуке около окна лежала стопка одежды, отливая золотом и пурпурным цветом мехов.

— Что это? — спросил я, уже сидя, пока он снимал с меня обувь.

— Король прислал тебе одеяния для участия в завтрашней коронации, милорд, — ответил Кадал официально, поглядывая на служку, наполнявшего ванну. Руки мальчика слегка дрожали, и на пол пролилось немного воды. Когда он закончил, тут же послушно вышел, повинувшись кивку Кадала.

— Что с этим мальчишкой?

— Он не каждую ночь готовит ванны для колдунов.

— О боже, что ты сказал ему?

— Только то, что ты превратишь его в летучую мышь, если он будет плохо прислуживать.

— Дурень. Подожди-ка. Принеси мне мою коробку. Там ждет Ульфин. Я должен приготовить снадобье.

Кадал повиновался.

— Что такое? Его рука по-прежнему болит?

— Это не для него — для короля.

— А... — Он больше ничего не сказал.

Я приготовил снадобье, и Ульфин ушел. Я раздевался, чтобы принять ванну, когда Кадал спросил:

— Это настолько серьезно?

— Хуже того. — И я рассказал ему о нашем разговоре с королем.

Он выслушал меня хмурясь.

— Что же делать?

— Попытаться увидеться с ней. Нет, не халат, не сейчас. Дай мне чистую одежду, что-нибудь темное.

— Не пойдешь же ты к ней сегодня, уже за полночь.

— Я не пойду, придут ко мне.

— Но с ней Горлуа...

— Хватит, Кадал. Мне надо подумать, оставь меня. Спокойной ночи.

Я подождал, пока за ним закроется дверь, и прошел к креслу у огня. Неправда, что я хотел подумать. Мне требовались лишь тишина и огонь. Медленно, частица за частицей, я освобождал свой ум, отпуская мысли, покидавшие меня, как струится песок, высыпавшийся из стакана, и чувствуя легкость и пустоту. Было очень тихо. Из дальнего угла комнаты донесся скрип рассыхающегося дерева. Мои руки покоились на серой ткани одеяния. Мерцал огонь. Я рассеянно смотрел на него, как смотрят на огонь греющиеся после холода люди. Грезы не обволакивали меня. Я сидел, как легкий осенний лист, который вот-вот подхватит поток и понесет в море.

За дверью внезапно слышались голоса и шум. Раздался стук, и вошел настороженный и встревоженный Кадал.

— Горлуа? — спросил я.

Он проглотил комок и кивнул.

— Пусть войдет.

— Он спросил, был ли ты у короля. Я сказал, что ты здесь только два часа и не успел ни с кем встретиться. Я правильно ответил?

Я улыбнулся.

— Тобой руководили. Пригласи его.

Горлуа вошел быстрым шагом, и я поднялся поприветствовать его. Он изменился не меньше Ютера по сравнению с тем, как я видел его в последний раз. Его крупная фигура ссутулилась. Сразу бросались в глаза годы.

Он отбросил церемонии в сторону.

— Ты еще не лег? Мне сказали, ты только что приехал.

— Едва успел на коронацию. Все-таки я ее посмотрю. Присаживайтесь, милорд.

— Спасибо. Я пришел к тебе за помощью, Мерлин. Помогите моей жене. — Из-под седых бровей пронизательно смотрели его глаза. — Никто не знает, что у тебя на уме, но ты, наверное, слышал?

— Да, были разговоры, — осторожно ответил я. — Ютер всегда окружен сплетнями. Но я не слышал, чтобы дурно отзывались о твоей жене.

— Только посмел бы кто-нибудь! Но я пришел не за этим. С этим ничего не поделаешь, хотя, возможно, ты единственный, кто может вразумить его. Тебе, наверное, не удастся добраться до него до завершения коронации. Но хорошо бы, если бы ты сумел уговорить его отпустить нас в Корнуол до завершения празднеств. Сделаешь это для меня?

— Если смогу.

— Я знал, что могу рассчитывать на тебя. В нынешней обстановке трудно определить, кто тебе друг, а кто враг. Ютеру трудно противоречить. Но ты способен на это, и более

того, у тебя хватит на это смелости. Ты сын своего отца, и ради старой дружбы...

— Я сказал, что постараюсь.

— Что с тобой, ты болен?

— Ничего. Я устал. Трудный путь. Я увижу его утром рано, перед началом коронации.

Он благодарно кивнул.

— Я пришел просить тебя не только об этом. Не навестишь ли ты сегодня вечером мою жену?

Наступившая вдруг звенящая тишина была такой продолжительной, что я думал, он что-нибудь заметит.

— Да, если желаешь. Но зачем?

— Ей нездоровится. Если можешь, приходи сегодня. Когда женщины сказали ей, что ты приехал в Лондон, она попросила послать за тобой. Я благодарю бога за то, что ты приехал. Сегодня я доверяю немногим, видит бог, но ты в их числе.

Позади обгорело полено и обвалилось на угли, взметнув столб пламени. Его лицо озарилось кровавым блеском.

— Ты придешь? — спросил старик.

— Конечно. — Я отвел взгляд в сторону. — Немедленно.

5

Ютер не преувеличивал, заявив, что леди Игрейн хорошо охраняли. Они с мужем разместили свой двор к западу от королевского замка. Помещения были заполнены корнийскими воинами. Они толпились в прихожей, а в спальне находилось пять-шесть женщин. При нашем появлении самая старая из них, седоволосая взволнованная женщина, поспешила нам навстречу, на ее лице отразилось облегчение.

— Принц Мерлин, — она почтительно присела и, с благоговением глядя на меня, повела к постели.

В комнате было тепло, и пахло духами. В лампах горело ароматное масло, а камин топился яблоней. Кровать стояла по центру у стены, напротив камина. Подушки покрывал серый шелк с золочеными кисточками. Покрывало было украшено богатой вышивкой из цветов, невиданных зверей и крылатых созданий. Единственная женская комната, которую я видел до этого, принадлежала моей матери. Там были простая деревянная кровать, резной деревянный сундук, ткацкий станок да потрепавшаяся мозаика на полу. Я прошел вперед и стал в ногах у кровати, глядя на жену Горлуа.

Если бы меня спросили тогда, что она из себя представляла внешне, я бы затруднился с ответом. Кадал говорил мне, что она красива, я видел желание на лице Ютера и знал, что она привлекательна. Стоя в надушенной комнате и глядя на нее, лежащую на шелковых подушках с закрытыми глазами, я не мог сравнить ее ни с какой из виденных мною женщин. Я

забыл о находившихся в комнате людях. У меня в глазах, словно в хрустальном шаре, плясал и пульсировал свет.

Я заговорил, не отводя от нее взгляда.

— Пусть одна из дам останется, остальные выйдут. Вы тоже, милорд, пожалуйста.

Горлуа вышел без возражений, провожая впереди себя, как стадо овец, женщин. Приветствовавшая меня дама осталась с хозяйкой. Когда за ними закрылась дверь, женщина на постели открыла глаза. Несколько секунд мы молча глядели друг на друга.

— Зачем ты позвала меня, Игрейн? — спросил я.

— Я послала за тобой, принц, потому что мне требуется твоя помощь, — твердо ответила она.

Я кивнул.

— В отношении короля.

— Так тебе уже известно? — напрямую спросила она. — Когда ты шел сюда с моим мужем, ты догадался, что я не больна?

— Да, догадался.

— Тогда ты догадываешься, чего я хочу?

— Не совсем. Скажи мне, разве ты не могла поговорить с королем раньше? Это было бы лучше и для него, и для твоего мужа.

Ее глаза расширились.

— Как я могла это сделать? Ты проходил через двор?

— Да.

— Значит, ты видел воинов моего мужа. Как ты думаешь, что случилось бы, если бы я обратилась к Ютеру? Я не могла говорить с ним при народе, а если бы мы встретились тайно, то через час об этом знал бы весь Лондон. Нет, не могла я ни поговорить с ним, ни передать послание. Молчание служило моей защитой.

— Если бы послание заключалось в том, что ты верная и преданная жена и что ему следует поискать себе другую, то его можно было передать в любое время и с любым человеком, — медленно произнес я.

Она улыбнулась и наклонила голову. Я вздохнул.

— Это я и хотел узнать. Ты честна, Игрейн.

— Какой смысл лгать тебе? Я наслышана о тебе. Конечно, я знаю, нельзя верить всему, о чем поется в песнях и говорится в легендах, но ты умен, мудр и рассудителен, ты не любишь женщин и не служишь никому из мужчин. Поэтому ты сможешь выслушать и рассудить. — Она поглядела на свои руки, лежавшие на покрывале, и снова подняла глаза. — Но я верю, что ты видишь будущее. Я хочу, чтобы ты предсказал мне его.

— Я не предсказываю будущего, как старуха. Ты только за этим позвала меня?

— Ты знаешь, зачем я вызывала тебя. Ты единственный человек, с которым я могу поговорить, не вызвав гнева и

подозрений моего мужа, к тому же ты имеешь доступ к королю.

Несмотря на то, что она была только женщиной, к тому же молодой, и лежала в постели, она походила на королеву, дающую аудиенцию. Она поглядела мне прямо в глаза.

— Король говорил с тобой?

— В этом нет необходимости. Все знают, что его гложет.

— Ты скажешь ему о том, что узнал от меня?

— Все зависит от ряда обстоятельств.

— Каких?

— От тебя самой, — медленно ответил я. — Пока ты поступала мудро. Будь ты менее осторожной в своих словах и поступках, могли бы произойти серьезные неприятности, и даже война. Я так понимаю, что ты не позволяла себе остаться одной или без охраны ни на минуту, и вообще старалась держаться на виду?

Она некоторое время смотрела на меня молча, затем приподняла брови.

— Конечно.

— Многие женщины, желая добиться того, чего желаешь ты, оказались бы неспособны на такое, леди Игрейн.

— Я не из «многих женщин».

Слова ее были, как вспыхнувшая молния. Внезапно она села на кровати, отбросив назад темные волосы и откинув покрывала. Старая дама подхватила длинное голубое одеяние и поспешила к ней. Игрейн набросила его сверху на белую ночную сорочку и спрыгнула с постели, направившись беспокойной походкой к окну.

Она отличалась высоким, для женщины, ростом и фигурой, которая впечатлила бы и более непреклонного человека, чем Ютер. У нее была длинная, стройная шея, гордая посадка головы. Темные распущенные волосы струились по ее плечам. Голубые глаза, но не такие, как жестокая и холодная голубизна у Ютера, отливали кельтской синевой и глубиной. Гордо очерченный рот. Она была прекрасна и создана не для минутных утех. Если Ютер хочет ее получить, то ему придется сделать Игрейн королевой.

Она остановилась, не доходя до окна. Если бы она подошла, то ее могли увидеть со двора. Нет, она не из тех, кто теряет голову.

Игрейн обернулась.

— Я дочь короля и имею королевское происхождение. Разве ты не видишь, до какого отчаяния я должна быть доведена, что допускаю подобные мысли? — Она страстно повторила: — Разве ты не видишь? В шестнадцать лет меня отдали замуж за повелителя Корнуола. Он хороший человек, которого я чту и уважаю. До приезда в Лондон я была согласна усюхнуть и умереть в Корнуоле, но вот он привез меня сюда, и это случилось. Теперь я знаю, чего хочу, но не могу этого достичь;

жена Горлуа из Корнуола бессильна. Чего еще ты от меня хочешь? Ничего не остается, кроме как сидеть и молча ждать. От моего молчания зависит не только моя честь и честь моего мужа и дома, но и безопасность королевства, за которое умер Амброзиус, а Ютер заплатил за него огнем и кровью.

Она сделала два быстрых шага к окну и вернулась.

— Я не какая-то Елена, ради которой сражаются и погибают люди, сжигаются королевства. Я не стою на стене как награда сильному победителю. Я не могу позволить себе обесчестить и Горлуа, и короля в глазах людей. И я не могу встречаться с ним тайно и уронить свое достоинство в своих собственных глазах. Да, я женщина, которая изнемогает от любви, но я также Игрейн, герцогиня Корнуола.

— И поэтому ты собираешься ждать момента, когда с честью сможешь явиться к нему в качестве королевы? — спросил я холодно.

— Что еще мне остается делать?

— Это и есть послание, которое мне следует ему передать?

Она промолчала.

— Или ты пригласила меня предсказать будущее? Сказать, сколько проживет твой муж?

Она все хранила молчание.

— Игрейн, это одно и то же. Допустим, я скажу Ютеру, что тылюбишь его, но не можешь прийти к нему, пока жив твой муж. Сколько лет жизни ты отведешь в этом случае Горлуа?

Снова молчание. Она умела им пользоваться. Я стоял между ней и огнем. Вокруг нее сияли блики, набегая на белое и голубое в ее одеяниях, свет и тень чередовались волнами воды в реке, или травой, колышущейся от ветра. Огонь разгорался, и моя тень догоняла ее. Они сливались и росли, отражаясь на стене, но не золотым или пурпурным драконом, не звездой с горящим хвостом, а туманным слиянием света и тьмы, растущим и уменьшающимся вместе с пламенем, пока постепенно не вырисовывалась тень ее одной, тень стройной и прямой, как меч, женщины. Там же, где стоял я, ничего не осталось.

Она шагнула в сторону, и свет светильников вновь залил комнату. Было тепло, и пахло яблоней. Игрейн смотрела на меня с каким-то новым выражением на лице. Наконец, она спокойно сказала:

— Я уже говорила, что от тебя ничего не скроешь. У тебя хорошо получилось выразить все это словами. Я обо всем этом думала. Посылая за тобой, я надеялась оправдать себя и короля.

— Темная мысль, облаченная в слова, оказывается на свету. Если бы ты была простой женщиной, то давно могла утолить свое желание, впрочем, как и король. — Я помолчал. В комнате все замерло. Слова приходили мне на язык ниоткуда, я не думал о них. — Я скажу тебе, если хочешь, как ты сможешь обрести любовь короля, выполнив свои и его условия, сохранив честь свою, его и мужа. Если я скажу, пойдешь ли ты к нему?

— Да. — По голосу я ничего не понял.

— Если ты повинешься мне, я смогу устроить это для тебя.

— Что я должна делать?

— Я уже получил твоё обещание?

— Ты слишком спешишь, — сухо сказала она. — Разве ты заключаешь сделки, не зная своих обязательств?

Я улыбнулся.

— Нет. Ладно, хорошо, тогда слушай. Притворившись больной, чтобы вызвать меня, что ты сказала мужу и дамам?

— Что мне плохо, и я не хочу видеть людей. Если хотят, чтобы я присутствовала на коронации, пусть вызовут ко мне врача и дадут лекарства. — Она криво улыбнулась. — Я по-своему готовилась не оказаться рядом с королем на коронации.

— Неплохо... Скажи Горлуа, что ты ждешь ребенка.

— Что я жду ребенка? — Впервые она была сбита с толку и удивлена.

— Это возможно? Он старик, но, я думаю...

— Возможно. Но я... — она прикусила губу и спокойно продолжала: — Ладно, что дальше? Я спросила твоего совета и должна выслушать его.

Мне не приходилось встречать раньше женщин, в разговоре с которыми надо было выбирать слова, с которыми я разговаривал бы, как с мужчинами.

— У твоего мужа нет оснований подозревать, что ребенок не его. Поэтому ты сообщишь ему об этом и скажешь, что боишься за здоровье ребенка в случае, если вы останетесь в Лондоне, окружаемые сплетнями и вниманием короля. Скажи ему, что хочешь уехать сразу после коронации, что не желаешь участвовать в празднествах и притягивать внимание короля, служить мишенью для пересудов. Отправляйся с корнийскими войсками завтра, перед тем как на закате запрут ворота. Ютер ничего не узнает, пока не начнется праздник.

— Но, — она снова взглянула на меня, — это безумие. Мы могли уехать в любое время за эти три недели, если бы не боялись навлечь королевский гнев. Мы вынуждены оставаться, пока не получим разрешения на отъезд. Если мы уедем подобным образом, то какая бы ни была причина...

Я остановил ее.

— В день коронации Ютер ничего не сможет поделать. Ему придется задержаться здесь на праздники. Он не сможет оскорбить Будека и Меровиуса, других королей, приехавших сюда. Вы доберетесь до Корнуола, прежде чем он сможет что-либо предпринять.

— Но когда он предпримет... — она сделала нетерпеливый жест, — начнется война. Ему надо строить и восстанавливать, а не ломать и жечь. И он не сможет победить: если он одержит верх в битве, то потеряет поддержку Запада. Победа или поражение, в любом случае Британия окажется раздробленной и канет во мрак.

Да, быть ей королевой. Она тянулась к Ютеру всей душой, как и он к ней, но в отличие от него она думала. Она была умнее Ютера, имела светлый ум и, я думаю, была сильнее его.

— Да, он двинется за вами, — я поднял руку. — Но послушай, завтра перед коронацией я переговорю с королем. Он будет знать, что сказанное тобой Горлуа — выдумка, что это я сказал тебе уехать в Корнуол. Он притворится разъяренным и принародно поклянется отомстить за оскорбление, нанесенное ему Горлуа во время коронации. Ютер последует за вами в Корнуол по завершении праздника.

— Но к тому времени наши войска уже беспрепятственно выйдут из Лондона. Ага, понятно. Продолжай. — Она спрятала руки в рукавах своего платья и взяла себя за локти, оперевшись грудью на руки. Она была теперь не так спокойна, эта леди Игрейн. — А потом?

— Ты окажешься дома, в безопасности. Твоя честь и честь Корнуола останутся незапятнанной, — ответил я.

— Да, в безопасности. Я окажусь в Тинтагеле, где даже Ютер не сможет меня достать. Ты видел крепость, Мерлин? На побережье высокие и обрывистые скалы, а на остров с замком ведет узкая каменная дорога. Мост настолько узок, что по нему проходит лишь один человек, и даже лошадь не помещается. Воды и провианта в замке хватит на год. Даже та часть моста, что выходит на сушу, защищена небольшой крепостью. Это самое сильное укрепление во всем Корнуоле. Его не взять ни с суши, ни с моря. Если ты хочешь спрятать меня ото всех, и в том числе от Ютера, туда я и должна попасть.

— То же самое слышал я. Значит, туда тебя Горлуа и пошлет. Согласится ли Горлуа просидеть в крепости целый год, как зверь в клетке, если за ним последует Ютер? Может ли он взять в крепость войска?

Она покачала головой.

— Хотя крепость неприступна, в ней нельзя разместить войска. В ней можно лишь выдержать осаду.

— Тогда ты должна убедить его самому выйти навстречу для битвы, если он не хочет, чтобы Корнуол опустошили, разграбили королевские войска.

Она сцепила руки.

— Так он и поступит. Он не сможет прятаться, пока Корнуол будет страдать. Но я все равно не понимаю твоего замысла, Мерлин. Если ты хочешь избавить короля и королевство от моей особы, так и скажи. Я могу притвориться больной, пока Ютер сам не согласится отпустить меня. Тогда мы отправимся в Корнуол без взаимных оскорблений и кровопролития.

— Ты сказала, что выслушаешь меня, — резко перебил я. — У нас мало времени.

— Я слушаю. — Игрейн вновь была спокойна.

— Горлуа спрячет тебя в Тинтагеле. Где он встретит со своими войсками Ютера?

— У Димилока, что в нескольких милях от Тинтагеля, на север по берегу. Там имеется хорошая крепость и подходящее место для сражения. Но что потом? Ты думаешь, Горлуа не будет сражаться? — Она подошла к камину и села, положив руки на колени. — Или ты полагаешь, что король явится ко мне в Тинтагель, независимо от того, будет там Горлуа или нет?

— Если ты поступишь, как я сказал, то вы встретитесь с королем, спокойно и в безопасности. Но, — сказал я, увидев, что она вскинула голову, — предоставь это мне. Здесь начинается волшебство, и тебе придется довериться мне во всем. Уезжай в Тинтагель и жди. Я доставлю туда Ютера. Я также обещаю, от имени короля, что он не будет сражаться с Горлуа, а после вашей встречи Корнуол будет жить в мире и покое. Как это произойдет, ведомо лишь богу. Я говорю лишь то, что я знаю. Силы, которыми я сейчас располагаю, — от бога. В его власти создавать и разрушать. Еще я могу сказать тебе, Игрейн, что я видел пылающий огонь, а в нем — корону и меч, стоящий на алтаре, как крест.

Она вскочила с кресла, и впервые в ее глазах мелькнул страх. Игрейн открыла рот, хотела что-то сказать, но потом ее уста снова сомкнулись, и она повернулась к окну. Вновь, не приближаясь к нему, она подняла голову, словно набирая воздух в легкие. Ей не хватало крыльев. Проведя юность взаперти за стенами Тинтагеля, она хотела летать. И неудивительно.

Игрейн подняла руки и откинула со лба волосы.

— Я выполняю это. Если я скажу, что жду ребенка, он отправит меня в Тинтагель. Именно там родовое гнездо всех герцогов Корнуольских. После этого мне придется довериться тебе. — Она повернулась ко мне и опустила руки. — Если бы я могла поговорить с ним... просто так. Но если по твоей вине прольется кровь из-за меня в Корнуоле, если ты принесешь смерть моему мужу, тогда я проведу остаток жизни, молясь всем богам, чтобы ты умер из-за женского предательства.

— Согласен пострадать от твоих молитв. А теперь я должен идти. Ты пошлешь со мной кого-нибудь? Я приготовлю снадобье и пришлю тебе. Это будет настойка мака, можешь выпить его, не боясь.

— Пойдет Ральф, мой паж. Он за дверью. Это внук Марции. Ему можно доверять, как я доверяю ей самой. — Она кивнула старой даме, направлявшейся к двери, чтобы открыть ее для меня.

— Тогда, если мне нужно будет передать послание, я передам его Ральфу через моего слугу Кадала. А сейчас спокойной ночи.

Когда я уходил, она, не двигаясь, стояла в середине комнаты, освещаемая отблесками огня.

Позади была бешеная скачка в Корнуол.

Пасха в этом году наступила раньше обычного. Весна едва успела начаться. Стояла черная непроницаемая ночь, когда мы остановили своих лошадей на вершине скалы неподалеку от Тинтагеля и тут же попали в лапы к ветру. Нас было только четверо — Ютер, я, Ульфин и Кадал. Все пока шло гладко и по плану. Скоро наступит полночь, а за ней двадцать четвертое марта.

Игрейн следовала всем моим указаниям до последнего. В ту ночь, в Лондоне, я не посмел пойти от нее прямо к Ютеру: об этом тотчас доложили бы Горлуа. Да и Ютер, в любом случае, должен был спать. Я навестил его рано утром, пока он мылся и готовился к коронации. Он отослал всех слуг, кроме Ульфина, и я рассказал ему, что он должен делать. Со сна он выглядел лучше, встретил меня оживленно и внимательно слушал, неотрывно глядя на меня блестящими запавшими глазами.

— Она поступит, как ты велел?

— Да, она дала слово. А ты?

— Я сделаю все, — он прямо взглянул на меня. — А ты не скажешь мне об исходе?

— Я уже сказал. Ребенок.

— Ах, это, — он нетерпеливо повел плечом. — Ты так похож на моего брата. Он больше ни о чем другом не думал. По-прежнему «работаешь» на него?

— Можно сказать и так.

— Рано или поздно это должно случиться. Нет, я имею в виду Горлуа. Что будет с ним? Наверняка риск есть?

— Без риска ничего не бывает. Ты должен поступать, как я, — верить, время покажет. Могу сказать, однако, что ты и твое королевство переживете эту ночь.

Последовало молчание. Он смерил меня взглядом.

— Больше мне от тебя ничего не требуется. Я удовлетворен.

— У тебя все будет нормально. Ты переживешь его, Ютер. Он неожиданно рассмеялся.

— Какая жалость! Я сам мог это предвидеть. Уже тридцать лет ему не сидится дома во время войны. Поэтому я не хочу, чтобы мои руки оказались запятнанными его кровью. Поэтому и...

Ютер повернулся к Ульфину и начал давать распоряжения. Передо мной был прежний Ютер, энергичный, четкий, боевой. Отправить посланца в Карлеон и направить оттуда в Северный Корнуол войска. Сам Ютер направится туда прямо из Лондона с небольшой охраной и встретится с войсками в лагере. Таким образом король будет следовать за Горлуа по пятам, несмотря на то, что Горлуа выйдет сегодня, и на то, что Ютер должен провести четыре дня, празднуя со своей знатью. Другой человек

немедленно выезжал по нашему корнуольскому маршруту обеспечить свежих лошадей через небольшие промежутки на всем пути следования.

Все шло по моему плану. Игрейн присутствовала на коронации, собранная и прямая, глаза опущены вниз. Она была настолько бледна, что не встретить я с ней ночью, я поверил бы в ее болезнь. Никогда не перестану удивляться женщинам. Даже при таком могуществе, как мое, невозможно узнать, что у них на уме. Ни герцогине, ни продажной девке не требуется учиться мастерству обмана. Похожим образом обстоит дело с рабами, живущими в страхе, и с животными, инстинктивно изменяющими свою внешность, чтобы выжить. Всю церемонию она просидела, словно восковая, готовая в любой момент растаять. Я успел заметить, как окруженная женщинами, она покидала процессию, которая толпой направлялась пировать в зал. В разгар празднества, когда вино не раз прошло по кругу, я увидел, как Горлуа незамеченным покидает зал вместе с несколькими людьми, выходящими за естественной надобностью. Ютер, на взгляд посвященного, играл свою роль не столь убедительно, как Игрейн, но в перерывах между овладевавшими им яростным ликованием и томлением (в предвкушении будущего) в его игру можно было поверить. Мужчины вполголоса переговаривались о королевском гневе по поводу отсутствия Горлуа и клятве с его стороны отомстить, как только разведутся высокие гости. Но гнев был несколько наигран, а угрозы слишком жестоки по отношению к герцогу, чья единственная вина заключалась в том, что он хотел защитить собственную жену. Видимо, королю не терпелось представить свои чувства людям как часть цельной картины. Звезда Ютера взошла столь высоко и сияла так ослепительно, что Лондон простил бы ему сейчас даже публичное изнасилование. Менее снисходительно лондонцы отнеслись бы к Игрейн, ответившей королю отказом.

Итак, мы прибыли в Корнуол. Посланец справился со своей задачей, и мы меняли лошадей через каждые двадцать миль, прибыв на место за ночь и два дня. В специально выбранном месте нас ждали войска. Лагерь разбили в нескольких милях от Геркулес-Пойнт, прямо за корнийской границей. Уже пришло сообщение, что Игрейн находится в Тинтагеле с небольшой группой верных людей, а ее муж со своим войском прибыл к Димилоку и бросил клич среди людей защищать своего герцога. Он, должно быть, знал о наличии королевских войск на своих границах и ждал нападения после прибытия в войска короля. Но он и представить себе не мог, что король уже с ними.

В сумерках мы тайком проникли в лагерь и отправились не в королевский штаб, а к одному из командиров, которому доверял король. Кадал находился уже в лагере, обогнав нас, и готовил грим для изменения нашей внешности. Нам оставалось ждать Ральфа из Тинтагеля, когда тот сообщит, что время пришло.

Мой план отличался простотой, служащей залогом успеха. Мы решили использовать привычку Горлуа, появившуюся у него после свадьбы, навещать свою жену ночью, возвращаясь даже из самых дальних крепостей, или Димилока. Ральф рассказал, что над влюбленным стариком начали подшучивать, и он сделал свои визиты тайными, используя потайной черный ход, куда, не зная точно его расположения, было не просто попасть. Я придумал переодеть и загримировать Ютера, Ульфина и себя, чтобы проникнуть ночью в замок, если возникнут трудности, под видом Горлуа, его спутника и слуги. У потайной двери встанет на дежурство Ральф, он и проведет нас к госпоже. Игрейн удалось каким-то образом уговорить Горлуа не приезжать этой ночью, а также она отпустила всех своих дам, кроме Марции. Ральф и Кадал договорились, какую одежду нам следует надеть: во время коронации корнуольцы покинули Лондон в такой спешке, что оставили после себя большую часть багажа. В седельных сумках мы нашли одежду с гербами Корнуола и даже одну из всем знакомых боевых накидок Горлуа с двойной серебряной каймой.

Последнее послание Ральфа обнадеживало. Время настало, стояла черная ночь. Она спрячет нас от людей Горлуа, которые в свою очередь предпочли не выходить наружу. В полной темноте мы незамеченными выскользнули из лагеря. Определившись, мы галопом направились к Тинтагелю. Только очень уж подозрительный человек мог заметить, что это отнюдь не герцог Корнуола со своими тремя спутниками спешит ночью к своей жене. Ютеру выбелили бороду и наложили на часть лица повязку, чтобы скрыть угол его рта и оправдать изменившийся голос. Опушенный капюшон (неудивительно для ночной поездки) скрывал черты лица. Он был выше и крепче Горлуа, но это легко было изменить. Чтобы не узнали руки, принадлежавшие отнюдь не старику, он надел боевые рукавицы. Ульфин вполне сошел за Джордана, одного из слуг Горлуа, — тот был больше всего похож на Ульфина. Я переоделся под Бритаэля, друга и командира отряда войск Горлуа. Он был старше меня, но наши голоса походили один на другой, и мне нетрудно было говорить на корнийском. У меня всегда получалось подделывать голоса. Кадал не переодевался. Ему поручили ждать нас с лошадьми у замка и быть готовым передать послание.

Я подъехал к королю и сказал ему на ухо:

— До замка осталось меньше мили. Сейчас мы спустимся на берег. Там нас проводит Ральф. Я поеду вперед?

Он кивнул. Даже в кромешной тьме я заметил блеск его глаз. И добавил:

— И будь сдержанней, а то тебя никогда не примут за Горлуа, у которого такой стаж семейной жизни.

Ютер рассмеялся. Я обогнал его и начал осторожно спускаться по истоптанному кроликами склону в узкую долину, спускавшуюся к морю.

Долина оказалась не более чем оврагом с небольшим ручейком на дне, бегущим к морю. Ручей был в ширину около трех шагов, и лошадь спокойно могла его перейти. В конце он спадал со скалы на галечный пляж. Мы поехали вдоль него по одному в ряд, оставив ручей слева. Справа высился крутой, заросший кустами склон. Ветер дул с юга-запада, долина же выходила на север, поэтому ее склоны защищали нас от бури. Наверху же кусты трещали под напором шквалистого ветра, вниз летели ветки и целые сучья, падая прямо перед нами. Дорога была трудной, даже если не считать погоду. Лошадям передавалось наше напряжение, — один Кадал был спокоен, как скала, — и мы с трудом их сдерживали. За четверть мили до моря мы свернули и направились через поток. Моя лошадь прижала уши и встала. Когда я пустил ее галопом вверх по тропинке, от темноты отделилась тень, испугавшись которой, лошадь опять остановилась и взвилась на дыбы, чуть не рухнув вместе со мной со скалы.

Фигура метнулась вперед и перехватила уздечку, притягивая голову лошади вниз. Животное встало, дрожа, все в поту.

— Это Бритаэль, — сказал я. — Все в порядке?

Послышалось восклицание, и человек приблизился на шаг, вглядываясь в темноту. Сзади остановился серый конь Ютера. Человек неуверенно спросил:

— Мой господин Горлуа?... Мы не ждали вас сегодня ночью. Какие-то новости?

Голос принадлежал Ральфу.

— Ну как, в темноте сойдем? — спросил я своим голосом.

Ральф перевел дыхание.

— Да, милорд. Я уж подумал, что это на самом деле Бритаэль. Да и серая лошадь... Это король?

— На сегодня это герцог Корнуола. Все в порядке?

— Да, сэр.

— Тогда веди, у нас немного времени.

Он взял мою лошадь под уздцы и повел за собой. Я был ему благодарен за это. Тропа была по-настоящему опасной, узкой и скользкой. Она следовала за каждым изгибом берега между шелестящими кустами. Я не пожелал бы себе ехать по этой тропе на незнакомой и испуганной лошади даже днем. За нами слышался неторопливый цокот копыт лошадей Кадала и Ульфина. Сразу за мной фыркал на каждый куст серый жеребец Ютера, он пытался вырваться из рук седока. Но тщетно, Ютер мог укротить самого Пегаса.

Моя лошадь опять чего-то испугалась, споткнулась и слетела бы в обрыв, если бы не Ральф. Я выругался.

— Далеко еще? — спросил я его.

— Шагов двести до берега, сэр. Там мы оставим лошадей. На мыс мы заберемся пешком.

— Клянусь богами бурь, я был бы рад очутиться, наконец, под крышей. Неприятностей не было?

— Никаких, сэр, — ему приходилось кричать, чтобы я услышал. Но в такой шторм нас невозможно было услышать, находясь дальше, чем за три шага. — Моя госпожа лично сказала Феликсу — это привратник, — что она попросила герцога приехать к ней, как только войска встанут в Димилоке. Все знают, что она беременна, и поэтому неудивительно, что ей хочется быть рядом с мужем, даже когда армия короля так близко. Она предупредила Феликса, что герцог воспользуется потайным ходом, так как король мог уже разослать своих лазутчиков. Воины герцога не должны были знать, что он оставил гарнизон в Димилоке, сказала она, это могло породить ненужную тревогу, а король вряд ли окажется в Корнуоле так быстро... Феликс ничего не подозревает. Да и с какой стати?

— Привратник стоит на воротах один?

— Да, но в сторожке сидят два воина.

Ральф обрисовал помещение за потайной дверью. За небольшой дверцей в стене замка шла длинная лестница наверх, огибавшая стену справа. На полпути находилась широкая площадка с комнатой охраны сбоку. Потом лестница снова вела наверх и заканчивалась секретной дверью, выводившей в покои.

— Охрана знает? — спросил я.

Он покачал головой.

— Мы не посмели, милорд. Всех людей, оставшихся с леди Игрейн, выбирал лично герцог.

— Лестница хорошо освещена?

— Факелом. Я позаботился, чтобы он главным образом дымил.

Я оглянулся. Ко мне серым привидением приближался жеребец Ютера. Ральфу приходилось перекрикивать ветер, шумевший наверху, в долине. Король, видимо, заинтересовался нашим разговором, но он хранил молчание, не нарушая его, с самого начала поездки. Похоже, он в самом деле доверился времени и судьбе. Или мне.

Я повернулся к Ральфу, наклоняясь через плечо лошади. — Пароль есть?

— Да, милорд. Пароль — «пилигрим». И леди послала королю кольцо. Иногда его носит герцог. Вот, тропинка кончается. Начинается берег. — Он остановился, успокаивая мою лошадь. Она спрыгнула вниз, захрустев галькой. — Лошадей оставим здесь, милорд.

Я с радостью спрыгнул на землю. Мы находились в небольшой, защищенной от ветра бухте. Слева нависала большая скала. Ее выступ подтачивали морские волны, разбиваясь о нее и падая на берег белыми потоками с шумом, будто сталкивались две армии. Справа высилась другая скала, а между ними по берегу лежали черные валуны, вгрызающиеся в белую пену. Наш ручей впадал в море двумя каскадами, обрываясь на ветру тонким волосом. За всеми этими водопадами, под самой большой скалой имелось место для лошадей.

Ральф показал на крупный мыс слева.

— Тропинка там. Скажи королю, чтобы шел за мной и следуй за ним вблизи. Один неверный шаг, и прежде чем ты успеешь позвать на помощь, тебя уже унесет волной к западным звездам.

Серый жеребец топтался сзади. Король спрыгнул с коня и восторженно рассмеялся. Даже если его ночное путешествие обманет его ожидание, он останется собой: Ютер не мог жить вне опасности и риска.

Подъехали Ютер с Кадалом и спешили. Кадал взял поводья. Ютер встал со мной плечо к плечу, глядя на неистовый водоворот воды.

— Придется сплавать ради нашей цели?

— Может и до этого дойдет. Кажется, что волны подмывают самые стены.

Ютер неподвижно стоял, забыв о ветре и дожде. Подняв голову, он смотрел на мыс. Высоко, в штормовой мгле, горел огонь.

Я дотронулся до его руки.

— Послушай. Все идет по плану. В комнате охраны находятся два стражника, а у двери привратник Феликс. Света будет мало. Ты знаешь, где вход. Будет достаточно, если при входе ты буркнешь Феликсу слова благодарности и быстро поднимешься наверх. Старая дама Марция встретит тебя у покоев Игрейн и проведет туда. Остальное предоставь нам. Если случится худшее, то нас, как и их, трое, в такую ночь никто не услышит ни звука. Я поднимусь за час до рассвета и пошлю за тобой Марцию. Все, больше мы не сможем говорить. Иди вслед за Ральфом внимательно, дорога очень опасна. У него есть кольцо для тебя и пароль. Иди.

Он безмолвно отвернулся и зашагал по сыпучей гальке к ожидающему пажу. Рядом со мной оказался Кадал, державший в руке поводья четырех лошадей. Как и у меня, лицо его было мокрым, накидка облаком сбилась вокруг него.

— Ты слышал, что я сказал. За час до рассвета, — сказал я ему.

Он тоже смотрел на скалу, где в высоту уходил замок. Через секунду я увидел в разрыве облаков стены крепости. Она срослась со скалой, почти вертикально уходившей в море. Мыс и материк соединял узкий скалистый гребень, отточенный морем подобно клинку. С берега, где стояли мы, казалось, не было иного выхода, как через долину. Ни крепости, ни дамбы, ни замка на скале, куда можно было бы забраться. Неудивительно, что здесь не оставили часовых. Дорогу же к потайной двери мог защитить один человек, сражаясь против целой армии.

— Я буду держать лошадей под навесом, в укрытии, — обратился ко мне Кадал. — И бога ради, если только охваченный страстью король не задержится, не опаздывайте. Если там

только почуют неладное, мы окажемся здесь, как крысы в западне. Эту долину можно перекрыть так же спокойно, как и дорогу к замку. А я особо не горю желанием пускаться в плавание.

— И я. Ладно, Кадал, ты же все знаешь.

— Я верю тебе. Что-то такое в тебе сегодня вечером есть... Ты говоришь с королем особо не задумываясь, резче, чем со слугой. И он слушается тебя, не говоря ни слова. Да, ты знаешь, что делаешь. И хорошо, что так, хозяин Мерлин. В противном случае на карту поставлена жизнь короля Британии из-за одной ночи любви.

И здесь я поступил совершенно необычно для себя, что я обычно никогда не делаю. Я положил свою руку на руку Кадала, державшего поводья. Лошади стояли спокойно и горестно, подставив себя ветру и опустив головы.

— Если Ютер попадет сегодня ночью во дворец и окажется с ней в постели, — сказал я, — то клянусь богом, Кадал, не будет уже иметь никакого значения, даже если его убьют в постели. В итоге сегодняшней ночи появится король, чье имя станет щитом и надеждой для всех людей, населяющих нашу землю от моря до моря, и останется им, пока море не поглотит землю, а люди не переселятся жить к звездам. Ты думаешь, Кадал, что Ютер — король? Это регент, живущий до него и для него, кто придет после, — короля прошлого и будущего. Сегодня ночью он даже не регент, а средство, а она — сосуд, я же... я — дух, слово, создание воздуха и тьмы. Я могу помочь не больше, чем тростник, гнущийся под ветром, направляемым богом. И я, и ты, Кадал, мы беспомощны, как сухие листья, попавшие в воды этого залива. — Я снял свою руку с его. — Итак, за час до рассвета.

— До встречи, милорд.

Я оставил его и, сопровождаемый Ульфином, последовал за Ральфом и королем, направился по гальке к подножию черной скалы.

7

Не думаю, что даже теперь, при свете дня, я смогу снова найти дорогу без помощи проводника, не говоря уже о том, чтобы взобраться по ней. Первым шел Ральф, за ним, положив руку ему на плечо, — король. Я держался за мантию Ютера, Ульфин за мою накидку. К счастью, находясь в непосредственной близости от стен замка, мы были защищены от ветра. Обрушья на нас ветер, подъем стал бы невозможен, нас как перышки сдуло бы со скалы. Но мы были не защищены с моря. Волны достигали сорока футов в высоту, а самые большие, башнеподобные, разбрасывали воду на шестьдесят футов вверх, окатывая нас соленым раствором.

Бурлящее море оказало нам лишь одну услугу. Оно отражало скудный свет небес, бросая его на скалу. Во всяком случае, мы видели вверху основание замка и стены, поднимавшиеся со скалы. Даже в сухую погоду эти стены труднодоступны, сегодня же их покрывала блестящая влага. Я не мог различить ни трещины в гладкой сланцевой синеве стен. Ральф, оставившись, вел нас к ним, направляясь к уходящей в море стороне. Там он задержался и сделал нам рукой знак, означавший «осторожно!». Он с предосторожностями обогнул угол и исчез из виду. Ютер споткнулся, дойдя до угла и получив толчок ветра. Он приостановился на мгновение, затем повернул, прижимаясь к поверхности скалы. Ульфин и я двинулись следом. Несколько ярдов мы, как в кошмаре, ступали черепашным шагом, прижимаясь лицами к мокрой, скользкой скале. Затем нависающий выступ укрыл нас от ветра, и мы неожиданно ступили на предательски мягкий спуск, покрытый водорослями. Там, впереди, глубоко под скалой, скрытый каменным навесом, находится тайный ход Тинтагеля.

Я заметил, как Ральф бросил долгий взгляд наверх, перед тем как зайти. Наверху не было часовых. Какой смысл держать людей в укреплениях, выходящих на море? Он вытащил кинжал и раздельно постучал им в дверь. Мы видели, как он стучит, стоя за его плечом, но не слышали ни звука из-за бушующего вокруг шторма.

Привратник, видимо, ждал прямо за дверью. Она немедленно открылась. Тихо отойдя на три дюйма, дверь застопорилась, и я услышал грохот цепи. В проем просунулась рука с факелом. Ютер, стоя со мной, надвинул поглубже капюшон. Я выступил вперед, встав на расстоянии локтя от Ральфа и прикрыв накидкой нижнюю часть лица. Мои плечи были ссутулены против резких порывов ветра и дождя.

Под факелом показалась часть лица привратника. На нас уставился зоркий глаз. На свет вышел Ральф и требовательно сказал:

— Выстрей. Пилигрим. Это мы с герцогом.

Факел поднялся вверх. На пальце Ютера блеснул крупный изумруд.

— Открывай, Феликс, — резко произнес я голосом Вритаэля. — Спаси нас, ради бога, от этой погоды. Сегодня утром герцог упал с коня, и его повязка намокает. Нас четверо. Поспешите.

Цепь отстегнули, и дверь распахнулась. Ральф положил на нее руку, держа дверь перед хозяином. Феликс отошел, и Ютер зашел внутрь.

Ютер прошел перед склонившимся человеком и по-собачьи стряхнул воду, ответив неразборчиво на приветствие привратника. Подняв руку и снова блеснув изумрудом, он быстро повернулся к ступеням и зашагал наверх.

Ральф выхватил факел из рук привратника после того, как я и Ульфин прошли за Ютером.

— Я освещу им путь. Запри дверь. Позже я спущусь и расскажу тебе новости. Мы промокли, как последние собаки. Нам надо к огню. В комнате охраны затопили?

— Да. — Привратник уже отвернулся от двери. Ральф держал факел так, что мы с Ульфином оставались в тени.

Я направился вслед за Ютером, за мной поспешил Ульфин. Лестницу освещал лишь чадающий светильник, закрепленный на стене у широкой площадки наверху. Все оказалось легко и просто.

Слишком легко. Внезапно на верхней ступеньке тусклый свет усилился светом пылающего факела. Из двери вышли два воина, держа наготове мечи.

Ютер, опережавший меня на шесть ступеней, слегка замедлил шаг. Его рука оказалась под плащом на мече. Я сам высвободил оружие в ножнах.

Сзади послышались мягкие шаги Ральфа.

— Милорд, герцог!

Можно представить, с какой благодарностью Ютер остановился и обернулся к нему, встав спиной к страже.

— Милорд, позвольте осветить вам путь! Ах, у них есть факел!

Он сделал вид, что только сейчас заметил воинов. Он промчался мимо Ютера, крича им:

— Хей, Маркус, Селлик, дайте мне ваш факел осветить дорогу милорду, направляющемуся к своей госпоже. Этот окурок больше чадит, чем светит.

Человек, державший факел, поднял его повыше, и оба воина принялись вглядываться в нас. Паж не колебался ни секунды. Он пробежал прямо между мечами, выхватил факел у стражника, а первый проворно ткнул в бадью с песком, стоящую у двери. Новый факел горел ярко, но его пламя постоянно металось: Ральф не держал его ровно. Пляшущие гигантские тени стражи скрывали нас от их глаз. Ютер, пользуясь игрой света, начал быстро подниматься, протянув вперед для приветствия руку с перстнем Горлуа. Воины отошли к стене, по обе стороны от лестницы, но не убрали мечи.

Сзади послышался слабый шорох: Ульфин освободил меч в ножнах. Мой уже был наполовину вытащен. Не было никакой надежды проскочить мимо. Придется убивать, и, дай бог, без шума. Ульфин приостановился, подумав о привратнике. Он, возможно, будет вынужден заняться им, пока мы будем биться с воинами.

Но такая необходимость отпала. Неожиданно на второй площадке широко открылась дверь, и в ярком свете перед нами предстала Игрейн. Она была снова в белом, как и во время нашей предыдущей встречи, но это была не сорочка. Длинное платье струилось водопадом по ее телу. Через руку и плечо, по

римскому обычаю, она накинула мантию темно-синего цвета. Ее волосы украшали самоцветы. Она протянула руки, и белое платье обнажило ее руки. На запястьях блеснуло золото.

— Приветствую тебя, милорд. — Ее высокий, четкий голос заставил воинов обернуться и посмотреть на нее. Ютер в два прыжка преодолел оставшиеся ступеньки, затем мимо воинов, скользнув плащом по их обнаженным мечам и обогнав Ральфа с факелом, начал подниматься к Игрейн.

Воины вытянулись, как по команде, прижавшись спинами к стенам. Сзади выдохнул Ульфин, когда он последовал за мной, а я спокойно и неторопливо поднимался на верхнюю площадку. Да, родиться принцем, хотя и побочным, что-нибудь да значит. Я знал, что по этикету присутствие принцессы заставит воинов уставиться на стену перед собой, не замечая никого и ничего, как будто они без глаз. Мы с Ульфином последовали мимо обнаженных мечей наверх.

Ютер поднялся к Игрейн и взял ее руки в свои. Там, перед освещенной дверью, когда вражеские клинки остались блестеть внизу в свете факелов, король склонил голову и поцеловал Игрейн. Пурпурная мантия короля обвила белое платье герцогини. За ними я увидел тень старой дамы Марции, державшей дверь.

— Пошли, — сказал король. Укрываемые его огромной мантией они шагнули в ярко освещенную комнату, и за ними закрылась дверь.

Тинтагель был взят.

8

В ту ночь меня и Ульфина обслужили прекрасно. Едва дверь за королем и Игрейн захлопнулась, а мы остались между запертой дверью наверху и стражей внизу, снизу раздался звонкий голос Ральфа, перекрывающий звон мечей, наконец-то убираемых в ножны:

— Клянусь богами и ангелами, ну мы и поработали сегодня! А когда все закончится, мне придется провожать всех обратно. У вас там есть огонь? Хорошо. Можем обсохнуть, пока ждем. Можете идти, предоставьте это нам. Идите, чего вы ждете? Получили приказ! И помните, никому ни слова о приходе герцога.

Один из воинов, убрав меч, направился к себе в комнату, но другой задержался, глядя на меня.

— Это так, милорд Бритаэль? Мы можем быть свободны? Я начал медленно спускаться по лестнице.

— Совершенно верно. Можете идти. Мы пошлем за вами привратника, когда направимся обратно. Но главное — ни слова о приходе герцога. Смотрите! — Я повернулся к Ульфину, смотревшему на меня широко раскрытыми глазами. — Джордан, поднимись к двери и встань там на страже. Подожди, дай мне твой плащ, я его просушу.

Он с благодарностью ушел, сжимая наготове меч. В комнату охраны внизу зашел Ральф — ускорить процесс выполнения моих приказов. Я спускался не спеша, давая ему возможность отослать воинов.

Когда внутренняя дверь закрылась, я вошел. В ярко освещенной комнате не было никого, кроме нас двоих.

Ральф возбужденно улыбнулся.

— Ни за что на свете, даже ради своей госпожи, я больше не отважусь на подобное!

— Больше не потребуется. Ты совершил почти невозможное, Ральф. Король этого не забудет.

Потянувшись закрепить факел на стене, он вдруг увидел выражение на моем лице.

— Что с вами, сэр? Вам нехорошо?

— Нет. Эта дверь запирается? — Я кивнул на дверь, через которую вышли стражники.

— Я запер ее. Если бы они что-нибудь заподозрили, то не дали бы ключей. Да разве могут они что-нибудь заподозрить? Я и то мог бы поклясться, что на лестнице с нами говорил Бритаэль. Это было как волшебство. — В последней фразе отчетливо слышался вопрос, и он посмотрел на меня знакомым мне взглядом. Я промолчал.

— Что делать сейчас, сэр?

— Спускайся к привратнику и смотри, чтобы он не сунулся сюда, — я улыбнулся. — Ты успеешь погреться у огня, когда мы уйдем.

Он, как всегда, легко пробежал вниз по ступеням, крикнул что-то Феликсу, тот рассмеялся. Я стянул свой намокший плащ и вместе с плащом Феликса расправил его над огнем. Одежда под ним была почти сухой. Я немного посидел, протянув руки к огню. В освещенной огнем комнате стало очень тихо. Снаружи же шумели потоки воды, и шторм терзал крепостные стены.

Мысли жгли меня, как искры. Я не мог сидеть спокойно. Встал и беспокойно прошелся по комнатухе. Снаружи бушевала буря, у двери слышались голоса и стук костей: Ральф и Феликс коротали время. Я взглянул в другую сторону. Ни звука с лестницы. Лишь тень Ульфина, неподвижно замершего у комнатной двери...

Кто-то тихо спускался по лестнице. Женщина, завернувшись в накидку, что-то несла. Она двигалась совершенно беззвучно, Ульфин при этом не шевельнулся и не издал ни звука. Я вышел на площадку, вынося с собой свет и тени из комнаты охраны.

Это была Марция. На ее щеках блестили слезы. Она склонила голову над тем, что несла в руках. Она держала укутанного от холода ночи ребенка. Увидев меня, она протянула его мне.

— Позаботься о нем, — попросила она, а за чертами ее лица и слезами проступили ступени и стены. — Позаботься о нем...

Шепот превратился в потрескивание факела и шум ветра снаружи. Я стоял совершенно один. Дверь наверху была заперта. Ульфин не двигался.

Я опустил свои пустые руки и вернулся к огню. Пламя угасало, и я подбросил дров. Однако лучше мне не стало, свет жег меня. Хотя я увидел все, что мне было надо, где-то в конце чувствовалась смерть, и мне было не по себе. В комнате стало душно, тело ломило. Я взял накидку, которая почти уже высохла, набросил ее на плечи и вышел на площадку. В стене была небольшая дверка, из-под которой задувал ветер. Я толкнул ее наружу, преодолевая порывы шторма, и вышел на воздух.

Сначала, после света стражницей, я ничего не видел. Я закрыл за собой дверь и прислонился спиной к сырой стене. Речным потоком на меня хлынул свежий воздух. Предметы вокруг начали принимать свои очертания. Впереди, в нескольких шагах, маячила высокая зубчатая стена крепости. Между мной и ею лежала ровная площадка, и другая стена поднималась к зубчатому парапету. За стенами и головокругительной скалой виднелась крепость, соединявшаяся в самой высокой точке с мысом. В вышине, где мы видели освещенное окошко, высилась черная башня, очерченная на фоне темного неба.

Я подошел к парапету и перегнулся через него. Снизу начиналась скала, представлявшая собой днем травянистый склон, заросший водорослями и белой смолевкой. На ней вили свои гнезда морские птицы. Внизу пенились воды залива. Я поглядел направо, откуда мы пришли. Не считая мечущейся пены, берега залива, где нас ждал Кадал, не разглядеть.

Дождь прекратился, тучи начали рассеиваться, уносимые ветром. Там и здесь в промежутках между облаками просвечивало звездное небо.

Внезапно прямо у меня над головой развеяло облака, и показалась плывущая, как корабль по небу, яркая звезда.

Она выделялась среди своих меньших сестер. Ее мерцающий свет нарастал, источая сияние и блики всех цветов. Звезда росла и становилась ярче, пока ветер не набрасывал на нее паутину облаков. И тогда она тускнела, становилась далекой и серой, теряясь среди остальных. В новом витке хоровода свет звезды вновь набирал силу, превращая ее в искрящийся светоч. Так оно продолжалось, пока я стоял одиноко в ночи на крепостных укреплениях: от яркой и живой к тусклой и сонной, плавно разгораясь вновь, но с каждым разом все медленнее и медленнее. В преддверии утра она ровно светила, обещая ясный и спокойный день.

Я вздохнул и вытер с лица пот. Я отошел от парапета, к которому прислонился, тело затекло, но боль и томление прошли. Я поглядел на темное окно Игрейн, где они сейчас спали.

Я медленно вернулся к двери. Открыв ее, я услышал резкий стук в дверь потайного хода.

Я бросился на лестничную площадку, тихо закрыв за собой дверь, как раз когда Феликс вышел из помещения вниз и направился к двери. Не успел он потянуться к запорам, как следом за ним выскочил Ральф, высоко подняв руку. Мелькнул клинок кинжала, зажатого в кулаке. Кошачий прыжок, и рукоятка опустилась на затылок Феликса. Тот рухнул как подкошенный. Человек снаружи, видимо, что-то услышал за шумом моря.

— Что там такое? Феликс? — раздался резкий голос из-за двери. И стук повторился, громче, чем раньше.

Я спустился уже на полпролета. Ральф склонился над привратником, но, увидев меня и правильно истолковав мой жест, он выпрямился и спросил в ответ:

— Кто там?

— Пилигрим.

Этот мужской голос звучал требовательно и настойчиво. Я быстро спустился к Ральфу. На бегу я намотал плащ на левую руку. Во взгляде Ральфа не было и следа прежнего отчаянного веселья. Он ничего не спросил, так как ответ мы оба знали.

— Кто пилигрим? — Голос Ральфа звучал хрипло.

— Бритаэль. Открывай быстрее.

— Милорд Бритаэль! Милорд, я не могу, мне не велели никого пускать здесь.... — Он оглянулся на меня. Взяв Феликса подмышки, я, стараясь не шуметь, оттащил его в заднюю комнату, с глаз долой. Ральф облизнул губы.

— Не могли бы вы войти через главные ворота? Герцогиня спит, и у меня нет приказа...

— Кто это? — спросил в свою очередь Бритаэль. — Ральф, судя по голосу. Где Феликс?

— Ушел наверх, сэр.

— Тогда пойдй возьми у него ключ или пришли его сюда. — Голос Бритаэля стал резче. Раздался удар кулаком по двери. — Делай, как я сказал, парень, не то спущу шкуру с твоей спины. У меня послание для герцогини, она не похвалит тебя за задержку. Давай, быстро!

— Вот... вот ключ, милорд, секунду — Ковыряясь в замке, он бросил через плечо взгляд, полный отчаяния. Оттащив в сторону бессознательного Феликса, я подошел и шепнул Ральфу на ухо:

— Посмотри, один ли он, а затемпусти.

Ральф кивнул и приоткрыл дверь, не снимая цепи. Воспользовавшись шумом, я вытащил меч и растворился в тени сзади. Открывшаяся дверь скроет меня от Бритаэля. Я прислонился к

стене. Выглянув в щелку, Ральф кивнул мне еще раз и начал вынимать цепь из гнезда.

— Извините меня, милорд, — голос его звучал виновато и смущенно, — я должен был убедиться... Неприятности?

— Что же еще? — Бритаэль резко распахнул дверь, чуть не ударив меня. Ральф вовремя придержал ее. — Ничего, ты правильно поступил. — Он вошел и остановился, возвышаясь над пажом. — Кто-нибудь еще проходил сегодня здесь?

— Нет. С какой стати, сэр. — Ральф был напуган, и его тон казался убедительным. — Пока я здесь — нет, и Феликс ничего не говорил... А что? Что-нибудь случилось?

Бритаэль хмыкнул, и его кольчуга зазвенела.

— Там, внизу, мы столкнулись со всадником. Он напал на нас. Я оставил Джордана разобраться с ним. Здесь все спокойно? Никаких происшествий?

— Никаких, милорд.

— Тогда закрой дверь и не пускай никого, кроме Джордана. А мне надо встретиться с герцогиней. У меня печальные новости. Герцог мертв.

— Герцог? — паж начал заикаться. Он забыл даже закрыть дверь, и она болталась на сквозняке. Я по-прежнему был скрыт от глаз Бритаэля. Ральф стоял совсем рядом, и в тусклом свете было видно его побелевшее от волнения лицо. — Герцог мертв, милорд? Его уничтожили?

Бритаэль, уже было шагнувший вперед, остановился и обернулся. Еще шаг, и он увидит меня. Нельзя пропустить его мимо и дать подняться наверх.

— Уничтожили? Как, клянусь богом? Кто на это пойдет? Ютер так не поступает. Нет, герцог решил попытать удачи, прежде чем король приедет к войскам, и напал сегодня ночью на королевский лагерь. Но они были настороже, и Горлуа был убит в первой же атаке. С этим известием мы отправились с Джорданом прямо с поля боя сюда. Теперь закрой дверь и делай, что я велел.

Он отвернулся и пошел к лестнице. Освободилось место, чтобы я мог использовать меч. Я вышел из тени двери.

— Бритаэль.

Он резко развернулся. Его реакция была настолько молниеносной, что мое преимущество во внезапности оказалось сведенным на нет. Наверное, мне вообще не стоило окликать его, но есть вещи, обязательные для принца. Это могло дорого мне обойтись, я мог даже заплатить собственной жизнью. Я должен был помнить, что сегодня ночью я не принц, а творение судьбы, как Горлуа, которого я предал, как Бритаэль, которого я должен был сейчас убить. Я был заложником будущего. Надо признать, что все это давило на меня тяжелым грузом. И Бритаэль обнажил свой меч быстрее, чем я поднял свой. Мы стояли, глядя друг на друга.

Когда наши взгляды встретились, он узнал меня. В его глазах мелькнул страх, смешанный с удивлением. Но только на мгновение. Страх исчез, как только он понял по моей позе и обнаженному мечу, что это будет схватка на его условиях, а не на моих. Возможно, он понял по моему виду, что у меня за спиной была тяжелая ночь.

— Я должен был знать, что это ты сюда явился. Джордан сказал, что там внизу был твой человек. Чертов колдун! Ральф, Феликс, стража! Эй, ко мне!

Видимо, он не сразу понял, что все это время я находился внутри, за дверью. Но молчание на лестнице и рывок Ральфа к двери говорили сами за себя. По-волчьи метнувшись вперед, да так быстро, что я не успел среагировать, Бритаэль ударил пажа в висок своим закованным в железо кулаком. Ральф беззвучно рухнул в проем на пороге, дверь теперь закрыть не было возможности.

Бритаэль кинулся наружу.

— Джордан! Джордан! Ко мне! Измена!

Я бросился на него. Мы столкнулись грудь грудью, искра заскрипели клинки.

Наверху послышались быстрые шаги и голос Ульфина.

— Милорд!.. Ральф!..

— Ульфин... Скажи королю... Горлуа мертв... Надо возвращаться, быстрее... — задыхаясь, проговорил я.

Спотыкаясь, я поспешил наверх.

— Королю? Теперь я понял тебя, бабский сводник! — проговорил Бритаэль сквозь зубы.

Бритаэль был крупным человеком, воином в расцвете сил, к тому же справедливо разгневанным.

Я же был мальчишкой без всякого опыта и ненавидел то, что мне предстояло совершить. Но я был должен. Я больше не был принцем, или воином, сражающимся по всем правилам. Я превратился в дикое животное, которое должно было убить Бритаэля, потому что иного не дано. Должен!

Свободной рукой я ударил его по зубам. В его глазах мелькнуло удивление, и он отпрыгнул, освобождая свой меч. Когда он бросился на меня, его меч описал стремительную дугу. Я нырнул, уклоняясь, вниз, отбил снизу удар и пнул его изо всех сил ногой по колену. Его меч скользнул по моей щеке с шипением, словно от ожога. Меня обожгла боль, и я почувствовал текущую по щеке кровь. Когда же он наступил нашибленную ногу, она подвернулась. Бритаэль поскользнулся на мокрых камнях и тяжело упал, ударившись локтем о камень. Меч вылетел у него из рук.

Любой другой человек на моем месте отступил бы, давая ему возможность поднять меч. Я же бросился на него всем телом, направив свой меч ему в горло.

Светало, уже достаточно развиднелось. Я заметил в его глазах презрение и ярость. Он перекатился, уворачиваясь от

лезвия меча. Я промахнулся и попал в губчатые водоросли, растущие на камнях. За секунду, в которую я пытался выдернуть свое оружие, Бритаэль изменил тактику и ударил меня железным кулаком по уху. Отпрыгнув назад, он метнулся вниз по склону к мечу, блестящему в двух шагах от обрыва.

Если он достанет его, через секунду меня не станет. Перевернувшись, я вскочил на ноги, бросившись тоже по скользкому склону к мечу. Его удар свалил меня на колени. Мне в бок вошел его тяжелый сапог, второй удар последовал по спине. Как растекающаяся кровь, меня охватывала боль переломанных костей. Я лежал, распластавшись по земле, носком ноги чувствуя металл его меча. От легкого толчка меч соскочил со скалы, и через секунду внизу раздался нежный звон, перекрывший рокот волн. Меч Бритаэля упал в обрыв на камни.

Не успел звон утихнуть, как Бритаэль снова кинулся на меня. Стоя на колене, я пытался подняться. Сквозь заливавшую глаза кровь я увидел приближающуюся руку и попытался увернуться. Получив кулаком по горлу, я упал на бок и распластался на мокрых камнях, потеряв дыхание и перестав видеть. Переворачиваясь и скользя, я все-таки помнил о пропасти и выставил вслепую левую руку, чтобы не скатиться в нее. Он снова прыгнул, попав обеими ногами в латах на мою руку, сжимавшую меч. Хрустнули кости, и рука инстинктивно согнулась. Я попал ему по плечу. Бритаэль беззвучно выругался и отскочил. Я перехватил меч в левую руку. За моей попыткой перевернуться последовал очередной прыжок. Он наступил на мою сломанную руку. Кто-то закричал. Обезумев от боли и ничего не видя, я метнулся по земле. И, собрав последние силы, вонзил обломанный меч в его распростертое тело. Оружие выпало у меня из рук. Бессильно откинувшись назад, я ждал последнего удара, который пошлет меня в обрыв.

Бездыханный, я лежал ничком, икая и давясь желчью. Моя левая рука вцепилась в водоросли, словно удерживая для меня жизнь. Морской прибой сотрясал скалу, и его едва заметные толчки вызывали у меня в теле резкую боль. Болело все. Ребра словно пронзили бок. Со щеки была полностью стесана кожа, с той щеки, на которой я лежал, вжавшись в траву. Рот наполнился кровью, а рука превратилась в болевое месиво. Вдалеке кто-то стонал.

У меня на губах пузырилась кровь и сочилась по подбородку, капая на землю. До меня дошло, что стонал я, Мерлин, сын Амброзиуса, принц, великий волшебник. Я зажал во рту кровь и, цепляясь и карабкаясь, начал подниматься на ноги.

Боль в руке была невыносима. Я почти слышал, нежели ошущал, как сломанные кости трутся друг о друга концами. Шатаясь, я встал на колени и побоялся подниматься дальше: внизу зияла пропасть. Сзади обрушился вал, обдав меня

водяной пылью, серой в тусклом утреннем свете. Утес дрогнул. Над головой с криком парила морская птица, первая за сегодняшний день.

Я отполз от края и поднялся.

Бритаэль лежал на животе у потайной двери, словно пытался уползти туда. За ним по земле тянулся кровавый след, блестящий на мокрой траве, как след улитки. Он был мертв. Последним отчаянным ударом я разрубил ему большую вену в паху, и жизнь медленно покинула его, пока он полз, пытаясь получить помощь и спастись. Часть крови, пропитавшей меня, должно быть, принадлежала ему.

Я опустился рядом с ним на колени и удостоверился в его смерти. С боку на бок я перекатывал его по склону, пока не сбросил под откос, где пропасть поглотила его, как и его меч до этого. О крови можно было не беспокоиться. Начинался дождь, который смоет ее, прежде чем кто-нибудь увидит.

Потайная дверь была по-прежнему распахнута. Я добрал до нее и встал, опершись о косяк. Глаза застилала кровь. Я вытер ее мокрым рукавом.

Ральф и привратник исчезли. Факел чадил на стене, слабо освещая комнату и лестницу. В замке было тихо. Из приоткрытой двери наверху доносились голоса. Говорили тихо и настойчиво, но не встревоженно. Сторонники Ютера, по всей видимости, по-прежнему владели ситуацией; тревогу в замке не поднимали.

Я вздрогнул от утреннего холода. Я где-то потерял плащ, упавший с моей руки. Я даже не стал пытаться его искать. Отпустив дверь, я сделал попытку стоять без опоры. Получилось. Я направился прочь от замка на берег.

10

Достаточно рассвело, чтобы видеть путь, а также рассмотреть головокружительную пропасть с камнями и бурлящими волнами внизу. Поскольку я думал только о том, чтобы держать свое ослабевшее тело прямо и не задевать ни за что сломанной рукой, то не обращал внимания на морскую пропасть и узость тропинки над обрывом. Я быстро преодолел первый участок и сполз-соскользнул на следующем по кочковатой земле на галечник. Море приблизилось, до меня долетали брызги. Морская соль смешивалась с соленой кровью у меня на лице. Утренний прилив набирал силу. Высокие волны накатывались на гладкую скалу, разбиваясь рядом со мной с оглушительным шумом и стекая по тропке, по которой я полз, спотыкаясь и цепляясь.

Я нашел его на полпути от берега. Он лежал лицом вниз, его голова находилась в полудюйме от обрыва. Одна рука свисала вниз и качалась под порывами ветра. Другая рука

задеревенела, вцепившись в камень. Пальцы почернели от запекшейся крови.

Тропинка была достаточно широка, и я перевернул его на спину, придвинув к скале. Сам я встал на колени между ним и морем.

— Кадал, Кадал.

Его тело окоченело. В полумраке я увидел у него на лице кровь, выступившую из раны рядом с волосами. На ощупь это казалось порезом. Мои онемевшие пальцы не могли больше ничего нащупать на мокрой коже. Намокшая туника не растеживалась, наконец застежки поддались, и под одеждой показалось тело.

Увидев скрытую туникой рану, можно было не щупать пульс. Я накинул обратно промокшую ткань, словно ему станет теплее, и сел на корточки. Только тогда я заметил, что от замка к тропинке шли люди.

Ютер обогнул скалу с такой легкостью, словно гулял по дворцу. Он держал наготове меч, накидка намотана на левую руку. За ним, бледный, как привидение, шагал Ульфин.

Король наклонился надо мной и несколько мгновений молчал.

— Мертв? — проговорил он в конце концов.

— Да.

— А Джордан?

— Тоже, наверное. Иначе Кадал не дополз бы сюда, чтобы предупредить нас.

— А Бритаэль?

— Мертв.

— Ты знал об этом вчера вечером?

— Нет.

— А о смерти Горлуа?

— Нет.

— Если бы ты был пророком, как ты утверждаешь, то знал бы, — в его голосе послышалась горечь. Я посмотрел на него снизу. Лицо спокойное, горячность покинула его, глаза, серые в тусклом свете, затопила усталость.

— Я говорил тебе, надо довериться судьбе и времени. Оно пришло, это время. Мы победили. — Мой ответ был кратким.

— Если бы мы подождали до завтра, то эти люди и твой слуга остались бы живы, Горлуа погиб бы в Сью, а его жена была бы вдовой... Она была бы моей, и никто не шептался бы у меня за спиной, обвиняя в их смерти меня.

— Завтра ты зачал бы другого ребенка.

— Законного, — поспешил вставить он. — Не побочного, каким он был зачат сегодня. Клянусь головой Митры, ты думаешь, наши имена останутся незапятнанными после того, что случилось сегодня ночью? Даже если мы через неделю поженимся, ты представляешь, что скажут люди? Что я убийца

Горлуа. А некоторые поверят, что ребенок и в самом деле его, как она говорила.

— Они не скажут этого. Не найдется ни одного человека, который будет утверждать, что ребенок не твой и не по праву является законным королем всей Британии.

Из горла Ютера вырвался звук, не смех, а выражение насмешки и презрения.

— Неужели ты думаешь, что я буду когда-нибудь еще тебя слушать? Теперь я вижу, что кроется за твоим волшебством, твоим «могуществом», как ты говоришь... Ты занимаешься обычным обманом людей. Попытка с твоей стороны приобщиться к государственным делам, чему ты научился у моего брата. Тебе это понравилось, и ради этого ты убеждаешь всех в своем могуществе. Это самый настоящий обман — обещать людям исполнение их желаний, убеждать их, что ты способен это сделать, но цену желаний оставляешь в тайне — пусть потом платят.

— Цену в тайне держит бог, не я, Ютер.

— Бог? Бог! Какой бог? Ты говорил о стольких богах. Если ты имеешь в виду Митру...

— Митра, Аполлон, Артур, Христос — называй его, как хочешь. Какая разница, как люди называют свет. Бог подобен свету, под которым люди живут и умирают. Я знаю лишь, что он является источником всего света, освещающего наш мир, его дела охватывают весь мир и каждого из нас. Он подобен реке, которую не остановишь и не повернешь вспять. Из нее можно лишь пить при жизни и завещать ей свои тела после смерти.

Из рта у меня снова потекла кровь. Я поднял руку и вытер ее рукавом. Ютер видел, но выражение его лица не изменилось. Вряд ли он даже слушал, что я говорил, если вообще мог расслышать из-за шума морских волн. С безразличием, разделяющим нас подобно стене, он сказал:

— Все это слова. Ты используешь даже бога, чтобы добиться своего. «Бог сказал мне сделать, бог назначает цену, бог смотрит, кому ее платить...» За что, Мерлин? За твои амбиции? Великому колдуну и пророку, которого люди почитают, затаив дыхание, больше короля и его верховного жреца? А кто платит богу за осуществление твоих планов? Не ты. Амброзиус, Вортигерн, Горлуа, люди, погибшие сегодня ночью. Но ты не платишь ничего! Ты — никогда и ничего!

Рядом с нами разбилась волна, и утес оросил дождь из мелких капель, попав Кадалу в лицо. Я наклонился и вытер воду вместе с кровью.

— Нет, — ответил я.

— Но меня, Мерлин, ты не сможешь использовать в своих интересах. Я не стану для тебя марионеткой, которую дергают за веревочки. Держись от меня подальше. И запомни — я не признаю побочного сына, зачатого сегодня ночью.

Это говорил король, не терпящий возражений. Спокойный и холодный, над плечом которого сияла в сером небе звезда. Я промолчал.

— Ты слышишь меня?

— Да.

Он сдернул со своей руки плащ и бросил Ульфину. Тот расправил его, накинул на плечи королю.

Ютер взглянул на меня.

— В награду за оказанные мне услуги ты можешь сохранить землю, дарованную тебе ранее. Отправляйся к себе в Уэльские горы и больше не беспокой меня.

— Я не потребуюсь тебе никогда и не буду тревожить тебя, Ютер, — устало ответил я.

Он помолчал и резко сказал:

— Ульфин поможет тебе отнести тело вниз.

Я отвернулся.

— Не надо. И оставь меня сейчас.

Возникла пауза, наполненная шумом моря. Я непреднамеренно выбрал подобный тон, но мне было уже все равно, я даже не осознавал, что и как я говорю. Я хотел только одного, чтобы он ушел. Острие его меча покачивалось у меня перед глазами. Лезвие блеснуло, взлетая в воздух, и я даже подумал, что он настолько рассержен, что использует его. Но клинок с грохотом отправился в ножны. Ютер развернулся и начал спускаться. Ульфин пробрался мимо меня и безмолвно направился следом за хозяином. Не успели они свернуть за угол, как море поглотило звук их шагов.

Я обернулся и увидел, что за мной наблюдает Кадал.

— Кадал!

— Вот они, короли, — голос его был слаб, но с прежними интонациями, хриплый и насмешливый. — Выполни для него что-нибудь, за что он клянется умереть, и получай «ты думаешь, я вынесу случившееся сегодня ночью».

— Кадал...

— А ты... Ты ранен? А рука? У тебя на лице кровь.

— Ничего, это все заживет. Пустяки. Но ты, Кадал...

Он чуть наклонил голову.

— Бесполезно. Чему быть... Мне достаточно хорошо...

— Не болит?

— Нет, но холодно.

Я придвинулся ближе, пытаюсь накрыть его своим телом от холодных брызг, дождем отлетающих от скал. Взял его руку в свою здоровую. Я не мог растереть ее, но, расстегнув свою тунику, я приложил ее к груди.

— Увы, я потерял свою накидку, — сказал я. — Джордан мертв?

— Да, — он помолчал. — Что... случилось там?

— Все шло как по писаному. Но, оказывается, Горлуа поспешил напасть на наш лагерь и был убит. Поэтому Бритаэль

и Джордан появились здесь, чтобы рассказать о случившемся герцогине.

— Я услышал, как они едут, и понял, что они обязательно увидят и меня, и лошадей. Я решил, что не должен допустить, чтобы они подняли тревогу в замке, пока король еще там... — он остановился перевести дыхание.

— Не беспокойся, — сказал я, — все сделано, как надо, и все позади.

Кадал не обратил внимания. Его голос превратился в едва слышный шепот, но слова были четкими и отдельными: я все слышал, несмотря на шум моря.

— Поэтому я сел на коня и поехал им навстречу, чтобы встретить за ручьем. Когда они поравнялись со мной, я перепрыгнул ручей и попытался остановить их. — Кадал снова замолчал. — Но Бритаэль... он настоящий воин. Проворный, как змея. Он даже не остановился. Проткнул меня мечом и поехал дальше, предоставив остальное Джордану.

— Здесь-то он и ошибся.

Кожа на скулах Кадала натянулась. Он улыбнулся.

— Он заметил наших лошадей?

— Нет. Ему открыл дверь Ральф, и Бритаэль только и спросил, не приезжал ли кто-нибудь в замок, так как внизу он встретил всадника. Ральф сказал ему, что нет, и он поверил. Мы впустили его, а затем убили.

— Ютер... — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Кадал, прикрыв глаза.

— Нет. Ютер все еще находился с герцогиней. Я не мог позволить, чтобы Бритаэль застал его безоружным. Он и ее убил бы.

Кадал широко раскрыл глаза, устремив на меня пораженный взгляд.

— Ты?

— Оставь, Кадал, я не поддаюсь на лесть, — улыбнулся я ему. — Боюсь, ты вряд ли бы мог мной гордиться, как учитель учеником. Это была «грязная» схватка. Мы играли не по королевским правилам. Я изобретал их в ходе поединка.

Кадал по-настоящему улыбался.

— Мерлин... Маленький Мерлин, который с трудом держался на лошади. Ты поражаешь меня.

Начинался отлив. Прогрохотавший вал оросил мои плечи водяной пылью.

— Я убил тебя, Кадал.

— Боги... — прошептал он, глубоко вздыхая. Мне было понятно без дальнейших слов. Его время заканчивалось. В сером свете наступающего утра я видел, как его кровь впитывается в мокрую землю.

— Я слышал, что сказал король. Нельзя ли было... обойтись без всего этого?

— Нет, Кадал.

Он закрыл глаза и приоткрыл их вновь.

— Ну, что ж, — только и сказал он, сконцентрировав в ответе всю свою молчаливую веру в меня, укрепившуюся в нем за восемь лет. Кадал поднял глаза к небу, линия его рта ослабла. Я приподнял его здоровой рукой и заговорил отчетливо и быстро.

— То, что случится, произойдет во исполнение воли моего отца и бога, руководящего мной. Ты слышал слова Ютера о ребенке. Они ничего не меняют. С сегодняшнего дня Игрейн беременна, но из-за происшедших сегодня событий она отошлет от себя ребенка, как только он родится, чтобы не гневить короля. Она отправит его ко мне, и я спрячу его от короля, он будет жить со мной, и я передам ему все, чему я научился от Галапаса, Амброзиуса, от тебя, и даже Белазиуса. Он объединит в себе жизни всех нас. Когда он вырастет, он вернется и будет коронован в Винчестере.

— Тебе это точно известно? Ты обещаешь, что так оно и произойдет? — я уже едва мог разобрать слова Кадала. Дыхание со свистом вырывалось у него из груди. Его глаза сузились, взгляд ослеп.

Я приподнял Кадала, прижав к себе.

— Мне известно это, — отчетливо и мягко произнес я. — Это обещаю тебе я, Мерлин, принц и пророк.

Он уронил голову мне на плечо, не в силах держать ее. Глаза закатились. Я услышал, как он пробормотал что-то, затем вдруг сказал:

— Сделай за меня знамение.

И умер.

Я предал его тело морю, как и Бритаэля, убившего его. Как говорил Ральф, отлив заберет его с собой и унесет к западным звездам.

Тишина в долине не нарушалась ничем, кроме медленной дробы копыт и позвякивания металла. Шторм утих вместе с ветром. Миновав первый изгиб ручья, я перестал слышать морской прибой. Внизу, над потоком, скрывая его от моих глаз, висела пелена тумана. Небо прояснилось, приобретая на востоке светло-голубоватый оттенок. Высоко в небе, недвижимо и ярко горя, по-прежнему висела звезда.

Пока я глядел на нее, бледное небо окрасилось постепенно в яркие тона, заполняя пространство вокруг нее золотым и мягким пламенем, а затем на волне ослепительного сияния навстречу утренней звезде взошло молодое солнце.

Легенда о Мерлине

Задумал король британский Вортигерн заложить в Сноудоне крепость, для чего созвал каменщиков из разных стран и наказал им построить крепкую башню. Но что бы строители ни возводили за день, рушилось в ту же ночь, а остатки их труда поглощала земля. Вортигерн решил посоветоваться со своими колдунами и магами, и те сказали ему, что он должен найти юношу, никогда не имевшего отца, убить его и оросить его кровью основание будущей крепости, чтобы башня перестала разваливаться. Во все концы страны были разосланы гонцы, часть из которых прибыла к городу, названному впоследствии Кармартеном. У ворот они увидели развлекающихся какой-то игрой ребят и присели посмотреть, а заодно и отдохнуть. Близился уже вечер, когда между двумя юношами, которых звали Мерлин и Динабутиус, вспыхнула ссора. Они услышали, как во время перепалки Динабутиус сказал Мерлину:

— Какой же ты дурак, если думаешь, что можешь сравниться со мной, в ком течет королевская кровь! А кто ты — никто не знает, ибо у тебя никогда не было отца.

Услышав подобное, посланцы немедленно расспросили об этом прохожих, и те подтвердили, что отец Мерлина никому не известен, а мать является дочерью короля Южного Уэльса и живет с монахинями в монастыре Святого Петра.

Так Мерлин и его мать предстали перед королем Вортигерном. Вортигерн оказал матери королевские знаки внимания и расспросил об отце юноши. Она ответила, что не знает его.

— Однажды, когда я и мои дамы разошлись по покоям, ко мне явился некто в облике привлекательного юноши. Он пробыл со мной некоторое время, обнимая и целуя меня, но затем неожиданно исчез. Позже он многократно возвращался оставаясь невидимым. Это продолжалось довольно долго, пока он не предстал передо мной в облике мужчины и не лег со мной, затем исчез, а я осталась в ожидании ребенка.

Поразившись ее рассказу, король обратился к своему сказателю Могантиусу, спросив у него, возможно ли такое. Могантиус ответил, что природа подобных вещей известна и что Мерлин был зачат от «одного из духов, обитающих между Луною и Землею и именующихся демонами-инкубусами».

Мерлин выслушал все вышесказанное и потребовал, чтобы ему позволили опровергнуть волшебников.

— Прикажи твоим магам явиться сюда, и я докажу им, что слова их ложны, — сказал он.

Смелость и бесстрашие Мерлина произвели, по-видимому, впечатление на короля, и он послушался юноши, позвав колдунов. Мерлин обратился к ним со следующими словами:

— Не зная, что мешает построить башню, вы все же предложили королю окропить раствор моей кровью, будто башня от

этого станет крепче. Не скажете ли вы тогда, что находится внизу под ее основанием, почему она не стоит?

Боясь проявить свое невежество, маги смолчали, и тогда Мерлин (которого также звали Амброзиус) предложил:

— Король, мой повелитель, призови своих рабочих, пусть они начнут копать на месте башни. Твои стены рушатся из-за того, что под ними находится озеро.

Землекопы и в самом деле нашли озеро.

— Осушите его, и на дне вы найдете два камня, два спящих дракона — красного и белого, — сказал Мерлин.

Когда показались два камня, драконы проснулись, и между ними завязалась жестокая схватка, в которой красный дракон одолел белого и убил его. Пораженный король спросил Мерлина о смысле виденного, и в ответ юноша, подняв глаза к небу, предсказал пришествие Амброзиуса и смерть Вортигерна. На следующий день Аврелий Амброзиус высадился в Девоне.

Когда Амброзиус победил Вортигерна и саксов и был коронован на британский престол, он собрал мастеров со всех уголков страны и попросил их придумать памятник, который остался бы стоять на века. Никто не смог помочь ему, и тогда Треморинус, архиепископ Карлеона, предложил послать за Мерлином, пророком Вортигерна, самым умным человеком королевства, «относится ли это к области предсказаний, или к изобретению хитроумных механизмов». Посланные Амброзиусом люди нашли Мерлина в области Гвент у источника Галаса, где он постоянно жил.

Король принял его с почестями и, первым делом, попросил предсказать ему будущее.

— Тайны подобного рода не подлежат раскрытию, — ответил Мерлин, — разве что в случае крайней необходимости. Если я буду предсказывать все подряд на потеху окружающим, то руководящий мною дух будет нем и покинет меня.

Король заговорил с ним о памятнике, и Мерлин посоветовал ему привезти «Пляшущих Гигантов», которые находятся в Килларе, на горе в Ирландии. Амброзиус рассмеялся и ответил, что невозможно сдвинуть камни, установленные гигантами. В конце концов короля убедили послать в Ирландию его брата Ютера с пятнадцатью тысячами воинов, чтобы он победил местного короля Гилломана и перевез в Британию «Пляшущих Гигантов». Ютер одержал победу, но его воины не смогли разобрать и погрузить монолиты гигантского каменного кольца в Килларе. Признав свое бессилие, они предоставили Мерлину собрать его собственные механизмы. С помощью последних Мерлин без труда разобрал памятник и погрузил его по частям на корабли, после чего его перевезли в место, находящееся недалеко от Эймсбери. Там Мерлин вновь установил «Пляшущих Гигантов» у Стоунхенджа точно в таком же виде, в каком они стояли в Килларе, в Ирландии. Вскоре после этого на небе появилась огромная звезда в виде дракона. Зная, что она

предвещает смерть Амброзиуса, Мерлин горько заплакал и предсказал, что следующим королем под знаком Дракона станет Ютер и что у Ютера родится сын, «наделенный божественной властью, которая распространится на все владения людские»).

На следующую Пасху во время торжеств, посвященных коронации, король Ютер влюбился в Игрейн, жену Горлуа, герцога Корнуола. Оказывая ей самые различные знаки внимания, он едва не вызвал при дворе скандала. Игрейн оставалась неприступна, а ее разъяренный супруг покинул королевский двор без разрешения, направившись с женой и воинами в Корнуол. Разсерженный Ютер приказал ему вернуться, но Горлуа отказался. Разгневавшись, король собрал армию и бросился вослед, сжигая на своем пути корнуольские города и крепости. Не имея с собой достаточно войск, Горлуа услали жену в самый неприступный замок — Тинтагель, а сам приготовился защищать крепость Димилок. Ютер немедленно установил там осаду, выискивая в то же время способ проникнуть в Тинтагель и похитить Игрейн. Через несколько дней он обратился за советом к одному из своих приближенных по имени Ульфин.

— Посоветуй же мне, каким образом осуществить мое желание, — сказал король, — иначе я умру от тоски.

Подтвердив, что Тинтагель неприступен, Ульфин предложил послать за Мерлином. Мерлин превратил Ютера в Горлуа, Ульфина в Джордана, друга Горлуа, а себя в Бритаэля — одного из командиров герцога. Втроем они направились в Тинтагель. Приняв Ютера за своего мужа-герцога, Игрейн приветствовала его и пустила к себе в постель, и у «нее мысли не было отказать ему в чем-либо». В эту ночь был зачат Артур.

В то же время разгорелось сражение у Димилока, и Горлуа, начавший его, был убит. Когда посланцы явились в Тинтагель сообщить Игрейн о смерти мужа и последний предстал перед их глазами, восседаая с супругой, они онемели. Здесь король признался в обмане и через несколько дней женился на Игрейн.

Ютер Пендрагон правил еще пятнадцать лет. Все эти годы он не видел своего сына Артура, которого в ночь, когда он родился, вынесли через черный ход из замка Тинтагель и доставили прямо к Мерлину. Старый волшебник тайно занимался воспитанием ребенка, пока не пришло время, чтобы Артур занял британский престол.

На протяжении длительного правления Артура Мерлин помогал ему советом и делом. Уже стариком Мерлин безумно влюбился в юную девушку по имени Вивиана. Она уговорила его в обмен на любовь научить ее волшебству. Узнав искусство чар, она заколдовала старика, усыпив его. По рассказам одних, он спит в пещере, окруженной рощей боярышника, а кто-то говорит, что его сон продолжается в башне из хрустала, другие же утверждают, что он скрыт от посторонних глаз лишь воздушным ореолом. Он проснется вместе с королем Артуром, и они вернутся в тот же час, когда потребуются своей стране.

Примечания автора

Ни один романист, пишущий о средневековой Британии, не представит своего труда на суд публики, оставив без традиционных комментариев фигурирующие в нем имена и географические названия. Так уж принято объяснять их появление на страницах произведения, и здесь меня сразу можно обвинить в большей (а может быть и в меньшей) степени непоследовательности. В те времена, когда кельты, саксы, римляне, галлы и бог весть кто еще заполнили и оспаривали друг у друга британские земли, у каждого места имелось по меньшей мере три названия, и любое из них можно было считать распространенным и употребительным без боязни ошибиться. «Рассматриваемый период» относится приблизительно к 470 г.н.э., и смутнее времени в британской истории не сыскать. В совершенные путаницы я взяла в качестве источника моего романа полумифологическое, романтическое описание, составленное в Оксфорде одним уэльсцем или, возможно, бретанцем в XII веке. Имена и названия в этом труде даются, что называется, в постнорманском стиле с элементами церковной латыни. Поэтому в ходе повествования читатель столкнется с названиями Винчестер, Рутупея и Динас Эмрис, пришедшими из разных времен, а думнонийцы, деметяне и армориканцы будут называться просто: корнийцы, люди из Южного Уэльса и бритты.

Мой первый принцип в подборе имен и названий направлен на то, чтобы упростить повествование. Я хотела, насколько это получилось, обойтись без глоссария, раздражающие экскурсии в который вынуждают прерывать чтение и искушают читателя продолжать читать, не обращая внимания на непонятные имена, с риском потерять ориентацию и запутаться. Неангличанам приходится еще труднее: название Каллева сказало бы им не больше, чем Силчестер, и ясность внесла бы лишь карта. В любом случае произведение пострадало бы. Поэтому, если существовал выбор, я прибегала к помощи «рассказчика», приводившего сразу весь набор старых и современных названий, позволяющих читателю представить картину. Например, «Мазсбели, что у форта Конан, или Кэрконан, называемый иначе Конисбургом». В других местах я позволила себе небольшие вольности. Ясно, что в рассказе, который ведется вместо кельтского или латыни на английском, было бы уж слишком педантично употреблять название «Лондиниус» вместо Лондона. Я также оставила современные названия таких городов, как Гластонбери, Винчестер, Тинтагель, полученные ими в средние века и неразрывно связанные с контекстом их употребления, подобно Манчестеру и Ньюкаслу. Не надо рассматривать введенные мною правила в качестве критики других авторов, их не придерживающихся, форма зависит от характера произведения. Поскольку в его создании участвовало воображение, то

нельзя относиться к нему, как к строго историческому произведению. Я решила руководствоваться правилами поэзии: лучшим является то, что лучше всего звучит и передает смысл.

Это же правило слуха распространяется и на выбранный язык. Рассказчик, повествующий свою историю на уэльском языке пятого века, прибег бы к помощи стольких же разговорных выражений, сколько их можно найти в данном романе. Сердик и Кадал разговаривали бы на своих диалектах, а королевские особы и предсказатели изъяснялись бы выпендренно, соответственно моменту. Я специально оставила некоторые анахронизмы, обладающие наибольшей описательностью, и немного слэнга, для сохранения живости повествования. Короче, я везде полагалась на свой слух, считая, что то, что звучит без фальши будет приемлемо в работе, основанной на воображении.

Именно таковой и является «Хрустальный грот». Это не научное исследование. Настоящий историк поймет меня, узнав, что сюжет я позаимствовала у Джеффри Монмаутского, автора «Истории королей Британии».

Для историков это произведение пустой звук. Его труд, написанный в Оксфорде в XII веке, представляет собой «сборную солянку» из событий, имевших место, начиная с троянской войны (в которой сражался «король бриттов» Брутус) вплоть до седьмого века нашей эры. Он тасовал факты, подстраивая их под линию своего сюжета. Когда же фактов не хватало, он изобретал их на пустом месте. С научной точки зрения «История королей Британии» потрясает, но как художественное произведение — неотразимо. Из него черпали вдохновение создатели цикла романтических преданий, полувивших название «Предания о Британии». К ним относится роман «Смерть Артура», принадлежащий перу Мэлори, «Королевские идиллии» Теннисона, «Персифаль» и «Камелот».

Главным героем «Истории» является Артур, первый король объединенной Британии. Артур Джеффри Монмаутского — личность легендарная, но несомненно, что он существовал на самом деле. То же справедливо, по-моему, и по отношению к Мерлину, хотя в личности Мерлина объединены по меньшей мере четыре человека — принц, пророк, поэт и инженер. Рассказывая о его детстве, я развила упоминание Мэлори о «ключе Галапаса» (иногда так переводят словосочетание «галабейский источник», где Мерлин имел обыкновение проводить время), а также слова о «моем учителе Блезе», превратившемся в романе в Белазиуса. Легенды о Мерлине живы до сих пор и бытуют как в Британии, так и в Бретани.

Несколько замечаний напоследок. Я назвала мать Мерлина Нинианой, так как это имя (Вивиана, Ниниана, Нимея) принадлежит девушке, соблазнившей впавшего в старческое слабоумие волшебника и лишившей его чар, после чего он навеки уснул в своей пещере. В легендах и исторических преданиях целибат, или обет безбрачия, непосредственно связывают с вол-

шебным могуществом, поэтому я решила, что будет логичнее, если Мерлин сохранит свою невинность.

О древних друидах известно столь мало (как это утверждает один известный ученый, у которого я консультировалась), что мое описание может считаться «игрой по правилам». То же самое относится к мегалитам Карнака (Керрека) в Бретани и к «Пляшущим Гигантам» Стоунхенджа под Эймсбери. Так как Стоунхендж построили около 1500 г. до н.э., то я позволила Мерлину перенести из Киллара лишь один камень. И в самом деле, самый большой мегалит в Стоунхендже отличается от остальных. Геологи утверждают, что его привезли из Мильфорд Х'йвена в Уэльсе. Верно и то, что внутри кольца, недалеко от центра, находится могила, поэтому в моем романе памятник сориентирован на восход солнца в день зимнего солнцестояния.

Все описанные мною места существуют на самом деле. Единственным существенным исключением осталась пещера Галапаса. Если бы Мерлин спал там, окруженный «пламенем и колеблющимся воздушным ореолом», то он и в самом деле был бы невидим. Но источник у Брин Мирдина существует на самом деле, а на гребне холма расположена погребальная насыпь.

По легенде (насколько мне известно) между Мерлином и Амброзиусом не было никаких родственных отношений. Историк девятого века Ненниус, у которого Джеффри позаимствовал часть материала, называл своего пророка Амброзиусом. Ненниус и поведал нам историю о драконах и подземном озере, явившихся первым известным предсказанием молодого мага. Позаимствовав рассказ, Джеффри преспокойно совместил в одном лице двух пророков: «И сказал Мерлин, которого иначе называли Амброзиусом...» Подобные «хирургические манипуляции», как их охарактеризовал профессор Гвин Джонс («История королей Британии». Введение. Издательство «Эвримэн»), навели меня на мысль «раскрыть личность» отца Мерлина, этого «принца мрака», что и легло в основу сюжета «Хрустального грота».

Я нахожусь в неоплатном долгу перед мастером рыцарского романа Джеффри Монмаутским. В числе остальных кредиторов, которых столь много, что всех не перечислишь, я хотела бы поблагодарить Френсиса Джонса, сотрудника архива графства Кармартен; господ Моррисов из Брин Мирдина, Кармартен; Г.Б.Ланкашира из Чейз-Хоутел, Росс-он-Вай; бригадного генерала Р. Уоллера из Вайстон-Лейз, Монмаутшир (на его землях находятся Малый Довард и римская дорога); профессора Германа Брюка, королевского шотландского астронома, а также госпожу Брюк; профессора Стюарта Пиггота из Департамента археологии при Эдинбургском университете; Элизабет Мэннерз, директора Феликстоу-колледжа; Робина Денистона из компании «Ходдер и Стафтон», Лондон.

ГОРДОН
ДИКСОН

ДИКИЙ ВОЯК

Перевод с английского

Редактор *Анатолий Яковлев*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Бык не желал нападать. Джеймс Кейл выставил ногу и закричал, но зверь остался недвижим, хотя должен был бы нападать. Вернсе, на этой стадии боя у него должно было еще остаться немного сил.

Ничего нельзя было сделать. Самые точные опыты не могли измерить вероятной выносливости и храбрости быка. Этот устал. Значит, Джиму надо было заколоть его сейчас.

Он двинулся к быку и вновь выставил ногу вперед и закричал, подбивая усталого зверя к атаке. Когда рог промелькнул мимо, скользнув по бедру и талии, он быстро втянул живот, чувствуя невольный холодок, пробежавший по его спине.

Как и у быка, у него была своя программа, и пока они действовали по этой программе, он находился в безопасности. Но он стал тореадором только после шести месяцев усиленной тренировки, и у него была свободная воля — то, чего не было у быка, а свободная воля давала ему возможность нарушать программу и делать ошибки.

Если он сделает ошибку, этот бык убьет его.

И потому он был очень осторожен — даже сейчас. Силы у быка были на исходе. Он сделал еще несколько осторожных пассивов и выхватил шпагу, вонзив ее между рогов.

Бык споткнулся и упал на колени, заваливаясь на бок, когда Джеймс уже вытащил клинок. Пока он бесстрастно смотрел на агонию животного, перед упавшим быком на песке арены появилась женщина.

Он повернулся к ней. Это была принцесса Афуан из рода Высокородных и глава делегации Высокородных, которые занимали официальную ложу у края арены. Вокруг них теснились аборигены Альфа Центавра.

Афуан была высокого роста, кожа ее была кристально белой, одета она была, если можно было назвать это одеждой, в своеобразное подобие белого облака. Руки ее оставались обнаженными, но от плеч до щиколотки все тело было закрыто, и ноги ее обрисовывались только при ходьбе. Над этим облаком одежды виднелась белая кожа, но отнюдь не такая белая, как у землянина Джима.

Кожа Афуан была цвета слоновой кости, и Джим мог легко видеть ее синие вены, чуть пульсирующие у основания шеи. У нее было узкое лицо и огромные глаза неожиданно желто-лимонного цвета под белыми веками и ресницами, и их разрез чем-то напоминал кошачий, хотя в ее облике не было ничего восточного. Как скульптура она была бы пре-

красна, и ее рост ничуть не уступал росту Джима — шесть футов и шесть дюймов.

— Очень забавно, — сказала она, обращаясь к Джиму на языке Империи, с неуловимым шипящим акцентом. — Да, мы, конечно, возьмем тебя с собой, ах... Как тебя зовут в мире, Дикий Волк?

— Я — землянин, Высокородная, — ответил Джим.

— Да- да... приходи к нам на корабль, землянин, Тронный Мир будет рад твоему присутствию, — сказала она.

Афуан бросила мимо него взгляд на остальных членов квадрильи.

— Но этих твоих помощников не к чему брать на корабль. Как только ты прибудешь на Тронный Мир, мы предоставим тебе все, что необходимо.

Она стала поворачиваться, чтобы уйти, но в это время Джим заговорил:

— Извини меня, Высокородная, — сказал он. — Ты сможешь дать мне новых помощников, но ты не сможешь дать мне боевых быков. Они были генетически отобраны в течение ряда поколений. Здесь в стойлах осталось шесть быков. Я хотел бы взять их с собой.

Она вновь повернулась и посмотрела на него. Лицо ее оставалось совершенно бесстрастным. На мгновение Джиму показалось, что он рассердил ее своей речью и сейчас рухнет пятилетняя кропотливая работа и она не возьмет его с собой. Но тут Афуан заговорила:

— Очень хорошо, — сказала она. — Кто бы ни взял тебя на борт корабля, скажи ему, что надо погрузить этих животных. Так я сказала — быть по сему!

Она вновь повернулась, уже окончательно, и уставилась на мертвого быка. Как будто ее движение было сигналом, рядом возникли остальные члены ее свиты и тоже стали разглядывать быка и даже костюмы и вооружение тореро.

Рост женщин был не более чем на дюйм или два меньше, чем у Афуан, рост высоких, ловких белокожих мужчин измерялся примерно от шести футов десяти дюймов до семи футов.

В отличие от Высокородных женщин мужчины носили короткие юбки и туники. Почти во всех случаях цвет их одежды был белым, за исключением полосок, нашитых спереди или сзади на туники.

Никто не выразил желания осмотреть Джима, все они рассматривали остальных членов квадрильи. Он повернулся и пошел прочь, пряча шпагу в ножны. Он прошел по песку арены мимо трибун в широкий проход, стены которого светились сами по себе — одно из удивительных изобретений Империи, которыми пользовались гуманоиды Альфа Центавра, они даже не понимали, как это происходит.

Он открыл дверь своей комнаты. Он был у себя в раздевалке, там не было ни одного окна, но зато целых два происшествия...

Первым происшествием был Макс Холланд, человек из специального комитета при ООН. Вторым событием были два чемодана, которые он запаковал заранее в надежде, что его мечта о путешествии на Тронный Мир станет реальностью. Но сейчас эти чемоданы были раскрыты, а их содержимое разбросано по всей комнате.

— Что это? — спросил Джим, останавливаясь и глядя на маленького человечка сверху вниз.

Лицо Холланда потемнело от злости.

— Не думайте, — начал он ломающимся от ярости голосом, но тут же взял себя в руки и заговорил спокойно. — То, что Афуан согласилась взять вас с собой, еще не значит, что вы возьмете на Тронный Мир все эти вещи!

— Значит, вы уже знаете, что я приглашен? — спросил Джим.

— Я хорошо умею читать по губам, — самодовольно ответил Макс, — и я смотрел за вами в бинокль с самого начала боя быков.

— Вы решили наведаться сюда раньше меня и осмотреть мой багаж? — спросил Джим.

— Вот именно! — заявил Холланд.

Он резко обернулся и взял в руки две вещи, лежавшие на кровати: шотландскую юбку, у пояса которой в ножнах висел небольшой кинжал, и рубашку с пистолетом сорок пятого калибра под мышкой. Макс начал трясти этими вещами перед самым носом Джима.

— Вы отбываете на Тронный Мир человеческой Империи, цивилизации которой сотни тысяч лет. Мир, где все эти примитивные орудия применялись так давно, что о них, вероятно, уже ничего не помнят.

— Именно поэтому я и беру их с собой, — сказал Джим.

Он быстро забрал юбку и рубашку с пистолетом из рук Макса, и тот на секунду даже не понял, куда они делись. Джим отнес все обратно на кровать. Затем он принялся аккуратно запаковывать вещи.

— Зачем это?! — взревел позади него Макс. — Джим, по-моему, вы иногда считаете, что кроме вас в проекте ничего не существует! Разрешите мне напомнить вам — потребовалась работа тысяч специалистов, несколько миллионов долларов и разрешение ста шестидесяти двух правительств, чтобы подготовить из вас тореадора для ублажения Тронного Мира.

Джим, не отвечая, сложил юбку и положил ее в один из открытых чемоданов.

— Послушайте меня! — закричал Макс за его спиной. Он схватил Джима и попытался повернуть его. Джим

послушался. — Говорю вам: вы не возьмете с собой эти штуки!

— Возьму, — спокойно сказал Джим.

— А я говорю, что нет! — заорал Макс. — Кого вы из себя корчите? Вы всего-навсего человек, которого Земля выбрала для того, чтобы он отправился на Тронный Мир и наблюдал. Вам понятно?! Н а б л ю д а л! Не резал бы людей ножами или убивал их из револьвера... или делал бы вещи, которые могут привлечь большее, чем следует, внимание Империи к Земле. Вы — антрополог, играющий тореадора, а не шпион с ножом в зубах!

— Я — и то, и другое, и третье, — ответил Джим коротко. Лицо Макса медленно побледнело.

— Боже! — сказал маленький человечек. Он убрал руку с плеча Джима. — Десять лет назад мы и не подозревали о существовании огромной Империи, в составе которой тысячи обитаемых миров — от Альфа Центавра до самого галактического центра.

Пять лет назад вы были еще именем в длинном списке. Я мог вычеркнуть вас карандашом, и вас бы здесь не было. Даже год назад я мог бы поднять вопрос, и я его поднял! Ваши тренировки... Но именно тогда вы показали себя с лучшей стороны и никто меня не послушал, а сейчас оказывается, я был прав. Империя тысячи миров и крохотная Земля. Они когда-то позабыли о нас и они могут позабыть о нас снова — но только в одном случае: если человеком, который отправится туда для наблюдения, будете вы. Но вы решили действовать с Высокородными так, как считаете сами... — он поперхнулся и замолчал. Потом глубоко задышал и выпрямился. — Ладно, забудьте это, — спокойно сказал он. — Вы никуда не едете. Я отменяю приказ на свою собственную ответственность. Земля может сделать со мной что угодно после того, как их корабль отлетит.

— Макс, — почти нежно сказал Джим, — сейчас вам поздно останавливать меня. Я был приглашен принцессой Афуан. Ни вам, ни проекту, ни даже всей Земле не разрешат вмешаться в это приглашение. Неужели вы думаете, что она разрешит вам это?

Макс стоял, глядя на Джима, и глаза его наливались кровью. Он не ответил.

— Мне очень жаль, Макс, — сказал Джим, — но мы должны были прийти к этому рано или поздно. Сейчас мне нет ровным счетом никакого дела до проекта. С этой секунды я буду руководствоваться только собственными суждениями.

— Вашими суждениями? — вместе с этими словами холодное дыхание коснулось шеи Джима. — Вы так уверены в своих суждениях? По сравнению с такими Высокородными, как Афуан, вы так же невежественны, так же примитивны, так

же дики, как и все остальные земляне. Возможно, Земля их забытая колония. Или вдруг это просто совпадение, что мы принадлежим к той же самой расе — так же как аборигены, обнаруженные нами на Альфа Центавра. Кто знает? Я не знаю, ни один землянин не знает. И вы тоже не знаете! Джим, не говорите мне о своих суждениях, когда все будущее Земли зависит от того, что вы сделаете, оказавшись там, в Империи!

Джим пожал плечами. Он опять почувствовал, как его руку с силой сжали, когда вновь начал укладывать вещи. Макс попытался повернуть его к себе. На этот раз Джим быстро и бесшумно повернулся. Он освободился от захвата, слегка ударив ребром ладони по кисти Макса, а его правая рука была уже на плече Холланда — большой палец мягко упирался в шею Макса чуть ниже подбородка.

Холланд побледнел, он судорожно начал хватать ртом воздух и, коротко вздохнув, попытался отступить назад, но Джим легко удержал его на месте.

— Вы... вы дурак! — прохрипел Макс. — Вы меня убьете...

— Если придется, — спокойно ответил Джим, — и поэтому я именно тот человек, который должен туда ехать.

Он отпустил Макса, отвернулся, захлопнул чемодан, в котором лежали шотландская юбка и рубашка и пистолет, и поднял два увесистых чемодана. Затем он повернулся и вышел из комнаты.

Автомобиль ждал его на улице. Он слышал, как кричит кто-то ему вслед. Обернувшись, он увидел Макса.

— Наблюдайте! — изо всех сил кричал Макс. — Если у Земли возникнут неприятности с Высокородными, мы убьем вас как бешеную собаку!!!

Джим не ответил. Он вышел в яркий солнечный день Альфа Центавра и сел в открытую, похожую на земной джип машину, которую прислали за ним Высокородные.

2.

Шофер был членом земной торговой делегации. На Альфа Центавра были еще две торговые делегации с других планет, и они стремились показать Высокородным Империи свои достижения. Каждая делегация таила надежду, что Высокородные обратят внимание именно на нее. Но у Земли было немного больше шансов заинтересовать Высокородных, ведь эта планета когда-то потерянная и вновь найденная часть Империи. Теперь Высокородные предпочтут отвезти такую новинку искусства, как бой с быками.

Шофер вез Джима и его багаж через весь город к открытому космодрому — бескрайней гладкой площадке. Уже был виден похожий на гигантское яйцо корабль Высокородных. У звездолета автомобиль остановился.

— Вас подождать? — спросил шофер.

Джим вежливо отказался. Он вытащил из машины свои чемоданы и подождал, пока шофер не развернул машину и не умчался обратно в город. Постепенно автомобиль превратился в миниатюрную игрушку и вскоре исчез совсем.

Джим поставил чемоданы и повернулся к кораблю. Он удивился: не было видно ни одного отверстия. Казалось, что никто на борту не заметил Джима. Он уселся на один из чемоданов и решил ждать.

Примерно в течение часа ничего не происходило. Затем внезапно, все так же сидя на чемодане, он очутился не на бетонной площадке, а в полукруглой комнате с зелеными стенами, темно-зеленым ковром и подушками всех цветов и размеров — от шести дюймов до шести футов в диаметре. Рядом с Джимом стоял его другой чемодан.

— Ты долго ждал, Дикий Волк? — спросил приятный женский голос. — Извини. Я возилась с другими приемышами.

Он встал и заметил ее. По стандартам Высокородных она была небольшого роста, не больше пяти футов десяти дюймов. Ее кожа, хоть и напоминала белизну оникса, как у принцессы Афуан, была все же темнее — почти незаметный коричневый оттенок, примерно как кожа индейца по сравнению с кожей белого.

Глаза у нее были темно-золотыми с красными искорками, а не желто-лимонными, как у принцессы. Лицо ее не было так вытянуто, как у Афуан. Она улыбнулась так, как никогда бы не позволила себе гордая принцесса Высокородных. И когда она улыбалась, маленькие морщинки-лучики появлялись на ее щеках. Волосы ее, наконец, распущенные, как у всех Высокородных, были с желтым оттенком, а не кристально-белые и уложены не прямо, а завивались и струились густыми волнами.

Улыбка внезапно исчезла и лицо потемнело от прилившей крови. Она просто покраснела, и Джим с изумлением наблюдал это на одной из Высокородных.

— Гляди на меня сколько хочешь! — страстно сказала она. — Мне нечего стыдиться!

— Стыдиться? — спросил Джим. — Чего?

— То есть как... — Внезапно она замолчала. Краска отхлынула от ее щек, и она посмотрела на него с раскаянием.

— Извини. Ну конечно, ведь ты — Дикий Волк. Ты даже не заметил разницы, верно?

— Очевидно, нет, — сказал Джим. — Но только потому, что я не понимаю, о чем ты говоришь!

Она засмеялась, слегка печально, как ему показалось, и неожиданно потрепала его по руке, легко, почти незаметно.

— Скоро ты узнаешь, — сказала она. — Даже если ты и Дикий Волк. Видишь ли, я регрессивна. Какой-то из моих генов сохранил память о прошлом нашей расы... О, мой отец и мать были такими же Высокородными, как и все, не считая королевской линии, и Афуан никогда не выгонит меня из своего окружения. Но, с другой стороны, она почти не обращает на меня внимания. Вот и возмусь я для нее со всякими приемами... Сейчас я привела на корабль тебя...

Она взглянула на чемоданы.

— Здесь твоя одежда и снаряжение? — спросила она. — Я перенесу их.

В ту же секунду вещи Джима исчезли.

— Секундочку, — сказал Джим.

Она взглянула на него несколько изумленно.

— И ты не хочешь, чтобы их сейчас убрали?

И чемоданы уже стояли у его ног.

— Да нет, — ответил Джим, — просто мне надо захватить с собой кое-что еще. Я сказал принцессе Афуан, что мне понадобятся быки — животные, с которыми я даю представления. В городе шесть быков. Она сказала, что я смогу их взять, и велела передать тому, кто примет меня на корабль, что она дала разрешение.

— О, — сказала девушка задумчиво. — Нет, не надо мне рассказывать. Просто представь себе это место, где они находятся.

Джим вспомнил место — стойла, которые находились позади здания Земной Торговой Делегации. Он почувствовал себя немного странно — как будто его оголенного мозга коснулось легкое перышко. И тут же он вместе с девушкой оказался перед шестью большими клетками, в каждой из которых покоилось замороженное тело быка.

— Да, — задумчиво сказала девушка и... они перенеслись.

Они стояли в гигантском помещении с металлическими стенами, у которых на одинаковом расстоянии стояли клетки, а в них замороженные быки. Джим нахмурился. Температура на складе была довольно высокой — градусов двадцать.

— Эти животные заморожены, — сказал он, — и они должны оставаться...

— О, не беспокойся об этом, — прервала она его и улыбнулась, отчасти весело, отчасти извиняясь за то, что она его прервала. — Ровным счетом ничего не изменится. Я оставила задание механизмам корабля.

И она улыбнулась еще раз.

— Подойди, — сказала девушка, — протяни руку и убедись.

Джим подошел к ближайшей клетке. Никакого изменения температуры не было заметно, но, прикоснувшись к ней, он неожиданно почувствовал, как его пронзил холод... Холод не мог исходить из клеток — они были великолепно изолированы. Джим отдернул руку.

— Понятно, — сказал он. — Хорошо. Я не буду беспокоиться о животных.

— Отлично.

В ту же секунду они переместились куда-то еще... Не в полукруглую комнату, а в другую, светлую, просторную, одна стена которой казалась сделанной из стекла, а за этой стеной был виден пляж... и прилив.... и океан, расстилавшийся до горизонта. Но океан на борту звездолета не очень удивил Джима. Вещи, которые находились в этой комнате со стеклянной стеной, удивили его больше!

Здесь находились создания природы сотен миров — от маленькой рыженькой белочки до странного, высокого, покрытого мехом зверя, явно более высокоразвитого, чем обезьяна, но еще не человека.

— Это остальные мои приемыши, — услышал он голос девушки и взглянул в ее улыбающееся лицо.

— То есть, конечно, они принадлежат Афуан, я за ними только ухаживаю. Вот, — она приласкала маленькую белочку, которая изогнулась под ее рукой, как ангорская кошка. Животные не были ни к чему привязаны, их ничто, казалось, не удерживало, но тем не менее они держались друг от друга на расстоянии.

— Вот это, — повторила девушка, — ифин.

Внезапно она замолчала и остановилась.

— Извини, Дикий Волк, — сказала она. — У тебя ведь есть имя? Как тебя зовут?

— Джеймс Кейл, — ответил он, — зови меня Джим.

— Джим, — повторила она, склонив голову и стараясь правильно выговаривать его имя. На языке Империи звук «м» звучал долго, и краткая форма от имени «Джеймс» получалась у нее более мелодичной и музыкальной, чем английская.

— А как твое имя? — спросил Джим.

Она вздрогнула и посмотрела на него с огромным удивлением.

— Но ты должен звать меня Высокородной, — немного враждебно сказала она. Но в следующее мгновение поборол себя. Ее природная доброта взяла верх.

— У меня, конечно, есть имя. И даже не одно, а много, много имен. Но, как правило, у нас есть одно общепринятое имя. Меня обычно зовут Ро.

— Благодарю тебя, Высокородная, — сказал Джим.

— О, ты можешь называть меня Ро... — она вдруг замолчала, как будто испугавшись своих слов. — По крайней мере, когда мы одни. Ведь ты же человек, Джим, хотя и... Дикий Волк.

— Это тоже придется объяснить мне, Ро, — сказал Джим. — Почему меня Высокородные называют Диким Волком?

Она изумленно посмотрела на него.

— Но ведь ты... Ну, конечно же, ты — единственный человек, который этого не понимает!

Она еще раз покраснела, и Джим удивился. Такая реакция у взрослой женщины?..

— Это... не очень привлекательное имя. Оно звучит... значит, что ты — человек, но затерянный когда-то в лесах и воспитанный зверями и... это значит, что он не имеет никакого представления о настоящем человеке.

И она еще раз покраснела.

— Извини, — сказала она, глядя в пол. — Мне не надо было тебя называть так, но я не подумала. Я буду всегда звать тебя Джимом.

Джим улыбнулся.

— Это не имеет значения, — сказал он.

— Нет, имеет, — зло сказала она, быстро поднимая голову и в упор смотря на него. — Я знаю, что такое оскорбления, и не позволю называть моих... приемышей Афуан всякими кличками!

— Ну что ж, благодарю тебя, — нежно сказал Джим.

Она ласково потрепала его по руке.

— Пойдем посмотрим на моих приемышей...

Джим пошел за ней. Все животные, казалось, были совершенно свободны, но не могли подойти друг к другу ближе чем на 5—6 футов. Их окружал невидимый барьер. Разумных существ не было. Любопытно, что все животные напоминали земных, как современных, так и вымерших миллионы лет назад. Это было интересно. Это, казалось, подтверждало теорию, что люди Империи и люди Земли одной крови, что когда-то люди Земли затерялись в дали веков и были снова найдены Тронным Миром на окраине Галактики. Но возможно, что планеты, населенные разумными существами, просто развивались параллельно. Да, могло быть и так...

Джим заметил нечто необычное в самой Ро. Почти все животные радовались, когда она заговаривала с ними или ласкала их. Она без колебания подходила к громадным хищникам. Правда, некоторые животные не обращали на ласки никакого внимания, но и не трогали Ро. Гибкое животное ростом с ягуара и чем-то его напоминающее — могучая бестия с массивной, похожей

на лошадиную головой — позволяло себя гладить, зевало и упорно не отвечало на заботу Ро. Обезьяноподобное существо, покрытое густыми черными волосами, наоборот, печально ластилось к ее руке и заглядывало в глаза Высокородной.

Когда они отошли от обезьяны, Ро повернулась к Джиму.

— Ты их всех увидел, — сказала она. — Может быть, ты иногда будешь мне помогать за ними ухаживать. Они требуют внимания. Афуан иногда месяцами не вспоминает о них. Но с тобой этого не случится... — Она внезапно прервала свою речь. — Ты понимаешь? Ты даешь представление на Тронном Мире для Императора, когда мы вернемся. И, как я уже сказала, ты не животное!

— Благодарю, — нехотя процедил Джим.

Она удивленно посмотрела на него и рассмеялась. Потрепав его по руке привычным жестом, она сказала:

— Сейчас ты увидишь свою комнату.

И они уже были в комнате, где до сих пор не были. Здесь была стеклянная стена, как в зоопарке, и за ней бушевал океан — волны бились о берега в 30 футах от Джима и Ро. Иллюзия это или реальность?

— Здесь ты будешь жить, — сказала Ро.

Джим огляделся. Дверей не было.

— Может, ты расскажешь бедному Джиму, — сказал тот, — как ему перебраться из этой комнаты в следующую?

— В следующую? — переспросила она, и внезапно Джим понял, что она восприняла его слова буквально.

— Прости, — сказал он. — Я хотел сказать, из этой комнаты в любую другую. Ну, если уж на то пошло, что находится за стеной? — Он указал на непрозрачную стену напротив стеклянной.

Она уставилась на стену, нахмурившись, и покачала головой.

— Но... я не знаю, — сказала она. — Какая разница? Ты можешь пойти, куда хочешь. И... знать, как расположены комнаты, незачем!

Джим запомнил это.

— Но мне надо знать, как перемещаться из комнаты в комнату.

— О, — сказала она. — Прости. Конечно же, ты не знаешь. Корабль делает все — тебе только надо наладить с ним контакт — и он исполнит любое твое приказание. — Она вдруг улыбнулась. — Хочешь посмотреть как выглядит корабль? — спросила она. — Я покажу тебе. А пока отдохни, освойся, разгрузи чемоданы. Когда мне вернуться?

Джим назвал ей время в единицах Империи — примерно пятнадцать земных минут.

— Хорошо, — сказала Ро, улыбаясь. — Я приду.

И она исчезла.

Оставшись один, Джим осмотрел комнату. Везде лежали ковры и подушки всех размеров, как в комнате, где он впервые встретился с Ро. В углу стоял массивный куб четырех футов толщиной и восьми длиной. Джим решил, что это кровать. Вначале он никак не мог понять, где находится ванная, ничего похожего в комнате не было. Но как только он представил ее себе, как секция стены послушно отъехала в сторону, открыв туалет и плавательный бассейн. Там были и другие приспособления, но Джим не знал их назначения.

Он отвернулся, и стена ванной тут же закрылась.

Джим поднял чемоданы, поставил их на куб, напминающий кровать, и открыл. В тот же миг открылось небольшое помещение, которое можно было бы назвать стенным шкафом, если бы там были вешалки. Но их не было.

Он представил себе, что все вещи висят в шкафу, — Джим уже чувствовал связь с кораблем. И все вещи внезапно очутились там. Висели они там, как он себе представлял, но только не на вешалках, а в воздухе, на чем-то невидимом.

Джим кивнул. Он был доволен. Он уже хотел закрыть шкаф, но передумал и взял с полки шотландский костюм с юбкой и кинжалом. Оделся. Повесил на пустующее место снятую одежду.

Шкаф закрылся, и Джим хотел отойти от него, когда в центре комнаты из небытия возник гость. Но это была не Ро. Это был мужчина—Высокородный, с белой, как оникс, кожей и семи футов росту.

— Вот ты где, Дикий Волк, — сказал Высокородный. — Пойдем, Мекон позвал тебя.

В тот же момент они переместились в комнату, которую Джим до сих пор не видел. Это был большой прямоугольный зал, и они стояли в центре. В дальнем конце зала на невысоком ложе из подушек лежало животное, похожее на кошку. Приемыш Ро?.. Когда они появились в центре комнаты, ягуар поднял голову и пристально взглянул на Джима.

— Подожди здесь, — сказал Высокородный. — Мекон присоединится к тебе через минуту.

Он исчез. И Джим остался наедине с огромной кошкой, которая лениво встала и медленно через всю комнату двинулась к нему.

Джим смотрел на ягуара. Раздался удивительно жалобный вскрик — звук настолько тонкий, что Джим никогда бы не поверил, что такой мощный зверь может издать подобный звук. Короткий хвост ягуара поднялся вертикально. Тяжелая

голова опустилась, и нижняя челюсть чуть не коснулась пола, пасть широко раскрылась, и обнажились огромные острые клыки.

Животное постепенно приближалось к Джиму. Мягко, почти неслышно мощные лапы ступали по упругому полу.

Вой не умолкал ни на минуту. С клыков стекала слюна. Визг становился все громче и громче, переходя в грозное пение.

Джим ждал.

Ягуар был уже совсем близко. В двенадцати ярдах от землянина он остановился и замер. Хвост бил по полу как метроном, а рев, вырывающийся из глотки, заполнил всю комнату. Казалось, ягуар стоял очень долго. Джим ждал. Вдруг вой резко прервался и гигантская кошка взвилась в воздух, прямо к горлу Джима.

3.

Зверь мелькнул у его лица... и исчез. Джим и не пошевелился. На мгновение он остался один в прямоугольной комнате, но через секунду рядом с ним стояли трое Высокородных. У одного из них на тунике был вышит дракон.

Второй был коротышкой по стандартам Высокородных — едва ли на три дюйма выше Джима. Третий мужчина был выше своих товарищей — гибкий, с благородной осанкой. Он смотрел на Джима и сочувственно улыбался.

— Говорю я тебе, что они храбры, эти Дикие Волки, — сказал самый высокий мужчина коротышке. — Твой трюк не сработал, Мекон.

— Храбрость! — зло сказал человек, которого называли Мекон. — Слишком уж это было гладко, чтобы быть правдой. Он даже не повернулся, можно подумать, что его...

Мекон осекся и торопливо взглянул на Оловиеля.

— Продолжай, продолжай, Мекон, — процедил Высокородный. В его тоне чувствовалась угроза.

— Ты собирался что-то сказать. Может быть... предупредили?

— Подождите. Мекон ведь не хотел сказать ничего плохого, — вмешался Трахи, вставая между Мекон и Оловиелем.

— Я бы хотел услышать это от него, — прошептал Оловиель.

— Я... ну конечно, я вовсе не это имел в виду, я даже не помню, что я собирался сказать, — прошептал Мекон.

— Значит, — сказал Оловиель, — я выиграл? И один Пункт Жизни в мою пользу?

— Один... — Признание буквально застряло у Мекона в горле. Лицо его потемнело. Он задышался от ярости.

— Один Пункт Жизни в твою пользу...

Оловиель рассмеялся.

— Не надо переживать, друг, — сказал он. — У тебя есть шанс отыграться. Предложи что-нибудь благородное для спора.

Мекон опять покраснел.

— Ну хорошо, — резко сказал он. — Я проиграл тебе Пункт. Но мне все-таки хотелось бы знать, почему Дикий Волк не шевельнулся, когда зверь бросился на него. Здесь что-то неестественное.

— Почему бы тебе не спросить его самого? — сказал Оловиель.

— Я его и спрашиваю! — заорал Мекон. — Говори, Дикий Волк! Почему ты не испугался?

— Принцесса Афуан взяла меня на Тронный Мир, чтобы показать Императору, — спокойно ответил Джим. — Сомневаюсь, что меня стоило показывать разорванным на мелкие кусочки. Следовательно, кто бы ни был ответственен за эту приятную кошечку, он должен был позаботиться о том, чтобы я не пострадал.

Оловиель довольно расхохотался. Но Мекон рассвирипел.

— Вот как! — воскликнул он. — Ты думаешь, что до тебя и дотронуться нельзя, Дикий Волк? Сейчас!..

Внезапно между разъяренным Высокородным и Джимом появилась Ро.

— Что вы с ним делаете? — воскликнула она. — Ему велено находиться со мной! Он вовсе не для того, чтобы остальные играли с ним и...

— Еще и ты, грязнолицая! — взревел Мекон. Рука его потянулась к маленькой черной палочке, которая висела у него на поясе между двумя плетями. — Где моя трубка?

Он схватился за палочку. Ро тоже перехватила ее, и через мгновение трубка была выдернута из-за пояса, но Ро не давала Мекону прицелиться.

— Пусти, ты, маленькая...

Мекон поднял руку, и сжав пальцы в кулак, хотел ударить Ро, но Джим внезапно сделал шаг вперед. Высокородный взвыл, опустил трубку и схватился за правую руку. Начиная от предплечья и примерно до локтя на его руке появилась тонкая красная полоска, а кинжал Джима был уже в ножнах. И в комнате наступила мертвая тишина. Трахи, великолепно владеющий собой Оловиель и даже Ро стояли и смотрели на кровь, струившуюся по руке Мекона. Если бы стены корабля рухнули, они бы, наверное, меньше удивились.

— Он... Дикий Волк поранил меня, — прошептал Мекон, изумленно глядя на кровоточащую руку. — Вы видели, что он сделал? — Мекон пристально посмотрел на Трахи и Оловиеля.

— ВЫ ВИДЕЛИ, ЧТО ОН СДЕЛАЛ? — заорал Мекон. — Давай мне трубку! Перестаньте стоять! Дайте мне трубку! — Трахи сделал едва заметное движение, как будто хотел приблизиться к Ро, у которой была трубка Мекона, но Оловиель удержал его.

— Нет-нет, — прошептал он. — Наша маленькая игра перестала быть игрой. Если ему нужна трубка, пусть берет ее сам!

Трахи остановился. Внезапно исчезла Ро.

— Проклятье! — крикнул Мекон. — Я припомню тебе все, Трахи! Я сказал — дай мне трубку! — Трахи медленно покачал головой. Он побледнел.

— Трубку — нет... Нет, Мекон! — сказал Высокородный. — Оловиель прав. Ты должен сделать это сам!

— Я убью его! — Мекон исчез.

— Я хочу тебе сказать — ты храбрый человек, Дикий Волк, — сказал Оловиель. — Разреши мне дать тебе совет. Если Мекон предложит тебе трубку, не бери ее.

Трахи хотел что-то сказать, но Оловиель пристально посмотрел на него.

— Ты хотел возразить против того, что я советую Дикому Волку? — спросил он. Трахи отрицательно покачал головой, и неприязненно посмотрел на Джима.

Внезапно появился Мекон, рука его все еще кровоточила. Он держал две черные трубки. Одну из них он протянул Джиму.

— Бери, Дикий Волк! — приказал он.

Джим отказался. В его руке сверкнул миниатюрный кинжал.

— Благодарю! — извинился он, — я обойдусь собственным оружием.

Лицо Мекона посветлело от радости.

— Очень хорошо, — сказал он и бросил трубку, которую предлагал Джиму, через всю комнату. — Для меня это не имеет значения.

— Но это имеет значение для меня!

Говорила женщина. Джим обернулся и быстро отступил так, чтобы видеть всех, кто был в комнате. В комнате стояли Ро и еще одна Высокородная, в которой Джим узнал принцессу Афуан. За женщинами возвышался мужчина, который был, наверное, выше Оловиеля на дюйм или два.

— Ну? — спросила Афуан. — Разве все изменилось так, что ты решил уничтожать моих питомцев без ведома своей принцессы, Мекон? — Тот застыл на месте. Казалось, его

парализовали слова принцессы. Ярость и изумление исказили его лицо.

Необычайно высокий мужчина ухмыльнулся. Его улыбка напоминала ленивую улыбку Оловиеля, но в ней были могущество и жестокость.

— Боюсь, что ты оскорбил ее Величество, Мекон, — сказал он. — Это обойдется тебе дороже, чем потеря нескольких Пунктов Жизни. Людей ссылали в колониальные миры и за меньшее.

— Но, пожалуй, не в таком деле, как это, — сказал Оловиель. — Дикий Волк первым напал на Мекону, и, конечно, такой Высокородный, как Галиан, должен понять реакцию человека на подобный поступок.

Взгляды Оловиеля и Галиана скрестились. Они глядели друг на друга с некоторым изумлением.

Когда-нибудь, говорили эти взгляды, мы поборемся, но не сейчас.

Принцесса Афуан заметила ссору и немедленно перевела разговор на другую тему.

— Глупости, — сказала она, — это всего лишь Дикий Волк в конце концов. Ты выглядишь омерзительно, человек! — Последняя фраза была обращена к Мекону. — Залечись!

Мекон внезапно очнулся и поглядел на раненую руку. Джим увидел, как порез начал медленно затягиваться. ПОЛТОРЫ секунды — и рана исчезла, на белой коже не осталось даже шрама, только высохшая кровь напоминала о случившемся. Но Мекон провел здоровой рукой по красной полоске и кровь исчезла. Рука была чиста.

— Вот так-то лучше, — сказала Афуан. Она повернулась к Высокородному Галиану. — Займись этим делом. Пусть Мекон будет наказан.

Принцесса исчезла.

— Ты тоже можешь идти, девушка, — сказал Галиан, обращаясь к Ро. — Мне, к сожалению, не довелось видеть этого Дикого Волка на планете. После разговора с Меконом я хочу поговорить с ним.

Ро замаялась. Она чуть не плакала.

— Иди, — мягко, но уверенно сказал Галиан. — Я не причиню твоему Дикому Волку вреда. Он скоро вернется к тебе.

Через секунду Ро переместилась, но в последний момент бросила на Джима умоляющий взгляд, предостерегая его от неосторожных поступков.

— Пойдем со мной, Дикий Волк, — сказал Галиан и исчез. Через секунду он снова появился, понимающе улыбаясь.

— Ведь ты не знаешь, как передвигаться по кораблю, — сказал Высокородный. — Очень хорошо, Дикий Волк. Придется мне взять тебя с собой.

И Джим очутился в большой овальной комнате с низким потолком и желтыми стенами, которая была похожа на рабочий кабинет. За каменными плитами, висевшими в воздухе, сидели служащие, не Высокородные, и занимались какой-то работой. Это были коричневые гуманоиды — они напоминали хорошо загоревших белых людей. Они были не выше пяти с половиной футов. Но третий был гораздо выше и на сотню футов тяжелее, чем коричневые. Он был широк в плечах и силен. У маленьких людей были прямые белые волосы, почти как у Высокородных женщин, а высокий атлет был абсолютно лыс. Серая кожа туго обтягивала большой череп, который был так велик, что рот, нос и уши казались точками. Как только появился Галиан, человек вскочил.

— Нет-нет, все в порядке, Реас, — сказал Галиан, — можешь спокойно работать. — Атлет, не возразив ни слова, сел и принялся изучать какую-то карту.

— Реас, — сказал Галиан, махнув в его сторону рукой и глядя на Джима, — нечто вроде моего телохранителя. Хотя мне совершенно не нужен телохранитель, не более чем любому Высокородному. Это тебя удивляет?

— У меня слишком мало знаний, чтобы удивляться или не удивляться, — ответил Джим.

Галиан кивнул Джиму, как бы соглашаясь с ним.

— Ну, конечно, нет, — сказал он и присел на ближайшую подушку. — Покажи мне свое оружие. Оружие, ранившее Мекона.

Джим вытащил кинжал из ножен и протянул его рукояткой вперед. Галиан осторожно взял нож, ухватив его большим и указательным пальцами, поднес кинжал к глазам и нежно дотронулся до конца лезвия, а потом отдал его Джиму.

— Я думаю, что таким оружием можно убить обычного человека, — сказал он.

— Да, — подтвердил Джим.

— Очень интересно. — Он задумался на минуту. Потом устался на Джима.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что тебе нельзя ходить по кораблю и причинять вред Высокородным.

Джим промолчал. Галиан усмехнулся как обычно — немного безразлично, немного жестоко.

— Ты заслуживаешь внимания, Дикий Волк, — задумчиво произнес он. — Да... Но ты, кажется, не понимаешь, что существуешь как насекомое в ладони любого из Высокородных. Тому же Мекону достаточно было сжать ладонь в кулак, и ты бы умер. Он, кстати, и хотел это сделать, когда я и Афуан остановили его. Но я не из тех Высокородных, к которым принадлежит Мекон. Я не похож ни на одного Высокородного, кроме Императора. Мы братья, и это не

удивительно. А поэтому я не собираюсь сжимать руку в кулак, Дикий Волк. Я думаю поговорить с тобой как с Высокородным.

— Благодарю, — сказал Джим.

— Тебе не надо благодарить меня, Дикий Волк, — мягко сказал Галиан. — Тебе надо не благодарить меня. Когда я говорю, ты должен слушать — только и всего! Когда я спрошу, ты должен ответить! А сейчас начнем. Как ты попал в комнату, где были Трахи, Оловиель и Мекон?

Джим рассказал Высокородному все коротко и бесстрастно.

— Понятно, — сказал Галиан.

Он обхватил длинными руками колени и чуть откинулся на подушку, глядя Джиму прямо в глаза.

— Значит, ты полностью полагаешься на то, что принцесса решила показать тебя Императору и поэтому никто не осмелится причинить тебе вреда? Даже если так, Дикий Волк, ты проявил удивительное самообладание, ведь зверь прыгал тебе прямо в лицо.

Он замолчал, как будто предоставляя Джиму возможность что-нибудь сказать, но землянин не проронил ни слова. Галиан неодобрительно прошептал:

— Я разрешаю тебе говорить.

— Что я должен сказать? — спросил Джим.

— Да-а-а. Ты необычный Дикий Волк. Правда, я видел не так уж много Диких Волков, чтобы быть справедливым судьей в этом вопросе. Ты высок и крепок, почти как Высокородные. Скажи, остальной твой народ похож на тебя?

— В среднем нет, — сказал Джим.

— Значит, среди вас есть и более высокие мужчины?

— Да.

— Как Высокородные? — спросил Галиан. — Есть ли среди вас люди моего роста?

— Да.

— Но не много? — глаза Галиана сверкали. — Ведь их очень мало, не так ли? Это редкость?

— Это так, — ответил Джим.

— И, — продолжал Галиан, легко массируя свое колено, — чтобы быть абсолютно откровенным... Можно сказать, что они изгои?

— Приблизительно.

— Да, так я и знал. Видишь ли, Дикий Волк, мы, Высокородные, не изгои, не отщепенцы. Напротив, мы единственная аристократия Галактики. Мы превосходим остальные расы во всем — и физически, и эмоционально, и умственно. Это факт, который ты еще, вероятно, не понял, и естественно, жизнь предоставила тебе случай убедиться в этом, причем безболезненно. Но я заинтересовался тобой.

Высокородный повернулся к Реасу.

— Принеси мне несколько трубок.

Мускулистый телохранитель оторвался от своей карты, пересек комнату и вернулся. Он нес две черные трубки, точно такие же, как трубки Ро и Мекона. Еще одна трубка висела у Реаса на поясе.

— Спасибо, — сказал Галиан, забирая оружие и поворачиваясь к Джиму. — Я уже говорил тебе, что я не похож на остальных Высокородных. Я абсолютно свободен от всяких предрассудков по отношению к маленьким человеческим расам, но не потому, что я сентиментален, а потому, что я практичен. Ясно? А теперь я покажу тебе кое-что.

Он повернулся и сделал знак человеку с белыми волосами. Тот вскочил и подошел к Реасу. Галиан протянул ему черную трубку.

— Реас, как я уже говорил, не только специально подготовлен, он рожден быть телохранителем. А сейчас посмотри, как он управляется с трубкой по сравнению с соперником.

Реас и коричневый человек стояли друг против друга на расстоянии четырех футов.

— Я дважды хлопнул в ладоши, — сказал им Галиан. — Первый хлопок — сигнал для нападения, но Реас не дотрагивается до своей трубки, пока не услышит второй хлопок. Смотри, Дикий Волк.

Галиан поднял руки и два раза мягко хлопнул в ладони с интервалом примерно в полсекунды. После первого хлопка маленький человек выхватил трубку из-за пояса и уже направил ее узкий конец на Реаса, когда раздался второй хлопок и телохранитель неуловимым движением выхватил черную трубку.

В ту же секунду нечто среднее между дугой автогена и статического электричества вырвалось из оружия маленького человека. Пламя рвалось к груди Реаса, но не достигло цели. Трубка Реаса приняла нужное положение, и контрразряд встретил и обезвредил пламя так, что два разряда поднялись вверх...

— Очень хорошо, — сказал Галиан.

Огонь исчез. Два человека опустили оружие и повернулись к Высокородному. Галиан забрал у коричневого человека трубку и махнул ему рукой, приказывая вернуться на место и продолжать свою работу.

— А сейчас смотри внимательно, Дикий Волк, — сказал Галиан.

Он сунул черную трубку в петлю на поясе, и, как бы отвечая на невидимый сигнал, Реас сделал то же самое.

— А сейчас смотри, — мягко сказал Галиан. — Реасу разрешено стрелять в любое время, когда он захочет.

Телохранитель шагнул вперед и очутился на расстоянии вытянутой руки от Высокородного. Реас на мгновение застыл, чтобы потом бросить взгляд в противоположный угол комнаты, и его рука скользнула к поясу.

Короткий щелчок. Трубка Галиана касалась трубки Реаса, еще и наполовину не вытащенной из-за пояса. Высокородный довольно улыбнулся и отпустил Реаса. Потом он отдал ему оружие, и телохранитель отнес его в хранилище.

— Понял? Рефлексы любого Высокородного быстрее любого человека любой расы. Поэтому Мекон отправился за двумя трубками. Он хотел заставить тебя драться. У тебя не было шансов. Как я уже говорил, мы — единственная настоящая аристократия Галактики. Но я не только быстрее Реаса. Моя память лучше, мой ум изощреннее, мои чувства намного острее чувств любого из существующих людей... даже Высокородных. Несмотря на это, у меня служит больше низкорослых, чем у любого Высокородного. Они делают для меня очень много. Я заставляю их работать. Тебя не удивляет, зачем я делаю это, если все что угодно я могу сделать сам гораздо лучше?

— Я считаю, — сказал Джим, — по той простой причине, что ты не можешь находиться в двух местах одновременно.

Глаза Галиана сверкнули.

— Ты неплохо соображаешь, Дикий Волк, — сказал он. — Да, другие люди мне полезны, хотя они и ниже меня. И я подумал, что ты и твое маленькое оружие, ранившее Мекона, может быть, когда-нибудь мне пригодится. Ты удивлен?

— Нет, — мягко ответил Джим. — Вы потратили на меня очень много времени.

Галиан откинулся на пуховую подушку, опять обхватив колено.

— Лучше и лучше, — прошептал он. — У этого Дикого Волка есть мозг — сырое серое вещество, не больше. Но тем не менее мозг! Я не ошибся. Да, возможно, ты понадобишься мне, Дикий Волк, — и знаешь, почему ты согласишься?

— Ты как-нибудь отблаговаришь меня? — сказал Джим.

— Точно, — прошептал Галиан. — Мы, Высокородные, не любим говорить, сколько лет мы прожили. Я просто скажу тебе, что я даю им желанное как награду или как законный заработок.

Он замолчал. Джим спокойно ждал.

— Ну что ж, Дикий Волк, — сказал Галиан через минуту, — скажи, чего ты хочешь больше всего? Если бы ты не был Диким, я бы уже знал, чего ты желаешь. Но я плохо знаю Диких Волков. Что они ценят, как свою жизнь?

— Свободу.

Галиан усмехнулся.

— Ну, конечно, все дикие звери хотят или думают, что хотят, свободы. В твоём представлении свобода — это право уходить и приходить куда хочешь и когда хочешь. Ведь так?

— Это основа.

— В особенности уходить... — прошептал Галиан. — Несомненно, ты никогда не задумывался над этим, Дикий Волк, но факт остается фактом. Если мы тебя взяли на Тронный Мир, ты уже не вернешься на родину. Понимаешь? Ты уже не вернешься!

Джим уставился на него.

— Черт возьми! Я думал, что вернусь домой.

— У тебя нет выхода, — сказал Галиан, — но если ты будешь мне полезен, я смогу вернуть тебя на родину.

Галиан вскочил.

— Сейчас ты вернешься к Ро, — сказал он. — Пусть та мысль, которую я так старательно вложил в твой мозг, останется с тобой. Твоя последняя надежда на возвращение — я, Высокородный Галиан.

... И Джим оказался в комнате, где размещались питомцы принцессы.

Ро сидела в углу и плакала над телом гигантской кошки. Вторая кошка жалобно выла. Тело ягуара раскроила почти надвое молния.

4.

Джим направился к девушке. Она не подозревала о его присутствии, пока он не подошел и не обнял ее. Она испуганно вздрогнула, обернулась и, увидев землянина, прильнула к нему.

— С тобой все в порядке? Хотя с тобой все в порядке... — прошептала она сквозь слезы.

— Откуда? — спросил Джим, указывая на мертвую кошку.

Ро горько заплакала, потом она рассказала ему все, что произошло. Этот ягуар — подарок Афуан Мекону. Мекон научил его нападать по приказу...

— Но когда я видел эту кошку в последний раз, она была жива, — сказал Джим. — Как и почему ее убили?

— Разве ты не слышал? — спросила девушка. — Афуан велела наказать Мекона. Галиан решил, что наказанием будет...

Она всхлипнула и указала на животное.

— Страшное наказание, — сказал Джим.

— Страшное? — удивилась Ро. — Ведь от Галиана ничего другого и нельзя было ожидать! Он — дьявол! Кто-нибудь другой, если бы ему приказала принцесса, наказал бы Мекона лишением определенных ценных услуг. Но Галиан выбрал вместо этого несчастное животное. Потеряв подарок принцессы, Мекон теряет один Пункт. О, не Пункт Жизни! Галиан слишком умен, чтобы так сурово обойтись с таким человеком, как Мекон. Этот потеряет годовой Пункт. Но Мекон утратил уже многое... Он встревожен... Его могут изгнать...

— Изгнать?

— Конечно. Изгнание с Тронного Мира... — Внезапно она замолчала и вытерла мокрые от слез глаза, потом медленно встала и посмотрела на мертвую кошку. В то же мгновение тело ягуара исчезло. — Я все забываю, что ты ничего не понимаешь, — сказала она Джиму. — Я еще многому научу тебя. Все Высокородные играют в Пункты. Эту игру не может запретить даже сам Император. Когда Высокородный теряет определенное число Пунктов, он покидает Тронный Мир навсегда. Подробности я тебе объясню позже. А пока я научу тебя перемещаться из комнаты в комнату. — Но слова Ро напомнили Джиму кое-что.

— Подожди минуточку, — сказал он. — Скажи мне, Ро, если бы я сейчас отправился в город по одному важному поручению, я смог бы выйти?

— Ну! — Ро печально покачала головой. — Я думала, ты знаешь. Наш корабль давно покинул колониальный мир. На Тронном Мире мы будем через три дня по корабельному времени.

— Понятно, — угрюмо сказал Джим.

Вдруг Ро побледнела и схватила его за руки.

— Не смотри так! Что бы ни случилось — никогда не смотри так!

Джим с трудом подавил ярость, внезапно загоровшуюся в нем.

— Хорошо, — проговорил он. — Обещаю, ты меня больше таким не увидишь.

Ро все еще держала его руки.

— Ты странный, — сказала она. — Почему ты так посмотрел?

— Галиан просто кое-что сказал мне, — ответил Джим. — Он сказал, что я никогда не вернусь домой.

— Но... но ведь ты не собираешься обратно. — Ро искренне удивилась. — Ты не видел Тронного Мира. Еще ни один человек не захотел добровольно уйти оттуда. Там могут жить только Высокородные, не потерявшие

много Пунктов в Игре, и слуги. Даже управляющие Колониальными Играми не могут там жить и если прибывают туда, то ненадолго...

— Понятно...

Она нахмурилась. Сила его рук чувствовалась даже сквозь тонкую ткань рукавов.

— Ты почти такой же мускулистый, как Старкиен, — удивленно сказала она. — И ты слишком высок для Низкорослого. Все люди твоего мира похожи на тебя?

Джим горько рассмеялся.

— В десять лет я был таким же, — сказал он. Ро удивилась, и он добавил: — Это детский возраст, примерно половина до начала юности.

— И тогда ты перестал расти? — спросила девушка.

— Наши врачи провели на мне кучу опытов, — зло сказал Джим, — мой рост остановили, потому что я был слишком велик для десяти лет. Они не нашли никаких отклонений от нормы, но все же решили дать мне питуктарный экстракт гланд, и мой рост был остановлен... Я перестал расти! А в остальном я развивался как нормальный ребенок. Да это все не важно! — Джим резко оборвал разговор. — Ты хотела показать мне, как перемещаться из комнаты в комнату.

— Это... и еще кое-что!

Она вскочила и в эту минуту, как показалось Джиму, стала выше и в глазах ее появился холодный оттенок.

— Они могут уничтожить моих животных, но тебе они не причинят вреда. Когда я обучу тебя, ты будешь знать достаточно... Ты выживешь! Может, моя кожа и темновата, но я такая же Высокородная, как и они! Даже Император не может изгнать меня с Тронного Мира без причины! Все, чем владеют Высокородные, — мое по праву! Пойдем, я покажу тебе, что значит быть гражданином Тронного Мира!

Сначала Ро провела его в секцию корабля, в которой Джим еще не был. Огромный зал, высокий и просторный. Металлические стены, на одной из них играли лучи, переливаясь всеми цветами радуги. В зале находился только один маленький коричневый человек. Как потом узнал Джим, он управлял кораблем, вернее, он лишь стоял и наблюдал за работой механизмов, устраняя малейшие неполадки.

Корабль, по существу, саморегулировался. Он снабжал людей мощностью, необходимой для перемещения, исполнял любое желание. Как послушный пес, он подчинялся любому капризу принцессы и, хотя и в меньшей степени, готов был исполнять приказание других людей.

— Сейчас, — приказала Ро Джиму, — просто стой здесь и расслабься. Между кораблем и тобой наладится контакт.

— Он со мной? — переспросил Джим. Он решил, что она говорит о телепатии, и попытался сказать ей это, но не нашел подобного значения в языке Империи. Ро, однако, поняла его, и удивляя Джима, стала подробно объяснять ему принципы действия корабля. Корабль изучал электрическую активность каждого мозга и основывался на этом при исполнении желаний человека. Мысли, которые вызывают достаточно яркие образы, говорила Ро, возбуждают моторную субъективность тела или, проще, физически отвечают им на определенном уровне воображения, как будто мысль человека исполнилась. Корабль сопоставляет желание человека с образом и перемещает его в место, которое возникает в его воображении.

Процесс, с помощью которого корабль преодолевал световые годы за несколько дней, требовал много энергии. Корабль как бы перемещался в пространстве, подобно перемещению человека в корабле. Был предел расстояний, но количество перемещений было неограниченно и парсеки не имели никакого значения.

— Корабль не движется, он изменяет свои координаты, — объяснила Ро... и она перешла к узкотехническим подробностям, и Джим опять ничего не понял.

После нескольких попыток разобраться в перемещениях у Джима возникло странное чувство — как будто легкое перышко гладит его обнаженный мозг. Сначала он переместился из одного угла в другой, потом он почувствовал уверенность в своих силах и спокойно миновал комнаты, в которых уже побывал.

Ро пригласила землянина к себе и принялась обучать его социологии Тронного Мира. Джим был способным учеником, и это удивило Высокородную.

Джима поразило, что Ро, правда, как и все Высокородные, обладает обширными знаниями. Никогда в жизни ей не приходилось стоять за приборной доской и следить за неполадками. Но в случае необходимости она могла бы сама построить межзвездный корабль, имея нужные орудия и материалы.

Ро, в свою очередь, долго не верила в способности Джима.

— Ты уверен, что все запомнил? — спросила она. — Только Высокородные могут запоминать все с первого раза.

Джим в ответ цитировал несколько параграфов, слово в слово. Опровергнутая, но не убежденная, она продолжала свои объяснения, рассказывая все больше и больше. И Джим запоминал все о Тронном Мире, обществе Высокородных и Империи.

Постепенно перед ним предстала яркая картина жизни Империи, как иногда при решении кроссворда несколько неизвестных слов дают возможность отгадать другие неизвестные.

Высокородные не были прямыми потомками людей, которые когда-то жили на Тронном Мире, создавали и управляли Империей. Те, кто сейчас властвовал над Галактикой, добились этого, будучи скорее слабыми, чем сильными.

Правда, в самом начале Тронный Мир пытался контролировать захваченные и колонизированные планеты. Но этот замысел вскоре провалился, отчасти из-за того, что прошло много времени, отчасти из-за развития космических путешествий.

Новые миры стали независимыми, и экспансия человека продолжалась до тех пор, пока не были достигнуты границы Галактики. Тронный Мир был почти забыт, и о нем иногда вспоминали только как о колыбели человечества.

Но вскоре колониальные миры поняли, что нужно централизованное управление общей организацией. Нужна была планета с номинальной властью, где концентрировались бы достижения науки и искусства. Тронный Мир вновь приобрел огромное значение и стал Вселенской библиотекой и информационным центром. Все это — хотя тогда никто ни о чем не догадывался — дало начало новой династии Высокородных.

Тронный Мир неизбежно отбирал у колониальных миров лучшие умы науки и искусства. Здесь сосредотачивалась интеллектуальная элита человеческой Вселенной. Здесь было наиболее выгодно жить людям творческого труда. Через тысячи лет, а это в масштабах Вселенной небольшой срок, иммиграция достигла такой высоты, что ее пришлось регулировать... Тем временем Тронный Мир, будучи источником самых последних научных и технических достижений, стал неизмеримо богаче и могущественнее прочих колониальных миров.

И вот за последние десять лет, когда Империя еще расширила свои границы, элита Тронного Мира превратилась в Высокородных. Специальный контроль рождаемости придал им физические признаки аристократизма — белая как оникс кожа, лимонно-желтые глаза, белые волосы, брови и ресницы — это все, как узнал Джим, было специально генетически подобрано, чтобы жители колониальных миров чувствовали превосходство Высокородных.

Люди Тронного Мира еще искали гениев среди низших рас, но отбор был чрезвычайно строг и сами отобранные не входили в элиту, а могли только надеяться, что в результате генетического отбора их дети станут белокожими, высокими и великими господами Империи.

— Видишь ли, — сказала Ро Джиму, когда корабль подошел к границе системы Тронного Мира, — всегда есть шанс даже для такого Дикого Волка, как ты. О,

они, конечно, попытаются разорвать тебя на мелкие кусочки, все эти Высокородные, стоит им только заподозрить, что ты можешь присоединиться к ним. Но если ты образован и готов ко всему, они не смогут ничего сделать. Мы еще посмотрим, кто кого!

В ее глазах сверкнула искра торжества. Джим улыбнулся ей и переменял тему, спросив, когда остановят корабль. Ро помрачнела.

— Не знаю. Афуан ничего мне не сказала. Но я знаю, что она покажет тебя Императору как можно скорее.

После такого многообещающего разговора Джим готов был ко всему. Примерно через час после беседы с Ро корабль приземлился. Вскоре стены его комнаты исчезли, и он увидел арену. Чемоданы лежали у его ног, а перед ним стояла вся квадрилья — бандерильерос, пикерос, лошади — точная копия квадрильи, с которой он работал на Альфа Центавра. Правда, люди были в костюмах и в отличие от землян все маленького роста и с коричневой кожей.

— Эти звери — искусственные. — Он обернулся и увидел Афуан. — Ты будешь с ними тренироваться. Искусственные звери и искусственные люди должны повторить представление, которое ты дал на Альфа Центавра. Работай с ними, пока они не усвоят, что надо делать.

Принцесса исчезла. Вероятно, она решила, что сказала достаточно. Джим огляделся. Арена была точной копией арены, на которой он уложил быков перед Афуан.

Амфитеатры, которые там были сделаны из коричневого, похожего на бетон материала, здесь блистали кристально белым мрамором. Все было белым, даже песок на арене выглядел как снег.

Джим наклонился, открыл чемодан и вытащил оттуда плащ и мулету, шпагу. Он не стал облачаться в боевой костюм. Потом он отнес чемоданы за барьер. Внезапно, как бы из воздуха, полилась музыка, и, двигаясь ей в такт, Джим пошел перед квадрильей, ведя ее до секции мест, обитых красным бархатом.

С точки зрения Джима это было почти невероятно — длинноволосые маленькие человечки не только двигались с профессиональной точностью, но и точно повторяли движения землян на Альфа Центавра. Были скопированы даже бесполезные детали. Очевидно, все запомнила Афуан или кто-то из ее окружения, и ими была создана программа, контролирующая людей в бою с быками.

Там, где человек прислонился к барьеру, чтобы отдохнуть, его дубликат повторял это движение с точностью до дюйма. Но когда Джим вышел на работу с плащом, он удивился еще больше. Высокородные предоставили ему быка, запрограммированного как квадрилья, но они еще

не знали, что программа получилась двойной. Первый бык был запрограммирован биологической наукой Земли на точно такие же движения. Джим усмехнулся.

Когда шпага вонзилась в спину быка, тот послушно рухнул, как и его собрат на Альфа Центавра. Джим посмотрел на своих помощников, думая, все это или не все и не пора ли остановиться, но они, казалось, совершенно не устали.

Во время второй схватки Джим не столько работал с быком, сколько наблюдал за действиями квадрильи. Маленькие человечки двигались легко и уверенно. Но их жесты были несколько скованны. Их мускулы еще не привыкли к такой нагрузке. Но программу они старались выполнять добросовестно и хорошо.

Джим отрепетировал все представление еще два раза, прежде чем закончить тренировку. И хотя он давно уже отработал все до автоматизма, Джим сильно устал. Тем не менее следующие четыре дня он без устали повторял все снова и снова до тех пор, пока его помощники окончательно не усвоили все, что требовалось. У них появился опыт.

Во время тренировки он догадывался, что может управлять быком, представляя его действия, совсем как научила его Ро на корабле. Где-то на Тронном Мире был источник энергии, выполняющий все его приказания.

На шестой день он продемонстрировал своей квадрилье совершенно новый вариант боя. Все заключалось в том, что каждый из шести привезенных быков был запрограммирован по-своему, на всякий случай. Вдруг кто-то заподозрит, что они вообще запрограммированы. Джим знал все эти схемы и заставил своих помощников работать по программе быка в последней клетке, надеясь, правда, что ему не придется с ним сражаться.

В его распоряжение было предоставлено несколько комнат в бесконечном одноэтажном здании. Эти комнаты имели двери и коридоры, и Джим мог ходить, куда вздумается. Но хотя он осмотрел несколько комнат, двор и сады, он не встретил ни одного Высокородного. Здесь жили только слуги — мужчины и женщины.

Ро к нему не приходила. Несколько раз его навещала Афуан, коротко спрашивала, как идут тренировки, и вновь исчезала. Она не торопила его, но когда Джим сообщил, что все готово, принцесса явно обрадовалась.

— Великолепно, — воскликнула она, — ты выступишь перед Императором... на днях! — Афуан переместилась, но на следующее утро она вернулась и объявила, что бой начнется на арене через... несколько имперских единиц времени, в переводе на земные — через сорок минут.

— Я не смогу так быстро оживить быка! — возразил Джим.

— Об этом уже позаботились, — успокоила его Афуан и исчезла.

Джим стал торопливо натягивать боевой костюм. Теоретически ему требовался ассистент, но сейчас он не мог выбирать. Ему удалось наполовину одеться, когда комизм создавшегося положения заставил его рассмеяться.

— Почему тебя нет рядом, когда ты мне так нужна, Ро? — добродушно спросил он у белых стен комнаты.

И немедленно, как джинн из сказки, перед ним возникла Ро. Джим удивился.

— Что мне делать? — спросила девушка.

Джим рассмеялся.

— Только не говори мне, что ты услышала.

— А как же иначе? — удивленно спросила она. — Я велела, чтобы мне дали знать, когда ты меня позовешь, но ты ни разу...

Он опять рассмеялся.

— Я бы позвал, если б знал.

Ро покраснела.

— О, я хотела помочь тебе, — сказала она. — Но тебе, вероятно, не нужна моя помощь.

— Боюсь, что просить помощь не в моих привычках.

— Хорошо-хорошо, но сейчас это не имеет значения, — энергично сказала она. — Чем я могу помочь тебе?

— Одеться...

Неожиданно она хихикнула, и Джим удивленно посмотрел на нее.

— Нет-нет, все в порядке, — произнесла Ро, — просто это работа слуг, людей низших рас. По-другому не бывает.

Она подняла его шляпу.

— Это куда?

— Никуда пока что. Это в последнюю очередь. — Она послушно отложила шляпу и стала помогать ему. Когда Джим оделся, она с интересом взглянула на него.

— Ты выглядишь странно, но красиво, — сказала она.

— Разве ты не видела меня на Альфа Центавра?

Она покачала головой.

— Я была занята и к тому же не думала, что это будет даже занятно.

Ро удивленно посмотрела на Джима, когда он взял плащ и шляпу.

— Это зачем?

— Небольшие куски материи должны привлекать быка. Шпагой его убивают, — он немного вытащил ее из ножен и показал девушке обнаженный клинок, — в самом конце.

Ро побледнела и отступила назад. Глаза ее расширились.

— В чем дело? — спросил Джим.

Она попыталась что-то сказать, вскрикнула и нахмурилась.

— В чем дело? Что случилось? — потребовал ответа Джим.

— Ты мне не говорил... — она наконец справилась с волнением и заговорила, — что ты собираешься убить его!

Она всхлипнула, отвернулась и исчезла. Джим уставился на то место, где только что стояла Ро. Неожиданно раздался женский голос.

— Да!

Это была принцесса Афуан, и он, резко обернувшись, очутился с ней лицом к лицу.

— Оказывается, даже такие Дикие Волки, как ты, совершают ошибки. Я думала, что ты понимаешь: слабое место Ро — это животные.

Он холодно взглянул на нее.

— Ты права, — быстро сказал Джим, — мне не следовало забывать о том...

— Разве что... — сказала она, минуту помолчала, ее лимонно-желтые глаза встретились с его глазами, — ты хотел вывести ее из себя. За такое короткое время ты стал думать о себе очень хорошо, Дикий Волк! У тебя появился такой верный друг, как маленькая Ро, но и такой могущественный враг, как Мекон. Тобой заинтересовался не только Оловиель, но и сам Галиан.

Афуан пристально посмотрела на него.

— Ты меня видишь?

— Конечно, — сказал Джим. И внутренне весь напрягся, хотя по лицу и фигуре этого не было заметно.

Афуан изменилась... И это даже нельзя было назвать изменением, ведь даже выражение ее лица осталось тем же. Но она стала совсем другой.

Внезапно эта высокая, с белой кожей, желтыми глазами и белыми волосами женщина стала привлекательной. Нет, не просто привлекательной, невыразимо желанной, и Джим с трудом сдержал себя. От нее исходила не просто чувственная привлекательность, она вся горела желанием...

Только долгие годы полного одиночества и изоляции помогли Джиму сопротивляться. Он понял, что она пытается пробить его защиту, заставить его предать все, найденное в далеких исканиях души и ума, где ум и душа никогда не бывали раньше, — только это помогло ему стоять равнодушно и спокойно.

И снова неожиданно, без физической перемены Афуан превратилась в далекую принцессу Высокородных, оше-

ломляющую, но непривлекательную по земным стандартам.

— Удивительно, — мягко сказала она, — просто невероятно, в особенности для Дикого Волка. Но я думаю, что ты теперь ясен мне, дикий человек. Что-то, когда-то, давным-давно сделало тебя честолюбивым, и это честолюбие больше самой Вселенной.

Через секунду Джим был на арене. Когда он появился там, трибуны были уже заполнены одетыми в белое Высокородными. Даже за границей площади Императора находилось шестеро мужчин и четыре женщины.

Зазвенела музыка, и Джим во главе квадрильи двинулся к ложе Императора. Когда он подошел ближе, то увидел там Афуан и Галиана, рядом с ними сидел широкоплечий пожилой мужчина с чуть желтоватыми бровями.

Но, приблизившись к ложе почти вплотную, Джим понял, что ошибся. Человек в центре только напоминал Галиана, но сходство было поразительным. Он вспомнил: Галиан — брат Императора. Землянин стоял перед властелином Империи.

Он был выше Галиана. Он возвышался над Высокородными, его взгляд — ведал что-то необычное для Высокородных, был честным и открытым. Император улыбнулся Джиму, разрешая начать бой. Глаза Афуан довольно сверкнули.

Джим обычно посвящал убитого быка кому-нибудь из публики — убивал его прямо перед этим человеком. Он повернул квадрилью и повел ее в сражение. Его люди отлично работали, несмотря на то что бык вел себя совсем не так, как искусственный. Вероятно, быка выбирала Афуан или кто-нибудь из ее свиты просто наугад. К счастью, каждый бык имел отличительный знак, и Джим имел возможность предвидеть движение быка, как только тот входил в круг.

Но несмотря на это, он должен был показать все, что умеет. К тому же его тревожили слова Афуан о честолюбии. У принцессы был трезвый и хитрый ум...

Бой близился к концу. Бык атаковал до последнего момента. Джим уложил его точно напротив императорской ложи. Вытащив шпагу, он повернулся и сделал несколько шагов к Императору. Во-первых, ему было интересно, как тототреагирует, во-вторых, так требовал этикет — говорила Ро. Джим подошел к барьеру и посмотрел на Императора, который улыбнулся ему.

Улыбка Императора стала еще шире. Из уголка рта стекала тонкая струйка слюны. Он приоткрыл губы и обратился к Джиму.

— Ус сууу, — произнес Император, улыбаясь, — ус-суу...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

По поведению окружающих Джим не мог понять, как поступать. А Высокородные в императорской ложе, как и все остальные Высокородные, видимо, намеренно не обращали внимания на удар или припадок своего повелителя. Джим решил действовать подобно зрителям. Афуан и Высокородные, находящиеся в императорской ложе, спокойно сидели, как будто властелин вел с Диким Волком частную беседу. И все это как-то завораживало. Джим вспомнил о гигантском воздействии Афуан, но сейчас все пытались убедить не только змьянина, но и самих себя, что ничего не произошло, что все в порядке.

... Внезапно все изменилось... Струйка слюны исчезла с челюсти Императора, стертая невидимой рукой...

— Более того, нам будет очень интересно узнать о тебе побольше, — вдруг неожиданно заговорил Император, как бы продолжая беседу. — Ты первый Дикий Волк, которого мы видим при нашем дворе за долгие годы. Когда отдохнешь, приходи к нам и мы побеседуем.

Улыбка Императора была открытой и дружелюбной.

— Благодарю тебя, Оран, — ответил Джим.

Еще Ро наставляла его, что при разговорах с другими нужно говорить в третьем лице — Император, но при личной встрече обращаться по имени.

— Буду очень рад тебя видеть, — сказал Император, весело улыбаясь.

Он исчез, и через секунду трибуны были пусты. Джим представил свою комнату и перенесся в нее. Немного подумал, потом стал раздеваться. Он как раз снял тугий жакет, когда почувствовал, что сзади ему кто-то помогает... Оглянувшись, Джим увидел Ро.

— Я думаю, что это ужасно, — прошептала она, — но раньше я не понимала...

И она неожиданно посмотрела ему в глаза.

— Джим, этот зверь пытался убить тебя?

— Да, — сказал Джим, испытывая невольное чувство стыда — ведь бой был нечестным. — Так это и происходит...

— Как бы то ни было, — угрюмо и решительно сказала Ро, — если нам повезет, ты оставишь это занятие. Тебе повезло — Император сразу заинтересовался тобой. И... ну-ка, догадайся, в чем дело?

Она перестала помогать Джиму, и он, наполовину раздетый, устоял на нее.

— В чем? — спросил он.

— Я нашла тебе поручителя, — взволнованно выпалила она. — Оловиель! Ты ему тогда понравился... Он хочет иметь

тебя среди знакомых. Ты понимаешь? Понимаешь, что это значит?

Ро замолчала и взглянула на него, требуя ответа. Джим покачал головой. На занятиях они этого не проходили.

— Ты уже не слуга! — воскликнула Ро. — Я очень надеялась найти тебе поручителя — но не так скоро. Я не хотела тебе всего рассказывать — ты мог бы разочароваться... Но Оловиель сам пришел ко мне.

— Да?

Джим насторожился, хотя на его лице ничего не изменилось. Он не хотел, чтобы Ро видела его беспокойство. Возможно, Оловиель поступил так из-за визита Афуан, возможно, он сделал это из-за разговора Джима с Галианом. Кто знает? Джим уже собирался спросить Ро, но в последний момент передумал. Он не хотел рассказывать Ро о Афуан и ее действиях, по крайней мере сейчас.

И тут он понял, что Высокородная почти раздела его. Вероятно, она не придавала этому никакого значения, и Джим тоже не придавал, но ему показалось, что Ро раздевает его совершенно безразлично — так богатый хозяин чистит свою лошадь перед выездом. К тому же Джиму нужна была помощь, а не забота и уход.

— Спасибо, — сказал он, отодвинувшись. — Дальше я справлюсь сам.

Он разделся, потом натянул шотландскую юбку и рубашку с короткими рукавами. Ро следила за ним с гордым обожанием.

— Расскажи мне о поручительстве, — попросил Джим. — Для чего оно служит?

— Ну как же, — удивилась Ро. — Конечно же, для усыновления Тронным Миром. Разве ты не помнишь? Я ведь говорила тебе, что даже сейчас иногда гениальным людям из колоний разрешают оставаться. Правда, они не являются истинными Высокородными, но могут надеяться, что их внуки или правнуки станут Высокородными. Это и называется — усыновление Тронным Миром. И начинается усыновление с поручительства.

— Ты хочешь, чтобы я стал Высокородным?

Ро буквально приплясывала от радости.

— Когда за тебя поручатся, начинается процесс усыновления. И ты находишься сейчас под защитой Императора, пока он не примет или не откажет тебе. И пока никому не отказывали. Вряд ли ты станешь исключением. Вряд ли ты совершишь преступление, наказуемое изгнанием с Тронного Мира... Раз Оловиель поручился за тебя, ни один Высокородный не имеет права обращаться с тобой как со слугой. Теперь твоя жизнь вне опасности. Даже Афуан и Галиан ничего с тобой не сделают. Им придется подавать жалобу на Императора, чтобы тебя убрать.

— Понятно, — задумчиво сказал Джим, — скажи, а мне надо говорить, что Оловиель поручился за меня, в разговоре с Императором?

— С Императором? — девушка засмеялась, похлопав Джима по плечу. — Извини, мне не стоило смеяться. Но дело в том, что ты можешь прожить всю жизнь и ни разу не поговорить с Императором.

— Тогда я должен буду умереть, — сказал Джим, — после боя быков Император пригласил меня.

— Ты не понимаешь, Джим, — добродушно сказала она. — Он просто пригласил! Никто не приходит к Императору. Если Император действительно пожелает видеть тебя, ты внезапно предстанешь перед ним. А пока ты должен жить и ждать.

Джим нахмурился.

— Мне очень жаль, — сказала Ро, — ты этого не знал. Император часто говорит, но тут же забывает обо всем. Шутка или комплимент, понимаешь?

Землянин медленно улыбнулся, и Ро побледнела.

— Не смотри так, — сказала она, схватив его за руки, — ни один цивилизованный человек не должен так смотреть!

— Не беспокойся, — ответил Джим.

И улыбнулся.

— Но боюсь, ты ошибаешься. Я повидаю Императора. Где он может быть сейчас?

— Во дворце Вотана, конечно... Но... Джим, ты действительно хочешь пойти туда? Ты не можешь...

— Объясни мне, как туда добраться.

— Нет, — решительно сказала Ро. — Он прикажет Старкиенам убить тебя! Возможно, они убьют тебя, не дожидаясь приказа.

— О! Интересно, зачем Старкиены будут убивать нашего дикого человека? — неожиданно послышался голос Оловиеля.

— После боя Император сказал ему, чтобы он отдохнул и пришел к нему, — объяснила Ро. — А сейчас Джим требует, чтобы я отправила его во дворец Императора. Я никогда не сделаю этого!

Оловиель рассмеялся.

— Почему? Пойти к Императору! — повторил он. — Пойти к Императору... Почему же ты не скажешь? Если ты не скажешь, скажу это я.

— Ты? — разъярилась Ро. — Ты сказал, что будешь его поручителем!

— Правильно, — согласился Оловиель. — Я так и сделаю. Я восхищен Диким Волком! О, какое лицо будет у Галиана, когда я расскажу ему все. Но если, как ты сказала, Джим желает, чтобы ты ни стало погибнуть, пока поручительство не оформлено, кто я такой, чтобы вмешиваться в его дела? Он взглянул на Джима.

— Ты действительно хочешь пойти?

Джим зло усмехнулся.

— Я — Дикий Волк, — сказал он. — И я не передумую.

— Ладно, — согласился Оловиель, не обращая внимания на бешеные попытки Ро заставить его замолчать. — Я пошлю тебя к Вотану и Императору — и как они поступят, ты увидишь сам!

И он переместил Джима. Огромный зал... прозрачный потолок, за которымплыли облака и шестеро человек...

Увидев возникшего из воздуха землянина, Император прервал разговор и отвернулся от пожилого широкоплечего Высокородного, который сидел рядом с ним в амфитеатре. Неизвестный Джиму Высокородный обернулся посмотреть, что заставило самого Императора замолчать. Остальные трое, мускулистые, серокожие, были телохранителями — копиями телохранителя Галиана. Набедренные повязки прикрывали их пах, у широких поясов висели трубки, а тело было покрыто чем-то напоминающим металлические ленты, прилегающие так плотно, что Джим решил — эластичная ткань. Увидев землянина, они выхватили трубки и прицелились, но одно резкое слово Императора остановило их.

— Нет! Это... — Он уставился на Джима и вдруг радостно усмехнулся: — О, да это Дикий Волк!

— Вот именно! — резко сказал старик. — И что ему здесь надо? Племянник, тебе лучше...

— О, — прервал его Император, направляясь к Джиму и улыбаясь. — Я пригласил его. Разве ты не помнишь, Вотан? Я пригласил его после смерти животного.

Теперь Император стоял между телохранителями и Джимом.

— Естественно, ты поспешил прийти к нам, не так ли? Ты не мог заставить нас ждать?

— Да, Оран, — ответил Джим.

Старик по имени Вотан, бывший, по-видимому, дядей Императора, подошел к ним и стал рядом с племянником. Из-под седых бровей сверкнули лимонно-желтые глаза.

— Племянник, ты должен наказать этого дикого человека за его проступок, — сказал он. — Если правила будут нарушены один раз, их нарушат тысячу раз!

— Ну-ну, Вотан, — сказал Император, улыбаясь старому Высокородному. Разве на Тронном Море много Диких Волков, знающих все эти правила? Нет, я пригласил его! Если же мне не изменяет память, я даже сказал, что хочу поговорить с ним, и я думаю сейчас, что я не ошибся! Садись, Дикий Волк, — продолжал Оран. — И ты, дядя, садись, и ты, Лорава.

Он взглянул на третьего Высокородного, молодого худощавого человека.

— Давайте все сядем и поговорим с нашим Диким Волком. Откуда ты, Дикий Волк? Верно, с края Галактики?

— Да, Оран, — ответил Джим.

Он уже сел и недовольный Вотан опустил на подушку рядом с Императором. Молодой Высокородный по имени Лорава торопливо пристроился около него.

— Забытая колония... забытый мир... — пробормотал Император. — Есть там дикие звери?

— Да, — сказал Джим, — на нашей планете еще много диких зверей, но люди любят убивать...

— Люди любят иногда убивать и зверей, — сказал Император. По его лицу скользнула тень, как будто он вспомнил печальную историю своей жизни. Джим осторожно наблюдал за ним. Трудно было поверить, что этот человек совсем недавно был перед ним на арене.

— А мужчины в твоём мире... и женщины похожи на тебя? — спросил Император, пристально посмотрев на Джима.

— Все мы отличаемся друг от друга.

Император засмеялся.

— Ну конечно! — сказал он. — И без сомнения, вы, здоровые дикие люди, отмечая эту разницу, не пытаетесь уравнивать всех... Так же, как и мы, высшая нация, Высокородные Тронного Мира!..

Ирония внезапно исчезла из его голоса.

— Как мы нашли вас через тысячи лет?

— Не вы нашли нас, — сказал Джим. — Наш корабль наткнулся на один из дальних миров Империи.

Все внезапно замолчали, и вдруг Лорава рассмеялся.

— Он лжет, — воскликнул юноша, — они нас нашли? Если они нашли, как же они могли потеряться?

— Молчать! — взревел Вотан. Он повернулся к Джиму. Лицо его было серьезно. — Ты хочешь сказать, что твой народ забыл все о Империи, вернулся в дикое состояние и прошел путь цивилизации от начала и до конца? Ты хочешь сказать, что вы способны совершать космические полеты?

— Да, — лаконично ответил Джим.

Вотан угрюмо посмотрел на Джима, потом повернулся к племяннику.

— Это дело требует расследования, племянник, — сказал он.

— Расследовать, да... — прошептал Император, но мысли его были далеко. Он смотрел сквозь Джима, на его лице появилось грустное выражение. Вотан взглянул на него и вскочил, приказав Дикому Волку встать.

Джим поднялся с подушек. Вотан отвел Императора и Лорава в дальний конец комнаты.

— Я позову тебя позже, Лорава, — нетерпеливо сказал он.

Высокородный кивнул ему и исчез.

Вотан повернулся к Джиму.

— Оловиель поручился за тебя, — коротко сказал Вотан, — к тому же, насколько мне известно, ты прибыл на корабле принцессы Афуан и на борту говорил с Галианом. Правильно?

— Да.

— Понятно...

Вотан на секунду задумался. И неожиданно его взгляд стал резким и пронзительным.

— Кто-нибудь предлагал тебе сейчас пойти к Императору?

— Нет, — ответил Джим. Он улыбнулся высокому широкоплечему старику. — Я решил пойти к Императору сам, потому что он меня пригласил. Я сказал об этом Оловиелю и Ро.

— Ро? — Вотан нахмурился. — А маленькая девчонка Афуан. Ты уверен, что это не она предложила тебе пойти сюда?

— Абсолютно уверен, — сказал Джим. — Она не пускала меня. Что касается Оловиеля, когда я сказал ему, что собираюсь отправиться к Императору, он рассмеялся.

— Рассмеялся? — недоверчиво спросил Вотан. — Посмотри мне в глаза, Дикий Волк!

Джим взглянул в два лимонно-желтых глаза под густыми бровями, и они сверкнули невыносимо ярко и поплыли по лицу Высокородного, пока чуть не слились в один огромный глаз.

— Сколько у меня глаз? — услышал землянин грохочущий голос Вотана.

Два глазаплыли друг к другу, как будто два сверкающих солнца пытались соединиться. Джим почувствовал такое же давление, как и тогда, перед боем быков... Он весь напрягся, и глаза разделились.

— Два, — сказал он.

— Ты ошибаешься, Дикий Волк, — гремел голос, — один, только один.

— Нет, — сказал Джим. — Два глаза так и не слились в один. Я вижу два глаза.

Вотан пробормотал что-то, и его взгляд перестал жечь Джима, гипнотическое воздействие внезапно исчезло.

— Что ж, значит, я так и не добьюсь ответа, — сказал Вотан скорее себе, чем Джиму. — Но я полагаю, ты понимаешь, что мне очень легко узнать правду.

— Я в этом уверен.

— Да... — Вотан задумался. — Здесь что-то кроется... Конечно, Император просто может общаться с тобой как с человеком... другом Оловиеля. Но мне кажется, надо сделать кое-что... посмотри... — И Вотан резко приказал воздуху: — Лоравал!

Возник молодой Высокородный.

— Император назначает этого Дикого Волка офицером Старкиенов. Его должны назначить на пост во дворце. Проследи! И пришли ко мне Мелиеса.

Лорава исчез. Через три секунды перед ними материализовался другой человек, худощавый, в обычной белой тунике и юбке, рыжеволосый. Кожа его была белой, но с желтоватым оттенком. Маленькие черные глаза смотрели хитро, очень хитро... Но он явно не был Высокородным, от него исходили уверенность и властность. Он был уверен в себе больше, чем Старкиен.

— Мелиес, — сказал Вотан, — этот человек — Дикий Волк, который недавно устроил представление на арене.

Мелиес кивнул.

— Император назначает его офицером Старкиенов дворцовой охраны. Я приказал Лораве проследить за всеми формальностями, но ты должен объяснить ему все. И пусть его обязанности будут малы, насколько это возможно.

— Да, — голос у Мелиеса был сильный. — Я позабочусь о нем!

Он исчез. Вотан посмотрел на Джима.

— Мелиес — мажордом дворца, — сказал он. — Фактически он господин всех Низкорослых Тронного Мира. Если у тебя возникнут затруднения, обращай к нему. А сейчас возвращайся. И жди, пока тебя не позовут.

Джим почувствовал, как его мозга касается легкое перышко. Он был в своей комнате. Они ждали его. Подбежала, как только увидела его, Ро и бросилась к нему на шею. Оловиель рассмеялся.

— Итак, ты вернулся, — медленно сказал он. — Я почему-то так и думал. Я даже предложил Ро поспорить на Пункт, но она не любит эту игру. Что там случилось?

— Меня назначили офицером Старкиенов, — спокойно сказал он. — И Вотан сказал мне, что Император поддерживает твоё поручительство.

Ро вздрогнула и изумленно посмотрела на него. Оловиель с не меньшим удивлением поднял брови.

— Джим, — недоуменно спросила девушка, — что случилось?

И он кратко рассказал все. Оловиель был восхищен.

— Извините, но у меня появился отличный шанс выиграть несколько маленьких споров, пока Тронный Мир не знает...

И Оловиель исчез. Джим заметил, что Ро обеспокоена.

— Джим, — неуверенно начала она. — Скажи, как обо мне спросил Вотан? Не я ли это предложила тебе нарушить правила и пойти к Императору? Вопрос был задан после того, как он вспомнил, что я придворная Афуан?

— Да. Интересно, не правда ли?

Ро задрожала.

— Нет, — тихо сказала она, — недобрый знак! Я могла бы обучить тебя и помочь выжить, если бы все было нормально. Но в твою судьбу вмешиваются другие Высокородные... — Она охрипла от волнения.

Джим молча смотрел на нее. Потом спросил:

— Ро, скажи мне, Император болен?

— Болен? Ты хочешь сказать, нездоров? — рассмеялась девушка. — Джим, ни один Высокородный никогда не болеет.

— Здесь что-то не так, я не думаю, что это секрет, если то, что произошло на арене, так часто. Ты видела, как он изменился после того, как я убил быка?

— Изменился? — искренне удивилась девушка. — Изменился? Как?

— Разве ты не видела его лица и не слышала, как он был? А, правда, ты сидела далеко.

— Но, Джим! — Она привычно положила руку ему на плечо. — Вокруг арены установлены фокусирующие установки. Когда ты сражался, — девушка задрожала, но вскоре справилась с собой, — я видела, как ты стоял перед Императором, как он говорил с тобой, и если бы что-нибудь случилось, я бы заметила.

Он уставился на нее.

— Ты не видела? — недоверчиво спросил Джим после минутного молчания.

Ро честно выдержала его взгляд, но Джим понял, что она насторожилась и не хочет смотреть ему в глаза, хотя и не понимает этого.

Она говорила правду, но что-то в ней сопротивлялось признанию, и Джим увидел это. Тянулись секунды, и внезапно он понял, что девушке плохо, Ро не могла нарушать молчания.

Джим отвернулся, и перед ним появилась фигура серокожего бритоголового Старкиена.

Джим резко спросил его:

— Ты кто?

— Меня зовут Адок! Я — это ты!

Джим нахмурился и недовольно посмотрел на Старкиена.

— Ты — это я? — переспросил он. — Не понял.

— Ну же, Джим, — вмешалась Ро. — Он заменяет тебя. Ты ведь не настоящий Старкиен. Взгляни на него и взгляни на себя.

— Высокородная совершенно права, — сказал Адок. У него был глубокий ровный голос, равнодушный. — Когда человек, по рождению и воспитанию не Старкиен, награждается офицерским чином, к нему всегда приставляют замену.

— Ты мой заместитель, да? — осведомился Джим. — Тогда кто же ты официально?

— Официально, я уже говорил, я — это ты, — ответил Адок. — Официально меня зовут Джеймс Кейл, я — Дикий Волк с планеты... — язык у Старкиена начал заплетаться, и он не мог выговорить нужного слова... — земля...

— Мне показалось, что ты назвал себя Адок-I, — сказал Джим.

Старкиен был так серьезен, что землянину страшно захотелось рассмеяться, но осторожность застыла на его лице.

— Неофициально для тебя, Джим, я — Адок-I. Твои знакомые, например Высокородные леди, могут звать меня и Джеймс Кейл, и Адок-I — это не имеет никакого значения.

— Я буду звать тебя Адок-I, а ты можешь звать меня Ро, — сказала девушка.

— Я исполню, Ро, — заявил Старкиен, как будто повторил приказ.

Джим удивленно покачал головой и заговорил с охранником. Этот человек, казалось, не понимал юмора до тупости, был послушен и мог погибнуть за хозяина, в то же время он фамильярно называл Джима по имени. Адок-I испытывал рядом с Джимом ощущение одновременно превосходства и неполноценности. Совершенно ясно было, что Старкиен ни на минуту не допускал, что землянин может выполнять свои обязанности. С другой стороны, он считал Джима хозяином.

«Однако исследовать характер Адока можно будет и позже, а пока надо заняться более важными делами», — подумал Джим.

— Хорошо, — сказал он. — И что же теперь с нами будет?

— Мы всегда будем вместе, Джим, — заявил Старкиен и взглянул на Высокородную. — Если Ро позволит, я немедленно начну инструктаж. Ты узнаешь, что буду выполнять я, а что придется делать тебе.

— Мне в любом случае пора к приемышам, — сказала Ро. — Я приду к тебе позже, Джим. — Она легко дотронулась до его плеча и исчезла.

— Ну хорошо, — сказал Джим, поворачиваясь к Адоку. — С чего начнем?

— Сначала посетим казармы твоих воинов, — сказал Адок. — Если ты разрешишь мне указать путь, Джим...

— Валяй, — и они внезапно очутились в бесконечной комнате с высоченными потолками.

— Где мы? — спросил Джим. Вдалеке виднелось несколько человек.

— Мы в зале парадов... — губы Адока скривились, и землянин понял, что Старкиен удивлен.

— Мы под землей... — и Адок назвал несколько единиц измерения, около полумили по земному счету.

— Это тебя не тревожит? Все Высокородные беспокоятся, но слуги обычно ничего не замечают.

— Нет, меня ничего не тревожит.

— Если тебя что-то испугает, ты должен сказать мне. Можешь не говорить никому, но я должен знать все, чтобы защитить тебя и поддержать.

Джим усмехнулся, ему нравился Адок-I.

— Не беспокойся, — сказал он. — Обычно я ничего не боюсь. Но если что-либо произойдет, обещаю сообщить.

— Хорошо, — серьезно сказал Старкиен. — А сейчас я хочу тебе сказать: на парадах я не могу заменять тебя. Иногда мы будем вместе. Ты видел этот зал и можешь в любое время вернуться в него. А сейчас пойдем на склад, нам надо выбирать оружие, и ты запомнишь, где он находится.

Комната, в которую они переместились, была ярко освещена. Узкий и длинный коридор. На стенах висели кожаные повязки и серебристые ленты. Старкиен выбрал для Джима несколько кожаных повязок и лент, но не предложил ему одеться. Вместо этого они переместились в казарму — ряды комнат, похожие на квартиру Джима, только поменьше.

Потом Адок показал своему подопечному классы обучения, обеденный зал, подземный парк, освещенный искусственным солнцем и, наконец, торговый центр.

И внезапно, без предупреждения они перенеслись на поверхность земли в зал, подобный дворцу Вотана.

— Кто? — спросил было Джим, но прежде, чем он успел задать вопрос, перед ним появился господин слуг Мелиес и посмотрел не на землянина, а на Старкиена.

— Я все показал ему. Потом привел к тебе, как ты говорил.

— Хорошо, — ответил Мелиес. — Император принял поручительство для твоего дальнейшего усыновления.

— Благодарю вас, — сказал Джим.

— Я сказал это для того, чтобы ты понял свое положение. Как кандидат для усыновления ты теоретически — вероятный Высокородный, следовательно ты превосходишь меня. С другой стороны, как офицер Старкиенов низшего ранга — ведь ты не командир десяти полков — и потому, что ты Дикий Волк, — я твой господин.

Джим молча кивнул головой.

— Надеюсь, — резко сказал Мелиес. — Здесь существует противоречие — своеобразное раздвоение личности. Итак, все твои действия как Высокородного мне не подлежат. В то же время как офицер-Старкиен ты подлежишь мне. И опять же, в личной жизни ты можешь быть и слугой, и господином, хотя я сомневаюсь, что выберешь роль слуги.

— Я с вами согласен, — спокойно сказал Джим.

— Следовательно, — продолжал Мелиес, — у меня нет физической власти над тобой. Но если будет необходимо, я отстраню тебя от должности офицера-Старкиена и подам жалобу Императору. И я думаю, что Император обратит на нее внимание.

— Я понимаю.

Мелиес пристально взглянул на него и исчез.

— Джим, — сказал Адок, дотрагиваясь до его локтя, — если хочешь, вернемся в казарму, я покажу тебе, как пользоваться оружием.

— Хорошо.

И они вернулись в казармы. В одной из пустых комнат Старкиен одел на Джима все ленты и пояса, взятые на складе.

— Существует два вида оружия, — сказал Адок, когда Джим оделся. — Вот это... — он дотронулся до маленькой черной трубки, висевшей между петлями на поясе, — имеет свой источник энергии и всегда используется охранниками на Тронном Мире.

Он аккуратно прикоснулся к серебряной полоске, опоясывающей бицепс левой руки Джима.

— А вот это, так сказать, оружие второго класса. В данный момент оно абсолютно бесполезно, его надо подключить к общему источнику энергии. Каждая лента является одновременно оружием и усилителем...

— Усилителем?

— Да. Лента ускоряет твои реакции, увеличивает силы. Это очень важно для не Высокородных. Позднее мы поработаем с оружием второго класса, когда тебе разрешат отправиться на полигон и испытать его.

— Понятно, — сказал Джим, ощупывая серебряные полосы. — Значит, эта штука делает меня чем-то вроде супермена?

— Обученный Старкиен при полном напряжении эффективного оружия второго класса является эквивалентом двух или трех частей армии колониального мира.

— Разве на колониальных мирах нет своих Старкиенов?

Адок был шокирован.

— Старкиены служат только Императору, только ему одному!

— На корабле я разговаривал с Высокородным по имени Галиан. И у него был телохранитель, по меньшей мере удивительно похожий на Старкиена.

— Все правильно. Император дает своих Старкиенов всем Высокородным, если они им требуются. Но они остаются слугами Императора и подчиняются только его приказам.

— Ну хорошо, — сказал Джим, — а подземные помещения Тронного Мира занимают только слуги?

— Да.

— Раз уж я нахожусь здесь на экскурсии, я хотел бы увидеть побольше. Какова площадь всех подземных помещений?

— Под землей комнат столько же, сколько и наверху. Возможно, и больше. Я все не видел.

— Кто знает? — на секунду Джиму показалось, что Адок пожмет плечами, но Старкиен удержался.

— Я не знаю... может быть... Мелиес.

— Да, — задумчиво сказал Джим. — Конечно, Мелиес.

Несколько раз в месяц Джим принимал участие в подземных смотрах. Его обязанности заключались в том, что он стоял перед отрядом в 78 Старкиенов.

Но первый парад запомнился ему на всю жизнь. Весь огромный подземный зал был забит полками безразличных, наголо бритых мускулистых людей.

Джиму казалось, что Старкиены составляли незначительную часть населения Тронного Мира. Впоследствии он произвел несложные вычисления с помощью Адока и установил, что на параде присутствовало двадцать тысяч человек.

А Старкиен сказал ему, что это всего лишь один из пятидесяти парадов.

Да, с такими войсками Высокородные действительно могли не опасаться нападения колониальных миров, даже объединенных.

2.

Серебряные полосы пока не были для Джима оружием — он еще не видел их в действии. Но они действовали как усилители. Адок давал командиру простые упражнения — бег, прыжки. После первой тридцатиминутной серии упражнений Старкиен нежно перенес Джима в казармы и заставил лечь на огромную подушку, которая служила постелью, осторожно снял ленты.

— А сейчас, — сказал он, — ты должен отдохнуть не менее трех часов.

— Зачем? — спросил Джим, с любопытством глядя на широкоплечего, мускулистого Старкиена.

— Эффект сначала не воспринимается телом. Помни, твои мускулы работали быстрее, чем обычно. Природа не подготовила их для таких усилий. Сейчас ты чувствуешь и недомогание, но это ничто по сравнению с тем, что с тобой будет через три часа. Лучший способ свести к минимуму боль — спокойно полежать некоторое время. Постепенно твое тело привыкнет к другому режиму. Тебе не придется отдыхать даже после долгой работы.

Адок выключил свет и исчез. Лежа в полумраке, Джим задумчиво изучал белый потолок. Он не чувствовал ни недомогания, ни усталости. Но, как сказал Старкиен, боль появится через три часа. Поэтому Джим пролежал положенное время не шелохнувшись.

Но и потом он не почувствовал недомогания и запомнил эту особенность, как запоминал все, что касалось Тронного Мира.

То, что он узнал сейчас, не совсем вписывалось в картину загадочного общества. Но ему помогло то, что еще с детских лет, проведенных в молчании и одиночестве, он привык к безграничному терпению. Ему пока не удалось расшифровать все. Но когда-нибудь он узнает, а пока... Адок сказал, что через три часа усталость выведет его из строя.

Джим никак не мог понять, наблюдают за ним или нет. Поэтому он заставил себя лежать. И вскоре заснул.

Кто-то дернул его, и Джим проснулся. Перед ним стояла Ро.

— Галиан хочет, чтобы ты встретил одного человека. Он передаст это через Афуан. Ты должен встретить губернатора колониальных миров Альфа Центавра.

Минуту он смотрел на нее, растерянно моргая, но неожиданно, осознав важность ее слов, сбросил сон.

— Зачем мне нужен губернатор Альфа Центавра? — Джим резко сел на кровати.

— Но ведь он твой губернатор, — сказала девушка. — Разве ты не помнишь? Любой новый колониальный мир отдается под власть ближайшего губернатора.

— Нет, — Джим встал. — Никто никогда ничего не говорил мне. Я должен выразить ему почтение?

— Видишь ли... — Ро заколебалась. — Теоретически он может забрать тебя из Тронного Мира в любой момент, ведь ты его подчиненный. Но поручительство для усыновления уже утверждено Императором. Когда он узнает это, вряд ли он захочет ссориться с вероятным Высокородным. К тому же престиж его миров поднимается в несколько раз, если человек с одного из них останется на Тронном Миров. В общем он не может причинить тебе вреда, ты же вежливо, но твердо можешь отказывать ему во всем.

— Понятно, — хмуро сказал Джим, — значит, они прислали тебя за мной?

Кивнув, Ро протянула руку, и он взял ее в свою. Это был самый легкий путь переместиться в то место, где он еще не бывал. Его предупреждали раньше, что требуется большое умственное напряжение, чтобы переправить человека в место, где он ни разу не был, для этого был нужен такой физический контакт с сопровождающим.

Адок, как раньше и Ро, вел себя исключительно корректно — он лишь слегка дотрагивался до плеча Джима, но теперь, когда нужно было куда-нибудь попасть, землянин и девушка просто брались за руки.

В ту же секунду они очутились в небольшой комнате, похожей на рабочий кабинет Галиана.

За плавающими в воздухе досками сидели знакомые ему слуги, а рядом стоял все тот же Старкиен-телохранитель. Вместе с Высокородным Галианом стоял человек, одетый примерно как южноамериканские индейцы — торжественный

костюм жителей Альфа Центавра. Губернатор был высок — почти пяти футов десяти дюймов — на три-четыре дюйма больше, чем самый высокий абориген Альфа Центавра.

— Вот и ты, Джим, и ты, Ро, — повернувшись к ним, сказал Галиан. — Джим, я думал, тебе приятно встретиться с районным губернатором — Уик Веном с Альфы. Уважаемый Уик Вен, это Джеймс Кейл, за которого было предложено поручительство на Тронном Мире.

— Хорошо, — сказал губернатор и улыбнулся. Он немного картавил. — Я хотел бы увидеть тебя и пожелать тебе... счастья. Твоя планета только вошла в наше управление, и я очень, очень горд.

Уик Вен счастливо улыбнулся — казалось, он не замечал, что Ро недовольна. Галиан ухмыляется, а землянин не обращает внимания на его слова.

— Да... я просто хотел поздравить тебя. Не буду больше занимать твое драгоценное время, — бойко выпалил Уик Вен.

Джим пристально посмотрел на него. Марионетка, которую дергают за ниточки веселья и гордости. Зачем же Галиан устроил эту встречу?

— Еще раз спасибо, — сказал Джим. — Сейчас же, к сожалению, мне надо идти к Старкиену-заместителю. Тренировка, — он взглянул на Ро.

— Рад был видеть тебя, — медленно сказал Галиан, и его голос был похож на голос Оловиеля.

Было ясно, что чего бы ни ожидал он от этой встречи, он получил все. Но ни к чему уже выяснять отношения... Джим протянул руку девушке, и они перенеслись в его комнату.

— Что это значит? — спросил Джим.

Ро недоуменно пожала плечами.

— Не знаю... А когда на Тронном Мире происходят непонятные вещи, это опасно. Я постараюсь кое-что разузнать. До свидания.

Высокородная исчезла.

Оставшись один, Джим вспомнил сцену свидания с Уик Веном. Его испугала быстрота происходящих событий. Он уже просто не успевал следить за опасностью.

Землянин громко сказал в пространство:

— Адок?!

Через три секунды возник Старкиен.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Тебе не...

— Ничего, — оборвал его Джим. — Скажи мне, под землей есть библиотека?

— Библиотека?... А, ты имеешь в виду центр обучения. Да, я могу тебя туда переместить. Правда, я никогда там не был, но знаю, где он находится.

Адок дотронулся до руки Джима, и они очутились в подземном парке, в котором были раньше. Старкиен задумался и свернул налево.

— По-моему, здесь, — сказал он.

Вскоре они подошли к широким каменным ступеням, ведущим в открытый холл. Было много людей — почти все слуги. Ни одного Старкиена. Землянин внимательно наблюдал за посетителями. И он был вознагражден. Когда они с Адоком поднимались в библиотеку, навстречу им шел черноглазый желтокожий человек, похожий на Мелиеса. Он взглянул на темноволосого человека, который лениво положил ладонь на талию, чуть выше пояса. Не останавливаясь, желтокожий дотронулся двумя пальцами правой руки до бицепса левой.

И без единого слова, даже не посмотрев друг на друга, эти люди разошлись.

— Ты видел? — тихо спросил Джим Старкиена, когда они вошли в храм. — Жесты? Что они означают?

Адок долго молчал.

— Странно, — наконец сказал он сам себе. — Это уже было раньше. Немой язык...

— И что они сказали? — настаивал Джим. Адок покачал головой.

— Я не знаю. Древний язык. Высокородные узнали о нем только после первого восстания слуг, тысячи лет назад. Они его всегда использовали. Но нам, Старкиенам, никогда ничего не говорили, потому что мы всегда преданы Императору...

— Понятно, — Джим задумался...

Они вошли в зал, который был заполнен вращающимися шарами света. Адок остановился и указал на миниатюрное солнце.

— Это один из архивов. Они сконструированы не для нас, а для молодых Высокородных. Но направо есть комнаты, в которых ты можешь получить информацию. — Они вошли в маленькую комнату. Джим сел за стол, у самого края которого находилось несколько черных ручек. Адок дотронулся до одной из них, и немедленно поверхность парты превратилась в белый экран, на котором было написано «Готов».

— Говори прямо в экран, — сказал Старкиен.

— Мне надо посмотреть документы о всех экспедициях Империи к Альфа Центавра.

Слово «Готов» исчезло с белого экрана, и появились строчки, медленно ползущие слева направо.

Джим стал читать, информация была не совсем той — общее представление об экспедициях в тот район, а он хотел найти открывшую Землю, если она была. Но для этого следовало посмотреть множество материалов и он потратил бы на это много дней и недель...

— Скажи, можно ускорить это чтение?

Адок повернул ручку. Строчки задвигались быстрее. Старкиен убрал руку, но тогда Джим сам потянулся к рукоятке

и начал поворачивать, пока она не остановилась достигнув ограничителя. Адок был удивлен.

— Что с тобой? — спросил Джим.

— Ты читаешь почти как Высокородный...

Джим не ответил. Он неотрывно смотрел на экран, не понимая, что прошло очень много времени. Но когда одна часть документов кончилась и перед появлением второй части наступил короткий перерыв, он убедился, что его мускулы затекли.

Он выпрямился, выключил на минуту машину и огляделся. Старкиен все еще неподвижно стоял позади него. Видимо, он за это время ни разу не шелохнулся.

— Ты ждал меня? — спросил Джим. — Долго я читал?

Адок назвал ему единицу имперского времени, равную четырем земным часам. Немного отдохнув, Джим опять сел за стол и включил экран, затребовав сведения по немому языку.

И на экране появилась информация не об одном немом языке, а о пятидесяти двух. Вероятно, слуги восставали пятьдесят два раза.

Джим решил, что посмотрит сведения по этим выступлениям, когда снова придет в библиотеку. Видимо, после каждого восстания Высокородные проводили исследования, но к следующему разу все изменялось. Немой язык служил комплексом разнообразных сигналов, например поглаживание подбородка или скрещенные пальцы. Главное было — понять знак, а не увидеть его.

Джим выключил экран и встал.

Примерно час они ходили по улицам подземного города, заходили в магазины и всюду наблюдали за слугами. Джим видел множество сигналов, но ни один из них не напоминал ему предыдущих версий. Тем не менее он запомнил их все и условия, при которых был подан тот или иной знак.

Потом Джим вернулся в свою комнату. Но он пробыл один не более пяти минут, когда появились Ро и Оловиель.

Джим отметил про себя, что необходимо будет спросить у Ро, как она узнала о его возвращении и существует ли система наблюдения.

Приветствуя гостей, он заметил, что девушка чем-то озадачена, а на лице Оловиеля застыла хмурая усмешка.

— Что-нибудь случилось? — осведомился Джим. — Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — сказал Оловиель. — Император утвердил меня твоим поручителем, и Галиан предложил устроить небольшой вечер в твою честь. Я и не подозревал, что он твой друг. Как ты думаешь, почему Галиан сделал это?

— Император будет присутствовать на вечере?

Оловиель нахмурился. Он явно был недоволен тем, что существо низшей расы задало ему не совсем понятный вопрос.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что Мелиес очень умный человек.

3.

Оловиель насторожился.

— Ну хорошо, Дикий Волк! — ответил он. — Хватит, мы уже достаточно насыщались этих игр в вопросы и ответы!

— Джим... — предупреждающе начала Ро.

— Мне очень жаль, — твердо сказал Джим, — объяснение затрагивает интересы Императора. Поэтому я ничего не скажу. И вы не заставляйте меня. Во-первых, вам это просто не удастся, а во-вторых, это не вежливо с вашей стороны, ведь вы мой поручитель. Поверьте мне! — настойчиво сказал землянин, — если бы я мог вам ответить, я бы все рассказал. Вечером вы получите подтверждение от Императора или от Вотана. Если же нет, то я отвечу на любой вопрос. Договорились?

Внезапно Оловиель расслабился, на его губах появилась ленивая улыбка.

— Знаешь, здесь ты поймал меня, Джим, — протянул он. — Я ведь действительно не могу устроить допрос с пристрастием человеку, за которого поручился. Тем более что скрыть это все равно не удастся. Если тебя когда-нибудь усыновят, ты будешь отчаянно спорить на Пункты. Ну ладно, храни свой секрет... до вечера. — И Высокородный исчез.

— Джим, — сказала Ро, — я за тебя боюсь.

Ее слова прозвучали довольно серьезно и важно. Он быстро взглянул на нее и понял, в чем дело. Девушка сочувствовала ему как равному.

Он был глубоко тронут. Ни один человек — мужчина или женщина — не беспокоился о нем.

— Ну мне-то ты можешь сказать, почему Галиан решил устроить вечер только из-за того, что Мелиес очень умный человек? — спросила она. — Похоже, ты намекаешь, что брат Императора и господин слуга как-то связаны. Но этого не может быть. Высокородный и Низкорослый.

— Как между нами, — сказал Джим, вспомнив неожиданную нотку в ее голосе. Ро покраснела, но потом он узнал, что для нее это ничего не значило.

— Я — это совсем другое дело, — сказала девушка. — Но Галиан один из самых важных Высокородных высокопоставленных чиновников, как по рождению, так и по положению.

— Но он всегда любит говорить, что любит использовать людей низших рас...

— Верно... — девушка задумалась, потом посмотрела на него:

— Ты еще ничего не объяснил...

— Здесь все просто, — сказал Джим, — кроме того, дело касается самого Императора, а не меня. Я сказал, что Мелиес очень умный человек, так как люди ошибаются не только от лишней глупости, но и от лишнего ума, когда пытаются что-то скрыть. Адок привел меня к господину слуг, и тот попытался сделать так, чтобы я понял — он разъярен моим назначением.

— Зачем?

— Причины этому, конечно, есть, — сказал Джим. — Например, то, что я, Дикий Волк, нашел поручителя для усыновления, а такой человек, как он, не имеет ни единого шанса на это — слишком уж Мелиес хороший слуга. Но в то же время Мелиес достаточно умен, чтобы скрыть злобу. Зачем ему ссориться с возможным Высокородным?

— Тогда почему?

— Вероятно, он решил, что я шпион, которого Высокородные послали изучить мир слуг, и показал мне, что недоволен одним... скрывая карты...

— Но зачем тебе следить за ним? — спросила Ро.

— Еще не знаю.

— И ты думаешь, в этом замешаны Император и Галиан?

Джим улыбнулся.

— Ты хочешь много знать... Ты хочешь знать больше меня... А теперь, надеюсь, ты понимаешь, почему я не говорил при Оловиеле?

Ро серьезно посмотрела на него.

— Джим, — неожиданно спросила она. — Чем ты занимался? Я имею в виду на Земле, среди своего народа.

— Я был антропологом. Бою быков меня научили позднее.

Девушка недоуменно нахмурилась. Слова «антрополог», насколько он знал, не существовало в языке Империи, и Джим просто перевел два латинских корня — «человек — наука».

— Я изучал прошлое человечества, примитивные культуры, их происхождение.

— А ты говоришь о «.....», — Ро назвала слово, которое он не знал. Внезапно лицо ее смягчилось, и девушка прикоснулась к его руке. — Джим! Бедный Джим, не удивительно! Он хотел улыбнуться, но сдержался — уж что-то, а бедным он себя не считал.

Он хотел улыбнуться, но сдержался — уж что-то, а бедным он себя не считал.

— Не удивительно?

— Я хочу сказать, не удивительно, что ты всегда такой холодный и держишься на расстоянии от Высокородных. Империя и Высокородные положили конец всему, что ты изучал, да? И ты убедился, что люди твоей расы немного отличаются от обезьян? Твоя работа была напрасна?

— Не совсем.

— Джим, разреши кое-что сказать тебе. То же самое случилось и с нами — я говорю о нации Высокородных. Мы думали, что произошли от аборигенов Тронного Мира, но в конце концов пришлось признать ошибки. Животные формы были схожи на всех планетах, освоенных нами. Это потомки настоящей флоры и фауны. Есть почти неопровержимые доказательства, что были разумные сверхсущества, превосходящие нас во всем и рассеявшие жизнь на тысячах планет. Видишь, и у нас были разочарования. Джим позволил себе улыбнуться.

— Не беспокойся. Какой бы шок я ни получил, узнав об Империи, он уже прошел. — И Джим решил, что разубедил Высокородную.

Праздник поручительства Оловиеля должен был состояться через три недели. Это время Джим провел, осваивая с помощью Адока тактику и стратегию Старкиенов. Иногда он бывал в Центре обучения.

Когда Джим был свободен, он бродил по подземному городу и запоминал тайные сигналы, составляя каталог и постепенно расшифровывая их.

Ему помогали два обстоятельства. Во-первых, будучи антропологом, он знал, что любой знак развивается на примитивной основе простейших желаний. Как говорил его друг — чтобы жить среди эскимосов, не надо изучать их язык, он и так совершенно ясен. Угрожающий жест, призыв, знак голода — когда человек указывает сначала на рот, а потом гладит себя по животу — это ясно и понятно. Во-вторых, язык сигналов с помощью руки ограничен. Послания на таком языке — это несколько фраз, заключенных в одном движении, а следовательно, основные знаки должны повторяться очень часто.

И в конце концов Джим добился успеха. Через две недели он уже знал знаки приветствия — большой палец дотрагивался до указательного. И тогда он начал постигать смысл остальных сигналов.

Но поиски в библиотечных архивах сведений об экспедиции, открывшей Землю, не увенчались успехом.

Возможно, они и были. Но метод исключения, которым приходилось руководствоваться Джиму, затрагивал огромное количество материала. Практически ему приходилось просматривать почти всю библиотеку.

— Кроме того, — сказал Адок, когда землянин рассказал ему о своих неудачах, — ты должен помнить, что можешь увидеть все доступные материалы и даже не найти упоминания об экспедиции.

Джим остановился и взглянул на Старкиена.

— То есть как это? — требовательно сказал он. — Ты, кажется, думаешь, что разрешают просматривать только часть данных.

— Извини, — сказал Адок, — я, конечно, не знаю, секретная ли это экспедиция, но, может быть, я прав...

— Да... я и не подозревал, что отдельные эпизоды истории Тронного Мира окутаны тайнами, — сказал Джим. — Он секунду помолчал. — Как бы то ни было, а кому разрешен доступ ко всей тайной информации?

— Всем Высокородным разрешен доступ к любой информации, и ты можешь пойти в Центр обучения наверху...

Неожиданно он замолчал.

— Нет, — тихо сказал Старкиен. — Я забыл. Все равно, это тебе ничего не даст.

— Ты хочешь сказать, что Высокородные не позволяют мне войти туда? — спросил Джим. Он уже давно наблюдал за телохранителем. На Тронном Море ни в чем нельзя быть уверенным, даже в, казалось бы, неподкупной честности Адока. Если Старкиен сейчас скажет ему, что запрещено использовать Центр обучения Высокородных, это будет уже вторым препятствием на его пути. Но Адок только покачал головой.

— Нет, тебя пропустят, — сказал он, — ты просто не сможешь пользоваться экранами надземных центров — они приспособлены для молодых Высокородных, которые читают слишком быстро для обычного человека.

— Ты видел, как я читаю. Разве они читают быстрее?

— Намного быстрее. Намного, намного быстрее.

— Ладно, — сказал землянин, — ладно. Сведи меня в один из этих центров!

И они очутились в помещении, напоминающем греческий храм, — крыша, пол и колонны. Между колоннами виднелись зеленые лужайки и светилось лазурное небо. Чуть возвышаясь над полом, на равном расстоянии друг от друга сидели на подушках дети Высокородных. Перед ними медленно плыли экраны. Как только ребенок менял позу, экран самостоятельно передвигался, так чтобы Высокородному было удобно.

Никто не обратил внимания на Джима и Адока. Их просто не заметили.

Землянин остановился за спиной десятилетнего мальчика, который уже был ростом с него, хотя и намного тоньше. Перед ним на экране бежали строчки, и Джим пристально смотрел, пытаясь разделить их на отдельные слова.

Он не мог читать!

Джим разозлился. Ведь пока он делал все, что делали другие, и тело его не подводило никогда. Джим был уверен — он может различать слова в этой строчке, как и любой Высокородный! Но его мозг отказывался воспринимать так быстро поступавшую информацию.

Последняя отчаянная попытка!

Вокруг него перестали существовать и колонны, и крыша, и пол, и даже мальчишка у экрана. Он полностью сконцен-

трировался на строчке и только на строчке. Голова раскалывалась от напряжения. Давление на мозг возрастало все больше и больше...

И он почти добился своего. На секунду ему показалось, что строчки расслаиваются на символы, и он понял, что речь идет об организации Старкиенов. И тогда он расслабился — его мозг и тело не могли долго выносить такого напряжения.

Внезапно мальчик-Высокородный заметил его. Ребенок перестал читать и уставился на Джима.

— Ты кто?

Землянин не ответил. Дотронувшись до руки Адока, он переместил себя и Старкиена в свою комнату.

Глубоко вздохнув, Джим сел на подушку и дал знак Адоку — отдыхай. Через минуту дыхание Джима стало ровным и он улыбнулся.

— Почему ты не скажешь «Ведь я говорил»? — сказал он.

Адок покачал головой, совершенно ясно давая понять, что не его дело говорить хозяину такие вещи.

— Что ж, ты прав, но меня остановило то, что я плохо знаю язык Империи. На родном языке я прочел бы все. — Джим задумался и отвернулся от Старкиена, сказав в странство: — Ро?

Но девушка не появилась перед ним. Это было не удивительно — ведь Ро Высокородная и у нее есть свои обязанности и занятия, совсем не так как у Адока, который должен был приходить по малейшему желанию Джима.

Землянин переместился в комнату Ро, никого не застал и оставил записку с просьбой прийти, как только она освободится.

Через два с половиной часа девушка возникла в комнате землянина.

— Вечер будет очень торжественный. Там будут все. Придется использовать зал Встреч. Должно быть, кто-то прослышал, что это будет не совсем обычный вечер и... — неожиданно она замолчала, что-то припоминая.

— Ах да, я забыла. Ты хотел меня видеть, Джим?

— Да. Скажи, ты можешь установить у себя экран Центра обучения?

— Что?... Ну конечно! Но если тебе он нужен, я попрошу установить его здесь.

— Я бы не хотел, чтобы было известно, что я им пользуюсь. Ведь... если ты поставишь его у себя — это вполне обычная вещь?

— Да, — сказала Ро. — Я все устрою. Но зачем?

Джим рассказал ей о своей неудавшейся попытке в Верхнем Центре, когда он пробовал читать со скоростью молодого Высокородного.

— И ты считаешь, что обучение повысит твои возможности? — спросила девушка и нахмурилась. — Я не думаю, что ты можешь особенно надеяться...

— А я и не надеюсь... — сказал Джим.

Через полчаса экран был установлен в комнате Ро, и теперь все свободное время, которое он раньше проводил в Центре обучения под землей, Джим сидел у девушки.

Через неделю он добился определенного успеха, но дальше дело не продвинулось и он забросил эту попытку. Последние дни, оставшиеся до вечера, Джим бродил среди слуг вместе с Адоком, наблюдая за немим языком.

Он уже свободно понимал его, но пока Джим слышал только сплетни и слухи. Но иногда и слухи полезны...

Из последней такой экспедиции Джим вернулся примерно за час до начала вечера и увидел, что его ждет Лорава.

— Тебя хочет видеть Вотан, — сообщил Высокородный.

И Джима без предупреждения переместили. Рядом с ним стояли Адок и Лорава.

Вотан сидел на подушке перед невесомым пультом, касаясь цветных рукояток, как будто он небрежно играл, но лицо его было серьезно — он занимался чем-то важным. Тем не менее при появлении гостей он встал и подошел к Джиму.

— Я вызову тебя позже, Лорава, — сказал он. Юноша исчез.

— Дикий Волк, на вечере будет сам Император.

— Я не верю, что вечер устраивается в мою честь. Пожалуй, это вечер Оловиеля.

Вотан недовольно махнул рукой.

— Причиной являешься ты, — грубовато сказал он. — И только из-за тебя там будет присутствовать Император. Он хочет поговорить с тобой.

— Императору для этого не нужен вечер, — сказал Джим. — Я могу прийти в любое время по его зову!

— Император блистает в обществе! — сказал Вотан. — Но это не так важно. Важно то, что на вечере Император обязательно заговорит с тобой. Он, безусловно, отведет тебя в сторону и задаст много вопросов.

Вотан заколебался.

— Я буду рад ответить на любой вопрос Императора, — сказал Джим.

— Да... именно так, — пробормотал Вотан. — О чем бы тебя ни спросили — отвечай! Понятно тебе? Он — Император, и даже если он не заметит твои ответы, говори, пока он не прервет тебя. Понятно?!

— Полностью, — сказал землянин, и его глаза на секунду встретились с лимонно-желтыми глазами Высокородного.

— Да... хорошо, — сказал старик, усаживаясь за пульт. — Это все. Уходи.

И Джим с телохранителем очутились в своей комнате.

— Какие ты сделал выводы? — спросил Джим Адока.

— Выводы? — удивился Адок.

— Да, — Джим внимательно взглянул на Старкиена. — Не-обычная речь, не так ли?

— Все, что имеет отношение к Императору, не может быть странным, — сказал Адок, но говорил он неуверенно. — Высокородный Вотан велел тебе отвечать на все вопросы Императора. Это все.

— Да, — произнес Джим. — Скажи, тебя ко мне приставили заместителем... Или ты продолжаешь принадлежать Императору?

— Как я уже говорил, все Старкиены всегда принадлежат Императору вне зависимости от того, где они находятся!

— Я помню.

Джим начал снимать с себя металлические ленты — оружие Старкиенов. Потом облачился в белый костюм мужчины-Высокородного, но без эмблемы, которую решил надевать в определенных ситуациях, и только.

Как только он привел себя в порядок, появилась Ро, и Джим снова решил, что за ним следят. Но сейчас у него не было времени разбираться с этим.

— Надень, — задыхаясь, сказала девушка и протянула ему узкую белую ленту. Он заколебался, и тогда Ро просто обернула его левое запястье, не дожидаясь согласия.

— У меня то же самое, — сказала Высокородная.

На ее левой руке чуть пульсировала тонкая белая полоска. Одета она была как всегда — белые облака окутывали ее тело.

— Что это? — спросил Джим.

— О... ну, да ты не знаешь. Когда устраиваются вечера, особенно большие, люди перемещаются так часто, что за ними просто невозможно уследить. Но когда мы сверили сенсоры, ты можешь просто представить меня и тут же очутишься рядом. Ты увидишь... — Девушка рассмеялась. — На таких вечерах всегда все путается!

И когда через несколько минут он и Адок переместились в зал Встреч, Джим понял, что имела в виду Ро. Гигантский зал раскинулся по меньшей мере на шесть миль. Блестящий пол... Воздушные белые колонны... «Прекрасно», — подумал землянин.

Среди Высокородных сновали слуги, разносившие напитки и еду. Все бесстрастно исчезали и вновь появлялись. У Джима даже зарябило в глазах.

— Адок, — сказал он, поворачиваясь к Старкиену. — Я хочу, чтобы ты что-нибудь сделал. Попытайся найти слугу. Я не знаю, как он будет выглядеть, но, во-первых, он будет стоять не двигаясь, во-вторых, стоять так, чтобы его мог видеть любой слуга с любого конца зала. За ним будут всегда наблюдать. Ты не мог бы заняться сейчас поиском этого человека?

— Да, Джим, — сказал Старкиен и исчез.
— Зачем тебе какой-то слуга? — удивленно спросила Ро и прижалась к Джиму.

— Я скажу позже.

Он увидел, что девушка хочет задать ему несколько вопросов, но в этот момент появились Император и Вотан.

— А вот и мой Дикий Волк! — весело воскликнул Император. — Подойди и поговори со мной, Дикий Волк!

Ро и другие придворные немедленно переместились, пока Джим, Вотан и Император не остались в центре круга примерно пятидесяти футов в диаметре, где можно было спокойно говорить и их никто не мог услышать. Император повернулся и взглянул на старика-Высокородного.

— Иди повеселись хоть раз, Вотан. Со мной все будет хорошо.

Через секунду Вотан исчез.

— Ты мне нравишься... Как там тебя зовут, Дикий Волк? — спросил Император.

— Джим, Оран.

— Ты мне нравишься...

Император чуть наклонился и положил длинную руку на плечо землянина, опираясь на него как усталый человек. Он медленно зашагал взад и вперед, и Джиму приходилось идти рядом с ним.

— Джим, твой мир очень дикий?

— Примерно полвека назад он еще не знал цивилизации.

Они прошли вперед двенадцать шагов, потом столько же назад, и всю беседу Император и Джим так и ходили — двенадцать шагов вперед, двенадцать назад — как в клетке.

— Вы покорили мир за полвека? — спросил Высокородный.

— Нет, Оран. Мы покорили планету давно. Но за последние пятьдесят лет мы научились властвовать над собой.

— Да, человечность — самое трудное... — сказал Император как бы сам себе. — Знаешь, мой брат Галиан, увидев тебя, немедленно бы подумал: «Какие прекрасные слуги из них получатся!» И, вероятно, он прав... но...

Они вновь повернули, и Император взглянул на него.

—... я не думаю. У нас слишком много слуг. — Оран перестал улыбаться. Минуту они молчали.

— У вас свой язык, — прошептал Император, — и искусство, и музыка, и история, и легенды?

— Да, Оран.

— Тогда вы заслуживаете большего, — Император ослепительно улыбнулся. — Я знаю, что ты по крайней мере заслуживаешь большего. Я не удивлюсь, если когда-нибудь вдруг прикажу тебя усыновить.

Джим ничего не ответил. Через минуту, когда они вновь повернули, Император искоса посмотрел на него.

— Ты не хочешь стать Высокородным?

— Еще не знаю, Оран.

— Честный ответ, — прошептал Император, — да, честный ответ... Ты знаешь, вероятность говорит нам, что события произойдут, рано или поздно...

— Вероятность?

Но Император продолжал:

— Где-то должна быть вероятность, что ты Император, а твой народ — Высокородные. А я — Дикий Волк, которого привезли, чтобы он показывал свое варварское искусство тебе и твоим придворным.

Он сильно сжал плечо землянина, Джим взглянул на него и увидел, что глаза Орана стали спокойны как вода, хотя он и толкал его, сильно нажимая на плечо. Создавалось впечатление, что Император ослеп и хочет, чтобы его вели по дороге, по которой он недавно вел Джима.

— Ты когда-нибудь слышал о Голубом Звере?

— Нет, Оран.

— Нет... — прошептал Император. — Я тоже не слышал. Я просмотрел записи легенд всех народов — нигде нет упоминания о Голубом Звере. Но... если он никогда не существовал, почему я вижу его, Джим?

Его руки словно тиски сдавили плечо землянина, но голос оставался тихим, как будто он мечтал о чем-то вслух.

Для стоявших вдалеке Высокородных их беседа оставалась нормальной.

— Я не знаю, Оран.

— Я тоже не знаю, Джим, — сказал Император, — и я боюсь... Три раза он возникал в дверях, преграждая мне дорогу. Знаешь... иногда я возвращаюсь в этот мир... мой ум проясняется... Я чувствую острее, чем любой Высокородный. Я смотрел на тебя после боя с быком, и внезапно все изменилось — ты уменьшился, но я видел множество деталей... их не видел никто... Ты можешь стать Высокородным, но можешь и отказаться, как хочешь. Это не имеет значения... Я видел это в тебе... Это не имеет значения!

Император толкнул Джима вперед.

— Вот так со мной всегда, — снова заговорил он, — все для меня ясно... иногда... и тогда я понимаю, что на шаг впереди остальных Высокородных. Мы стремились к этому многие поколения, но еще не в состоянии сделать шаг... Осознал?

— Да, Оран.

— Но иногда, — продолжал Император, — как только я пытаюсь взглянуть в мир — все расплывается и превращается в туман. И я теряю чувство... внутреннего зрения... и начинаются сны — днем и ночью. Три раза приходил Голубой Зверь...

Император остановился, и Джим подумал, что это остановка перед дальнейшей беседой, но внезапно рука,

Высокородного упала с его плеча. Джим остановился и повернулся. Оран весело улыбался.

— Ну что ж, я не должен задерживать тебя, Дикий Волк, — сказал Император совершенно нормальным голосом. — Вечер принадлежит тебе, и ты — почетный гость! Радуйся! Познакомься, если хочешь, с кем-нибудь. Мне надо найти Вотана. Когда я один, он сильно беспокоится.

Император исчез.

Джим остался стоять. Постепенно его окружили Высокородные и слуги. Он оглянулся, но Ро нигде не было.

— Адок! — тихо позвал он.

И Старкиен появился.

— Извини, — сказал он, — я не знал, что Император уже закончил аудиенцию. И разыскал слугу.

— Перенеси меня так, чтобы я видел его, но он не мог видеть меня, — сказал Джим. И они очутились в полумраке, между двумя колоннами. Джим разглядел коричневого маленького слугу, который стоял между висящими в воздухе подносами. Землянин и Старкиен расположились позади него.

Джим запомнил это место и перенес себя и Адока туда, где только что разговаривал с Императором.

— Слушай, — сказал он. — Я бы хотел все время видеть Императора. Ты же не должен терять меня из виду. Как только я исчезну, подойди к Вотану и передай ему, что он мне нужен как важный свидетель. Потом перемести его поближе к подносам.

— Да, — бесстрастно согласился Старкиен.

— А сейчас — как мне найти Императора?

— Я могу отправить тебя к нему. Все Старкиены могут найти своего Императора в любом месте.

И они оказались рядом с Императором — всего в нескольких футах от него. Оран разговаривал и смеялся с двумя Высокородными. Около него, чем-то рассерженный, стоял Вотан.

Джим старался двигаться в темпе так, чтобы находиться от Императора примерно на одном и том же расстоянии. Дважды Оран неожиданно исчезал, и землянину приходилось прибегать к помощи Адока и выбирать новую позицию для наблюдения. Высокородные не обращали на него внимания, они, казалось, не желали замечать Дикого Волка, в честь которого был устроен вечер, вероятно, принимали его за одного из слуг.

Время тянулось медленно. Джим уже начал сомневаться в своем плане, когда внезапно увидел, что ожидал. Император застыл.

Джим торопливо шагнул в сторону, чтобы увидеть лицо Орана. Император смотрел мимо Высокородного, с которым только что разговаривал. Его взгляд был четким и ясным, но зрачки остановились, улыбка скривилась и струйка слюны потекла из уголка рта...

И... никто ничего не заметил. Но Джим не терял времени даром. Он обернулся и увидел слугу с подносом, на котором лежало что-то похожее на пирожки. Слуга стоял совершенно спокойно.

И еще трое Низкорослых застыли как статуи. Вероятно, Высокородные уже почувствовали что-то, но Джим не стал ждать, к какому мнению они придут. В ту же секунду он переместился к колоннам.

Человек с подносом...

Джим, согнувшись почти вдвое, бесшумно приблизился к слуге и схватил его — одной рукой за шею, возле самой головы, а второй под мышкой.

— Одно слово — и я сломаю тебе шею, — прошептал Джим.

Человек пытался вырваться, но землянин успокоил его.

— А сейчас делай то, что я прикажу...

Джим оглянулся. В тени колонны вырисовывались силуэты Старкиена и Высокородного.

— Положи два пальца левой руки на бицепсы правой, — прошептал Джим слуге.

Человек не двинулся. И тогда, прячась за его спиной, Джим хладнокровно надавил на его шею большим пальцем. Низкорослый немного сопротивлялся, потом резко, как робот, поднял левую руку и положил два пальца на бицепс правой.

Окаменевший слуга, который стоял ближе всех, внезапно ожил и пошел, увлекая за собой ничего не понимающих Высокородных. Джим быстро закрыл рот заговорщику и, чуть приподняв его, потащил в тень.

— А сейчас, — хмуро сказал Вотан. — Я...

Но слуга захрипел, тело его бессильно повисло на руках Джима...

— Да, они не могли оставить этого слугу в живых, — сказал Вотан. — Я не сомневаюсь, что даже его мозговая структура разрушена.

Он взглянул на Джима. Высокородный уже многое понял.

— Ты знаешь, что здесь кроется?

Джим отрицательно покачал головой.

— Но ты все знал, — прошептал Вотан. — Ты был так уверен, что даже пригласил меня. Кстати, почему?

— Ты — единственный Высокородный, который понимает, что ум Императора затуманен.

Вотан побледнел. Только через несколько секунд мог он говорить.

— Как ты узнал об этом... этом... о том, что задумали слуги?

— Я не мог знать все, — сказал Джим. — Но, изучив под землей немой язык слуг, я понял, что они что-то затевают. Вспомнив о вечере и... о рассудке Императора, я

решил идти — игра будет разыграна только здесь. Адок нашел то, что я подозревал. Дальше ты все знаешь.

При упоминании о «рассудке Императора» Вотан насторожился, но к концу речи Джима расслабился.

— Ты хорошо поработал, Дикий Волк, — сказал он. — С этого момента я займусь остальным. И нам лучше будет убрать тебя ненадолго с Тронного Мира, поручились за тебя для усыновления или нет, — Вотан задумался. — Император повысит тебя в чине. Раз уж твое поручительство подписано и ты, возможно, станешь Высокородным. Он назначает тебя командиром полка и посылает на усмирение восстания на одном из колониальных миров.

Он отвернулся от Джима, Адока и мертвого слуги, вероятно, чтобы переместиться, но неожиданно изменил свое решение и, повернувшись, пристально посмотрел на землянина:

Как тебя зовут?

— Джим.

— Джим... Ну что ж, ты хорошо поработал, Джим. Император оценит это. И я тоже.

Вотан исчез.

4.

Планета Атила, на которую послали Джима, Адока, десять частей Старкиенов и Гарна — настоящего командира полка, была населена маленькими коричневыми черноволосыми людьми. Губернатор — волосатый коротышка — не говорил о восстании ни слова и настоял на том, что будут проделаны все церемонии приветствия, прежде чем начнется разговор о деле.

Но он не мог вечно увильживать от объяснений. В конце концов Джим, Адок и Гарн оказались в приемной губернатора. Коротышка приказал принести подушки, поудобней и освежающие напитки, но Джим прервал его...

— Все это не имеет значения. Расскажите нам о восстании — где оно происходит, сколько людей принимает в нем участие, каким оружием они располагают?

Губернатор внезапно расплакался.

На мгновение Джим был ошеломлен. Он вспомнил, что мужчины всех обитаемых миров никогда при людях не ревели так громко, как сейчас плакал губернатор.

Джим немного подождал и снова повторил свои вопросы. Коротышка попытался ответить.

— Я никогда не думал, что они пришлют не Высокородного. Я хотел отдаться на его милость... Но ты не Высокородный... Он чуть было снова не расплакался, и Джим заговорил с ним строго, чтобы привести его в чувство.

— Встать!

Губернатор повиновался.

— Да будет вам известно, что за меня поручились перед усыновлением Высокородные. Но не в этом дело. Кого бы ни прислал сюда Император — вы должны быть довольны!

— Я... я... — губернатор даже поперхнулся, — я... солгал. Это не просто восстание. Все семьи планеты объединились. Даже мой брат Клүф с ними. Признаюсь — он их главарь. Они собрались, чтобы убить меня и посадить его на мое место.

— Объяснить!

Джим знал, что колониальные миры скопировали со столицы Империи свою организацию. Элита этих миров состояла из самых благородных семейств, управляемых семьей губернатора, который казался маленьким местным Императором.

— Как вы могли такое допустить? — сурово спросил Гарн. — Почему вы не использовали колониальные войска раньше, чтобы пресечь мятеж в зародыше?

— Я... я... — губернатор растерянно взмахнул руками. У Джима не осталось ни малейших сомнений в том, что произошло. Занятия в подземном Центре обучения и на экране Ро дали ему четкое представление не только об обществе Тронного Мира, но и о колониальных мирах.

Вероятно, губернатор позволил этому делу зайти так далеко, потому что был уверен в своих возможностях, но переоценил себя. Потом, когда мятеж перерос в революцию, он побоялся сообщить об этом в столицу и попросил меньшее число Старкиенов, чем требовалось. Возможно, губернатор предполагал, что восстание можно будет потушить, заключив какой-нибудь договор.

— Сэр, — сказал Гарн.

Они отошли в другой конец комнаты, где их не могли подслушать. Адок последовал за ними, и губернатор остался один.

— Сэр, — сказал Гарн, как только они отошли на достаточное расстояние, — я настоятельно советую ничего не предпринимать и обратиться на Тронный Мир за помощью. Если хотя бы половина того, что говорит этот Низкорослый, правда, восставшие люди уже захватили контроль над всеми вооруженными силами планеты. Полк Старкиенов может сделать очень много, но мы не можем побеждать армии. Мы не можем терять людей из-за его глупости.

— Конечно, — сказал Джим. — Конечно, нет. Но с другой стороны, нам следует сначала лучше разобраться в ситуации. Пока мы говорили только с губернатором. Все может быть не так плохо, как ему кажется.

— Сэр, — сказал Гарн, — я возражаю! Каждый Старкиен очень дорогой и ценный человек. Опыт и вооружение! Нельзя

рисковать в безнадежном деле, и, как бывший командир, я вынужден довести до вашего сведения, что нечестно и несправедливо так рисковать моими парнями.

— Сэр, — сказал Адок (с тех пор, как они покинули Тронный Мир, телохранитель соблюдал военный этикет), — адъютант-командир совершенно прав.

Джим взглянул на Старкиенов. Их слова напоминали ему, что хотя он и является фактически командиром полка, но настоящий боевой опыт у Гарна.

— Я ценю ваши возражения и советы, адъютант, но попробую сначала уладить все сам!

— Есть, сэр!

Лицо Гарна было совершенно спокойно. Джим отвернулся и подошел к губернатору, который при его приближении беспомощно поднял голову.

— Мне нужно задать вам много вопросов, — сказал Джим, — но сперва скажите, почему люди пошли за вашим братом?

Губернатор собирался заплакать, но, встретив холодный взгляд землянина, моментально передумал.

— Я не знаю... не знаю!.. Ходили слухи о каком-то покровительстве, — запнулся он и замолчал.

— Продолжайте, — приказал Джим.

— Покровителие с... Тронного Мира.

— Покровительстве Высокородного?

— Я никогда не слышал в точности! — воскликнул побледневший губернатор, — только слухи!

— Не бойся! Послушай меня. У твоего брата несомненно есть войска. Где они расположены и сколько их?

Когда дело перешло от Высокородных к делам его планеты, губернатор ожил, как увядший цветок, омытый водой. Его узкие плечи расправились, голос стал увереннее, и он повернулся, указывая на стену своего кабинета.

— К северу отсюда, — он назвал расстояние в единицах Империи — примерно 60 земных миль, — лагерь на равнине, окруженный холмами. На каждом холме пост и часовые — лучшие солдаты нашей армии. Три... три четверти... — запинаясь, продолжал губернатор, — может быть...

— Более 98 процентов всех вооруженных сил, — вставил Гарн, выразительно посмотрев на губернатора, — если он говорит о трех четвертях.

— Почему они до сих пор не захватили столицу? — спросил Джим.

— Я... я сказал им, что должны прибыть вы... Я даже согласился начать переговоры, если вы уйдете с планеты.

— Единственно возможные переговоры и условия, — сказал Гарн, — это безоговорочная капитуляция. Сколько это примерно людей — 98 процентов от ваших вооруженных сил?

— Три дивизии, — пробормотал губернатор, — примерно сорок тысяч вооруженных солдат.

— От шестидесяти до семидесяти тысяч, — сказал Гарн, посмотрев на Джима.

— Очень хорошо, — сказал Джим. — По местному времени скоро зайдет солнце. У вас есть луна? — добавил он, обращаясь к губернатору.

— Целых две, — начал губернатор, но Джим перебил его.

— Одной будет достаточно. Как только стемнеет, пойдем посмотрим на этот лагерь.

Губернатор улыбнулся.

— Ты пойдешь с нами, — сказал Джим, и коричневый человечек чуть не расплакался.

Через четыре часа, когда первая ранняя луна — оранжевый пылающий круг — осветила низкие холмы на горизонте, небольшой вертолет поднялся с площадки и полетел в черном небе, чуть выше нависающих облаков, в направлении, указанном губернатором. Пятнадцать минут — и он опустился ниже, приблизившись к холмам.

Вертолет приземлился у холмов, покрытых трехфутовой травой. Они спрятали его и пошли дальше пешком. Впереди, на расстоянии 15 ярдов друг от друга пробирались Старкиены. Они двигались абсолютно беззвучно, но и Джим шел точно так же благодаря своему богатому опыту охотника на Земле. Бесшумно шел и губернатор, который, казалось, чувствовал себя как дома. Когда Джим убедился, что маленький человечек не выдаст себя неосторожным движением, он отошел от него на 15 ярдов.

На вершине холма Старкиены внезапно упали на траву. Прошло несколько минут, и неожиданно у ног Джима появился Адок.

— Все в порядке. Можно идти.

Часовые спали. Джим и губернатор встали и последовали за Старкиеном. На самой вершине холма находился наблюдательный пост, огражденный проволокой. В его центре, под большим навесом должен был сидеть часовой. Но его нигде не было видно.

— Лагерь там, — сказал Гарн, протягивая руку над проволокой и указывая на дальний из холмов. — Сейчас все в порядке. Вы можете пройти под проволокой, сэр. Никто ничего не увидит и не услышит.

Джим подошел к адъютанту и взглянул вниз. Он увидел небольшой город.

— Подойдите сюда и посмотрите. Вы не находите ничего подозрительного в этом лагере? — спросил Джим у губернатора.

— Сэр, — сказал Гарн, — этот лагерь построен согласно обычным военным законам. Каждый квартал охраняет определенное количество людей.

— Да, но они еще выстроили здание Совета! Вы только посмотрите!

— Где? — спросил Джим.

Губернатор показал на гигантский купол, возвышавшийся справа от геометрического центра лагеря.

— Только губернатор имеет право созывать совет среди войск! — вздохнул человек. — Но они поторопились. Как будто меня уже сместили или я умер...

— Вы что-то подозреваете, сэр? — сказал Гарн.

Адок подошел к ним.

— Я не уверен, но... адъютант, каким оружием владеет организация Старкиенов?

— У нас великолепные индивидуальные защитные экраны. Каждый наш воин обладает оружием, равным по мощи огня целой колониальной батарее.

— Значит, у вас такое же точно оружие, как у них, только лучше и эффективнее. Так?

— Сэр! Самое величайшее оружие Старкиенов — это сами Старкиены! Они...

— Я знаю! — недовольно прервал его Джим. — А как насчет... — он попытался подобрать нужное слово и перевести его на язык Империи. — ... насчет больших орудий? Массовое уничтожение?

— Ни одной колонии не разрешают иметь ядерное оружие. Возможно, они построили дальнобойные орудия, но вряд ли. Что же касается антиматерии, нет... Это абсолютно исключается!

— Одну минуту. А Старкиены на Тронном Море имеют доступ — как вы сказали — к антиматерии?

— Конечно. Но они не используют ее уже сотни веков, — сказал Гарн. — Вы хоть примерно представляете себе, сэр, что это такое?

— Немного, — хмуро сказал Джим. — Небольшая частица антиматерии при соприкосновении с материей вызывает грандиозные разрушения, — он минуту помолчал, потом резко сказал: — Ну так как, адъютант? Вы видели, как обстоят дела. Нужно ли просить Тронный Мир о помощи?

— Нет, сэр, — просто ответил Гарн. — Если они всего одного часового оставили, значит, у них немного солдат. Их лагерь расположен удобно для воинов, но для обороны почти непригоден. Я не вижу патрулей на улицах, нет патрулей секторов и — удивительно — никакой сигнальной системы. Эти люди еще не поняли, что такое война!

— Продолжайте!

— Сэр, сопоставив все, что я вам сейчас говорил, с фактом, что все их руководители собраны в одном здании, можно прийти к выводу: я предлагаю прямо сейчас послать Адока за нашими людьми, и как только они подойдут, устроим

небольшой налет, захватив их лидеров. Потом атакуем их всеми силами — они не смогут защищаться. Главарей отправим в столицу на суд.

— А что, если слухи справедливы и мятежники имеют друга среди Высокородных?

— Сэр, — сказал Гарн. Он был удивлен. — Невозможно! Ну ладно, допустим, что такой покровитель существует, все равно он не остановит нас. Старкиены подчиняются только Императору!

— Да, — сказал Джим. — И все же, адъютант, я не последую вашему совету.

Он отвернулся от Гарна и взглянул на маленького губернатора.

— Ваши знатные семьи всегда соперничают, не так ли?

— О!.. Они всегда интригуют против меня все! — человек неожиданно захихикал. — Да, я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду, командир. Они все время дерутся. И честно говоря, это мне очень помогает управлять планетой. Да-да, они всегда обвиняют друг друга во всех смертных грехах и вечно лезут на место получше.

— Естественно, — сказал Джим сам себе. — Французы называли это «нойо».

— Сэр? — сказал Гарн. Маленький губернатор тоже был удивлен. Научный термин на языке Земли ничего не говорил им.

— Неважно. Есть ли хоть один человек, которого так ненавидит ваш брат?

— С кем Клуж... — губернатор задумался. Он смотрел на посеребренную луной траву. — С кем Клуж... А да, Нотрал!... Да, если с кем-нибудь у него и возникали трения, то только с Нотралом.

Он указал на лагерь.

— Видите? Люди Клужа расположены вон там, а люди Нотрала — почти напротив. Чем дальше они друг от друга, тем больше это им нравится.

— Гарн, Адок, — сказал Джим, поворачиваясь к двум Старкиенам, — у меня есть для вас особое задание. Тихо спуститесь вниз и приведите охранника, живого и невредимого, из отрядов Нотрала.

— Есть! — ответил Гарн.

— Прекрасно. Не забудьте завязать ему глаза. И завяжите потом, когда отпустите. А сейчас, губернатор, покажите еще раз расположение отрядов Нотрала.

Губернатор вытянул руку, и оба Старкиена исчезли так неожиданно, что Джим вспомнил перемещения на Тронном Море.

Прошло полчаса. Послышался шорох. Джим сел на землю, губернатор стоял рядом с ним, как того требовал этикет, причем даже стоя он был чуть выше Джима.

Адок приполз на пост часового и встал. За ним с земли поднялся коричневый юноша, за которым стоял Старкиен. Солдат колониальных войск мелко дрожал от страха.

— Подведите его, — сказал Джим, стараясь подражать шипящему акценту Высокородных Тронного Мира. Он сидел спиной к луне, и свет ее освещал лицо солдата, но Джим оставался в тени.

— Знаешь ли ты, кого я выбрал вашим последним и великим вождем? — сказал Джим и голос его был жесток.

Зубы солдата стучали. Он не мог говорить и тогда принялся изо всех сил трясти головой. Джим выругался.

— Ладно, неважно, — резко сказал он. — Ты знаешь, кто контролирует площадь за секцией?

— Д-д-да...

— Пойдешь к нему. Скажешь, что я переменял свои планы. Он должен взять власть в свои руки, причем немедленно.

Юноша задрожал, но ничего не сказал.

— Ты меня понял? — заорал Джим. Пленник судорожно задергался.

— Хорошо, Адок, проводи его. Мне нужно отдать приказ адъютанту прежде, чем ты уйдешь.

Адок оттащил солдата за проволоку. Джим приказал Гарну и губернатору приблизиться.

— Покажи территорию Клуфа.

Губернатор задрожал — испуг пленника как бы передался ему. Потом показал пальцем на район. Гарн задал ему несколько вопросов, потом повернулся к Джиму.

— Вы хотите, чтобы я отвел нашего пленника туда, сэр?

— Да, адъютант.

— Есть!

На этот раз они вернулись позже, примерно через час. Когда Джим услышал, что они отпустили юношу и что его окликнули и подобрали солдаты Клуфа, он приказал всем уходить с холма к вертолету.

Они быстро пошли вниз, но Джим окончательно успокоился только тогда, когда вертолет взлетел. Адок сидел за пультом управления, и землянин велел ему отвести аппарат как можно дальше от лагеря, но так, чтобы за ним можно было наблюдать по экранам. Примерно через восемь минут они очутились милях в десяти от лагеря. Вертолет завис на высоте пятнадцати тысяч футов, как облако в безветренный день, над заснувшим городком.

Джим внимательно смотрел на мерцающий экран, и Гарн тоже смотрел, хотя и не знал, зачем это нужно.

Иногда Джим сдвигал рукоятки, переводя фокус на отдельные улицы и здания. Темно... Вдруг внезапно засияла

полоска света, не ярче вспышки фонаря, причем в самом центре лагеря, у здания совета.

— Я думаю... — начал было Джим, но Гарн рванулся к пульту и перехватил управление, вертолет метнулся назад вверх. Адок, опытный солдат, только в первую секунду попытался удержать рычаги, но почти сразу же уступил место старшему.

Джим тихо спросил Гарна:

— Антиматерия?

Гарн кивнул.

Через минуту вертолет закувыркался, когда его достигла ударная волна.

Адъютант вскоре выровнял корабль. Отделались они сравнительно легко — несколько стекол было разбито и губернатор в бессознательном положении лежал на полу, из его носа шла кровь. Джим помог Адоку пристегнуть маленького человека к креслу. Ни один из них не догадался использовать ремень, хотя они и ожидали ударной волны.

— Стоит возвращаться? — спросил Джим. Адъютант покачал головой.

— Там ничего не осталось. Разве что кратер.

— Сколько антиматерии было использовано?

— Я не эксперт, сэр, — сказал Гарн, — общее количество примерно... вы бы смогли удержать это в кулаке. Но это сравнение только для удобства. Действующий элемент не более чем песчинка. Сэр?..

— Да.

— Я хотел бы вас спросить, как вы догадались, что в лагере антиматерия?

— Простое умозаключение, основанное на фактах, собранных здесь и на Тронном Мире.

— Значит, это была ловушка, — спокойно сказал Гарн. — Ловушка для меня, и — прошу прощения, сэр, — для ваших Старкиенов. Они хотели, чтобы мы вошли в открытую дверь — поэтому тот район и не охранялся. Весь полк моих солдат был бы сметен... — он умолк.

— Но, — сказал Адок, — ведь колониальные войска должны были знать, что погибнут?

— С чего ты взял? Тот, кто снабдил их антиматерией, не хотел оставлять лишних свидетелей.

Через минуту Гарн спросил у Джима, что такое «нойо».

— Специальные группы, адъютант, — сказал Джим. — Семейные группы, занимающиеся грабежами, оскорблениями и войнами по любому поводу.

— Эти... — Гарн искоса поглядел на губернатора. — Эти составляют «нойо»?

— Только главные семьи, — объяснил Джим. — Они занимаются этим, потому что им просто скучно. «Нойо» никогда

не доверяют друг другу. Когда этот солдат, пойманный на территории Клуфа, был допрошен, брат губернатора тут же решил, что его предал кто-то на Тронном Мире. Он попробовал захватить антиматерию, и какая-то случайность погубила его. Я, правда, предполагал, что моя попытка приведет к расколу в лагере, и тогда мы бы спокойно разгромили Клуфа и забрали антиматерию.

— Я понимаю, сэр, — сказал Гарн. — А что сейчас, сэр?

— Сейчас мы должны как можно скорее вернуться на Тронный Мир.

— Сэр! — воскликнул Гарн.

Потом все молчали. Один губернатор плакал, он шептал: «Клуф... Клуф...» и жалобно всхлипывал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

Корабль, на котором Джим и Старкиены прилетели на Атилу, был миниатюрной копией корабля Галиана и Афуан. В нем хватало места, он был простым и экономичным, как и все у Высокородных. Капитан просто представлял себе место его назначения, а все расчеты, вплоть до самых сложных, проделывал сам корабль. Когда они поднялись с Тронного Мира, корабль направлял Гарн, так как Джим не знал места назначения. Но сейчас, когда они возвращались, ему не нужна была помощь. Он мог просто вспомнить любое место на Тронном Мире — хоть свою комнату — и корабль спустился бы там.

Перед самым приземлением Джим отозвал Гарна и Адока в сторону.

— Адъютант, я хочу, чтобы полк пока оставался на корабле. Вам пока не надо возвращаться в казармы и посылать рапорт. Подождите...

— Это против правил, — задумчиво сказал Гарн. — Скажите, это приказ?

— Приказ!

— В таком случае его выполнению могут воспрепятствовать только личные приказы Императора или то, что личный приказ противоречит желаниям Императора. Но после того, что случилось, я не думаю, что данный приказ противоречит желанию Императора.

— Верьте мне, адъютант. Я забочусь только о благополучии Императора. Оставляйтесь на корабле.

— Сэр! — многозначительно сказал Гарн. — Вы возвращаетесь к себе?

— Да. Со мной пойдет Адок.

Он дотронулся до руки Старкиена. В его квартире никого не было. Джим немедленно отправился к Ро.

Девушка была у себя — она возилась с приемышами. Увидев землянина, Высокородная отбросила инструменты и вскочила.

— Джим! — закричала она. — О, Джим!

Он прижал ее к себе. Но через минуту освободился от объятий.

— Прости, — нежно сказал Джим, — но нам надо спешить.

— Это твоя форма Старкиена? — спросила Ро. — Какой ты в ней большой! Скажи, эти ленты еще заряжены?

— Да.

— Да? — она рассмеялась. — Сокруши эту стену! — Она внезапно замолчала и заплакала.

— Нет! Нет! Что я такое говорю? — она храбро взглянула на него. — Что случилось, Джим? Ты испуган?

— Нет, но... Скажи мне, Ро, что на Тронном Мире голубого цвета?

— Голубого? Ты имеешь в виду голубой цвет? — переспросила она.

— Да.

— Но... мы обычно носим белые одежды. Ты это знаешь. Не думаю, что на Тронном Мире ты найдешь сейчас что-нибудь голубое, за исключением разве сувениров из других миров.

— Подумай. Постарайся вспомнить.

— Но ведь действительно ничего... О, разве что ты хочешь, — прервала она себя, — чтобы я перечислила обычные вещи. У нас голубое небо, голубая вода... и, — она улыбнулась, — есть у нас еще Голубой Зверь Императора, если уж тебе все хочется знать.

— Голубой Зверь?

Голос Джима так изменился, что Ро побледнела.

— Ну да, — испуганно сказала она. — Это ничего не значит. Это его игрушка. Потом ему стали сниться кошмары, и ее спрятали. Я не знаю, кто ее спрятал и куда, и думаю, что сейчас этого уже никто не знает. Потом его стал раздражать голубой цвет. Где бы ни был Император, теперь он никогда не увидит ничего голубого. Это важно?

— Мне нужен Вотан. Как его найти?

— Джим, что случилось? — девушка по-настоящему испугалась — Вотан с Императором, и ты не можешь туда пойти. О, я знаю, тебе это удалось один раз... Но не сейчас! В особенности сейчас!

— Почему в особенности? — спросил Джим.

— Не надо... — неуверенно сказала девушка. Землянин успокоился.

— Ну хорошо. А теперь объясни — почему именно сейчас?

— Просто сейчас начались эти неприятности на колониальных мирах, — сказала Ро. — Вотан все время посылает Старкиенов на помощь губернаторам низших рас, и сейчас на Тронном Мире мало солдат. У него сейчас нет ни одной свободной минуты.

Внезапно она замолчала.

— Джим, в чем дело?

Он не слышал ее. Он смотрел в прозрачное море, омывавшее песчаный берег. И здесь тоже песчаный берег и океан? И эта мысль вернула его к действительности.

— Мне нужен Оловиель, — Джим пристально посмотрел на нее. — Потом мы вчетвером — ты, я, Адок и Оловиель — должны найти Вотана во что бы то ни стало, с Императором он или нет.

— Ты сошел с ума, Джим! Ты не можешь пойти к Императору в энергетических лентах, ни один человек не имеет права носить при Императоре больше одной трубки. Его Старкиены убьют тебя в ту же минуту чисто инстинктивно. Если ты решил так рисковать, так хоть сними ленты. И ты тоже, Адок!

И девушка принялась стаскивать энергетические ленты с мускулов Джима. Ро, несомненно, была права, и он стал помогать ей. Через минуту Джим остался без оружия, не считая черной трубки, висевшей над поясом. Оглянувшись, он увидел, что Адок снял свои ленты.

— А сейчас к Оловиелю. Ты должна его найти. Я даже не знаю, где он живет.

Девушка прикоснулась к его руке, и они переместились.

— Оловиель! — крикнул Джим. Никто не ответил.

— Его здесь нет, — сказала Ро. — И нет смысла искать его по всему Тронному Миру. Так мы его никогда не найдем. Думаю, что самое лучшее — подождать его здесь.

— Подождать? — спросил Джим. — Ждать — нет, это недоступная для нас роскошь. Может быть...

Он замолчал, потому что перед ним возник Оловиель.

— Здравствуй! Ты первый вернулся домой с победой. Я слышал, что твой корабль приземлился, но тебя не было дома. В комнате Ро лежала целая куча энергетических лент. Вот я и вернулся, надеясь, что есть от вас известие, — а вы сами здесь.

Он улыбнулся и вежливо пригласил Ро и Джима сесть. На Адока он не обратил ни малейшего внимания.

— Хотите выпить? Поесть? Могу вам предложить...

— Ничего! — прервал его Джим. — Скажите мне, Оловиель, вы верны своему Императору?

Оловиель удивленно поднял брови.

— Мой дорогой Дикий Волк, — протянул он, — ВСЕ Высокородные верны своему Императору.

— Есть верность и ВЕРНОСТЬ, — резко сказал Джим. — Я не спросил тебя, лоялен ли ты формально. Я тебя спросил, верен ли ты, как, например, Старкиен?

Высокородный насторожился.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. Маска безразличия исчезла.

— Ты мне не ответил.

— А стоит ли отвечать?... В конце концов, я Высокородный, а ты всего лишь бывший Дикий Волк, существо низшей расы, и я... да, я отвечу! Я верен, Джим!

Голос его внезапно стал жестоким.

— А сейчас — в чем дело? Мне нужен прямой и быстрый ответ.

— Мой полк Старкиенов на Атиле, — сказал Джим, — пытались заманить в ловушку. Там была антиматерия!

— Антиматерия? — лицо Оловиеля на секунду от изумления как бы затвердело, потом он быстро расслабил мускулы. Он поверил в невероятное утверждение и теперь анализировал причины и следствия. Через несколько минут Высокородный посмотрел на Джима.

— Да, ты прав. Нам надо повидать Вотана.

— Именно это я и собирался сделать. Я ждал только тебя. Пойдем с нами.

— С нами? — Оловиель взглянул на Адока. — Мы пойдем вдвоем. Этого вполне достаточно.

— Мне нужен Адок как свидетель. А Ро пойдет с нами. Так безопасно.

— Разве? А, да... я понимаю. Ты хочешь сказать, что ее могут взять как заложницу и использовать против нас. Хорошо, Старкиен!

Оловиель подозвал Адока, и они переместились.

Переместились в зал со сценой. Светло-зеленые стены вздымались ввысь. В центре зала на полу был установлен странный вращающийся прибор, создававший переливающуюся радугу. На потолке сияли все цвета радуги, кроме голубого. Император полусидел-полулежал на подушке, наслаждаясь игрой красок.

Рядом стояли Старкиены, вооруженные трубками и энергетическими лентами. Вотан сидел за пультом, передвигая разноцветные рукоятки. Джим один раз видел все это.

— Непрошенные гости! — Старкиены автоматически выхватили оружие, но Вотан быстро поднял голову, заметил Оловиеля и махнул рукой, приказывая телохранителям убрать черные трубки.

— Мне не сказали, что твой полк вернулся в казармы. Я не мог использовать их, — сказал он Джиму.

— Именно поэтому я приказал им не возвращаться, — ответил землянин.

Вотан нахмурился.

— Что? Кто дал тебе право... — он замолчал — перед ним возник маленький коричневый слуга, похожий на Мелиеса. Слуга держал небольшую белую коробочку.

— Это было переслано принцессе Афуан через губернатора... — слуга назвал императорское слово, означающее Альфа Центавра, — для тебя, Вотан.

— Хорошо, — сказал Высокородный. Слуга исчез. Вотан положил сверток на стол и, помедлив секунду, развернул его.

— Что это значит? — недовольно спросил он. Вотан хотел было что-то добавить, но его прервали:

— Это я, Оран! — сказал кто-то.

Император встал с подушки и подошел к столу. Он нетерпеливо вытащил кусок красного гранита, грубо отполированный, примерно трех дюймов в диаметре.

— И здесь записка... — он расправил кусок бумаги. — Читаю — «По просьбе моего доброго друга, Джеймса Кейла, посылаю этот образец с его родной планеты как сувенир для Высокородного Вотана».

Император, восхищенно улыбаясь, взглянул на старика.

— Это подарок тебе, Вотан, — весело сказал он, — от нашего бывшего Дикого Волка. Возьми!

Император бросил камень Высокородному, и Вотан поймал его.

И в ту же секунду вокруг Вотана ослепительно засверкал голубой ореол, сияющий свет ослепил и изменил линии его фигуры во что-то страшное, звериное.

Император громко застонал, отпрянул назад, прикрывая лицо руками.

— Племянник... — загремел искаженный голос старика. Вотан поднял голубые руки, похожие теперь на звериные лапы, и, как бы защищаясь, шагнул к Орану.

Император вскрикнул и попятился назад, споткнулся о подушку, но устоял.

— Голубой Зверь! — завопил он. — Убейте его! **УБЕЙТЕ ЕГО!**

Если Старкиены и колебались, то секунду, не больше. Три трубки были включены одновременно, и ослепительный голубой силуэт Высокородного исчез в белом пламени.

Старик споткнулся. Сияние потускнело, и небольшой обломок красного гранита покатился по ковру. Вотан рухнул на ковер, лицо его было не тронuto, но тело страшно обуглилось.

Наступила мертвая тишина. Император испуганно посмотрел на труп Вотана.

— Дядя? — раздался дрожащий и неуверенный голос. — Дядя?

Он медленно подошел к Вотану, и чем ближе, тем больше горбились его плечи, а лицо бессильно дергалось, как будто его пытали огнем. Император нерешительно взглянул на лицо Высокородного. Лицо Вотана не изменилось, глаза и рот были закрыты, мускулы ослаблены — спокойное, безмятежное лицо...

— Дядя... — снова послышался тоскливый голос Императора. И вдруг он застыл, чуть склонившись над Вотаном, свесив бессильно длинные руки и невероятно сгорбившись. На секунду Джиму показалось, что в такой позе невозможно сохранить равновесие, но Оран замер как статуя на пьедестале.

— Император... — сказал Оловиель. Внезапно в дальнем конце комнаты раздался довольный смех. Старкиены выхватили оружие...

Раздались три выстрела, и Джим, повернув голову, заметил, как медленно падают телохранители. Они лежали на полу, такие же спокойные, как Вотан.

У зеленых занавесей стоял Галиан. В его правой руке была черная трубка, а в левой — странное, похожее на пистолет устройство с длинным закрученным стволом. Из-за спины Галиана выглядывали Афуан и Мелиес.

Когда Джим повернулся к ним, Галиан небрежно, почти презрительно, бросил пистолет, который звеня проехал по ковру и мягко ударился о ногу мертвого Старкиена.

Галиан пошел вперед. Афуан и Мелиес последовали за ним. Каблуки Высокородного стучали по полированному полу. Он засмеялся.

— А ты, оказывается, опасен, Дикий Волк, — сказал он Джиму. — Ты не только умудрился вернуться назад живым, но и заставил меня волноваться. Но все обошлось хорошо.

Потом Галиан весело посмотрел на Оловиеля.

— Нет, — шутливо сказал он. — Нет! Не «Оран», а «Галиан». Нам следует научить тебя говорить «Галиан»!

2.

Слова Галиана поразили их. Джим увидел, что Оловиель весь напрягся и выпрямился. Галиан был самым высоким Высокородным, за исключением Императора, но Оловиель был почти так же высок. Два человека, каждый больше семи футов ростом, в упор смотрели друг на друга.

— Тебе никогда не удавалось научить меня чему-нибудь, Галиан, — сухо сказал Оловиель. — Я бы и не пытался на твоём месте.

— Не глупи, — заговорила Афуан, но Галиан быстро оборвал ее.

— Неважно. Кто мы такие, чтобы указывать ему! Ведь он сказал — мы никогда не сможем обучить его!

— Мы?! — Оловиель горько улыбнулся. — Ты уже стал употреблять множественное число, как Император, Галиан?

— Разве я сказал «мы»? — удивленно спросил Галиан. — Ну, это просто оговорка.

— Значит, ты не убьешь его? — спросил Оловиель, указывая на сгорбленную фигуру Императора кивком головы.

— Убивать его? — удивленно сказал Галиан. — Ну конечно, нет. Заботиться о нем — вот моя главная задача. Вотан никогда не мог по-настоящему ухаживать за ним. Он же немного нездоров, ты знаешь?

— А ты? — спросил Джим. Глаза Галиана сверкнули.

— Будь терпелив, мой маленький Дикий Волк! — прошептал он. — Твое время придет. Сейчас я забавляюсь с Оловиелем.

— Забавляюсь? — угрюмо сказал Оловиель. — Ты лучше придумай объяснение, как погиб Вотан.

Галиан ухмыльнулся.

— Вотана убили императорские Старкиены, по императорскому же приказу. Ты сам все видел.

— А кто убил Старкиенов?

— Ты, конечно, — довольно сказал Галиан. — Ты был возмущен, когда увидел, что Вотана убили ни за что.

— Ну да. А как насчет искажающего света? Джим никогда не просил губернатора Альфа Центавра посылать этот камень Вотану.

Галиан дал знак Мелиесу, который торопливо поднял откатившийся камень и положил его в карман.

— Какой, ты говоришь, искажающий свет? — поинтересовался Галиан.

— Понятно... — Оловиель вздохнул. — Но ведь я, конечно, не убивал Старкиенов.

— Я бы на твоём месте не говорил этого другим Высокородным. Теперь, когда умер Вотан, к Императору нужно приставить человека, и этим человеком буду Я! И если ты будешь рассказывать всякие сказки, Оран вполне может решить отослать тебя с Тронного Мира или изолировать для твоего же блага.

— Да. Но если даже я промолчу, сразу видно, что эти три Старкиена убиты тяжелым ручным интерпрессором. И все вернувшиеся Старкиены будут удивлены, как это я ухитрился убить из трубки сразу троих, ведь на них были одеты энергетические ленты полной мощности. И я могу доказать, что не появлялся на складе интерпрессоров больше года.

— Не сомневаюсь, — сказал Галиан. — Но вот возвратятся ли Старкиены? Нет! Они не вернуться!

Оловиель взглянул на Джима. Джим кивнул.

— Значит, наш Дикий Волк принес вести о маленьких ловушках на колониальных мирах, вот как? — сказал Галиан.

Оловиель рассмеялся и вытащил из-за пояса Адока трубку.

Галиан презрительно улыбнулся.

— Ты действительно сошел с ума? Мы с тобой фехтовали мальчишками. У тебя быстрая реакция, но у меня самая быстрая на всем Тронном Море, кроме... — он показал на Императора.

— Но потом мы никогда не пробовали играть в эту забавную игру. К тому же я, признаться, устал от пустых слов и забав Тронного Мира. Мне кажется... Да, я очень хочу убить тебя!

Он шагнул вперед. Галиан поспешно отступил назад и медленно вытащил трубку.

— Может быть, поспорить, — предложил он. — Давай спорить на Пункты Жизни. На пятьдесят Пунктов. Кто бы ни проиграл, ему этого вполне хватит, чтобы отправиться в изгнание.

— Не говори мне об этих игрушках, — сказал Оловиель медленно, шаг за шагом подвигаясь вперед, в то время как Галиан так же медленно отступал. — Мне кажется, я потерял всякий интерес к спорам.

Они стояли в центре зала. Между ними было не более 12 футов, но из-за высокого роста, широких плеч, чуть поданных вперед, вытянутых трубок казалось, что они находятся друг от друга на расстоянии вытянутой руки.

Внезапно оружие Оловиеля сверкнуло белой молнией и сам он отклонился назад и в сторону, чтобы ударить сбоку. Галиан нырнул под пламя, ударившее в то место, где секунду назад была его голова, и, повернувшись на каблуках, оказался лицом к лицу с Оловиелем.

Сделай он это чуть быстрее — и линия огня, направленная мимо первого выстрела Оловиеля, поразила бы его. Но пока Галиан поворачивался, его противник успел опустить оружие, заряд Галиана столкнулся с зарядом Оловиеля и белый огонь рассыпался искрами.

За первым страшным ударом — а Джим практиковался с Адоком в фехтовании на трубках, чтобы понять, насколько осторожной была борьба, — оба Высокородных обменялись обычными нападением и защитой. Фехтование на шпагах, если принять, что длина шпаги произвольно увеличивается и уменьшается.

Лезвие огня варьировалось от 10 футов до 6 дюймов. Один заряд полностью уничтожался другим, а все остальное зависело от ловкости и быстроты противников.

Оловиель и Галиан осторожно передвигались по полированному полу, избегая стен. Между ними струилось

пламя, неожиданно взрывавшееся фонтаном искр. На лице Галиана застыла улыбка, он был серьезен. Оловиель же после первой атаки полностью расслабился. Он, казалось, о чем-то мечтал, как будто это был не смертельный поединок, а незначительное спортивное состязание, где рисковали небольшими ставками.

Несколько недель назад Джим решил бы, что это своеобразный танец, участники которого держат в руках римские свечи, демонстрируя грацию человеческого тела и красоту фейерверка. Сейчас же он понимал, каким ужасным будет конец. Как ни был быстр и изящен Оловиель, Галиан несколько раз довольно быстро чуть не опередил его. Рано или поздно, но все искусство Оловиеля не поможет ему отразить роковой удар.

У Галиана была лучше реакция. А в таких дуэлях это самое главное.

Внезапно Галиан резко откинулся назад и влево, высоко ударил языком пламени, и поднырнув под контрудар Оловиеля, выпрямившись, полыхнул по левому бедру и руке противника.

Конец... — подумал Джим.

Оловиель упал на правое колено, его левая рука безжизненно свисала. Его оружие упало и покатилося по паркету, но он нашел в себе силы, чтобы рассмеяться прямо в лицо Галиану.

— Тебе смешно? Хорошо, я сотру эту улыбку.

И Галиан, подняв трубку, направил ее в лицо Оловиеля.

— Стой! — крикнул Джим и бросился вперед.

Галиан услышал стук подошв и повернулся быстро, как кошка.

Джим выхватил из-за пояса трубку. У него только и оставалось времени выхватить ее и ударить вперед. Высокородный успел обезвредить удар. Взметнулись искры.

Джим сбил пламя, летевшее в грудь.

Галиан расхохотался.

— Дикий Волк, Дикий Волк... Ты так ничего по-настоящему и не понял, кто такой Высокородный. Но я тебе сейчас дам урок.

— Джим! — воскликнул Оловиель. — Не надо! У тебя нет шансов! Беги!

— Вы оба ошибаетесь, — возразил Джим. Он был спокоен.

Вокруг Галиана и Джима сыпались искры, и вскоре Высокородный удивленно поднял голову.

— Неплохо! — сказал он. — Я даже сказал бы — совсем неплохо для Высокородного и просто бесподобно для такого дикого человека, как ты. Я буду очень огорчен, потеряв тебя, Дикий Волк!

Джим не ответил. Он дрался абсолютно спокойно, стараясь, чтобы его пламя всегда немного опережало заряд Галиана. Он кружил по залу, стараясь держаться в центре. Он боялся, что Галиан припрет его к стене. Если бы у него не было богатого опыта сражения на шпагах, саблях и эспадронах, Джим никогда бы не смог научиться бою на трубках за две короткие недели практики с Адоком. Но опыт и хорошая реакция помогали ему. Он двигался все увереннее.

— Да и вообще, зачем мне убивать тебя? — сказал Галиан, когда они столкнулись. Белая кожа Высокородного блестела от пота. — Будь разумен, Дикий Волк! Оловиель все равно умрет. Но для тебя я строил великие планы. Я хотел, чтобы ты стал командиром моих новых Старкиенов!

Джим не ответил. Он упорно атаковал.

Сбоку раздались шаги и голос Ро:

— Назад!

Землянин не осмелился оглянуться, но через несколько секунд они поменялись с Галианом местами и Джим увидел Ро, которая держала под прицелом принцессу Афуан. Мелиес лежал у ног Адока, и было похоже, что у господина всех слуг сломана шея. Только Император, склонившийся над трупом Вотана, был неподвижен.

— Что ты о себе воображаешь? — внезапно прохрипел Галиан. — Когда я говорю с тобой, ты должен отвечать, Дикий Волк!

Джим парировал удар в голову и молча отступил.

— Ну хорошо, — Высокородный улыбнулся. — Мне это надоело! Я играл с тобой, надеясь, что ты одумаешься! Хватит! Я убью тебя!

Галиан неожиданно атаковал, искры сыпались со всех сторон, и Джим понял, что борется за свою жизнь. У Высокородного были огромные преимущества перед ним: рост, широкий шаг, длинные руки — и он использовал это. Джим парировал его удары, но отступал. Галиан возвышался над ним. Землянин пытался развернуться, но путь уже был отрезан ослепительными молниями. Высокородный бил все чаще и чаще. Джим прикинул в уме пройденный путь и понял, что сейчас его спина упрется в стену. А если это удастся Галиану, дуэль кончится быстро.

Зубы Высокородного были обнажены в злобной усмешке, с подбородка стекали капли пота. Его длинные руки мешали Джиму уйти влево или вправо. Скоро отступить будет некуда.

Был только один способ вырваться из тюрьмы пламени — остановить атаку Галиана и атаковать самому, заставить его отступить. Только скорость могла спасти его. Джим должен был быть быстрее Высокородного.

Дальше колебаться не было смысла. Джим отразил очередной удар и атаковал. При первых яростных выпадах Высокородный остановился, удивленно отступил назад, но вскоре оправился.

Галиан коротко хохотнул, хотел что-то сказать, но решил не тратить дыхание. И ему, и Джиму явно не хватало воздуха. Противники в течение десяти секунд не уступали друг другу ни дюйма. Скорость была убийственной. Ни один землянин не мог бы выдержать такого напряжения даже минуту, однако Джим держался. Галиан изумленно взглянул на него сквозь огонь и дождь искр.

— Ты не можешь этого... не можешь... не можешь... — выдохнул он.

— Могу... — устало прошептал Джим.

Красивое лицо Галиана исказила гримаса ярости. Он отразил удар землянина и немедленно провел огнем круг — земные фехтовальщики называли этот прием «мулине».

Высокородный пытался сбить пламя с самого конца трубки противника. Если бы Галиану удалось это, у него была бы в запасе секунда для маневра. Пламя отнесло дугу и пошло вниз, но пламя противника последовало за смертоносным потоком. Круги огня бежали с бешеной скоростью, и вскоре Джим перехватил инициативу.

Пламя его трубки описало огненную дугу, землянин резко поднял луч точно за линией огня противника и нанес удар в незащищенную грудь Высокородного.

Трубка Галиана полосула огнем по правому боку Джима, и внезапно глубоко под ребрами землянин почувствовал пустоту и холод. Высокородный покачнулся и распростерся у ног противника.

Пот заливал Джиму глаза, но он разглядел, что Оловиель уже стоит, хотя и опирается на плечо Ро. Землянин несколько раз глубоко вздохнул и немедленно отошел от мертвого.

— Джим, — сказал Оловиель, удивленно посмотрев на него. — Кто ты?

— Дикий Волк. Зачем ты поднялся?

Оловиель невесело рассмеялся.

— Наши раны исчезают быстро. Ты ранен?

— Со мной все будет в порядке. Но за мной остались трупы, займись этим. Мне пора домой.

— Домой?

— На Земле мир, из которого я пришел. — сказал Джим. — Чем меньше шума, тем лучше для Императора. Скажешь, что Галиан убил Вотана и Старкиенов в припадке безумия и ты застрелил его, защищая Импе-

ратора. — Землянин взглянул на Афуан. — Если, конечно, она будет молчать.

— Принцесса не захочет огорчить меня, — сказал Оловиель. — Галиан предупредил, что если я соглашусь с ним, то Император отправит меня в изгнание или изолирует в моих же собственных интересах. Сейчас это относится к ней.

Он отвернулся от Афуан и, чуть прихрамывая, подошел к Императору. Ро и Джим последовали за ним.

Оловиель прикоснулся к руке своего повелителя.

— Оран... — мягко сказал он.

Через несколько секунд Император медленно выпрямился и тепло улыбнулся.

— Оловиель! — сказал он. — Как хорошо, что ты так быстро пришел. Знаешь, я нигде не могу найти Вотана. Он недавно был здесь, и я могу поклясться, что дядя никуда не выходил, но его нет!

Император поглядел на паркет, на стену, на ковер и на игру света на потолке. Но его глаза ни разу не остановились на убитом.

— Я видел сон, Оловиель, — продолжал Император. — Это было сегодня ночью или, может быть, недавно... Мне снилось, что Вотан мертв. Галиан мертв и все мои Старкиены мертвы. И когда я пришел во дворец Тронного Мира, чтобы рассказать об этом Высокородным, я никого не встретил. Я был совсем один. А ведь это нехорошо?

— Пока я жив, я буду с тобой, Оран!

— Спасибо, — Император снова осмотрел комнату, и голос его стал тревожным. — Но я хотел бы знать, что случилось с Вотаном.

— Ему пришлось ненадолго уйти, — сказал Оловиель. — Он велел мне остаться с тобой, Оран, пока...

Оран улыбнулся.

— Ну, тогда все в порядке! — счастливо сказал он.

Император обнял Оловиеля за плечи и еще раз осмотрел комнату.

— А, да здесь Афуан... и маленькая Ро, и бесстрашный Дикий Волк, бывший, я бы сказал.

Улыбка Императора сменилась немного торжественным, немного грустным выражением.

— Ты ведь покидаешь нас, да?.. Джим, мне показалось, что ты так сказал недавно.

— Да, Оран. Мне надо идти.

Император кивнул.

— Да, я действительно это слышал. Я ведь иногда кое-что понимаю лучше любого Высокородного. Хорошо. Возвращайся на свою планету, Джим.

Рука Императора соскользнула с плеча Оловиеля. Он шагнул вперед.

— Ваш мир полон молодой энергии, Джим. А мы здесь очень устали, очень устали. С тобой и твоими Дикими Волками все будет хорошо. Я вижу, что ты знаешь. Иногда все передо мной... — желто-лимонные глаза Императора, казалось, заволокли туманом. — Да. Все хорошо. Что-то говорит мне, что ты оказал мне большую услугу. Мне бы хотелось утвердить усыновление. С этой минуты ты Высокородный, Джеймс Кейл. — Оран улыбнулся... — Хотя я не даю тебе ничего нового, ты имеешь все...

Император повернулся к Оловиелю:

— Что мне делать сейчас? — спросил он.

— Я думаю, отослать домой Афуан. Пусть она пока остается там.

— Да.

Принцесса взглянула на Оловиеля, неожиданно крикнула:

— Грязнолицая! Дикарь! Убирайтесь в кусты и размножайтесь там!

Джим хотел ее ударить, но Ро удержала его руку.

— Нет! — гордо сказала она. — Разве ты не видишь? Она ревнует! Ревнует!

Девушка взглянула на него.

— Я иду с тобой, Джим. Иду в твой мир.

— Да, — неожиданно согласился Император. — Это правильно. Так я все и видел. Да, маленькая Ро должна пойти с ним.

— Афуан! — резко скомандовал Оловиель.

Принцесса исчезла.

Джим покачнувшись на ногах и с трудом удержался.

— Идем быстрее, — проговорил он. — Я пришлю своих Старкиенов, Оловиель. Они должны охранять Императора, пока с колониальных миров не вернутся остальные. Если ты прикажешь им возвращаться немедленно, возможно, не все погибнут в ловушках Галиана.

— Я сделаю это. До свидания, Джим! — сказал тот. — Спасибо!

— До свидания, Джим, — сказал Император.

Землянин пожал руки Высокородным.

— Кстати, Адок, — сказал Император. — У тебя есть семья?

— Нет, — бесстрастно ответил Старкиен. — Мой сын вырос, а жена ушла в женское поселение.

— Хочешь пойти с Джимом?

— Я... — Адок запнулся. — Я... не привык хотеть чего-то... Я служу... Импе...

— Если я прикажу тебе сопровождать Джима и Ро и оставаться с ними до конца, тебе будет приятно? — спросил Оран.

— Да.

— Адок будет с тобой, — сказал Император. — Он тебе пригодится.

— Благодарю, Оран, счастливо, Оловиелы! — сказала Ро и взяла землянина под руку.

В ту же секунду они переместились на космодром.

Гарн стоял у входа, как часовой. Он быстро повернулся к Джиму.

— Рад видеть вас, сэри!

Все закружилось, закачалось, и Джим напряг все силы, чтобы не упасть. Как сквозь сон услышал, как Адок говорит адьютанту:

— Высокородный Вотан и принц Галиан убиты. Погибло три Старкиена. Высокородный Оловиель занял место Вотана. Вам надо немедленно явиться к Императору.

— Да! — подтвердил Джим.

— Есты! — Гарн исчез.

Внезапно они очутились на корабле. Ро, Джим и Адок. Джим чуть не упал. Девушка уложила его на подушку.

— Что... это... Адок?! — услышал он голос Ро, доносившийся из длинного коридора, по которому Джим неудержимо скользил в пропасть все быстрее и быстрее. Сделав огромное усилие, он представил космопорт Альфа Центавра и путь до Земли. Последнее усилие — дальше корабль отправится сам.

Джим не сомневался, что скоро они будут дома, на родной Земле...

Перестав сопротивляться, он почувствовал, что скользит, скользит вниз. Сил удержаться у него уже больше не было.

— Галиан ранил меня перед смертью, — тихо прошептал он. — Я умираю... Расскажи все... там на Земле... Скажи им все...

— Ты не умрешь! — Ро заплакала и обняла его. — Ты не умрешь! Ты не...

Но он уже падал в бездну и тьму.

3.

Когда Джим открыл глаза и стал видеть после долгого блуждания во тьме, он с трудом узнал образы и формы вещей, окружающих его. Ему казалось, что он восстал из мертвых. Но постепенно Джим стал лучше видеть, вернулись чувства. Он понял, что лежит на чем-то твердом, не на подушке, и что потолок белый с неприятным серым оттенком. И уж очень низкий.

С трудом Джим повернул голову и увидел небольшой столик, несколько стульев и больничный экран. Через ма-

ленькое окошко в дальнем конце струился солнечный свет. Он видел небо, голубое небо с белыми облаками. Джим лежал, смотрел на родное земное небо и пытался сообразить, что же произошло.

Он был на Земле, следовательно, по меньшей мере пять дней он был без сознания, но если это Земля, то почему он здесь? Где же Ро? Где Адок? Где корабль?

Он спокойно лежал и думал. Через полчаса он вспомнил о сожженном боку. Джим откинул простыню, задрал голубую пижаму и исследовал бедро. Даже шрама не было.

Джим чувствовал себя неплохо, но тело его ослабело, как будто он долго спал. На маленьком пластиковом столике стоял стакан с холодной водой и коробка с салфетками. Значит, это больница... Действительно, ведь он был ранен Галианом...

Джим продолжал осмотр помещения. Под верхней крышкой стола находилась вторая. Там был телефон. Он поднял трубку и прислушался, но никаких гудков не последовало. Набрал наудачу несколько цифр — ответа не последовало. Джим положил трубку на место и внезапно заметил у аппарата кнопку, рядом с которой значилось «СЕСТРА».

Он нажал на кнопку. Ничего не произошло. Подождав минут пять, он нажал на кнопку еще раз.

Дверь распахнулась, но вошла не девушка в белом халате, а мускулистый молодой человек, чуть полнее и пониже Джима, но с широкими плечами.

Он подошел к кровати, посмотрел на больного и взял его за левое запястье. Подняв кисть, он начал считать пульс Джима, наблюдая за электронными часами.

— Я здоров. Что это за больница? — спросил Джим.

Мужчина-санитар не ответил. Закончив считать, он положил руку больного на кровать и повернулся.

— Эй, подождите! — Джим сел.

— Лежать! — хрипло сказал человек и, выскочив из палаты, торопливо захлопнул дверь.

Джим откинул простыни и соскочил с постели быстро и уверенно. Подбежав к двери, он дернул за ручку, но пальцы только соскользнули по гладкому, неподвижному металлу.

Джим еще раз потряс ручку, потом отступил на шаг. Сначала он хотел стучать в дверь, пока кто-нибудь не придет, но, подумав, решил этого не делать.

Палата, в которой Джим находился, была похожа на помещение для буйных. Он подошел к окну, и это только подтвердило его опасения. Невидимая с постели толстая решетка закрывала солнце. Если у человека не было необходимых инструментов, он не мог ее взломать.

Под окном раскинулась зеленая лужайка, чуть дальше вздымались высокие сосны, закрывавшие горизонт.

Джим немного подумал и подойдя к постели, лег и укрылся простыней.

С терпением, которое стало его вторым я, он приготовился ждать...

Через несколько часов без предупреждения дверь открылась и вошел все тот же санитар. За ним следовал маленький пожилой человек с узким неприятным лицом и абсолютно лысым черепом, в белом врачебном халате. Он посмотрел на Джима.

— Все в порядке. Вы мне больше не нужны.

Санитар вышел и прикрыл дверь. Врач взял Джима за руку и сосчитал пульс.

— Да... — пробормотал он.

Врач отпустил руку Джима, откинул простыни, поднял вверх пихаму и исследовал его правый бок. Его пальцы нажимали то тут, то там, и внезапно Джим весь напрягся.

— Больно?

— Да, — спокойно сказал Джим.

— Гм... это интересно... если это правда...

— Доктор, со мной все в порядке?

— Да, все в порядке, — ответил врач, одернув пихаму и поправив простыни. — Но я не могу поверить. В вашем правом боку небольшая скважина...

— Во что вы не верите?

— Я не верю, что в этом месте у вас была выжжена огнем рана по меньшей мере двух дюймов в ширину и шести в длину, — сказал доктор. — Да, я видел по телевизору ваш корабль и мне немного рассказывала девушка, но я все равно не верю. Во-вторых, с такой раной вы умерли бы раньше, чем долетели до Земли. А в-третьих, там не осталось даже шрама. Вы никогда не убедите меня, что после большой раны не остается следов!

— А зачем вас убеждать?

— Не надо меня убеждать. Следовательно, на мне нет ответственности! Я могу только дать заключение — вы сейчас абсолютно здоровы. Я так им и передам!

— Им?

Врач устался на него.

— Доктор, — спокойно сказал Джим, — у вас обо мне плохое мнение, но это ваше дело. Но, кажется, не говорить пациенту, где он находится и кто в этом принимает участие, просто незачем! Вы говорили о девушке. Скажите, она не ждет сейчас за дверью?

— Нет, — сказал врач. — Что же касается ваших вопросов, я могу сказать, что вас сюда поместили люди из Мирового Правительства. Меня предупредили, чтобы я не говорил с

вами ни о чем, кроме вашей болезни. Лечение вам больше не требуется, следовательно, мне не о чем с вами больше говорить.

Он встал и подошел к двери, остановился и посмотрел на Джима.

— К вам пришлют человека, когда я доложу, что вы здоровы, и тогда вы сможете задать любой вопрос.

Он отвернулся и нажал на ручку. Но дверь была заперта. Тогда врач ударил по ней кулаком и закричал. Через минуту дверь осторожно открыли, и он проскользнул в щель. Щелкнул замок, Джим остался один.

На этот раз ждать пришлось недолго. Через 20 минут хлопнула дверь, и в палату вошел человек, лет на десять моложе врача, загорелый. Он был одет в серый костюм. Мужчина строго кивнул Джиму и сел на один из стульев у его кровати.

— Я — Даниель Вилькоксин, — сказал человек, — но, если хотите, можете называть меня Дэн. Правительство собирает комиссию по рассмотрению вашего дела. Я назначен адвокатом.

— А если мне не нужен адвокат?

— Тогда, конечно, я уйду. Но расследование не имеет ничего общего с судебным процессом. Судебный процесс начнется, если его разрешит комиссия. Так что сейчас адвокат вам, по существу, не нужен и вас никто не может заставить принять мои услуги. С другой стороны, если вы откажетесь от меня, другого адвоката комиссия вам скорее всего не предоставит. Ведь это не судебный процесс и формально адвокат вам не нужен.

— Понятно, — сказал Джим. — Разрешите задать вам несколько вопросов.

— Валяйте.

— Где я?

— Пожалуй, вот этого я не могу вам сказать. Это правительственная больница, в которой держат людей, если их дела требуют большой секретности. Я сам приехал сюда в закрытом автомобиле... Я ехал полчаса от здания Правительства, где находится моя контора.

— Где мой корабль? Где женщина и мужчина, сопровождавшие меня?

— Ваш корабль на правительственном космодроме, — сказал Вилькоксин. — Он окружен солдатами, которые держат любопытных далеко, на расстоянии примерно четверти мили, ваши товарищи пока на борту, и за это вы можете благодарить губернатора Альфа Центавра. Он на Земле. Когда правительство попросило их сойти, чтобы поместить туда ученых и охранников, губернатор отговорил их. Кажется, женщина, которую вы привезли, Высокородная? А губернатор прямо-таки дрожит

перед любым Высокородным. И я не могу упрекать его в... — Вилькоксин с интересом посмотрел на Джима. — Насколько я понимаю, Высокородные правят Империей?

— Да. Зачем меня держат здесь?

— Эта леди, Высокородная...

— Ее зовут Ро, — перебил Джим.

— Так вот, Ро встретилась с представителями Правительства, как только корабль приземлился. Там были высокопоставленные лица, так как губернатор Альфа Центавра, гостивший на Земле, сказал, что корабль принадлежит Высокородным. В конце концов Ро впустила их и рассказала впечатляющую историю. Там было и то, как вы на дуэли уложили принца императорской крови. Она сказала, что вам намного лучше, но не возражала, когда Правительство предложило поместить вас в земную больницу для лечения. Наверное, они сказали ей, что земные препараты быстрее поставят вас на ноги.

— Да, — прошептал Джим, — она неподозрительна...

— Да, — очевидно, все так и было. Девушка решила забрать вас и Комиссия начнет расследование, как только вы поправитесь. Как я понял, доктор уже дал положительную оценку вашему здоровью, поэтому предварительное слушание, вероятно, начнется утром...

— Что это будет за расследование?..

— Видите ли... в том-то и дело. Расследование не имеет ничего общего с судебной процедурой. Теоретически комиссия создана для того, чтобы получить информацию. В действительности, и я думаю, вы уже поняли это, они хотят открыть судебное дело, обвинив вас в предательстве и измене.

— Вы сказали «как я уже понял это», — повторил Джим спокойно. — Почему вы решили, что я должен ожидать нечто подобное, возвратившись на Землю?

— Но... — Вилькоксин на секунду умолк и быстро взглянул на Джима. — Когда вы вместе с Высокородными улетали с Альфа Центавра, на Землю вернулся Макс Холланд, который доложил, что вам наплевать на приказы и вы будете действовать по своему собственному плану и попытаетесь поднять на Тронном Море чуть ли не мятеж, и, естественно, Холланд скажет это завтра на комиссии. Разве вы не говорили этого?

— Нет. Я сказал, что буду руководствоваться только своими суждениями.

— Для комиссии это то же самое.

— Похоже на то, что ваша комиссия уже признала меня виновным... в чем там... в предательстве?

— Пожалуй, да. Тогда я буду вас защищать. И я бы не сказал, что мне все это нравится, опять-таки — как вашему защитнику. Вас выбрали из тысячи кандидатов, потратили много денег. Вас обучали лучшие

специалисты — и все это для того, чтобы вы могли вести наблюдения на Тронном Мире. Правительству надо было решить, действительно ли мы забытая часть Империи или мы развивались самостоятельно. Правильно?

— Да.

— Значит, вы согласны? Очень хорошо. Но если поверить рассказу Ро, вместо того чтобы вести спокойно наблюдения, вы заехали драку с Высокородными, как только вступили на борт корабля, и ранили одного. Потом вы и ваш телохранитель ввязались в какую-то придворную интригу, в которой погибли дядя Императора и его брат. Были убиты и охранники. Правильно?

— Данную ситуацию трудно понять, следуя только фактам. Они искажают картину.

— Вы хотите сказать, что Ро лгала? — требовательно спросил Вилькоксин.

— Я хочу сказать, что ее не так поняли, — ответил Джим. — Скажите, это она рассказала вам это или это просто пересказ?

Вилькоксин задумчиво поскреб свой подбородок.

— Это пересказ, — признался он, — но если человек, который все это мне рассказал, выступит так же убедительно на комиссии, то вам будет плохо.

— Значит, комиссия предубеждена против меня?

— Пожалуй...

Вилькоксин задумался, потом внезапно вскочил и зашагал взад и вперед по комнате.

— Скажу вам честно, я был не в восторге, когда меня назначили вашим адвокатом. Может быть, я и сам был немного предубежден. Я говорю так, не потому что вы переубедили меня, — торопливо сказал он. — Но, возможно, вы говорите правду!

Вилькоксин вновь сел у постели Джима.

— Ну что ж, давайте послушаем ваш рассказ. Итак, вы покинули Альфа Центавра.

— Я отправился на Тронный Мир, чтобы выяснить, посещали ли Высокородные нашу планету или нет. Все, что случилось там, было следствием моих поисков и наблюдений!

— И это все? — спросил Вилькоксин.

— Пока что да. Я выступлю перед комиссией и все подробно расскажу, если они, конечно, выслушают меня.

— Но вы же должны понимать, что без исчерпывающей информации я не могу быть полезным вам.

— Да, но если быть откровенным, я вам не доверяю. Пожалуйста, не поймите меня неправильно. Просто вы вряд ли поймете мой рассказ, не побывав на Тронном Мире.

— Да, но ведь... на Тронном Мире не побывал еще ни один землянин.

— Совершенно верно. Никто из землян не поможет мне, особенно когда Макс Холланд собирается свидетельствовать перед комиссией, которая уже заранее решила предать меня суду за измену.

— В таком случае я не могу быть вам полезен.

Вилькоксин вскочил и направился к двери.

— Подождите. Возможно, вы не поможете как защитник, но помогите мне как человек.

— Как?

Вилькоксин повернулся, но его рука лежала на дверной ручке.

— Начнем с того, что я попрошу вас считать меня невиновным, пока не будет доказано обратное.

Адвокат минуту постоял у двери, потом его рука упала и он медленно подошел к Джиму.

— Извините, ну хорошо. Что я могу сделать для вас?

— Видите ли, я думаю, вы можете завтра пойти со мной на заседание комиссии как мой защитник. А пока я буду рад, если вы ответите на несколько вопросов. Во-первых, почему комиссия, Правительство и весь народ так хотят обвинить меня в предательстве, когда я всего лишь вернулся живым с Тронного Мира и привез ценнейший звездолет, Высокородную и Старкиена? Я просто не понимаю, как это сочетается с мнением о моей измене. Конечно, есть Макс Холланд, который обвиняет меня во всех смертных грехах. Но если у них имеются только его показания, я думаю, беспокоиться нечего.

— Как вы не понимаете? — Вилькоксин нахмурился. — Все разговоры начались потому, что они боятся мести Высокородных, которые могут сделать с Землей все что хотят.

— Почему?

Адвокат даже поперхнулся.

— Может быть, потому, что дядя и брат Императора мертвы. Разве Империя не будет мстить за них?

Джим ухмыльнулся.

— Вам смешно!? — удивился Вилькоксин.

— Нет. Просто теперь я понял, почему меня решили обвинить в предательстве. Ведь, насколько я знаю, измена карается смертью.

— Иногда... но при чем здесь?...

— Боюсь, что не могу вам объяснить, — ответил Джим. — Скажите, вы не могли бы встретиться с Ро?

Вилькоксин покачал головой.

— Я попытался сделать это раньше, но мне не разрешили даже приблизиться к кораблю.

— А передать записку?

— Возможно, хотя я и не знаю, доставят ли мне ответ.

— Это не обязательно, — сказал Джим. — Она отдала меня земным врачам без протеста. Следовательно, Ро доверяла им. Отсюда вывод — она не знает, что собирается эта комиссия сделать со мной завтра... Ей надо рассказать о расследовании.

— Пожалуй да, — сказал Вилькоксин. Потом добавил: — Я передам ей все. Если не будет выхода, я позвоню завтра утром... они, несомненно, вызовут ее, чтобы она повторила рассказ для комиссии. Ро будет присутствовать на расследовании.

— Если вам удастся поговорить с ней вечером, я буду вам очень благодарен.

— Посмотрим. Но чем она вам поможет? Ведь она не даст других показаний.

— Я не это имею в виду.

— Но вы сказали, что ни один человек на Земле не может вам помочь. Следовательно, только она и еще тот мужчина могут выручить вас, — заметил Вилькоксин. — Разрешите мне предупредить вас, — продолжал адвокат, — они главные свидетели обвинения.

— Может быть, а может, и нет, — улыбнулся Джим. — Ведь вы забыли о губернаторе Альфа Центавра!

— Ах да! Я о нем не подумал. Вы правы, он заступился за Ро, когда девушка не захотела уходить с корабля. Возможно, он и вас защитит завтра... Если хотите, я свяжусь с ним.

— Нет, предоставьте его мне.

— Не понимаю, — прошептал адвокат. — Просто ничего не понимаю. Но я с вами! Что-нибудь еще?

— Нет. Извините, если сможете.

— Хорошо, — Вилькоксин вскочил, — я приду сюда за полчаса до того, как они соберутся отправить вас на комиссию. Таким образом, я поеду туда вместе с вами, не возражаете?

— Нет.

Вилькоксин подошел к двери, подергал за ручку и крикнул:

— Откройте!

Через несколько секунд дверь открылась — адвокат посмотрел на Джима.

— Спокойной ночи тебе, Джим. До завтра, дорогой.

— Благодарю.

Хлопнула дверь. Джим лег на кровать и закрыл глаза. На мгновение мозг затаил страх, но он быстро взял себя в руки и вскоре заснул. Он спал спокойно, как солдат перед боем.

Даниель Вилькоксин разбудил Джима ровно в 8.15. Вскоре они уже сидели в закрытом автомобиле, который мчался в Правительственный Центр.

Расследование началось в 9.00. Джим спросил адвоката, удалось ли ему поговорить с Ро. Вилькоксин кивнул.

— Мне не разрешили подняться на корабль, но я поговорил с ней по телефону, установленному на пограничном посту. Я задал ей множество вопросов, ответы на которые мне якобы были нужны для защиты, и передал ей все, что вы просили, так сказать, между строк.

— Хорошо, — сказал Джим.

После этого подсудимый не проронил ни слова и игнорировал все вопросы, заданные адвокатом. В конце концов Вилькоксин толкнул его локтем.

— Послушайте, ответьте же мне наконец! Через полчаса я теоретически должен вас защищать. Вы должны мне ответить! Не забываете, ради вас я связался с Ро, а это было непросто. Кроме полевого телефона, других способов связи с кораблем нет.

Джим взглянул на него.

— Правительственный Центр в девяти милях от космодрома. Верно?

— Но... Да... — удивленно ответил адвокат.

— Если бы я находился в Правительственном Центре, мне не понадобились бы ваши услуги, чтобы передать Ро всю информацию. На таком расстоянии я мог бы сам спокойно говорить с кораблем.

Вилькоксин недоверчиво посмотрел на него.

— Я говорю это для того, чтобы вы поняли — мне нет смысла терять драгоценное время на ответы, все равно вы их не примете, разве что поверите... Обвинения Макса Холланда и других меня абсолютно не интересуют. После того, как вы передали Ро информацию, я попрошу вас только об одном — сидите тихо и не мешайте мне думать.

Джим погрузился в раздумья, и Вилькоксин больше не мешал ему.

Они подъехали к зданию суда. Джима отвели в маленькую комнату, где он должен был ждать членов комиссии. Потом его и адвоката проводили в уже переполненный зал.

Их усадили за стол напротив приподнятой сцены, где должны были разместиться шесть членов комиссии. Джим увидел, что в первом ряду в стороне от толпы сидят Старк Якобсон — руководитель Проекта, тренировавший его перед экспедицией на Тронный Мир, Высокородная Ро, Макс Холланд. За ним он заметил несколько учителей рангом поменьше.

Ро поймала его взгляд, побледнела. Она выглядела взволнованной. Девушка была одета в простую белую тунику и юбку, не очень отличавшиеся от земных нарядов, но тем не менее она выделялась из окружающей толпы.

Глаза Джима привыкли к высокому росту, природной грации и красоте Бысокородных. Неожиданно земляне показались ему некрасивыми и маленькими...

Ро испуганно посмотрела на него.

На сцену вышло семь человек, и по залу пробежал взволнованный гул, так как вместе с людьми все увидели маленького коричневого человечка, который занял место рядом с Хейнманом, представителем могущественного Европейского Сектора.

Джим взглянул на губернатора и слабо улыбнулся. Тот взглянул на него печально и торжественно.

Все успокоились. Началось расследование.

— Пусть в записях будет отмечено, — сказал Хейнман в микрофон, — что губернатор Альфа Центавра любезно согласился присутствовать в зале на заседании комиссии, чтобы помочь расследованию опытом и знаниями.

Хейнман постучал по стеклу председательским молотком и велел официальному представителю правительства выступить и описать дело.

Представитель произнес прекрасную речь. Он тщательно избегал слова «предательство», но ухитрился выставить все в таком свете, что у публики не оставалось сомнения в том, что Мировое Правительство возбудит против Джима судебное дело по обвинению в измене.

Потом вызвали свидетеля Старка Якобсона. Его спросили, как Джима готовили к экспедиции на Тронный Мир и почему выбрали именно его.

— Джеймс Кейл, — спокойно ответил Якобсон, — был необычайно талантлив, физически он был великолепно развит. Ведь нам нужен был тореадор. К тому же Джим имел научные степени по химии, истории и антропологии, он показал себя знатоком в культурных и социальных науках.

— Не хотите ли вы сказать, — вмешался Хейнман, — что он выделялся?

— Он был яркой индивидуальностью, но, в конце концов, все они таковы, — сухо сказал Якобсон.

Руководитель Проекта был седым высоким датчанином. Ему было примерно 60 лет. Джим вспомнил, что Якобсон всегда отличался тем, что относился к нему с симпатией.

Якобсон продолжил:

—... это было одним из требований, которые мы предъявляли к избраннику...

И он по списку перечислил остальные требования. Все они подчеркивали хорошее физическое состояние, развитый ум, эмоциональное равновесие и широкий диапазон знаний.

— А как насчет эмоционального равновесия? — вновь вмешался Хейнман. — Не был ли Кейл несколько... скажем... антисоциальным? Не сторонился ли он людей? Не пытался ли он сделать все в одиночку?

— Да, — ответил Якобсон, — и опять-таки нам нужен был именно такой человек. Ведь он должен попасть в совершенно незнакомую обстановку и чужую культуру. Мы хотели, чтобы он был замкнут в себе, немногословен, насколько это возможно.

Якобсон не уступал. Хейнман задавал довольно коварные вопросы, но седой датчанин держался крепко. Он утверждал, что Джим был не менее и не более, а как раз таким человеком, которого и должны были послать по Проекту. Но речь Макса Холланда была откровенно враждебной.

—... остальные члены Проекта, — сказал Холланд, потушив тлеющую сигарету, — никогда не пошли бы на такой риск — ведь это угрожало всей Земле. Наш мир по сравнению с Империей — все равно что цыпленок по сравнению со слоном. Цыпленок так мал, что на него не обращают внимания и он в безопасности, разве что по ошибке попадает под ногу слона. Тогда у него нет никакой надежды! Мне кажется, что Проект в основном не удался и к тому же поставил нас под удар — мы можем попасть под ногу слона — Империи — из-за ошибок Кейла...

Холланд, как и Якобсон, был допрошен Хейнманом и другими членами комиссии, но в отличие от датчанина с удовольствием чернил Джима.

Холланд утверждал, что Джим был крайне антисоциален, вплоть до паранойи, эгоистичен и полностью уверен в своей непогрешимости. Потом очень холодно он пересказал содержание беседы в раздевалке под трибунами арены на Альфа Центавра, когда Джим сказал, что будет действовать самостоятельно.

— Вы считаете, — спросил Хейнман, — этот человек еще до отлета на Тронный Мир решил игнорировать задание Проекта?

— Да.

Холланд сел на место.

Следующей должна была выступать Высокородная, но ее просто попросили послушать магнитофонную запись ее рассказа о Джиме начиная с драки на корабле и заканчивая приземлением на космодроме Правительства.

Когда прозвучало последнее слово, Хейнман прокашлялся и наклонился, как бы намереваясь заговорить с ней. Но губернатор Альфа Центавра что-то прошептал ему на ухо, и представитель Европейского Сектора ничего не спросил.

Девушка была тут же отпущена комиссией.

Сидевший рядом с Джимом Вилькоксин до сих пор был абсолютно спокоен, но теперь он испугался и возбужденно сказал Джиму:

— Послушайте! Мы по крайней мере можем использовать право перекрестного допроса. Губернатор Альфа Центавра допустил ошибку, когда посоветовал Хейнману отпустить ее просто так. Вероятно, они проявили к ней внимание, но вам-то это ничем не поможет. Но даст показания в вашу пользу, и я уверен, что ее ответы произведут прекрасное впечатление.

Джим покачал головой, да и спорить уже не было времени — его вызвали. Хейнман рассказал немного о его личных качествах и аккуратно и быстро обошел этот скользкий вопрос.

— Возникли ли у вас когда-нибудь сомнения в правильности Проекта? — спросил он наконец.

— НЕТ.

— Но перед отлетом на Тронный Мир у вас, кажется, возникли все-таки такие соображения? — Хейнман перебрал рассыпанные листки и вскоре нашел нужные. — Вот, смотрите, мистер Холланд докладывает о разговоре на Альфа Центавра, я цитирую: «Макс, уже поздно вмешиваться. С данного момента я все решаю сам.» Это так?

— Нет.

— Нет? — Хейнман нахмурился.

— Я сказал не так, — ответил Джим. — «Мне очень жаль, Макс, но это должно было случиться рано или поздно. Проект в данной ситуации не может быть руководством. Теперь я буду следовать только своему суждению.»

Хейнман нахмурился еще больше.

— Не вижу никакой разницы!

— Пожалуй, ее не заметил и Макс Холланд. Но разница есть.

Джим чувствовал, как его изо всех сил дергают за рукав под столом.

— Полегче, — прошептал адвокат. — Полегче! Ради всего святого!

— Ах, значит вы ее видите? — ехидно спросил Хейнман.

Он посмотрел на членов комиссии.

— И вы отрицаете, что брали на Тронный Мир пистолет и нож, несмотря на возражения мистера Холланда?

— Нет.

Хейнман сухо откашлялся, вынул белый платок и вытер рот, затем спрятал платок в карман.

— Ну что ж, с этим, кажется, все.

Представитель Европейского Сектора вытащил листок из кипы бумаг и сделал отметку карандашом.

— Сейчас вы услышали рассказ мисс... Высокородной Ро о ваших действиях. Можете ли вы добавить что-нибудь?

— Нет.

И еще раз он почувствовал, как его дергают за рукав. Джим не ответил адвокату ничего.

— Никаких замечаний, — проговорил Хейнман, — то есть вы не хотите объяснить свои поступки на Тронном Мире, абсолютно противоречащие программе Проекта?

— Этого я не говорил, — возразил Джим, — рассказ Высокородной Ро правдив. Но вы неправильно поняли его. Так же ошибочно и ваше глубокое убеждение, что мои действия на Тронном Мире шли вразрез с Проектом.

— В таком случае, я думаю, вам лучше все объяснить, как вы считаете, мистер Кейл, — сказал Хейнман.

— Я все время и пытаюсь сделать это.

Ответ Джима заставил председателя комиссии покраснеть, но он решил не обращать внимания на вызов. Хейнман махнул подсудимому рукой, приглашая его продолжать.

— Объясняю достаточно просто. Высокородные Империи Тронного Мира, я уверен, губернатор Альфа Центавра со мной согласен, высшие существа не только по сравнению с низшими расами колониальных миров, к которым относится сам губернатор, — Джим взглянул на маленького человечка, но тот явно не хотел смотреть на него, — но и по сравнению с людьми Земли. Следовательно, какие бы тщательные планы ни подготавливались нами, все равно они не смогли бы правильно направить мои действия в абсолютно чужой культуре, где самый заурядный человек в сотни раз выше гениев Земли. В самом начале я понял, что мне придется приспособливаться к ситуации на Тронном Мире соответственно обстоятельствам и самостоятельно принимать решения.

— Но вы не сказали об этом, когда обучались, — перебил его Хейнман.

— Да. Если бы я об этом сказал на ранних стадиях обучения, меня безусловно бы заменили.

Вилькоксин дернул Джима за рукав.

— Ну конечно, конечно, — вежливо согласился Хейнман. — Продолжайте, мистер Кейл.

— Следовательно, — спокойно сказал Джим, — прибыв на Тронный Мир, я понял, что отстаивать интересы Земли можно только в окружении Императора. Император был сумасшедшим. Его брат Галиан организовал заговор, чтобы стать его советником, фактически властелином Империи, вместо Вотана — дяди Императора. Для этого нужно было уничтожить Старкиенов и Вотана. Потом Галиан легко бы занял место Вотана и удержал бы полный контроль над Тронным Миром и Империей. И

он, конечно, хотел создать новых Старкиенов, преданных уже не Императору, а советнику. Что такое Старкиены? Это специально выведенные люди, созданные контролем над генами. Их рождаемость контролируется веками — и Галиан знал, что вывести новую расу воинов и телохранителей он может в течение двух поколений, если у него будет сырьевой материал. И этот материал он собирался брать с... Земли!!!

5.

Прошла секунда после речи Джима, прежде чем слова его дошли до сознания земной аудитории. Но реакция была драматичной.

Председатель даже вскочил с кресла, остальные члены тоже.

— Что это значит, мистер Кейл? — требовательно спросил Хейнман. — Вы обвиняете принца Галиана, которого убили, в том, что он хотел изменить нас генетически и превратить в... тупых и верных телохранителей?

— Я его не обвиняю, — ответил Джим абсолютно спокойно. — Я просто констатирую факт. Он сам все рассказал мне. Я не думаю, что вы его поймете, — первый раз за все время в голосе Джима послышалась ирония, — но Высокородные Тронного Мира одобрили бы эту идею. Ведь в конце концов низшие расы колониальных миров веками были слугами Высокородных. А мы знали еще меньше. Мы для них — Дикие Волки, дикие мужчины и женщины!

Хейнман что-то прошептал губернатору Альфа Центавра. Джим стоял молча, пока их беседа не закончилась. Председатель Европейского Сектора снова повернулся к подсудимому.

— Немного раньше вы обронили замечание, — сказал он, — что Высокородные Тронного Мира — высшие существа. Как это сочетается с бесчеловечными планами, которые вы приписываете принцу Галиану? Не говоря уже о том, что он планировал занять место советника Императора, убив своего дядю? И затем место Императора. Даже губернатор Альфа Центавра согласен с вами, что Высокородные выше нас, следовательно, как же мог такой цивилизованный человек, как принц Галиан, планировать такие варварские убийства?

Джим рассмеялся.

— Я все-таки думаю, что ни вы, ни члены комиссии не понимаете социальных отношений между Высокородными и низшими расами. План заговора против Императора с точки

зрения любого Высокородного был вершиной предательства и злодейства. Но в то же время любой Высокородный сказал бы, что мы должны быть счастливы, ибо нас удостоил внимания принц крови. Ведь сделав нас Старкиенами, он избавил бы нас от болезней и мы стали бы здоровой, всегда довольной, объединенной расой.

— Вы хотите сказать, мистер Кейл, — произнес Хейнман, — что на Тронном Море вы действовали на благо не только Императора, но и землян? Так?

Хейнман требовал честного ответа.

— Да! — ответил Джим.

— Я бы хотел вам поверить, но мне кажется, вы хотите, чтобы мы слишком многое приняли без объяснений. Например, как вы узнали о планах принца Галиана? Ведь он, наверное, держал их в строжайшем секрете.

— Вы правы. Некоторые дворяне колониальных миров, — Джим взглянул на губернатора Альфа Центавра, — должны были знать о его планах уничтожения императорских Старкиенов. Принцесса Афуан и Мелиес, господин над слугами, вероятно, знали остальные части плана. Но Галиан был хитер.

— Ну а как о них узнали вы? — спросил маленький толстый член комиссии, которого Джим не запомнил.

— Я антрополог. Я изучаю человеческие культуры во всех их проявлениях и вариантах. Существует определенный предел для человеческой культуры вне зависимости от ее развития. Социальные отношения знати на колониальных мирах были скопированы с Тронного Мира. Высокородные говорили, что это самый высокий уровень культуры. Фактически и Высокородные, и подражавшие им дворяне колониальных миров были разделены на маленькие группы и искусственные клики, подобные «нойо».

Джим остановился и подождал, пока его спросят, что такое «нойо». Спросил его об этом Хейнман.

— Французский атомолог Жан-Жак Петтер дал термин «нойо» обществу, раздираемому внутренними противоречиями. Несколько позже Робер Ардлей охарактеризовал данное понятие как «соседство территориальных властителей, связанных дружеско-враждебной зависимостью». Примером «нойо» является обезьяна Каллицебус. Каждая семья Каллицебус проводит свободное время, угрожая владениям другой семьи. Все это, заменив территорию властью, а угрозы — интригами, можно отнести и к обществу Тронного Мира. Единственным исключением из «нойо» была Ро и подобные ей Высокородные. Они отстали от других Высокородных по физическим данным. Словам Ро не придавали значения, и зря!

Минута молчания... потом Хейнман заговорил:

— Раньше вы сравнивали Высокородных с богами, а теперь — с обществом обезьян. Как это понять? Ведь не могут они быть и теми и другими?

— Почему же, — ответил Джим, — Ардлей утверждал: — «Нации дают героев, а «нойо» — гениев». Но в данном случае был обратный процесс. Гении создали общество — «нойо». Обезьяны Каллицебус живут, так сказать в утопии. На деревьях есть и пища, и питье. Высокородные Тронного Мира создали для себя утопию, ведь их технология заботится о выполнении малейшего желания. Естественно, в таких условиях они когда-нибудь ослабнут и станут добычей человеческих рас колониальных миров, положение которых намного хуже. Это — исторический переворот общества.

— Но ведь с Высокородными так не получилось?

— Да, им удалось создать нечто уникальное — вечную аристократию. Империя начала с того, что собрала на планете лучшие умы, и впоследствии эта планета стала Тронным Миром. Но и тогда продолжали приезжать туда самые талантливые люди колониальных миров. Приток свежей крови, понимаете? Кроме того, аристократия Тронного Мира заставила каждого Высокородного знать все о технологии Империи. Другими словами, Высокородные не просто гении — они знающие гении! Девушка Ро, которая сейчас сидит рядом с вами, если вы дадите ей время, материалы и орудия производства, сможет создать на Земле всю технологию Империи.

Хейнман нахмурился.

— И все же я не вижу связи между ними и «нойо».

— Бесконечно обновляющаяся вечная аристократия ведет счет инстинктивному процессу человеческой эволюции, — продолжал Джим. — В результате создается исключительная искусственная ситуация, при которой происходит социальная, а следовательно, и индивидуальная революция. Такая аристократия, если не будет уничтожена снаружи, просто разрушит сама себя. У Высокородных когда-нибудь обязательно наступит упадок.

Губернатор наклонился и что-то настойчиво зашептал Хейнману, но тот отстранил его рукой.

— Как только я понял, то решил: зерна разрушения уже посеяны. Свидетельством упадка служила культура «нойо», до которой деградировали их общественные отношения, — Джим все время внимательно смотрел на губернатора. — Вероятно, через несколько веков Империя станет разваливаться и тогда Высокородным будет уже не до Земли. К счастью, я узнал о планах Галиана, который хотел захватить власть. Не все Высокородные были удовлетворены «нойо». Некоторые индивидуалисты,

как Галиан, Оловиель, Воган, жаждали действия и настоящего риска. Игра в Пункты не была их призванием. Галиан был особенно опасен. Как их Император он был сумасшедшим, но дело в том, что принц мог применить это, в отличие от брата. У Галиана были большие планы относительно Земли. Он бы втянул нас в гибель Империи.

Джим замолчал. Внезапно ему захотелось взглянуть на Ро и посмотреть, какое впечатление произвели на нее эти слова, но он не осмелился.

— Итак, — заключил он, — передо мной стояла ясная цель — остановить или уничтожить Галиана. И я сделал это.

Члены комиссии, губернатор, публика — никто не проронил ни слова. Все ждали продолжения речи Джима. Наконец Хейнман сказал:

— Мы внимательно выслушали ваши объяснения. Вы сделали все, чтобы спасти Землю от сумасшедшего. Но как вы могли все узнать? Не понимаю...

— Я скажу вам, — сказал Джим и мрачно улыбнулся. — Я нашел в их архивах сведения, что Земля все-таки была колонизирована экспедицией Империи и там было несколько Высокородных. И... — он заколебался, но внезапно выговорил медленно и спокойно:

— Я ИЗГОЙ ВЫСОКОРОДНЫХ-ЗЕМЛЯН. ИЗГОЙ БОЛЕЕ ЗДОРОВОЙ И РАЗВИТОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И АРИСТОКРАТИИ. И ТОЛЬКО ПОЭТОМУ Я СМОГ УБИТЬ НА ДУЭЛИ ГАЛИАНА. МОЙ РОСТ ОСТАНОВИЛИ ЗДЕСЬ НА ЗЕМЛЕ, КОГДА МНЕ БЫЛО ВСЕГО ДЕСЯТЬ ЛЕТ!

Джим повернулся и посмотрел прямо на губернатора.

Коричневый человек застыл, рот его был слегка приоткрыт, маленькие глазки испуганно моргали.

Джим почувствовал, что аудитория симпатизирует ему, но внезапно симпатия сменилась недоверием.

— Высокородный? Вы? — удивился Хейнман.

Было похоже, что председатель спрашивает сам себя. Но вскоре он взял себя в руки и успокоился. Представитель Европейского Сектора вспомнил, кто он!

— В это трудно поверить! — сказал Хейнман, и в его словах прозвучала ирония. — Чем вы можете доказать это?

Джим показал на губернатора Альфа Центавра.

— Он хорошо знает Высокородных. Он видел меня на Тронном Море. Он знает многое. Поверите ли вы в его свидетельство?

— Я думаю, да! — сказал Хейнман и громко спросил:

— Мистер Кейл утверждает, что он — Высокородный. Как вы считаете, губернатор?

Губернатор взглянул на Джима, он хотел что-то сказать, заколебался и через минуту заговорил, искажая земные слова:

— Нет... нет... он не Высокородный! Он не может быть Высокородным! Нет... НЕП

Позади Джима раздался тысячный вздох разочарованной публики. И тогда Джим медленно встал и скрестил руки на груди.

— Сядьте, мистер Кейл! — крикнул Хейнман.

Но Джим не обратил на его слова ни малейшего внимания.

— Адок! — громко позвал он. Перед ним возник Старкиен. Его могучее тело слегка блестело при электрическом свете, на нем выделялись белые полосы энергетических лент.

Аудитория снова вздохнула, на этот раз с трепетом. Наступила тишина.

— Адок, — спокойно сказал Джим. — Видишь стену? Открой ее. Без шума, без повышения температуры, без обломков. Сделай все аккуратно. Исполни!

Адок чуть повернулся к стене, которую показал Джим. Внезапно вспыхнул белый свет, ослепительный огонь и раздался хлопок. В стене зияло отверстие неправильной формы, десяти футов в высоту и пятидесяти в длину, с гладко закругленными краями, как будто камень расплавился.

По голубому небу плыли маленькие облака, и Джим сказал:

— Пусть небо будет чистым!

Раздалось пять глухих ударов, и небо стало чистым.

Подсудимый медленно поднял руку и указал на губернатора Альфа Центавра.

— Адок... — начал он.

Маленькая коричневая фигурка внезапно прыгнула со сцены и, подбежав к Джиму, упала на колени и попыталась поцеловать ему ладонь.

— Нет-нет, Высокородный! — на языке Империи воскликнул губернатор. Потом он в полном отчаянии перешел на английский.

— Не-е-е-т!

Его голос гремел в оглушительной тишине зала.

— Я ошибался! Он — Высокородный! Говорю вам, он — Высокородный! — губернатор почти визжал.

Члены комиссии с ужасом и недоверием смотрели на него.

— Нет! Нет! — кричал губернатор. — Говорю так не потому, что указали на меня. Нет! Это из-за Старкиена! Вы не понимаете! Старкиены подчиняются только Императору и Высокородным! Я ошибался! Это правда! Он действительно Высокородный! Вы должны обращаться с ним как с Высокородным!

— ОН — ВЫСОКОРОДНЫЙ!

Зарывав, губернатор повалился на пол.

Джим почувствовал, как кто-то пожал его руку. Обернулся и увидел Ро.

— Да, действительно, — сказала Высокородная. Она говорила на английском языке, правильно, но по-своему строя фразы. — Я Высокородная и я вам говорю, что Джим тоже. Император усыновил его. ДЖИМ рисковал жизнью, и он привел меня и Адока, чтобы мы помогли вашему народу когда-нибудь взять наследство Империи.

Она указала на губернатора.

— Этот человек, должно быть, участвовал в заговоре Галиана, он послал с Земли камень от имени Джима. Но это был не камень, а фокусирующее устройство, проецировавшее на Вотана голубой цвет. И Император, подумав, что он видит перед собой Голубого Зверя своих кошмаров, испугался и приказал убить Вотана. Галиан так и планировал. Я думаю, губернатор вам и предложил судить Джима.

— Я лгал... я сказал, что принцесса Афуан скоро сметет Высокородного Оловиеля и будет мстить Земле за то, что сделал на Тронном Мире Джим... — простонал губернатор, закрывая лицо руками. — Но я ошибался... ошибался! Он — Высокородный... Я был не прав... не прав...

Лицо Хейнмана было похоже на лицо человека, только что вышедшего после долгого скитания из темного туннеля к дневному свету, настолько яркому, что приходилось щурить глаза.

Джим хмуро и спокойно посмотрел на представителя Европейского Сектора Совета:

— Надеюсь, теперь вы понимаете, почему Империю нельзя было допустить на Землю любой ценой!

СОДЕРЖАНИЕ

МЭРИ СТЮАРТ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОТ

Пролог.	ПРИНЦ МРАКА	7
Книга I.	ГОЛУБЬ	9
Книга II.	СОКОЛ	80
Книга III.	ВОЛК	147
Книга IV.	КРАСНЫЙ ДРАКОН	207
Книга V.	ПРИШЕСТВИЕ МЕДВЕДЯ	261
Легенда о Мерлине		311
Примечание автора		314

ГОРДОН ДИКСОН

ДИКИЙ ВОЛК

ЧАСТЬ I	319
ЧАСТЬ II	348
ЧАСТЬ III	383

МЭРИ СТЮАРТ
ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОТ
ГОРДОН ДИКСОН
ДИКИЙ ВОЛК

Перевод с английского

Гл. редактор – С. Прасолов
Технический редактор – Н. Богданова
Корректоры – Л. Неворова, Ж. Борисова
Художник – С. Голышкин

Сдано в набор 30.11.92. Подписано в печать 21.12.92. Формат 60×88/16. Печ. л. 26
Усл. печ. л. 25,48. Уч.-изд. л. 31,49. Усл. кр.-отт. 41,52. Печать офсетная
Гарнитура «Centuri». Бумага типографская. Тираж 50000 экз. Заказ 1037.

Издательство «Змей Горыныч»
Москва, Подсосенский пер., 8-42. Тел. 297-96-02.

Оригинал-макет подготовлен в компьютерном центре ИПФ «Змей Горыныч»

